Українська Академія Архітектури

Національна Спілка Архітекторів України

Київський Національний Університет Будівництва та Архітектури

Пречудовим архітектам і завжди квітучому
та багатостраждальному від їхніх витівок Києву присвячується

Борис Єрофалов-Пилипчак

АРХІТЕКТУРА НЕЗАЛЕЖНОГО КИЄВА

СТОРІНКАМИ АРХІТЕКТУРНОГО ЧАСОПИСУ А.С.С | А+С

А+С | 2020

УДК 72.01; 711.1
Е78

Єрофалов-Пилипчак Б. Л.

Е78 Архітектура незалежного Києва. Сторінками архітектурного часопису А.С.С | А+С. Том ІІ. Майстри бетону та гіпсокартону. — К.: А+С, 2020. — 832 с., іл.

Роботу присвячено архітектурі Києва років Незалежності України. Використано переважно матеріали, опубліковані в архітектурному часописі А.С.С | А+С. Книга складається з трьох розілів. В перший том увійшли: «Розділ І. Доба пост-пост» і «Розділ ІІ. Дуже великі проекти»; другий том: «Розділ ІІІ. Майстри бетону та гіпсокартону». В першому розділі розглядаються пролегомени і основні проблеми періоду, містобудівні та стильові особливості доби, інтерв'ю з головними архітекторами Києва, перипетії створення і життя архітектурного журналу тощо. Другий розділ знайомить із визначними, так би мовити, знаковими проектами. В третьому представлені персоналії — архітектурні бюро та їх керманичі, інтерв'ю з провідними майстрами та їх наробок. Стане в нагоді справжнім киянам та небайдужим архітектури.

Рецензент Народний архітектор України, професор М. М. Дьомін
Рекомендовано до друку Президією Української академії архітектури протокол № 7 від 7.09.2020.

© Б. Л. Єрофалов-Пилипчак, 2020
© А+С 2020

ISBN 978-617-7533-XX-X

МАЙСТРИ БЕТОНУ ТА ГІПСОКАРТОНУ

Т О М

II

ЗМІСТ

Передмова до другого тому 8

Розділ III. МАЙСТРИ БЕТОНУ ТА ГІПСОКАРТОНУ

3|1. Київський модернізм 11
Володимир і Наталія Шевченко, Валерій Лінков, Костянтин і Максим Хорошавіни, Ігор Писарець, Сергій Добров, Валентин Штолько, Віктор Горбонос, Євген Ісаков, Георгій Хорхот, Тетяна Гнездилова та династія, Валентин Єжов та династія, Віктор Зотов, Петро та Лідія Красильникови

3|2. Архітектурне ретро. 59
Английская готика. Готика. Украинское барокко. Бидермайер. Венский ренессанс. Неоренессанс. Ар-нуво. Ар-деко. Греческая традиция

3|3. Сакральна архітектура 103
Юрій Лосицький, Алла Аніщенко, Валентин Ісак, Микола Левчук, Микола Жаріков, Тимофій Бадаянц, Олександр Комаровський, Сергій Штуков, Віктор Ліхно, Станіслав Снєжкін, Аркадій Дубік, Вадим Жежерін, Юрій Бабич, Володимир Ануфрієнко, Юрій Бородкін, Валентин Штолько, Лариса Скорик, Янош Віг, Юрій Серьогін

3|4. Ігор Александрович і стилізації 169
Александрович & KramaII. Вознесенскии Яр. Дім на Боричевому току. Офісний центр на Спаській. Мультикомплекс на Оленівській. Готель не Печерську. «Астарта» на Подолі

3|5. Майстерня 330 Дмитра Антонюка. 191
Антонюк и заграница. Музей Малевича. Дом на Нивках. Мастерская № 330

3|6. Бабушкін та його команда 207
Архітектор Бабушкін. Настоящий бум впереди. Дом над Дворцом. Скейтинг-ринк. «Гулливер» на Спортивной площади. Готель Інтерконтиненталь. Бабушкин и высотное строительство. Небоскреб-Тризуб. Небоскреб на Майдане. Бизнес-центр «Парус». Восклицательный знак Левобережья. Сиамские близнецы

3|7. Ар-деко Юрія Бородкіна 251
Ретроспектива. Ар-деко на Печерске. Оптимальная высота. Банк «Аркада» на Ольгинской

3|8. Локальний пластицизм Яноша Віга 287
КТАМ «Я. Виг». Резиденция посла Туркменистана. Верхний город: старое и новое. Небоскреб на площади Мира. О высотном строительстве

3|9. Київські пасажи Вадима Жежеріна 325
Их было не так много, как сейчас

3|10. Заплатніков в країні чудес 365
Свой среди чужих, чужой среди своих. Архитектурный лофт над Пейзажкой. Корабельный стиль: Голландское посольство на Подоле. Без стилизации в контексте. Интерьер с колонной от Лооса. Promenada Center. Партизан-клуб в Обухівському лісі. Двоє дожів під Києвом

3|11. Нова хвиля Валерія Книша 421
Новая волна от Украинского центра ИММ. О терниях и волчцах. архитектурного хулиганства. Еще раз о хулиганстве, или Как нам обустроиться. Причуды архитектора

3|12. Ретроспектива Олександра Комаровського 451
ТАМ «А. Комаровский». Майдан: другой город. Ретроспектива

3|13. Архітектура та графіка Віктора Кудіна 477
ТАМ «Кудін». Молчание вслух. Дом Фрэнк. Київський клуб карикатуристів АРХІГУМ: 1917–2017. Разговор главного редактора с мастером

3|14. Лосицький і реставрація 517
Архитектурная мастерская «Ю. Лосицкий». Никола-на-воде. Владимирская горка. Панорама «Голгофа». Рождественская на Почтовой. Будинок на Десятинній. Сходи до «Нижнього Володимира». О зодчестве, лишь зодчему понятном

3|15. Петро Маркман, або Просто клубень 559
Ad Hoc Creative Groups. Пётр Маркман: Человек-клуб, или Просто клубень. Тайм-шер класса люкс. Верблюды на ЦСД «Дивосвіт»

3|16. Міський контекст Андрія Пашенька 587
Архитектурная мастерская Пашенько. Отель «Рэдиссон». Гольф-центр на Наталке. ЖК Rivera Riverside. Новопечерские Липки. Альта-центр. Гостиница Holiday Inn. Сенной рынок IQ Business Center. Crystal Park. Выдубицкое озеро. Океан-плаза

3|17. Юрій Серьогін: Спортивний архітектор 619
Спортивный архитектор. Градостроительный комплекс «Мытэцький». Концепция развития КНУКИМ. ЖК на Левобережной. Мандарин-плаза. НСК Олимпийский

3|18. Олег Слєпцов і сто церков 677
Архитектор, художник, музыкант. Слепцов и украинский архитектурный процесс

3|19. Володимир Смірнов та архітектура в стилях 713
Десять вопросов Владимиру Смирнову. Красивые вещи и никакого авангарда! Реконструкция vs Реставрация

3|20. Органічна концепція Віктора Ширяєва 773
Архитектор Ширяев. Город как живой организм. «Ильинский» на Подоле

3|21. Вокзали та хмарочоси Сергія Юнакова 791
Юнаков и династия. С вокзалом по жизни. Южный вокзал. Зачем вверх. Высотка в Доме Проектов. Бест-Олвис, или Chicago. Горизонтальный небоскреб. Новая Привокзальная. На днепровских склонах. Yunakov | Architecture | Construction

Післямова 828

ПЕРЕДМОВА
ДО ДРУГОГО ТОМУ

Другий том «Архітектури незалежного Києва» другим томом запланований не був. Якось так вийшло, що задумані тисяча двісті сторінок монотематичної книжки обернулися на тисячу шістсот, бо архітектурна книга — це майже як книжка з картинками для дітей — виросла за рахунок візії. Але нема лиха без щастя, підсумкові два вісімсотсторінкові томи справді зручніші для руки та читання.

II том містить третій розділ однієї цілісної праці. Цей розділ присвячено персоналіям, майстрам, на яких в архітектурному журналі A.C.C | A+C вистачило матеріалів на свого роду досьє. Тобто окрім вартих уваги проектів були наявні тексти. Адже архітектура тільки тоді й стає архітектурою, коли про неї починають говорити, коли вона знаходить своє віддзеркалення, понятійний контекст.

Таких артикульованих персон набралось вісімнадцять. Вдивляючись в їхні портрети, можу сказати, що я їх всіх люблю. Кожен яскрава індивідуальність, у кожного свій підхід до теми, свій шлях, свій творчий профіль. З ними пов'язані різні періоди життя, робочі і необов'язкові історії, розмови, суперечки і навіть пароксизми творчого екстазу. Озираючись на тридцять минулих років, відчуваєш їх представниками єдиної родини. Цехове? Сімейне? Особисте? Не знаю. Але вони — це дійсно доба. Доба, що трапляється, та на її місце приходить інакша, з бородою, на самокаті, з бананами-навушниками у вухах.

Не сумніваюсь, що крім вісімнадцяти, достойників значно більше. Тому відкривається том, так би мовити, збірними тематичними главами, що презентують архітектуру модерну, архітектуру ретроспективну і новий старий жанр — сакральне зодчество. У такий спосіб ми значно розширюємо шафу з полицями для архітектурних персоналій, картинка складається калейдоскопічна і виразна.

У автора не дійшло до запаморочення від успіхів. Не має його бути і в архітектів, бо шлях довгий, ворог підступний, Київ вічний, а Бог на небі.

III

МАЙСТРИ БЕТОНУ ТА ГІПСОКАРТОНУ

3|1

КИЇВСЬКИЙ МОДЕРНІЗМ

ВОЛОДИМИР І НАТАЛІЯ ШЕВЧЕНКО

ВАЛЕРІЙ ЛІНКОВ

КОСТЯНТИН І МАКСИМ ХОРОШАВІНИ

ІГОР ПИСАРЕЦЬ

СЕРГІЙ ДОБРОВ

ВАЛЕНТИН ШТОЛЬКО

ВІКТОР ГОРБОНОС

ЄВГЕН ІСАКОВ

ГЕОРГІЙ ХОРХОТ

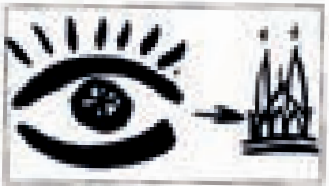
ТЕТЯНА ГНЕЗДИЛОВА ТА ДИНАСТІЯ

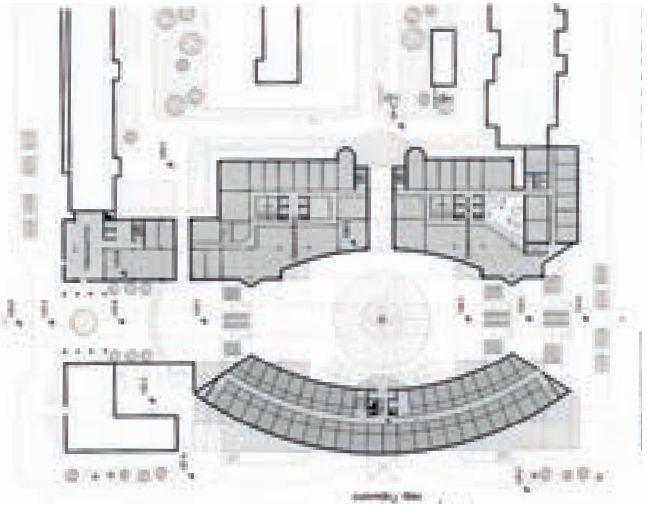
ВАЛЕНТИН ЄЖОВ ТА ДИНАСТІЯ

ВІКТОР ЗОТОВ

ПЕТРО ТА ЛІДІЯ КРАСИЛЬНИКОВИ

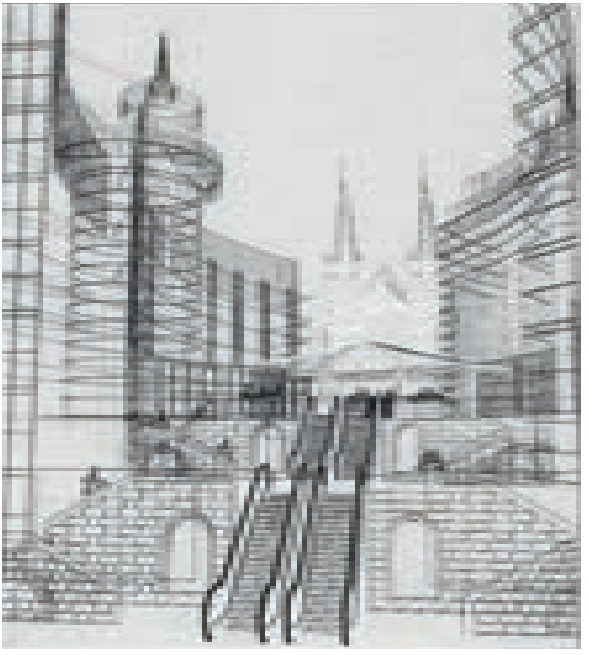
ОТЕЛЬ «ПЕРСПЕКТИВА»





Конкурсный проект четырехзвездочной гостиницы и торгово-офисного центра предполагает образование многоуровневой «рыночной площади» у готического собора по аналогии с историческими центрами европейских городов, с многофункциональной начинкой и богатым архитектурным пейзажем.

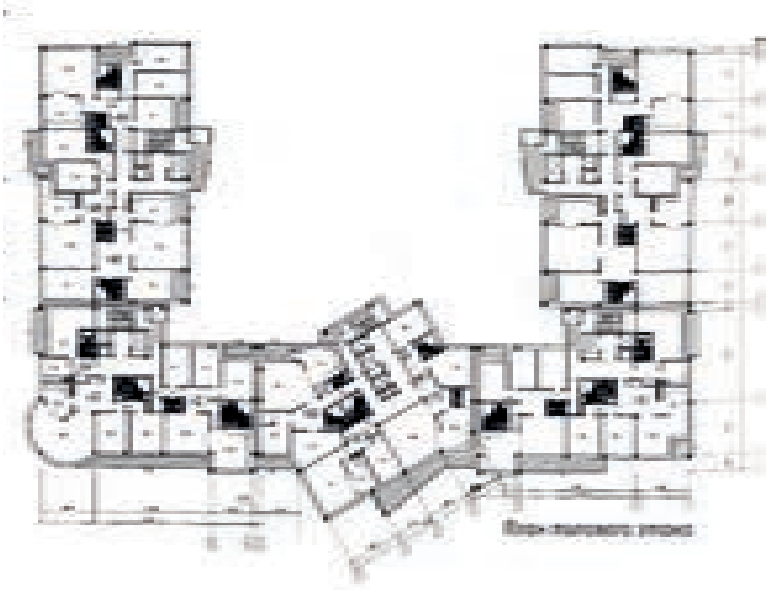
А.С.С № 6 '2000



Коммерческо-гостиничный комплекс, пер. Горького 7

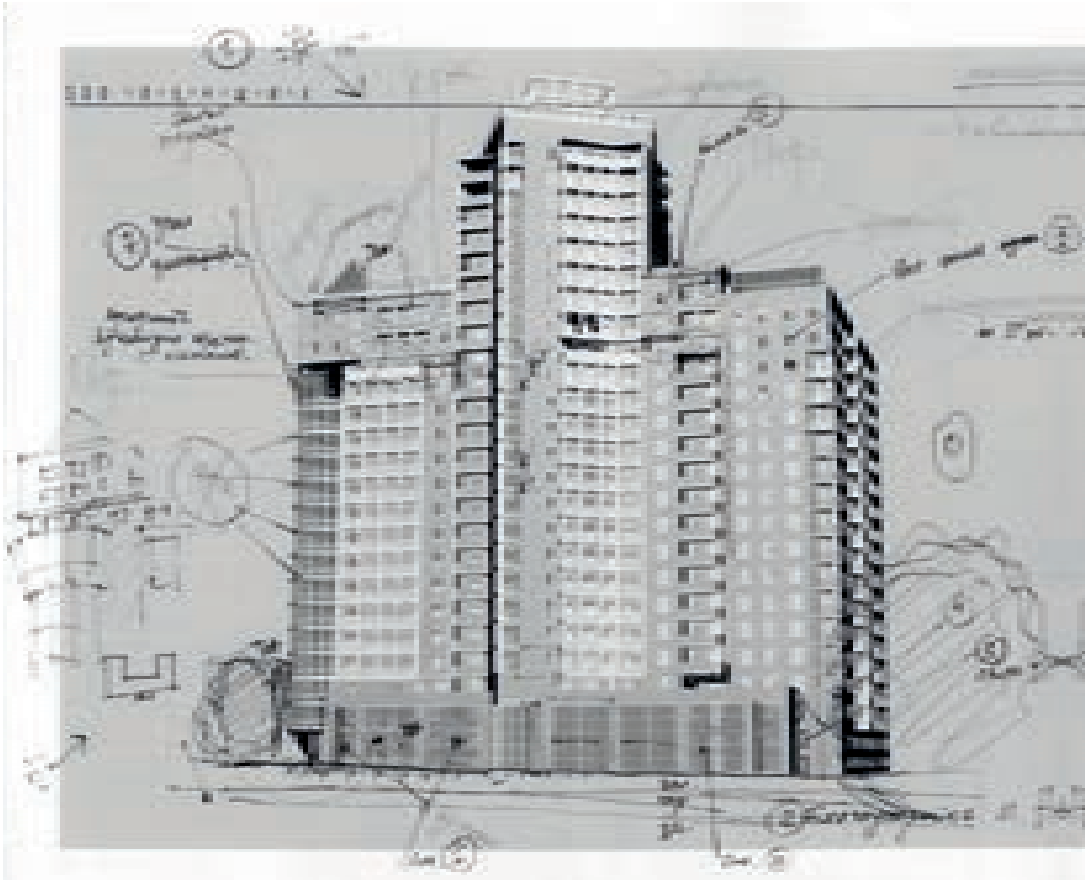
архитт. Владимир и Наталья Шевченко, Игорь Горбунов, Татьяна Макарина, проект, 1998

ДОМ НА КОВПАКА 17



Оригинальное архитектурное решение дома XXI века в районе Большой Васильковской. Здесь применены энергосберегающие стеновые материалы, предусмотрены автономное теплоснабжение и поквартирный учет энергоресурсов, устроено автоматическое пожаротушение. На каждом этаже расположено всего две–три комфортабельных квартиры. В первых этажах разместятся магазины, офисы, медицинский пункт и тренажерные залы. Внушительные горизонтальные размеры комплекса задают новый градостроительный масштаб всей южной оконечности центра Киева.

А.С.С № 6 '2000



Жилой комплекс по ул. Ковпака 17

архит. Валерий Линков, констр. Рафаил Файнберг, проект, 1998

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЦЕНТР

И впредь А.С.С будет публиковать острые, конфликтные, неудобные студенческие проекты — этого права нас не лишит никто. Как не лишит и права публиковать отклики на них. Поработаем вместе, дорогой читатель? Раз вас задело, значит и нам хорошо: самое время раскрыть старый журнал.

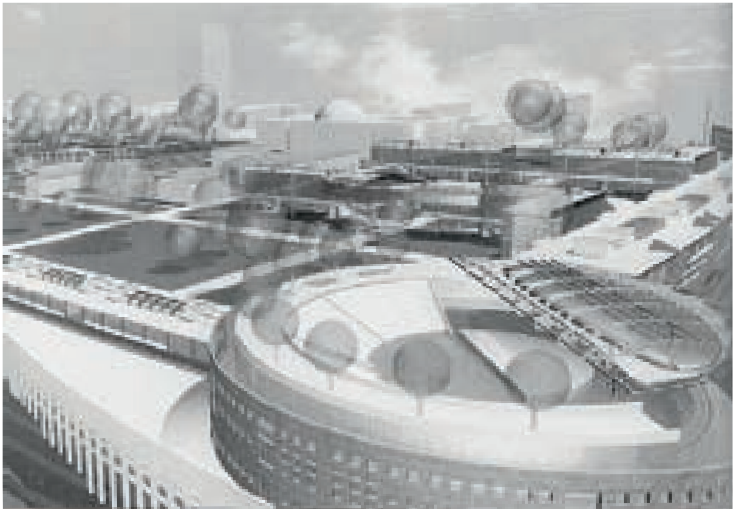
Неудобное

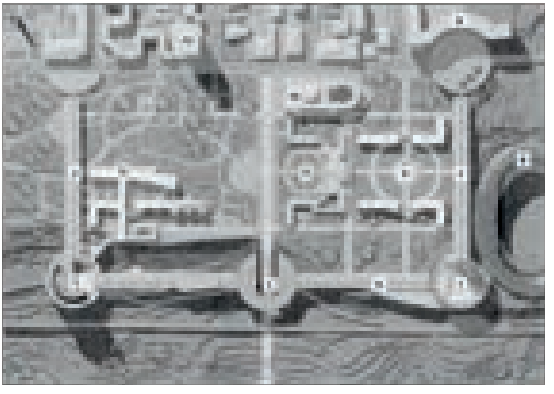
Радостно, что на наши публикации реагируют. Все-таки журнал, и все-таки какие-то тексты в нем должны иметь резонанс не только как братское похлопывание по плечу (главного редактора), мол, «молоток», «хорошо, братцы», но и вполне конструктивно: читал, не понравилось, рука потянулась к перу… гипс. Читательский отклик есть дело серьезное. Может возникнуть «дискуссия». И мы ее хотим прямо здесь начать.

В А.С.С № 5'99 опубликован дипломный проект бр. Хорошавиных (помните, тот, где в стаффажах Ельцин коляску катит, а Кучма с Колем мух считают). Проект острый, в чем-то неожиданный: многие заслуженные архитекторы бились в конвульсиях по поводу того, что «так нельзя».

Правительственный центр по ул. М. Грушевского

архитт. Константин и Максим Хорошавины, дипломный проект КНУСА, 1999





Состав комплекса:

1) Президент-отель; 2) Администрация Президиума ВС Украины; 3) Администрация Кабинета Министров; 4) Резиденция Президента Украины; 5) Национальный музей; 6) Администрация Президента Украины; 7) Многофункциональный зал открытого типа; 8) Стадион «Динамо»; 9) Кабинет Министров; 10) Верховный Совет; 11) Мариинский дворец; 12) Комиссии Верховного Совета; 13) Гостиница «Киев»

«Кто вам позволил это публиковать?!»

Никак не привыкнет стареющий практик: сейчас можно всё что угодно, что так само время хочет. Правда, время не подлежит обсуждению, подлежим обсуждению только мы. В 60-х мы истово боролись за регламентацию того, как следует строить в исторической среде.

Эта борьба в 70-е превратилась в борьбу за все кирпичные дома столетней давности.

В 80-м придумали слово «среда», создали специальное Общество охраны т. наз. памятников, в стройных рядах которого боролись уже за эту самую среду. Теперь брызжем слюной по поводу «верхней бровки Днепра» в режиме «оле, злонравие!», надрывно жестикулируя.

Поскольку нет четких критериев, почему все-таки нельзя.

Трансцендентальный аргумент, мол, красиво–некрасиво, история-неистория — действует слабо. Как в том анекдотце: был в Эрмитаже, никакого удовольствия, кроме эстетического, не получил. Ну, не получил, и не надо. Причем здесь развитие, которое, как известно, движимо диалектическим противоречием?

Добродушный смех одних и бессильная злоба других объясняются тем, что объяснить и доказать, что «так нельзя» — тоже нельзя. Не выработан и не может быть выработан критерий самого критерия этой «караульной службы». Архитектура — это самый процесс развития общества, а не «здания и сооружения», не «искусство проектировать и строить». Говоря о ней, мы либо становимся на зыбкий путь эмоций, либо апеллируем к государственным констатациям выдуманных охранных (кого от кого: мертвый камень от живого человека?) зон: едва ли думал средневековый зодчий про «преемственное развитие среды». Среда сама порождает модель своего воспроизводства, и дело только в талантливости способного постичь и реализовать понимание этой преемственности, как того требует его современность.

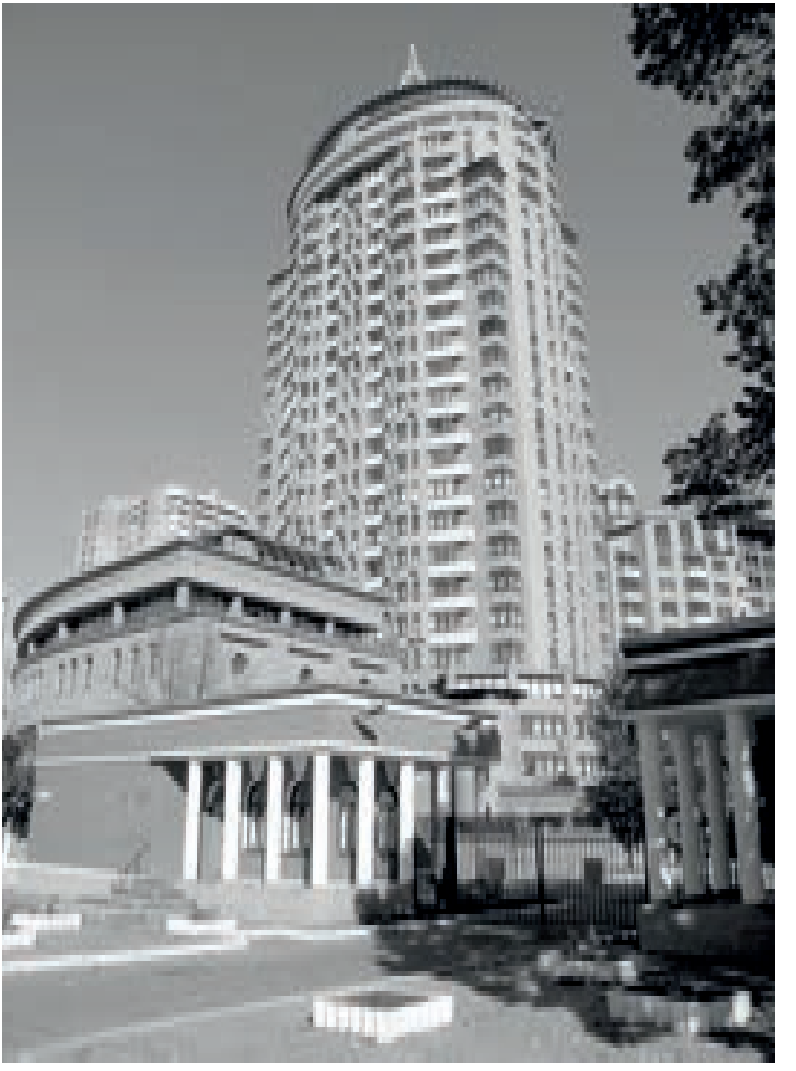
Андрей Пучков

А.С.С № 5 '1999, № 1 '2000

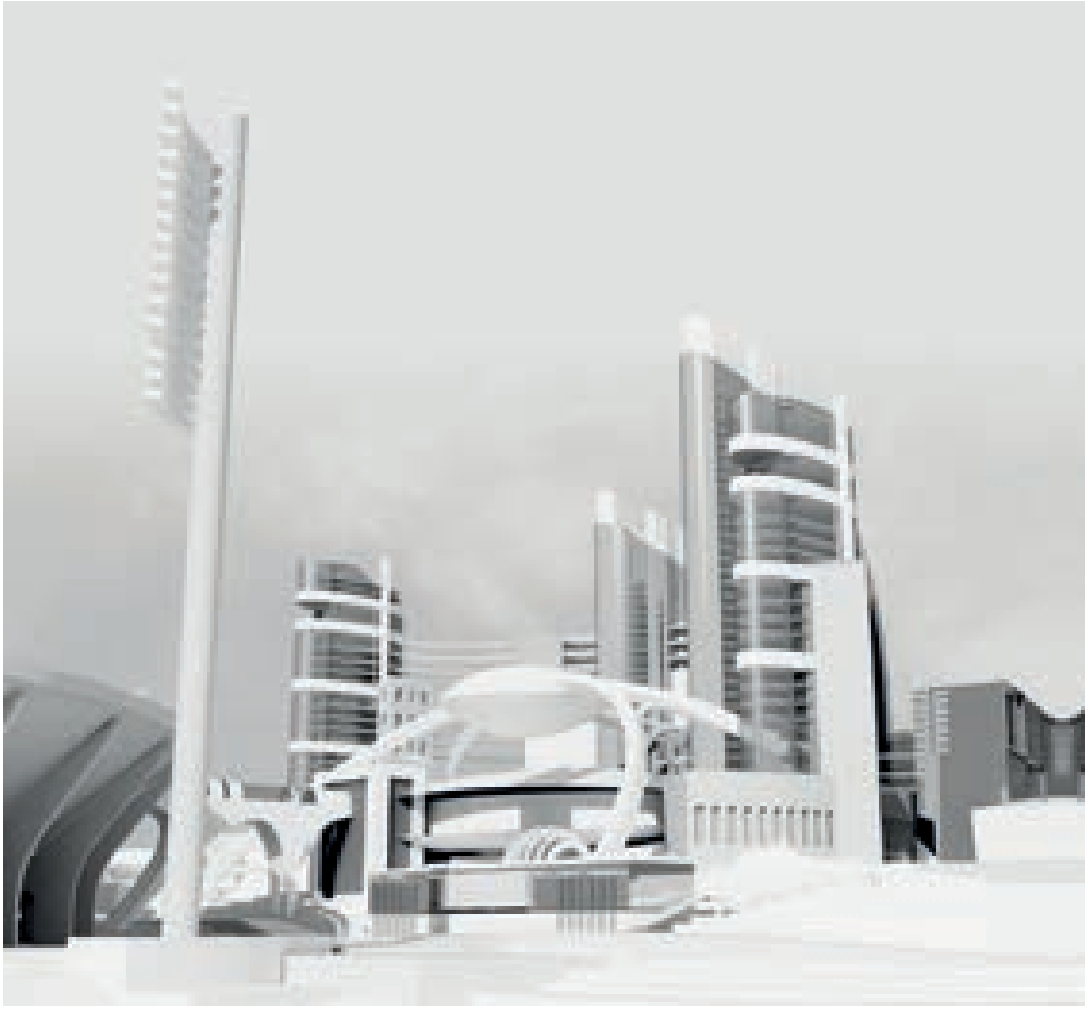
БЛИЗНЕЦЫ НА ЛЕСЕ

ЖК по бул. Леси Украинки 30Б — один из пионеров высотного строительства на Печерске, акцентирует въезд в город со стороны Левобережья и Зверинца. Изящным радиусом небоскреб рефренит с башнями Васильковского укрепления. Сперва в ГлавАПУ были опасения, не слишком ли смело? Но неожиданно получилось! Хотели, чтобы после завершения застройки Старонаводницкой балки дом играл роль своеобразных «Печерских ворот» города. Поэтому, не долго думая, Познякижилстрой заказал архитекторам и вторую башню (№ 23). В результате имеем симпатичных близнецов на Лесе.

А.С.С № 6 '2000, А+С № 6 '2005



Градостроительный ансамбль по ул. Леси Украинки № 30Б (слева) и № 23 (справа)
архитт. Владимир и Наталья Шевченко, Татьяна Макарина и др., 1999–2000, 2001–2002



Багатофункціональний комплекс «Спайдер», НСК Олімпійський

архіт. Ігор Писарець, проект, 2000

BEACH-КНАТА НА ОСОКОРКАХ

Незаурядное объемно-пространственное решение частного жилого дома в пригороде Киева порождает ряд ассоциаций. То ли это лодка, перевернутая для просушки, то ли аккуратно отрезанный кусочек сыра, роль дырок в котором выполняют окна на фасадах, или просто гигантская бочка с непонятно зачем приделанными эркерами, да еще и присыпанная песком…

ДОМ / А.С.С № 2 '2004, ДОМ / А+С № 1 '2007

Особняк Beach-khata, Осокорки, архит. Сергей Добров, 2001–2006

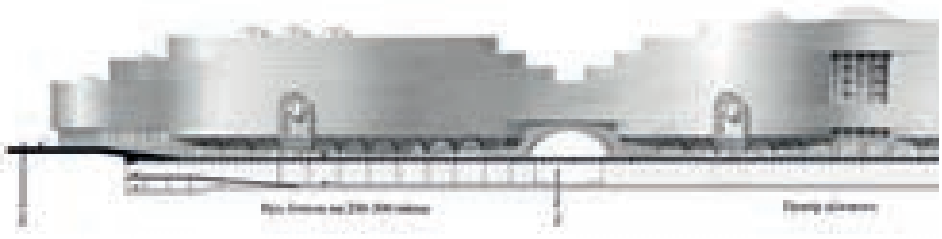
РЕКОНСТРУКЦІЯ ВОЛОДИМИРСЬКОГО ПРОЇЗДУ

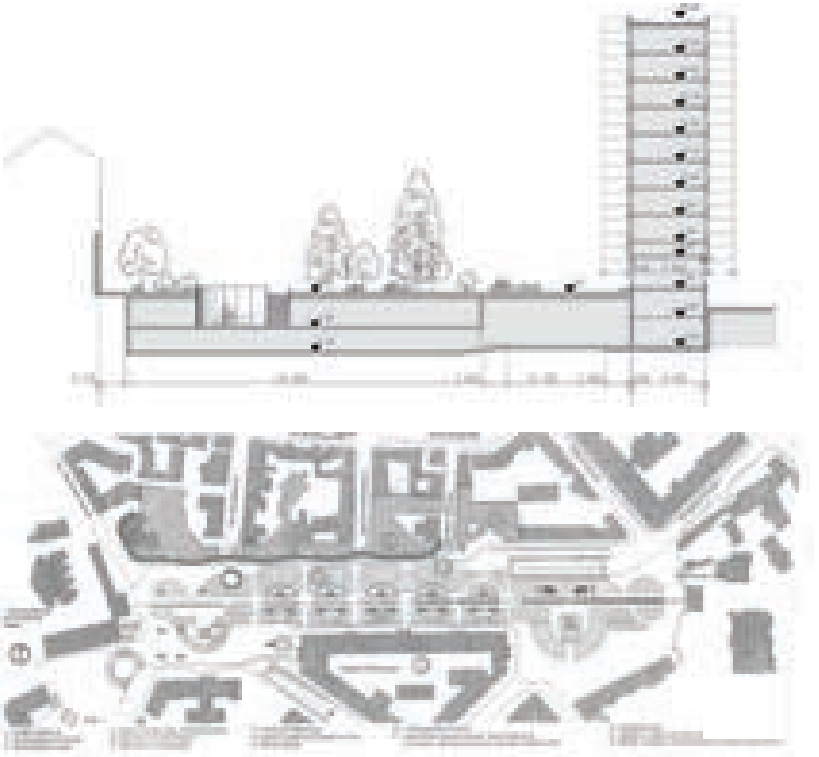
Метою зведення комплексу є завершення забудови і реконструкція історичної частини міста від Софійської до Михайлівської площі з формуванням духовно-мистецького та представницько-ділового центру.

В складі проекту: готель на 250 місць, офіси на 800 співробітників, реконструкція скверу з розміщенням скульптурних історичних композицій тощо. Також ми ставимо питання про зміну мєнтовської функції Присутствених місць, використання їх будівель і дворіків для мистецького та гуманітарного загалу. Нове будівництво перед сквером розміщується в межах нової червоної лінії, що проведена на відстані 12 *м* від існуючої забудови. Транспорт спрямовується в підземний тунель, під сквером дворівневий паркінг. Від площі до площі створюється суцільна пішохідна зона. Фасади комплексу вирішуються у вигляді хвилястої дзеркальної поверхні, що відображатиме в різних ракурсах існуючі пам'ятки архітектури.

Валентин Штолько

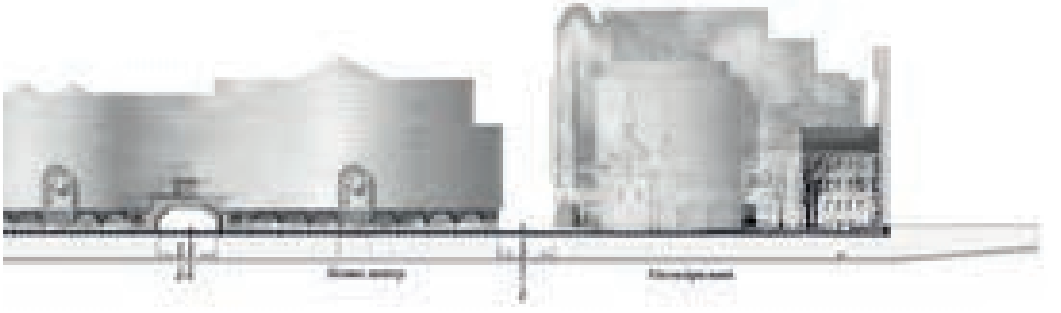
А+С № 2 '2008





Проект реконструкції Володимирського проїзду

архітт. Валентин Штолько, Віктор Горбонос, Олексій Загніборода, 2002

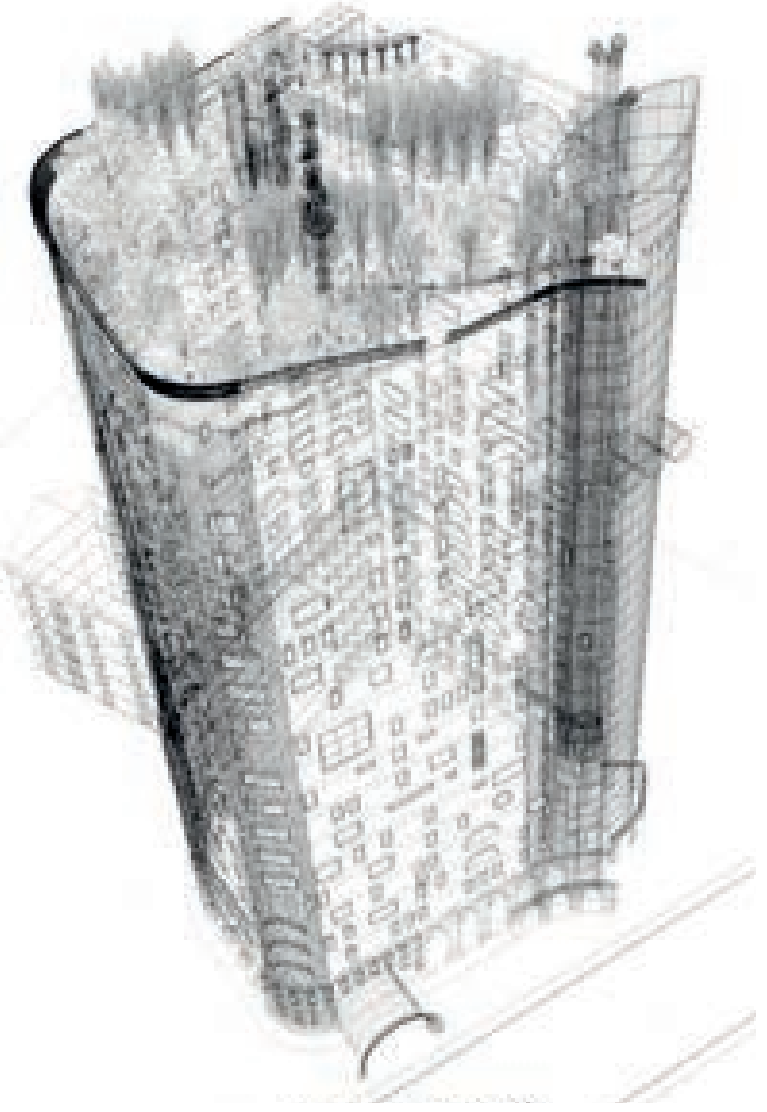


ДОМ-КРОТ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

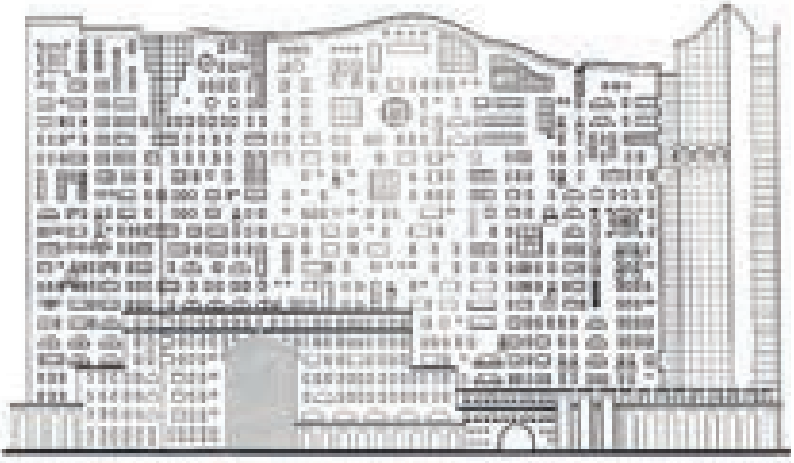
Публикуемый А.С.С проект — предложение новаторского подхода к высотному жилищному строительству. Идея разработана, и усилием неравнодушных к судьбе города зодчих начинает плавный разбег в бумажном пространстве архитектурного проектирования, а в скором будущем, даст Бог, и в непосредственно киевском пространстве. Высотное строительство наших крупнейших городов, как показывает опыт, очутилось в некоем творческом раздумье. Уже договорились, что городу без высоток не обойтись: и жилье строить надобно, и место есть. Даже центр, застраиваясь новым, приобретает европейскость и парадность. Из южнорусского провинциального города, каким был Киев в конце XIX века, современными архитектурными формами он превращается в настоящую столицу, приобретая респектабельность и обсуждаясь профессиональными журналами с этой именно точки зрения.

Требование инвестора, задающее высоту постройкам, — максимум площади на минимуме территории — извечно. Рост города вверх неизбежен, а рациональность небоскреба тождественна рынку — обзаводясь клочком земли, из него стремятся выжать максимум.

В чем отличие предлагаемой идеи от популярных ныне в Украине «этажерок»? В решении. При кажущейся похожести в методах возведения и удовлетворении требований инвестора (максимум площади на минимуме территории), подход к проекту — с человеческой стороны. В проекте отсутствует самое понятие «типовой этаж», что требует скрупулезной, долгой архитекторской работы, особой привязки каждого оконного проема к фасаду. Более того, опыт московского строительства с очевидностью показывает, что задача проектирования квартир под индивидуального жильца предполагает такую конструктивную схему решения планировки этажа, при которой незыблемыми оказываются лишь вертикальные коммуникации. Будущие



Проект-концепция жилого дома по ул. Перспективной 2/8
архитт. Виктор Горбонос, Василий Скороход, Ольга Овчарова и др., 2003



«Дом-крот», развертка фасада, планы типового этажа и кровли

архитт. Виктор Горбонос, Василий Скороход, Ольга Овчарова и др., 2003

жильцы могут включиться в процесс проектирования, чтобы избежать однотипности квартир, которые могут различаться по площади, конфигурации комнат, набору помещений, ориентации и освещению. В качестве главных требований авторы выставили: зонирование каждой квартиры на общественное и личное пространства; минимизацию перемещений по квартире; возможность изменения формы помещений в соответствии с пожеланиями жильцов. Это техническая сторона. Художественная сторона получила иной смысл.

Рассматривая публикуемые проекции, невольно задумываешься, на что же органическое, естественное похоже предлагаемое решение? Представьте, как выглядит часть земли, вертикально вынутая вместе с дерном на некую высоту. Какие-то лисьи норы, ложа муравьиных маток, коренья, кроты, медведки: наглядный процесс земляной жизнедеятельности, плоть от плоти естества, вечного почвенного самовоспроизводства. Ведь небо, по наблюдению Марины Цветаевой, начинается в миллиметре от земли.

А.С.С № 5 '2003

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ЛЕДО- И СКАЛОЛАЗАНИЯ

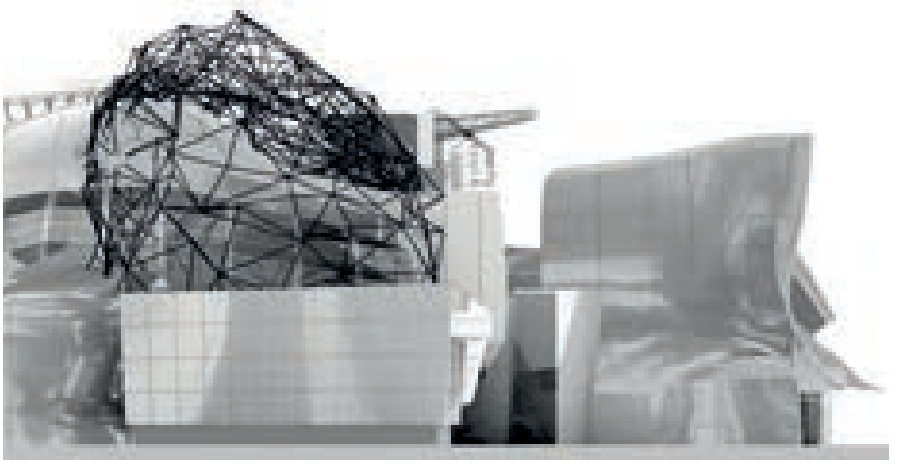
Любители экстрима смогут утолить жажду на вертикальных, наклонных и прочих площадках ледо- и скалодромов. Болдеринг, «трудность», «скорость», «связка» — на все виды международных состязаний по лазанию по льду и по скалам рассчитан первый в Украине центр экстремального спорта. Авторское восприятие гор, облаков, льда, камня облечено в гериевы формы. Как в природе отсутствуют прямые углы, так лишь административный прямоугольный блок намекает на рукотворность произведения. Красным цветом акцентирован вход в источник острых ощущений.

A+C № 4 '2004

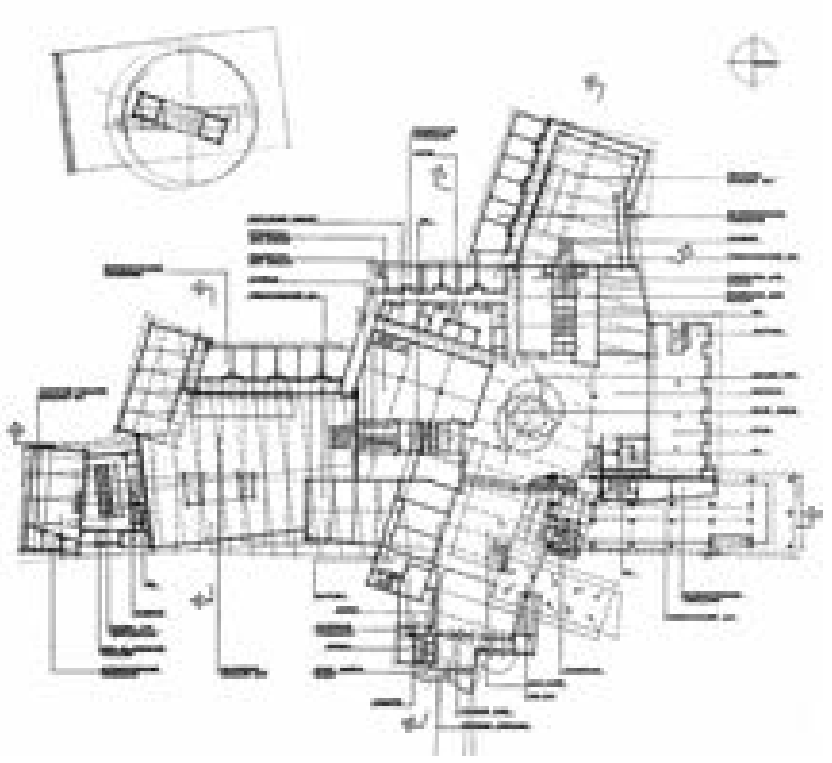
Национальный центр ледо- и скалолазания в Киеве, дипломный проект КНУСА

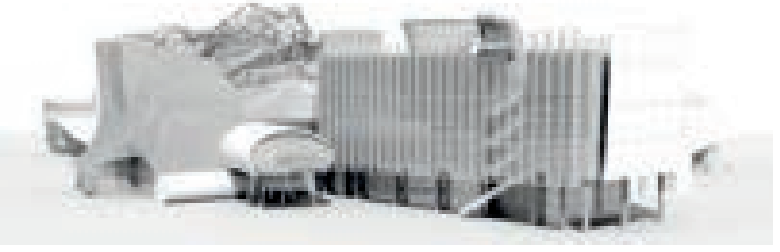
Что такое архитектура? Это объект в трех измерениях.
Не так ли? Значит, он может быть каким угодно.

Фэнк О. Гери

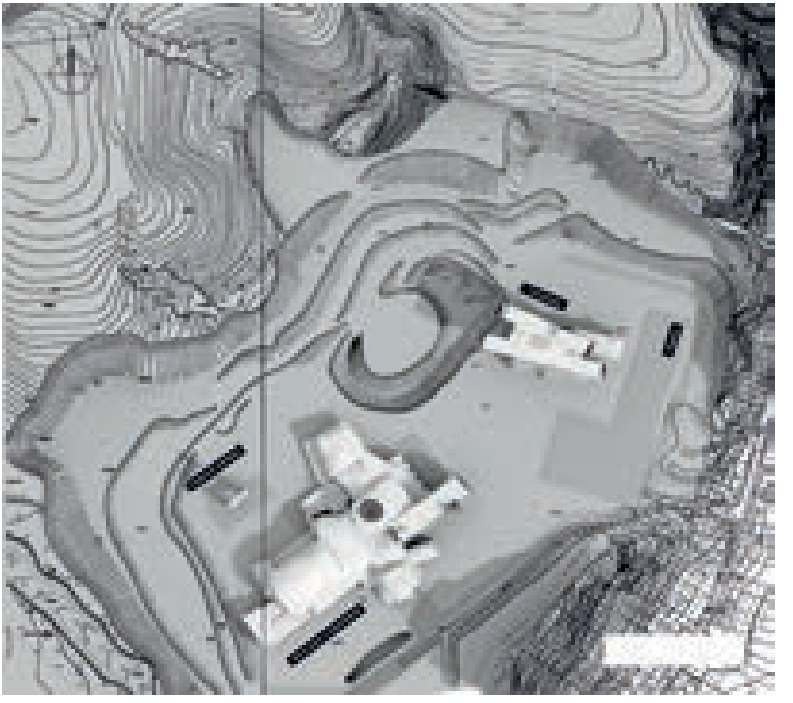


архит. Евгений Исаков, руководители Валентин Ткаленко, Неля Шаповал, 2004



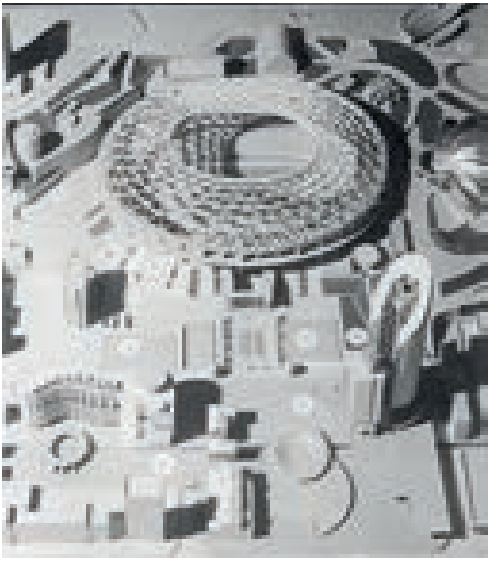


общая площадь: 10 371 *кв. м*, строительный объем 30 364 *куб. м*



Национальный центр ледо- и скалолазания, архит. Евгений Исаков, проект, 2004

СТАДИОН «ОЛИМПИЙСКИЙ»

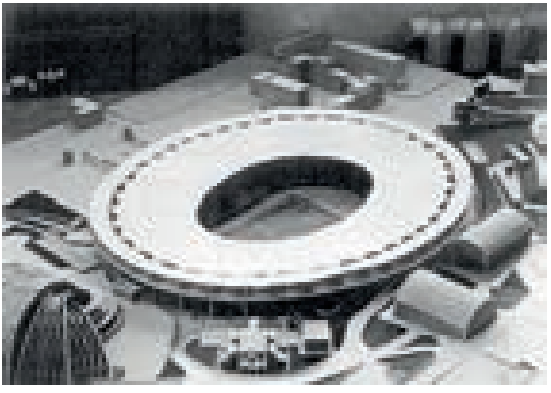


Согласно международным требованиям олимпийский стадион требует комплексного развития территории, составляющей 38 *га*. Учитывая необходимость улучшения условий и для зрителей, и для спортсменов, а также с целью содействия развитию спорта на современном этапе, проектом предлагается создать многоуровневую развитую инфраструктуру вокруг комплекса. Композиция объемно-пространственного решения создает величественный ансамбль, который будет включать крытое центральное спортивное ядро и легкоатлетический манеж, многоуровневый гараж и многоэтажные гостиницы.

Валентин Штолько

А+С № 1 '2005

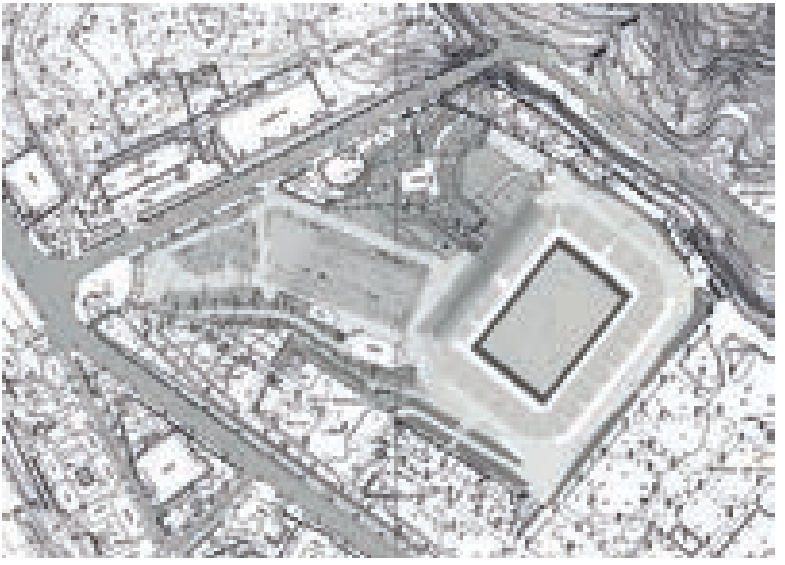
Варианты в виде перекрестно-кольцевой оболочки (вверху) и со стальной мембраной



Концепция реконструкции Национального спортивного комплекса «Олимпийский»

архитт. Валентин Штолько, Алла Анищенко, Михаил Артеменюк, 2004

СТАДИОН «ДИНАМО»



Предпроектные предложения по реконструкции стадиона «Динамо» разработаны с целью приведения его в соответствие с требованиями УЕФА. Трибуны запроектированы двухъярусными в виде амфитеатра с балконом. Юго-западная трибуна оставле на без изменений, за исключением зоны перед правительственной ложей, и предназначена для почетных гостей и журналистов. Терраса балкона юго-восточной трибуны выполнена в одноконсольных криволинейных рамах, опирающихся на верхний пояс несущей фермы в уровне четвертого этажа и охвачена светопрозрачным ограждением.

Валентин Штолько

А+С № 1 '2005

Концепция реконструкции футбольного стадиона «Динамо», ул. М. Грушевского 1

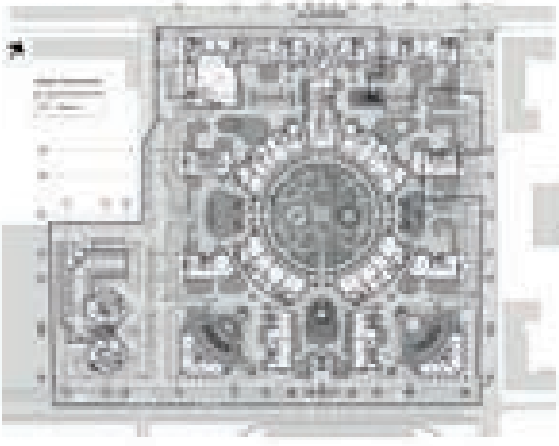
архитт. Валентин Штолько, Валерий Бельчиков, Юлия Вахламова; констр. Игорь Лебедич, 2004

СОНЯЧНА БРАМА

Житловий ансамбль дотичний периферії нового комплексу університету ім. Т. Шевченка в Голосіївському районі. Його назва віддзеркалює ідею дружелюбності, життєрадісності та комфорту. У проекті реалізується ідея «місто в місті». Невід'ємною частиною житлового комплексу стане розвинута сфера обслуговування та соціальна зона. В центрі розміщена пішохідна площа з круглим парком, де сконцентровано основні майданчики для розваг і відпочинку.

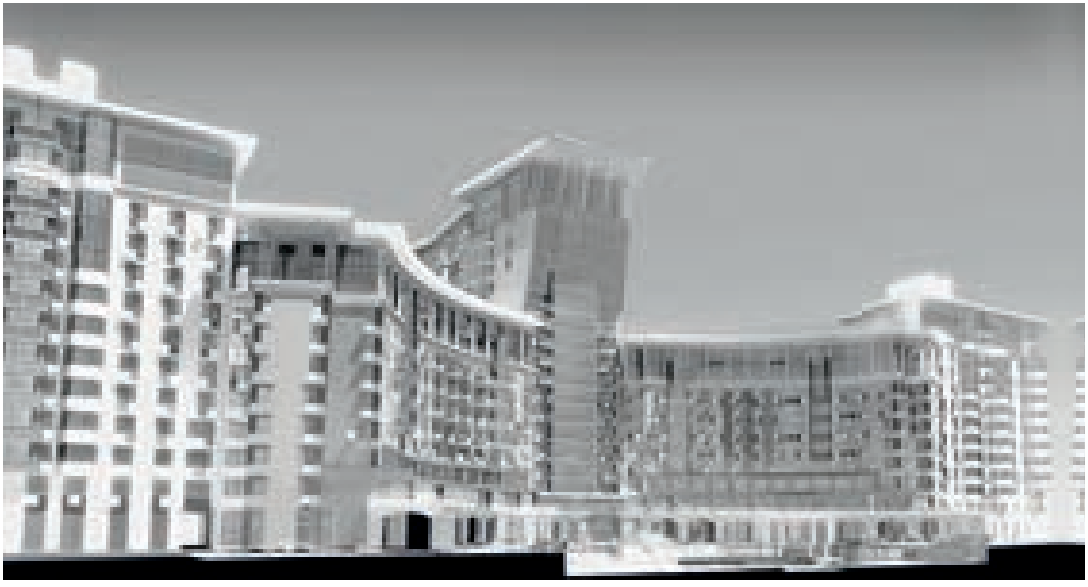
ЖК Сонячна Брама, вул. Ломоносова 73–79

архитт. Володимир і Наталія Шевченко, Олег Гречук, Вікторія Ігнатенко та ін., 2004–2012



ЖК Сонячна Брама, вул. Ломоносова 73–79

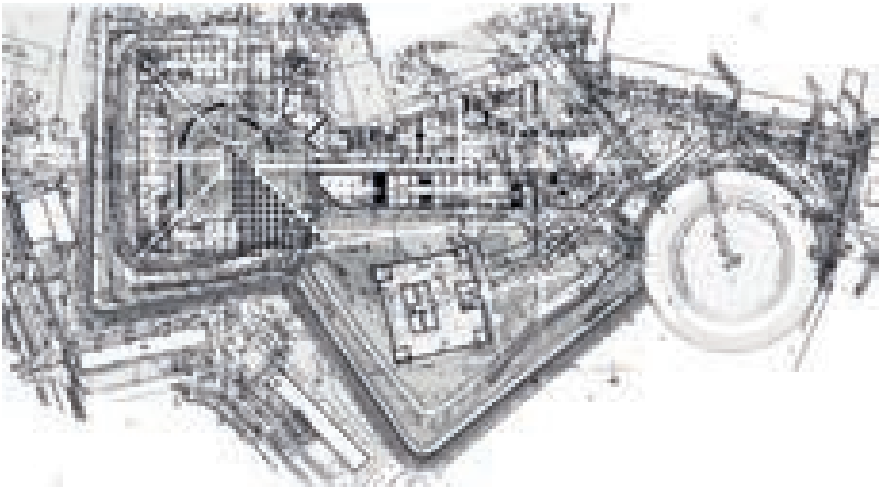
архитт. Володимир і Наталія Шевченко, Олег Гречук, Вікторія Ігнатенко та ін., 2004–2012



Окрасою комплексу має стати ландшафтний парк з водним каскадом і сонячним годинником біля майданчика для розваг. Підпірні стінки та колони галерей будуть завиті ліанами. На експлуатованій покрівлі стилобату, що підіймається над рівнем землі, знаходяться благоустроєні та озеленені двори будинків і входи до жител. На покрівлі паркінгу створюються газони і квітники та частково штучний рельєф з зеленими пагорбами, засадженими деревами та чагарниками. Об'єкт зводиться за індивідуальним оздобленням «під ключ».

А+С № 3 '2008, № 3-4 '2013, № 1-2 '2016

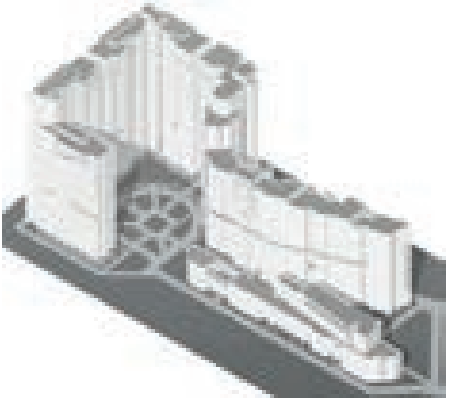
БОЛЬШОЙ ДОМ В КИЕВСКОЙ КРЕПОСТИ



С градостроительной точки зрения комплекс занимает уникальную территорию — в окружении фортификационного комплекса XVIII–XIX столетий, Новой Киевской крепости: башни № 1 и № 2, тюремный замок и земляные валы Васильковского укрепления и т. п. За последние полстолетия вокруг этих исторических субструкций возник целый ряд построек различной этажности и различного качества, жилые дома 1970-х на четной стороне бул. Леси Украинки и застройка 2000–2004 гг. — на нечётной. Регенерация этой части Печерска взывала к масштабу и высотному усилению ситуации. Вместе с тем, в столь плотной застройке авторы стремились создать удобное внутреннее пространство комплекса, сохранив стилистику рядоположенных памятников. Кроме факторов исторических существенное влияние

Жилой комплекс по ул. Щорса 44

архитт. Георгий Хорхот, Наталия Башинская, Валентина Журавель и др., 2005–2012



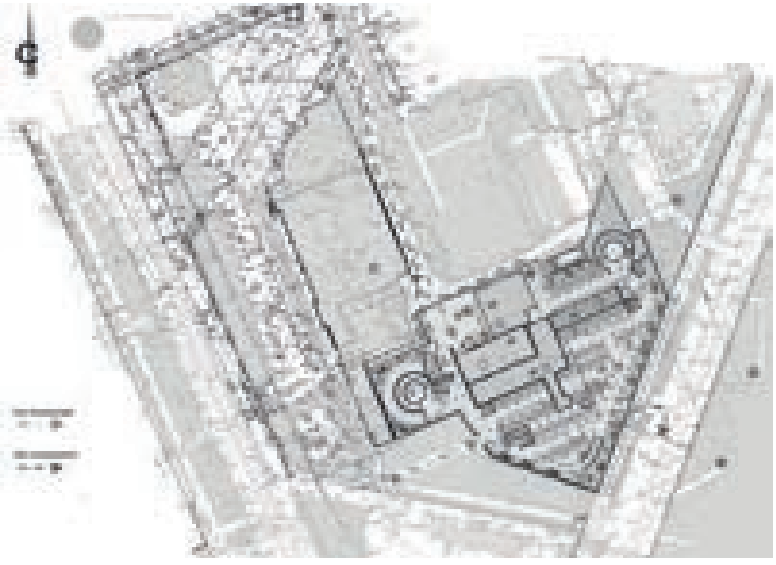
Жилой комплекс по ул. Щорса 44

архитт. Георгий Хорхот, Наталия Башинская, Валентина Журавель и др., 2005–2012

на пространственную композицию оказало расположение объекта на самых высоких отметках Печерского плато. Он прекрасно просматривается с отдаленных южных подъездов к городу. Поскольку дом запроектирован с падением высотности с юга на север, то не нарушает силуэта печерских склонов при восприятии их с левого берега. Справедливо дом получил имя «Панорама»: захватывающий вид на заднепровские дали и город. Комплекс расположен в глубине квартала и изолирован от шумных улиц, находясь в десяти минутах от станции метро. Автомобильный транспорт движется по наружному периметру. Дом выстроен по периметру участка: три секции создают незамкнутое каре с внутренним двором размером 60 х 70 *м*, а две следующие — раскрываются в сторону Днепра. Восстановленные земляные валы Васильковского укрепления стали безусловным украшением в благоустройстве. Планируется реконструкция исторического тюремного замка с возможностью его посещения и осмотра всеми интересующимися. По окончании строительства на территории комплекса будет создана комфортная и эстетически привлекальная среда, тесно связанная с реанимированными историческими сооружениями грандиозной Киевской крепости.

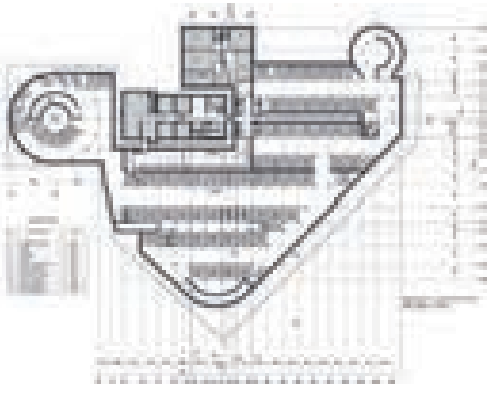
А+С № 3–4 '2012

ГОТЕЛЬ «БЛОКАДА»



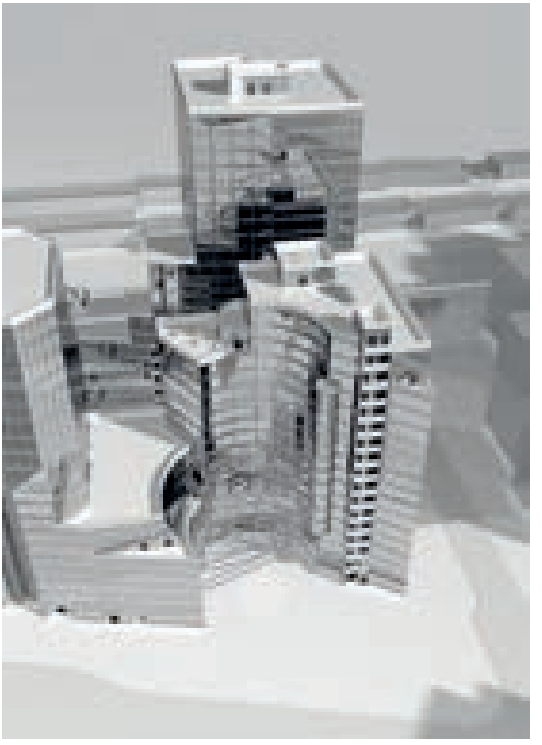
Реконструкція майнового комплексу та будівництво готельно-офісної будівлі намічена на Лівому березі в активному радіусі дії Броварського проспекту з вектором до Ленінградської площі. Замовником надзвичайно виразної хай-теківської композиції стало славнозвісне акціонерне товариство «Агропромсистема». Головна ідея комплексу — створення «бізнес-парку», до складу якого мають входити офісні та готельні блоки з чотирьохрівневим паркінгом (один підземний та два наземних). На покрівлі паркінгу має бути влаштований простір з озелененням та благоустроєм для відпочинку працівників та відвідувачів. Таке рішення має створити більш комфортні умови для перебування і відпочинку робітників, оскільки верхній рівень платформи знаходиться значно вище проїзної частини та трамвайних колій.

А+С № 3 '2008



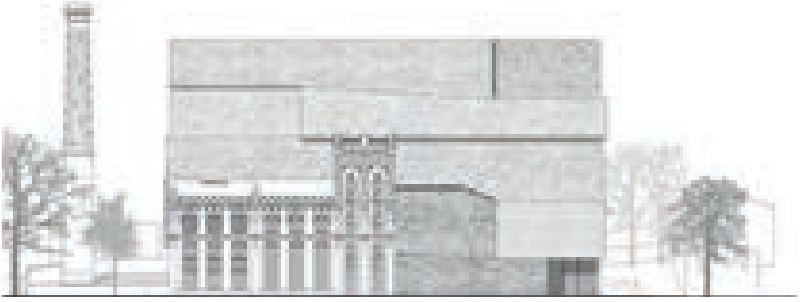
Готель «Блакада», просп. Юрія Гагаріна 23

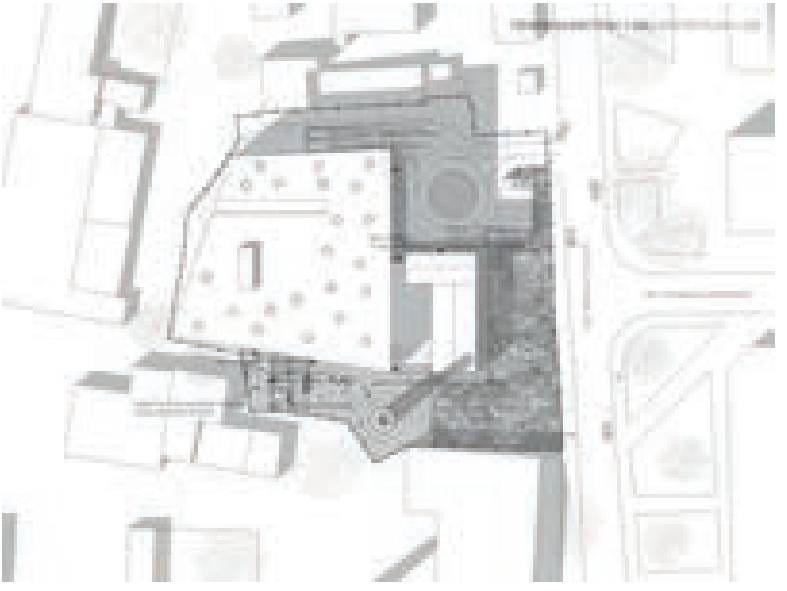
архітт. Тетяна Гнездилова, Олексій Поліщук, Оксана Гнездилова та ін., проект, 2007–2008



Торговельно-офісний комплекс по вул. Фізкультури 23/30

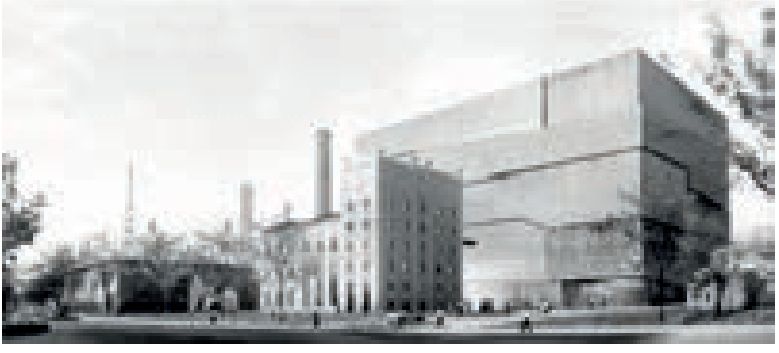
архітт. Валентин, Сергій та Дмитро Єжови, проект, 2008





Музей Ігора Ворона, вул. Кирилівська 35

архітт. Віктор Зотов, Олег Селіванов, Сергій Ферлей, Ілля Ободовський та ін., проект, 2012



північно-західний фасад
2 поверх 3.40 (М1:175)
розріз 4-4

Житловий будинок у Пуща-Водиці, вул. Гамарника

архітт. Петро і Лідія Красильникови, 2015 (А+С № 1–2 ' 2016)

3|2

АРХІТЕКТУРНЕ РЕТРО

АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОТИКА

УКРАИНСКОЕ БАРОККО

БИДЕРМАЙЕР

ВЕНСКИЙ РЕНЕССАНС

НЕО-РЕНЕССАНС

АР-НУВО

АР-ДЕКО

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА
ГОСТИНИЦА «АНДРЕЕВСКАЯ»

«Исторический стиль» в современной архитектуре Киева — этика или эстетика? Больная тема для архитекторов, проектирующих в районах исторически сложившейся застройки. Клубок противоречивых требований заставляет находить непростые решения, часто наступая на горло собственной песне. Заказчики настаивают на максимальной полезной площади, не особенно заботясь об «архитектуре». Согласующие инстанции, понимая правила игры, ведут привычную торговлю с целью получения собственной выгоды под прикрытием заботы о гармонизации исторической среды. При этом архитекторы вынуждены проявлять чудеса дипломатии для согласования проекта, выполнения договорных обязательств, соблюдения сроков и т. п.

В конце 80-х все были в восторге от возможности поработать с приемами исторической архитектуры, свободно их интерпретируя на новом технологическом витке (после голодного совкового пайка типового проектирования). Тогда появились знаменитые «постмодернистские» подольские кварталы четырех-пятиэтажной жилой застройки. «Совок» регулировал вопросы этажности в плановом порядке, комфорт не особенно его интересовал. Зато мы получили фрагменты гармоничной среды, сомасштабной исторической застройке, которые теперь уже изрядно износились и постарели и вполне вписываются в ветхую городскую ткань с облупившимися фасадами и прогнившей столяркой. Вот если бы отремонтировать фасады современными материалами!

Аналогичная участь постигла и нашу гостиницу «Андреевская», построенную в начале 90-х. Металлический каркас, кирпичные стены, шатровые кровли, купола — всё ничего, если бы не качество материалов и строительства. Теперь гостиница выглядит ровесницей «Замка Ричарда», что напротив. Новый собственник комплекса, который переименовали в гостиницу «Воздвиженская», перекраивает

Гостиница «Андреевская» на Андреевском спуске

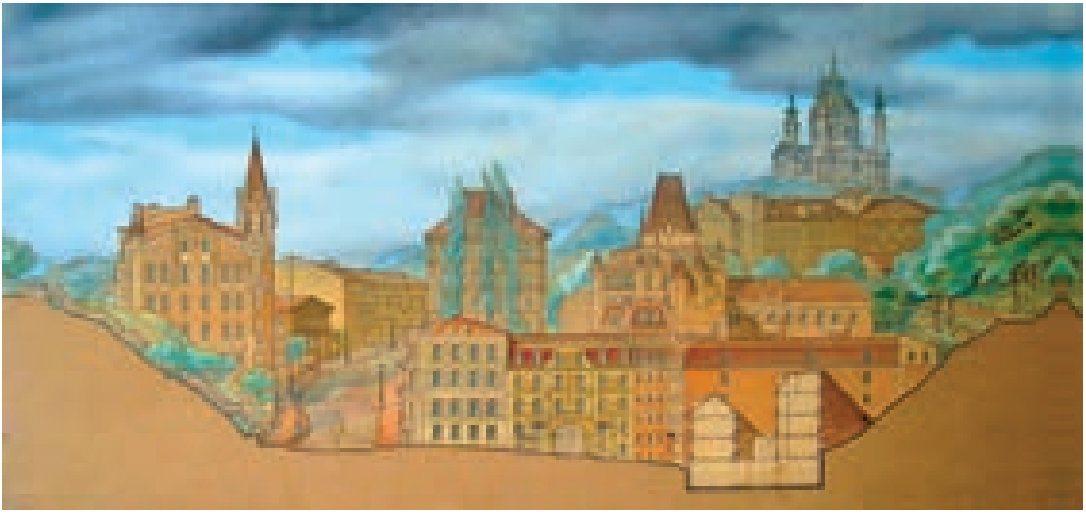
архитт. Владимир Приймак, Виктор Горовой, Юрий Онищенко, 1993–1995

и перекерашивает всё, не попадая ни в стиль, ни в цвет. Естественно, автора никто не спрашивает, я уж не говорю о согласовании этих коммерческих изменений.

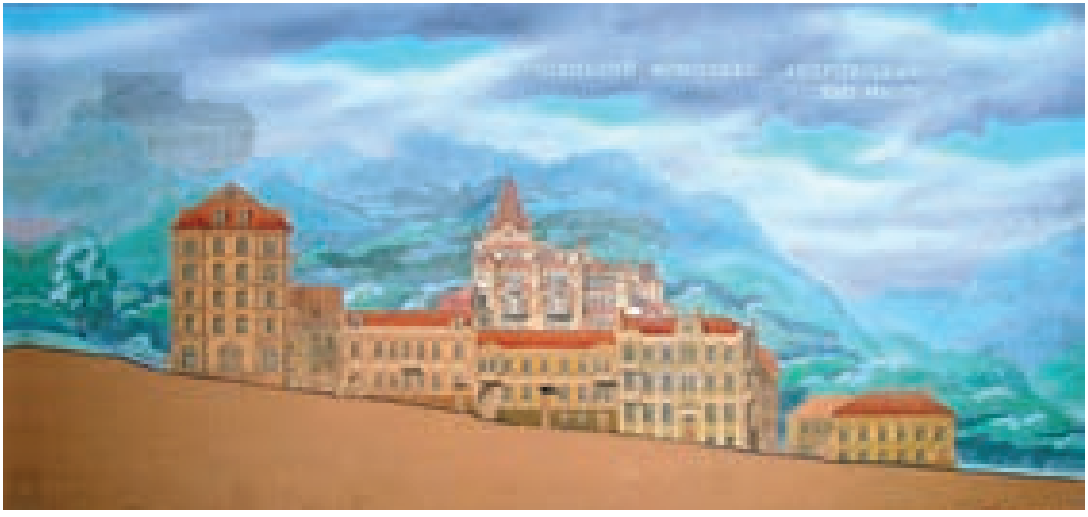
И наконец — вяло текущий строительный бум начала XXI века. На оставшихся резервах территорий внутри кварталов, на месте умирающих заводов и просто где захочется, выделяются участки под застройку. Исходные данные передаются проектировщикам, и мы с радостью приступаем к творчеству. Однако это путь великих разочарований. Этажность регулируется Управлением охраны памятников в зависимости от режима охраны, заказчики и инвесторы настаивают на ее повышении, тогда как «охранители» — на понижении. Не регулируются лишь планировочные решения в рамках АБН и пожеланий заказчика. Но часто основным требованием является необходимость сохранения квартальной схемы застройки. В трактовке архитектуры озвучивается пожелание соблюдать историческую парцелляцию, пропорциональное соответствие окружающей застройке и использование декоративных приемов XIX века.

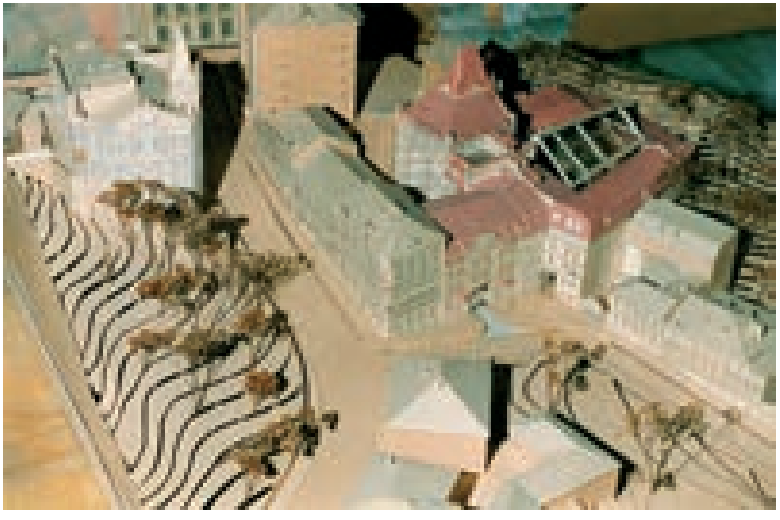
И вот наше детище. Проект нового здания на рубеже Миллениума поступает на согласование, получает поддержку на Градсовете, в экспертизе, обкатывается на различных научно-методических советах «Охраны памятников», подписывается паспорт фасадов и — к концу марафона мы, мягко говоря, не совсем его узнаем. Планировочно и в объеме объект остался современным: подземные паркинги, лифты, просторные помещения, монолитный каркас. Но на фасаде появилась масса пилястр, карнизы, эркеры с балюстрадами, купола с люкарнами, мансарды и шпили, арки и балконы. Какой же век следует поставить в подписи?

Еще один вопрос в дилемме этика–эстетика мы зададим согласующим органам. Доверяют ли они нам, дипломированным и лицензированным архитекторам? Или оставят нас наедине с нормами и техническими условиями проекта, а профессиональное законодательство урегулирует возникающие несоответствия? Вопрос риторический. Иначе — утрачивается вся важность и неприступность этих инстанций с соответствующими для них коррупционными потерями.



Гостиница «Андреевская», архитт. В. Приймак, В. Горовой, Ю. Онищенко, проект, 1993





Гостиница «Андреевская», архитт. В. Приймак, В. Горовой, Ю. Онищенко, проект, 1993

В итоге мы все-таки отгадаем, в каком веке построено здание — по строительным материалам, столярке, планировке и массе других технических признаков. Что-то удалось отстоять и реализовать, и мы тихо порадуемся за свой домик. Но радость будет недолгой, потому что новые хозяева захотят всё поменять внутри и снаружи. Количество усовершенствований будет нарастать, как снежный ком, в зависимости от количества квартир в доме. Но это уже другая история, ибо этика потребителей архитектуры должна регулироваться законодательством, впрочем, так же, как и всевозможные экзерсисы дизайнеров интерьера.

Владимир Приймак

А+С 5 '2004

ГОТИКА
НА УЛИЦЕ ОЛЕСЯ ГОНЧАРА 73

Псевдоготика у нас получилась по ситуации. Заказчик показал картинку — изображение было не совсем готикой, но пожелание оказалось понятным, и мы довели эту идею до «чистоты жанра». Объем определялся функцией: нижний этаж офисы, верхние — жилье. А готика это, по сути, одежда здания.

Вообще-то стиль диктует среда. Я такой дом не поставил бы на Левом берегу. Там есть где развернуться современному объему. А в исторической застройке, да, готика может быть. Акцент получился удачным, потому что дом заключен в замкнутое пространство. Если бы он был открыт, то рвал бы историческую информацию, как готический костел Городецкого на ул. Красноармейской, случился бы визуальный удар. Но в итоге появилась мягкая доминанта.

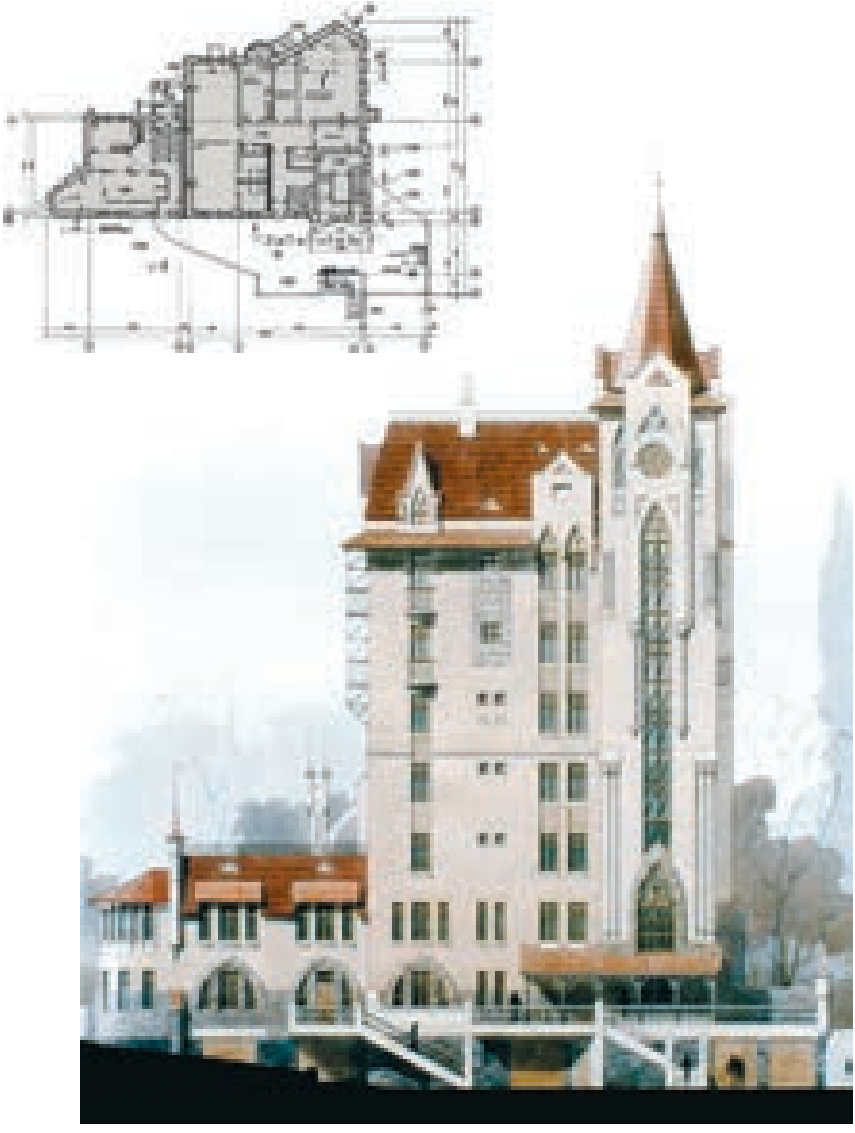
Эту доминанту мы искали последовательно: прорабатывали варианты завершения, посадку объема на место, изучали, как с разных сторон будет просматриваться силуэт: с площади Победы, с бульвара Шевченко, с улиц Богдана Хмельницкого и Тургеневской — и решили поставить доминанту все-таки по Тургеневской, так как визуально здание замыкает улицу.

Попытка «зеркально» проектировать рядом такой же готический объем показала, что копировать его не стоит — здания гасят друг друга. Можно сработать только на стилевом контрасте.

Мне кажется, главное при проектировании в «исторических стилях» — избегать китча и подходить к подобным задачам с чувством такта и с известной долей юмора. Не так тупо, как требуют поборники старины. Они везде башни сажают: башни, башни, башни… Мы же стараемся работать тактично, что зависит не только от уровня архитектора, но и, в первую очередь, от его желания, от совести и отношения к работе.

Офисно-жилой дом по ул. О. Гончара 73

архитт. Сергей Мандалина, Дмитрий Шкарупа, Юрий Бобров и др., 1997–2000



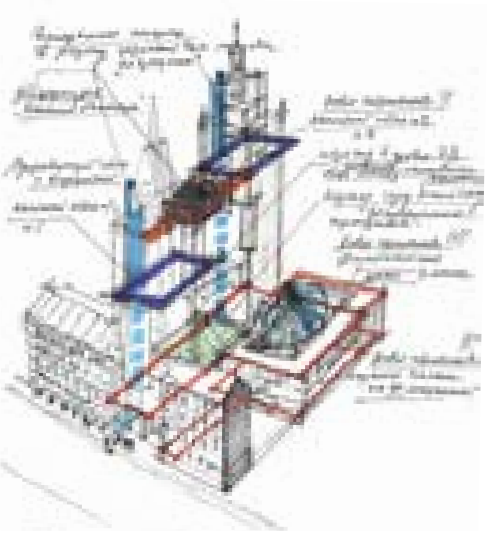
Офисно-жилой дом по ул. О. Гончара 73

архитт. С. Мандалина, Д. Шкарупа, Ю. Бобров, А. Шляхтиченко, проект, 1997

Мы выдержали экстерьер в готическом стиле. Единственное, что в нем от современности — современные материалы. Всё остальное — точечное применение камня, пропорции окон, соотношение стрельчатых арок, колонн, пилястр и завершение объема — всё поднято из конкретных исторических примеров. Но здесь нет подражания какому-то отдельному сооружению, мы нашли свое решение. Листали альбомы, изучали пропорции, рисовали. Эскизов сделано невероятное количество. Наша идея на все сто. Честно говоря, готика мне близка, у меня даже собственная дача «под готику». Это стиль рыцарских романов, зачитанных до дыр. Романтика и целая эпоха! А готические соборы! Нам просто повезло, в советской проектной конторе невозможно было построить что-нибудь подобное.

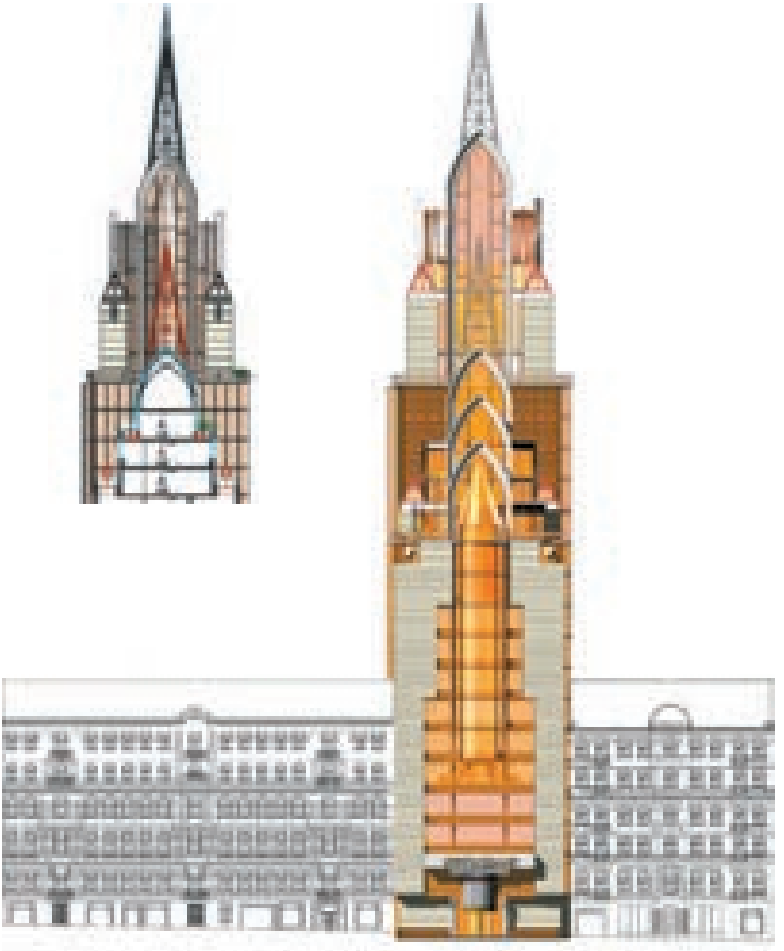
Сергей Мандалина
A+C 5 '2004

ГОТИКА
УКРГАЗБАНК НА Б. ВАСИЛЬКОВСКОЙ



Попадая в среду, мы избирательно относимся к написанию новых страниц в архитектуре, чтобы наше здание разговаривало с окружением или хотя бы с одним объектом, достойным серьезного внимания, не только потому, что он оказался там раньше, но потому что он хорош и, простояв десятилетия и века, выжил — поэтому достоин уважения и беседы с ним на его же языке. Костел Св. Николая, построенный Городецким, одна из доминант ул. Красноармейской, и сам образ улицы связан с приятным воспоминанием готики этого храма. Создавая еще одну вертикаль через энный разрыв по этой улице, мы позволили себе поговорить с Городецким в стиле готики, вот почему архитектура Укргазбанка несет на себе готические черты — считайте, новая готика.

Янош Виг
A+C 5 '2004



Проект офисного здания «Укргазбанк» по ул. Б. Васильковская 39

архитт Янош Виг, Татьяна Чорна, Степан Кашшай, Андрей Комарчук, 2003–2004

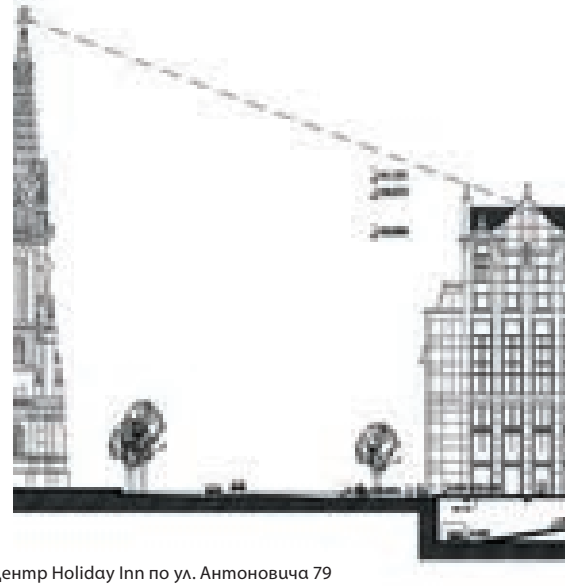
ГОТИКА
ГОСТИНИЦА HOLIDAY INN

Место напротив готического костела В. В. Городецкого предопределило особенность проекта. Если не подыграть контексту, с объектом трудно справиться. Тему было интересно развить, поскольку «готических» зданий в Киеве не так уж и много. Готика — ключ, который помог в работе: фасады, пилоны, завершения. Задан настрой, который позволил быстро сделать проект. Это как в джазе, на хорошо заданную мелодию легче исполнить удачную вариацию. В лондонском Сити тоже есть несколько объектов «в готике», они узнаваемы и интересны, даже в духе XX века.

Андрей Пашенько
A+C 5 '2004

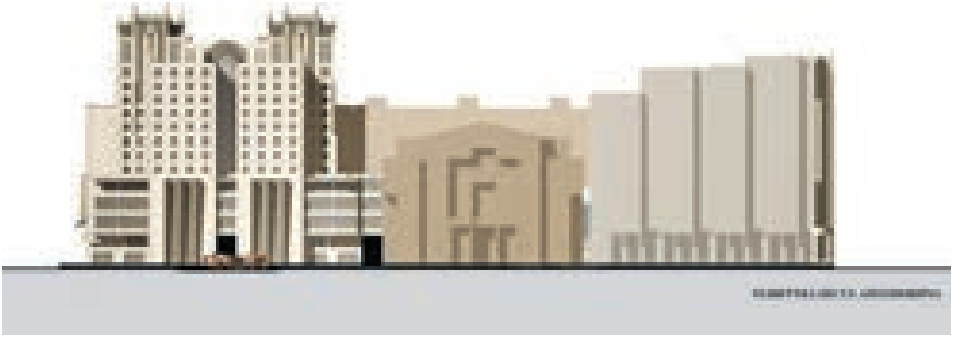
Офисно-гостинечный центр Holiday Inn по ул. Антоновича 79

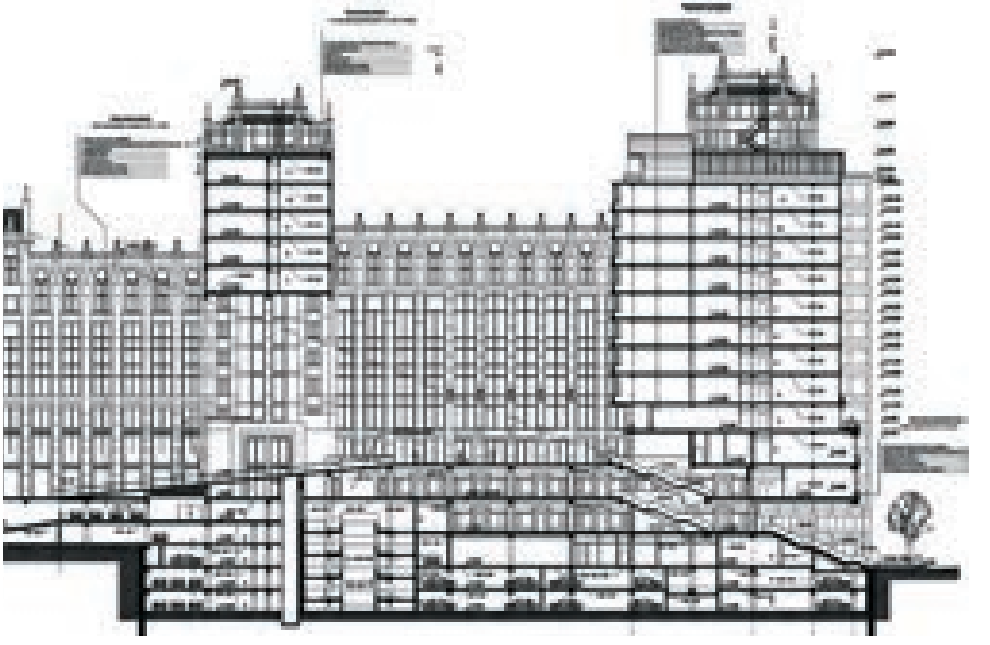
архитт. Андрей Пашенько, Светлана Здоренко, Дмитрий Аршинов и др., 2003–2008



Офисно-гостинечный центр Holiday Inn по ул. Антоновича 79

архитт. А. Пашенько, С. Здоренко, Д. Аршинов, Р. Саленко, проект, 2003





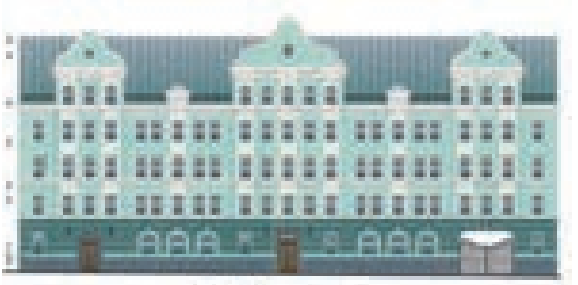
УКРАИНСКОЕ БАРОККО
МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ НА ПОДОЛЕ

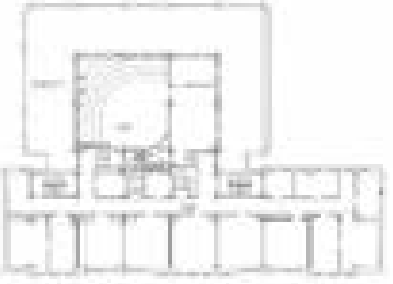
Это не реконструкция, совершенно новое здание построено на пустыре. В свое время здесь стояли двухэтажные частные постройки XIX века. Первоначально здание проектировалось как вычислительный центр Министерства финансов Украины и было возведено без инженерии, интерьера и отделки. В 2000 году принято решение скорректировать долгострой под три департамента Минфина.

По настоянию Общества охраны памятников и с нашего доброго согласия к проектированию фасадов был привлечен главный архитектор НИИПградостроительства Тарас Григорьевич Довженко. Он предположил, если уж делать римейк, не уходить в классицизм и другие общеизвестные стили, а вернуться к истокам, украинскому барокко. Это своеобразный архитектурный парадокс, от полного разрушения памятников во времена социализма мы пришли к истерической их охране. Почему истерической? Потому что в нашем менталитете нет золотой середины. И маятник обязательно качается от крайнего правого до крайнего левого, от полного пренебрежения охраной наследия до сдувания пылинок даже с тех вещей, которые вовсе не памятники и подлежат сносу. Так вот, во время проектной корректировки этого долгостроя «маятник» находился в крайне правом положении: ничего не трогать! А если восстанавливать — «чтоб не было видно!» Думаю, с развитием демократии и цивилизованности в нашей стране колебания такого маятника будут затухать. Буде они и возникнут, то в форме творческой, а не административной.

Анатолий Цветков

А+С 5 '2004





Министерство финансов Украины по ул. Межигорской 11

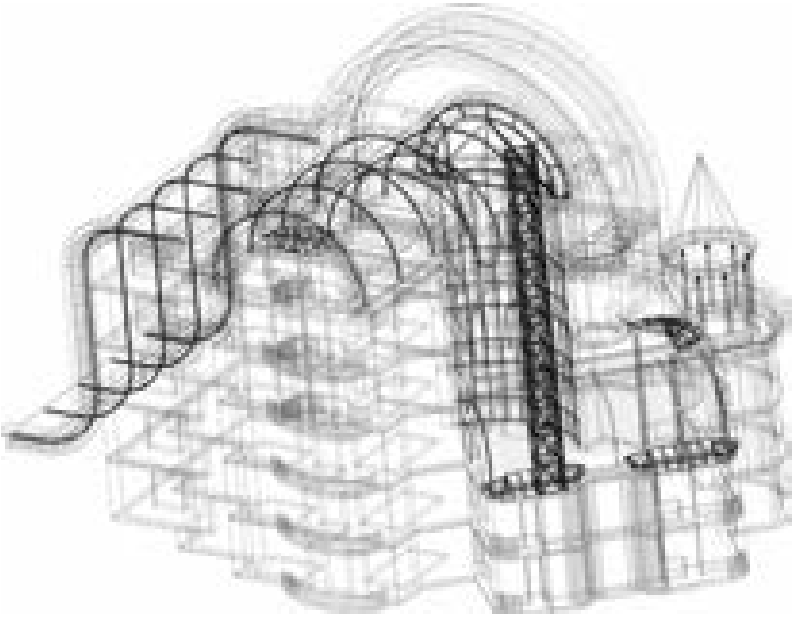
архитт. Анатолий Цвтеков, Владимир Гальченко, Влдаимир Рыбак и др., 1994–2001

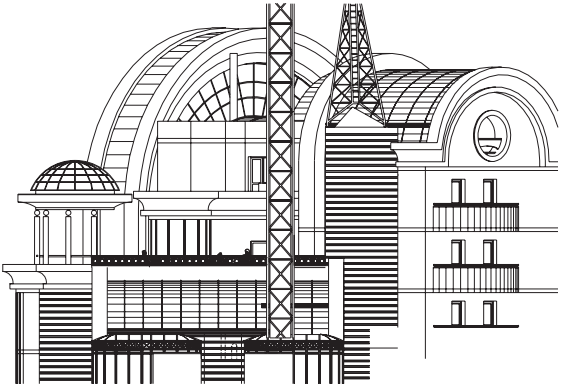
УКРАИНСКОЕ БАРОККО
ДОМ-ВОЛНА НА ПЕЧЕРСКЕ

Возвращаясь к рассуждениям моего учителя проф. А. Добровольского, я задался вопросом, что же такое национальная украинская архитектура? И пришел к выводу, что она, как никакая другая — лепная, рукотворная, рукодельная. Один из величайших ее представителей Пётр Ковнир. Взгляните на фронтоны, вылепленные для корпуса в Лавре! Залюбовавшись этим мотивом, я решил побеседовать с Ковниром современным языком, как младший со старшим, как внук с дедом. У деда определенная ритмика, интонация слов. Внук воспринимает и, как зеркало, отражает дедовские слова, в своем времени, на языке компьютера. Воплощение идеи — Дом-Волна: развитые карнизы, пластика выносных деталей, балюстрады, асимметричность и алогичность сопряжений карнизов. Мотив лепной архитектуры с сильным завершением трансформировался в образное решение современного объекта.

Янош Виг

A+C 5 '2004





Жилой дом по ул. Староводницкой 4В

архитт. Янош Виг, Екатерина Алексеева, Зинаида Залозная и др., 2000–2004

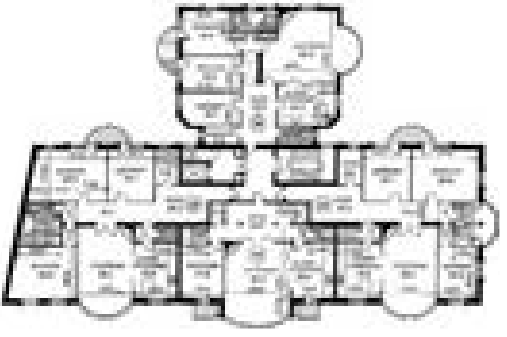
УКРАИНСКОЕ БАРОККО
ДОМ ПО УЛИЦЕ ИВАНА МАЗЕПЫ 10

Проект комплекса, вид с Арсенальной площади, 1998

Феноменальное историческое место. Не хотелось здесь ставить авангардное здание. Мы отреагировали на соседство с классической усадьбой К. Ипсиланти (1798) и ввели в проект соответственно масштабную арку. Когда-то напротив находился Слупский Никольский собор, выдающийся образчик украинского барокко, рядом — конструктивистский дом И. Каракиса. Новым проектом мы хотели поддержать историческую коммуникацию. Криволинейные формы, сочетание вертикальных элементов и ячеистой структуры, здесь есть всё: сухарики, пилястры, фронтоны, кронштейны, аттики, декоративный металл. После периода безликой типовой архитектуры мы вернули дому деталь, потерянную в 60-х. Сейчас занимаемся реконструкцией Арсенальной площади, дом входит в структуру квартала.

Сергей Ежов

A+C 5 '2004



Жилой дом по ул. Январского восстания 10 (ул. Ивана Мазепы)

архитт. Сергей Ежов, Михаил Витушок, 1998–2000

БИДЕРМАЙЕР
ДОМ НА ЛЮТЕРАНСКОЙ 14

Современное здание на монолитном ж/б каркасе находится в элитном районе — Липках. Контекст определил решение двух основных фасадов: выходящего на Лютеранскую и обращенного к архитектурному амфитеатру Крещатика. Здесь представлены почти все «исторические стили» старой киевской улицы. Рядом со зданием — небезызвестный Дом Балабухи и типовая «сталинская» школа. Поэтому классические элементы в популярной трактовке более всего напоминают стилистику «промышленного жилья» бюргерского класса, именуемого в Германии XIX века «бидермейер». Его аналог в Америке в первой трети XX века носил имя «чиппендейл». В данном случае основные усилия положены на согласование функциональных характеристик объекта. И как часто бывает, работа происходила в жанре «нервы, деньги, кровь и пот», но многострадальное решение точно соответствует средовым характеристикам участка.

Игорь Александрович

A+C 5 '2004

Жилой дом по ул. Лютеранской 14

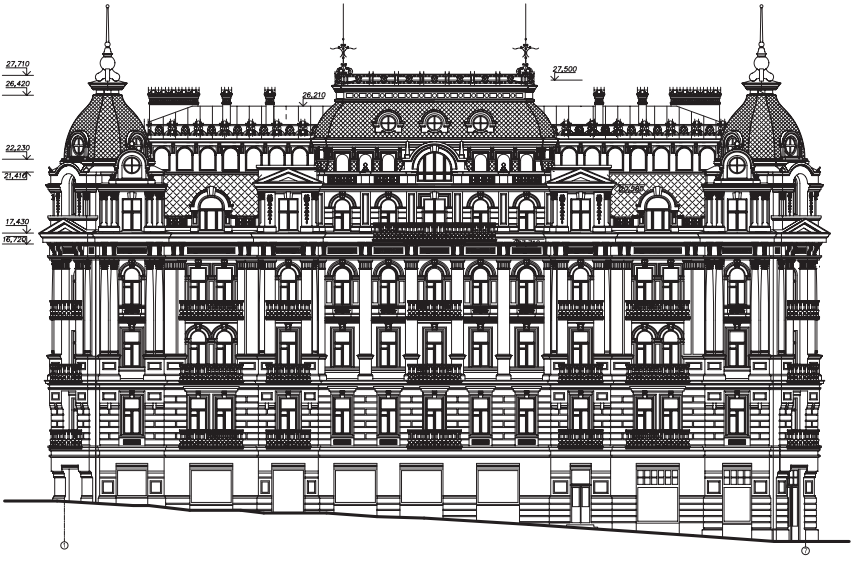
архитт. Игорь Александрович, Наталья Лысенко, Александр Макогончук, Елена Бобырь, 2004–2005

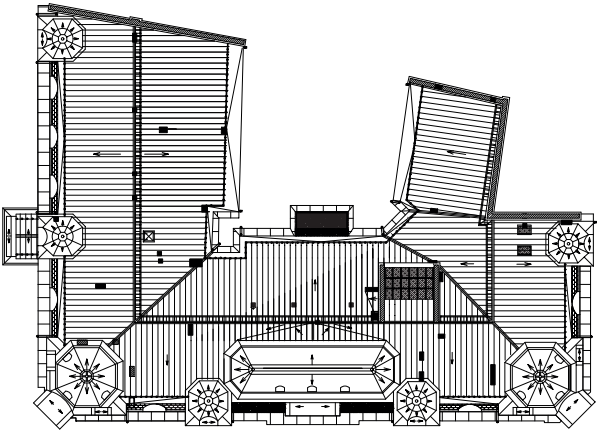
ВЕНСКИЙ РЕНЕССАНС

Надстройкой мансарды над домом начала XX века в сердце исторического Киева, на территории «города Ярослава», напротив Золотых ворот решалась триединая объемно-пространственная и стилистическая задача: фактическое увеличение масштаба застройки центра, «подхват» средовых черт киевской застройки, тактичное развитие стилистики здания. Возникновение башен обусловлено архивными документами и фото: они выполнены в традицион-ном ключе широко распространенной в Киеве рубежа XIX–XX веков стилистики «венского ренессанса». Многочисленные образцы такого рода наверший можно видеть, например, совсем недалеко, на ул. Богдана Хмельницкого. Первоначальным проектом предусматривалось семь таких башен, но коллективным разумом Градостроительного совета их число уменьшено, что, впрочем, пошло на пользу объекту, поддержав его солидный масштаб.

Святослав Александрович

A+C 5 '2004

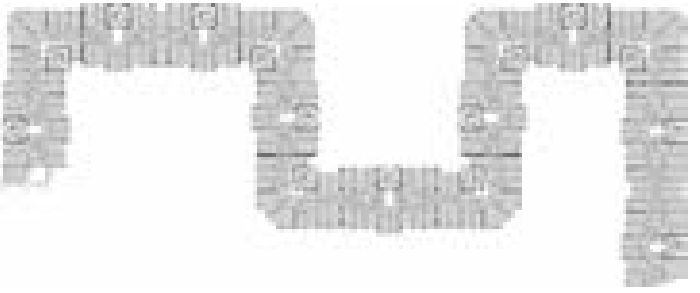




Фасад по улице Ярославов Вал 2

архитт. Святослав Александрович, Наталья Лысенко, Владимир Смирнов и др., 2004

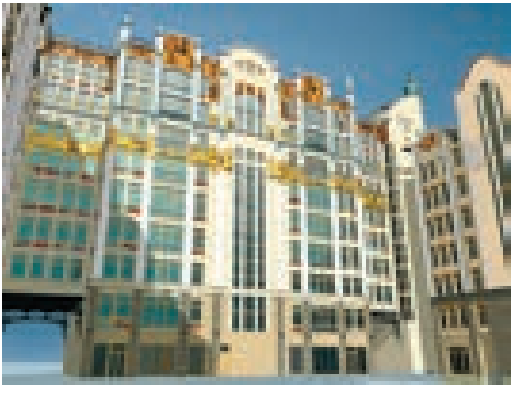
АР-НУВО
НА ПОДОЛЕ ВОЗЛЕ СИНАГОГИ



Мы ставили перед собою цель воссоздать фрагмент исторической среды и в то же время максимально уйти от буквального подражания, в связи с чем при проектировании был выбран метод так называемой образной экстраполяции. Мы исходили из того, что хотя на Подоле сохранилось совсем немного построенных в стиле ар-нуво (сецессии) зданий, однако влияние этих дореволюционных построек на общий дух Подола трудно переоценить. С другой стороны, множество подольских домов в стиле эклектики представляют собою образчики весьма посредственного вкуса и вряд ли имеет смысл воссоздавать его и, тем более, пропагандировать. Принятое решение, по нашему мнению, будет способствовать постепенному переходу градостроительной среды Подола от мещанского, «обывательского» стиля к высокой, «представительской» архитектуре. Несколько причудливый план жилого комплекса обусловлен,в том числе, непосредственной близостью исторически значимого здания синагоги (приблизительно на уровне середины фасада). Поэтому с целью сохранения сформированной ею среды, «исторического микроклимата», максимальной визуализации и просто из уважения к прихожанам, напротив синагоги организован курдонер.

Валерий Кныш

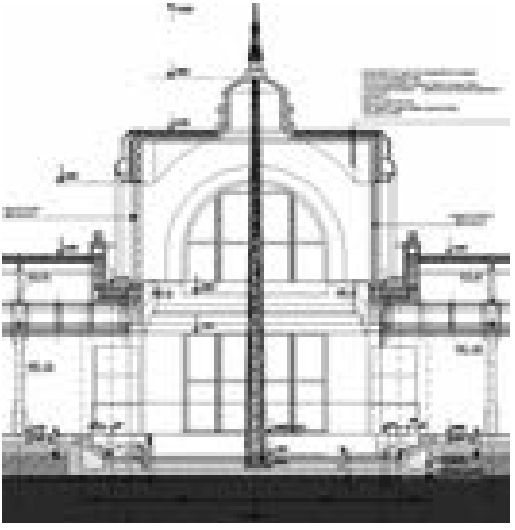
A+C 5 '2004



Проект офисно-жилого комплекса на ул. Щекавицкой 30

архитт. Валерий Кныш, Татьяна Василенко, Владимир Гнатиенко и др., проект, 2004

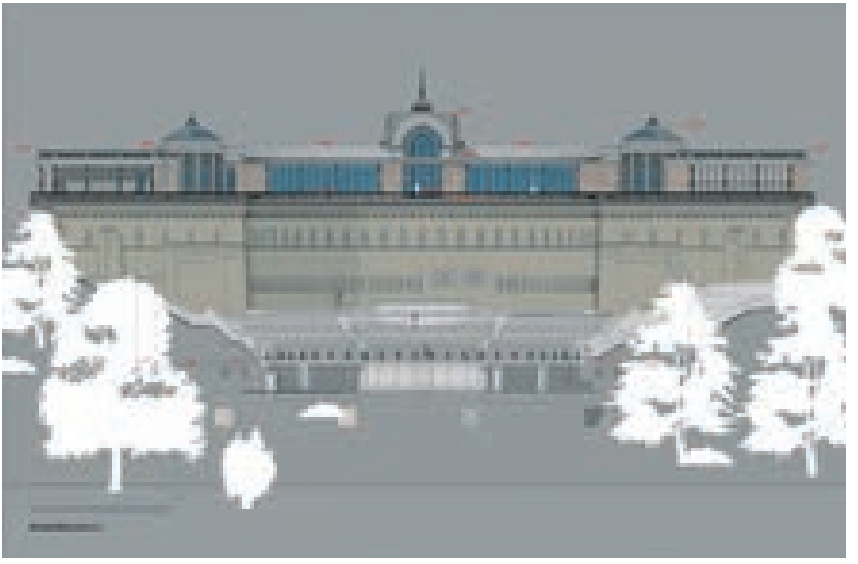
АР-ДЕКО
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗЕЛЁНОГО ТЕАТРА



В середине XX века все места по Парковой дороге были живы и популярны. На них шумели такие объекты, как рестораны «Ривьера» и «Кукушка» в исполнении 1930–1940-х, и сам Зелёный театр архитекторов А. В. Власова и А. И. Заварова (1948–1949). С моей точки зрения, стиль ар-деко наиболее уместен для столичного парка. Он нормально воспринимается и людьми и даже властями. Это столичный масштаб богатого города, мегаполиса. Здесь уместна отделка из дорогих материалов. Мне приятно работать в стилистике ар-деко, и особенно с его деталью. С другой стороны, это игра — игра в бутафорию.

Андрей Пашенько

A+C 5 '2004

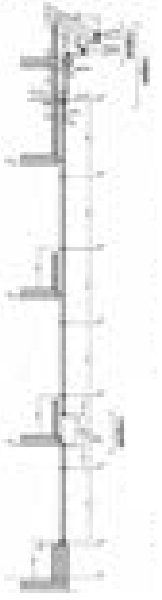


Проект реконструкции Зелёного театра на Парковой дороге
архитт. Андерй Пашенько, Денис Олексиюк, 2004–2005

Зелёный театр в 1940-е

АР-ДЕКО

РАСШИРЕНИЕ АРХИВА НБУ



Новый объем архива составил 2090 *кв. м.* Изначально рабочие чертежи были выпущены с бетонным карнизом: шаблоны в натуральную величину архитекторы разрабатывали совместно с Укрпроектреставрацией. Но приступив к строительству, карнизы заменили на алюминиевые. Я работал с разными карнизами: бетонными, кирпичными, даже деревянными, которые оббивались жестью или штукатурились, — пока не попробовал алюминиевые системы. Алю миний позволил работать максимально эффективно и легко. Для утепления фасадов снаружи алюминиевый карниз самый технологичный и удобный материал. Плюс превосходные эстетические качества.

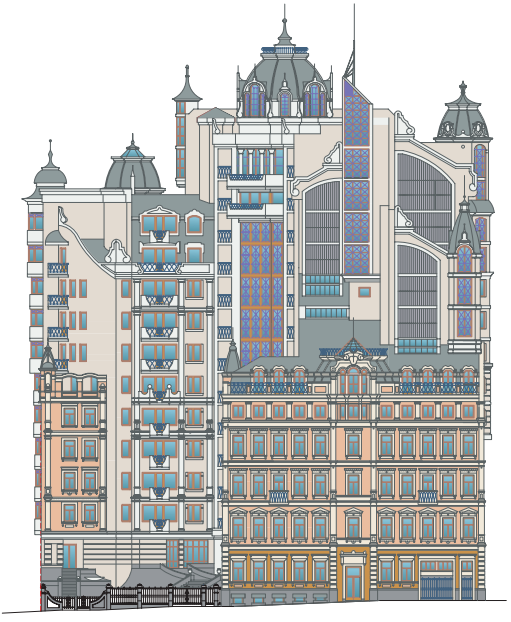
Александр Коваль

A+C 5 '2004

Расширение Архива НБУ по ул. Институтской 11

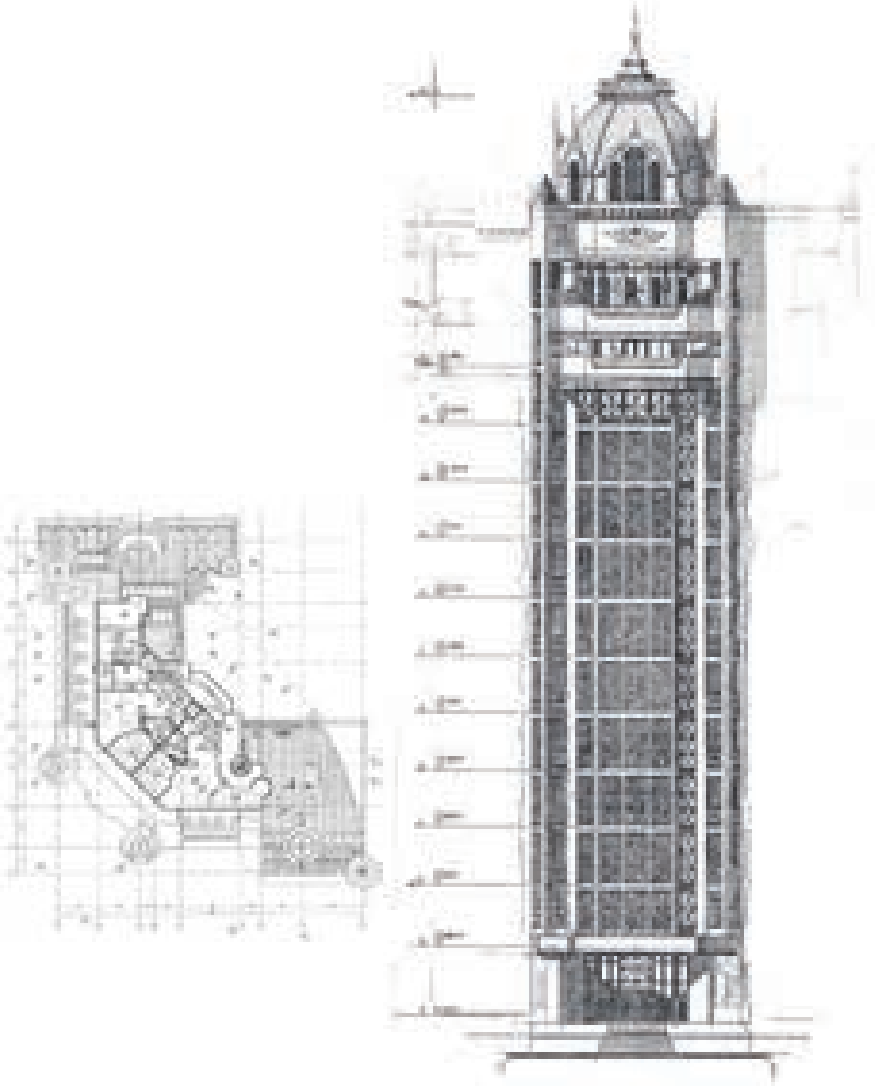
архитт. Александр Коваль, Ольга Сокоть, 1999–2004

НЕО-РЕНЕССАНС



Здание расположено на месте утраченных жилых домов конца XIX века. Об их пребывании на Бибиковском бульваре напоминают сохраненные фасады, формирующие исторический характер застройки. Традиционный курдонер вопроизведен объемно-пространственным решением нового здания. В основе планировочного модуля — сажень, соответ-ствующий концепции «человек — мера всех вещей». Жилой объем расположен с отступом от красной линии, вход подчеркнут вертикальным холлом с панорамным лифтом.

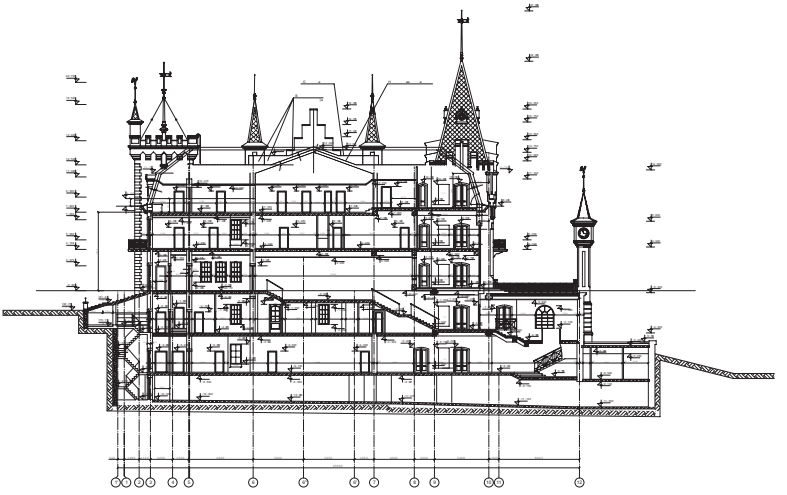
A+C № 6 '2005



Жилой дом по ул. Тараса Шевченко 11

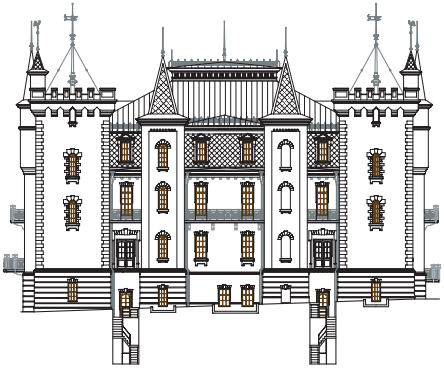
архитт. Евгений Кириченко, Кирилл Денисов, Леся Ткачук, проект, 2000–2003

АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА



Когда-то склоны над Европейской площадью были основательно обжиты детворой. Купеческий сад был переименован в Пионерский и оснащен качелями-каруселями. До войны в здании Купеческого собрания (сегодняшняя филармония) размещался Дворец пионеров, где с 1936 по 1941 год работал Театр кукол. В новейшие времена детишек было подвинули, но в 2004 году в старой водонапорной башне устроили Музей воды, активно посещаемый школьниками, и кукольный театр пришелся кстати. Здание, задуманное в виде сказочного дворца, напоминающего, однако, псевдоготическую комендатуру Новой киевской крепости. Со временем домик предполагается окружить чем-то вроде «Поляны сказок» со скульптурой и игровыми площадками (говорят, мэр отправлял проектировщиков за вдохновением в Диснейленд). Пока же к театру проложена широкая парадная лестница и оборудованы террасы, на одной из которых разместилась чаша светомузыкального фонтана «Дюймовочка».

А+С № 1 '2006



Кукольный театр, ул. М. Грушевского 1А

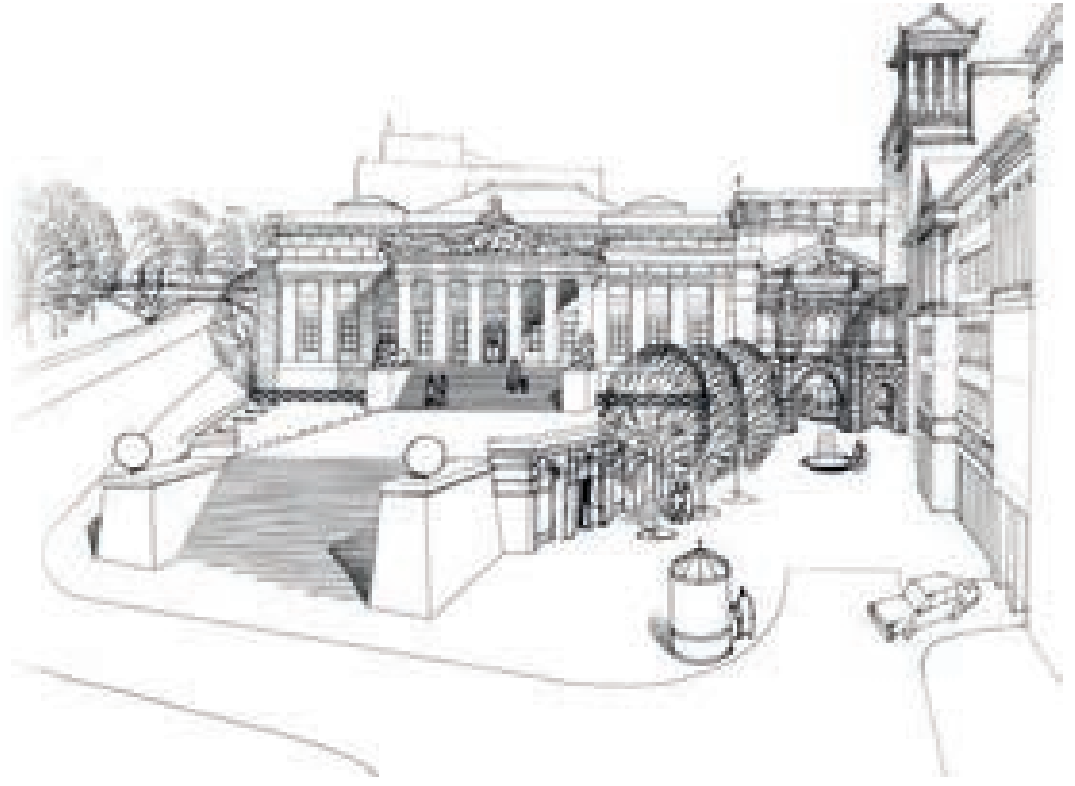
архитт. Виталий и Ольга Юдины, Борис Сидельник, Наталья Винник, 2002–2005

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
РЕКОНСТРУКЦИЯ НХМУ

В конце XIX века в Киеве не существовало постоянной экспозиции произведений изобразительного искусства. Трудно сопоставить этот факт с тем, что в городе творили Врубель, Нестеров и Васнецовы, под руководством Прахова расписывались Владимирский собор и Кирилловская церковь, в художественной жизни активно проявились выходцы рисовальной школы Мурашко, в частных коллекциях Терещенко и Ханенко уже осели отечественные и зарубежные шедевры, а по числу посетителей передвижных выставок на тысячу жителей Киев занимал в России первое место. Общественность резонно беспокоилась: не станет ли славный город «мертвым для развития искусства»?

Потребность Киева в музее становилась остро-насущной, усугубляясь наличием разрозненных собраний всевозможного добра любителями старины, древностей и археологии. «Как бы то ни было, довольно поздний почин города в этом направлений оказался все же крайне многоплодным» (К. Шероцкий). И напротив Царского сада по проекту архитекторов Бойцова и Городецкого и стараниями архитектора Николаева в 1899 году возникло впечатляющее здание музея, «к возвышенной террасе» которого «словно к Акрополю ведет обширная лестница». Сознательная греческая стилизация, не характерная для Киева, но по духу одновременно и близкая городу на холмах, отличает музей от всего, что воздвигнуто на Липках, от российского классицизма университета, классицизма В. Осьмака и П. Алёшина.

Пережив разные политические режимы, войны, реорганизации и переименования, «Акрополь» — с 1997 года Национальный художественный музей Украины (НХМУ или National Art Museum of Ukraine) — отпраздновал столетие. Получив к знатному юбилею подарок: Указ

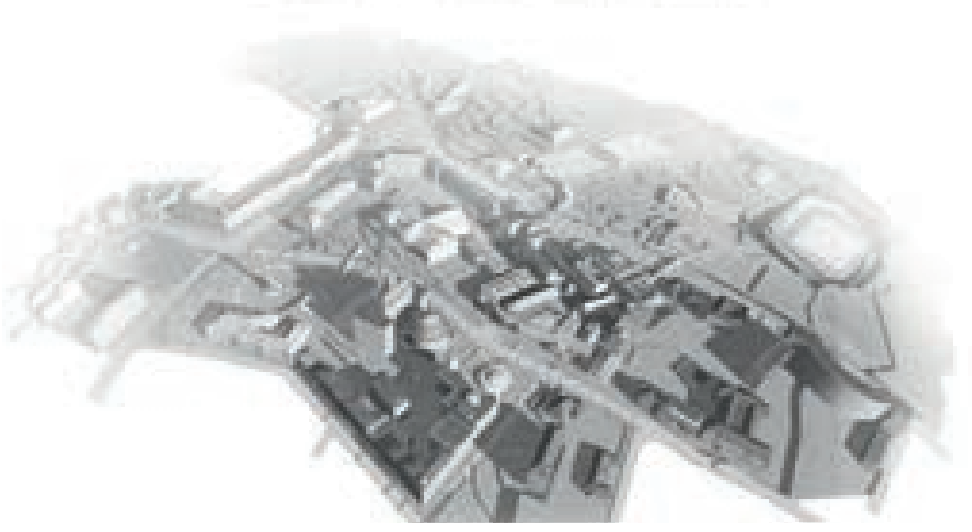


Проект реконструкции и развития Национального художественного музея Украины

архит. Владимир Шевченко, проектное предложение, 2002

Пьяцетта, завершающая Музейный переулок

Фасад по ул. Институтской 3



Ситуация в пределах ул. Институтской и М. Грушевского

Проект реконструкции и развития Национального художественного музея Украины

архитт. Владимир и Наталия Шевченко, Татьяна Макарина и др., проект, 2002

Президента о реконструкции, а впоследствии — долгострой по ул. Институтской 3 вместе с прилегающими зданиями. Приспособление их под музейные функции легло в основу конкурса на концепцию реконструции и развития комплекса НХМУ.

Народная легенда гласит, что лет пятнадцать назад незавершенка на Институтской мыслилась республиканским выставочным павильоном. Импульсом к его строительству был знак: на проходящего мимо Щербицкого, совершавшего, вероятно, привычный маршрут от здания ЦК КПУ к Октябрьскому Дворцу, обрушился подозрительный кусок штукатурки. И вопреки запрету на слова «строительство новых общественных зданий» спешно приступили к якобы реконструкции. Недострой и по сей день хранит доказательства этой формальной экономии державных средств — новые конструкции частично нагромождены на ветхие фундаменты гаражей НКВД, подвалы которых отягощает невеселый ассоциативный ряд, и конюшен 1880 года. В процессе строительного запала вспомнили мимоходом о скромных размерах клуба Совмина, благо рядом, и решили заодно расширить функции выставочного павильона, хитро объединив на одних площадях разное: заседания, торжества, елки и другие неотъемлемые мероприятия соцобрядности, вплоть до отпевания именитых мертвецов. В результате архитектурный гибрид, прозванный в узких кругах «Ораториум», даже в незавершенном состоянии поражает безликостью масштабных своих пространств.

Победителем конкурса вышло проектное предложение ПТАМ В. Шевченко. Авторы развили заданный музеем Городецкого дух полисной архитектуры, составивший славу античной демократии, который с успехом сможет поддержать ренессанс Национального художественного музея. Всего получилось 60 000 *кв. м.*

Проект комментрирует архитектор Владимир Шевченко: «Все мы носители греческой традиции. Греция пришла к нам через Византию, и наша земля — первая после летописного Корсуня, где греческая культура дала всходы: в виде государства, права, легендарной библиотеки Ярослава Мудрого и православных храмов. Поэтому эллинская классика для нас — устойчивый стереотип восприятия. Конечно, в нашем

проекте был ответ на "греческое" здание музея Городецкого. Рядом с ним хотелось показать такую же чистую идею. Греческая классика как символ золотой поры, это первое. Второе — акрополь как эмблема музея. На крутом склоне с перепадом в 20 *м* создается цельный ансамбль из разновременных зданий: существующий музей, недостроенный павильон наверху и девятиэтажка "Укрресурсов". В свое время и афинский Акрополь так строился: соподчинили разнокалиберные здания, нанизали на композиционные оси, с поворотами, курватурами, разными углами созерцания. Это греческий подход, когда нет лобовых решений (римский — когда архитектура подчиняется географии, дополняет ее). В границах Институтской улицы и Музейного переулка в первую очередь интригует не стилистика фасадов, а дух места, перепад высот. Здесь сложно построить строгую композицию, и не нужно: есть характерный рельеф. Конкурсанты предлагали склон в виде раковины, усаженный деревьями. Сомневаюсь в его уместности рядом с пустующим городским парком и прекрасными обзорными площадками. Наш проект предусматривает пешеходную связь между существующим парком и станцией метро "Крещатик" на ул. Институтской, объединение верхнего и нижнего плато. Музей должен быть не на задворках городского центра — его нужно сделать муниципально открытым, заменив приснопамятную бетонную лесенку во дворах панорамными лифтами и мостовым переходом, придав старой идее новую тональность звучания. В этом случае музей станет одним из ключевых звеньев на пешеходной эспланаде Днепровских холмов, протянувшейся от Андреевской церкви до Лавры, добавив в панораму Киева еще один самоцвет Правобережья».

Елена Ненашева

А.С.С № 2 '2003

3|3

САКРАЛЬНА АРХІТЕКТУРА

ЮРІЙ ЛОСИЦЬКИЙ

АЛЛА АНІЩЕНКО

ВАЛЕНТИН ІСАК

МИКОЛА ЛЕВЧУК

МИКОЛА ЖАРІКОВ

ТИМОФІЙ БАДАЯНЦ

ОЛЕКСАНДР КОМАРОВСЬКИЙ

СЕРГІЙ ШТУКОВ

ВІКТОР ЛІХНО

СТАНІСЛАВ СНЄЖКІН

АРКАДІЙ ДУБІК

ВАДИМ ЖЕЖЕРІН

ЮРІЙ БАБИЧ

ВОЛОДИМИР АНУФРІЄНКО

ЮРІЙ БОРОДКІН

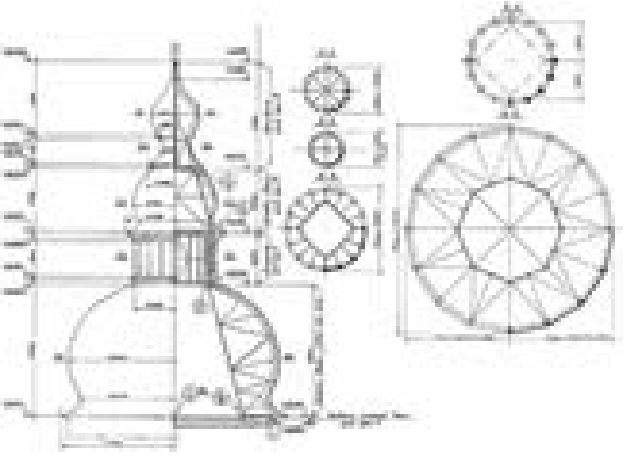
ВАЛЕНТИН ШТОЛЬКО

ЛАРИСА СКОРИК

ЯНОШ ВІГ

ЮРІЙ СЕРЬОГІН

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗЛАТОВЕРХИЙ



Конструкция куполов, инж. Игорь Лебедич

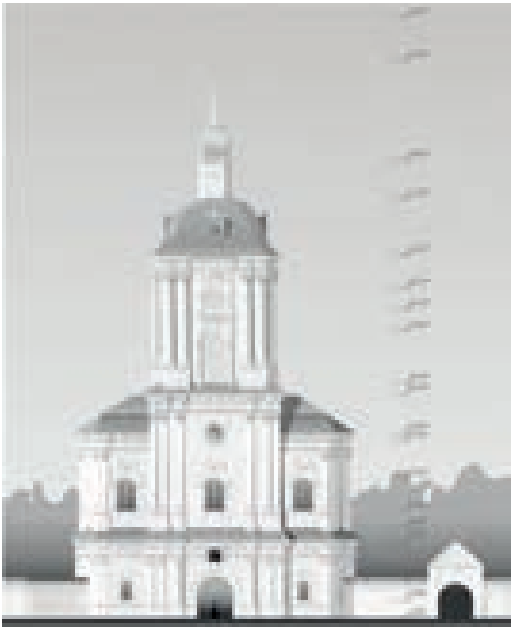
Немецкий журнал Berliner Extra Blat в статье «Полностью разрушенные и воссозданные» (июль '2003) в числе удачных примеров восстановления архитектурных памятников называет наш Михайловский Златоверхий собор. При всей тщательности проработки реставраторами документов, реализация проекта в сжатые сроки потребовала применения современных технологий. Так каркасы куполов были сделаны не из дерева, а из металла, и изготовлены не вверху, как принято, а в мастерских, откуда были доставлены готовыми. Большой купол колокольни пришлось перевозить секциями и золотить на стройке. Дерево использовалось только как обрешетка для медного листа, по которому наносилась позолота. Металлический каркас применен не как особо оригинальный прием или гарантия прочности, это лишь наиболее технологичное в данных условиях решение.

Юрий Лосицкий

A+C № 5 '2004

Проект воссоздания Михайловского Златоверхого собора
архит. Юрий Лосицкий, 1992–2000

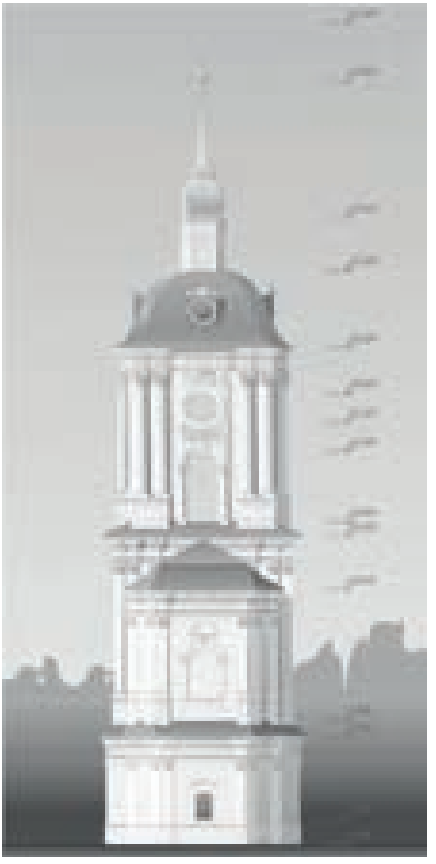
КИРИЛІВСЬКА ДЗВІНИЦЯ

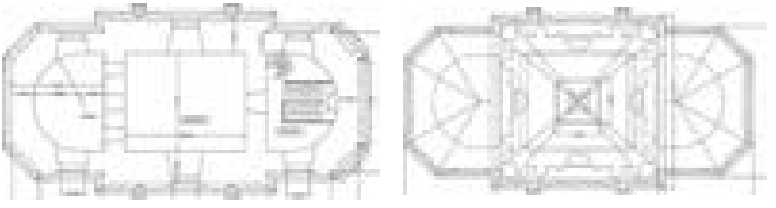


Проектом передбачено відтворення надбрамної церкви-дзвіниці на історичному місці та відкриття фундаментів споруди; відновлення фрагментів муру, прилеглих до дзвіниці; будівництво вхідної брами та благоустрій ділянки з врахуванням відтворених споруд. Розроблено два варіанти відтворення самої дзвіниці. Перший — з покрівлями у формах початку XIX ст. (до пожежі 1851 року), з відкритим проїздом у першому ярусі. Другий варіант — зі зміненою після пожежі формою покриття та з закладеним проїздом, у вигляді споруди на час руйнації.

Олена Мирошниченко

А+С № 2 '2008

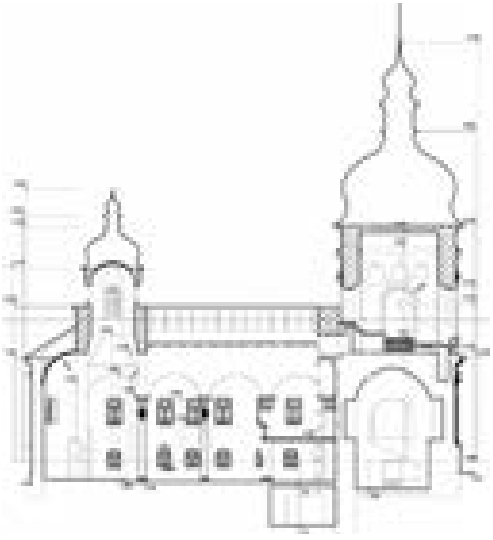




Відтворення дзвіниці та мурів Кирилівського монастиря, вул. Кирилівська 103

архітт. Юрій Лосицький, Олена Мирошниченко, проект, 2006

ДЗВІНИЦЯ КОСТЯНТИНА І ЄЛЕНИ



Триярусна споруда розташована поряд з церквою Костянтина і Єлени. Дзвонарським був лише верхній ярус, а два нижні — церквою Димитрія Ростовського. Планується відтворити втрачені елементи барокової архітектури XVIII ст. дзвонарського ярусу. Іконографічні матеріали та частина стін, що збереглися під дахом, дають можливість реставрування з вичерпною точністю. Є питання, щодо форми главки, яка виконана в стилістиці ампіру і не відповідає гармонійному ладу споруди, тому передбачено відтворення главки у барокових формах. Також передбачається відновити добудоване у 1860-мі тринефне приміщення під сучасні потреби церковної служби.

Олена Мирошниченко

А+С № 2 '2008

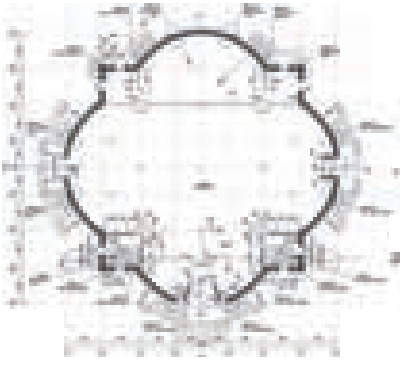
Реставрація Дмитрівської церкви (дзвіниці церкви Костянтина і Єлени), вул. Кирилівська 8/6

архітт. Юрій Лосицький, Олена Мирошниченко, проект, 2008

ОЛЬЖИНСКИЙ СОБОР

Собор является главным сооружением храмового комплекса парафии Св. Ольги на районе. Наряду с собором в комплекс входят здание воскресной школы, административно-хозяйственный корпус и храм Благоверного князя Всеволода-Гавриила (1997–1998). Строительство собора начато в 2004 году, сегодня уже действует придел Константина и Елены, главный престол будет посвящен Равноапостольной Вел. кн. Ольге. Структура храма наследует центрическое строение церквей украинского барокко с обширным подкупольным пространством. В оформлении фасадов использован мотив праздничной казацкой церкви с белеными стенами и окнами в виде больших православных крестов. Завершение пятикупольное, с «шахматным» расположением куполов. Развитие комплекса предполагает строительство колокольни.

А+С № 2–3 '2009

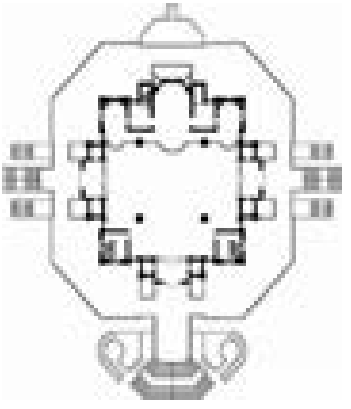


Ольжинский собор на Харьковском массиве, ул. Архитектора А. Вербицкого 3Г
архитт. Алла Анищенко, Валентина Шпара, 2002–2009

СОБОР ПОКРОВИ БОЖОЇ МАТЕРІ

Собор УПЦ МП споруджено за канонічними традиціями православних храмів. Це містобудівна домінанта, що визначає вигляд територіально адміністративного центру Оболоні. На продовженні основної осі (вул. Маршала Тимошенка) побудовано пішохідний бульвар «Дорога до Храму», який при виході на набережну Дніпра, завершений цією величною спорудою. В основу об'єму собору покладений квадрат та його діагональ до верху головного купола. Фасади у відкритій червоній цеглі з яскравими білими карнізами. Центральну конху прикрашає велика мозаїка Покрови Божої Матері. В опорядженні використані благородні та довговічні матеріали — мармур, граніт, декоративна плитка.

А+С № 2–3 '2009



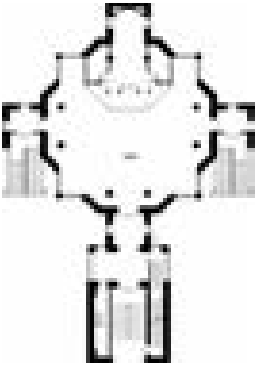
Собор Покрови Божої Матері на Оболоні, вул. Прирічна 5А

архітт. Валентин Ісак, Ігор Авдєєв, Борис Гудков, Олег Калиновський, 1997–2010

ХРАМ РІЗДВА ХРИСТОВОГО

Серед безлічі нових храмів України, абсолютно конформистських за стилем, дуже рідко здивованому погляду пілігрима постає справжній «позачасовий взірець». Розсипом веселих перлин-маківок дивує невелика православна церква на правому березі Дніпра біля Північного мосту. Вона відкриває один з приємніших, особливо з боку ріки, житлових масивів міста — Оболонь. Храм у «візантійсько-вавілонському» дусі запроектовано і побудовано власним коштом нині опальним архітектором Валентином Михайловичем Ісаком, який двадцять незалежних років і доводив цю Оболонь до розуму.

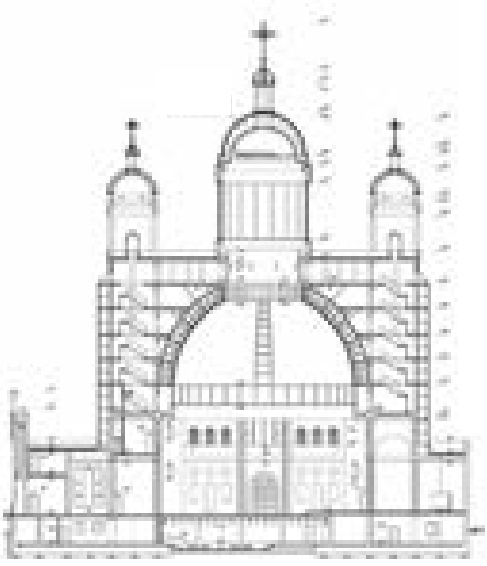
А+С № 2–3 '2009



Храм Різдва Христового, Оболонська набережна 5

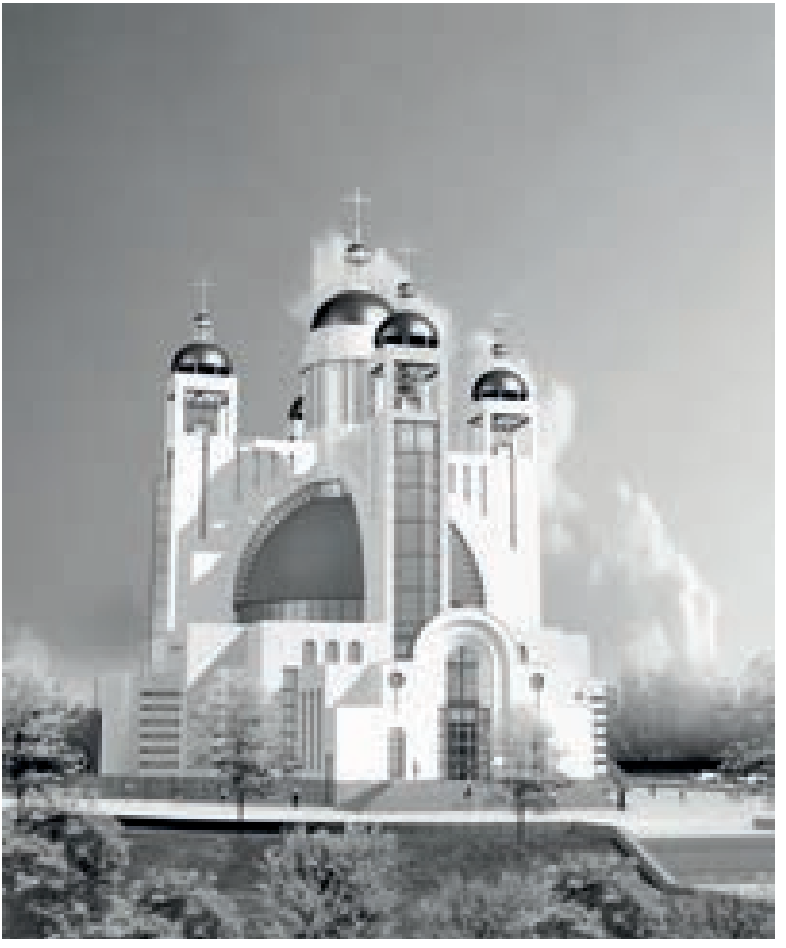
архітт. Валентин Ісак, Олег Калиновський, Руслана Ховалко, 2004–2007

ХРАМ НА НИКОЛЬСКОЙ СЛОБОДКЕ

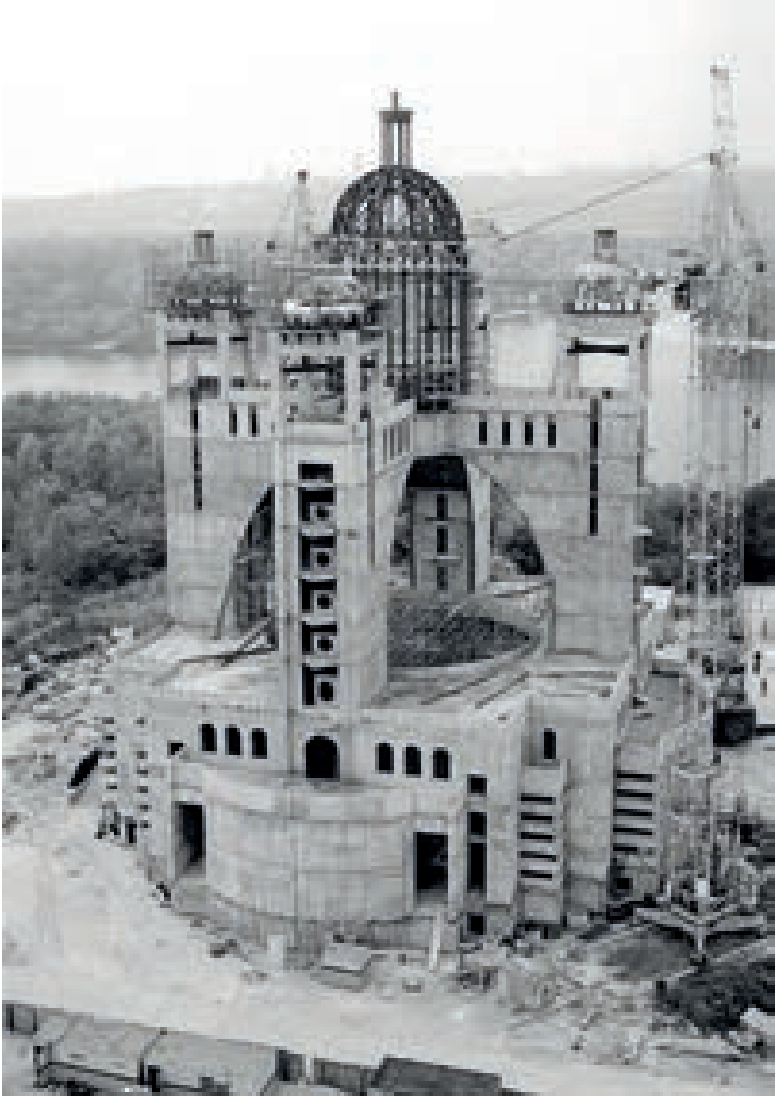


16 октября 2005 года освящен Кафедральный собор Украинской греко-католической церкви, возводимый на кромке Днепра, в пределах так называемого Левобережного общественного центра.

Четыре пилона колокольни смыкаются арками над главным куполом, образуя в плане крест и завершаясь луковками звонниц. Изумрудный купол, объемлющий бесстолпное пространство храма, необычным образом «врезан» в центр внушительной крестообразной структуры. Объем пилонов занят лестницами, подсвеченными витражами золотистого стекла. Зазор между пилонами и главным куполом также заполнен дугообразными витражами, которые делят свод на четыре



Кафедральный собор Воскресения Христова по ул. Никольско-Слободской 5
архитт. Николай и Анастасия Левчук, Олег Клименко, Олег Белогуб и др., 2000–2005



Кафедральный собор Воскресения Христова УГКЦ на «Левобережной»

архит. Николай Левчук, август 2004

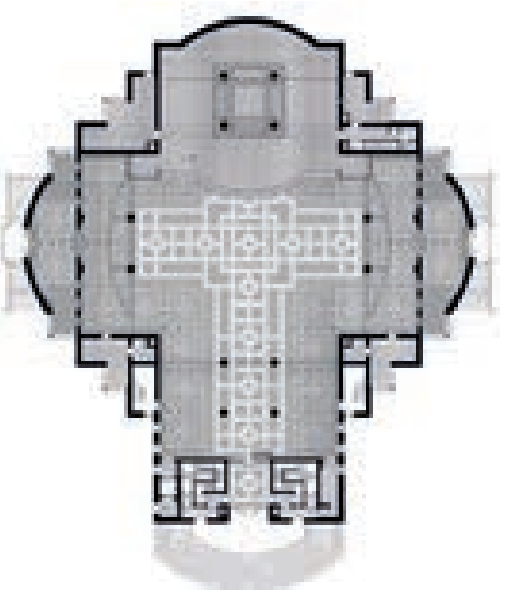


Рисунок пола

сегмента. В сумерках свет, проникающий сквозь тонированное стекло, будет создавать вокруг купола нимб.

Собор замыкает перспективу Никольско-Слободской улицы и главным входом ориентирован на Русановский пролив. От соборной площади к воде, по аллее будут шествовать оглашенные для принятия крещения.

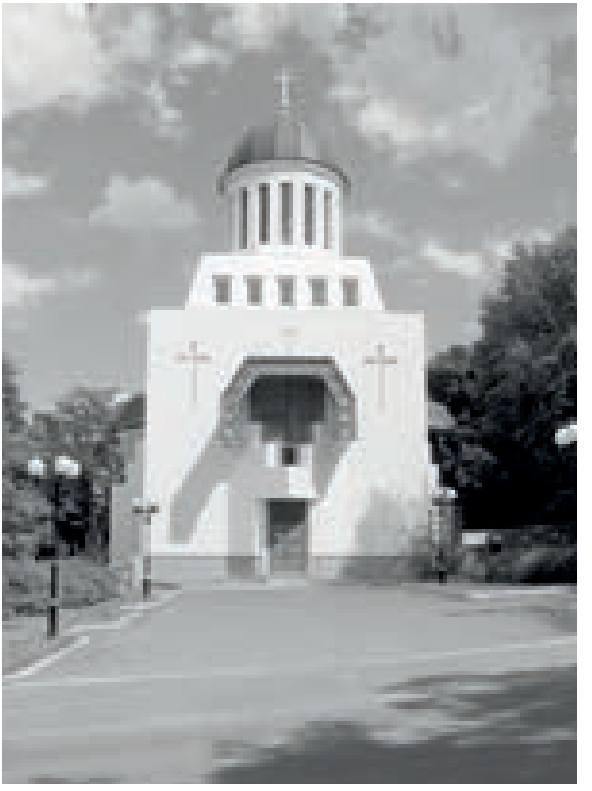
Скоро рядом с храмом вырастет здание резиденции экзарха, а стройная и мощная, как органный аккорд, композиция из бетона и металла скроется под штукатуркой и прочими синтетическими одеждами. А жаль, уж больно хороша звонкая футуристическая основа сооружения!

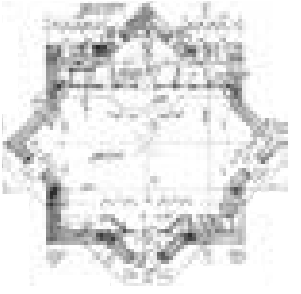
А+С № 5 '2004

ХРАМ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ЧЕРНОБЫЛЯ

Храм-памятник расположен на северном отроге киевской гряды в районе Татарки — с умыслом быть увиденным в самом Чернобыле. Мемориальный комплекс оседлал мыс между старинным серпантином Смородинки и Подольским спуском. Решение церкви предельно лаконично: нижняя часть в виде лапидарного куба необычно — без парусов — сочетается с «византийским» куполом. План образован пересечением двух квадратов: восьмиугольник, по концепции автора, служит православным символом, таким знаком-печатью скреплена крышка гроба Господня. Оригинальная часть мемориала искусственный курган и аккуратная воронка с изъятой для него землей — напоминание о невосполнимой потере.

А+С № 2–3 '2009





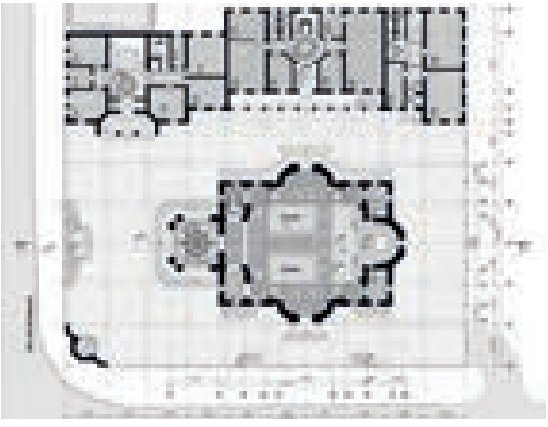
Храм-часовня Мемориального комплекса памяти жертв Чернобыльской катастрофы

архит. Николай Жариков, 1991–2006

АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ПОДОЛЕ

Исторически справедливо Подолу не доставало Армянской церкви наряду с прочими заморскихми храмами, некогда здесь существовавшими. Под горой Щекавицей, на перекрестке возле кинотеатра «Жовтень» (когда-то площадь Красной Пресни) планируется комплекс епархиального управления — блок трехэтажных зданий — и собор. Пешеходный подиум, охватывающий все подворье, на 1,5 *м* поднят над уровнем проезжей части: в нем предусмотрен паркинг и спортзал, непосредственно под церковью — конференц-зал и трапезная. Однокупольный храм выдержанного национального стиля с колокольней, примыкающей к западному фасаду, облицован анийским туфом золотисто-табачного цвета и изукрашен каменной резьбой.

А+С № 2–3 '2009



Армянская церковь, ул. Щекавицкая / Константиновская 28–30

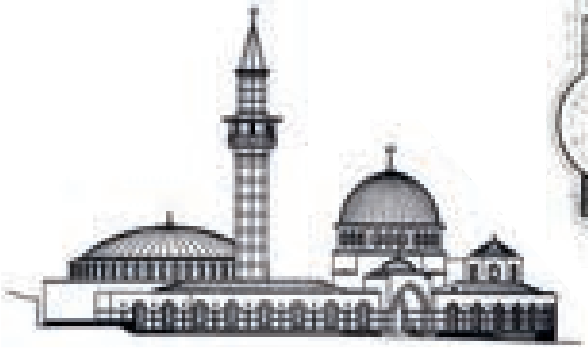
архитт. Тимофей и Павел Бадаянц, Хачатур Даниелян, Ашот Ширенян, проект, 2005–2009

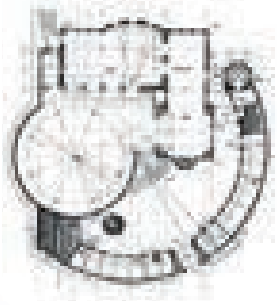
МЕЧЕТЬ НА ТАТАРЦІ

Разом із питомою швидкістю зведення мечеть Ар-Рахма на Щекавиці отримала дуже якісне кам'яне оздоблення бежевої гамми. Незвичний для такого типу сакральних будівель круглий план тим не менш продовжує сталу мусульманську традицію широкого відкритого двору перед молельним залом. Майже єрусалимський абрис споруди, незважаючи на самочинні добудови, недолугі паркани та неймовірне скупчення автомобілів кожної сарацинської п'ятниці, суттєво прикрасив старовинну київську гору.

Традиційна архітектурна форма часто-густо втілюється в життя зовсім не традиційними методами. Конструктор Маркус Коляков запропонував для куполів оригінальну технологію, що може стати в пригоді для зведення не тільки культових споруд. Коментує старший науковий співробітник КиївЗНДІЕПу Олена Болдар: «Архітектурно-конструктивно-технологічна система ГІТОР, розроблена під керівництвом д. т. н. проф. М. Й. Колякова, призначена для швидкого зведення громадських будівель і дає можливість створювати різноманітні криволінійні форми огороджуючих конструкцій. В основі системи лежить безопалубний спосіб зведення: спочатку виготовляється формоутворююча поверхня з армованих термопакетів ефективного утеплювача, яка потім з двох сторін торкретується гіпсобетоном. Найбільша величина прольоту такої багатошарової конструкції дорівнює 24 *м*, стріла підйому — до 6 *м*. Саме при цих параметрах у перерізах куполу не виникає розтягувальних напружень, що є основним критерієм при конструюванні будівель з торкретованого гіпсобетону. На базі цієї системи 1999 року був розроблений стрільчастий купол діаметром 11,06 *м*, висотою 6 *м* і циліндричне склепіння розміром у плані 4 х 5 *м* в покритті Мусульманського центру в Києві».

А+С № 5 '2004





Мечеть мусульманської громади Києва Ар-Рахма по вул. Лук'янівській 46

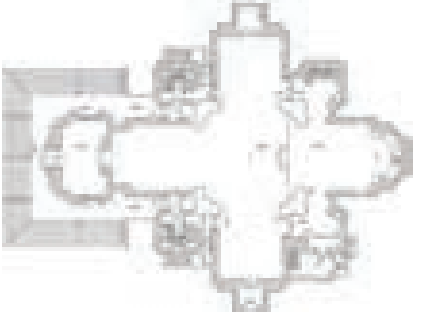
архіт. Олександр Комаровський, 1996–2000

ЦЕРКОВЬ НА ПРОСПЕКТЕ ПОБЕДЫ

Укрпроектреставрация всегда занималась культовыми зданиями. Сейчас средств на реставрацию нет, зато есть заказы на новое строительство. Костел в бетоне и стекле воспринимается нормально, а православное храмостроение законсервировано, и «современный проект» не ассоциируется у прихожан с церковью. Поэтому была негласная установка: строить все церкви в стиле украинского барокко. Эскизный проект этого храма тоже был выполнен в украинском барокко и прошел Градсовет. Но вскоре барокко стало слишком много, индивидуальность терялась. Тем не менее, храм должен быть запоминающимся, и если в контражуре на заходе солнца вы узнаете его по силуэту, значит, он имеет свое лицо. Я помирил украинское барокко основного объема с «русским» завершением (термин условный, потому что и в Украине строились такие церкви, но вы не найдете здесь кокошников). А зачем большие купола? Парить над соснами и столетними дубами. Поэтому мы их покрасили в ярко-синий и позолотили.

Сергей Штуков

А+С 5 '2004



Храм Благовещения Божьей Матери на проспекте Победы 111

архит. Сергей Штуков, 2004–2007

ПЛАСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЦЕРКВИ ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ

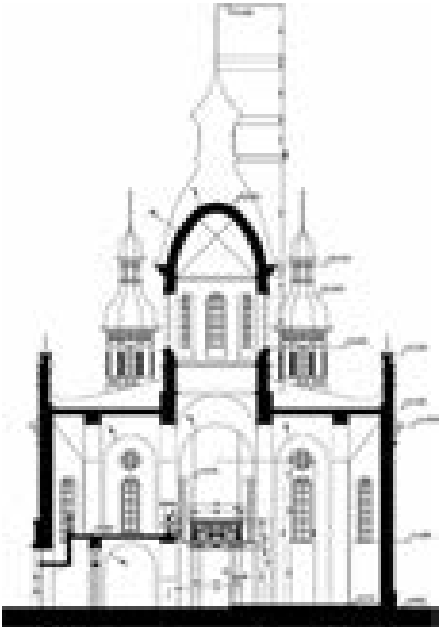
Нетрадиционное решение цоколя, формой напоминающего лилию, вызывает ассоциации с некоторыми современными лотосоподобными проектами индийских пагод. Но перед нами, безусловно, православный храм. В его каноническом объеме, как бы вырастающем из сердцевины цветка, с первого взгляда распознается крестово-купольная система.

Согласно авторскому замыслу, смелая волна, пущенная по фасадам в нижнем уровне, аллегория оберега и сохранения, укрытия Мира земного мантией Богородицы — Покрова. Над Покровами возвышаются пять куполов: Сын Божий в окружении евангелистов, воплощение вечности и незыблемости веры. Цоколь и «лепестки» этой оригинальной композиции задуманы в мраморе, что, безусловно, придаст общей идее дополнительные художественные качества. При замене мрамора бетоном, вероятно, будет смягчен контраст между «цветком» и объемом. Объект воспринимается компромиссным решением, примиряющим канон и новаторский поиск. Однако при отсутствии целостности традиционного образа, удачно выраженная композиционно богословская концепция не может не найти понимание и поддержку даже в консервативной среде.

Сергей Штуков
А+С № 5 '2004

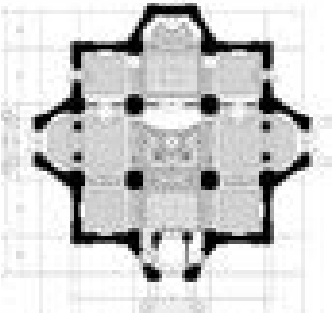
Храм Покрова Богородица, архит. Сергей Штуков, проект, 2004

ЦЕРКОВЬ В БОЛЬШИХ ДМИТРОВИЧАХ



Ажурная церковь успешно строится рядом с сельсоветом и панельными четырехэтажками. Расположение более чем удачное: на зеленом холме, на месте бывшего погоста и перед озером, в котором новое строение выигрышно отражается. Центричное решение зиждется на квадратном четырехстолпном плане. При компактных размерах создано ощущение светлого храмового пространства. Особого внимания заслуживают хорошо темперированные объемы и трепетное отношение к аутентичной барочной детали.

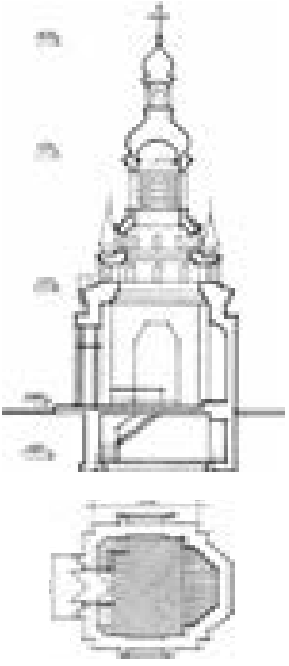
А+С № 2–3 '2009



Церковь Св. Апостола Иоанна Богослова в Больших Дмитровичах Киевской обл.

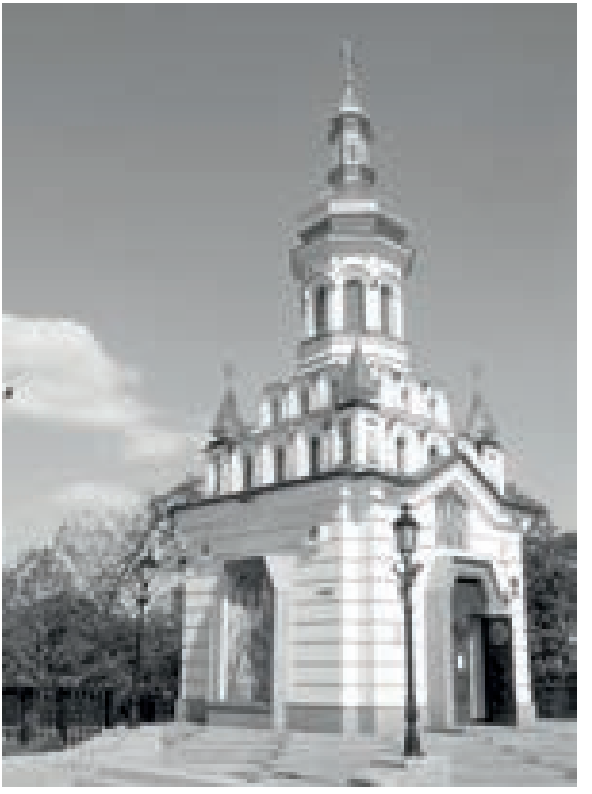
архит. Виктор Лихно, проект, 2006

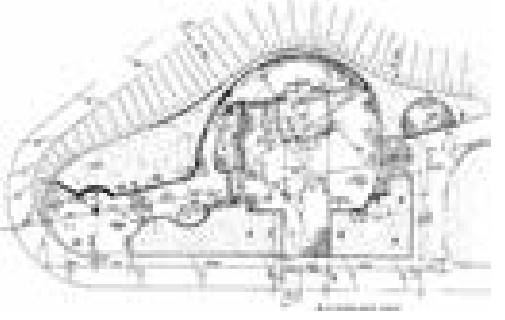
ЧАСОВНЯ СВ. АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО



В Андреевской часовне мысль автора о Миллениуме соединилась с доброй волей главы Печерского района А. А. Коваленко и замечательным местом возле Аскольдовой могилы. Небольшой объем опирается на квадрат 6 х 6 *м*. Завершение повторяет традиционную для Киева барочную композицию: сдвоенный грушевидный купол на тянутом барабане. Остроконечные фиалы напоминают о знаменитой колокольне на Дальних пещерах. В моделировке использованы характерные элементы украинского зодчества, образы на фасадах выполнены из мозаики.

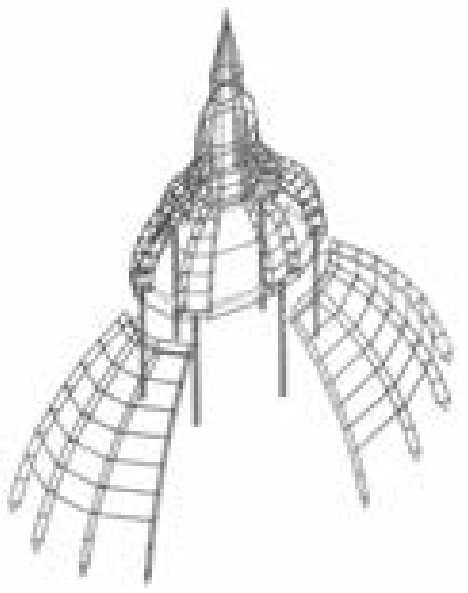
А+С № 2–3 '2009





Церковь–памятный знак Св. Ап. Андрея Первозванного, Днепровский спуск
архит. Николай Жариков, 2000–2001

КРЕЩАЛЬНЯ В ГИДРОПАРКЕ



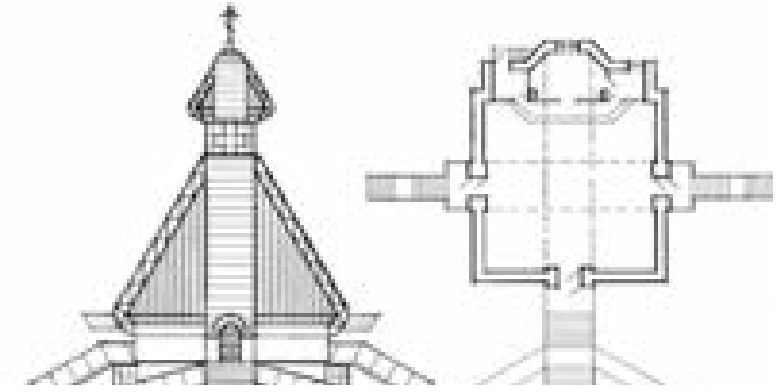
Часовня «Крещение Господне» объединила функции бювета и крещальни. Шестигранная призма диаметром 7,2 *м* с высотой от пола до креста в 17,6 *м* расположена на двух террасах высотой 3 *м*. Основой двухъярусного купола служит цельносвараная конструкция заводской готовности. Глава УПЦ КП Филарет не стал удерживать авторов в рамках традиционных представлений о сакральном зодчестве, но настоял на более или менее привычном завершении купола. Здание изобилует остеклением, решающим проблему освещения интерьера, кульминацией которого служит водосвятская купель и маленькая ризница.

А+С № 5 '2004

Каплица-бювет Крещения Господня, Гидропарк

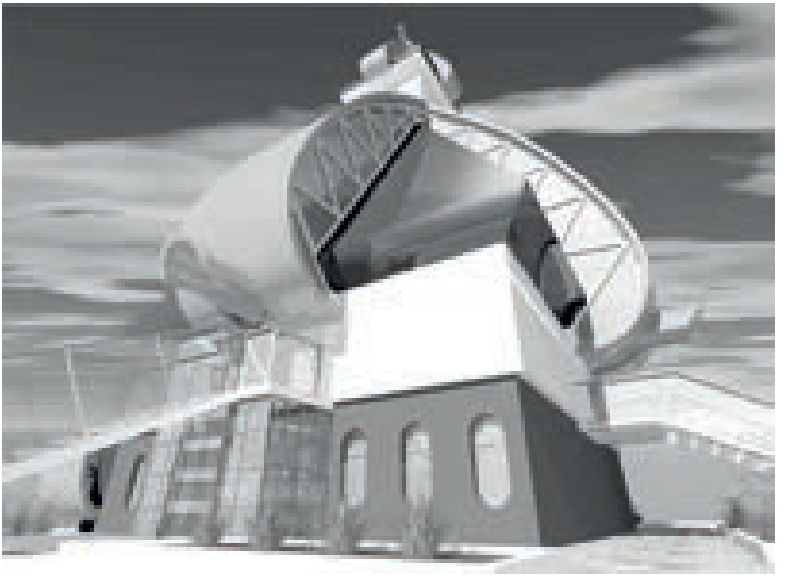
архитт. Станислав Снежкин, Анатолий Гудыменко, Анатолий Дощенко, 2001–2002

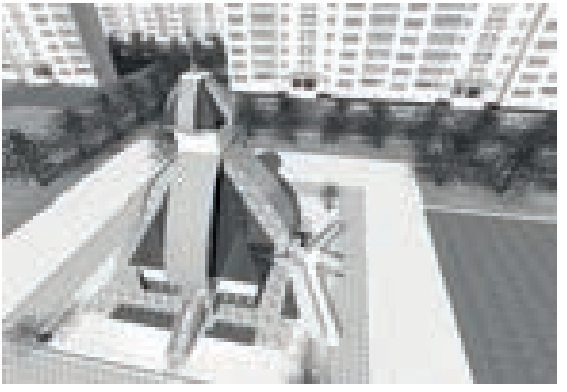
ЦЕРКОВЬ СВ. КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ



Помимо насущных духовных треб павильон церкви выполняет важную градостроительную задачу мегаполиса. Будучи расположенной среди кварталов массовой сборной застройки 1970–1980-х, сооружение вынуждено контекстуально соответствовать жесткой «прямоугольной стилистике» и в то же время выполнять роль идеологического акцента. В условиях косного посткоммунистического православия здесь очевидный формологический эксперимент: пирамидальный объем, 9,3 x 9,3 *м* в плане, с яркими синими гранями обогащен вспарушенными арочными ребрами-фермами с боковой подсветкой. Все акцентные детали выкрашены в оранжевый колер, контрастный основному синему, что придает церковке свежесть сказочного городка.

А+С № 2–3 '2009

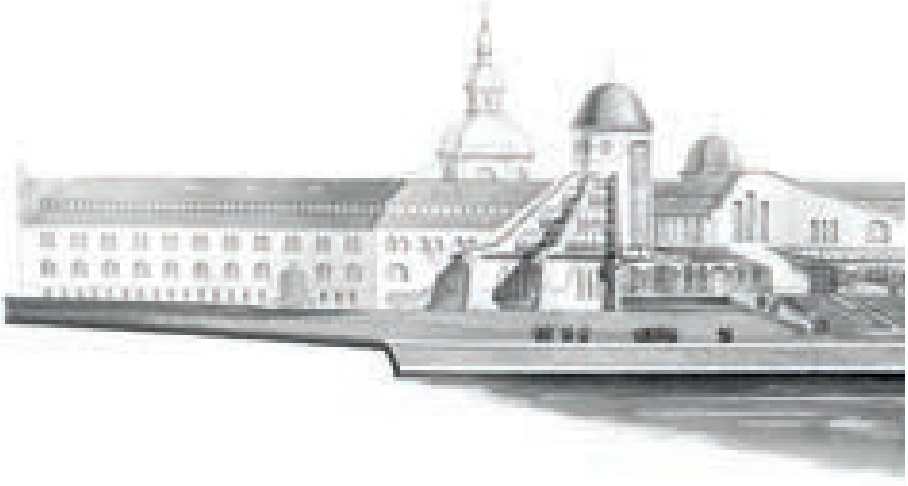




Церковь Блаженной Ксении Петербургской, ул. П. Запорожца 26

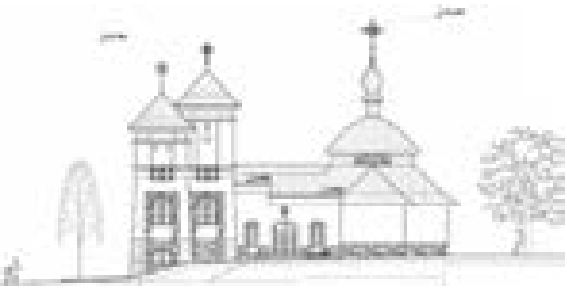
архит. Аркадий Дубик, проект, 2004

СВВ. БОРИС І ГЛІБ НА ТЕРЕМКАХ



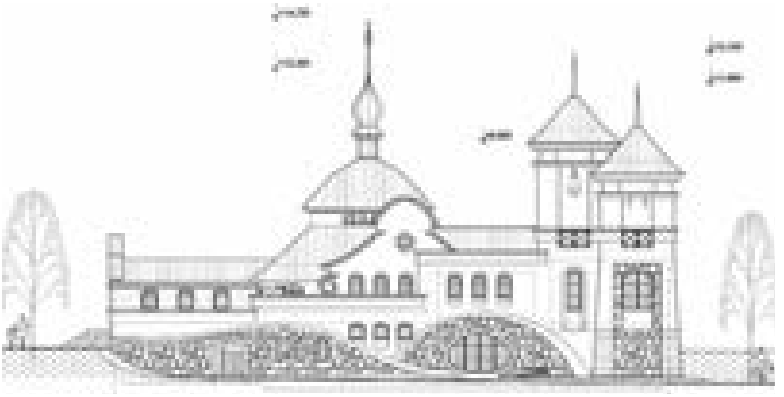
архітт. Вадим Жежерін, Євген Тузман, Тетяна Цивірко, проект, 1993–1995

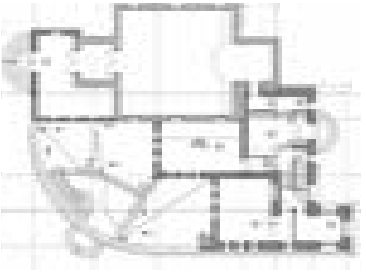
ЦЕРКВА СВВ. БОРІСА І ГЛІБА



Передумовою реконструкції першої на масиві Теремки-2 церкви були побажання ктитора та настоятелів УГКЦ зі збільшення функціональної спроможності невеликої напівдерев'яної церкви. Враховуючи навпрочуд яскраве розміщення над ставком, архітектори запропонували вдосконалення зовнішнього вигляду будівлі в стилістиці українських дерев'яних церков з елементами ар-нуво. За рахунок ускладнення двоходової покрівлі, оновлення існуючої центральної бані, прибудови західного приділу до входу, а також створення двовежевої дзвіниці в єдиному стилі з основною шатровою покрівлею було створено новий динамічний об'єм. Ззовні панельні стіни існуючої церкви обкладено цеглою з влаштуванням арочних вікон, цокольний поверх обмуровано бутовим каменем. Цей комплекс було об'єднано цегляною стіною з собором Преображення Господнього, що дозволило створити завершений блок «малого двору». Невеличка церква воліла би стати вишуканою прикрасою Теремків на довгі роки, якби не хозяйнування нуворішів-невігласів, які оббудували її на свій лад. Але все це дотичне і до багатьох інших архітектурних артефактів в Україні.

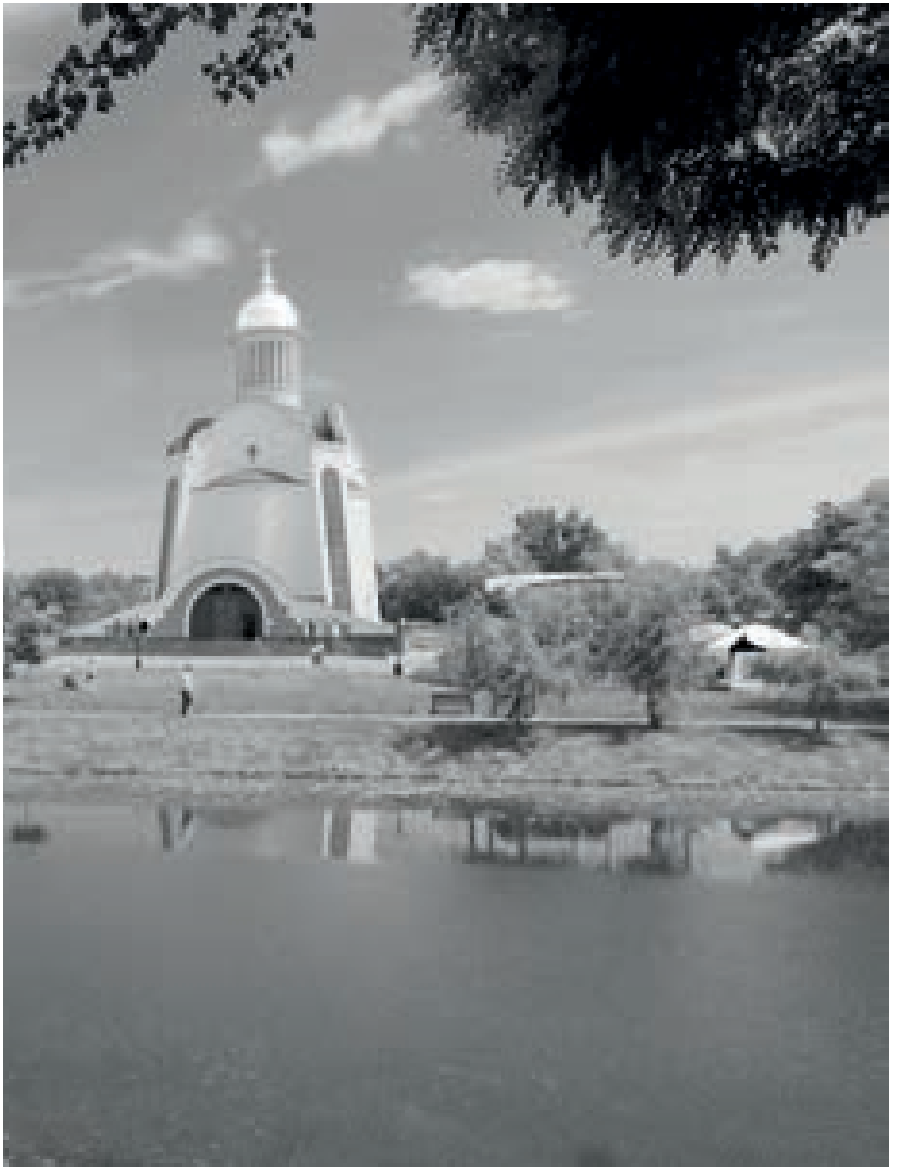
А+С № 2–3 '2009





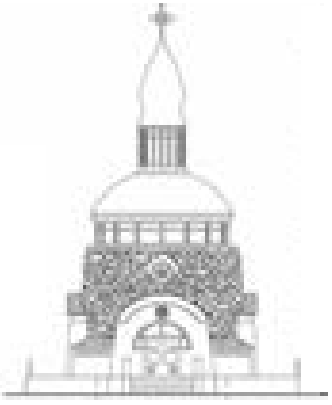
Церква Свв. Вмч. Бориса і Гліба, житловий масив Теремки-2
архітт. Вадим Жежрін, Олег Литвиненко, 2002–2003

Собор Преображення Господнього на Теремках

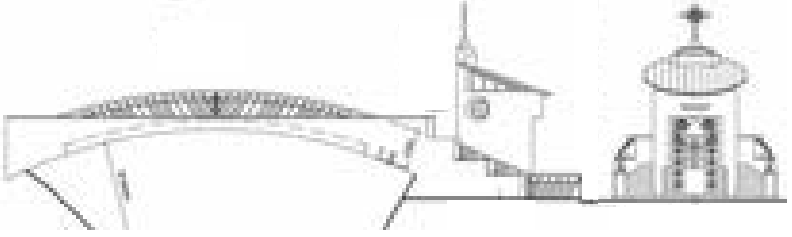


архітт. Вадим Жежерін, Олег Литвиненко, 2006–2007

ХРАМОВИЙ КОМПЛЕКС У БУКАХ



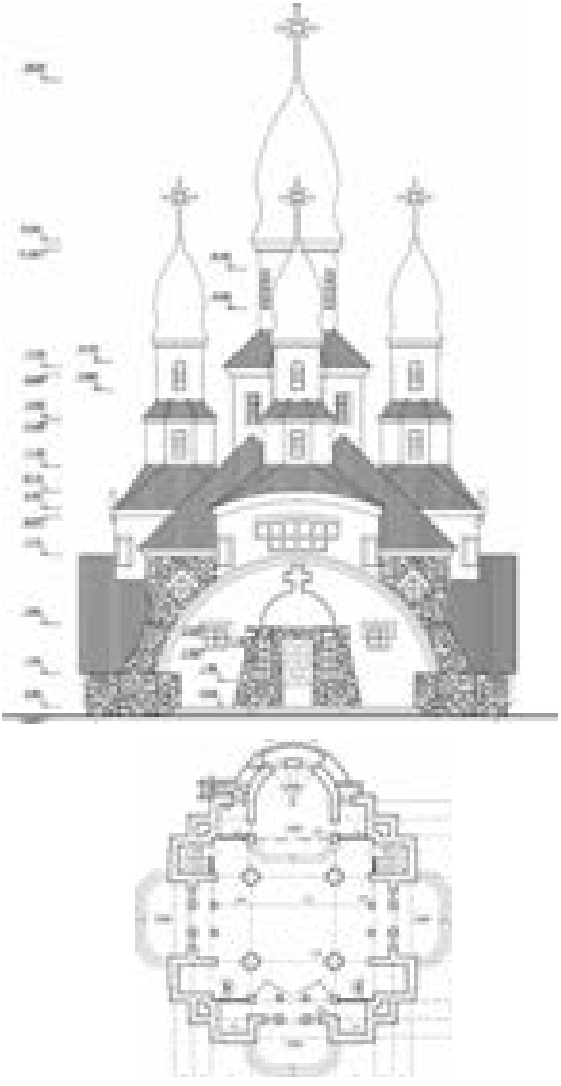
Каплиця Св. Олександра



Каплиця Св. Миколая з мостом

На околицях села Буки поблизу кам'янистих берегів річки Роставиці на місцях руїн споруджено храмовий комплекс. Було відновлено старі будівлі, розчищено береги, укріплено круті схили. Територію розділено на функціональні зони: храмовий комплекс, блок гостьових будинків, ландшафтний парк і дитячий будинок сімейного типу. Домінантою архітектурно-ландшафтного ансамблю є храм Св. Євгенія, що височіє на скелястому пагорбі біля перехрестя доріг і розпланувально зв'язаний з центральною площею Буків. Комплекс перебуває у стані постійного розвитку.

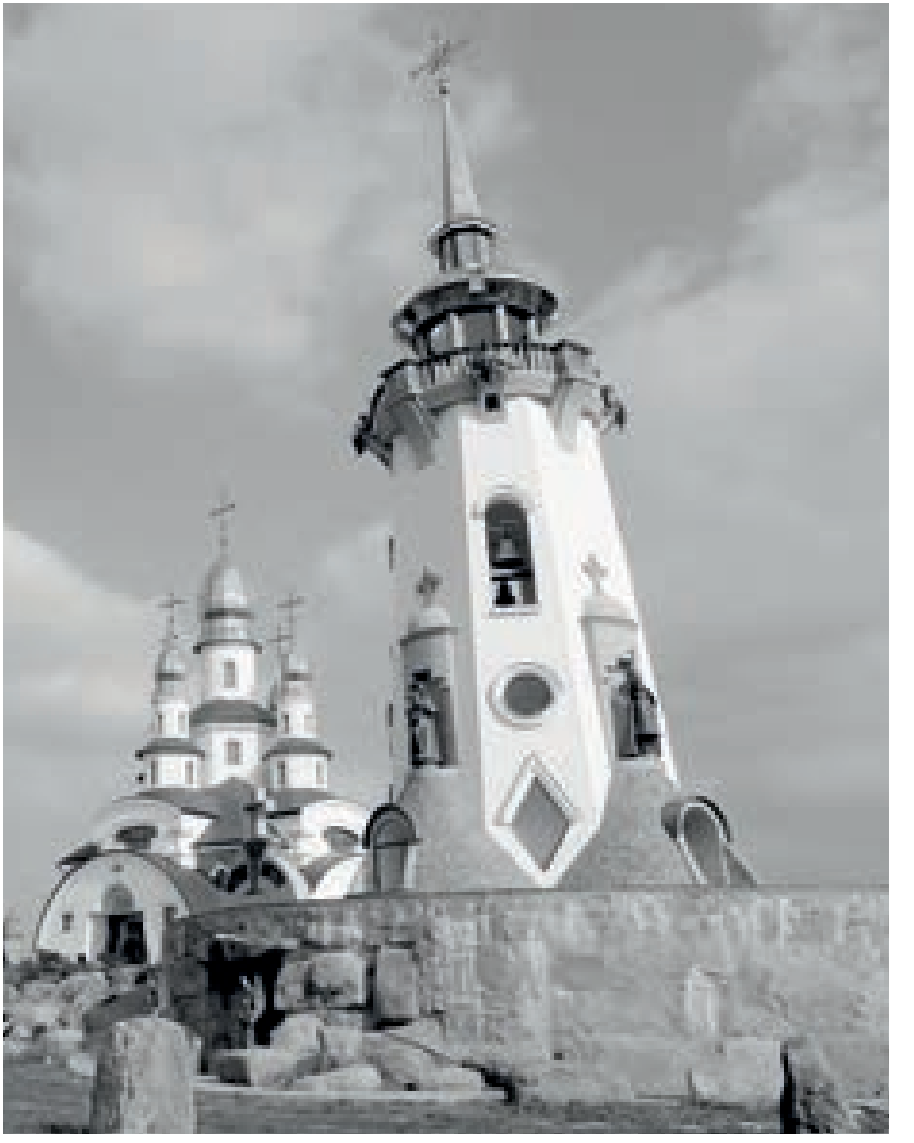
А+С № 2–3 '2009



Храм Св. Євгенія Великомученика, Буки під Сквирою Київської обл.

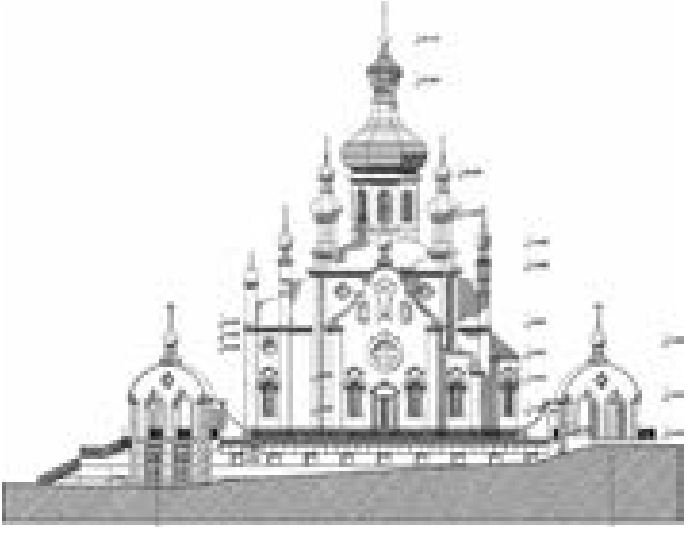
архитт. Юрій Бабич, Юрій Рейтерович, проект, 1998–2000

Храмовий комплекс з ландшафтним парком у Буках



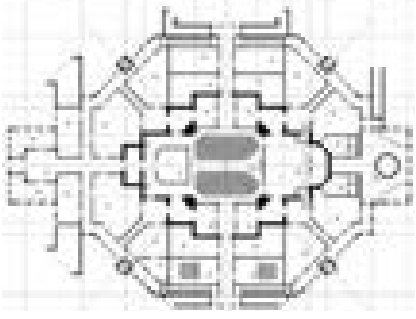
архітт. Юрій Бабич, Юрій Рейтерович, 1998–2004

ВОСКРЕСЕНСКИЙ СОБОР



По мнению авторов, главный храм Украинской православной церкви кроме общепринятых градостроительных и функциональных требований должен иметь ярко выраженный образ, который ассоциировался бы с лучшими образцами украинского зодчества. Такие элементы, как грушеподобные купола, фронтоны с волютами и мозаикой, декоративные наличники, раскрепованные карнизы — всё это должно найти место в решении собора. «В представленном конкурсном проекте сделана такая попытка. Очевидно, не совсем удачная. Архаичность облика чрезмерна даже для православной церкви. Тем не менее такая точка зрения может быть учтена при окончательном проектировании».

А+С № 2–3 '2009



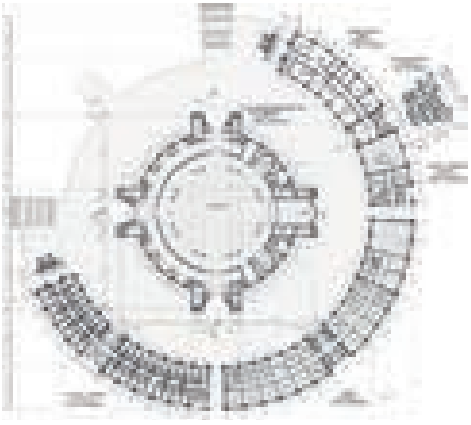
Воскресенский кафедральный собор, УПЦ МП

архитт. Владимир Ануфриенко, Виталий Одинцов, конкурс, 2008

КАФЕДРАЛЬНИЙ СОБОР ВОСКРЕСІННЯ ХРИСТОВОГО

Ділянка примикає до Либідської площі. Собор розміщено на потужному стилобаті, 7–8 *м* заввишки. Навколо храму влаштований широкий кільцевий обхід для хресного ходу. Стилобат оточують будівлі інфраструктури, утворюючи кільце, розірване з півночі, це основний підхід до собору. В «інфраструктурі» розташовані готель, гімназія з гуртожитком, адміністрація, крамнички, та прибудовані дзвіниці. Об'єм вирішено як класичну ротонду, інтегровану в хрестовокупольну схему. В стилобаті передбачено багаторівневий паркінг. З північного сходу влаштовується майданчик для масових зборів та водоосвячення з виходом до озера.

А+С № 2–3 '2009



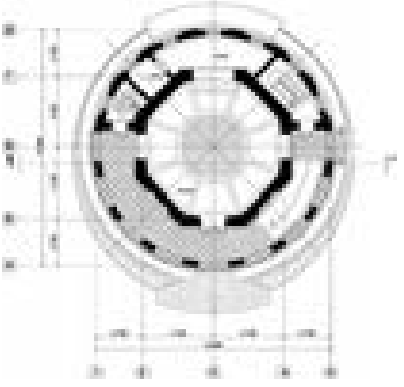
Кафедральний собор Воскресіння Христового, Залізничне шосе 3

архітт. Валентин Ісак, Олег Калиновський, Яків Деченко та ін., проект, 2007–2009

ХРАМ СВ. КНЯЗЯ ВОЛОДИМИРА

Храм являє собою класичну шістнадцятипілонну ротонду діаметром 13 *м*, висотою 16,6 *м* від рівня підлоги до під хрестового яблука. Єдиний безстовповий об'єм, восьмикутовий в плані, має купольне покриття. Діаметр молитовної зали 7,2 *м*. В підземному поверсі розташовані технічні приміщення. Головний вхід влаштовано з відкритої галереї, на яку з заходу ведуть парадні сходи, орієнтовані на перехрестя головних вулиць.

А+С № 2–3 '2009

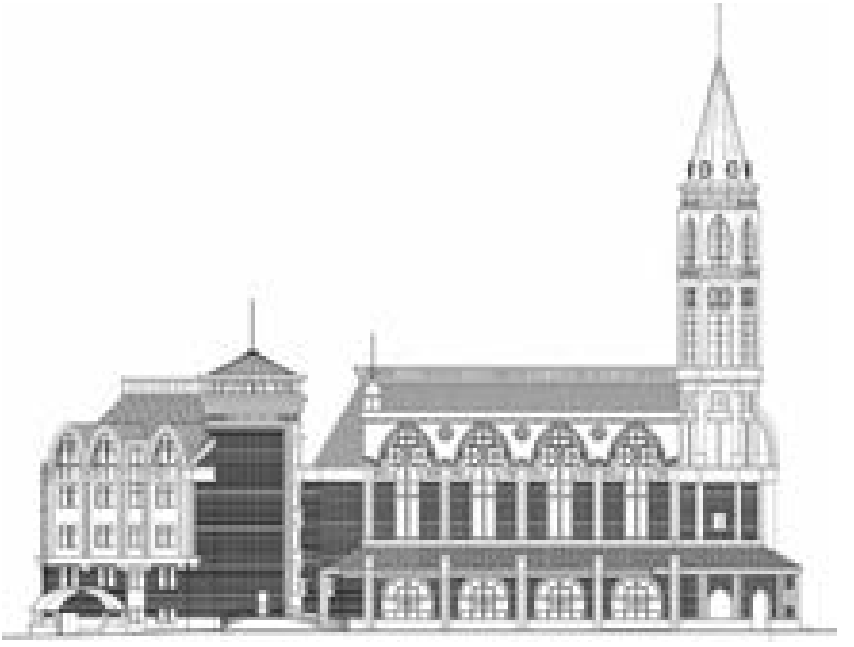


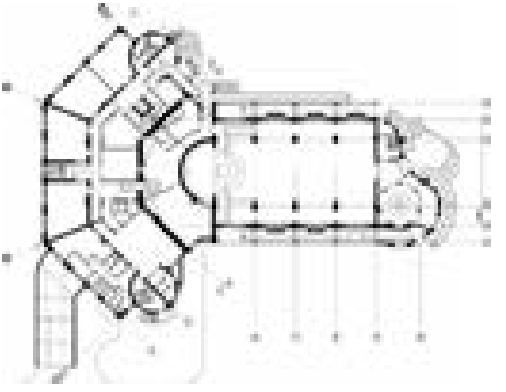
Храм Рівноапостольного Вел. Кн. Володимира, вул. О. Гончара / Б. Хмельницького
архітт. Юрій Бородкін, Сергій Нівін, проект, 2005

ХРАМ СВ. ФРАНЦИСКА

Хрест на дзвіниці здіймається на висоту 53 *м* і забезпечує візуальну фіксацію місця розташування храму. Комплекс формується з двох споруд: безпосередньо костелу та об'єдного з ним через завівтарну вставку п'ятиповерхового адміністративно-житлового блоку. Головна будівля храму базилікального типу з центральною навою довжиною 24 *м*, завширшки 9,5 *м*. Висота від вівтаря 20 *м*. Шатрове склепіння пороблене з хрестово-купольними елементами. Дві бічні нави одноповерхові, висотою 5 *м*. У цокольно-підвальному поверсі розміщена зала такої самої планувальної структури для соціально-місіонерських потреб парафії.

А+С № 2–3 '2009





Храм Св. Франциска на Оболоні, вул. Героїв Дніпра 6–8

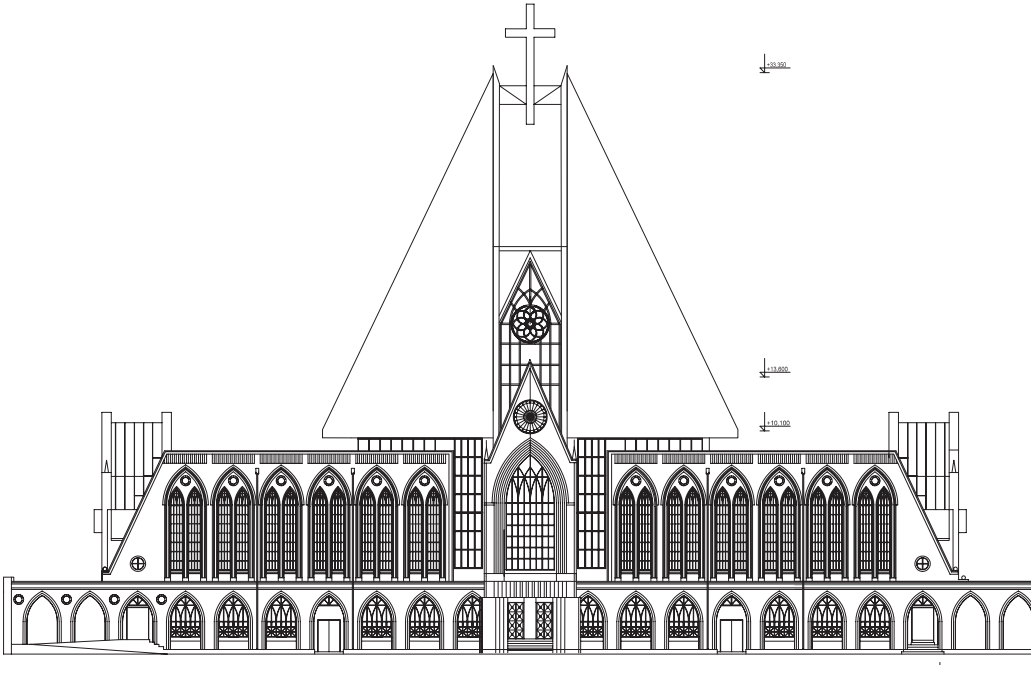
архітт. Валентин Ісак, Ігор Авдєєв, Іван Клименко, проект, 2007–2009

РИМО-КАТОЛИЧЕСКИЙ ХРАМ

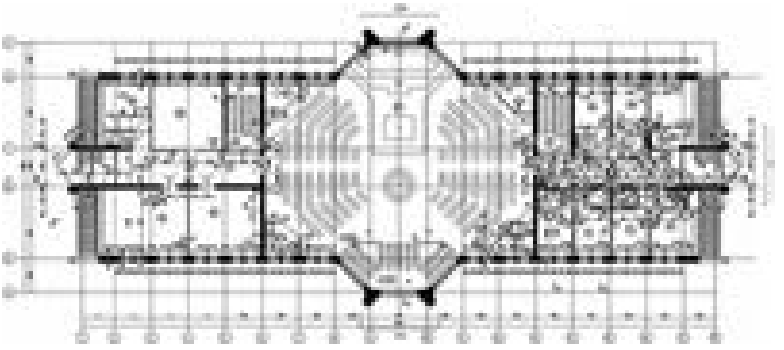
Насаждаемый католицизмом страх перед силами небесными в архитектуре готики выражен устремленностью ввысь. Мы пошли по пути не копирования образцов, но соблюдением базовых принципов. Фасад с двумя башнями, стрельчатые арки, центральная розетка, витражи — это минимум средств, которым обеспечена узнаваемость. Ассоциативный ряд завершает кровля центрального объема, напоминающая тиару, головной убор иерархов католической церкви.

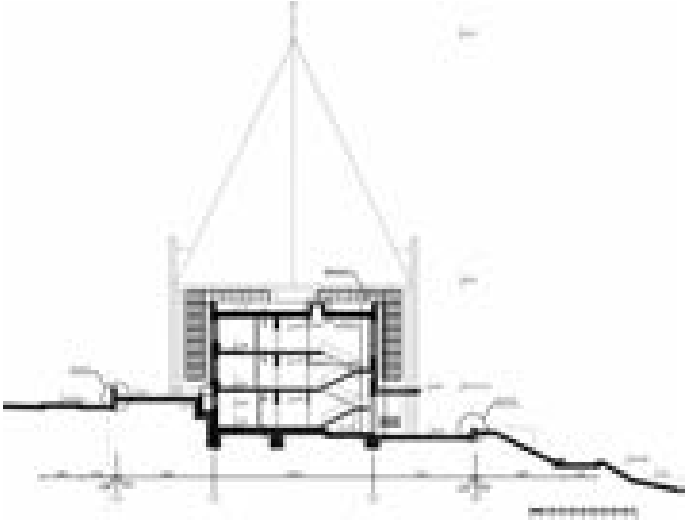
Валентин Штолько

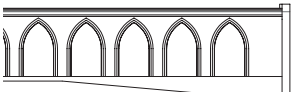
A+C 5 '2004



Костел Успения Девы Марии, Позняки, ул. Срибнокильская







архитт. Валентин Штолько, Валерий Бельчиков, Юлия Вахламова, 2001–2005

ХРАМ СВ. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

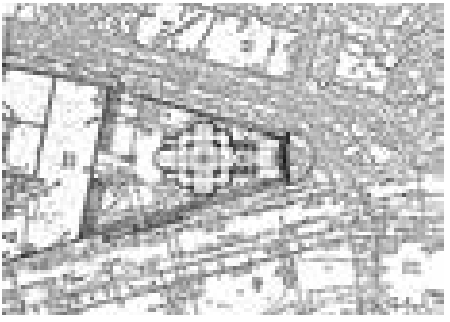
Расположен на территории древнего Копырева конца, на сложной площадке на краю Вознесенского Яра. Принадлежность греко-католической общине и незашоренное отношение архитектора к новой задаче обусловили неожиданно модернистское для «православного царства» решение церкви: прямые плоскости и пирамидальные объемы, обильное остекление, впускающее свет во внутреннее пространство. 25 июня 2000 года храм посетил и благословил Папа Римский Иоанн Павел II.

А+С № 2–3 '2009

Храм Св. Василия Великого, Вознесенский спуск 7

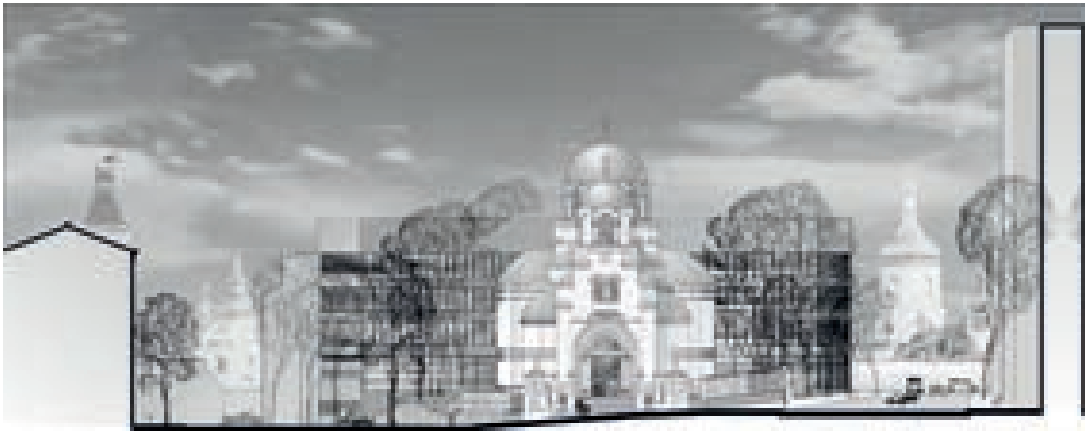
архитт. Лариса Скорик, Елена Матушенко, Евгений Бабийчук, 1993–2000

СТРЕТЕНСКАЯ НА ЛЬВОВСКОЙ ПЛОЩАДИ



Несколько столетий Стретенская церковь встречала самаритян у западных ворот киевского города Ярослава. А в 1930-е, как и многие другие была уничтожена большевиками. В наши годы было принято решение восстановить церковь на ее фундаментах, возле Львовской площади. История этой церкви восходит ко временам Киевской Руси. До середины XIX века здесь стоял деревянный храм. В 1852–1861 годах по проекту П. Спарро на его месте возведен небольшой каменный храм с одной главкой в «московско-ярославском духе», который стал одним из вариантов предложенной реконструкции. Следующий этап исторического бытования храма 1883–1884 годы: пристроена колокольня, купол заменен на кирпичный в византийском стиле (архит. В. Николаев). Еще одну перестройку с реконструкцией колокольни храм пережил в 1911–1912 годах (архит. Е. Ермаков). Именно этот «византийский» вариант принят заказчиком за основу современной реконструкции.

А+С № 2–3 '2009

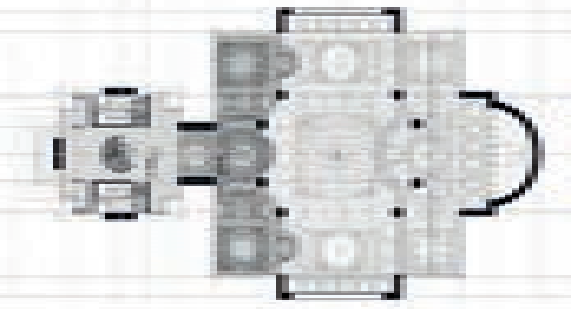


Стретенская церковь на стрелке улиц Б. Житомирской и Стретенской

архитт. Янош Виг, Алексей Зуев, Зинаида Залозная, проект, 1998

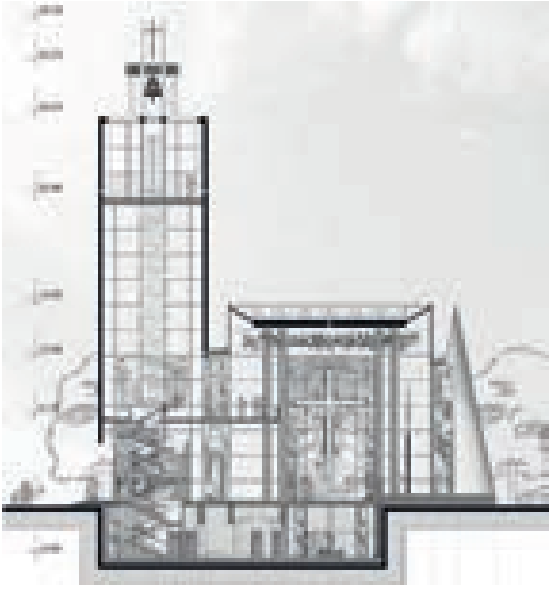
СТРЕТЕНСКАЯ НА СТАРОНОВОДНИЦКОЙ

Третий, минималистский вариант Стретенской церкви не получил одобрения поборников старины, и ему нашли место в киевском «Царском селе». Размышления по поводу этого варианта Янош Виг изложил следующим образом: «На одном из Градсоветов в 1999 году, когда человечество жило ожиданием нового тысячелетия, у меня завязался разговор с весьма почтенным святым отцом, проект церкви которого только что рассматривали. Я спросил, какую — без догм — ему хотелось бы построить церковь. Ответ святого отца по сей день не дает мне покоя, на мой взгляд, это лучше всякой пояснительной записки к новому проекту церкви, который разработал наш авторский коллектив, причем с оглядкой на известные каноны:



Стретенская церковь на ул. Старонаводницкой
архитт. Янош Виг, Татьяна Чорна, проект, 2006

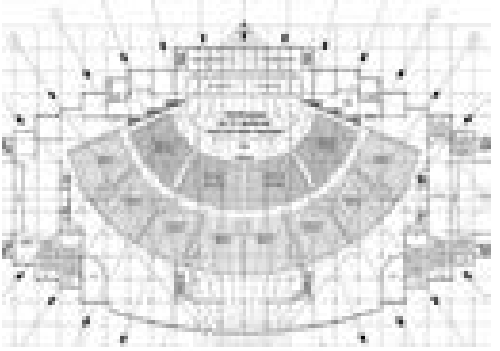
Стретенская церковь на ул. Старонаводницкой, проект, 2006



“Не я, служитель Божьего учения на Земле, а вы, творческие люди, одаренные божественным даром, талантом и далековидением, должны нам подсказать, какой облик придать церкви, чтоб она не застывала в своих учениях, чтоб к нам и Господу шла паства по тропе, которая была бы широка, правдива, нескончаема и открыта, как вечность”. Думаю, он сам не ожидал от себя такого откровения, но я слова эти запомнил и верю, что они от Господа. Поэтому нам, архитекторам, проектируя дом Божий, следует принимать максимально искренние решения. И я уверен, чем крепче стоишь на земле, тем яснее взгляд в небо и во вселенную».

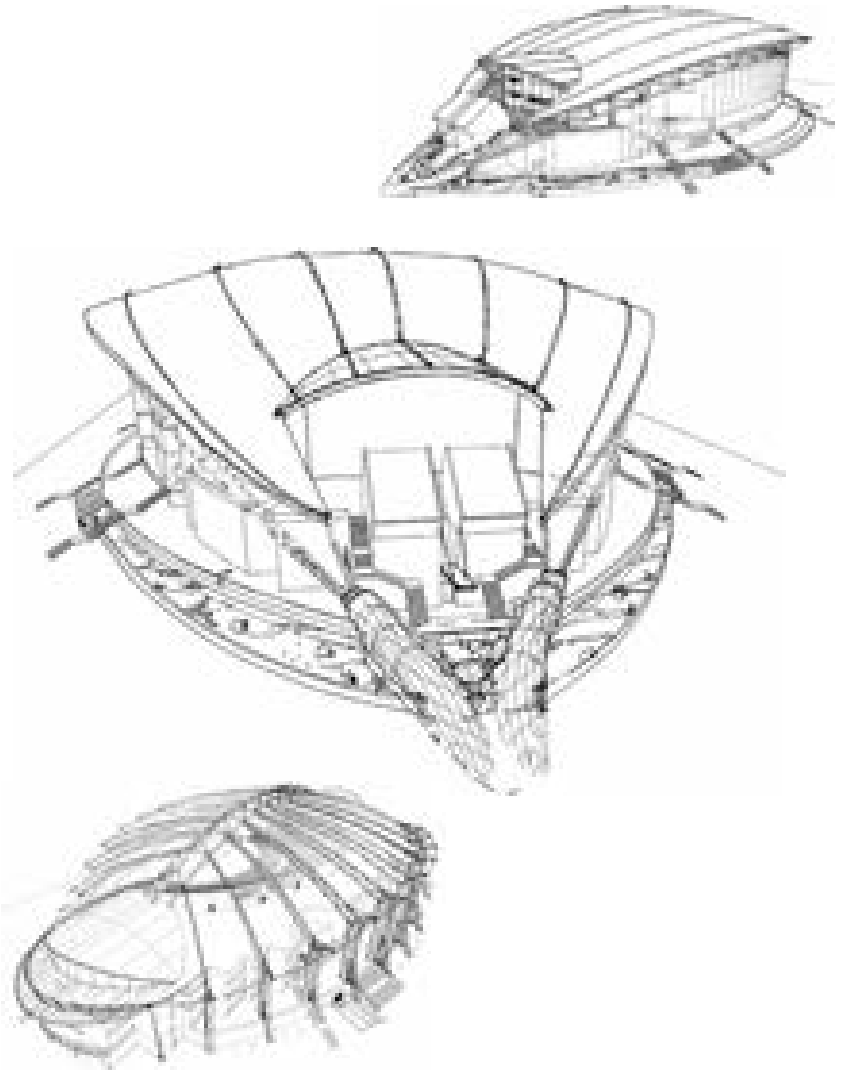
А+С № 2–3 ‘2009

ЦЕРКОВЬ УДЦ



Участок имеет хорошее транспортное сообщение с основными районами города, с одной стороны он ограничен заливом Днепра, с остальных многоэтажной застройкой. Согласно заданию на проектирование Центр имеет двойное назначение, с одной стороны, проведение семинаров и обсуждение вопросов духовного и культурного развития человека, с другой, коммерческое использование комплекса для проведения общественных и спортивных мероприятий.

A+C № 1 '2011



Украинский духовный центр на Позняках

архитт. Юрий Серёгин, Андрей Миколайчук, Татьяна Малышева, проект, 2006

3|4

ІГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ І СТИЛІЗАЦІЇ

АЛЕКСАНДРОВИЧ & KRAMALL

ВОЗНЕСЕНСКИИ ЯР

ОФІСНИЙ ЦЕНТР НА СПАСЬКІЙ

МУЛЬТИКОМПЛЕКС НА ОЛЕНІВСЬКІЙ

ГОТЕЛЬ НЕ ПЕЧЕРСЬКУ

«АСТАРТА» НА ПОДОЛІ

АЛЕКСАНДРОВИЧ & KRAMALL

Игорь киевлянин не в первом поколении. Родился 14 июня 1961 года. Закончил архитектурный факультет КГХИ (1984). Один из основателей и творческий руководитель Kramall Studio (1993). Продолжатель династии — его сын Святослав, соавтор и директор фирмы Kramall.

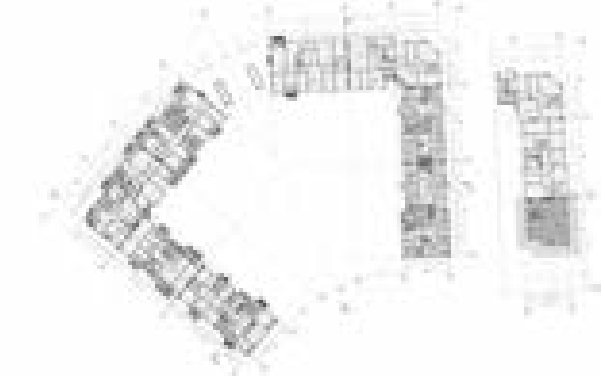
Среди зодческих достижений Игоря Александровича: храм Преображения Господнего в с. Мисайловка Богуславского района Киевской области, жилой дом «на рельефе» на Боричевом току 4, жилой комплекс с торгово-общественным центром и подземным паркингом по ул. Лютеранской 14, офисно-торговый центр по ул. Спасской 26/14, дерзкий романтический проект комплексного возрождения исторической среды и застройки урочища Вознесенский яр, реконструкция нежилого дома и строительство на его субструкциях отельного комплекса на ул. Резницкой/Московской 2/32–34 в духе чикагской школы, офисно-торговый комплекс «Астарта» в квартале, ограниченном улицами Ярославской, Набережно-Луговой и Нижним Валом, отельно-офисный комплекс на ул. Жилянской 47 и многие другие проекты. Предпочитает работу в стиле гранж, достиг очевидных успехов в сочетании современных технологий с историческим прочтением архитектурной формы. «Основной принцип для меня — честность в отношениях. Считаю, что это стержень, на котором всё держится — и жизнь, и работа. Смысл жизни человека в нужности другим людям, в способности быть для них интересным и полезным. Раскрытие собственных возможностей — путь, который ведет личность к цели, к самоорганизации». Спортивно-визионерское хобби мастера — велосипедные путешествия вдоль живописной речки Рось.

A+C № 4 ‘2008

Архітектор Ігор Александрович

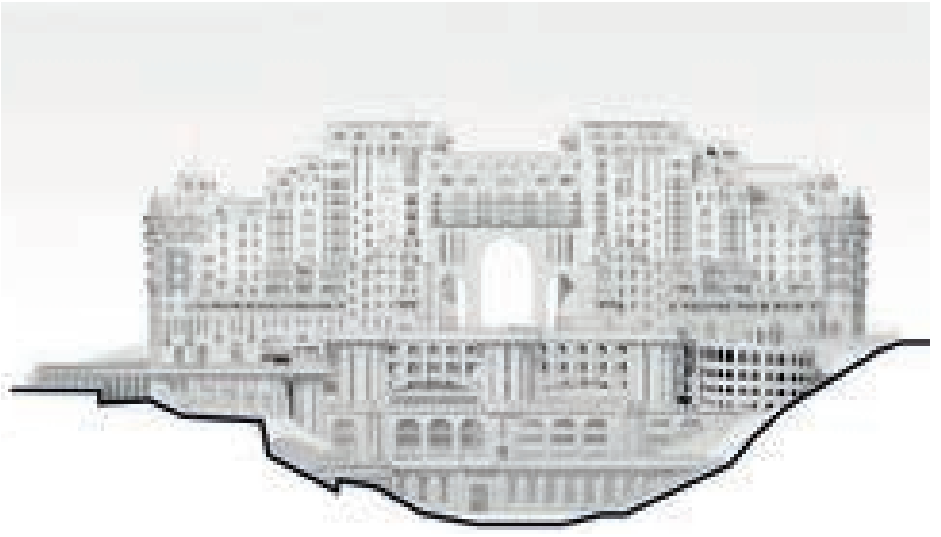
ВОЗНЕСЕНСКИИ ЯР

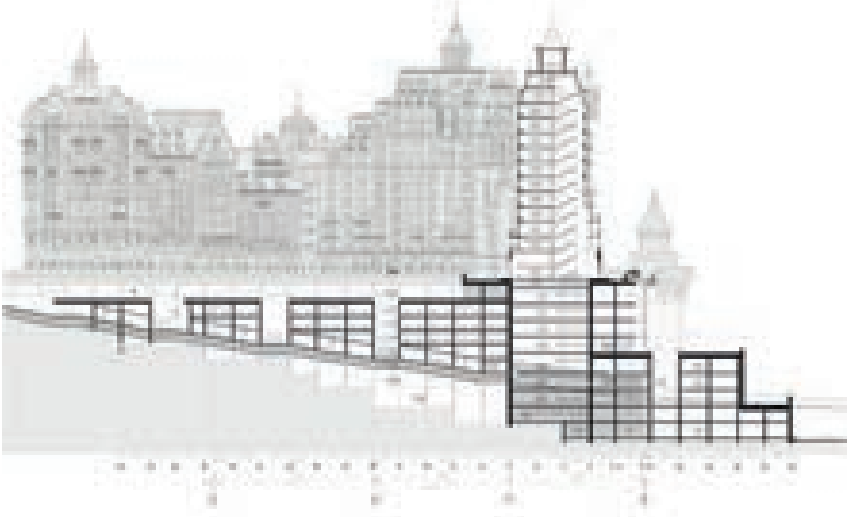
Проект разработан на одном из самых сложных участков исторической зоны города, состоящем из двух крутых склонов. Тема связи верхнего и нижнего города подхвачена и развита в архитектуре объекта. В проекте воплощен образ средневекового оборонительного сооружения с древней городской стеной, за которой вторым планом поднимаются живописные строения. Виадук, соединяющий улицу Кудрявскую с Вознесенским спуском, становится конструктивом стилобатной части комплекса: подпорные стены, диафрагмы и диски



Многофункциональный комплекс «Вознесенский Яр», ул. Петровская

архит. Игорь Александрович, проект, 2006–2007





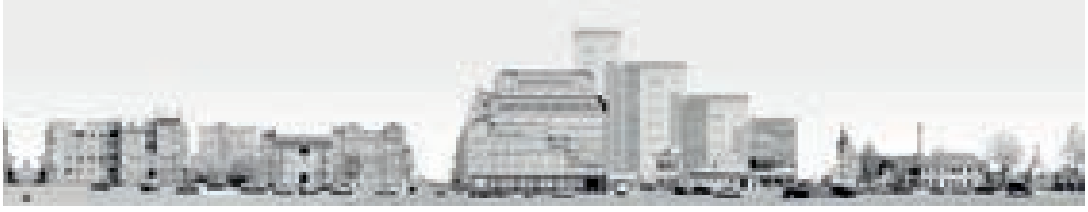
Многофункциональный комплекс «Вознесенский Яр», ул. Петровская

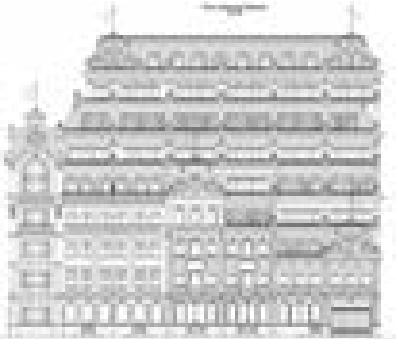
архит. Игорь Александрович, проект, 2006–2007

перекрытий стилобата выполняют роль контрфорсов, удерживающих плывущие склоны. В неосвещаемой зоне располагается паркинг, вдоль освещенного фронта — офисные и общественные помещения. Первый этаж над виадуком отведен для социально-бытовых нужд жителей. Все квартиры предусматривают двухстороннюю ориентацию. В башнях и мансардах предусмотрено двухуровневое жилье с большими панорамными террасами. Периметральной застройкой, террасами ниспадающей к церкви Св. Василия, образован внутренний двор в виде каре с южной ориентацией.

A+C № 2 '2007

ОФІСНИЙ ЦЕНТР НА СПАСЬКІЙ





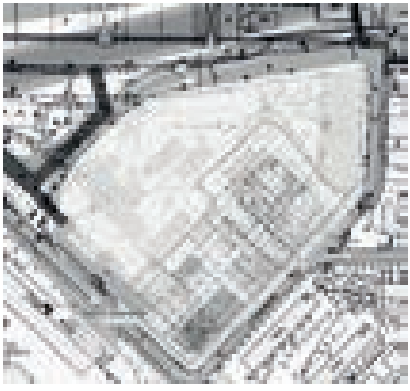
ОТЦ проектується в існуючому історичному середовищі поряд із багатьма пам'ятками історії та архітектури. Всі приміщення надземної частини будівлі громадського призначення. На першому поверсі планується розташувати торговельні угрупування. З другого поверху будуть розташовані офісні приміщення вільного розпланування з технічними приміщеннями. Фасади будинку виконані у типовому стилі київської архітектури, яка властива історичній забудові Подолу, що дозволило гармонійно вписати будівлю в існуючу забудову.

А+С № 2 '2008

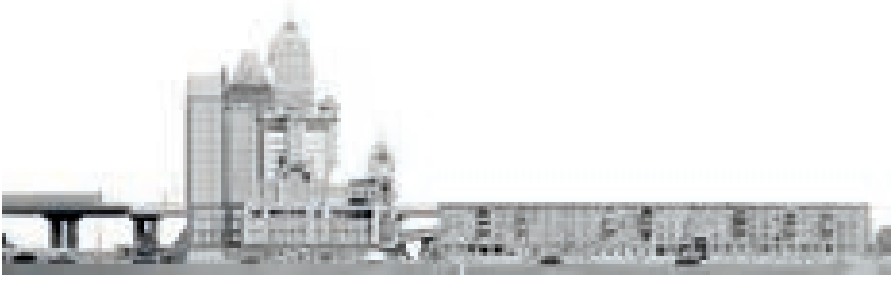
Офісно-торговельний центр, вул. Спаська 26/14

архітект. І. Александрович, О. Кочерга, О. Кравченко, проект, 2007–2008

МУЛЬТИКОМПЛЕКС НА ОЛЕНІВСЬКІЙ

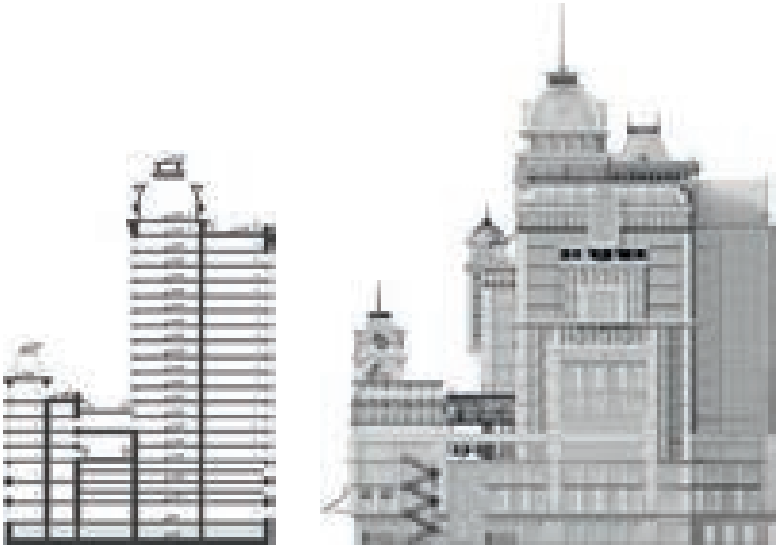


Територія забудови відноситься до числа найстаріших заселених місць Києва. Вона являла собою північну границю древнього Подолу торгово-ремісничого посаду домонгольскої епохи. ОТРК на Подолі проектується на досить далекій відстані до існуючого історичного середовища. Проектом передбачається формування забудови з урахуванням



Офісно-торговельно-розважальний комплекс, вул. Оленівська 23

архітт. І. Александрович, О. Кочерга, О. Кравченко, проект, 2007–2008



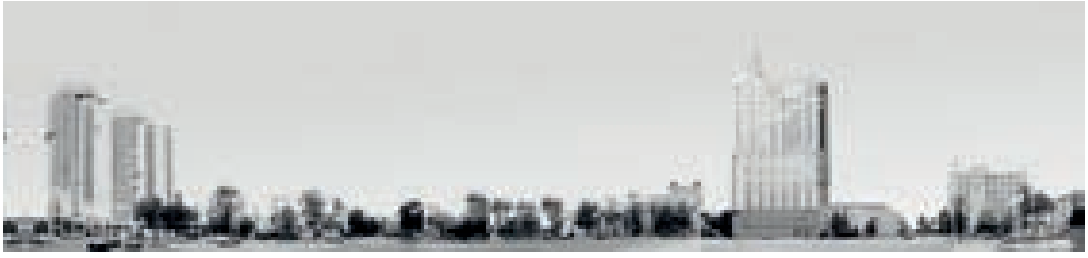
Офісно-торговельно-розважальний комплекс, вул. Оленівська 23

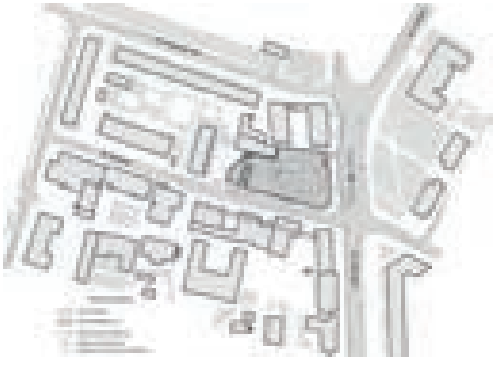
архітт. І. Александрович, О. Кочерга, О. Кравченко, проект, 2007–2008

стилю оточуючого середовища, з використанням традиційних для даного району архітектурних елементів та деталей. До складу комплексу входять три основні блоки: паркінг, торгово-розважальний та офісний блоки. Проектом передбачено спорудження 21-поверхової будівлі в межах існуючої забудови з влаштуванням однорівневого підземного паркінгу та чотирьохрівневої надземної автостоянки в 2–3-му рівнях комплексу. Всі приміщення надземної частини будівлі громадського призначення. На першому поверсі розміщено: фідерний пункт, фітнес-центр з басейном та кафе, відділення банку, торговельні групи, кафе загального користування, суші-бар. Офісні приміщення вільного планування з приміщеннями технічного профілю.

А+С № 2 '2008

ГОТЕЛЬ НЕ ПЕЧЕРСЬКУ





Ділянка проектування охоплює територію колишньої приватної гімназії О. Плетньової, на якій зараз розташований наріжний одноповерховий будинок та триповерховий будинок гімназії. Зараз на ділянці розташовані два спарені будинки. Одноповерховий — підлягає знесенню, трьохповерховий підлягає реконструкції. Будинок складається з підземної та надземної частин. Підземна частина має три поверхи. Загальна кількість поверхів надземної частини складає дев'ятнадцять поверхів. На даху запроектовано майданчик для легких гелікоптерів.

А+С № 2 '2008

Реконструкція будинку під готельний комплекс, вул. Московська 32–34

архітм. Ігор Александрович, Олена Трубченко, проект, 2007

Офисный комплекс «Пинакли», ул. Жилянская 47

архитт. Игорь Александрович, Святослав Александрович, проект, 2007–2008

«АСТАРТА» НА ПОДОЛІ

Сучасне розпланування київського Подолу (давньоруською — ділового і торгового міста, даунтауну) було зроблено буквально в тіж самі часи і за тією ж самою схемою, що й нью-йоркський Манхеттен, пітерським архітектом Вільяма Гесте. Своїм проектом каменярі Алескандровичі виправдовують історичне призначення рівномірної парцели в історичному оточенні: тут і українське бароко, і львівський кшталт — тобто новий київський ар-деко.

А+С № 1–2 '2010

Торговельно-офісний комплекс, вул. Набережно-Хрещатицька 43–45

архітм. Святослав Александрович, Ігор Александрович, проект, 2007–2010

Офисное здание по ул. Большой Васильковской 98

архитт. Игорь Александрович, Святослав Александрович, проект, 2009

3|5

МАЙСТЕРНЯ 330 ДМИТРА АНТОНЮКА

АНТОНЮК И ЗАГРАНИЦА

МУЗЕЙ МАЛЕВИЧА

ДОМ НА НИВКАХ

МАСТЕРСКАЯ № 330

АНТОНЮК И ЗАГРАНИЦА

По рождению москвич, 18 сентября 1953 года, но выучился на архитектора в КГХИ (1976). Учредитель, директор, главный архитектор бюро AIII. Кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования НАОМА. Член Президентского совета НСАУ. Член Европейской комиссии по архитектурному образованию Международного союза архитекторов (UIA), 2-й регион. Член Американского института архитекторов (AIA). Член Градостроительного совета Киева. Президент Благотворительного фонда развития архитектуры им. Н. Б. Чмутиной. Сотрудники и продолжатели дела архитектора — дочь Анастасия и сын Иван.

Большой опыт совместной работы с зарубежными архитекторами: BDP, Вепоу (Великобритания), Риккардо Бофилл (Испания), MAXWAN (Нидерланды). Субъективный взгляд мастера Антонюка на актуальные задачи в сфере архитектуры ярко отражает переходный период экономического развития страны и самоопределения в профессии — «интеграция в мировой архитектурный процесс любыми возможными способами».

Недавние работы в Киеве: гостинично-офисный комплекс на Броварском просп. 31, офисный комплекс по ул. Верхней 4, ЖК по ул. Δ. Щербаковского 52, клубный жилой дом по ул. Глазунова 13, гостинично-офисный комплекс на Кияновском пер. 4, ТРК на ул. Попудренко, мемориальный комплекс Казимиру Малевичу (1-я очередь); жилой район в Конче-Заспе, коттеджный городок «Сосновый Бор» в Козине; многофункциональный комплекс на о. Вырлица; жилой район в Броварах.

A+C № 4 '2008

Архітектор Дмитро Антонюк

МУЗЕЙ МАЛЕВИЧА

Место размещения музея Казимира Малевича на участке улицы Владимиро-Лыбедской, между ул. Антоновича и ул. Боженко (с 2012 года ул. Казимира Малевича), выбрано не случайно, поскольку по адресу Боженко 15 жила семья Малевичей (в 1980-х дом разрушен). Концепция комплекса основана на осознании величайшей роли Малевича как художника, исследователя и педагога для развития культуры, изобразительного искусства и архитектуры. Малевич был одним из лидеров европейского Авангарда XX века, это выдающийся художественный и архитектурный символ Украины.

Основные принципы проектного решения:

– принцип интегрированности предусматривает создание не просто мемориального комплекса как памятного знака, но комплекса как части городской структуры, в которой горожане продолжают жить, работать и отдыхать;

– принцип полифункциональности предусматривает смешение нескольких функций в проектируемом комплексе — это одновременно мемориал, городской бульвар, миниплощадь, музей и выставочная галерея;

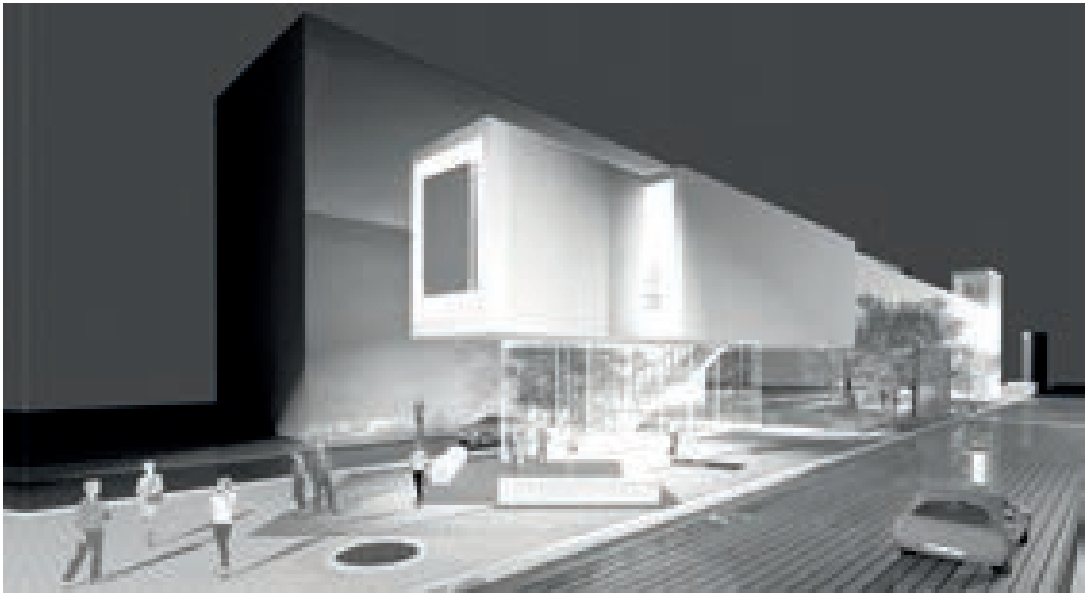
– принцип вертикального зонирования предусматривает создание трех уровней. Первый (уровень земли) — благоустроенный бульвар и мемориал. Второй — экспозиционно-информационная галерея (уровень второго этажа). Третий (подземный этаж) — это служебные и технические помещения и, возможно, небольшое кафе;

– принцип супрематичности предусматривает использование композиционных приемов формирования комплекса в стилистике Малевича, не в масштабе «картины», но в масштабе «города»;

– принцип полихромии предусматривает использование нескольких цветов, характерных для Малевича: белого, черного, красного;

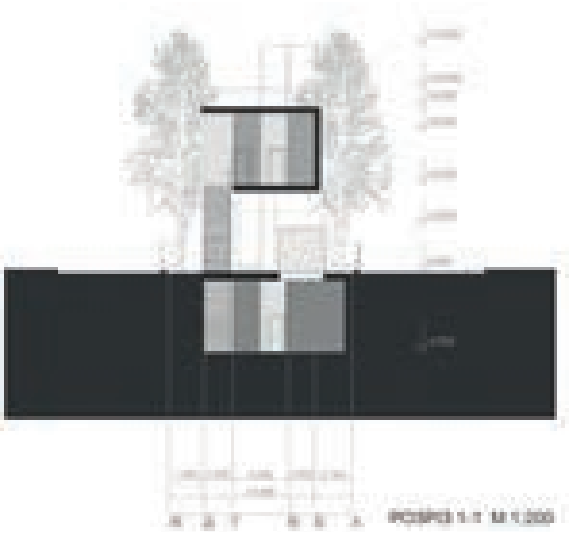
– принцип уникальности выявляет специфику конкретного места.

Концепция мемориально-выставочного комплекса Казимира Малевича
архитт. Дмитрий Антонюк, Алексей Онищук, Михаил Карнаухов и др., 2008



Концепция мемориально-выставочного комплекса Казимира Малевича

архитт. Дмитрий Антонюк, Алексей Онищук, Михаил Карнаухов и др., 2008

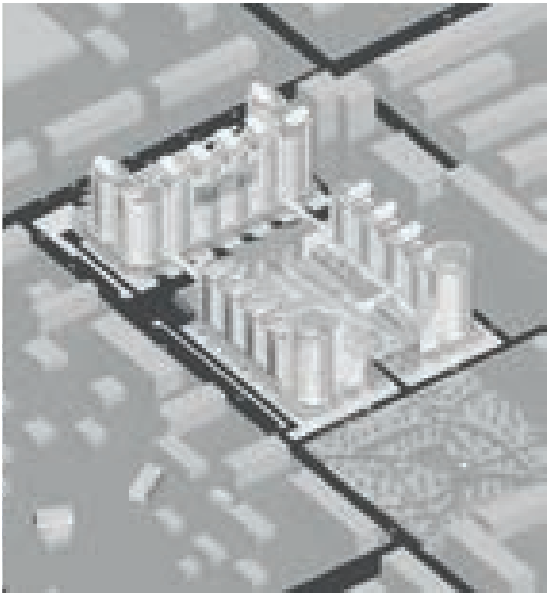


Геометрические параметры выставочной галереи (при ширине центральной пешеходной части бульвара около 3,5 *м*) создают линейную структуру и предпосылки для организации уникальной, самой узкой выставочной галереи, что должно еще более усилить понимание уникальности Малевича. Уникальность в том, что общая длина Комплекса абсолютно случайно, на уровне совпадения или мистики, составляет 130 *м* — в год 130-летия мастера.

Главный смысловой центр комплекса размещен в начале супрематического бульвара и представляет собой трехчастную композицию из черного и белого квадратов и существующих деревьев.

А+С № 3'2008

ДОМ НА НИВКАХ

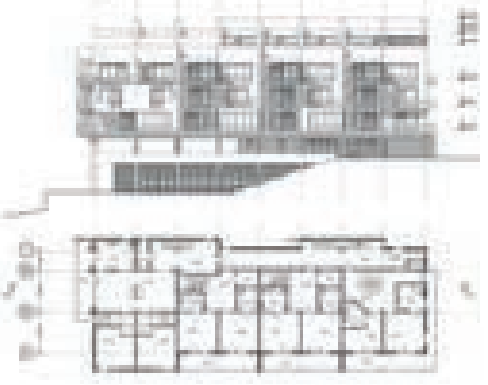


Жилой комплекс состоит из четырех жилых секций (20 этажей), двухуровневой парковки, на крыше которой расположены входы в жилые секции и зеленый двор, два блока пристроенных помещений общественного назначения и встроенно-пристроенные помещения в нижних этажах жилых секций. Цветовое решение вызывает аллюзию к черному и красному не столько «по Стендалю», сколько по Питу Мондриану, чем не может не привлекать взыскательный глаз.

А+С № 3'2008

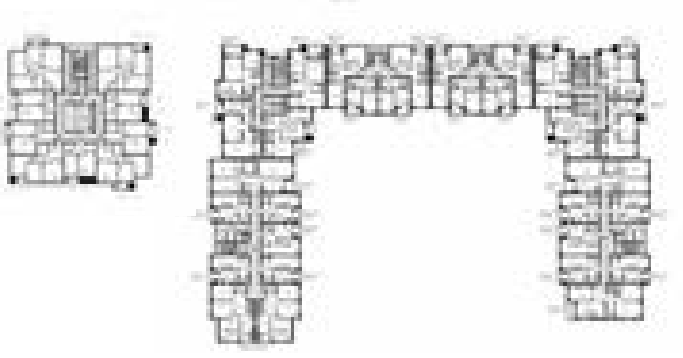
Жилой комплекс Щ-52 по ул. Д. Щербаковского 52

архитт. Дм. Антонюк, А. Онищук, К. Федоренко, И. Антонюк и др., проект 2008



Клубный дом «Глазунов» на Печерске

архитт. Дмитрий Антонюк, Евгений Сандула, Иван Антонюк, проект, 2008–2009



Жилой комплекс в Святошине

архитт. Дмитрий Антонюк, Юрий Андрейчин, Евгений Сандула, проект, 2016

МАСТЕРСКАЯ № 330

Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры (НАОМА) имеет глубокие академические традиции по воспитанию архитекторов. Типологическая составляющая в подготовке многих поколений студентов является основой. В качестве тем для курсовых и дипломных проектов выбираются города, олимпийские объекты, жилые и общественные комплексы, полифункциональные центры и т. п. Как правило студенты, обладают незначительными представлениями об этих объектах. А расчитывать на какую-то материализацию своих проектов, а тем более на радость реализации просто не приходится. Таким образом, обучаясь архитектуре шесть лет, студенты не получают возможности по-настоящему почувствовать профессию архитектора.

В рамках учебного курса «Новые технологии в архитектуре» мы решили провести эксперимент — за год погрузится в профессию от самостоятельного формирования задачи до реализации проекта. В качестве темы выбрали проект собственного учебного класса, мастерской, где собственно и происходят занятия по архитектурному проектированию.

В результате 16 октября 2014 года состоялось открытие архитектурной мастерской № 330 для дипломников НАОМА (мастерская Дмитрия Антонюка). Проект воплощен в жизнь по итогам студенческого конкурса.

Работа велась по этапам:

1) лекции и мастерклассы ведущих архитекторов и дизайнеров;

2) анализ и обсуждение интерьеров ведущих архитектурных мастерских мира;

3) семинары и выработка концепции новой мастерской и задания на проектирование;

4) конкурс на интерьер и мебельное оборудование.

Объективное жюри происходило в трех форматах:

– оценка работ студентами-участниками конкурса;

– оценка преподавателей академии;

– оценка практикующими архитекторами и дизайнерами, проводившими мастерклассы.

Субъективная итоговая оценка работ была сделана мною, с одной стороны как заказчиком и с другой как организатором всего процесса, ибо три мнения жюри часто не совпадали. Было представлено сорок работ — и это конкурс на учебное помещение площадью 82 *кв. м*!

Победители конкурса:

I премия (поездка на биеннале в Венецию) — Н. Гресько и Д. Цапенко;

II премия (книга «К. Малевич») — Б. Слажнёв;

III премия (книга «Ричард Роджерс» с автографом архитектора) — Э. Дервишев;

IV премия (книга «Рем Колхас. Нью-Йорк вне себя») — А. Викен

V премия (книга «Чмутина») — Антон Иванов;

VI премия (книга «Water enjoyment. Reddot design») — М. Банга.

НАОМА, мастерская № 330, монтаж

Но самое интересное — реализация! А это значит, окончательный отбор конурсных идей, обсуждение бюджета, выбор изготовителей и производителей работ и, наконец, определение окончательных сроков выполнения работ. Конечно, не все приняли активное участие в реализации — у студента время занято всякими интересными занятиями! Зато появилось изрядное количество энтузиастов. Отдельное спасибо Володе Вештаку, без участия которого не было бы изготовлено все мебельное оборудование.

Большим итогом этого небольшого учебного мастеркласса с ощутимыми вещественными результатами стали следующие невещественные принципы:

1. ОЧИЩЕНИЕ. В прямом и переносном смысле, мусор был изъят из мастерской;

2. СВЯЗЬ ВРЕМЕН. Очистка от штукатурки стены из знаменитого киевского желтого кирпича и изготовление большго стола для обсуждений и презентаций из элементов старой мебели, которая когда-то служила мастерской;

3. ОТКРЫТОСТЬ. Остекление входных дверей и раскрытие старого арочного проема, а также устройство проема во двор академии;

4. ТРАНСФОРМАЦИЯ. Переход на электронную форму презентации проектов в формате А3;

5. БРЭНДИРОВАНИЕ. Создание логотипа и фирменного стиля мастерской (спасибо студентам-графикам А. Здоровой и Н. Плужко);

6. СТИЛЬ И ДУХ. Лучший украинский дизайнер одежды Фёдор Возианов создал специально для открытия мастерской новую коллекцию одежды на основе форматов бумаги А0, А1, А2, А3 … А10 — новый «модулор», в котором автор показал взаимосвязь Числа и Человека, одухотворив эту взаимосвязь. Окончательно завершил действо ЕвГений Лазарчук, известный украинский парфюмер, создавший уникальный аромат «А-330» (так мы его скромно называем между собой) для нашей мастерской;

7. ПЕРВОИСТОЧНИК — всему основа. На открытии демонстрировались впервые: оригинал эскиза Н. Б. Чмутиной по разработке фасада здания Верховной Рады (1936), уникальная коллекция чертежных инструментов известных архитекторов Игоря и Петра Шпары и доселе нигде не выставлявшаяся работа Ю. И. Химича «Судак. Крым».

Во всей этой истории было задействовано не менее ста человек. Мотивы у всех были разные, но результат того стоил. Для нас, участников, это предмет гордости, иначе зачем мы живем на грешной земле?

Дмитрий Антонюк

А+С № 3–4 ’2014

3|6

БАБУШКІН ТА ЙОГО КОМАНДА

АРХІТЕКТОР БАБУШКІН

НАСТОЯЩИЙ БУМ ВПЕРЕДИ

ДОМ НАД ДВОРЦОМ

СКЕЙТИНГ-РИНК

ГУЛЛИВЕР НА СПОРТИВНОЙ ПЛОЩАДИ

ГОТЕЛЬ ІНТЕРКОНТИНЕНТАЛЬ

БАБУШКИН И ВЫСОТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

НЕБОСКРЕБ-ТРИЗУБ

НЕБОСКРЕБ НА МАЙДАНЕ

БИЗНЕС-ЦЕНТР ПАРУС

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

АРХІТЕКТОР БАБУШКІН

Сергій Бабушкін народився 10 квітня 1947 року в Свердловську (Росія). Архітектурний факультет Уральського політехнічного інституту (1971). ГАП Латвійської філії «Союзкурортпроекту» (1971–1981), ГАП Латвійської філії «Діпроторг» (1981–1984), начальник Спеціалізованої комплексної майстерні ГУ Київпроект (1984–1990), директор Малого архітектурного підприємства «Піонер» (1990–1992), перший заступник начальника Головкиївархітектури (1992–1993). З 1993 керівник АБ «С. Бабушкін», творчий керівник ТОВ «Архітектурна спілка». Головний архітектор Києва (1996–2003). Членкор Академії мистецтв України по Відділенню синтезу пластичних мистецтв (2001), професор Міжнародної академії архітектури (МО), лауреат Державної премії України в галузі архітектури, заслужений архітектор України.

Серед архітектурних досягнень — реконструкція будинків відпочинку, проектування та будівництво споруд у містах: Кохтла-Ярве, Айгвиду-Ярве (Естонія), Рига, Юрмала (Латвія), Київ, Миколаїв (Україна), Тамбов, Калінінградська обл., Краснодарський край, Сочі, Москва (Росія). У Києві за десять останніх років реалізовано більш ніж 130 спроектованих об'єктів, серед яких: реконструкція Майдану Незалежності та ТЦ «Глобус» (спільно з О. Комаровським), реконструкція готелю «Premier Palace» (спільно з ПТАМ «М. Дьомін»), бізнес-центр «Leonardo», житлові комплекси «Срібний бриз» та «Оболонь», головний офіс «Промінвестбанку», діловий центр «Поділ-Плаза», офісно-діловий центр «Парус» по вул. Мєчнікова та бул. Лесі Українки (спільно з О. Комаровським), дитячо-юнацький розважальний центр на площі Слави, житловий комплекс на вул. Грушевского 9А (який обіцяв знести президент В. Ющенко).

А+С № 4 '2008

Архітектор Сергій Бабушкін

НАСТОЯЩИЙ БУМ ВПЕРЕДИ

В начале и середине 1990-х Киев переживал самые мутные времена за последние полвека. В этот критический момент главным архитетором города был назначен Сергей Бабушкин. Его пытались «уйти» неоднократно. Официально Бабушкин исполнял должность с 14 августа 1996 по 30 декабря 2003 года. Для Киева это была эпоха Бабушкина — не худшие строительные годы.

А.С.С: Сергей Вячеславович, как движется жизнь после забот главного архитектора?

Сергей Бабушкин: Я всегда в работе, дел очень много. У меня в мастерской семьдесят человек с хорошей подготовкой.

В 1997–1998 годах все обсуждали, будет ли строительный бум, а потом как-то незаметно констатировали, бум есть.

Это только прелюдия, настоящий строительный бум впереди. Мы сами себе доказали, что должны заниматься центром города. Это всё вызвало крики, непонимание, чиновническое напряжение. А ведь сами они ничего не делали, не реконструировали, здания не сохраняли.

Каков урок Бессарабского квадрата?

В следующий раз не повторять глупостей. Не верили в Бессарабку, делали всё наоборот: сначала строили, потом убирали, разбирали. Слава Богу, хоть что-то построено!

К тому же, как у Чаадаева, спор славянофилов и западников?

Противостояние любителей староины и тех, кто делает новое, чисто чиновничье, а не творческое.

Ведь были интереснейшие «промежуточные» решения.

Сегодня в Киеве есть мастера, они проявляются, к сожалению, их не так много, на слуху не более двадцати имен: Виг, Жежерин, Бородкин… Мастерам надо доверять, а градсоветы как таковые не нужны.

Если архитектор лицензированный, стиль не обсуждается?

Офис подразделений налоговой инспекции на Львовской площади 6
архит. Сергей Бабушкин, эскизный проект, 1996

Должны быть правила, которых следует придерживаться, всё остальное твое творческое кредо, в которое влазить ни один чиновник не имеет права. А у нас куча согласований.

Многие годы центр был вырезан из практики, даже Крещатик стал возможен лишь потому, что его разбомбили.

Когда Крещатик построили, охаивали, а теперь это визитная карточка города. Сегодня мы обращаемся к работам 1930-х: что-то не успели, чему-то помешала война… Мы проанализировали, что было задумано и забыто. Но если к этому возвращаться — конфликт: «не трогайте святое!» Центром города заниматься необходимо.

У Владимира Даля есть такое словцо «чапыжник, мелкий дрянной лес», это наша набережная.

Есть попытки вернуться к набережной, но вернуться надо толково, ибо набережная в Киеве должна быть общедоступной.

Банк «Инко» по ул. Саксаганского 119

архитт. Срегей Бабушкин, Андрей Мазур, 1997

Николай Дёмин уверен, что магистраль север-юг вдоль реки всегда будет испытывать сверхнагрузку.

Эта тема на несколько лет, она приведет и на Труханов остров, и на Рыбальский полуостров. Такая работа уже ведется.

Студенческая фантазия на тему Рыбальского острова живет?

Живет и будет жить!

Есть ли еще поисковые работы в жанре фэнтэзи?

Конечно есть. Уверен, что строительство моста на Троещину стимулирует архитектурный поиск. Как только появляется новая магистраль, на нее сразу нанизываются новые архитектурные идеи. Сегодня нужно показать то положительное, что сделано за последние семь-восемь лет.

Какие приведете примеры?

Когда-то мы с Сашей Комаровским проектировали первые шесть домов в тридцать два этажа на Троещине, которые уже строятся. Вчера я проезжал там, первые дома уже стоят. Ничего страшного, наоборот, они задают солидный столичный масштаб.

Проминвестбанк, пер. Т. Шевченко 10–12 / ул. Софийская 9
архит. Сергей Бабушкин, Андрей Мазур, 1998–2002

Вам как бывшему главному инкриминируют точечное строительство, отсутствие Правил застройки, ПДП районов.

Ждать готовых решений с Луны? Кстати, Правила мы написали пять лет назад, но они не утверждены. Сегодня незачем изобретать велосипед ПДП, архитектор сам должен гармонично соединить все исходные и смотреть в будущее. И если сейчас твое здание выглядит «смешно», через пять-десять лет оно станет совершенно нормальным явлением.

Недостаток бывших ПДП?

Проектировать надо кварталами, проводить реконструкцию. Любое новое строительство дает возможность паралельно там же что-то проектировать. А если у тебя не хватит возможностей сделать квартал, это не означает, что кто-то другой должен дать ПДП и рассказать, что там возможно. Нет, ты сам анализируй, решай задачу, чтобы все было правильно и интересно.

Имущественные вопросы?

Сегодня собственность индивидуальная, и каждый имеет свое видение, это дело не такое легкое и простое.

Офисно-деловой центр «Подол-Плаза» по ул. Г. Сковороды 19 / Спасская 30
архитт. Сергей Бабушкин, Андрей Мазур, Евгений Яновицкий, проект, 1999–2000

Возможно ли изменять систему и делать вид, что всё по-прежнему решается централизовано?

Все почему-то надеются, что Бабушкин должен сделать ПДП и рассказать, как нужно проектировать. Правила застройки это правильное отношение к проектированию. А согласование пройти у наших чиновников, особенно, если они не заинтересованы в этих Правилах!

Ваше отношение к Руслану Кухаренко?

Вспоминаю произведение Корнея Чуковского «Тараканище», когда талантливые архитекторы идут у кого-то спрашивать, и плачут, и рыдают. К Руслану Ивановичу я всегда нормально относился, и наши с ним разногласия носили творческий характер, которые затем СМИ раздували до уровня конфликта. Раньше академиками уже в сорок лет становились, сейчас нам зачастую уже за шестьдесят, а мы друг другу советуем, что и как делать.

Некоторые моменты действительно карикатурны.

То рассказываем, как кому окошечки нарисовать, то башенки переделать. Кстати, когда я Жежерину согласовывал Бессарабку, считал, что коль судьба выпала ему строить, пусть делает под свою

«Квадрат» на Лукьяновке

ПТАМ С. Бабушкин, архит. Евгений Яновицкий, 1998–2002

ответственность, это его авторское право. И никакой чиновник так не сделает никогда, только ухудшит.

На какую генеральную проблему Киева вы бы указали?

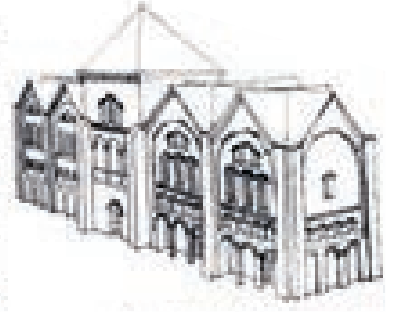
Одна проблема — Киев надо ставить как столицу. Проблема складывается из частичек, и никто генерально не укажет, как строить. Ведь Геплан не панацея, где всё решено, вплоть до цветочницы. Многие просто спали, когда мы докладывали Генплан, поскольку там не были нарисованы объемы и прочее. В Генплане изложены принципиальные схемы развития города.

О личных планах, о бодрости духа?

Есть желание, есть силы, есть коллектив, который много лет создавался, есть молодежь, которая много работает. Очень интересно следить за дипломными проектами. Молодежь сегодня сильнее нас, у них нет старых «идеологических» и технологических ограничений.

A+C № 1 '2004

ДОМ НАД ДВОРЦОМ



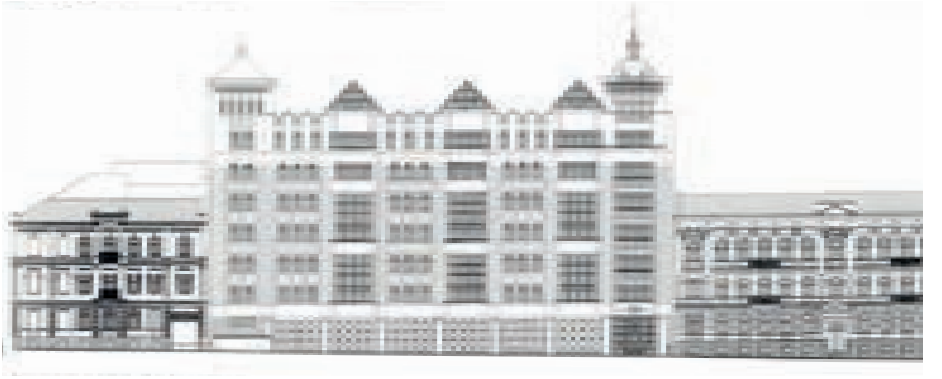
Дворец княгини Ольги, X в., реконструкция Ю. С. Асеева

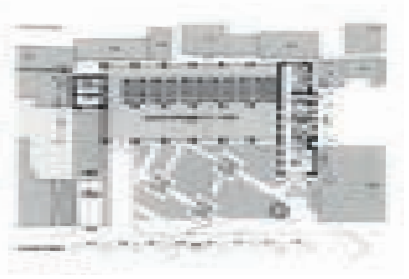
Здание в границах древнего города Владимира, на месте фундаментов княжего дворца. Автором решалась задача включения новой постройки в исторический контекст. Архитектурно дом должен перекликаться с образом старокиевского дворца (основываясь на реконструкциях Ю. Асеева, С. Вельмина, В. Харламова и миниатюрах Радзивилловской летописи).

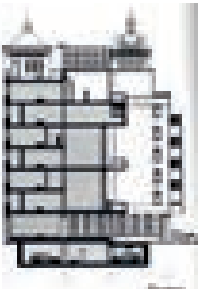
В первом этаже здание поднято на круглых столбах. Над четко выявленными элементами конструкций — шестиэтажный объем. Преемственность композиции достигается за счет меняющегося ритма окон и формирования традиционного завершения: стеклянные колпаки, накрывающие террасы верхнего этажа, и акцентирование дома тремя башнями.

На каждом парном этаже размещены четыре квартиры. Железобетонный каркас с небольшим числом опор позволил отказаться от массивных несущих стен. Важнейший элемент квартиры двусветная жилая комната. Вид с галереи на ландшафт и стеклянные колпаки над террасами позволяют внешнему миру проникать в дом, образуя связь с природой и махровой исторической средой древнего Киева.

А.С.С № 6 '2000



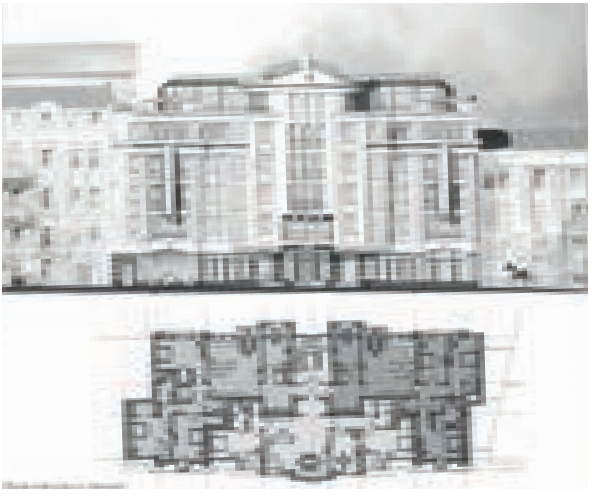




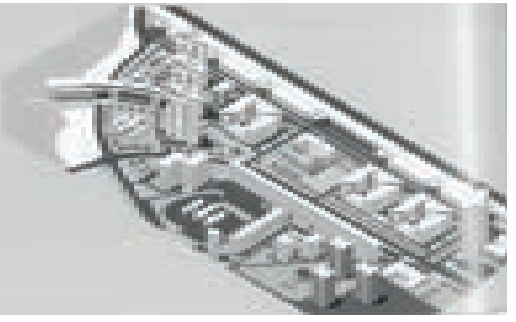
Жилой дом по Десятинному переулку 3-5

архит. Андрей Мазур, проект, 1998

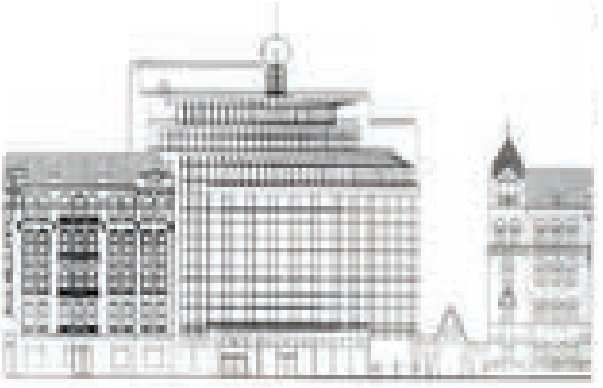
Жилой дом по ул. Лескова 1, архит. Сергей Варивода, проект, 1999–2000

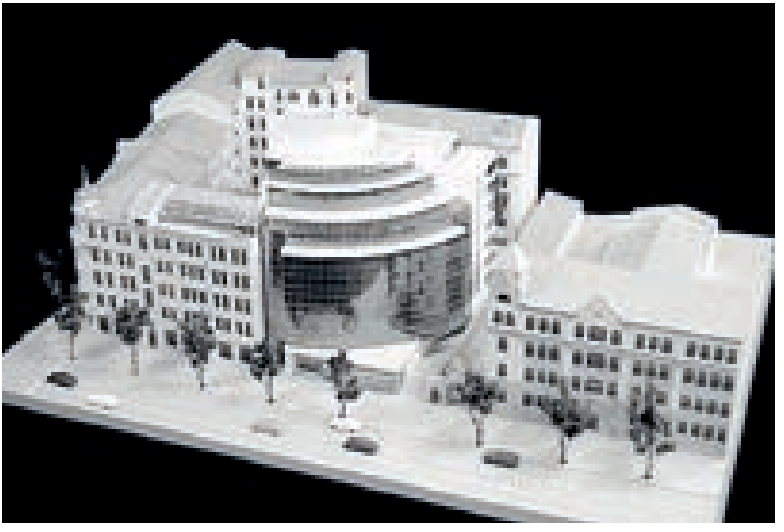


Жилой дом по Золотоворотской 13, архит. Евгений Яновицкий, проект, 2000



Жилой район по по ул. Раисы Окипной, архит. Виталий Васягин, проект, 2000



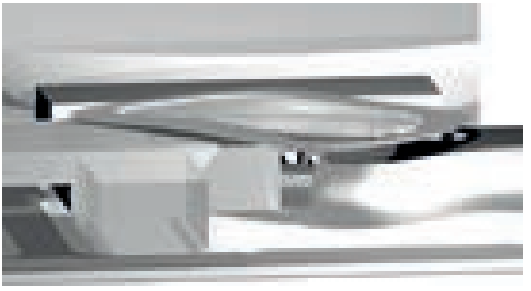


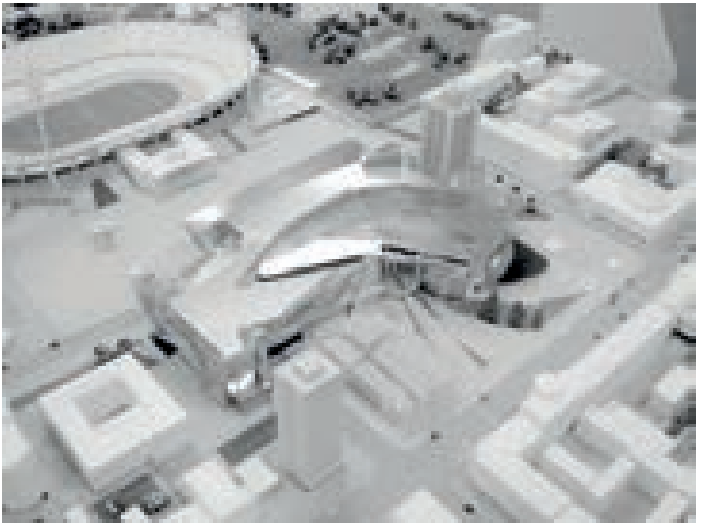
Офисный центр по ул. Владимирская 12

архитт. Сергей Бабушкин, Андрей Мазур, Евгений Яновицкий, 1995–2000

Торгово-общественный центр «Юджин» по ул. Б. Васильковской 53–55

архитт. Сергей Бабушкин, Сергей Варивода, Александр Комаровский, проект, 2001

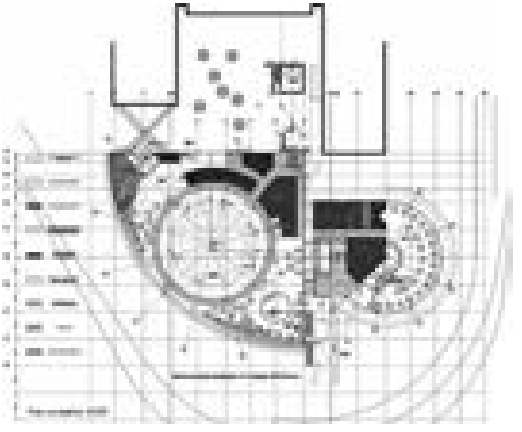




Торгово-развлекательный центр на Троицкой площади

архитт. Сергей Бабушкин, Карл Френсис, Джон Доуз (Benoy), проект, 2004

СКЕЙТИНГ-РИНК



Объект задуман как развлекательный комплекс и крытый каток на месте предполагаемого А. Милецким кукольного театра-пристройки к Дворцу пионеров, построенного архитектором в 1960-е.

А+С № 3 '2004

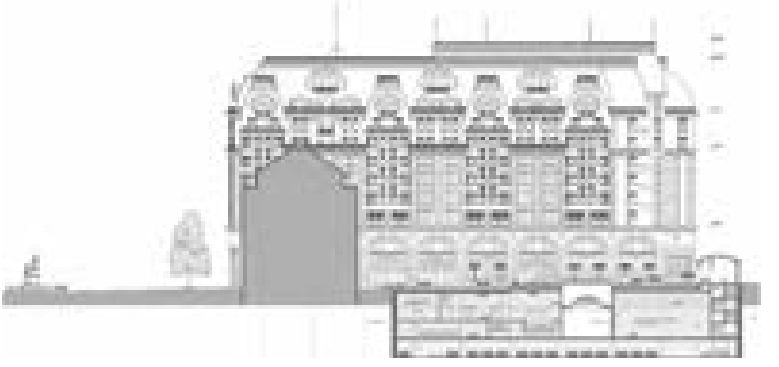
Развлекательный комплекс, Днепровский спуск 1

архитт. Сергей Бабушкин, Валерий Рубштейн, Оксана Кабанец, Ален Ндонго, проект, 2003

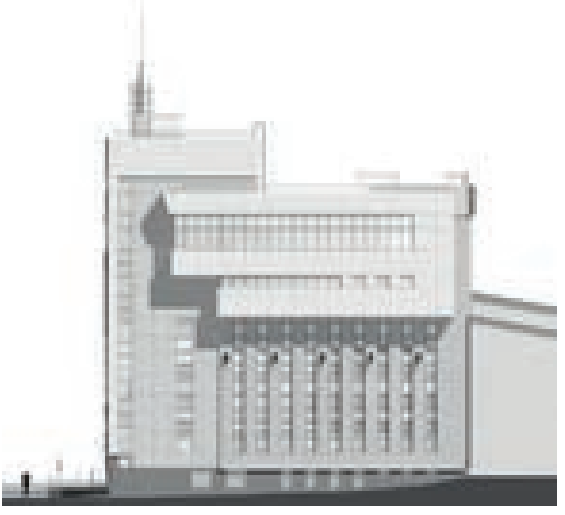
ГОТЕЛЬ ІНТЕРКОНТИНЕНТАЛЬ

Адміністративно-готельний комплекс розміщений у кварталі між вулицями Володимирською, Десятинною, В. Житомирською та Михайлівською площею. Поблизу безліч видатних пам'яток культурної спадщини, що додає споруді респектабельності. Об'єм складається з десяти поверхів і двох підземних рівнів. Стилістика вирішена з оглядкою на сформований простір Михайлівської площі. При будівництві застосовано матеріали найвищої якості та вишукані аксесуари. Інтер'єри також розроблено з урахуванням історичного довкілля. Розташування та першокласне устаткування, псевдоісторична привабливість фасадів та інтер'єру, широкий спектр послуг, можливість проведення ділових зустрічей та дозвілля роблять цей готель бажаним місцем зустрічі київських діляг та бізнесменів з усього світу.

А+С № 3 '2008



Адміністративно-готельний комплекс по вул. В. Житомирській 2А
архітт. Серегій Бабушкін, Олександр Свістунов, проект, 2005–2007



Магазин «Дари Моря» по вул. Павлівській 23

архітт. Євгеній Яновицький, Сергій Бабушкін, проект, 2007

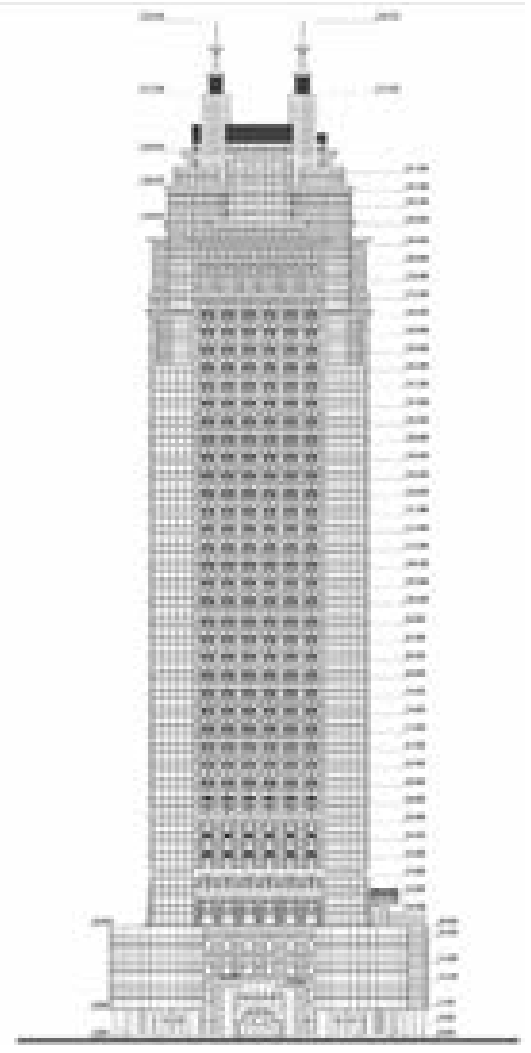
БАБУШКИН И ВЫСОТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Высотное строительство это, во-первых, средство решения экономических проблем, связанных с ценами на землю и необходимостью максимального использования возможностей участка, во-вторых, результат совершенствования технологий (может быть, это и первое), в-третьих, возможность решить транспортные проблемы: чтобы людей не размазывать по кварталу, а приводить в какую-то точку и вертикальными коммуникациями доставлять наверх.

В Киеве высотным называют здание выше 25 этажей. Такой предел был установлен нормами, связанными с эксплуатацией здания, возможностями вертикальных коммуникаций и максимальными нагрузками, которые могли выдержать панельные конструкции, из которых тогда строили. И это ограничение прочно укоренилось в головах. Когда в 1996 году начали активно задумываться о чём-то новом, то осмеливались говорить только о точечных высотных объектах — мозгов таких не было, чтобы решать вопросы комплексно. Эти объекты торчали на бумаге какими-то индивидуумами и выглядели эдакими слонами в посудной лавке. Но «лавка» уцелела, стали образовываться комплексы и в комплексах — доминанты.

Менталитет нашего народа базируется на прошлом (те самые 25 этажей), и сформировался он как продолжение коммуналки. Если архитектор вырос в коммуналке, он и живет образом коммуналки. Посмотрите любой современный проект: коридор, из коридора разводка по комнатам, кухня обязательно должна быть. Но это же бред! Раньше мы имели на весь город пять ресторанов — сегодня у нас уже пятьсот, где люди могут проводить досуг, назначать встречи, принимать гостей и т. д. Но мы всё еще проектируем по-старому. Это пережитки. Конструктивно и строительно Украина и Киев готовы поставить в серию 30–40-этажки. Бетона и металла хватит. Но я

Гостинично-офисный комплекс по ул. М. Грушевкого 30 (во дворе Дома офицеров)
архит. Сергей Бабушкин, проект, 2008



Небоскреб по ул. М. Грушевкого 30, архит. Сергей Бабушкин, фасад, 2008

Небоскреб по ул. М. Грушевкого 30, архит. Сергей Бабушкин, план, 2008

другое хочу сказать, стоит проблема, как строить: из бетона или из металла. Это не только обсуждается, но и ставится как одна из главных целей. Бетон все-таки надежней. В Гуаньчжоу (Китай) построили Центр-Плазу, 78 этажей плюс 60 *м* антенна, всего 274 *м*. Главное преимущество, что это монолит, и это уже достижение.

Есть мнение, что центр Киева трогать нельзя. Показательна история с домом на Грушевского 9А. Но это же не небоскреб, из панорамы он не торчит. Просто кто-то в Украине хочет по политическим, экономическим, градостроительным соображениям принести этот дом в жертву. Но он останется! И быстро исчезнет в панораме, скоро за ним будут стоять сорокоэтажные дома, чуть-чуть пройдет времени.

Абсолютно то же самое произошло с домом напротив Суворовского училища (архит. В. Шевченко), потом рядом с училищем повтор был. Казалось, нонсенс! такие истерики были. Сегодня этих башен визуально просто нет. Остался в панораме наш дом на Мечникова и всё. Исчез Арсенал со своим корпусом безумно длинным. Когда вокруг стояли пятиэтажки, и этот Арсенал торчал со всех сторон, сегодня в панораме смотри — его нет. Поглядите со стороны Байковой горы

Небоскреб на «Левобережной», архит. Сергей Бабушкин, проект, 2005

на весь этот район, там где когда-то самые высокие были дома И. Шпары, сейчас видно строительство Н. Мхитаряна на ул. Щорса — всё превратилось в рядовую застройку, это нормально.

Создание административной схемы высотной застройки было бы возможно, если бы государство владело землей, финансами и если бы государство было единственным заказчиком. Но это невозможно, собственность изменилась. Сегодня это решается инвестициями, привлекательностью участка, наличием транспорта: что, куда, какая экономическая необходимость.

Целесообразна ли в центре города концентрация высотных зданий — не мы это придумали. Семь точек в Москве, помните? А сегодня там появляются новые. Конечно, семь счастливое число, но зацикливаться на этом нельзя. Высотки будут. И если высотки, которые мы проектируем, кого-то смущают, то в скоро об этом будут отзываться так же, как я сегодня о двадцати пяти этажах. Высотное строительство всегда считалось не просто достижением

для страны, которая хочет себя зарекомендовать, — высотки становятся символом, идет соревнование за право создать такой символ. Так давайте соревноваться нормально, давайте создадим свой символ, пусть другие будут создавать совершенно иные, но даже слепой должен увидеть, что в стране что-то происходит. Давайте пользоваться примером той же Японии, где мы недавно были, и других азиатских стран, которые так же бережно к относятся к истории — и строят новое!

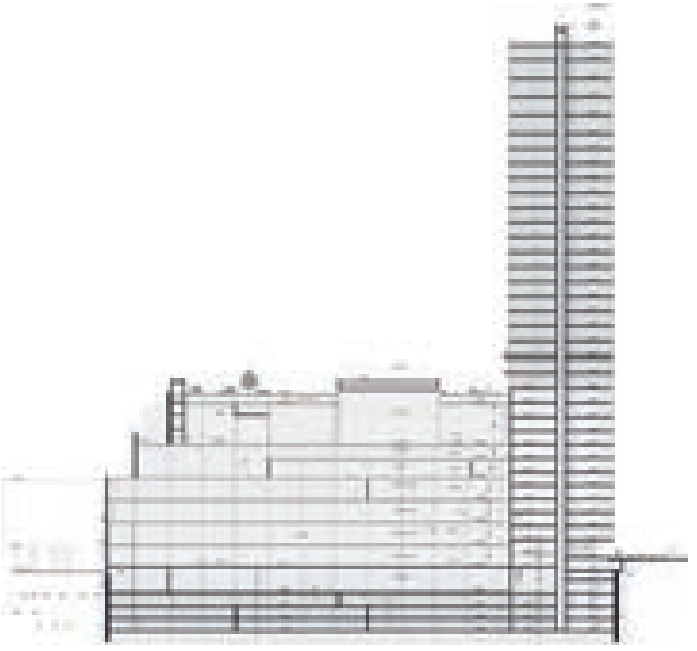
Дело даже не в высотках, а в развитии своих возможностей. Мы просто забываем, сколько нам лет и всё еще чего-то боимся. Надо уже бояться не ошибки, а возраста. Если мы не проявим юношескую смелость, тогда превратимся в поколение, которое ничего после себя не оставило.

Вообще нужно немного успокоиться, больше доверять друг другу, а не градсоветам, доверять профессионалам и тем мэтрам, которые есть, за которыми идет молодежь и всё станет нормально.

Но пока всё повторяется, как при советской власти, люди-то те же. Сегодня принимают конкретные решения, а завтра от них отказываются. Всё идет по течению и по ветру. И, к сожалению, в искусстве так же. Всё происходит с оглядкой на лидера: куда он плюнет, туда мы и будем танцевать. И якобы от них зависит развитие культуры, искусства и общества. Таких дураков, которые хотят двигать ситуацию — как Чернихов, Леонидов — мало. Леонидов построил лишь одно сооружение, но всю жизнь двигал мозги и не давал покоя другим. Я, кстати, когда мне совсем хреново, смотрю работы Чернихова. Вот, пожалуйста, какие потрясающие идеи рождались. Так что политики пусть занимаются политикой, а искусство нужно создавать свое и новое.

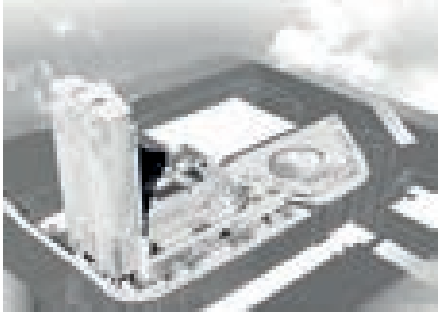
Сергей Бабушкин
A+C № 6 '2005

ГУЛЛИВЕР НА СПОРТИВНОЙ ПЛОЩАДИ



Данный комплекс станет кульминационным акцентом композиции Спортивной площади. Наличие в нем развлекательного центра с боулингом, кинотеатрами, а также супермаркета обеспечит привлечение значительного количества посетителей. Вход в комплекс из вестибюля метро, а также три этажа подземного паркинга полностью решают вопрос транспортной доступности. Высотка с квартирами и апартаментами — восклицательный знак, подчеркивающий привлекательность и статусность комплекса.

А+С № 6 '2005



Жилой и торгово-офисный комплекс, архитт. Сергей Бабушкин, Валерий Рубтшейн, Татьяна Григорова, Светлана Здыбай, проект, 2004

Жилой комплекс, ул. Предславинская 18–22

архитт. Александр Свистунов, Татьяна Леонтьева, Юрий Пушкарь, проект, 2004–2005

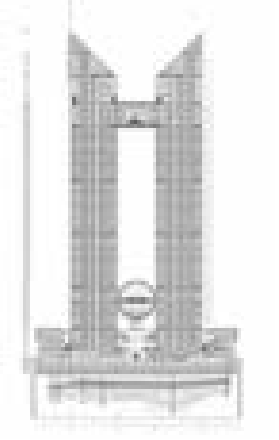
Офисно-жилой и развлекатлеьный центр по ул. Госпитальной 4

архит. Андрей Мазур, проект, 2004–2005

НЕБОСКРЕБ-ТРИЗУБ

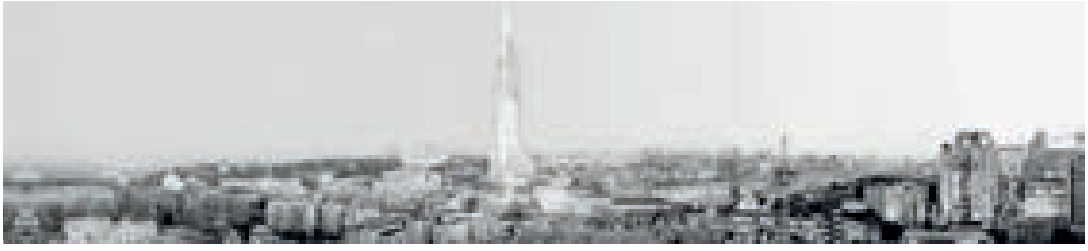
Комплекс состоит из высотной части, 480 *м*, и стилобата в пяти уровнях, под землей пятиуровневый паркинг. В высотной части размещаются офисы, апартаменты, гостиничный комплекс, в стилобате — торговый комплекс, рестораны, бизнес-центр, кинозалы и универсальный зал. Строительство первого доселе невиданного в Киеве небоскрёба отметит созревание нового центра на Левобережье. Образное решение продолжает тему флага на Майдане: теперь это Трезуб. Некоторые полагают, что такая «прищепка» визуально унижит правый берег Днепра с историческим ценром, но это не так.

А+С № 6 '2005



Гостинично-офисный и культурно-развлекательный комплекс, ул. Никольско-Слободская
архит. Сергей Бабушкин, проект, 2005

НЕБОСКРЕБ НА МАЙДАНЕ



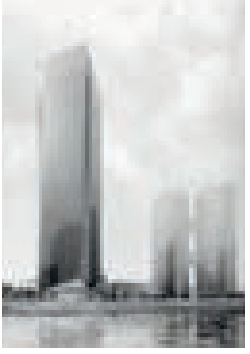
Доминанта композиции — круглая башня диаметром 60 *м*, в которой угадывается силуэт национального символа — прапора Украины. Флагшток с трезубцем является несущей осью для панорамных лифтов с видом на Майдан, функциональное зонирование имеет четкую вертикальную структуру: паркинг (четыре уровня), культурно-развлекательный центр (три уровня), гостинично-офисный блок (шесть уровней), апартаменты. Венчающим элементом башни станет Центр украинской истории и культуры (шесть уровней). На высоте пятьдесят первого этажа предусмотрены смотровые площадки с видом на город. Всё соружение опирается на буронабивные сваи. В качестве подсистемы, которая воспринимает вертикальные нагрузки, предусмотрено железобетонное перекрытие по металлическим балкам на шарнирных колоннах. Вечерняя подсветка очень эффектна, но по утрам огромная тень национального стяга накроет полгорода.

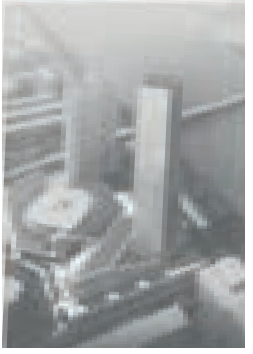
А+С № 6 '2005

Офисно-гостиничный и культурно-развлекательный комплекс

архит. Сергей Бабушкин, проект, 2005

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ





Высотка, еще до рождения претендующая на роль эмблемы левого берега столицы, состоит из квадратной в плане башни с офисами и панорамным двухуровневым рестораном под крышей и четырехэтажного стилобата, в котором разместятся магазины, кафе и развлекательные заведения. Эвакуационные зоны предусмотрены на пятом, двадцатом и тридцать пятом этажах, сорок девятый этаж — технический, на крыше — вертолетная площадка. Предложены два варианта объемно-пространственного решения башни в зависимости от принципа формообразования. В отделке фасадов главная роль отводится стеклу.

A+C № 4 '2007

Многофункциональный высотный комплекс по ул. Березняковской

архит. Сергей Бабушкин, проект, 2007

СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ В КИЕВЕ

Комплекс выполнен в виде спаренных полукруглых башен, соединенных между собой галереей на уровне 34–36 этажей. В нем разместятся офисы класса «А», гостиница на 380 номеров, апартаменты, торговый комплекс. В четырехуровневом стилобате расположен торгово-развлекательный центр, кафе, рестораны, фитнес-центр, конференц-залы, вестибюли гостиничного и офисного блоков, на его кровле — сад. Офисы займут нижнюю часть башен — с шестого по двадцать третий этаж, гостиница и апартаменты с прекрасными панорамными видами на город — 24–49 этажи. Поясу-галерее отводится роль своеобразного буфера — в трех этажах с панорамным остеклением планируется отдать ресторанам, барам, зонам отдыха. Верхние этажи комплекса займут зимние сады и рестораны с панорамными видами.

A+C № 4 '2007

Торгово-офисный центр по проспекту Победы 11–13

архит. Сергей Бабушкин, проект, 2008

БИЗНЕС-ЦЕНТР ПАРУС

В Киеве зафиксирован рекорд: возведено самое высокое в Украине здание. Шпиль бизнес-центра «Парус» взметнулся до отметки 146 *м*! Генподрядчиком на объекте выступила компания Основа-Солсиф, выполнившая фундаментные, специальные и монолитные работы. Исходя из урбанистического задания, семиэтажный подиум решен в виде блока, занимающего закругленный треугольный участок между основными подъездными магистралями. Тридцатиэтажный парус — линзообразной формы. Элегантная конструкция башни подчеркнута остроугольным решением краев.

А+С № 4 '2006, № 4 '2007

Бизнес-центр «Парус», ул. Мечникова / бул. Леси Украинки

архитт. Александр Комаровский, Сергей Бабушкин, Мария Сусская, 2005–2006

3|7

АР-ДЕКО ЮРІЯ БОРОДКІНА

РЕТРОСПЕКТИВА ЮРИЯ БОРОДКИНА

АР-ДЕКО НА ПЕЧЕРСКЕ

ОПТИМАЛЬНАЯ ВЫСОТА

БАНК «АРКАДА» НА ОЛЬГИНСКОЙ

АРХИТЕКТОР ЮРИЙ БОРОДКИН

Юрий Николаевич Бородкин киевлянин, и родился в Киеве, и архитектор. Но не поэтому, или — не только поэтому, во всех проектных начинаниях более прочих архитекторов из ныне здравствующих он совпадает со специальной сущностью старого горбатого и златоглавого Киева. Может быть, человек он гиперчувствительный? Таки да. Но и невероятно мягкий. И потому многие его проекты оказались нереализованными. Поэтому же заказчик к нему тянулся, дотягивался и на проектном пути частенько обламывался. Ведь в слепую эпоху, в жестком проектном деле, чтобы добежать до результата, обычно нужна несгибаемая воля и костяная рука…

Юрий Бородкин закончил архитектурный факультет КИСИ (1973). Женитьба, как это обычно и бывает, произошла на последнем курсе института; в феврале 1980-го родилась дочь Анна, потомственный архитектор, она же возглавила мастерскую после ухода отца. В КиевЗНИИЭПе Бородкин архитекторствовал почти четверть века (1973–1996), и ЗНИИЭП стал большей архитектурной школой, чем КИСИ. Доцент КНУСА (1994–1998). Организатор и предводитель ПТАМ «Ю. Бородкин» (с августа 1995). С первых проектных шагов — много конкурсов.

Юрий Бородкин считает себя учеником Иосифа Каракиса. Он автор ряда нетривиальных построек в Киеве. Да и почти все его постройки оказались в Киеве: жилой комплекс «Введенский» на углу улиц Панаса Мирного и Гусовского на Печерске; банк «Аркада» и жилой дом по ул. Ольгинской; реконструкция Дома политпросвещения по ул. Владимирской 46 под банк НРБ; и изящная реконструкция-надстройка небольшого дома на ул. Михайловской; и множество начатых проектами и нереализованных объектов, из которых особо хочется выделить церковь-ротонду «им. Зои Космодемьянской» на ул. Олеся Гончара и жилой комплекс за спиной Суворовского училища на бул. Леси Украинки.

Архітектор Юрій Бородкін | 18.10.1950 — 4.07.2017

В лучших своих работах Бородкин, как мне кажется, нащупал особенный киевский стиль (или наоборот — общеактуальный, и потому передовой), которому ближе всего имя далекого межвоенного периода — ар-деко. Что-то из национально-прогрессивной Европы 1930-х, из Йоже Плечника и футуро-конформистских исканий на Манхэттене того же времени, вроде декоративно-респектабельной классики Крайслер-билдинг и Эмпайр-Стэйт.

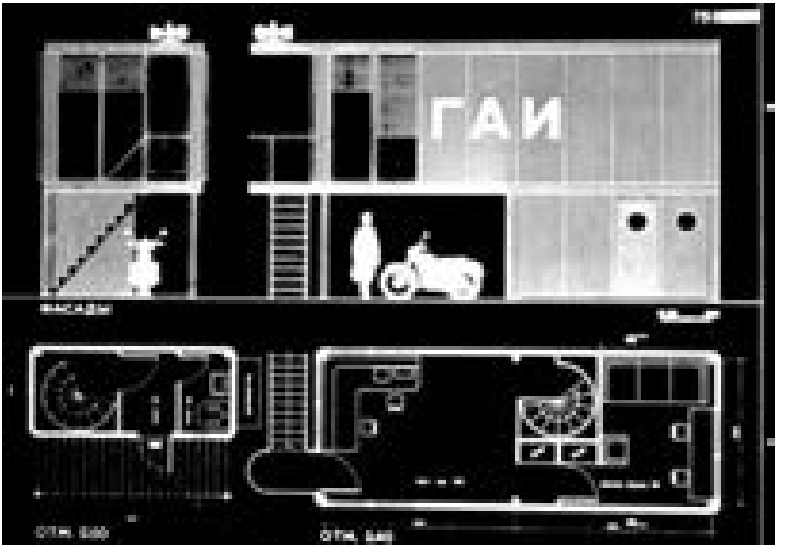
Еще одна особенность мастера — особое пристрастие к архитектуре литературной, к слову печатному и свежей мысли-откуда-угодно (в смысле — страны) и к хорошо сделанному книжному и вообще полиграфическому продукту. Специальная саркастическая шутка: «из книг, украденных из библиотеки Бородкина».

Совершенно архитектурно-буржуазным образом Бородкин обживает окружающее пространство: город Киев, друзей и встреченных на пути добрых знакомых, кабинет и мастерскую, любимую улицу Фундуклеевскую / Богдана Хмельницкого, «Академкнигу» со старыми дубовыми панелями по стенам и скрипящими полами, кофейню с традициями «Венские булочки»… Спешки тут не должно быть. Кофе, а еще лучше хороший экзотический чай или хороший виски… Клюшки для гольфа… Сигара с Колесниковым… Норвежские фиорды… Киевские и норвежские же деревянные хижины, сконструированные для ближних…

Бородкин считает, что миссия современного грехоположенного в Украину архитектора — помогать заказчику, исподволь воспитывая его, «но если заказчик считает, что абсолютно все его требования должны быть выполнены, пусть и работает с тем, кто пойдет у него на поводу».

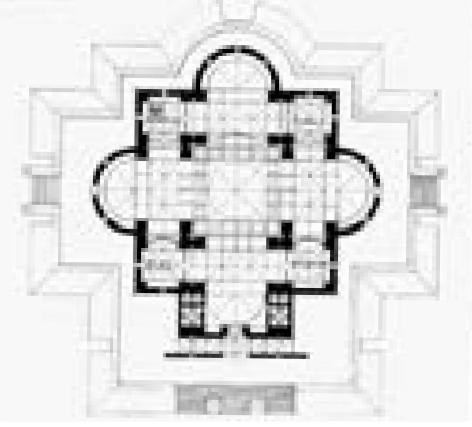
В двух всеукраинских рейтингах (а их всего было два) A+C неизменно располагал Юрия Бородкина в первой десятке ведущих украинских архитекторов.

A+C № 3–4 ’2017



Стаціонарний пост Державної автоінспекції / всесоюзний конкурс, III премія

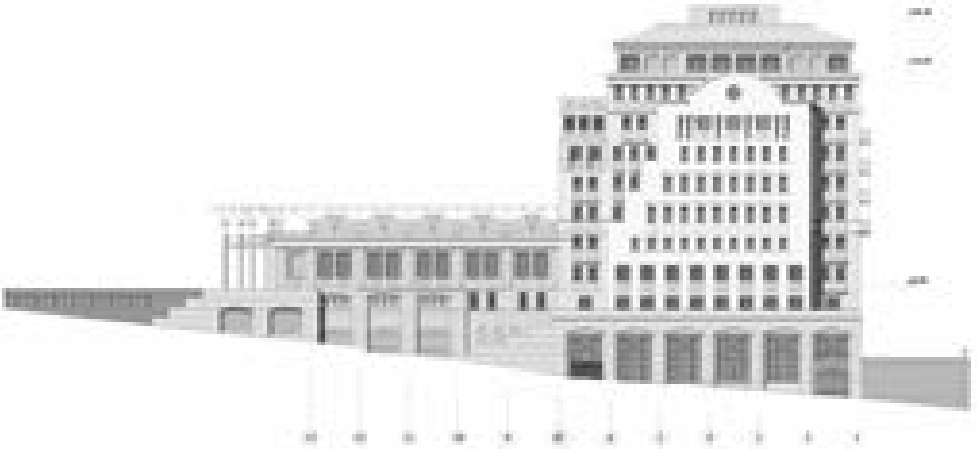
архітт. Юрій Бородкін, Сергій Нівін, 1978

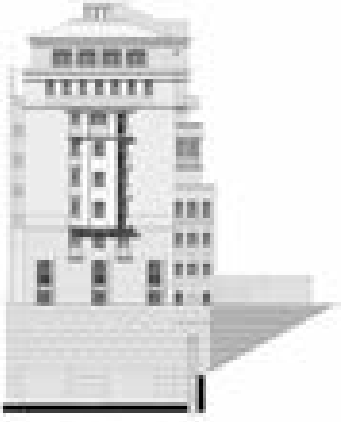


Храм на честь 1000-ліття Християнства на Русі в Києві
архіт. Юрій Бородкін, конкурсний проект, 1990

Будинок Бородкін-Плаза по вул. Богдана Хмельницького 72–78

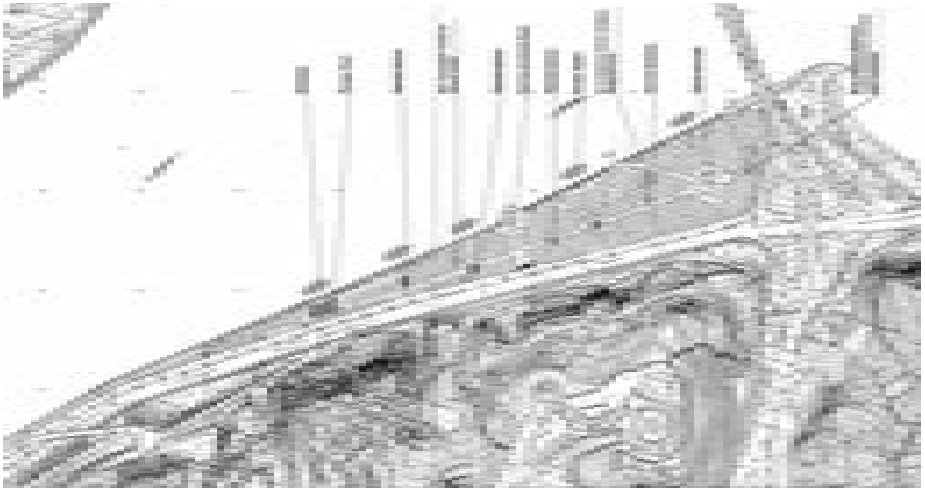
архіт. Юрій Бородкін, проект, 2004





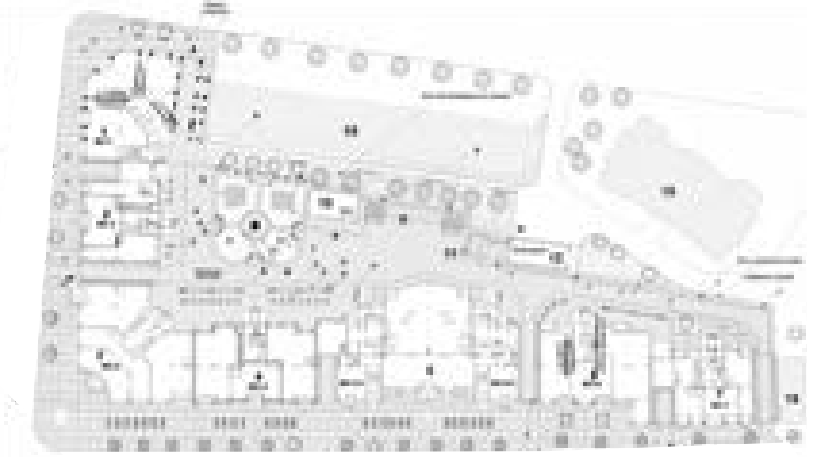
Житловий будинок по вул. Ольгінській

архіт. Юрій Бородкін, проект, 2003



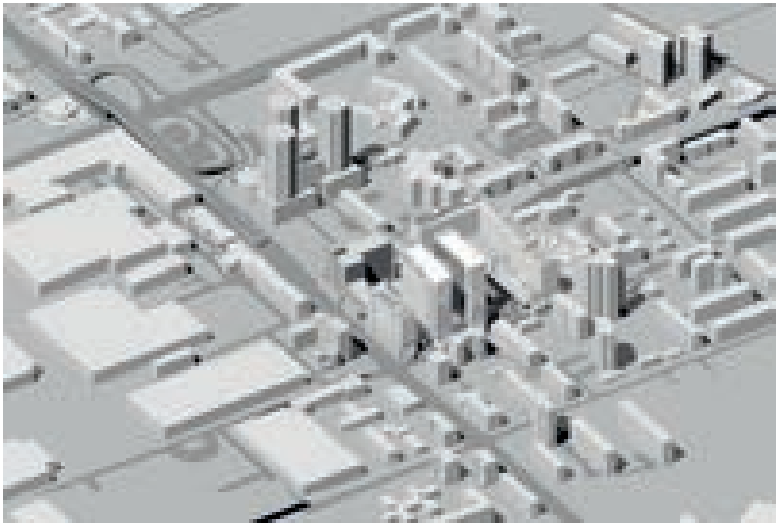
Ресторан «Ріоні» на Набережному шосе

архіт. Юрій Бородкін, проект, 2004



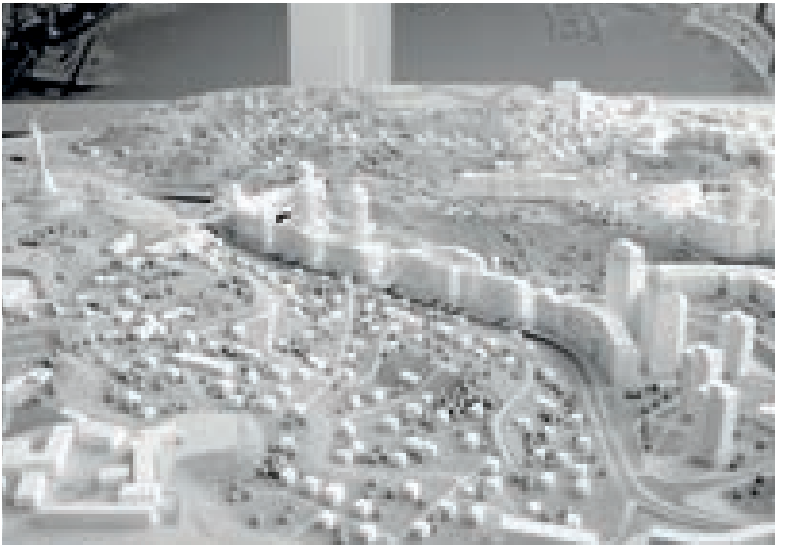
Житловий комплекс «Введенський» по вул. Панаса Мирного — вул. Гусовського

архіт. Юрій Бородкін, 2004–2005



Громадський центр на вул. Смоленській 31–33, реконструкція з розширенням

архіт. Юрій Бородкін, проект, 2005

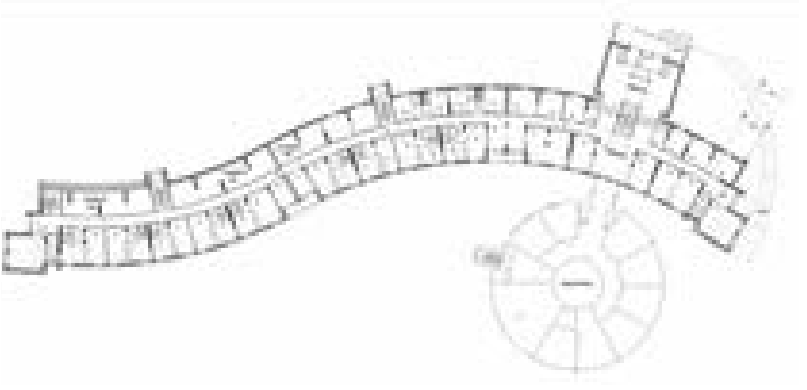


Концепція забудови вул. Старонаводницької

архітт. Юрій Бородкін, Сергій Нивін, Володимир Пилипчук, Максим Іванов, 2007

Офіс телеканалу «Інтер» на вул. Дмитрівській 38

архіт. Юрій Бородкін, предпроектна пропозиція, 2011

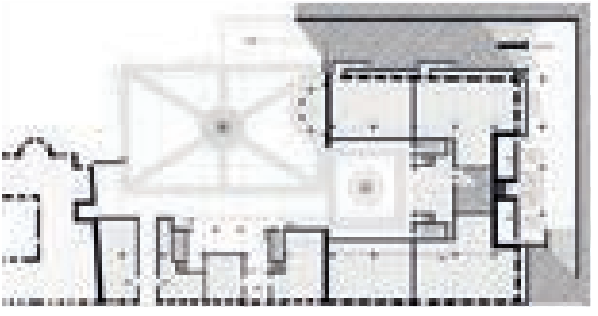


Гуртожиток по вул. Лейпцизькій 16

архіт. Юрій Бородкін, проект реконструкції з надбудовою, 2009

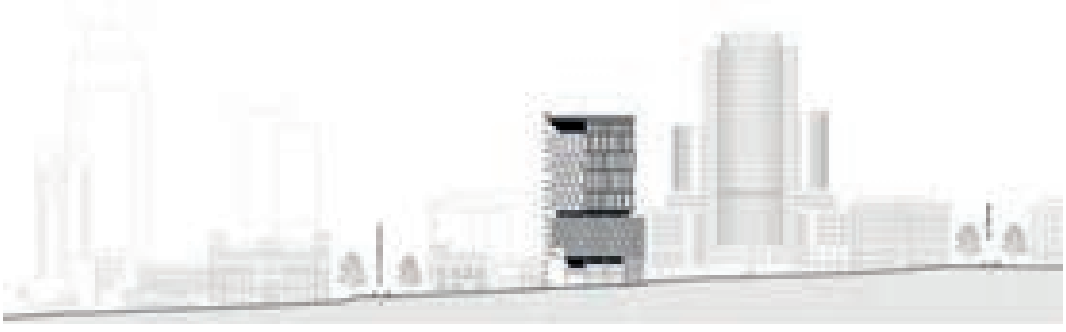
Житловий будинок по вул. Алли Тарасової 4 на розі Михайлівського пер.

архіт. Юрій Бородкін, предпроектна пропозиція, 2009



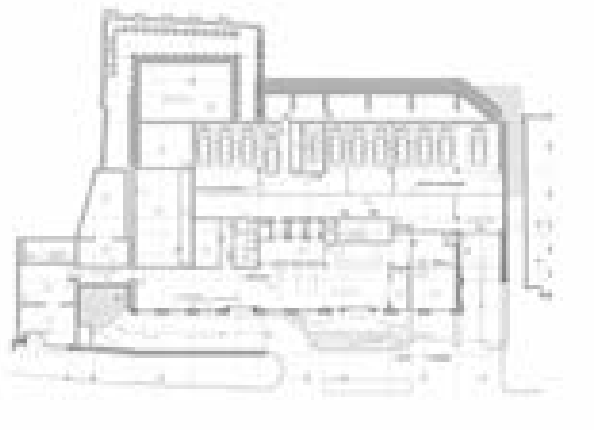
Комплекс будівель на вул. Десятинній 4/6

архіт. Юрій Бородкін, предпроектна пропозиція, 2009



Офісний центр на бульварі Тараса Шевченка 32–32А

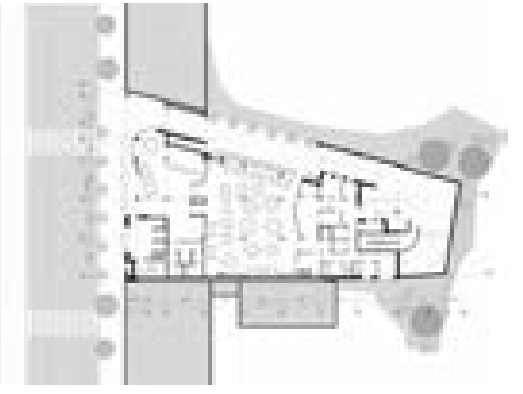
архіт. Юрій Бородкін, проект, 2013



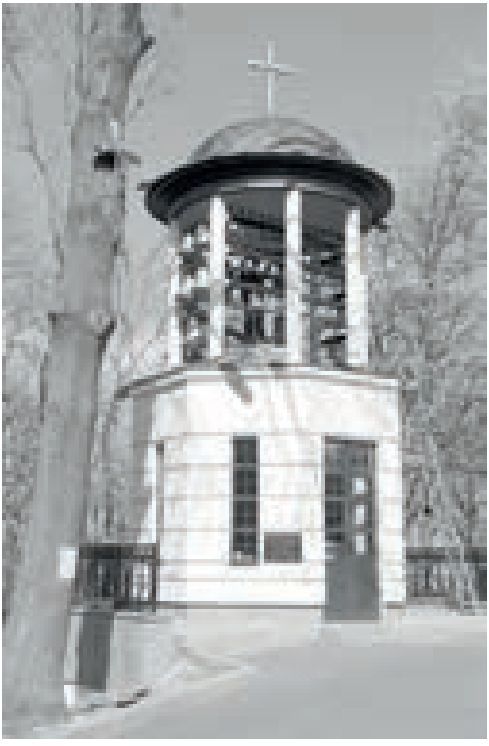
Офісна будівля по вул. Петра Сагайдачного 1

архіт. Юрій Бородкін, проект реконструкції з розширенням, 2011

Реконструкція будинку на вул. Михайлівській 7, архіт. Юрій Бородкін, 2008



Офісний будинок на вул. Михайлівській 10, архіт. Юрій Бородкін, проект, 2017



Вхідна церква Св. Миколая до Аскольдової Могили, вул. Паркова дорога 7

архіт. Юрій Бородкін, реставрація, 2017

Торговельно-офісно-житловий центр між вулицями Воровського та Гончара

архіт. Юрій Бородкін, проект, 2017

АР-ДЕКО НА ПЕЧЕРСКЕ

Стилистика комплекса определена фортификационной и имперской темой Печерска. Предтечей этой работы, во-первых, был генплан Киева 1935 года, выполненный проф. П. П. Хаустовым, в котором Печерску отводилась роль городского центра с мощной планировочной организацией, изысканно связывающей Киево-Печерскую крепость с новым центром. Во-вторых — блестящая архитектура незаслуженно забытого киевского архитектора Н. А. Шехонина.

Я высоко ценю этого мастера, который был великолепен в 1915 году, когда строил Кадетское (Суворовское) училище, был невероятен, когда до революции построил здания, в том числе в стиле модерн. Шехонин автор конструктивистского Клуба пищевиков на Подоле. Высокая честь работать рядом с таким коллегой. В конце концов само место, Зверинец, район фортификационных сооружений Киево-Печерской цитадели. Я бы сравнил наш город с персидским ковром, который побит молью. Восстанавливать потери, штопать ковер можно разнообразно, сколько архитекторов столько мнений. Главное — соблюдать некие элементы культуры, уважать коллег, которые работали до тебя. Надо знать историю города, особенности, которые формируют уникальный рельеф, и стараться их не испортить. Слова довольно общие, но важна среда, контекст. И контекст должен обладать культурой прочтения как для потребителя, так и для нашего профессионального цеха. Надо вернуться к ценностям городской среды. Градостроительные задачи проекта — продлить улицу, сделать квартальную структуру, пешеходную площадь, решить Зверинецкий холм в форме фортификации. Высотки ставятся там, где это необходимо. Максимальная высота комплекса — одиннадцать этажей.

Юрий Бородкин

A+C № 5'2004

Жилой комплекс, ул. Командарма Каменева

архитт. Юрий Бородкин, Александр Михненко, Сергей Нивин и др., проект, 2003

Жилой комплекс, ул. Командарма Каменева

архитт. Юрий Бородкин, Александр Михненко, Сергей Нивин и др., проект, 2003

ОПТИМАЛЬНАЯ ВЫСОТА

Главными в городе являются не высотки, а земля, которая под ними. В появлении высоток в Киеве присутствует доля случайности. Есть площадка, на ней появляется высотный жилой дом, который занимает пятно территории. Есть нормативная база, в соответствии с которой надо создавать условия, чтобы жители могли пользоваться городскими качествами. Почему жилая высотка? Потому еще, что общественные здания в историческом центре города вечером мертвы, в то время как жилые к вечеру расцветают светящимся кружевом. А офисные умирают, их надо подсвечивать.

Однако уверен, высотное жилищное строительство безнравственно. Сегодня уровень строительства и эксплуатации высоток неизбежно приведет их в состояние трущоб еще при нашей с вами жизни. Дому нужно культурное обслуживание. Любое здание требует капитального ремонта через четверть века. Гораздо легче обслуживать дом средней этажности (шесть, восемь, максимум десять). Оптимальная высота — восемь этажей, что хорошо вписывается в параметры внутригородской территории. Сто метров среднего городского квартала позволяют получить нормальную инсоляцию.

Жилье не столько формирует силуэт, сколько обеспечивает достойное качество жизни. В Лондоне существуют высотки, но жилье самое престижное, у Темзы — не превышает двенадцати этажей. И внешне решается элегантно и скромно, по-английски. Подлинные ценности, как в швейцарском банке, хранятся внутри. Инвестор наконец стал понимать, что деньги ему приносит не количество этажей, а классность.

Недавно рассматривали схему застройки проспекта Бажана, которая полустихийно формировалась и ныне — один из ликов города. Застройка вдоль шумной магистрали 25-этажными домами из

силикатного кирпича с покраской. Что будет с этими зданиями через пять лет? Холдинг Киевгорстрой строит всё что угодно, кроме садиков, школ и прочего соцкультбыта. И сегодня нам представляют как образцы градостроительной культуры вместо среды обитания тычки высотой в двадцать пять этажей, без паркингов, с гуляй-полями внутри квартала. Люди, которые там живут, никогда не почувствуют себя горожанами, их дети вырастут люмпенами. Это квинтэссенция маразма. Альтернативой всему этому является возвращение к городу, к его ценностям, с иерархией дворов, улиц, площадей.

В этом смысле высотное жилищное строительство разрушительно. Высотное жилье очень затратное. Выполнить все требования пожарных может только безумно расточительный инвестор. Сегодня с помощью самой современной техники, которой располагает Киев, можно снять жильцов с высоты до сорока метров.

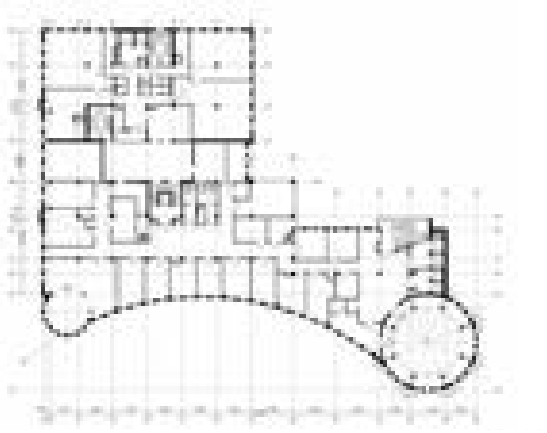
Что касается высотных нежилых объектов, то они должны появляться. Но важнейшее для офисного центра — доступность и удобную парковку — центр города уже не обеспечивает. С другой стороны, уже нет необходимости собирать множество людей одновременно в одном месте: мир стал ближе благодаря средствам связи. Поэтому удобнее офисные центры выносить на периферию.

Надеюсь, что в скором времени возобладает понимание того, что главной ценностью является земля, что статус ее тем выше, чем престижнее жилье на ней находится. Достичь же экономического эффекта высотным жильем нельзя. Думаю, что при элементарном соблюдении нормативной базы и утвержденных Киевсоветом правил застройки волюнтаризм предыдущих лет будет преодолен.

Юрий Бородкин

А+С № 6 '2005

БАНК «АРКАДА» НА ОЛЬГИНСКОЙ

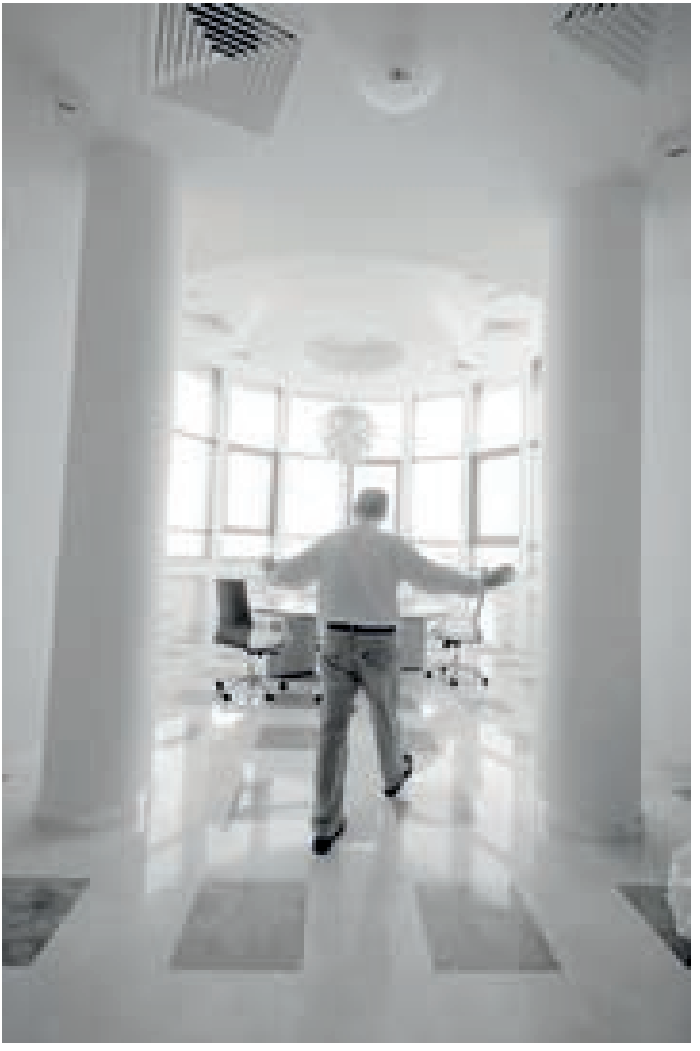


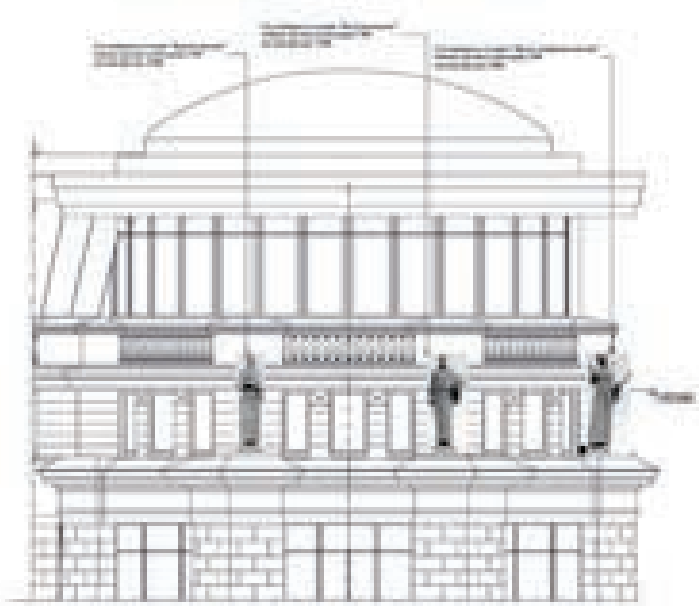
На протяжении трех лет по заказу АКБ «Аркада» наше бюро выполнило проекты здания банка и жилого дома напротив, со спортзалом школы № 94. Проект завершил формирование улицы, учитывая активный рельеф, сооружения метрополитена и сложные условия для размещения несущих конструкций. Вход в банк со стороны Институтской за павильоном метро образует пешеходную площадь.

Частью нашего генплана является проект расширения гостиницы «Украина», выполненный мастерской А. Комаровского. Принципиальным для пластического решения стало использование характерных для этого места приемов: внутренний световой колодец, система подворотен, скульптурная пластика, терассирование здания, акцентирование углового объема куполом с венчающей скульптурой архангела Михаила, и средняя этажность, поддерживающая градостроительный масштаб Липок.

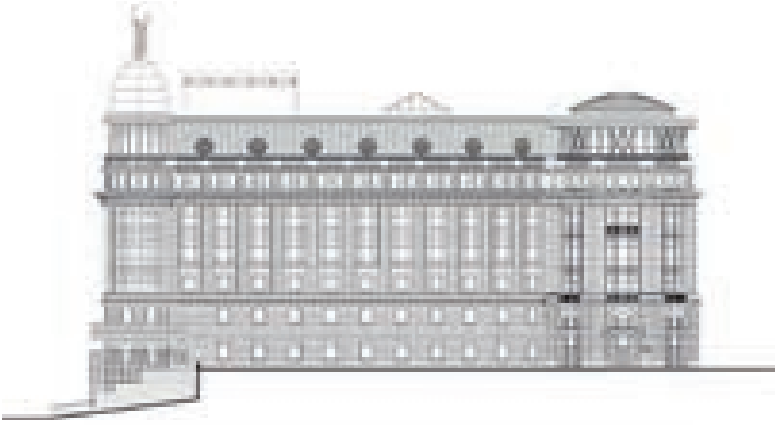
Банк «Аркада», ул. Ольгинская 3

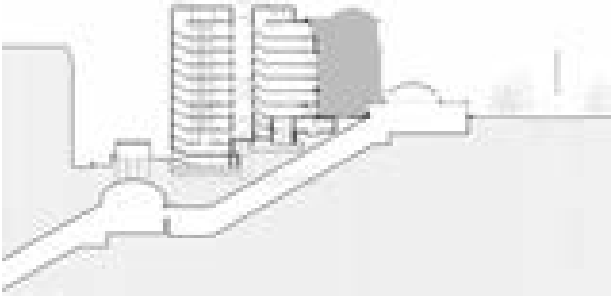
архитт. Ю. Бородкин, Е. Ковалёва, В. Пилипчук, А. Бородкина, А. Кипич и др., 2001–2008





Банк «Аркада», Юрий Бородкин в интерьере и на фасаде





Апофеоз образа надежного банка — установка на северной ротонде бронзовых фигур, символизирующих Бережливость, Расчетливость (моделью послужил автор-архитектор. — *Б. Е.*), Предприимчивость и Предусмотрительность. Вентилируемый фасад облицован серым покостовским гранитом, мансардный — зеленой патинированной медью. К сожалению, не выполнена реставрация павильона метро и криволинейная колоннада на противоположной стороне ул. Ольгинской, без которых формирование площади не завершено.

Юрий Бородкин

А+С № 3 '2008

3|8

ЛОКАЛЬНИЙ ПЛАСТИЦИЗМ ЯНОША ВІГА

КТАМ «Я. ВИГ»

РЕЗИДЕНЦИЯ ПОСЛА ТУРКМЕНИСТАНА

ВЕРХНИЙ ГОРОД: СТАРОЕ И НОВОЕ

НЕБОСКРЕБ НА ПЛОЩАДИ МИРА

О ВЫСОТНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

КТАМ «Я. ВИГ»

Янош Виг родился 21 января 1947 года в Ужгороде. Закончил КГХИ (1970). Народный архитектор Украины, лауреат Государственной премии Украины в области архитектуры (1995). Перу (стеку) архитектора принадлежат всем известные сооружения столицы 1970–1980-х. Почти десятилетие коллективная творческая архитектурная мастерская «Я. Виг» действует как самостоятельная проектная структура, и объекты, в это время сделанные, не менее, а может и более, впечатляют, чем в предыдущие времена. Девиз лидера мастерской: Крепко стоять на земле, чтобы обращая взор в небо, то есть будущее, видеть звезды.

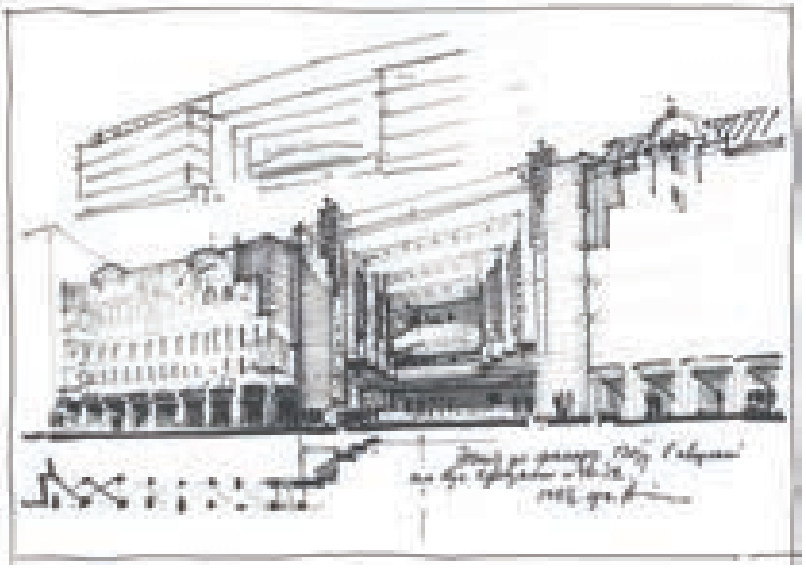
А.С.С: Янош Яношевич, почерк вашей мастерской — некий арт-геометризм?

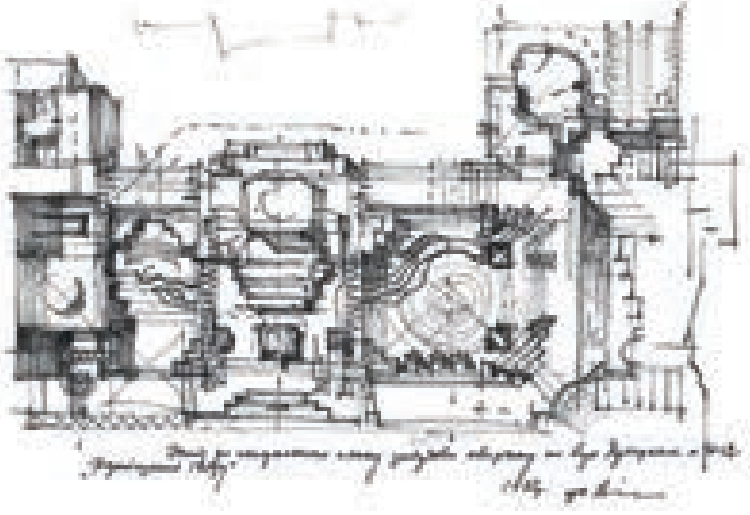
Янош Виг: Мы не избалованы исследованиями нашего творчества искусствоведами, и поэтому за внимательный взгляд на мастерскую спасибо. В свое время — да и сейчас! — я был необыкновенно увлечен Луисом Каном. У него этот геометризм прослеживается всюду. Во многих моих проектах я стремлюсь к этому, может быть, это чувствуется. Например, в здании посольства Венгрии по ул. Рейтарской, которое было моим дебютом.

Расскажите о своих истоках, фамилии, школе.

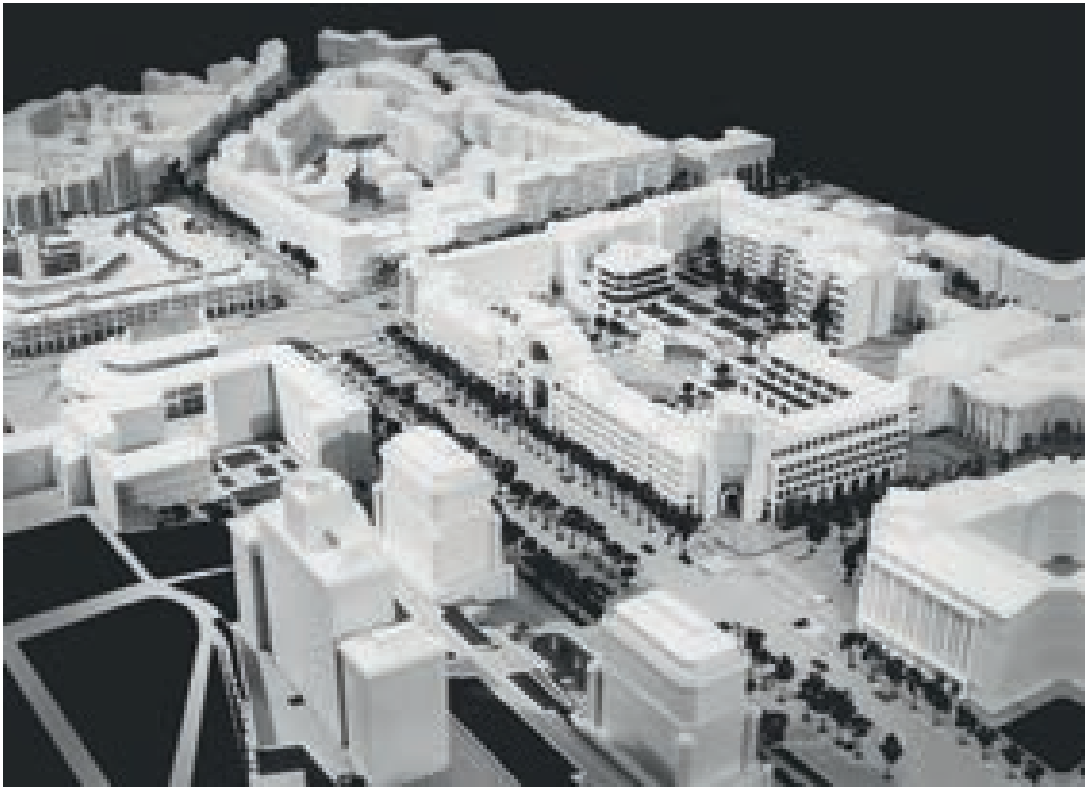
Судьбу мою как архитектора определила мама, решив, что сын должен иметь гуманитарное образование и заниматься искусством. У мамы было непривычное для славянского уха имя Маргит, дед Мигаль — мы венгры. Родился я в Ужгороде, родственники жили в Будапеште. Родины не покидали никогда, а границы двигались. Чтобы образовать-обучить сына, родители были нацелены на Вену или Будапешт. Получился Киев. Первым моим успехом была премия на конкурсе детского рисунка в Чикаго в 1958 году. В Киевском художественном институте самое серьезное влияние на меня оказал Анатолий

Архітектор Янош Віг





Реконструкция старого квартала Крещатика (ул. Б. Хмельницкого — бул. Т. Шевченко)



архитт. Янош Виг, Валентин Ежов, Алесандр Брыль, Степан Кашшай, конкурс, 1980–1982

Владимирович Добровольский, который вел мастерскую. Он был в фаворе, и мы относились к нему с большим почтением, как к ведущему зодчему. Многое черпалось непосредствено из общения. Он же пригласил меня в Киевпроект. Студенческие мои проекты практически все были оценены на «отлично», но бывали и казусы. У меня хранится проект, за который мне влепили два балла, а Добровольский снабдил припиской «за направленность». Там были двоякой кривизны стены, выходящие из плоскостей конструкции. Позднее с ним мы часто вспоминали этот опыт.

Принцип работы мастерской «Я. Виг»?

Как бы человек ни был талантлив, главное — трудолюбие. Убежден, в девятнадцать лет не бывает архитекторов. И в двадцать два, и в двадцать три. Это не профессия вундеркиндов. Это умение на грани рационального и иррационального. Иррациональное привносит в профессию искусство, а рациональное — техника, инженерия, геометрия. И те, кто работает рядом со мной, может быть, это чувствуют. Работаем в очень небольшом коллективе — десять человек. Из мастерской вышли замечательные личности. Среди них теперь много ГАПов, таких как Николай Левандовский, Андрей Пашенько, Андрей Миргородский, Андрей Рогожников, Степан Кашшай.

Стиль работы команды?

При любом режиме всегда было демократично. Каждый обладал определенными свободами, я никогда не задерживал тех, кто хотел уходить, и с удовольствием принимал тех, кто хотел принимать участие в творческом процессе. Этот коллектив, десять человек. Все невзгоды, весь драматизм во внутреннем клане архитекторов они с достоинством выдерживают. Это Екатерина Алексеева, Наталья Богдан, Зинаида Залозная, Алексей Зуев, Анатолий Клименко, Геннадий Новицкий, Ольга Смолякова, боюсь кого-то забыть… Хочу сказать добрые слова о Михаиле Банга, который недавно ушел из мастерской, созрел. Необыкновенный мой помощник Юрий Смоляков ведет всю бухгалтерию и экономику мастерской. Этим небольшим коллективом мы сейчас и работаем, творим.

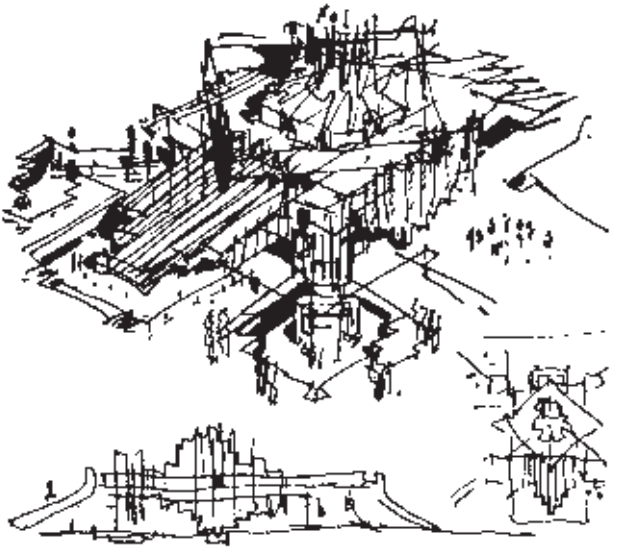
Вы как-то упоминали о теме иностранцев в профессии?

Проект посольства Республики Молдова по ул. О. Гончара 1–7, архит. Янош Виг, 1996

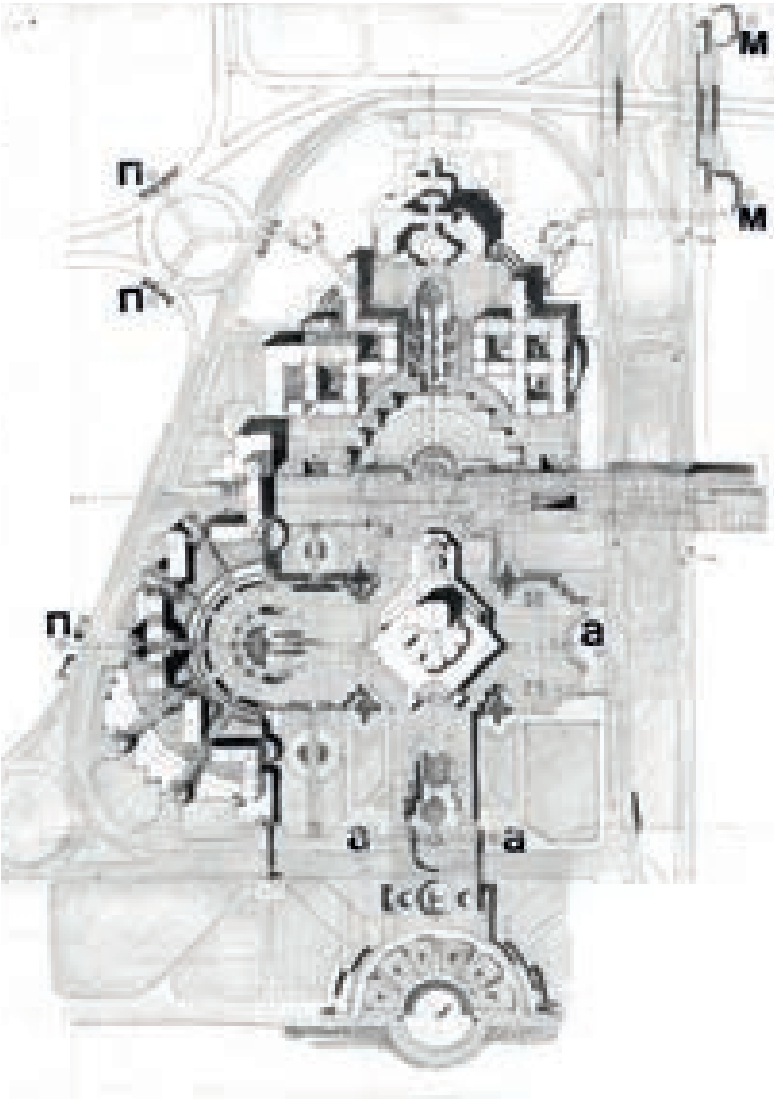
С иностранцами связана реальная проблема: настороженность к «чужому» миру, проникающему всё активнее. Иностранные архитекторы, которые разрабатывают свои предложения для крупных заказчиков и под эгидой которых якобы решается судьба инвестиций, отнюдь не лучшие и часто несостоявшиеся в своих странах. К тому же нет законов, регулирующих процессы проникновения иноземных проектиров-щиков и появления их сооружений на этой древней земле. Здесь я не побоюсь громких слов.

То есть ограничения, регламентирующие работу зарубежных архитекторов в Украине, недостаточны?

Закон о том, что иностранный архитектор не имеет права действовать на этой земле без участия местного архитектора по сути правильный. Но к нему есть удивительная приписка: если это не регламентировано другими международными договорами. То есть, если



Левобережный центр, Броварской просп. 15



архитт. Я. Віг, Н. Левчук, А. Комаровский, А. Пашенько и др., концепция, 1976–1991

Международный выставочный центр, Броварской просп. 15

архит. Янош Віг, 2000–2005

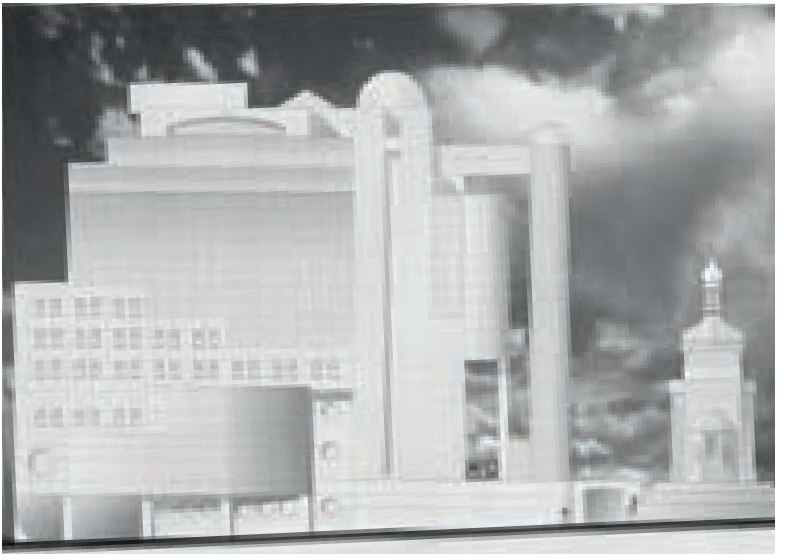
администраторы и чиновники (случайные люди в архитектуре) отрегулируют эти отношения другим международным законом, то нам рядом с иностранцами делать нечего. Что неправильно. Срочным образом надо совершенствовать эти взаимоотношения. Например, я не могу просто так выиграть конкурс в Канаде и построить там свое сооружение. Потому что даже после выигранного конкурса мне, иностранному архитектору, заказчик может предложить реализовать проект только совместно с канадским архитектором. Под его эгидой и будет вестись стройка на земле Канады. Так же обстоит дело в любой цивилизованной стране. Но почему-то австриец, немец, американец, если пожелает заказчик (так предусмотрено нашим законом), может делать у нас всё, что хочет. Это не есть правильно.

Всё пересекается на актуальном слове «инвестиции»?

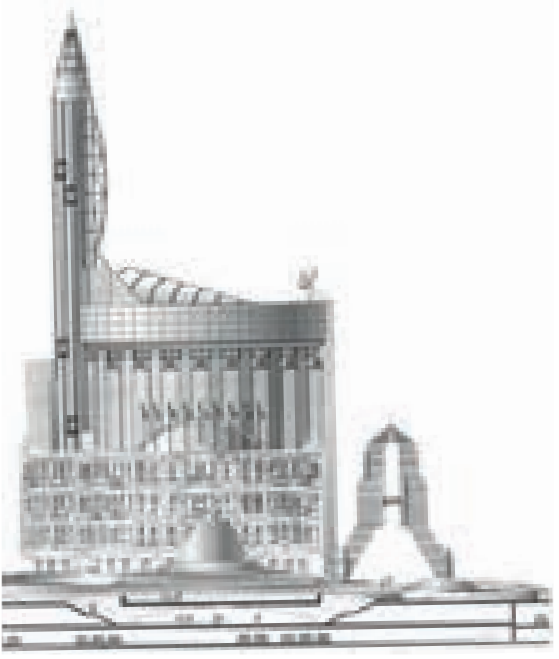
Банально звучит, архитектура — музыка, застывшая в камне. Но для архитектора неправильна, неприменима поговорка «кто платит, тот заказывает музыку». Можно платить, но плохо заказывать. Возьмем тот счастливый случай, когда музыка уже написана. Теперь она должна быть сыграна, а архитектура построена. Например, та, которую «написал» иностранный инвестор. Но есть же «зал»! Есть люди, которые потом эту «музыку» будут слушать или не слушать. Как гражданам Киева слушать музыку, которая написана инвестором Daewoo — в шестьдесят этажей — всю жизнь?

Но архитектор вынужден работать в новых технологиях, например, Project Management.

То, что есть у американских девелоперов на Манхэттэне — это великолепная архитектура. Но тут и заключается главное, выбираю ли я это ориентиром в своей деятельности. Не исключаю появления в Киеве высотных доминант, но все-таки взгляд свой обращаю больше на европейское строительное искусство. Париж, Вена, Будапешт — города другого, не американского профиля. Поэтому говоря об ориентации, я бы в первую очередь определил внутренний регламент зодчего-профессионала. Неумные ограничения здесь ничего не дадут, например, не строить выше Лаврской колокольни. При этом в 200 *м* от нее можно построить всё что угодно, лишь бы не выше! Это будет неправильно.



Гостиница «София-Интерконтиненталь», архит. Янош Виг, проект, 1998



«Львовские ворота», проект реконструкции Львовской площади, архит. Янош Виг, 1998

Что послужило причиной передачи проекта на Бессарабском квадрате в другие руки?

Политика неправильно сформулированных и недоразвитых рыночных отношений. Это, прежде всего, конфликт австрийской фирмы с киевской администрацией, а никакое не банкротство «Макулана». Были деньги, были вложения, был проект — всё было. Мы мечтали, что в 1993 году этот объект будет стоять, начав его проектировать в 1991-м. Но была конфликтная ситуация. Леонид Косаковский один из тех, кто зарубил вариант в двадцать этажей на Бессарабке. Однако я не слышал ни одного публичного возражения Косаковского против шестидесяти. Тогда все боролись за сохранение среды, за цивилизованное развитие центральной части города и побаивались «небоскребов». Наша команда была обвинена в гигантомании, хотя три протокола

Градсовета свидетельствуют о том, что двадцать три этажа можно сделать. Я считал, что это действительно предел.

Исходный объем проекта был определен в 100 *тыс. кв. м* полезной площади. Новый инвестор Daewoo захотел в полтора раза больше — 160 *тыс. кв. м.* Я защищал свои авторские права. А корейцам не понравилось, что они как инвестор просят, а я протестую, и тогда они любезно отстранили меня от проектирования. Я был осужден Комитетом по охране памятников за высоту в двадцать три этажа. Но когда этот же комитет сдал позиции на Бессарабке в шестьдесят этажей, это было невыносимо.

Сколько лет мастерская в вольном плавании?

С 1990 года. Мастерская стоит на двух опорах, одной ногой в Киевпроекте, другой — на вольных хлебах, что даже помогает. За эти годы мы сделали много интересных проектов.

Аврала не видно, но сотрудники говорят, что загрузка есть.

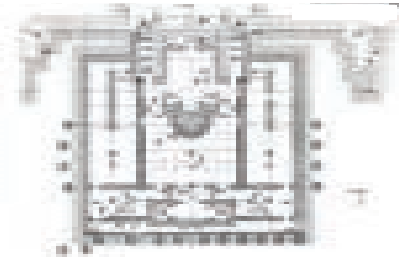
Загрузка мастерской могла бы быть большей. Я оптимист — появился рынок! Но работа в новых условиях требует высокой внутренней, прежде всего человеческой организации. Из понятия «рынок» я бы исключил алчность.

Вы романтик.

Лучшее качество денег, безусловно, их количество. Однако лучшее качество многих вещей в том, что они сделаны по совести. В этом есть противоречие. Сретенскую церковь наверное правильно было проектировать без денег, и мы это сделали. Но просто «увести» объект у своего коллеги я бы не смог никогда. Тут неписаные законы чести. И «внутренний регламент» в такой деятельности как архитектура должен быть у каждого.

А.С.С № 6 '1998

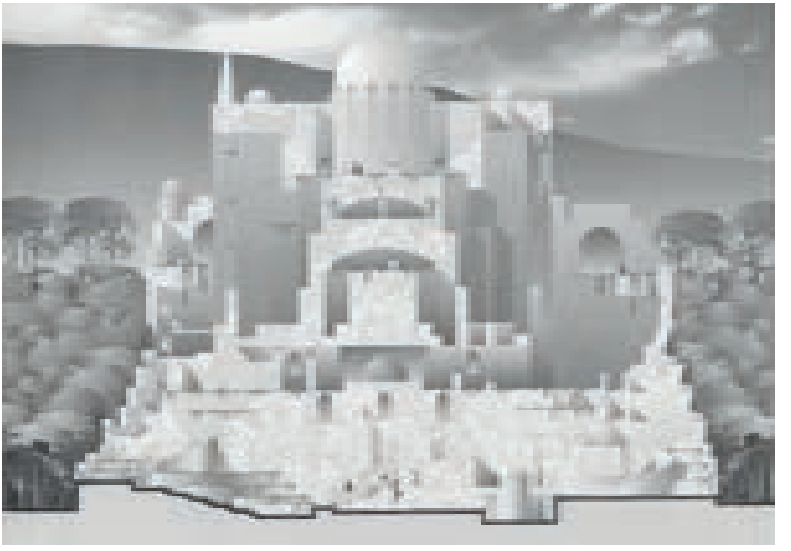
РЕЗИДЕНЦИЯ ПОСЛА ТУРКМЕНИСТАНА

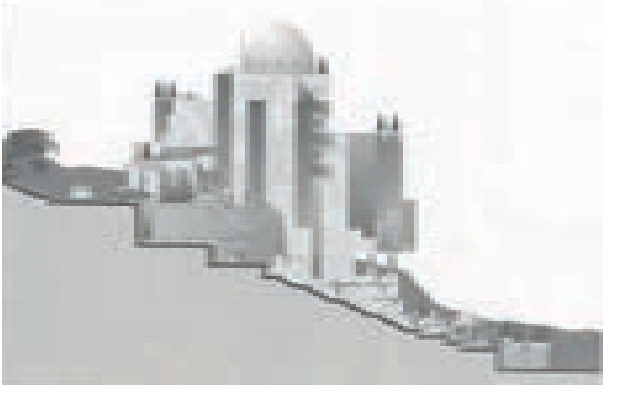


1) лифтовый холл; 2) вестибюль-холл; 3) молельная; 4) бассейн; 5) раздевалка для обуви; 6) техблок; 7) дренаж; 8) лифты; 9) эвакуация; 10) терраса; 11) крыльцо; 12) декоративные водоемы; 13) зимний сад; 14) фонтан; 15) лестница; 16) раздевалка; 17) душевая; 18) финская сауна; 19) русская баня; 20) предбанник; 21) санузлы; 22) тренажерный зал; 23) массаж; 24) интим-тамбур; 25) тамбур; 26) терраса

На Печерске начато строительство резиденции туркменского посла в Украине. Экономической значимости Туркменистана соответствует масштаб и респектабельность виллы-дворца. Использование архитектурных мотивов Средней Азии — основная тема пространственной композиции и отделки. Купол бирюзового цвета «тюрис», желтая плитка облицовки, каскады, фонтаны и бассейны — всё воссоздает атмосферу роскоши и неги Востока.

А.С.С № 6 '1998, № 5 '2002

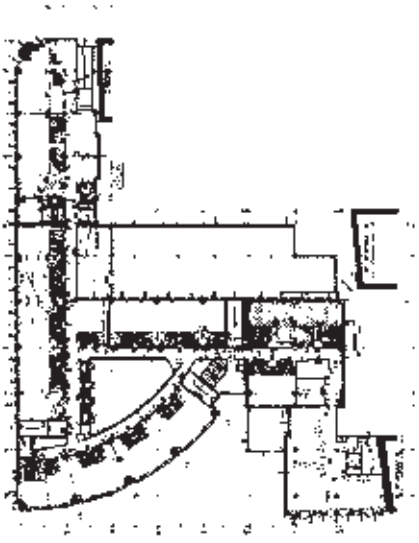




Резиденция посла Туркменистана по ул. Редутной

архитт. Янош Виг, Екатерина Алексеева, Зинаида Залозная и др., проект, 1997

ВЕРХНИЙ ГОРОД: СТАРОЕ И НОВОЕ



А.С.С: Янош Яношевич, какова специфика проектирования в Старом Киеве?

Янош Виг: Проблема взаимоотношения старой и новой архитектуры извечна. Самое главное — это разумное отношение к историческому наследию. И понимание того, что город живой организм, он всегда в динамике, никакого застоя не может быть. Нужно быть адекватным своему времени, даже в застройке старого города. Выдавая себя за кутюрье, можно испортить памятник, придумывая нечто новое. Есть такие примеры и в центральной части города. А можно предложить современное и смелое решение, в новых материалах, новое по пластике, которое будет абсолютно вписываться в историческую среду. Всё зависит от мастерства. Очень многое зависит от выбранной концепции. Есть два пути — вписываться или идти в контраст.

Гостиница Hyatt Regancy, на Срфийской площади, архит. Я. Виг, 1997–2007

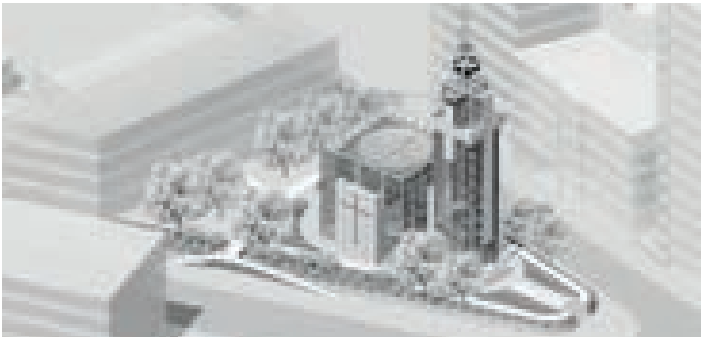
Стретенская церковь 1695–1795 (слева) и 1853–1861 гг. на Львовской площади

Как приходит решение, вписываться в старину или работать на контрасте?

Очень силен диктат Управления охраны памятников. Управление считает, что только оно может решать, что и как делать. Я бы мог на примере Старого города проиллюстрировать, что эта деятельность приводит к негативному результату. Мастерство людей, которые декларируют неизменность форм, идеализируют то, чего никогда не было, и хотят, чтобы всё сохранялось по-старому, вызывает сомнение.

В Старом городе строить интереснее?

Старый город интересен с точки зрения приложения бизнеса. Романтика старого города, его историчность — это и есть та подоснова, которая тянет и манит инвесторов. Представим себе Киев 1840 года. Двухэтажный город, застройка соответствующего масштаба, невыразительные здания и вдруг появляется здание Университета Беретти. Огромное здание на холме, совершенно диссонирующее с двухэтажной киевской застройкой. Вот если бы тогда существовало Управление охраны памятников, оно бы протестовало. Другой пример, дом на углу улиц Владимирской и Толстого. Опять же двухэтажный Киев, и вдруг — семь–восемь этажей великолепного каменного строения. Опять ответ был бы — нельзя! Но были в то время достаточно разумные люди, которые иначе видели город, видели его перспективу, учитывали динамику его развития, и город стал другим. Это и есть



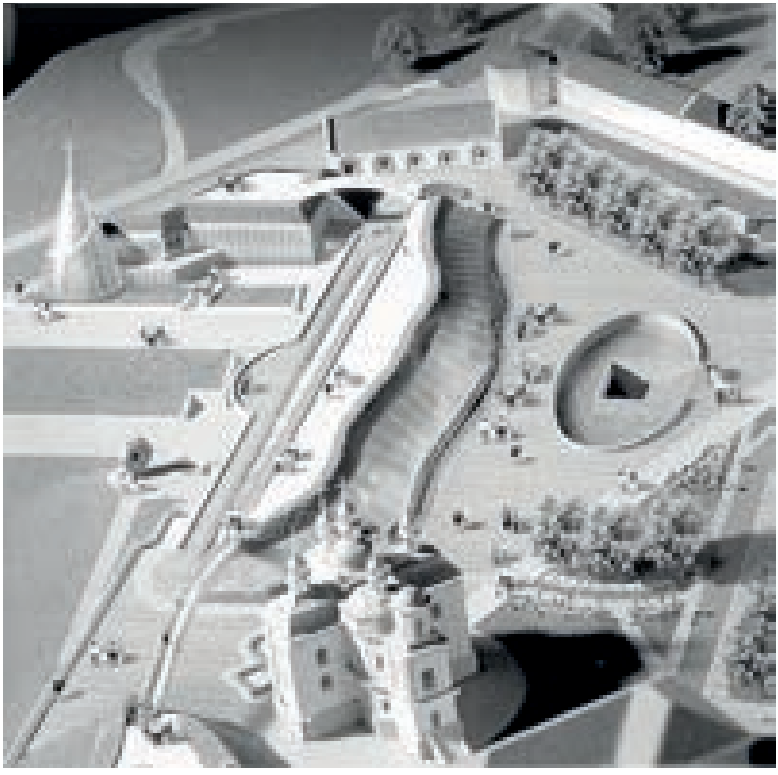
Стретенская церковь, архит. Янош Виг, проект, 1998

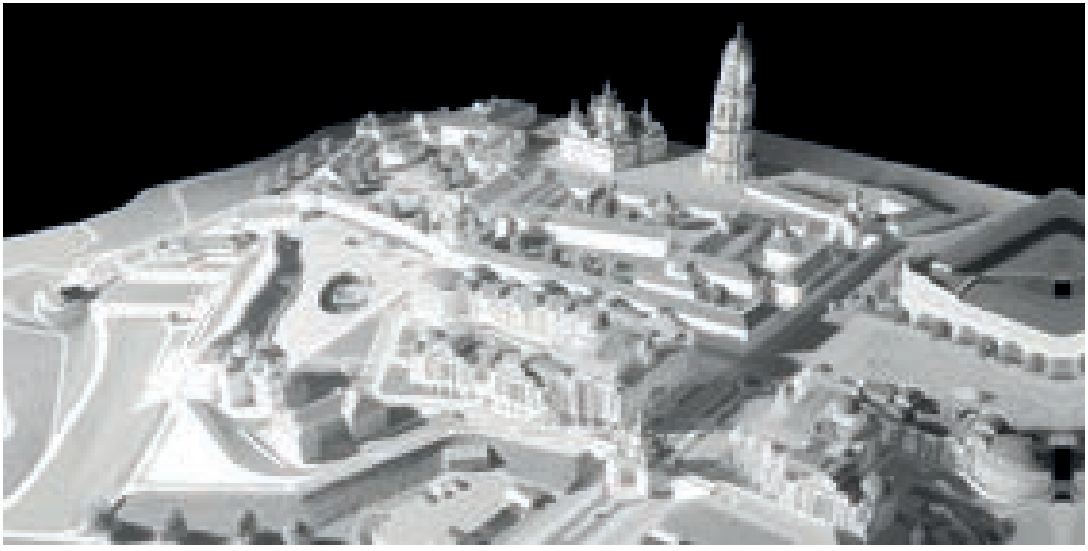
качественный рост города. Так что появление нового — совершенно естественный процесс.

Можно ли контролировать диалог новое–старое?

Имея совершенно другие строительные материалы и технологии, нельзя мыслить категориями прошлого. Можно надеть костюм Людовика, но это будет смешно, хотя и «красиво». Не настроен приводить примеры, тема емкая и щекотливая. Здание должно быть современным, но при этом вести разумный разговор со старым. В новом можно повторить детали, делать что-то сомасштабное среде, принять некоторые фрагменты стиля существующей архитектуры. В некоторых сооружениях на территории Старого Киева, если задача ставилась концептуально, это получилось. Чтобы перекличка старого с новым состоялась, нужен индивидуальный подход. Ведь и сами старые здания решены по-разному. Ветхость не уравнивает их в качестве. Например, в гостинице «София-Интерконтиненталь» вписанность в пространство Верхнего города заключалась в том, чтобы здание растворилось в среде, ее отражало, для этого использовано зеркальное остекление. Если бы я сделал огромное здание под старину, получилось бы хуже.

А.С.С № 4 '2002





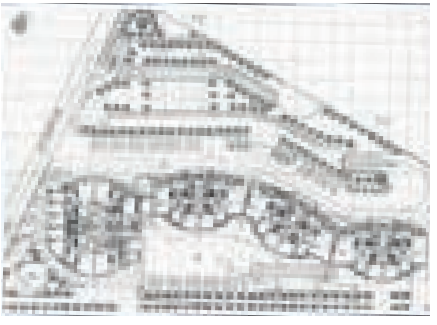
Музей Киева, Берестово / Лаврский переулок 9

архитт. Янош Віг, Татьяна Чорна, проект, 2005

НЕБОСКРЕБ НА ПЛОЩАДИ МИРА

Проект поддерживает тенденцию повышения этажности Демиевки. В текущих работах мастерской уделено внимание поиску национального языка архитектуры. Возможно, в результате эксперимента появится новая форма, которой будет присущ некий вернакуляр, продолжающий искания украинских архитекторов начала века. Однако этот проект ассоциируется скорее с ревконструктивизмом. Централизованное остекление балконов и лоджий опережает прогнозируемые действия будущих владельцев квартир. Выразительность композиции достигается сочетанием криволинйных объемов трех секций и доминирующей четвертой башни.

А.С.С № 6 '1999, № 6 '2000



Жилой дом на просп. 40-летия Октября 68А, архитт. Я. Виг, Е. Алексеева, проект, 1999

О ВЫСОТНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Вопрос о высотках можно рассматривать в историческом аспекте, в аспекте желания каждого архитектора сделать себе памятник — вот хочется вертикаль! Высотные объекты можно воспринимать в средневековом контексте, в экономическом и других. Начиная с затеи Вавилонской башни люди стремились вверх. Я думаю о «Шаттле», о космических вещах, о вечной устремленности человеческого взора вверх. Готические соборы, ратушные площади с колокольнями. В средневековой Риге узкие улочки замыкались вертикалями — ориентирами в познании города. Соединенные Штаты 1930-х в основе своих высоток имели совсем другую тему, экономическую: площадка была дорогой, а вертикаль не регламентирована. И кто умел и мог — делал всё выше и выше. Высотки Москвы 1950-х годов, кстати, сделанные в каркасе из чугуна, создали образ города.

Что такое высотка? Первое высотное здание в двадцать пять этажей с лифтом появилось в Нью-Йорке в 1848 году. То, что мы сейчас делаем в Киеве, называть небоскребами неправильно, это здания повышенной этажности. Нормальный отсчет высотных зданий — сорок, пятьдесят, сто этажей.

Нужно ли это Киеву — вопрос. Мне кажется, что об этом надо было думать раньше. Архитекторы, утверждающие ненуность высотных зданий, мыслят Киев масштабами среднеевропейского города. Если бы голубая линия была установлена в 1960-х годах, Киев градостроительно развивался бы как Вена, Будапешт, немножко Париж.

Однако говорить о европейской выдержанности и толерантности в Киеве практически невозможно. Ансамбли европейских городов были спланированы императорскими инвестициями. В Киеве же нет ни одной градостроительной идеи, где бы инвестиции касались левой и правой стороны улицы и главного здания на площади. Есть Майдан, который держится в рамках ансамбля, но я не говорю, какого

«Дом-Волна», бул. Леси Украинки 13, архитт. Янош Виг, Екатерина Алексеева
Владимир Шевченко, Наталья Башинская, проект, 1999–2001

качества. Строительство высоток в системе города требует необычайного градостроительного мастерства, стратегии развития города, уместности этих вертикалей. Если вернуться к киевской теме, то стремление обозначить ансамбль Софийского собора воплотилось в вертикаль колокольни. Функция ее была извещать нечто народу. И когда масштаб прилегающей к Св. Софии застройки приближался к объему собора, высоту колокольни повышали. Лаврскую колокольню сделали выше Софийской: пришел европейский архитектор из Санкт-Петербурга и решил, что незазорно ему проявить свое мастерство.

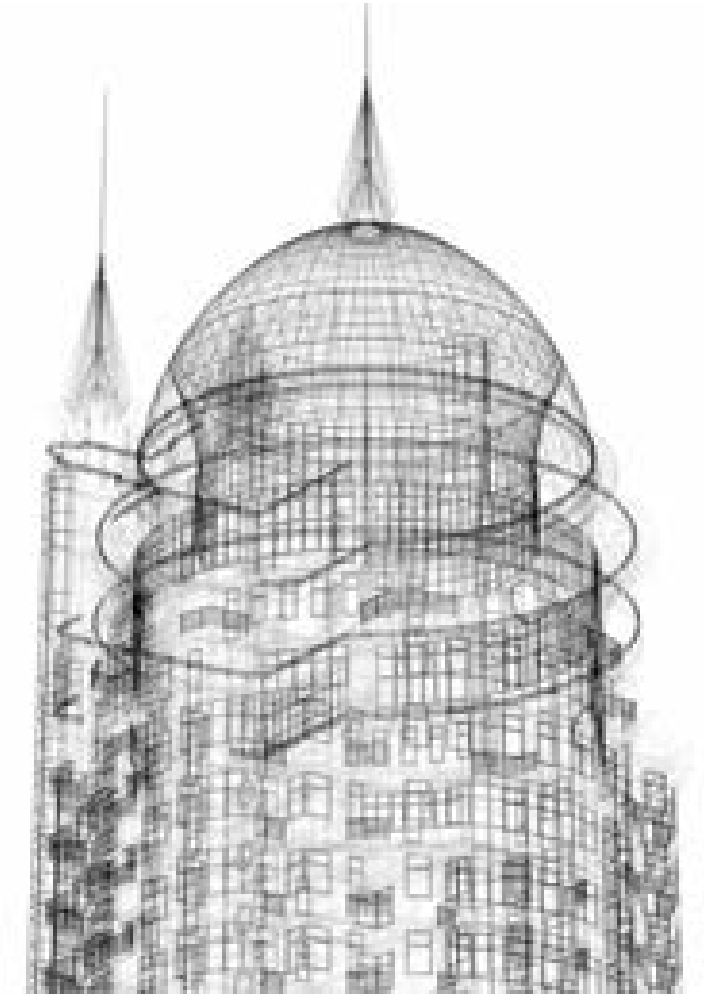
Вертикаль должна быть уместной в системе города. Есть места, где во всех отношениях — градостроительной композиции, понимания ситуации, значимости пространства — можно ставить вертикаль, а есть такие, где нельзя. Мне кажется, что там, где я ставлю вертикали, это уместно, это искренне. Убежден, что в начале бульвара Леси Украинки вертикаль нужна, рядом нужна еще одна, и вместе они как пропилеи обозначат въезд в центральную часть города.

Мы тридцать лет говорим о том, что в центре вертикали ставить не надо, а на Левом берегу — пожалуйста. Простор Левого берега, горизонты восприятия его градостроительного ансамбля с Правого позволяют вертикальные акценты. Здесь нет ограничений центральной части. Вот, Дому Торговли на Львовской площади было скучно. Как только появился в тылу дом Комаровского — им стало дружнее и веселее. Появилась многоплановость, силуэт с Днепра и силуэт с площади. В таком аспекте я — за высотки, если они выверены градостроительно и эстетически осмыслены.

Киеву не удержаться в масштабах среднеевропейского города по высоте. Его голубая линия нарушена, что естественно произошло в условиях необузданного бизнеса. Тут надо думать о другом — как в этой ситуации сделать высоту эстетически приемлемой. Высотка должна быть уместна.

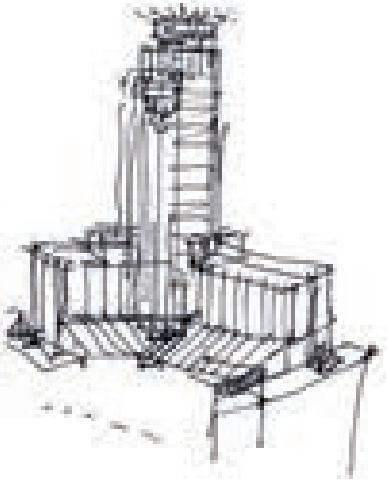
Янош Виг

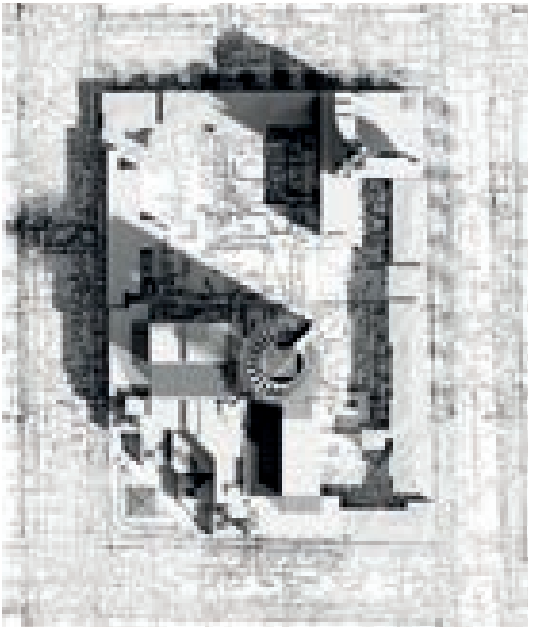
А.С.С № 6 '2005

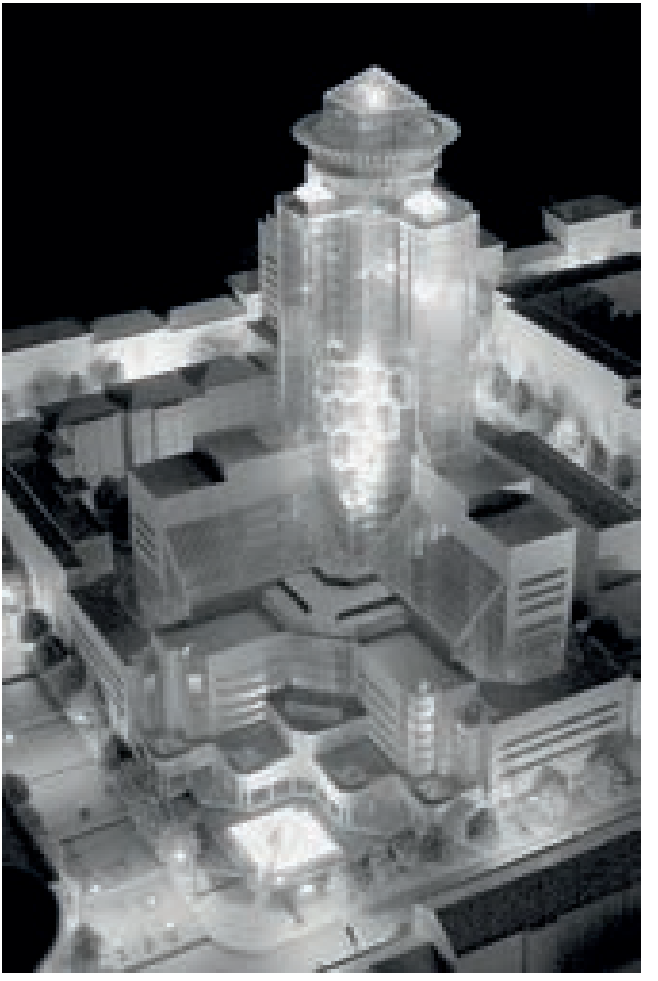


Жилой дом по ул. Староводницкой 2–20, дом № 15

архитт. Янош Виг, Зинаида Залозная, Наталья Мудрицкая, проект, 2003–2004

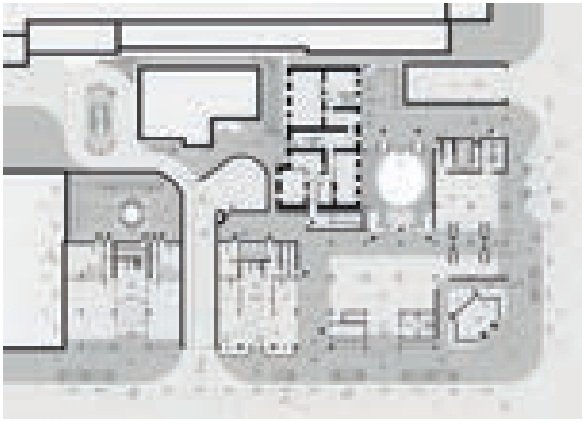






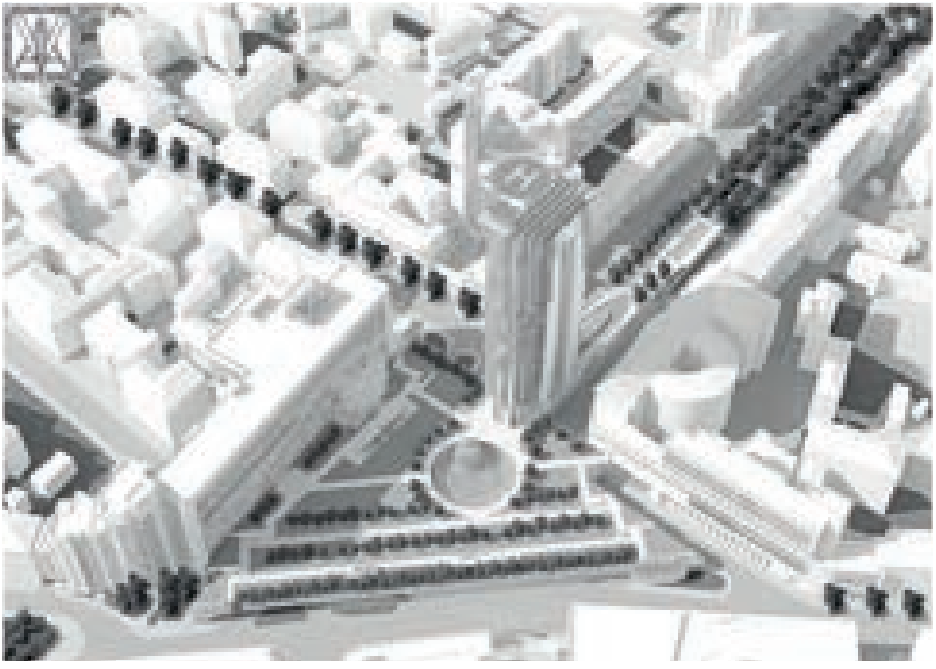
Расширение Конституционного суда Украины, ул. Жилянская 14

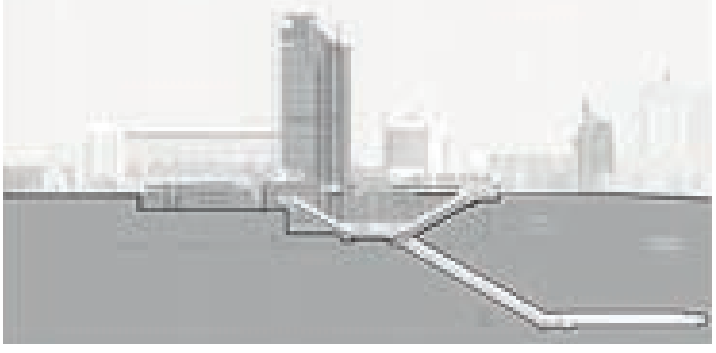
архитт. Янош Виг, Степан Кашшай, проект, 2008



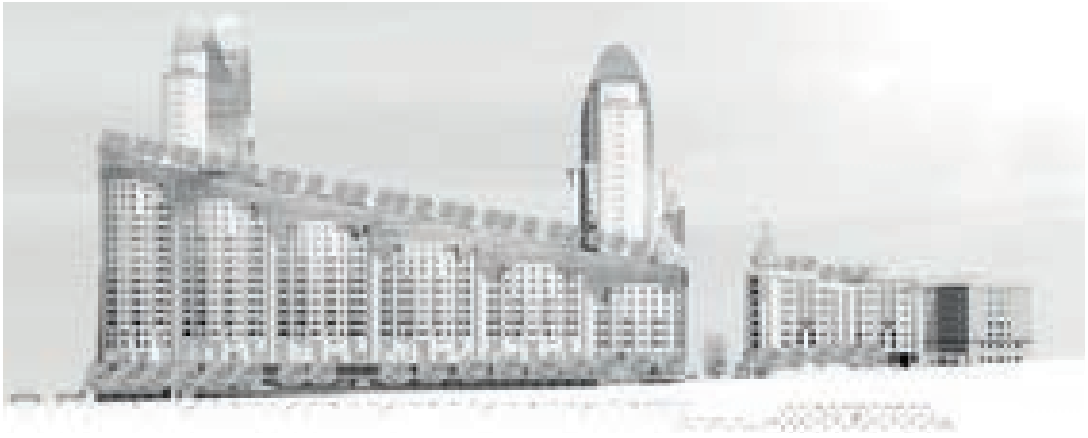
Офисный центр «Почайна», ул. Почайнинская 12А

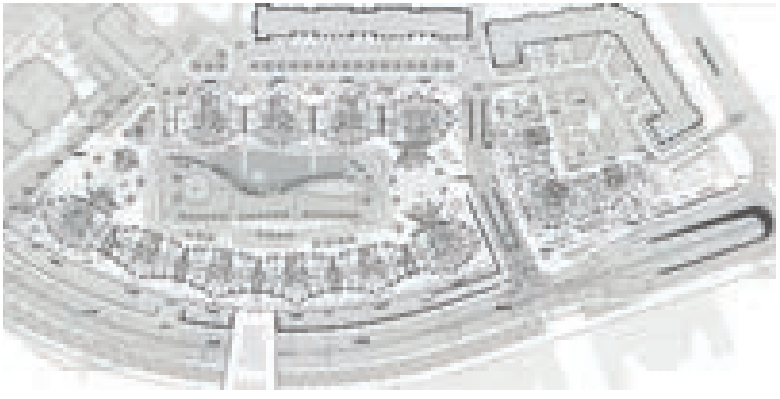
архитт. Янош Виг, Степан Кашшай, Татьяна Чорна и др., прокет, 2006–2008

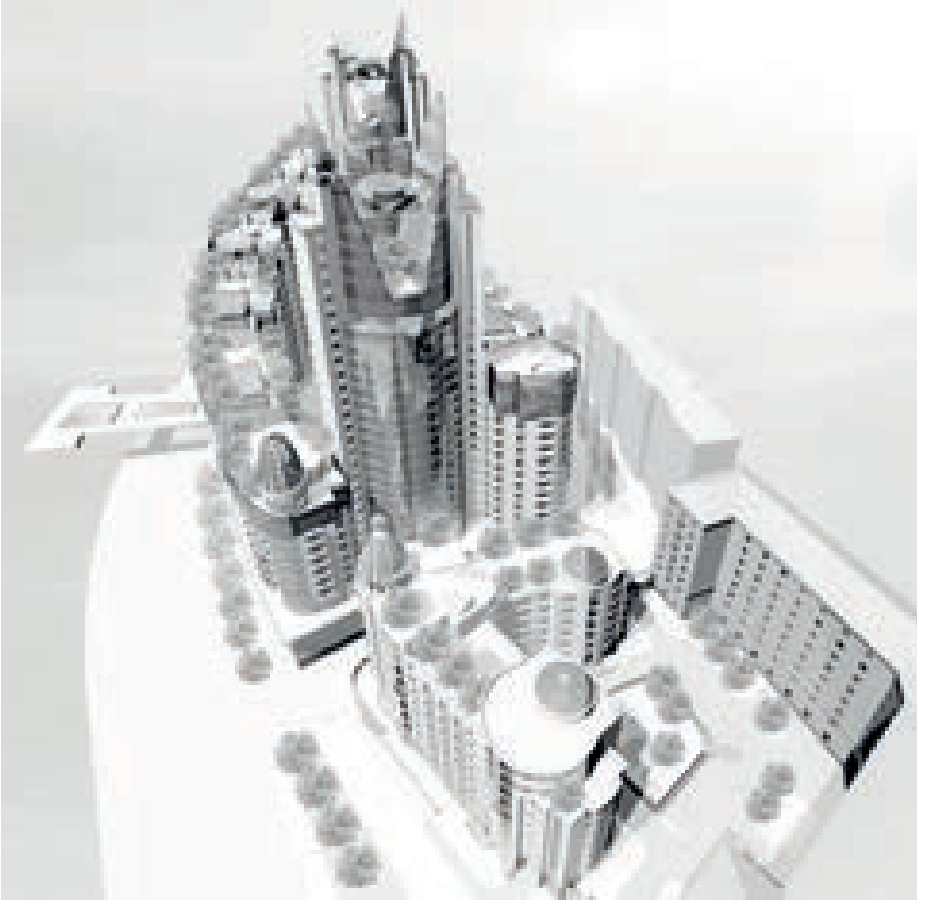




Небоскреб «Воровский», Львовская пл., архитт. Янош Виг, Игорь Биличенко, проект, 2011







Мультикомплекс «Арсенал», ул. М. Грушевского 36

архитт. Янош Віг, Татьяна Чорна, Степан Кашшай и др., проект, 2007

3|9

КИЇВСЬКІ ПАСАЖИ ВАДИМА ЖЕЖЕРІНА

ИХ БЫЛО НЕ ТАК МНОГО, КАК СЕЙЧАС

ИХ БЫЛО НЕ ТАК МНОГО, КАК СЕЙЧАС

Вадим Жежерин представитель киевской архитектурной династии. 5 ноября 2016 года отпраздновал 70-летний юбилей, во что верится с трудом, ибо подтянут, моложав, и глаз, как всегда, горит. О том, что ум живой, а нрав оптимистический, очевидно из интервью.

Его родители архитекторы. Отец, Борис Петрович (1912–2006), и мать, Лидия Александровна Гусева (1918–2008), вместе работали над киевской ВДНХ. Более того, у Вадима был опыт совместной работы с отцом, хотя поколенческие разногласия давали о себе знать.

В 1970 году Вадим окончил архитектурный факультет КИСИ. Много лет потратил на Киевпроект и много чего в нем сделал: массивы Синеозёрный, Левобережный, Теремки-2, Южная Борщаговка (1972–1989); Центральные ж/д кассы с гостиницей «Экспресс» (1978–1985); станции метро «Площадь Льва Толстого» (1981) и «Золотые ворота» (1989, Госпремия Украины в области архитектуры 1991 года); реконструкция площади Льва Толстого (1979–1996, Госпремия 1998 года).

В персональной мастерской АБК «Жежерин» осуществлены: реконструкции кварталов по ул. Черновола/Дмитриевской/Павловской (1981–1999), комплекс по ул. Владимирской 47–53 (2001–2004); Дипломат-Холл на Жилянской 51–55 (1994–1999); Бессарабский квадрат (2001–2005); бизнес-центр «Лукьяновский» («Топаз», 2005–2020); дома по ул. Б. Хмельницкого 39, Владимирской 79, Тургеневской 45–49, Павловской 31/32; Спасо-Преображенский собор на Теремках (2011) и много чего еще.

Действительный член Украинской академии архитектуры, председатель правления Киевской организации Национального союза архитекторов Украины (с 1990), член Комитета по Государственным премиям Украины в области архитектуры, президент Международной ассоциации Союза архитекторов СНГ (1996–1997), президент Архитектурного совета Центральной и Восточной Европы (1998–2000), заслуженный архитектор Украины (1997), народный архитектор Украины (2004).

Архітектор Вадим Жежерін

Исчез город

A+C: Вадим Борисович, что для вас делает Киев уникальным?

Вадим Жежерин: Его расположение, і Дніпро, і кручі… И замечательные церкви, и старый центр, где я провел детство. Вот Киев. Конечно, по большому счету Левый берег не является Киевом. Конечно, те массивы, которые я строил, по большому счету тоже Киевом не являются. Лицо города было сформировано в конце XIX — начала XX века. Плюс то, что нам досталось издревле. И, конечно, — в первые послевоенные годы. Все остальное это не Киев. И дальше, то, что делается нами сегодня, — абсолютно не Киев. Никакого интереса к нему в этом плане у меня нет. Когда-то город был пешеходно доступен в любых своих точках. Соразмерен по масштабу человеческим возможностям передвижения. Он был такого размера, что в течение дня можно было полгорода обойти. Я добирался из классов на Печерске домой на ул. Чкалова пешком за 25 минут, не пользуясь никаким транспортом. Когда-то в Киеве было гармоничное сочетание зелени и домов, широкие тротуары, и по городу можно было бесконечно прогуливаться. В отличие от Москвы, например, где люди бегают, как мыши вдоль стен, по голым улицам. Когда-то в Киеве я мог выйти в дождь и идти под деревьями без зонта. Или — в тени деревьев в жаркий солнечный день. И так под сенью крон выйти на Крещатик, по которому фланировала публика… Срубили деревья, понатворили чудес, стоят машины на тротуарах… Исчез город для человека. А он был!

Предыдущие поколения связывали начало конца настоящего Киева с именем Постышева, искоренявшего палисадники в 1930-е.

Но мы с вами этого не видели, нет опыта личного переживания — только фотографии и документы. Киев, конечно, обрушился не в один момент. В конце 1960-х потихоньку все начало удавливаться. Потом массовое строительство, приток населения, вхождение чужеродных индивидуумов на эту территорию. Психология города изменялась постепенно. Народ становился другим, другим становился и город. Слава Богу, никто не трогал центр по-настоящему. Оставался до поры до времени центр. Я бы сказал — до независимости Украины. С «перестройкой»

полезли и туда. Причем активно и нахально, потому что все уже начало покупаться. А правил не было. Они еще как-то теплились до середины 1980-х. А потом всё, наступил такой период — яма временная, и мы провалились. Потом вдруг очнулись, а вокруг заседают другие люди и диктуют свои правила игры. И пошло-поехало — то, что мы видим сегодня. Торчит на Кловском спуске урод (я как раз в окно на него смотрю) — фантастический!

Вообще, что главное в Киеве? Киев это визитная карточка Руси. С Левого берега — склоны Днепра с церквами, и больше ничего. Зелень и церкви. Визитная карточка… Сегодня ее не стало. Есть три способа уничтожить объект. Первый — взорвать или разобрать, второй — реконструировать до неузнаваемости, и третий — обстроить всяким дерьмом вокруг. Мы успешно реализуем первое, второе и третье.

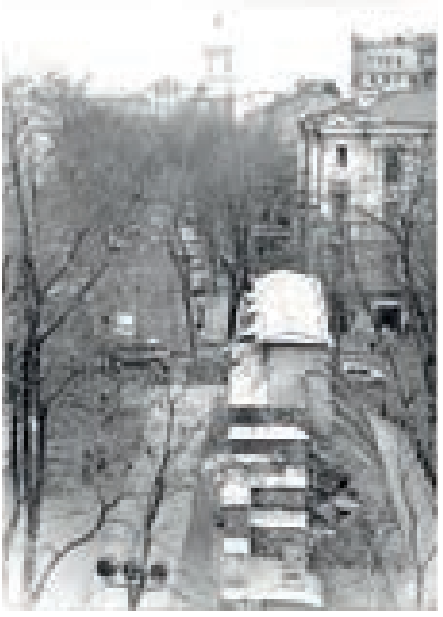
Золотые ворота

Пример корректной архитектуры — ваша станция метро «Золотые ворота», расположенная под фундаментами древнерусского памятника и с выходом в жилой квартал XIX века.

Открытие станции было 31 декабря 1989 года. Последний вздох Советской власти.

Вы в исторических стилях не работаете, а здесь стилизация?

Дело не в этом. Каждой вещи должна быть присуща определенная идеологическая нагрузка. Я не считаю, что какая-то стилизация вообще уместна — в центре города или где-то еще сегодня. Она уместна только в одном случае… Вот если бы вокруг стояли одни стеклянные ящики, я бы построил Парфенон рядом. Вот тогда бы он выглядел! Это означает, что там, действительно, не хватает ни детали, ни информации, которые надо внести в сообщество холодных и никому не интересных стекляшек. Мы их уже до черта видели во всем мире, и сколько их ни делай, они все равно будут похожими друг на друга. Архитекторы могут смаковать какую-нибудь алюминиевую детальку, проработанный узелочек, а всем остальным — плевать, человек этих подробностей не видит, не воспринимает. Другое дело, если рядом со стекляхой возникает изысканная вещь, я не хочу ска-



Золотые ворота до реконструкции на фоне Золотоворотской улицы

зать, что она должна быть стилизована под древность, но сделана по-другому. И наоборот: если много насыщенных объектов, хочется построить что-то нейтральное.

Станция «Золотые ворота» признана самой красивой в киевском метрополитене.

Никто ко мне не обращался, я ее специально не фотографировал и не показывал, тем не менее, приятно, что оценили эту вещь. Она делалась очень непросто. Как обычно, все мои объекты делались «на вчера».

Это единственный ваш с Борисом Петровичем общий объект?

Да, папа был привлечен по указанию Николая Жарикова, главного архитектора Киева. Я на тот момент отказывался от этого предложения за неимением времени, и Жариков заявил: «Не буду тогда рассматривать твои проекты на Градсоветах». Весомый стимул! А папа как раз закончил реконструкцию киевского оперного теа-

Интерьер станции метро «Золотые ворота», архитт. Вадим и Борис Жежерины, мозаики: Григорий Корень, Владимир Федько; люстры: Станислав Адаменко, Мария Ралко, 1989

тра. «Вот возьми отца, — предложил Жариков, — он свободен наконец, сделайте вдвоем. Вы же вместе никогда не работали». Я говорю: «Мы не работали, потому что нам трудно вместе работать. Мы поссоримся!» И мы поссорились. Отец всегда хотел работать. Даже когда ему было девяносто. «Дай мне что-нибудь, я что-нибудь тебе сделаю такое!» В этом плане он всегда был увлеченный живой человек. Говорят, архитектор заканчивается, когда его выносят вперед ногами. Если он настоящий архитектор. Сначала я поехал в Метропроект, за опорными материалами. Ведь весь конструктив задается инженерами метро. Задача архитекторов в данном случае это бутафория, облепливаем конструкцию. С Метропроектом я уже работал по нескольким объектам, меня там все знали. К тому же был предварительный звонок Жарикова. Однако метростроевцы встретили меня не очень доброжелательно. Ну, как же, опять влезаю в их зону! Хотя это была работа не киевского Метропроекта — станция делалась москвичами. Но все инженеры метропроектовские были наши. Я забрал материалы, притащил папе. «Вот конструктивы, вот — тебе, вот — мне. Я делаю, ты делаешь, отдельно делаем эскиз. Потом соберемся, посмотрим». Через пару дней собрались, посмотрели, ужасно поругались, жутко. Сказал, что больше не приду вообще. Но вскоре пришел, конечно.

Борис Петрович наверно предлагал решение в духе классицизма?

Нет, разные были вещи. А мозаики… мы хорошенько повздорили по поводу того, что должно быть сутью станции. И пришли к выводу, что было бы интересно дать характер Киевской Руси. Не современный выхолощенный стиль, как у москвичей, а насыщенный и непосредственно относящийся к этому историческому месту.

Отец разложил книги с мозаиками — у хорошего архитектора за жизнь собирается настоящая профессиональная библиотека — стали смотреть. Потом сходили в Софию, еще погуляли, задумались. Появилась мысль, на трети станции воссоздать фрагмент руин Золотых ворот — то, что обстроили, и теперь никто их не видит. Но от идеи отказались, это же станция, толпа народу, движение… И вот из каких-то руин вдруг вырисовывается совершенно чистый образ. Скоро сделали эски-

зы. Папа рисовал, и я рисовал. Посмотрели вместе, поругались из-за пропорций. Подытожили: пропорции, к сожалению, выйдут не так, как мы хотим, потому что уже заложены высоты арок, и сделать выше-больше невозможно. Стали рисовать капитель. Какая она должна быть? Пришли к выводу, что ее не выполнят, времени не было. Жариков поставил задачу в начале лета, а сдача была намечена на конец года. Притом, что уже завезли чужеродный материал от первого варианта, который делали москвичи, материал совершенно не подходил.

А что сделали москвичи?

Был конкурс на ряд станций. Из киевлян участвовали и мы с Николаем Левчуком, делали предложение для станции «Площадь Толстого». Конкурс мы выиграли, и я реализовывал проект в натуре. Станцию построили. И ни слухом, ни духом, даже не ведаем, что строятся Золотые ворота. А потом меня пригласил Жариков и предъявил сделанное москвичами. Он это забраковал и потребовал, чтобы мы сделали что-то другое. Дал неделю. Я сказал, что это нереально. В общем, получилось две недели.

В ответ москвичи устроили настоящую атаку, это было в прессе, в газете «Известия». Ожидали, что Жарикова снимут и всех остальных тоже, мол, попали в негатив. Москвичи настаивали на том, что выиграли конкурс они, а тут вдруг какие-то киевляне! Якобы наше решение абсурд, прохода между колоннами нет, и люди будут биться головой о стенки. Это было неприятно, но не возымело большого действия. И мы продолжали работать в авральном режиме.

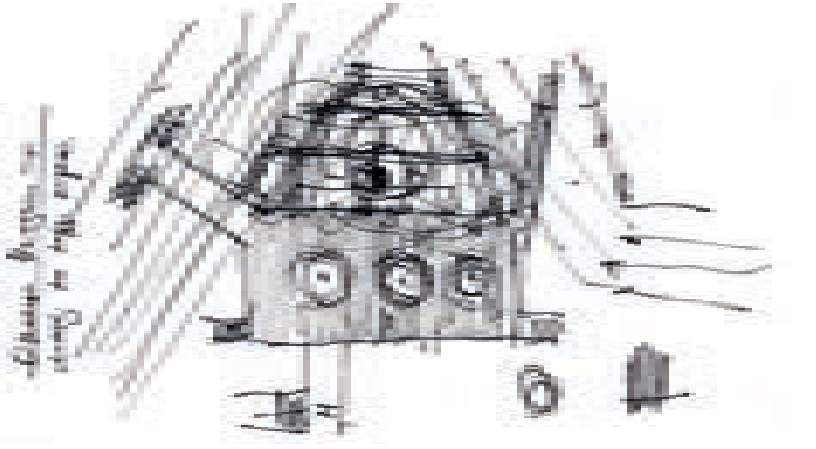
Первое решение было в виде одной картинки на подрамнике, примерно 50 х 80 *см*. Сделал подачу, покрасил и притащил Жарикову. Он звонит Николаю Васильевичу Лаврухину, заму мэра, который тут же собирает хурал прямо у себя в кабинете. Там были художнички всякие, так называемый Худфонд, народные и заслуженные архитекторы, всего человек тридцать. Я доложил, что, как и почему. Последовавшие выступления были по-хамски возмутительными. Все кричали, мол, негодяй этот архитектор, как смел без художников что-либо там делать! Асеев заметил, что колонна вообще никакого отношения к древнерусской архитектуре не имеет, мол, она из какой-то римской

божницы. Я сказал: «Юрий Сергеевич, я у вас учился, но, к сожалению, ни разу не видел этой римской божницы. Если вы мне покажете как надо, я эту колонну более аккуратно перерисую». В общем, все несли что попало. Я спокойно сидел. Слава богу, папу я туда не брал, чтобы он нервы не мотал (я ему даже не говорил, что там «рассмотрение» вдруг намечается). Когда поток излился, Лаврухин резко поднялся и сказал: «Всем спасибо. Как этот человек нарисовал, так и будете всё выполнять», — и показал на меня пальцем. А с Лаврухиным у нас отношения сложились раньше. До этого он меня на протяжении полугода выселял из города Киева, грозя всякими пытками, если не буду выполнять указания строителей, которые строили подземный переход на площади Толстого, который я запроектировал. Но это отдельная история. Однако, не было бы этой истории, не было бы и «Золотых ворот».

Площадь Льва Толстого

Похоже, площадь Толстого ваш любимый объект?

К сожалению, там не реализовано самое интересное. Дело в том, что в Киевпроекте, а это была большая контора, около двух с половиной тысяч человек, у меня сложились хорошие отношения с инженерами, то есть с отделами, которые занимались инфраструктурой, транспортными развязками, пешеходными переходами. В отличие от многих архитекторов, которые думают, что они хорошие художники, я считаю, что я хороший инженер. Я всегда понимал, если инженерно объект решен плохо, то он вообще не решен. На площади Льва Толстого нужно было в течение месяца дать решение по подземному переходу. Мы с Левчуком делали нижнюю станцию метро, и следовало это все увязать. Ко мне примчались: сделай проектное предложение! Тогда за это никто не платил. Я сделал проект, красивое решение: подземная площадь с большой дырой в центре (верхний свет), в которой стояла высокая мачта с освещением. Внизу — фонтан, круглая площадь с магазинами и выходы во все стороны. Там конфигурация очень сложная, примыкают совершенно не упорядоченные лучи.



Площадь Л. Толстого, эскиз, архит. В. Жежерин, 1981

Три улицы?

И даже четвертая Пушкинская, в их пересечении нет системы. Так вот, я сделал центр и в центре дыру с площадью. Директор Киевпроекта, инженер Вадим Сергеевич Коваль, схватился за голову: Что ты нарисовал? это невозможно! Есть типовая конструкция «сапожок» 3 х 6 *м*, стены высотой 2,30. Никто нам больше не даст, это же деньги! Нарисуй коридор так и коридор сяк. — Я сказал: Не буду. Вы же не можете меня заставить! Я сделал такое предложение. — На следующий день он куда-то это потащил, а потом меня вызвал: Нельзя делать дырку, туда троллейбусы будут падать. — Я говорю: А у нас с мостов троллейбусы не падают случайно? Можно сделать ограждение, чтобы не мог ни троллейбус, ни танк туда упасть. А дыра будет диаметром метров пятнадцать. — Но, увы, в итоге реализовали другую версию, с тремя кафе в центре и большим пространством вокруг. Я настоятельно требовал, не по программе, чтобы были магазины, кафе, общественные туалеты. В Киеве общественных туалетов не строят до сих пор, а там есть. Мачту в центре Лаврухин, перед тем, как ее смонтировали, обрезал на 4 *м* (ее уже привезли, и он обрезал без меня), теперь там вытяжка-вентиляция.

Так вот кто придумал «метрограды»!

Я их не придумывал, это противоречит моим идеям. Когда проект предоставили Лаврухину, который курировал строительство, он топал ногами: «Я этого архитектора уничтожу! У нас лимит 300 тысяч». Но вскоре Коваль пересказал мне слова Лаврухина: «Вот сволочь ваш архитектор, везет ему! Госплан выделил дополнительный миллион семьсот тысяч на этот переход». У меня были запроектированы полы в граните, карнизное освещение. Всё это потом сдули, всё, что можно было ободрать, ободрали. Полы закатали асфальтом. Но все-таки переход этот стал событием, там было пространство. Не то, что теперь, всё загажено, застроено.

А типовые детали, о которых вы упомянули?

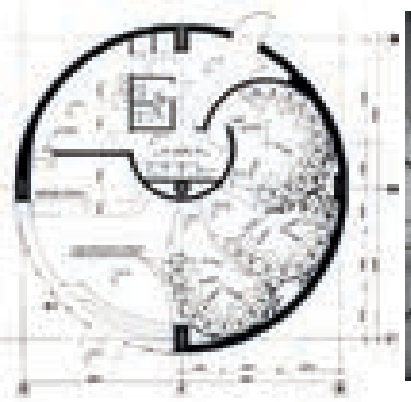
Пришлось их употреблять, больше этой высоты не сделаешь — 2,30.

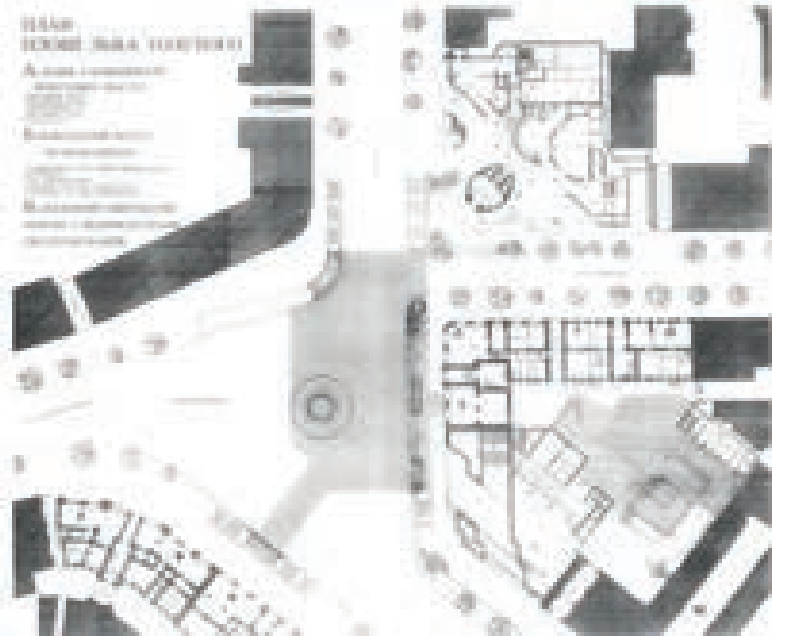
А как Эдуарду Бильскому удалось на Виноградаре разработать новые типовые детали?

Это уже другой вопрос. Добиваться можно, если есть время. А здесь надо было построить с 9 мая, когда прошли танки, по 7 ноября, когда опять должны были идти танки. Одна перекладка инженерных сетей чего только стоила! Туда сходятся все инженерные коммуникации. Когда я увидел раскопанный котлован, мне стало дурно. Каждый день оперативка, Лаврухин проводил ее в восемь утра. Мы ее посещали с директором нашего института В. С. Ковалем, который ужасно Лаврухина боялся, и когда тот начинал бушевать, Вадим Сергеевич терял сознание. Земля уходила у него из-под ног. Ну, а я ничего не терял. Обычно сидим на оперативке — тот орет. Вопль стоял потому, что директор стройки, некто Григорий Щиголь, в день нашего знакомства, когда началось рытье котлована, посмотрел презрительно и сразу «на ты» ко мне: Так это ты такое напроектировал? В граните полы? Ну, я это всё асфальтом закатаю. Эти все твои кривульки мы выровняем. — Я говорю: Потолок асфальтом не закатаешь. — Я ему тоже «на ты». Он: Ты смотри, какой черный, седым у меня станешь! — Я в ответ: Скорее ты помрешь.

Ужас какой!

Надо же выдерживать атаку! Оказалось, что жены Щиголя и Лаврухина сестры. И каждый день Лаврухин начинал с того, кто все





План площади Льва Толстого и кафе в подземном переходе

архитт. Вадим Жежерин, Оксана Матиенко, 1981–1983

Инженерный корпус Киевского метрополитена

архитт. В. Жежерин, О. Матиенко, В. Щербаха, 1980–1985

это придумал! все надо переделать! А я каждый раз повторял, делать именно так. В последний день строительства, когда мы перетаскивали на места гранитные плиты (там были кривые ступени в кафе, и конечно строители их все перепутали), около двух часов ночи появился Лаврухин с командой начальников, и я вдруг слышу над собой: Да-а, был не прав, я к вам обращаюсь, архитектор! Нужно было делать, как вы запроектировали — и в граните полы. Прошу у вас прощения. Если еще будем сотрудничать, поддержку обещаю. — Вот такая преамбула к «Золотым воротам».

Без Лаврухина мы бы не построили «Золотых ворот». Потому что был 1989-й год, рушились союзные связи, а мрамор был на Урале. В отчаянии иду к Вадиму Михайловичу Шарапову, главному архитектору Киевпроекта, в десять вечера он звонит Лаврухину. Тот работал до ночи. Идем в горисполком, секретаря уже нет, кабинет здоровенный, он сидит где-то в глубине: «У меня есть пять минут!» В итоге до трех ночи звонили на Урал, в кровать директору завода. Разговор был такой: «О, нет, мы не дадим. Что вы от нас хотите?» «А у нас есть камнерезное точное оборудование, мы вам пришлем». Короче, бартерным образом он договорился, в результате на станции у нас уральский мрамор. Распиливали на заводе «Гранит» на Левом берегу, обрабатывали на Беличанском комбинате. Мне пришлось каждый блок поштучно сопровождать, каждую машину, иначе бы разворовали.

Это к вопросу о профессии архитектора.

В том числе и к этому вопросу. Мало того, по каждому типу камня мы склеили из картона шаблоны в натуральную величину. Я прекрасно понимал, что по чертежам их не сделают. В итоге даже по шаблонам умудрились кое-где напортачить. Камни были непростыми — мы придумали их минимальной толщины, чтобы можно было сформировать колонны.

На Западе четко регламентировано, что включает в себя работа архитектора, инженера, поставщика.

Зато на родине приходилось заниматься буквально всем. Иначе невозможно было ничего сделать. Та же история с «плинфой». Я придумал комбинацию для декоративных вставок: имитация древнерус-

ской смешанной кладки «опус микстум». Должно быть что-то вроде плинфы в сочетании с чем-то вроде камня. Ну, понятно, бутовые камни туда не положишь, значит, — в сочетании с мрамором. Вопрос: где взять плинфу? Пришлось самому ехать в Славянск. Арки сформированы как бы из кирпича. На самом деле это не кирпич, а уголки, подвесная конструкция, которую я придумал, глядя на то, как сделано крепление для всей фасадной облицовки наших домов на Крещатике. На станции «Золотые ворота» вся плинфа подвешенная, облицовочная. Это на самом деле нереальное все! «Плинфа» получилась корявенькая, коржиками, и когда стали монтировать, хлопцы говорят: «Борисыч, смотри, что-то оно кривое»…

Лаврухин на станцию спускался регулярно, раз в три дня. А попасть туда было не просто. Сперва спускаешься в клети. Затем по щиколотку в воде, в резиновых сапогах, так как все тоннельные ходки залиты водой. Я каждый день спускался, вопросы были бесконечные. Но шахта была во дворе Киевпроекта, вышел и спустился.

Как были восприняты мозаики со святыми ликами?

О! после памятного совещания у Лаврухина на меня набросились художники. За грудки хватал Иван Литовченко: Ни один художник с тобой работать не будет! — Я говорю: Очень хорошо. — И позвонил своему товарищу художнику-монументалисту Грише Кориню. Он пригласил Владимира Федько. И мы втроем (папу я уже не привлекал) задумали галерею образов. Изначально я планировал только орнаменты и сказал им: «Ребята, вы понимаете, что меня посадят?» Лики святых в монументальной живописи — это было на грани. О своей затее мы никому не рассказывали. Жарикову я должен был периодически показывать картоны, и я показывал через один, только орнаменты. Но как их выполнить? Мозаика была задумана золотая, такое производили только под Петербургом. Туда помчался Гриша, но предприятие закрыли. Тогда на нашем стекольном комбинате в районе Московской площади нашли какую-то охру… В общем, ребята мотались, я мотался, несмотря на кучу других дел. Меня же не освобождали от проектной работы, это параллельно. Как это всё лепить, вниз головой и когда идут строительные работы? Я приду-

С дочерью Ириной и внуком Фёдором у Гроба Господня, фото Тамары Артёменко, 2016

мал кюветы-ванночки из металла, это мое изобретение. Нам дали помещение рядом с опускной шахтой, там мы посадили исполнителей, которые по нашим картонам в натуральную величину выкладывали. Никто туда не попадал, никого мы туда не пускали, это было закрытое помещение. Готовая мозаика заклеивалась крафтом, чтобы якобы не запачкалась. Потом мы ее приварили, заделали стыки и в предпоследний день сорвали крафт. И в это время как раз явился Лаврухин с начальником Метростроя и компанией.

И увидел лики?

Был конец 1989 года. Началось крушение КПСС. Весь идеологический сектор рухнул буквально за полгода, в течение которого мы работали. И параллельно стала подниматься волна украинизма. Народ вдруг понял, что Украина будет сама. И то, что мы сделали, абсолютно попало в жилу. Удивительно! Мы как бы нанесли первый удар. И вот компа-

ния Лаврухина заходит с конца туннеля, а я с рабочими стою на другом конце станции. Мозаики открыты. Я смотрю издалека — они остановились и стоят. Ну, думаю, сейчас мне уже всё. Конченый. Иду к ним. Подхожу, еще на расстоянии Лаврухин ко мне поворачивается: Что ты сделал! — Я спрашиваю: Что, плохо? — Гениально.

Вы рисковый человек.

Бояться нельзя. Я всегда говорю, есть три вещи для человека, не десять заповедей, а всего три: не ври, не кради и не бойся. Все остальное отсюда вытекает.

Отсутствие страха связано с тем, что ваш отец отсидел за здание на Банковой, к проектировании которого его привлек архитектор Григорьев?

Его не за это арестовали. Да, Григорьеву нужны были помощники, талантливые молодые архитекторы. И отец проектировал для этого здания главный вход и вестибюль. Но отца посадили совсем за другое. Ему «шили» и Промпартию, и… да что угодно «шили». Арестовали его в 1937-м, в день защиты диплома, когда он пришел домой переодеться, идти на выпускной вечер, а его уже ждали. Почему? Потому что вокруг закладчики были.

Дом на Чкалова

У вас архитектурная династия, давайте перечислим всех.

Кроме мамы и папы у нас в семье дядя Коля — тоже архитектор, мамин брат, одно время жил с нами. По линии Жежериных до папы архитекторов не было. Папин дед художник, Владимир Дмитриевич Сонин, руководил росписью Троицкой Надвратной церкви в Лавре, расписывал теперь не существующие Георгиевскую церковь, Ирининскую. Был другом Ижакевича, другом Врубеля. Даже есть этюд Врубеля, который мы подарили музею. Очень я теперь жалею, что подарили, потому что нигде его не вижу. А родители папы совсем не архитектурно-художественных профессий, педагоги, биологи. Один папин брат биолог, другой авиаконструктор, достаточно засекреченный, в Жуковском работал.

До окончания работ по ВДНХ родители работали вместе, потом их разделили по разным мастерским. Мама для выставки проектиро-

Дом на Чкалова 36, квартира на третьем этаже слева

вала все рестораны и кафе («Прага», «Весна», «Лето»), фонтаны и благоустройство, а папа — главный павильон. В семье моя жена Тамара и дети Ирина и Мария тоже классные архитекторы. А внуки пока неизвестно кто.

Как я заметила, музыканты, пианисты…

Ну, не совсем, это для себя. Музыкант как профессия бешеный труд. Но мне, честно говоря, мало импонирует музыкальное сообщество. Все-таки среди архитекторов никакой зависти к коллегам не было, наоборот.

Где вы жили в Киеве с родителями?

На ул. Чкалова 36 (теперь ул. О. Гончара), чуть ниже Ярославова вала, между Валом и Чеховским переулком. Это была квартира деда, отца моей мамы, который купил ее в 1920-м году. Его звали Александр Михайлович Гусев. Он вместе со своим отцом вошел в книгу самых богатых людей России 1913 года. Дед был не просто богатый человек, он получил блестящее берлинское образование, инженер-энергетик. Когда выучился в Берлине, вернулся в Россию и организовал серьезное

Дом с подземным паркингом на ул. И. Франко 24-А, архит. В. Жежерин, 1971

производство. Образовался целый семейный клан, несколько фамилий, представители которых переженились между собой. Они создали крупные предприятия, практически построили новый промышленный город в Клинцах, знаменитом «Манчестере Черниговской губернии» (теперь Брянская обл. РФ). Одно из направлений дедушкиного производства — суконная промышленность. Его предприятия были поставщиками императорской армии, за что он получил именное дворянство. А потом начались революционные события. И вот дед с семьей (мама родилась в 1918 году, дядя Коля — в 1916-м) оказался в Крыму с билетами на пароход, чтобы отправиться куда-нибудь подальше, например, в Париж. Но в последний момент сказал: из России не уеду. И совершил ошибку… Остался, вернулся в Киев, купил квартиру № 11 на ул. Гершуни 36, так тогда называлась улица, на третьем этаже… А в 1924 году скоропостижно скончался. Бабушку забрали в 1938-м и расстреляли как немецкую шпионку.

Потому что дед учился в Германии?

Видимо. А его брат в Германии остался. Даже письма оттуда хранились в семье. Бабушка преподавала математику в техникуме, в свое время она окончила Высшие женские курсы. В 1938-м мама и ее брат остались сиротами.

Дом сохранился?

Да, четырехэтажный доходный во дворе. Первый домик, стоящий по фасаду, двухэтажный, а за ним наш. В этом доме я и родился. Квартиру, конечно, «уплотнили», стирая, так сказать, классовые различия, превратили в коммуналку. В этой квартире всегда собиралась большая компания, все мамины институтские соученики, и Авва Милецкий, и многие другие. С дядей Колей, например, учился Алик Малиновский. Кого только не было! Почти все киевские архитекторы. Их было не так много, как сейчас.

Помню, после смерти Сталина люди начали возвращаться из ссылок, и если им негде было переночевать в Киеве, первым делом приходили к нам. У нас был «проходной двор». Меня, мальчишку, никогда не отстраняли и от компании не прятали. Поэтому я слышал все истории, все рассказы. И поэтому понимал и знал гораздо больше сверстников. Когда нам было лет по четырнадцать, я говорил, мол, этот и тот — преступники и негодяи, соученики бросались на меня с кулаками. А когда нам стало по двадцать–двадцать пять, удивлялись: откуда ты знал? И, конечно, у нас в доме устраивались всякие праздники, гулянки, архитектурные посиделки… Виктор Некрасов и Авва Милецкий бывали в гостях постоянно, Добровольский пореже (у Толи были перемены в личной жизни, новая семья). Всегда полно народу! Весь Гипроград потом, часть Киевпроекта, Гриша Слуцкий… Во всяком случае, когда студентом третьего курса я пришел в Киевпроект на практику, на каждом этаже встречал дядек, которые выпивали у нас за столом. При этом всё говорили в открытую, и никогда информация за стены дома не вышла. Соседями по коммуналке были две еврейские семьи, и жили мы невероятно дружно. Жизнь проходила во дворах, это была какая-то другая жизнь, не похожая на сегодняшнюю. Общение довольно широкое. И патронажа родительского было мало. Сейчас дети как рабы: их пасут, с ними

ходят всё время. А мы были свободными. Свободными были! Понимаете? Мы сами бегали по этому городу, сами изучали и знали все его закоулки, горки, его устройство, его «проходные» дворы.

В 1950-е происходило восстановление Крещатика…

Вокруг этого как-то «сгрудилось» население, подтянулись и культурные ветви. Атмосфера 1950–1960-х была совсем неплохая. Это юность, мои любимые школьные друзья. «Началось» в институте, после 1964 года — закрутки, партийные бонзы, комсомольские «примочки». Понятно, исторически это было неизбежно. Тем не менее, был институтский коллектив, вначале мне чуждый и даже враждебный. Постепенно удалось ассимилироваться, привыкнуть к их подходам и пониманию. Студенты были очень разного уровня, многие после армии, со льготным поступлением. У нас, школьников, пятнадцать человек на место, а у них и трех не было, поэтому мы оказались в меньшинстве. Поначалу к нам было командно-враждебное отношение. Они думали, что можно нас это, как в армии… но получили отпор. Оказалось, что мы интеллектуально значительно сильнее, и мы уже им показывали, как надо проектировать.

Есть ли у Киева формула?

H_2O. Я считаю, что город без воды вообще не может быть. Днепр, конечно. Главный. Если это потерять, вообще города не станет. Это последнее, что тут осталось, последнее великое. Вот, если бы действительно удалось мотлох весь расчистить на днепровских островах… В свое время я даже начал с этого. В 1972-м у нас была такая работа «Гардероб на Центральном пляже». Если знаете Центральный пляж, Пешеходный мост, и справа был гардероб-сарайчик. В этом сарайчике я раздевался мальчишкой. Тогда пляж был пошире, это потом его подперла вода Каневского водохранилища. Пляжи были шикарные. У нас там был свой грибок, мы школьниками приходили туда заниматься. С мая проводили там все время. И в футбол, и поплавать. В общем, там было классно. В гардеробе раздевались, а под грибком вешали вещи, и жили там. Этот пляж для меня был родной.

Коктебель и Жокив

Расскажите о маме.

Мама была спортсменкой, играла в волейбол, большой теннис и прекрасно гребла одним веслом. Каждое лето мы ехали куда-нибудь. То в село какое-нибудь, где снимали в хате уголок. То на Азовское море, то на Чёрное. Или здесь, на Десну, на Днепр. Ездили мы всегда, все мое детство. Папа обычно никуда не ездил, папа все время работал, его летом не отпускали. И вот в один прекрасный момент мама говорит: едем в Коктебель! 1953-й год, мне шесть с половиной, перед самой школой. Поехали в Крым, в Феодосии нас встречает Юрий Сергеевич Асеев. Военный грузовичок, сейчас даже в кино такой не увидишь — разломанный, деревянный, весь из досок сбитый, кошмар! Дорог никаких, грунтовка проезжая, пыльная. Степь, море, холмы выжженные, сизые. А навстречу вдруг плетутся цыгане, табор с кибитками, настоящий. Коктебель… замечательное было место. Ничего подобного тому, что сейчас. Никаких сооружений. В степи, возле моря, домик Волошина. Поселок в виде одной улицы, перпендикулярной берегу. Татарские домики, десятка два… А выше, на маленьком плато вел раскопки Асеев. Чуть в стороне военная часть, солдаты вкопали два столба, натянули шитый из простыней экран и — показывали кино. Я там смотрел «Суворова», «Чапаева»… Причем с обратной стороны экрана, он же прозрачный! смешно было и интересно.

А Асеев копал какое-то древнее городище. Со мной был местный маленький мальчик, и мы вдвоем лазили по раскопам. Асеев на нас покрикивал, и не зря. Что-то там было огорожено колючей проволокой, я под ней пролез и распорол ржавыми шипами спину. В море всё зажило быстро, а шрамы до сих пор есть.

Мы снимали комнатку у старой гречанки, которая не ходила. Но великолепно готовила. Ее звали Вера Христофоровна. У нее была небольшая семья. Других местных я не помню. Татары все были выселены. Не было уже никого, кроме одной-двух греческих семей. И дачники. Мы были дачниками, еще одна семья замечательная из Москвы, он профессор энтомолог, она ботаник. И еще одна пара — балерун из Большого теа-

тра, а она геолог. С кем-то я ловил бабочек, с кем-то собирал растения, ходили на Карадаг. Спускаешься вниз — татарские виноградники. Домик Волошина жил своей жизнью, нас приглашали, мы заходили, как-то цветы собрали, принесли. Чистое море, пустынные пляжи, и рыбаки каждый день уходили в море.

Ваша мама училась в КИСИ вместе с Ю. С. Асеевым, они дружили?

Да, и кроме того Асеев был другом маминого брата, Николая Александровича Гусева, завкафедрой КИСИ. Асеев был влюблен безумно в профессора Моргилевского, который преподавал историю архитектуры. И всячески пытался подражать кумиру. Мама вспоминала, как смешно маленький Юра копировал высокого и благообразного мужа. Еще она рассказывала: Моргилевского заставили подписать какую-то бумагу о сносе Михайловского собора. В тот день он опоздал на лекцию, пришел, сел за стол… и заплакал.

В решении о сносе собора от Моргилевского ничего не зависело. Его подпись, скорее всего, связана с комиссией по демонтажу мозаик и фресок, которые таким образом удалось спасти. Сам же Моргилевский сделал точные обмеры и фотофиксацию, по которым собор и восстановлен.

Это понятно, у него не было выхода, но он очень переживал. Моргилевский был блестящий преподаватель, ему многие покланялись, а Юра Асеев просто за ним хвостиком бегал. Уже тогда было ясно, что Асеев более склонен к истории архитектуры, нежели к архитектурной практике; так и случилось. И это хорошо, потому что у каждого есть свое предназначение. Асеев поймал свое призвание еще тогда. Если бы он не встретил Моргилевского, не стал бы Асеевым. Ну, а у Юрия Сергеевича тоже были проблемы с тем, что он из семьи репрессированного архитектора Дмитра Дяченко. В то время по родственным связям могли привлечь к чему угодно. Но так «возникали» люди и формировались характеры. Асеев был на редкость увлеченным человеком, как и Моргилевский. Я бы сказал, что жизнь их прошла хорошо. Они получали удовольствие от того, что делали. Даже от того, что на станции метро «Золотые ворота» Жежерин (о себе. — *А+С*) поставил неправильную колонну «из римской базилики».

Когда я ездил по древнерусским городам, нашел почти аналог моей колонне где-то в Подмосковье, в памятниках Золотого кольца, XIII–XIV вв., вполне русская архитектура, еще от Руси, а не от татарского наследия. Так что преступления перед историей архитектуры я не совершил.

Самое яркое впечатление вашей жизни?

Самый яркий эпизод — когда мне не было еще трех лет. Есть село Жокив на Десне, как мне потом сказали. Пришел туда галоша-пароход, и вышел мой папа, и подарил мне мяч, какой-то надутый. Он был такой из зеленых и красных секторов. Самое яркое воспоминание… Солнечный день. Такие вербы сумасшедшие! Эти огромные осокоры, стоят на берегу… Бережок, и огород туда уходит. А в огороде — огромные цветы гарбузов, желтые. Такая красота! С ума можно сойти.

Киевпроект

Как происходило ваше погружние в архитектуру?

С четырех лет, с сознательного возраста, все время был в архитектурной среде. Постоянно. Что заставило меня любить архитекторов, любить их работу, понимать их трагедии, потому что каждый день я видел, что происходит с моими родителями, которые приходили после тяжелого труда к ночи домой и еще по ночам сидели и чертили. Мне повезло, что в четырнадцать лет мне первый раз доверили отмывать фасад. И дальше я все время крутился в этой среде и слышал все, что поминалось про советскую власть, про власть вообще как таковую, про архитекторов. Я утонул в архитектурной жизни. И когда я уже шел работать, с 1968 года меня приютил А. М. Милецкий в Киевпроекте, то памятники делал на кладбище для его друзей, то еще что-то проектировал, всё, как положено. И в конечном итоге я понял, что-то с этим нужно делать.

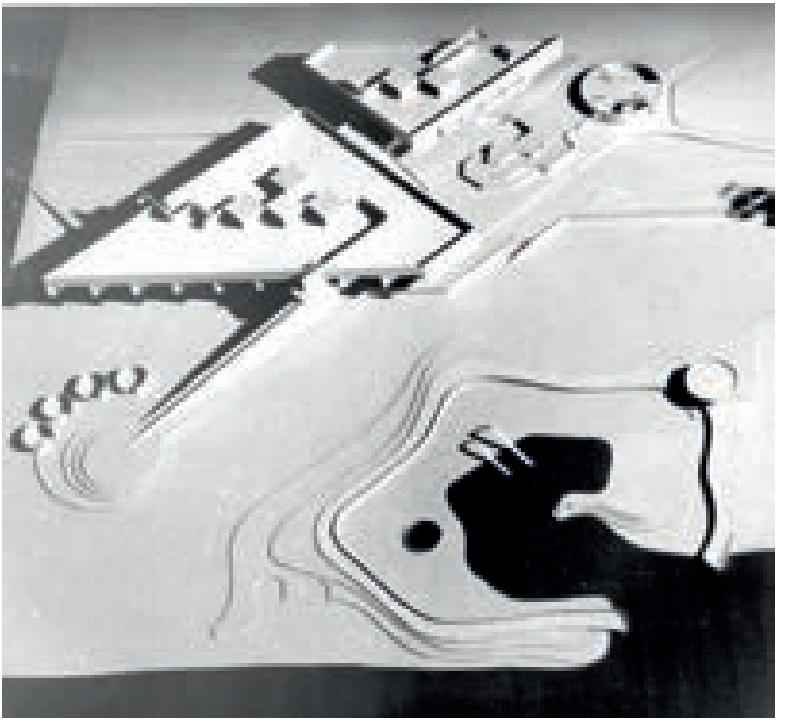
Ваше поколение прошло похожую архитектурную школу.

Все мы оказались в Киевпроекте. Саша Колесников, Саша Кутовой пришли позже. До меня — Витя Розенберг и Саша Зорин. Потом Янош Виг, Саша Комаровский, Лёня Филенко. В общем, архитекторы, которых сегодня знают. И какая-то внутренняя конкуренция была. Мы работа-

ли в разных мастерских, заглядывали друг к другу посмотреть, обсудить. Каждый на своем рабочем месте пахал и каждый хотел что-то построить. Каждый мечтал, чтобы дали право разработать индивидуальный проект, а тогда такое право было очень трудно получить. Ведь было страшное засилье Киевгорстроя, который не давал ничего сделать, только из типовых панелей. Экспертизы не было — только горстроевская экспертиза. Когда туда передавали нетиповой проект, ответом был отказ. И вот, если кому-то удавалось сделать что-то нетиповое, торжествовал весь архитектурный цех, потому что это был прецедент. Когда у Яноша Вига получилось построить здание посольства Венгрии, я очень обрадовался за него, хотя мы были тогда едва знакомы. Я подумал: оказывается, можно что-то хорошее сделать совершенно по-новому. Время было такое — все хотели выскочить из-под давления строительного комплекса. Были совершенно другие задачи. Все прекрасно понимали: главное, дайте только возможность. Сейчас вроде бы что-то можно и сотворить, монолит и всё такое. А никто ничего не творит. Ничего интересного. Ни одного интересного сооружения. Ни одного.

Как в те годы проходили Градсоветы?

Когда я пришел в Киевпроект, Градсоветов при ГлавАПУ не было вообще. Киевпроект находился там, где сейчас Главархитектура. И в зале под стеклянным фонарем проходили советы Киевпроекта. Это была школа. Собирались все мэтры. Очень интересные были выступления. Иногда сходились в жестокой схватке, чуть ли не на потасовку. Тем не менее, это было полезно. Мы получали возможность совершенно другого видения и обсуждения. Из Киевпроекта не выходил ни один объект, который не обсуждался. Но никто не мог себе позволить на Печерске то, что построено сегодня. Были интересные случаи, когда проводились конкурсы. Например, Толя Добровольский всю ночь красил перспективу, выставил, шикарная получилась перспектива. Приходит комиссия, а перспективы нет. А где? Ведь самая красивая была, доски огромные! Искали сутки, нашли на чердаке. А кто же туда засунул? Да вот какой-то тут проходил, сказал, чтобы это убрать. Предполагали, что это был Милецкий. Вот такие негодяи! (*Смеется*).



Гардероб на Трухановом острове, архит. В. Жежерин, 1972

Кондоминиум Дипломат-Холл

архитт. Вадим Жежерин, Тамара Артёменко, Николай Кульчинский, 1993–2004

Когда начался «ваш Киевпроект»?

Сразу после института пошел в мастерскую № 6 к Э. А. Бильскому, проектировали Виноградарь. Тут же забрали в армию. Когда в 1971-м вернулся, ГАПом у меня была Г. Ф. Добровольская. К Милецкому мне уже не хотелось, хотя Милецкий меня «выписал», подал на меня заявку. У Милецкого я был на практике в 67, 68 и в 69-м, ходил к нему даже подрабатывать… Теперь было нужно что-то другое, и тут возле Киевпроекта я встретил Галину Фёдоровну, она: «Вадька, давай к нам, у нас так классно! Сева Суворов — ГАП, а я у него подгапок. Скиба (Скибицкий. — *А+С*) ушел главным архитектором Киевпроекта, а я вместо него. Приходи! У нас Сашка Колесников работает, он в армию уходит, а ты как раз вернулся!»

И сразу навалилось. Мне дали «свою» работу, что бывало редко, дом на ул. Франко 24 для сотрудников посольств, во дворе — никто его не знает и не видит. Впервые в Киеве в нем был устроен подземный паркинг. Галя наставляет: «Вот сам и веди, сам проектируй и стройку веди, всё». Колоссальная школа! Тогда параллельно на ул. Урицкого мы нашлепали типовые дома.

А потом наступил 1972-й.

Для меня главным стал объект «Гардероб на Центральном пляже». Галка нарисовала какой-то эскиз, но ей было некогда этим заниматься, она в это время проектировала консульства. Янош венгерское, а Гала — польское, чешское и немецкое (сейчас канадское, словацкое и польское посольства). А тут — гардероб! Этот проект Гала поручила Людмиле Мосийчук, но Люда пыхтела что-то еще, «по дороге», занимаясь своими объектами. В общем, гардероб был бросовым для всех, но — висит в плане, и делать надо… А я так пляж любил! и сказал: Фёдоровна, давайте, я сделаю гардероб в свободное от основной работы время. — Ну, делай!

Взял схему М 1:5000 всех островов, вдоль берега с отступом 50–70 *м* сделал рокадные дороги. По ним, по моему замыслу, должны были бегать электро-трамвайчики, развозящие людей, чтобы не концентрировались на одном пляже. Устроил островки ресторанчиков. В конечном итоге, поставил гардероб, сделал макет. Увидев всё это,

Сева Суворов сказал: «Всё! ставим на Совет!» А там у нас был такой Николай Вячеславович Холостенко…

Вы его застали?

Во всей красе. Он был язвительный, яд лился, как из дракона, на всех архитекторов. Умел сформулировать! но по делу. Он видел то, чего другие не замечали. И вот выставляю проект, впервые сам защищаю. «Кто хочет сказать? — Скибицкий вел, — Николай Вячеславович!» Ну, думаю, всё… Он вышел, старенький такой: «Вот вы тут сидите все, мастера архитектуры, а это первый нормальный проект, который я увидел за последние пять лет». Вот такой был «Гардероб» на Центральном пляже, который до сих пор вспоминаю, он получил первую премию на госстроевском конкурсе лучших проектов года. Жена повторяет, наверно, это был твой лучший проект.

Была реализация?

Не дали финансирования. Я его с удовольствием построил бы хоть сейчас. Фотографии остались, очень простой проект. У меня раньше висел макет, но он сгорел во время пожара в Киевпроекте. Этот проект для меня действительно значим. Без чьих-либо наущений я впервые оформил свое представление о должном. Причем проект был сделан в пределах типовых конструкций. Киевгорстрой его мог легко построить. В целом схема островов…

Там же потрясающие места отдыха!

То, что теперь там этот недостроенный мост метро, — просто преступление. Против этого моста я боролся, когда его выставили на Градсовет Лишанский с Дёминым. Этот мост вдруг появился в генплане 1984 года. Я вышел, еще сравнительно молодой, и говорю, что в генеральном плане мост этот поставлен ошибочно, его нельзя здесь делать. Нельзя этот остров, потрясающий совершенно, членить транспортными магистралями, там, где должна быть зона отдыха. Вот есть рядом железнодорожный мост — ставьте параллельно ему и рядом с ним! Там есть коридоры, незанятые никакими постройками. На что мне ответили: у тебя домик на Русановских садах, и ты боишься, что по тебе это поедет. Я говорю: «Да к чертовой матери! у меня там еще ничего нет, просто это неправильно!»

Ну, видите, а все уже привыкли, и никого не волнует.

Не привыкли, этот мост, его же на самом деле еще нет. Он построен в никуда, на него неоткуда заехать и некуда выехать. А в том коридоре, если бы его сделали параллельно, можно развернуться… Ко мне Лишанский потом подошел: «Ну, Вадюша, ты еще маленький, ты не понимаешь. Там такое русло, там прибивное течение, там нельзя ставить опоры». Я говорю: да переплюнуть одним махом, там не нужны никакие опоры, какие-то 360 м, это ерунда, а не мост. — «Нет, ты не понимаешь…» Дёмин: «Да пацан, пацан еще, о чем с ним говорить…» Вот этот «мост» стоит десять лет. И будет стоять! потому что нельзя делать такие градостроительные ошибки. И уничтожены совершенно потрясающие озера, эндемические травы, еще со времен Руси сохранившиеся. Много чего уничтожили.

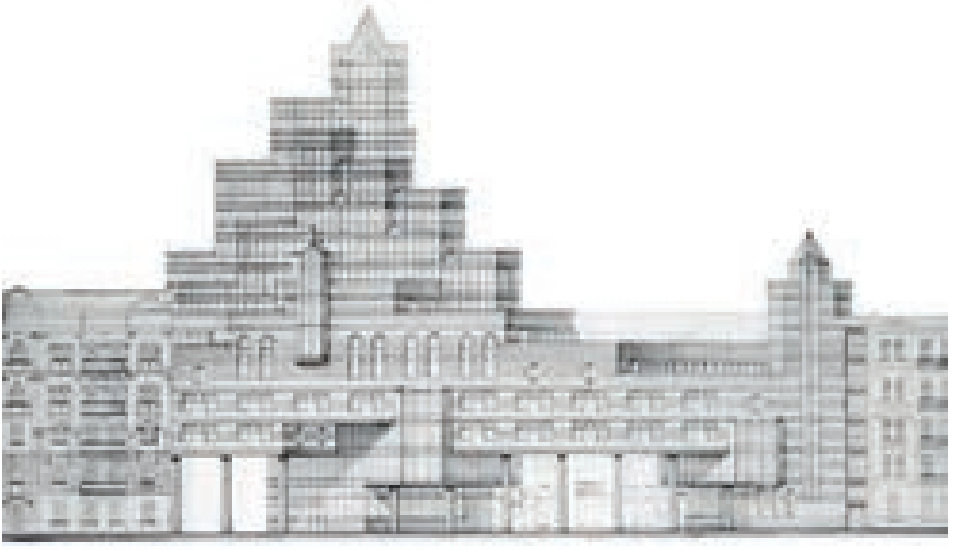
Но еще есть острова, не совсем затоптанные.

Вот это и есть «формула Киева». Еще есть. Тем не менее, с каждым годом становится опаснее, потому что всё больше пытаются наложить на острова руки. Как этого не допустить, я не знаю. Острова, днепровские склоны с церквями это главная формула нашего города. Ну, и, конечно же, структура улиц в рельефе, которые легли по водоразделам, тальвегам, бывшим руслам ручьев — это совершенно потрясающая топография.

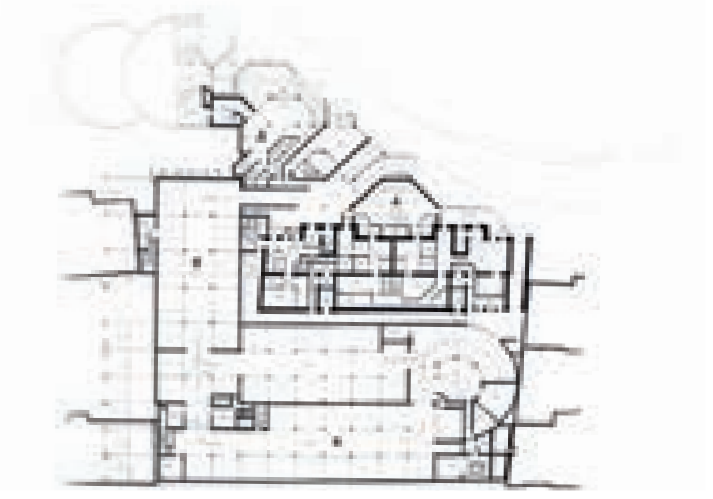
Камни и люди

Если отойти от профессии и посмотреть не через архитектуру на город Киев…

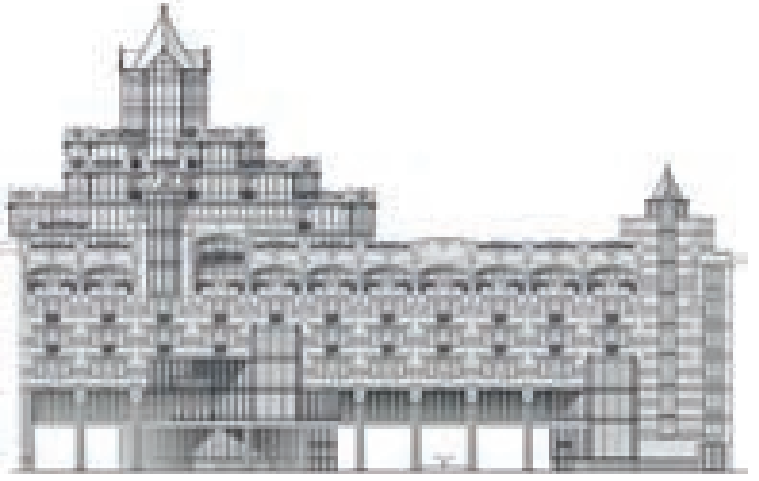
Конечно, город не только камни, это люди. Но люди, которые выросли в разных камнях, это разные люди. Люди, которые бродят по Майдану, не похожи на людей, которые ходили по площади Калинина среди цветущих сакур, росших, где сейчас перед гостиницей «Украина» вместо зеленого склона «стеклянная ГЭС». Это были другие люди другого отношения, и даже поведения. Как они проводили время? Не было такого количества машин, не было компьютеров, всё другое. У них было общение, у них были книги, был пляж, Труханов остров, на котором в выходной день отдыхали сотни тысяч. Сейчас там никого нет.



Вариант А



Офисно-гостиничный комплекс «Панорама» на ул. Б. Житомирская 20



Реализованный вариант

архитт. Вадим Жежерин, Татьяна Цивирко, Ирина Жежерина, Александр Ярусов, 2003–2009

Жилой комплекс «Артемида» по ул. Генерала Жмаченко
архитт. Вадим Жежерин, Владимир Гейко, Людмила Бакутина, Олег Литвиненко, 2004–2009

Как это зависит от «камней»?

Зависит от способа жизни и организации среды, всё связано. Самое страшное, люди, которые тонко это чувствовали, допустили то, что в конечном итоге получилось. Конечно, их «ушли» и — разбавили. Первая атака случилась в начале 1960-х, когда селянам дали паспорта, и люди стали бежать в города на стройки, стали заселять Киев. Это очевидно разбавило население, оно стало другим, не хочу сказать плохим — другим.

Плюс волны эмиграции.

В 1970-х начался исход. Много друзей, много умных людей, которые уехали и которые были частью этого города. И, может быть, если бы все эти части города не так сформировались, не было бы такого результата в конечном итоге, такой жизни. Может быть, эта страна была бы немножко другой. Мне приходили в голову смешные идеи: ну, зачем был нужен этот исход в Израиль? У нас есть Одесская

область. Давайте организуем там автономную еврейскую республику! Никто бы не уехал, все бы прекрасно жили. Никакой Палестины рядом. И все наши ребята, умные и трудоспособные. У меня масса друзей в Израиле и Америке, по всему миру разбросало, постепенно: революция, войны, волны…

Эй, начальник!

В чем градостроительная особенность Киева?

Вообще код Киева — это проходные дворы. Потому что большие кварталы. Они в свое время были разделены на усадьбы. Потом усадьбы исчезли, и получились проходные дворы с большими территориями, часто бросовыми. Так обидно! Именно так можно было сделать и в Киеве, просто потрясающе! : пешеходные зоны, скверы, внутренние пространства. Совершенно уникальные! Все убито гаражами и мусорными постройками. Сейчас туда впихивают 25-этажки. Начиная с 1992–1993-го я на Градсоветах постоянно выступал, мол, давайте сделаем правила застройки по каждому кварталу! Тридцать здоровенных мужиков, сидя на Градсовете, тратят день впустую, ничего не создавая. Их бы разбить по группам, раздать опорные планы, пройти по каждому кварталу, хотя бы центральной части города. Отметить, что подлежит сносу, что не подлежит, где можно надстроить, где нельзя. Разработать правила и принять их на Совете, сделать даже проектные, легкие эскизные предложения как ограничения и условия.

Казалось бы, просто!

Я готов за месяц сделать три квартала. Взял бы пару ребят, обосновали бы внутриквартальные пассажи, проходы… Ни черта! Продолжаем рассматривать друг друга, кто как окна нарисует. С невероятным упорством, совершенно не понимая ничего в целом. Всё продолжается до сих пор. Я на нынешние Градсоветы стараюсь не ходить, не вижу смысла. Когда-то мы со Шпарой заявили, что категорически протестуем против таких собраний и выходим из членов Градостроительного совета. Все должно быть абсолютно по-другому. Всё могло сработать. Необходим нормальный рабочий

орган, который рассматривает и формирует условия для архитекторов и заказчиков, чтобы они понимали: сделать то, что им хочется, можно, но в определенных пределах. За двадцать пять лет вполне реально было всё разработать. Однако Киеврада не хочет, по сей день. Не выгодно.

Есть ли пример желаемого и реализованного?

Париж. Идем по Елисейским полям, группа архитекторов. Направо арка — подсвеченная, как у нас вход в подъезд где-нибудь на Красноармейской. Давайте-ка зайдем! — говорю. И пошли по «проходникам». А там! и фонтаны, и галереи, и кофейни… Все внутренние пространства разыграны пешеходными зонами. В середине 1980-х я рисовал большой пешеходный пассаж внутри квартала между бульваром Шевченко, площадью Толстого, улицами Красноармейской и Пушкинской — получился бы шикарный променад! Там мы как раз отель делали, и «под эту лавочку» можно было все расчистить. В итоге нет ничего. В Париже можно, а здесь нельзя. Можно только что делать — продавать эту землю и застраивать всякой дрянью. И оно никакое: там и сям торчит ни к селу, ни к городу. Я не хочу критиковать архитекторов, ведь ничего и сделать нельзя. Это просто градостроительный абсурд, что бы ты там ни поставил.

Выскочил из подъезда — и попал

Какой самый большой вызов городу сегодня?

Отвратительная, хамская система бесконтрольной застройки. Закон 2011 г. «О регулировании градостроительной деятельности» уничтожил любой контроль со стороны и Главархитектуры и профессиональной общественности. Фактически никаких правил нет. Я не могу сказать, что все, что было, мне нравилось. Но СНиПы должно было заменить серьезными градостроительными условиями, разработанными профессиональным сообществом и согласованными городской общиной. Правила должны быть. А когда раздерибанены, распроданы все земли под непонятно что, мы не знаем, что где вылезет. Как в детских мультиках, вдруг из-под земли вылазит жуткое чудовище и набрасывается на кого-нибудь. Причем в любом месте.

Бизнес-центр «Топаз» по ул. Мельникова 2/10

архитт. Вадим Жежерин, Владимир Гейко, Людмила Бакутина, Евгений Тузман, 2004–2020

Левобережный центр, который мы берегли в надежде, что город получит дублёр-центр, чтоб не кататься туда-сюда, застраивается жильем. Кто? Почему?

Как относиться к тотальной застройке вдоль реки?

Восточное русло Днепра почему-то объявили не рекой, а второстепенной протокой, и строить теперь можно не в ста метрах от воды, а в пятидесяти. Охранный же кодекс предусматривает стометровую зону. Но Русановские протоки это, видите ли, не главное русло — так придумали. Это подло. Это всё надо тут же в криминал, и взорвать то, что сейчас там строится. Есть такие организации, их несколько всего-навсего в Киеве, которые монопольно имеют десятки лучших участков в городе. Почему они вдруг их имеют? Разборка должна идти на уровне матроса Железняка: один пригнись, остальных расстрелять.

Ну, вы наверное погорячились?

Это настоящая уголовка. И более того, это преступление перед будущим. Город теряет свое обличье катастрофически, каждый день. Ехал недавно по Левому берегу и думал, никогда Троещина не станет городом, никогда Левобережный не будет городом. Потому что формирование застройки — не городское. Увы, это наша работа на массивах, которую я прошел в полной мере. Я знаю, как это делается и формируется. Это сложная, совсем не простая работа, много потрачено сил. Но этот принцип в конечном итоге не создает городской среды. Он не то чтобы антигуманный, нет, в нем есть определенные постулаты, которые дают возможность как-то организовать жизнь. Но это не адекватно человеческому ощущению комфорта и пространства. Всё время на выгуле, на каком-то продувании… Приезжаешь в старый итальянский город, там пьяцетта, площадь маленькая, где ты сидишь под колоннадами, аркадами, и это один мир, и есть переход от малого к большому. А здесь сразу, выскочил из подъезда — и попал. В никуда.

Андрей Боков до сих пор любит критиковать модернизм в архитектуре.

К сожалению, это эпоха. Она привела к такому формированию пространства. Но мы от этого никуда не ушли, мы продолжаем. Эти дылды, которые мы повсеместно втыкаем в виде двадцатипятиэтажек, это же продолжение всё того же. Превращение нашей исторической застройки в жилмассив. Вместо того чтобы создавать камерное пространство и эстетствовать. Но заказа на это нет. Продаются такие-то квартиры — делай! Причем кто попало делает. Если архитектор говорит, что так делать не надо, лучше не двадцать пять этажей, а девять, дворики… Выйдем на те же площади! Нет, говорит заказчик, нам это не подходит, надо сделать один план и поднять двадцать пять этажей. На Печерске такие лезут, как грибы, один за другим, продолжая уничтожать совершенно потрясающий, сказочный, я бы сказал — легендарный силуэт, кторый не повторится уже никогда.

Елена Ненашева
A+C № 3–4 '2016

3|10

ЗАПЛАТНІКОВ В КРАЇНІ ЧУДЕС

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЛОФТ НАД ПЕЙЗАЖКОЙ

КОРАБЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ: ГОЛЛАНДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО НА ПОДОЛЕ

БЕЗ СТИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ

ИНТЕРЬЕР С КОЛОННОЙ ОТ ЛООСА

PROMENADA CENTER

ПАРТИЗАН-КЛУБ В ОБУХІВСЬКОМУ ЛІСІ

ДВОЄ ДОЖІВ ПІД КИЄВОМ

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

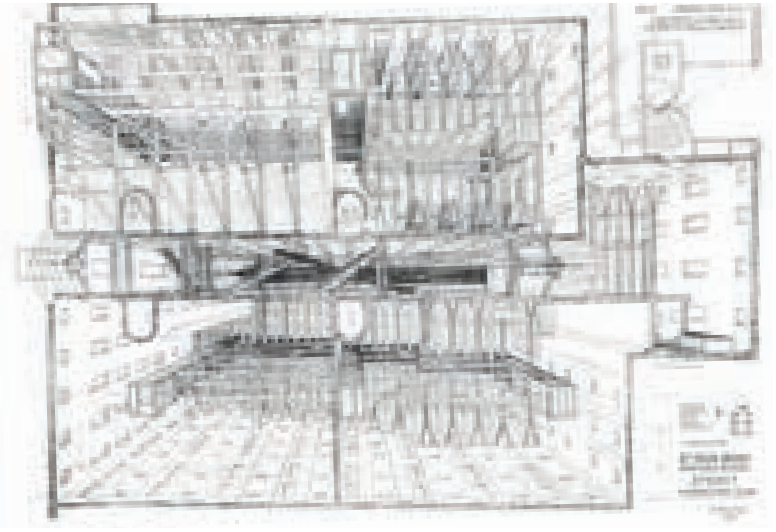
Это текст появился в жанре последовательной рекогносцировки на полиграфической территории немецкого временника Stadt Bauwelt (№ 48/01 '2001) с присовокуплением необязательных размышлений, озвученных для А.С.С архитектурной четой — Ларисой Меркуловой (р. 19.08.1961, Бийск) и Вадимом Заплатниковым (р. 1.08.1960, Киев). Подъемные краны в урочище Гончары-Кожемяки зажигали блеклые свои огни, видимые из окна располагающего к творчеству жилища. Во время учебы и работы в Бельгии молодые архитекторы открыли для себя западные идеалы и западные реалии. Пути и окольные дороги Бенилюкса позади. Что унесли с собой в Киев? Вдохновение и увлеченность возможностями, которые кажутся безграничными. И растущее сомнение… В 1997 они создали собственное архитектурное бюро «Гаразд-Гурт Архітектури». Благодаря собственной квартире-ателье, получили признание и неожиданно продолжили работать в сфере интерьерных пространств, не забывая и большую форму. Архитекторов не покидает желание объединить знание Запада с чувством Востока. Как фанаты места они борются за архитектуру украинскую, по меньшей мере — киевскую, поминая традиции украинского барокко, когда наша страна в наибольшей мере проявляла самобытность.

А.С.С: Расскажите о своей «нетипичной истории».

Вадим Заплатников: В 1992, уже десять лет работая «по специальности», мы поехали в Бельгию, чтобы пройти курс обучения в аспирантуре Международного центра консервации исторических городов и зданий при Католическом университете города Лёвен. Там мы пробыли более трех лет. Сами себе интересны тем, что работаем здесь после Бельгии. Так сложилась судьба, не чувствуем себя ни тут ни там, такие себе «поляки» между Украиной и Бенилюксом. Думаешь, да, на Западе всё нормально, стабильно, правильно… Но в чем-то они нам тоже проигрывают. В «Докторе Фаустусе» Томаса Манна есть

Архітектори Лариса Меркулова та Вадим Заплатніков, проект «Юніперус», 2013

фото: І. Гайдай



Проект реконструкции пакгауза под культруный центр в Антверпене
архит. Вадим Заплатников, 1994–1995

такое место: лежат немецкие студенты на сеновале (по какой-то причине они тоже в село привлекались) и рассуждают: французы знают, что такое форма, но не знают, что такое глубина; а вот русские знают, что такое глубина, но не знают, что такое форма. Но вывод они делают сомнительный, мол, только мы, немцы, можем знать и то, и другое. Но я думаю, будущее за Восточной Европой.

Лариса Меркулова: Как это ни банально звучит.

В. З.: Потому что в Восточной Европе есть адреналин производить идею. Западная — это как бы стагнация, в общем, постиндустриальная цивилизация, в духе «Заката Европы» по Шпенглеру. В Бельгии мы не были включены ни в политическую, ни в общественную жизнь и на вещи вокруг себя смотрели с определенной дистанции, глазами чужеземцев. Разработанный нами там проект ревитализации припортового района Антверпена опирался на основательные исторические, градостроительные и социологические исследования, в том числе

интервью с горожанами, архитекторами, градостроителями, искусствоведами, историками, политиками.

Л. М.: Идея заключалась в превращении бывшей припортовой территории в культурное ядро в масштабе всего Антверпена — с музеями, художественными галереями и театрами в старых пакгаузах, дополняемых коммерческими заведениями — гостиницами, кафе, антикварными, ювелирными и сувенирными лавками. Большинство пакгаузов было тогда еще в собственности города.

В. З.: На открытой конференции «Город на реке», где обсуждались перспективы для Антверпена, мы представили нашу концепцию, резонанс у публики и у властей города был ощутимый. Но в конце концов мы поняли, что градостроительные и архитектурные решения здесь, как и везде в Европе, находятся под решающим влиянием локальных политических интересов и коммерческих спекуляций. И это было реальностью, близкой к той, в которую мы собирались возвращаться.

Л. М.: В этот момент нам попалась книга-сборник статей об архитектурных активностях принца Чарльза под названием «Принц и архитекторы», где приводилось его высказывание «что-то произошло не так в этом столетии». Имеется в виду негативное влияние модернистской архитектуры на европейский город.

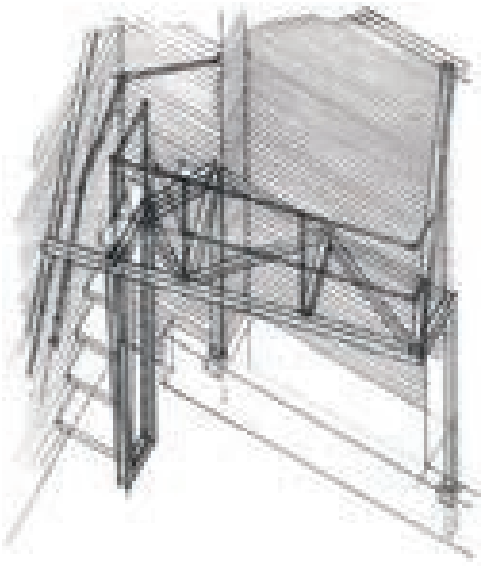
В. З.: Во время учебы и работы в Бельгии наши представления о европейском городе сильно изменились (сначала ко всему, что мы видели, мы относились совершенно некритично: это так, потому что так должно быть, Запад знает, что правильно). Итак, мы написали письмо и отправили его в Лондон — Принцу Уэльскому, дворец St. James. В сущности, в письме были результаты наших наблюдений. Западное общество уже осознало ошибки в обращении с историческим городским наследием и пытается исправить то, «что произошло не так». В то время как в нашей стране ничего не делается, кроме повторения тех же ошибок в большем масштабе. Для многих западная культура — это гигантские супермаркеты и небоскребы, в ущельях которых протискиваются «шопингующие», сторонясь мерседесов и BMW. У нас говорят: «Если Киев хочет быть европейской столицей, ему нужны небоскребы на главной улице». При этом почему-то практически не

обращается внимания на уничтожение деревьев, уродливые остекленные балконы на исторических фасадах, не говоря уже об отсутствии таких западных атрибутов, как повсеместные дорожки для велосипедов и качество дорог вообще.

Л. М.: Несколько месяцев спустя — мы уже вернулись в Киев — пришел ответ из Института Архитектуры Принца Уэльского. Нас приглашали на одно из ежегодно проводимых мероприятий Task Force в Потсдаме, которое на этот раз рассматривало проблему восстановления Потсдамского дворца. Опыт общения, конечно, был ценным. В Бельгии мы ознакомились с Венецианской хартией, которая гласит, что исторические здания подлежат охране и реставрации, в то время как все необходимые дополнения к ним должны обслуживаться современным архитектурным языком. Институт Принца Уэльского к Венецианской Хартии относится скорее скептически. Леон Крие, его главный идеолог, видит в ней лишь оправдание для современной архитектуры в историческом окружении.

В. З.: В марте 1996 мы покинули Бельгию. В нашем возвращении было что-то символическое: отправились из Бельгии при +15° С, а приехали домой при –10°. Еще в Бельгии нам заказали проект ресторанного комплекса на Крещатике. В итоге проект не реализовался. Затем последовало еще одно предложение — модернизация большого здания Киевского речного вокзала, включая пристройку гостиницы. Проект опять не реализовался, однако мы продолжали пребывать в уверенности, что здесь для нас работы хватит. Но сам факт получения заказа был важен для очередного старта в Киеве. Идя по улице, мы смотрели на всё западными глазами и поражались, как много здесь потенциальной работы для архитекторов. Мы были энтузиастами и верили в свое будущее. На Западе мы пытались постичь всё, что было в пределах досягаемости. Кроме целенаправленного изучения конверсии промышленных территорий мы интересовались тенденциями проектирования музеев, гостиниц, вилл и многосемейных домов, мебелью, индустриальным дизайном и графическими экспериментами на бумаге (почтовые карточки, марки). Мы были совершенно очарованы некоторыми вещами, например, как делают бумагу или засушивают цветы. Самое сильное

Квартира-ателье «Гаразд-Гурт Архитектуры»
архитт. Лариса Меркулова, Вадим Заплатников, 1997–1998



Квартира-ателье «Гаразд-Гурт Архитектуры», антресоль
архитт. Лариса Меркулова, Вадим Заплатников, 1997–1998

впечатление произвело то, что для западного менталитета имеют ценность любые индивидуальные способности и мастерство, идет ли речь о рисовании или, например, о приготовлении пищи.

Л. М.: У Запада мы научились еще кое-чему (эту мудрость нам передал украинский греко-католический священник в Париже) — грех иметь талант и его не использовать. Для нас это было откровением, потому что раньше мы жили по представлению, которое уверенно разделяли со многими соотечественниками, сознательно или нет: если у тебя талант, но твоя страна не хочет его использовать, тогда стране с тобой не повезло и ты волен, например, продавать бензин, вместо того, чтобы «мучиться над шедеврами». Поэтому решили делать каждую свою работу, как в последний раз, не взирая на сложности.

Лоу-тек

В. З.: В 1997-м осуществилась наша заветная мечта, мы основали собственное бюро под оптимистическим названием «Гаразд-Гурт Архитектуры». Получили лицензию на строительство, которая также включала реставрацию исторических зданий. В советское время мы научились справляться с большими проектами, западный опыт дал нам другое, теперь мы были готовы к заказу любого масштаба. Тогда же приступили к оформлению собственной квартиры, обустраивая на чердачном этаже рабочее помещение. Так возникла наша частная экспериментальная площадка. Стиль, который мы предпочли, назвали low tech.

Л. М.: Работа стала очень поучительной для нас во всех отношениях. Довелось приспосабливать «западные» идеи под плохие материалы и недостаточные ремесленные знания. Каким-то образом это превратилось в нашу визитную карточку. Кроме того, нам было важно спроектировать помещение, в котором мы чувствовали бы себя хорошо — все равно, нравится это другим или нет. И наступил день, когда наша квартира неожиданно стала знаменитой.

А.С.С: Много воздуха.

В. З.: Летом мы всегда открываем балконные двери — вид замечательный. Просыпаюсь, смотрю вверх. Ну и ракурс! Дыра в потолке, лестница! Совершенно не «по-фэншуйски» спать под лестницей.

Л. М.: Пространство нужно делать гуманным. Могу смотреть на свой стол и не узнавать, и терять эти вклеенные этикетки тысячу раз! Безумное наслоение информации на квадратный сантиметр. В таком пространстве можно жить тысячу лет. Я не только о квартире — про всё. Поняв это в масштабе города (моя диссертация посвящена градостроительству), я стала видеть это во всех пространствах.

А.С.С: Как можно назвать такой подход?

Л. М.: Очень подсознательный.

В. З.: Настоящим опытом для нас стало участие в проектировании здания канцелярии посольства Королевства Нидерланды в Киеве, которое было сдано в эксплуатацию в сентябре 2001 года.

Посольство Голландии

В. З.: Тендер на проектирование был выигран Atelier PRO из Гааги, возглавляемого Хансом ван Беком. Объявление тендера на посольство в Киеве и нидерландское посольство в Берлине (архитектор Рем Кулхас) было одновременным. Удивительно, но вопреки всему, что мы знали об украинской бюрократии, посольство в Киеве было готово раньше, чем посольство в Берлине. Хотя, если бы не главный архитектор Киева Сергей Бабушкин, кто знает…

Л. М.: Мы познакомились с Хансом Ван Бек в ноябре 1997 года, и он предложил сотрудничество. На протяжении нескольких лет этот проект был нашим важнейшим заданием и помог создать полноценное архитектурное бюро. Наша главная «прибыль» состояла в том, что проект был пережит нами вместе с голландскими архитекторами от самого начала и до конца строительства. В дополнение к штудиям в Бельгии мы получили практический опыт западного образца, но что наиболее важно, опыт на украинской земле.

А.С.С: Голландцы люди морские: ванты, лестницы, чистое функциональное решение, как на корабле.

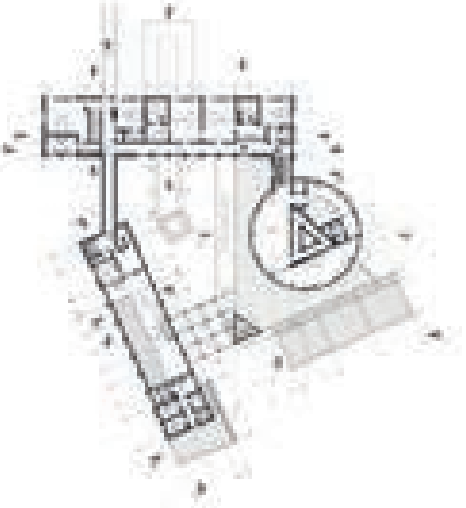
В. З.: Возможно, это то, что сидит у голландцев в подсознании. Но сами они этого не осознают. Вообще-то идея была вписаться в существующее окружение.

А.С.С: Почему же тогда возникло противостояние с Управлением охраны памятников?

В.З.: В свое время организаторы проекта не очень хорошо поступили, проигнорировав Управление охраны памятников и выдав голландцам разрешение на строительство. Тогда уже была идея создать рядом с церковью инфраструктуру для нее, с домиком священника, театральной площадью и т. д. Конечно же, Руслан Кухаренко выступил против здания посольства. Голландцам предлагались другие площадки. Кстати, неплохие. Но у посольства своя бюрократия. В 1993-м был отвод земли, голландцы свыклись с этой мыслью и в 1997-м отвечали так: «Мы просто клерки. Поезд уже ушел». И все оказались заложниками этого поезда. Голландцы были принципиальны — вот наш участок, мы будем здесь

Посольство Нидерландов на Контрактовой площади 7

архитт. Ханс Ван Беек, Рене Суверийн, Вадим Заплатников, Лариса Меркулова, 1997–2001



Вилла «Тринити» в Чепаевке под Киевом, архитт. В. Заплатников, Л. Меркулова, 2006–2012

строить. Когда было окончательно решено, что всё равно здесь будет голландское посольство, Кухаренко подошел к делу по-своему принципиально — здание обязательно двухэтажное, в стиле памятника архитектуры слева от него. Голландцы не согласились, и мы не согласились. Здесь удался редкий синтез архитектуры и искусства — то, о чем мы могли только мечтать. К проекту были привлечены одиннадцать художников, которые выполняли настенные росписи, скульптуру, художественное стекло, мозаику. Позднее нас спросили, что это за стиль? Ответ был: украинское барокко постиндустриального периода. В августе 1999-го мы укрепили наше бюро, в которое пришел Андрей Хмелёв, студенческий друг Вадима. Вместе мы чувствовали себя довольно сильными, могли разрабатывать параллельно несколько проектов и приняли на работу больше людей. И все же решили блюсти размер небольшой фирмы, выполняющей одновременно ограниченное количество заказов, но контролирующей достойное качество каждого из них.

А.С.С: Об особенностях профиля мастерской?

В. З.: Мы пытаемся избегать специализации и каждый раз пытаемся испытать нечто новое (сейчас, например, оканчиваем реконструкцию стоматологической клиники). Хотя в Киеве нас уже можно считать специалистами по дипломатическим зданиям, потому что за нидерландским посольством последовало бельгийское, для которого мы перепланировали помещения, а затем — реконструкция резиденции посла Нидерландов. Добавьте в этот послужной список два бельгийских пивных кафе, и вот вам специалисты почти по Бенилюкс.

Л. М.: Ау! где ты, Люксембург?

В. З.: Я раньше думал: должен же быть какой-то собственный стиль, чтоб тебя от других отличали. Почерк. И мы пришли к выводу, что стиль — это не обязательно быть заведомо отличным от других, используя определенные формальные приемы, рамки которых потом тебя же и ограничивают. Можно, наоборот, погружаться в ситуацию — заказчик, его требования, градостроительная ситуация. Как щепочка — погрузился, тебя понесло, и вот стиль. Пропустить через себя или себя через течение! Стиль на разных объектах разный. Это именно твоя чувственность ко всем обстоятельствам.

Чтобы определить собственную нишу на архитектурной сцене Киева, нужно, прежде всего, определить доминирующие тенденции. Это не особенно тяжело, потому что их лишь две. И они абсолютно противоречат друг другу. Первая из них, «современная», рассматривает историческую часть Киева как экспериментальный полигон для современной архитектуры. При этом историческая застройка служит готовым фоном для новых красот. Другая, «консервативная», вообще запрещает новые архитектурные решения в историческом ядре и требует, чтобы свободные пространства были застроены домами, которые выглядят «как до революции». По этому принципу в XXI столетии можно спокойно строить церковь в византийском стиле или барокко, и даже регистрировать ее как воссозданный исторический памятник (то, что прозвали макетом 1:1). Для Киева печально, что между этими двумя позициями ничего нет, почти ничего.

А.С.С: То есть «третий путь»?

В. З.: Неизбежно архитекторам-аутсайдерам, и возможно не только им, приходится искать для себя некую «золотую середину», чтобы держаться подальше как от слепого сэкондхэндовского копирования современной архитектуры Запада, так и местной исторической архитектуры. Для этого нужно просто по-настоящему любить Город, знать его историю, войти в его миф, в его старые дворы, быть в нем как дома. Но чтобы сохранить эти метафизические качества, требуется много больше усердия, чем для тиражирования зеркальностеклянных фасадов.

Л. М.: Понятие «дух места», осознаное в среде архитектурной элиты у нас в 1980-е, проникло в массовое сознание и стало до неприличия модным. Но дело в том, как интенсивно его используют и по какому поводу. Калькировать фасады XIX века — это не «дух места».

В. З.: Еще до Бельгии мы интуитивно ощущали, что город — это книга, что-то было сделано в одном веке, что-то — в другом. Это делает город городом. Президент центра, где мы учились, был одним из авторов Венецианской хартии. Ее суть: старое аутентичное — это старое аутентичное, а новое — это новое. Надстроил этаж, сделай его нейтральным и современным, чтобы подчеркнуть историчность того, что под ним. Чего в Киеве почему-то абсолютно не понимают.

На экзамене я сказал: «Спасибо вам за то, что вы мне дали». А он мне: «Вы знаете, а вот в Японии по-другому. Там не важно сохранять аутентичность материалов и храмы каждые двадцать лет перестраивают». Я говорю: «Но мы же Европа! мы же не Япония!» Потом мы возвращаемся и видим, что мы не та Европа. И, наверно, ничего плохого в этом нет. В конце концов, надо признать, что посредственное «псевдоисторическое» здание в контексте городского окружения часто выглядит менее агрессивно, чем «псевдосовременное».

Л. М.: Вообще-то Киев настолько сильное место, что переживет всё, поболеет, что не нужно — выболит. Просто жалко себя, разумного — присутствовать при том, как его интенсивно «заболевают». Если западный архитектор, строя в Киеве, пользуется архитектурным языком, на котором он привык говорить в Лондоне, Нью-Йорке или Токио, всё в порядке. Но для зодчих, имеющих здесь корни, нужно развивать собственный архитектурный язык, находящийся в согласии с менталитетом, памятью и метафизикой *этого* места. Ведь много проще разговаривать на своем родном языке. Так же и в архитектуре, применяемый местными архитекторами современный интернациональный язык так же слаб, как в большинстве случаев их английский, и к тому же имеет ужасный акцент. Те же, кто пытается говорить на древнегреческом (или византийском), староукраинском или древнеславянском, кажутся еще менее владеющими этими языками.

А.С.С: Может быть, стоит подумать о своем диалекте?

В. З.: На практике осуществить это тяжело: «киевский диалект» в архитектуре сейчас отсутствует. Однако его можно обнаружить в памятниках украинского барокко. В доходных домах на переломе XIX–XX столетий, которые всё еще держат город, и, наконец, в послевоенном Крещатике. Наш бельгийский профессор сказал, что им пришлось «проституировать» Брюссель — цена чтобы стать столицей ЕС и НАТО. А для чего, собственно, мы проституируем Киев? Если нам не удастся вновь обрести идентичность, мы навсегда останемся нацией второго сорта с архитектурой из вторых рук, такою собі країною «У».

А.С.С № 2 '2003

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЛОФТ НАД ПЕЙЗАЖКОЙ

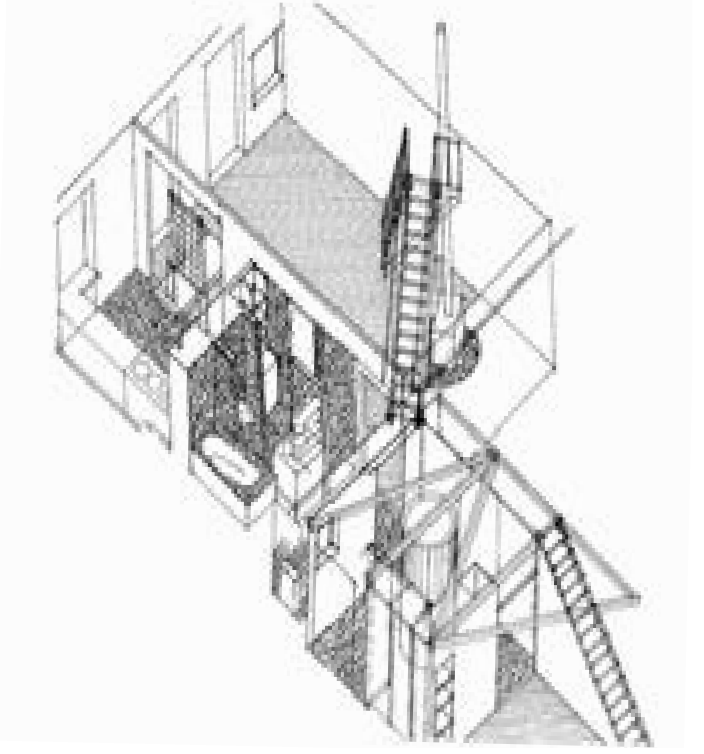
В бытность свою незабвенной памяти Виктор Розенберг, создатель нового Подола, посетив развороченный интерьер будущих апартаментов наших героев, восторженно возопил: «Да это же настоящий лофт!» Именно он — первый исторически зафиксированный в городе Киеве. Когда, в результате реконструкции, к квартире присоединяется и отвоеванный у дикой природы чердак, переоборудованный под мансарду. Явление, ставшее повсеместным, тогда, в 1997-ом, слыло феноменально уникальным.

Архитектурная чета, вернувшись из Бельгии, где они в течение четырех лет аспиранствовали в одном из европейских архитектурных центров, занимаясь ревитализацией припортовой зоны Антверпена, решила создать квартиру-ателье, где можно было удобно жить и одновременно работать в оснащенном всем необходимым бюро, с привлечением других архитекторов и техников. Замысел удался на славу. Квартира быстро стала знаменитой и обрела реноме модного светского салона, где во время одной памятной вечеринки присутствовало два посла, включая американского, на обоих этажах играли камерный ансамбль и джаз-банд, и роилась тусовка — полторы сотни представителей золотой молодежи и платиновой зрелости. А, главное, квартира стала рекламной визиткой, и сделала тандем Заплатников-Меркулова ультрамодными интерьерщиками столицы. Просто нарасхват.

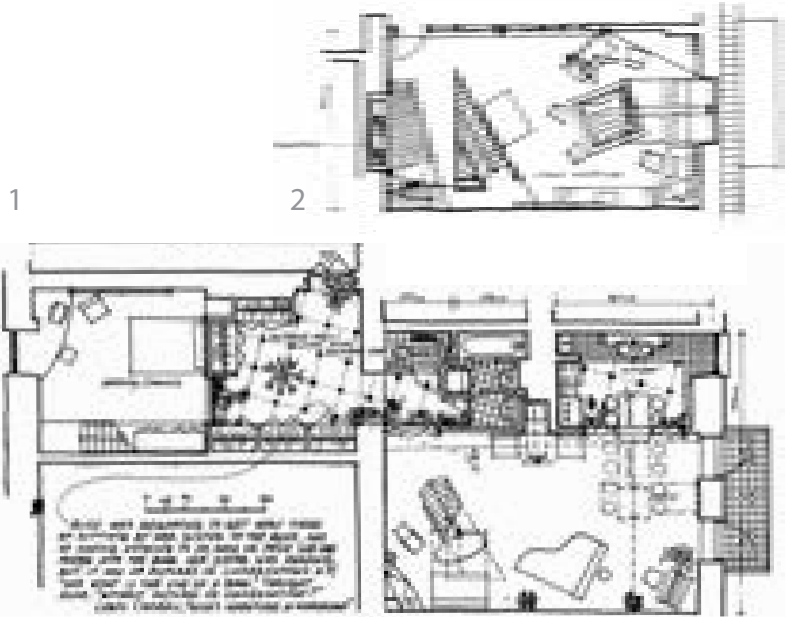
Они первыми ввели в постсоветское пространство, как антитезу «хай-теку», термин «лоу-тек», основными компонентами которого являлись необработанное дерево, ржавый металл, фанера… Парадоксально, но минимализм, основанный на статус-кво скудного отечественного рынка стройматериалов и смелом поиске альтернатив, в результате блистал барочной роскошью. И потому стиль 130-метровой квартиры

Лофт-бюро «Гаразд-Гурт Архитектуры», ул. Большая Житомирская 26Б
архитт. Вадим Заплатников, Лариса Меркулова, 1997–1998

Лофт архитектурного бюро «Гаразд-Гурт Архитектуры»
архитт. Вадим Заплатников, Лариса Меркулова, 1997–1998

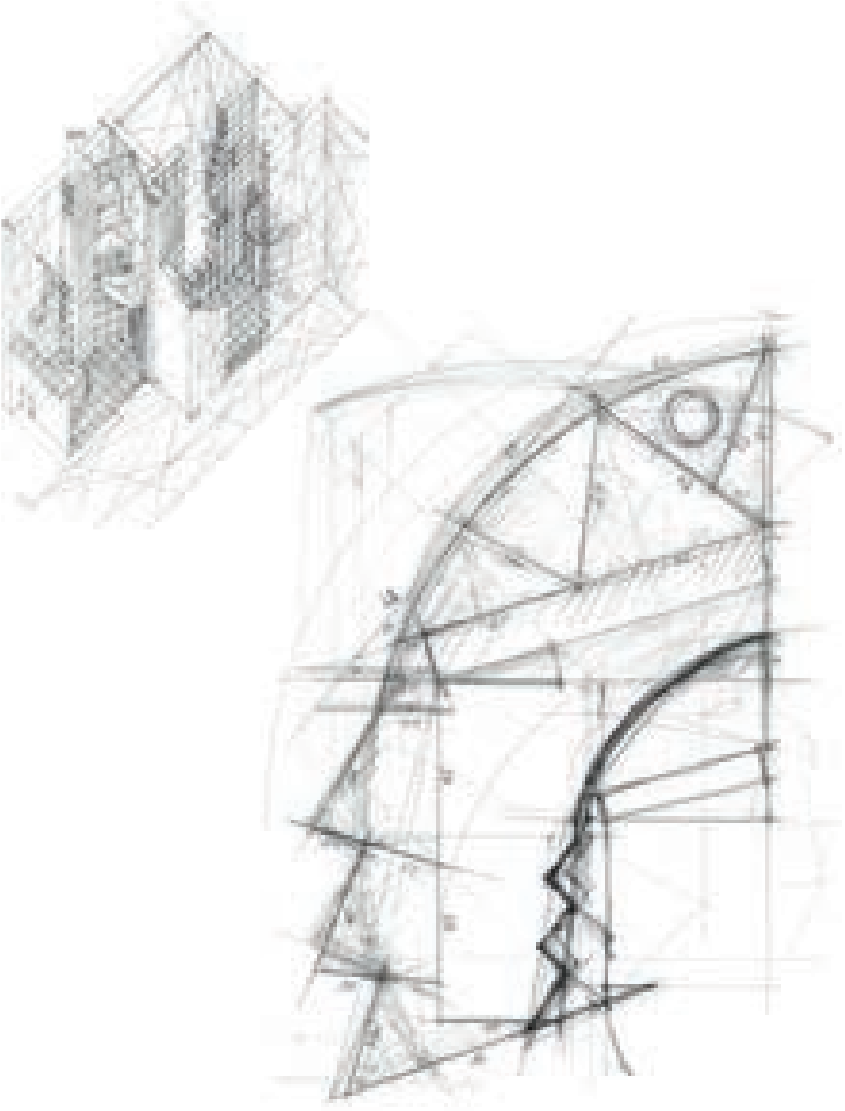


в шутку был наречен «украинским барокко постиндустриальной эпохи». Стены и потолок, выкрашенные дешевой краской «хаммерайт», выглядели краше, чем покрытые модной «венецианкой». Нарочитая, структурно уложенная плитка цвета ультрамарин, как в гастрономах 60-х, которая пронизывает интерьер от кухни до холла, на самом деле навеивает ассоциации с шедеврами Гауди. Монументальный холл мемориально серебрится скрижалями, на коих процитированы первые две с половиной страницы «Алисы в Стране Чудес» Кэрролла. Те самые, где появляется Кролик и Алиса падает в бездонный колодец… А в углах из-под карнизов топорщатся лукаво-демонические виньетки из первых



кэролловских изданий — под гирляндами серий почтовых марок в авторском исполнении Вадима. Кованные из металла деревья-вешалки только усиливают сказочную инфернальность среды. Зеркало, призванное компенсировать затемнение и глубину гостиной, обусловленных восьмиметровым пролетом, стало концептуальной манифестацией. Оно украшено фанерно-рельефной фигурой принца Чарльза, известного покровителя и теоретика зодчества, с которым наши герои встречались персонально, и его исторической фразой по-английски: «Что-то пошло не так…» Смысл ее отнесен к потере современной архитектурой гуманистических начал и традиций. Сюда, в гостиную, вместо кандовой центральной люстры-паникадила, выплыл из стены фюзеляж самолета с крыльями, усеянными стразами светильников. Вадим жалеет только, что пропеллер не был приспособлен вовремя под вентилятор, что предало бы экзотическому атрибуту абсолютную функциональность.

Пол мастерской на втором уровне — карта Киева, худ. Александр Матвиенко, 1998



Санузел и каминный уголок «Гаразд-Гурт Архитектуры»

архит. Вадим Заплатников, 1997

Жести самолета из угла вторит модерняцкая «рыбка», служащая защитным обрамлением для вполне традиционного камина. И все же многие будоражащие фантазию решения были не произвольны, а следствием жесткого диктата уже исторически сложившегося «genius loci». Например, когда дислокация камина была строго обусловлена привязкой к вакансиям дымоотвода. Или авангардный треугольный проем в перекрытии — куда ведет красотка-лестница на одной осевой опоре, сложенной из двух швелеров — который можно было пробить только в этом месте, свободном от балочных конструкций.

А на втором уровне, под крышей — собственно ателье, орлиное гнездо «Гаразд-студио», в раскрылиях кульманов, осененных объемистой профессиональной библиотекой, в виражах витражей и символическим штурвалом на шканцах. На полу — карта Киева, нанесенная вручную, с перспективой обозначения на ней реализованных проектов. Над этим чудо-интерьером корпела-радела целая дюжина художников. И среди них выдающиеся современные мастера — живописец-декоратор Александр Матвиенко и скульптор Александр Ридный.

«Как архитекторы мы стоим на плечах у других архитекторов» — серьезно шутит Заплатников, памятуя опыт и преемственность как залог архитектуры будущего. При этом он не рекомендует томиться в прокрустовом ложе изначально заданного стиля, избегая абсурдной ситуации, распространенной среди местных заказчиков, когда они требуют от архитектора все, вплоть до подбора мебели, цвета занавесок и обивки кровати. А впоследствии рабски «блюдут штиль», боясь повесить фотографию мамы на стене или сменить торшер. А потому и видавший виды джинсовый диван, и модерновое кресло «из кожи Голиафа», «мамино наследство из Парижа», и легендарный концептуальный стул «Толик» являются подлинными одухотворенными обитателями этой квартиры, подтверждая архитектурно-философское кредо Альдо ван Эйка: «Места, которые мы помним и чувствуем, смешанные с настоящим, предают пространству подлинную глубину».

Варел Лозовой

A+C № 1–2 ’2013

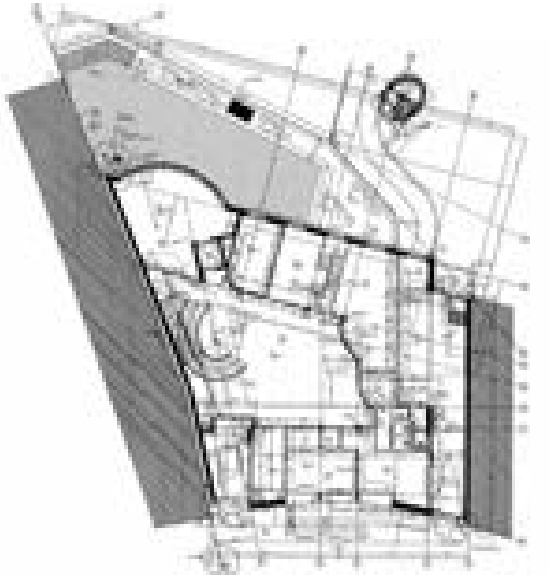
КОРАБЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ
ГОЛЛАНДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО НА ПОДОЛЕ

Если, по Платону, греки расселись по средиземноморским берегам, как лягушки вокруг болота, то киевский Подол окружает здание Голландского посольства, как Северное море — отвоеванный у стихии Роттердамский порт.

Не будь в посольстве атриума, не было бы и столь выразительного интерьера. Планируя атриум, голландские архитекторы из Atelier PRO позаботились также об активной коммуникации сотрудников — работники, находящиеся на разных этажах, всегда смогут сказать друг другу простое hello. Украинским адаптером голландцев выступил «Гаразд-Гурт Архитектуры».

Посольство Нидерландов в Украине

архитт. Ханс ван Беек, Рене Суверийн, Вадим Заплатников, Лариса Меркулова и др., 1997–2001



После реализации идеи проектировщики и заказчики по достоинству оценили и другую ценность атриума. Он стал ядром здания. Во время открытия посольства приглашенные по этому случаю музыканты продемонстрировали не только великолепную игру, но и небывалые акустические качества пространства атриума. Рабочие помещения обшиты перфорированным гипсокартоном, что служит отличной звукоизоляцией офисам. В интерьере помещений входной группы и визового отдела использована теплота натурального дерева и прохлада серого гранита. Керамическую облицовку санузлов и лестничных площадок, проходящих в Украине под названием «брекчия», голландцы назвали на свой манер — «брейк хард». Сочетание качественной плитки с битой внесло в строгое посольство Нидерландов непосредственный украинский колорит. Портрет королевы Голландии Беатрикс, выполненный ее подданным Иеронимом Хэннэманом, украшает стену против входных дверей посольства. Чернобелая композиция «Ворота восприятия» и картина «Из-за» стали неотъемлемой

Посольство Нидерландов в Украине, Контрактовая пл. 7, план и двор

Посольство Нидерландов, корабельный интерьер

частью декора. Старинный черный рояль, который вскоре планируется разместить в атриуме, станет завершающим аккордом интерьерной композиции. Рассуждая о стилевом настрое здания, бродя его пространствами и лестницей, нельзя не пойматься на мысли, что где-то тебе такое попадалось. Речь не о том, что архитектор у кого-то что-то позаимствовал: нет, речь о том, что в этих пространствах ты уже находился.

Первое, что приходит на ум, — метаморфические рисунки М. Эшера, тоже, кажется, скандинавца. Но если, разглядывая его визуальные констатации, чувствуешь, что художник намеренно хочет тебя одурачить, приведя в восторг невозможностью материализации плоскости в многомерность строительного материала, то авторам нашего здания это удается на славу. Более того: то, что у Эшера доставляет наслаждение только глазу, здесь насыщает удовольствием естество. Собственно, это и есть художественная задача архитектурной формы, которая и отличает ее от формы искусства. Название «корабельный стиль» — конечно же, условно (как и всякое характеристическое прилагательное к слову «стиль»). Однако, идя на такую характеристику, мы имеем в виду не столько дух, который вкладывался голландцами в именование первого российского императора «саардамским плотником», вожделевшего прорубить известное всем «окно», не столько запах свежей древесины на холодных северных верфях XVII века, сколько добрую трубку-носогрейку с голландским табаком — лучшим в мире, и возможность сквозь пресловутое «окно» вторгнуться в податливое историческое тело киевского Подола.

«Плывет корабль, как лебедь-громовержец», — наверняка отреагировал бы лицеист Пушкин, будь он наш современник. Подол остался Подолом, приобретя еще одну черточку европейскости.

Михаил Астанин

А.С.С № 1 '2003

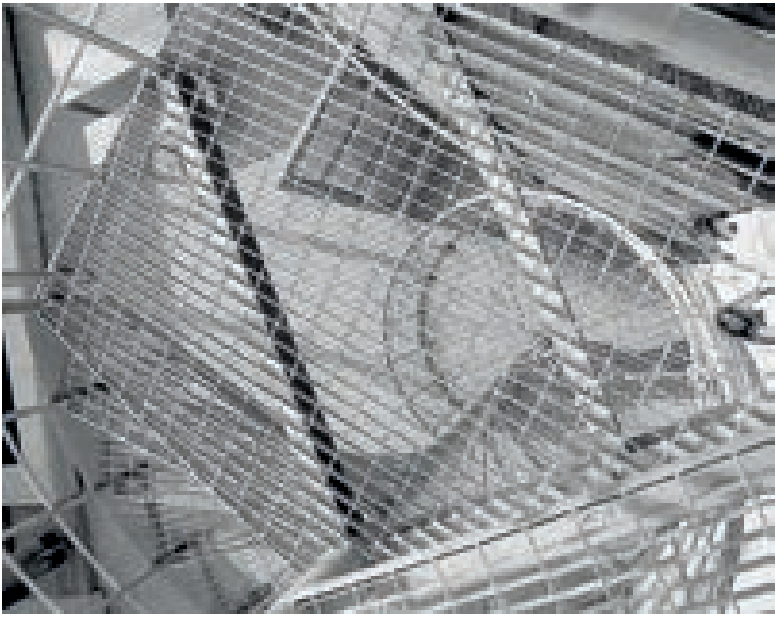
БЕЗ СТИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ

Площадка для посольства Нидерландов перед застройкой

Два дома на Контрактовой площади: двухэтажное XVIII века и четырехэтажное конца XIX века. Между ними дырка. По поводу места жили легенды: семейная усадьба Григоровичей-Барских; туалетно-гостевая инфраструктура Успенской церкви; некий амфитеатр, где должна была звучать опера «Князь Игорь» на Подоле. И вдруг — Голландское посольство! С легендарным мисвандерроевским «что?» все стало ясно. Однако, оставалось не менее легендарное мисвандерроевское «как?» А для этого нужно было понять место, его дух и просто сберечь, «транслировать», единственное принципиальное условие — современными средствами.

Мы живем сегодня и воспринимаем Город, как книгу, которую можно читать и где можно понять, когда (то есть в какой исторический период) здание было построено. Ведь именно таким образом город и становится «историческим». Оба примыкающих здания были

Вид из окна Голландского посольства: церковь Богородицы Пирогощей в формах XII в.
архитт. Юрий Асеев, Владимир Смирнов, Руслан Кухаренко, Виталий Отченашко, 1997–1998



охарактеризованы голландскими коллегами как «богато декорированные». Поставлено задание самим себе — соответствовать сложившейся ситуации, не уступить в качестве (в современном профессиональном понимании «качества» и «не уступить»). То есть придумать добротное здание, облицованное камнем местного происхождения, а не просто зеркальную вставку-стекляшку, например.

Современная интерпретация «богатства отделки» состояла в достижении того же уровня визуальной сложности благодаря использованию разных фактур камня: гладкой, рифленой и рваной. Отсутствие пилястр компенсировано «танцующими» окнами, смещенными относительно друг друга на разных этажах. Силуэт в ущерб полезной площади здания «градостроительно» корректно соединил двухэтажное здание с четырехэтажным, завершая ансамбль площади.

Внутридворовая лестница в традиционном голландском стиле

По предложению Сергея Бабушкина, горячо поддержавшего проект, портал главного входа был несколько заглублен (первоначально он планировался в плоскости фасада). Кстати, о трех входах: центральном в само Посольство, правом в Консульское отделение и левом в гараж — они расположены соответственно трем подворотням-проездам здания-предшественника.

И последний штрих, лакомый кусочек — примыкание нового здания к угловой пилястре, венчающей двухэтажного соседа. Здесь имела место долгая дискуссия и множество вариантов. В результате, пожертвовав площадью офисного помещения, удалось создать «изюминку», которой мы до сих пор, совместно с голландскими коллегами, продолжаем «скромно гордиться». Этакая смесь экстравертности с интравертностью. Пилястра примыкающего здания стала элементом интерьера офиса.

Верхний «выход» и подольский контекст

Посольство Нидерландов, внутренний двор

Вспоминается процесс согласования проекта на комиссии одной из официальных инстанций. Тогда было высказано много любопытных предложений, как, например, разместить подобное здание на Окружной или Оболони. Однако, особенно интересным показалась сравнение фасадов исторических зданий в этой части Контрактовой площади с неким «хороводом на Венецианском карнавале», где «раптом поруч із елегантними танцюристами в ошатних костюмах виходить хтось у робі».

Выступая на четвертом (!) по счету Градсовете, посвященном проекту Посольства Нидерландов (кстати, на каждом из них давалась положительная оценка проекта, но потом вновь начинались «волны») архитектор Ханс ван Бек, директор Atelier PRO из Гааги, демонстрировал фотографию старинных настенных часов с маятником. Он объяснял: «В свое время маятник был необходим часам не для красоты, а функционально, то есть для отсчета времени. В наши дни механизм часов, собственно отсчитывающий время, устроен иначе, гораздо компактнее. Нужно ли добавлять к нему “маятник”, так сказать, для красоты?» Вот так оно и случилось, в контексте и без стилизации.

Лариса Меркулова

А+С № 5 ’2004

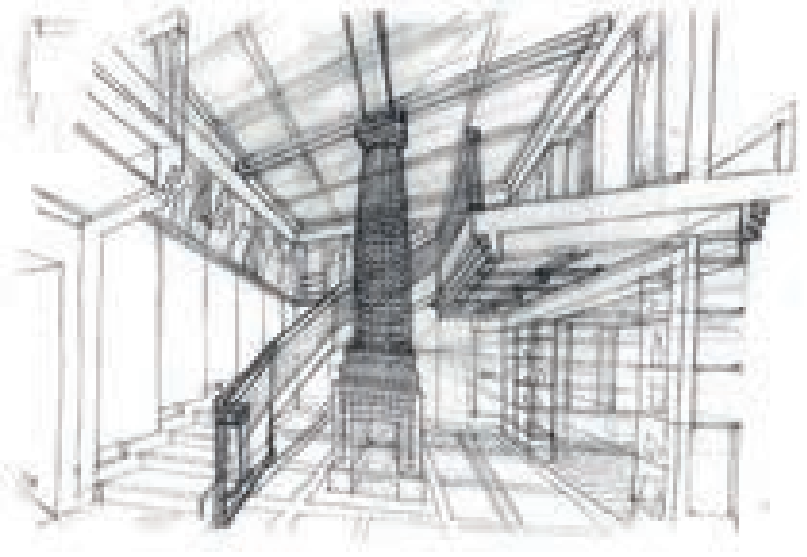
ИНТЕРЬЕР С КОЛОННОЙ ОТ ЛООСА

В процессе развития человек переживал вихрь сменяющихся формаций. Созидательный период, когда изобретались колесо, колонна, арка, свод, металлическая ферма и бетонная плита, сменялся потребительским, в котором созданное цитируется, шлифуется, за-тирается, утрачивается, чтобы заново воскреснуть. Первое — культурный процесс, второе — цивилизационный. Опираясь на рассуждение Шпенглера, легко уразуметь и объяснить каждый человеческий продукт, идентифицировать его, пронумеровав и приклеив «лейбл». Американская и общеевропейская система ценностей постмодерна уже придумана и успела получить оценку. Постмодерный подход цитирования и компиляции для воздвижения новых условий обитания человека эпохи цивилизации в культуре с аллюзией к классике крито-ахейцев — так поясняют свой объект архитекторы из бюро «Гаразд».

Многоуровневое пространство жилища с центральным семиметровым атриумом, вокруг которого закручена интрига, фиксировано дорической колонной. В холле композиционно и функционально была нужна вертикаль: эту фигуру, разделяющую пространство первого этажа на несколько зон, стоило обосновать. Так форма спровоцировала функцию. Развивая тему, авторы выбрали именно колонну как наиболее емкий символ.

Проект здания-колонны «Чикаго Трибьюн», выполненного в 1922 году пятидесятидвухлетним Адольфом Лоосом, остался на бумаге, хотя идеологически был гораздо смелее реализованного чикагского небоскреба в устаревшей романтической неоготике. Немец Лоос, возможно, даже и ненадеялся, что его концепт-идея 35-этажного здания будет воплощена в металле. Почти через столетие, с педантичной точностью (насколько это позволила технология) дорическую колонну собрали в одной из киевских квартир. Этот макет в масштабе 1 : 10

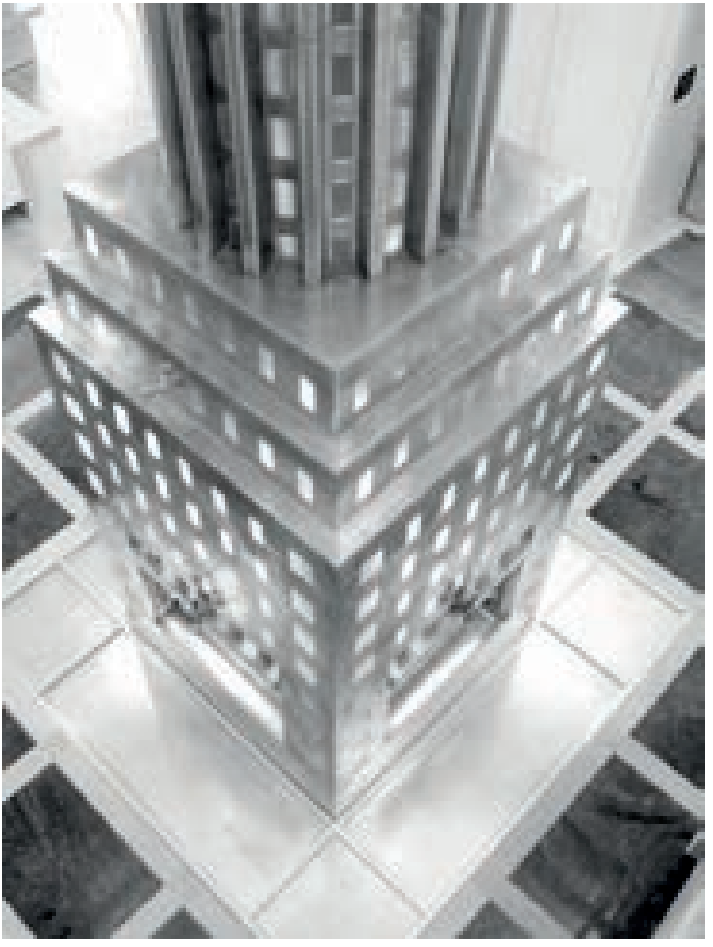
Интерьер вокруг дорической колонны Адольфа Лооса «Чикаго Трибьюн»
архитт. Лариса Меркулова, Вадим Заплатников и др., 2002–2004



скрывает внутри горячий пыл камина, а самый ствол, светящийся сотней окон, — завуалированная труба-дымоход. Внутри колонны скрыта механика, подымающая четыре огнеупорных стеклянных щита. Они закрывают каминное жерло. Колонна-камин встречает, интригует, настраивает на разворачивание интриги: что дальше? И зритель не обманывается, отыскивая глазом новую интересность. Вдоль лестничных маршей течет декоративный фриз с мотивами отдыхающих среди нью-йоркского Сентрал-парка людей — этакий расти тельный оазис среди урбанизированного камня. Настенные фризы напоминают о роли мягкой домашней атмосферы, контрастирующей с жестким духом мегаполиса.

Геометрически отточенный рисунок дверей, выдуманных для входа в банк архитектором Карлосом Скарпой, вписываются в общий стиль квартиры, в том числе и в стиль ар-деко.

Интерьер с колонной «от Лооса», архитт. Л. Меркулова, В. Заплатников, Т. Фёдорова
А. Дубенчук, А. Пархоменко, скульптор Александр Ридный, худ. Александр Матвиенко, 2002–2004



Печка-Лоос, конструктор Михаил Маламуд, 2004

Из стены второго этажа, расположенной над входом в квартиру, выступают фигуры genius loci: две женские и две мужские; и лари-шухлядки для хранения мелочей. В римской мифологии домашним богам — ларам — возлагались цветы и делались возлияния вином и молоком. Древние называли Гением божество всякого места, вещи или человека.

В 1817 году воспитанники Царскосельского лицея Дельвиг, Илличевский, Кюхельбекер, Маюшкин и Пущин, заручившись согласием директора Энгельгардта, установили у лицеистского флигеля мраморную глыбу с высеченной надписью «genius loci»: это был первый памятник Поэту. Друзья Пушкина желали, чтоб камень с такой надписью напоминал потомкам о месте, в котором расцвел его гений.

Еще через двести лет понятие «гений места» получило широкий смысловой диапазон, а появлению шкафчиков и фигурок бюро «Гаразд» можно придумать иную версию-объяснение: они не теряют от этого привлекательности.

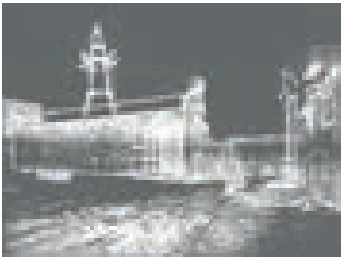
Из гостиной открывается панорама на центр древнего города. Зеркальная стена растворяется, увеличивая объем комнаты, впуская в интерьер громадный кусок неба и города с куполами да зеленью. На потолке гостиной солнечные блики теряются среди гипсовых стеблей, жуков и улиток. Имитация бетонных бордюр в натуральную величину служит обрамлением потолочной розетки с «газоном».

Стоит заглянуть в небольшое, но очень нужное, иногда крайне необходимое помещение: стена в гостевом клозете украшена акриловой репродукцией картины американца Хуппера. Автозаправка с резервуарами, бачками, разным механизмом, счетными устройствами и подающими жидкость трубками соответствует содержательной функции этой комнаты.

В итоге интерьер технологически необычен, умственно свеж и практически сноровист.

Михаил Астанин
А+С № 3 '2004

PROMENADA CENTER



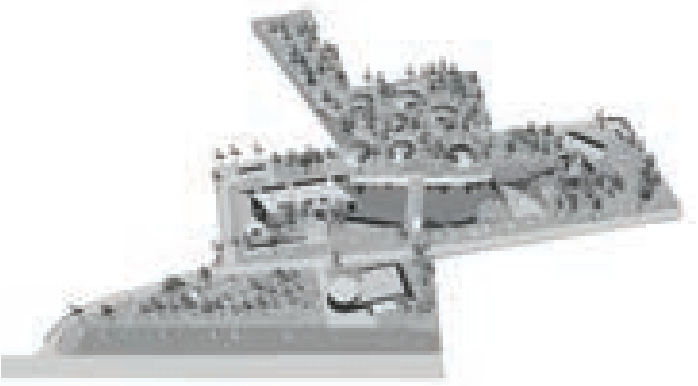
Метаморфоза промышленного гиганта социалистической эпохи вызвана его новым статусом. Вертикальный ориентир — башня- маяк высотой 33 *м* со скульптурным завершением «зазывает» еще на дальних подъездах. Внутри винтовая лестница, ведущая на остекленную смотровую площадку. Пятьдесят серебристо-серых метров фасада решены как рекламный баннер с логотипом. Алюминиевые, покрытые искусственной патиной скульптурные группы высотой 3 *м*, артикулируют входы и, по замыслу авторов, участвуют в организации движения покупателей. В выразительном силуэте, насыщенном скульптурной пластикой, прослеживаются черты ар-деко, доминирующего стиля 1930-х. Этот веселый проект оказался фантазией только потому, что не был реализован полностью.

А+С № 1 '2004, № 2 '2014

Молл Promenada Center, ул. Овручская 18

архитт. Вадим Заплатников, Лариса Меркулова, концепция, 2003

ПАРТИЗАН-КЛУБ В ОБУХІВСЬКОМУ ЛІСІ



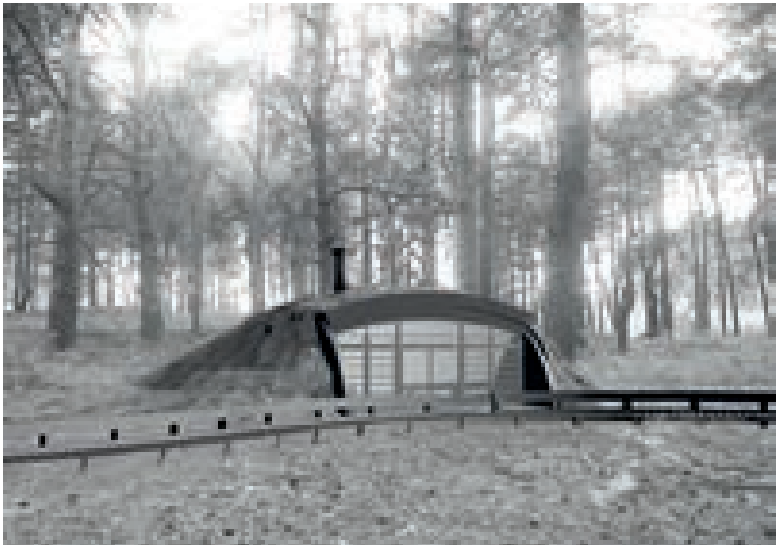
Об'єкт розташовано вздовж автомобільної траси Київ–Обухів, на ділянці з водоймищем в оточенні соснового бору. Прототипом головної споруди послужила закарпатська гражда, — мегабудівля, що в ній зовнішні стіни власне будинку продовжуються, утворюючи паркан-стіну, що захищає подвір'я.

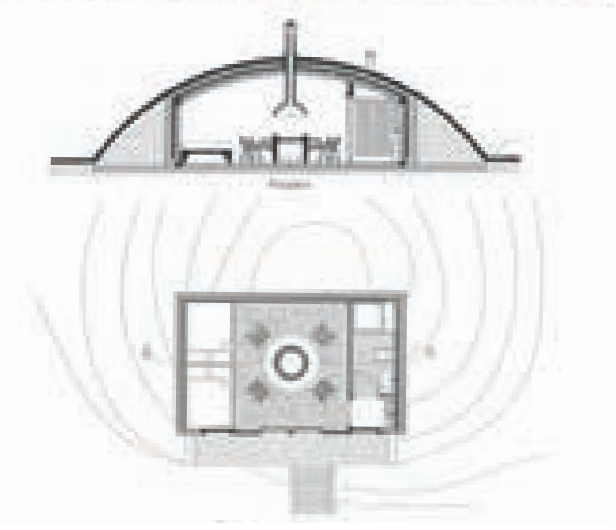
Для загальної виразності композиції та для того, щоб зробити комплекс помітнішим з боку шосе було споруджено «сторожову вежу». увесь комплекс споруджено з дерева (закарпатська смерека) руками закарпатських спеціалістів, з використанням традиційних технік та вузлів. Конструктивна система — каркасно-балкова зі стінами та перегородками з брусу (прямокутного в перетині). Саме така можливість праці з деревом та іншими екологічними матеріалами та традиційними техніками і привабила авторів до участі в проекті. Планувальна конфігурація головної споруди (латинська літера «і») була зумовлена кількома факторами: оптимальним розташуванням щодо в'їзду з шосе, озера і найголовніше, намаганням зберегти існуючі на ділянці дерева.

Готельно-ресторанний комплекс «Партизан-Клуб» на Новообухівському шосе

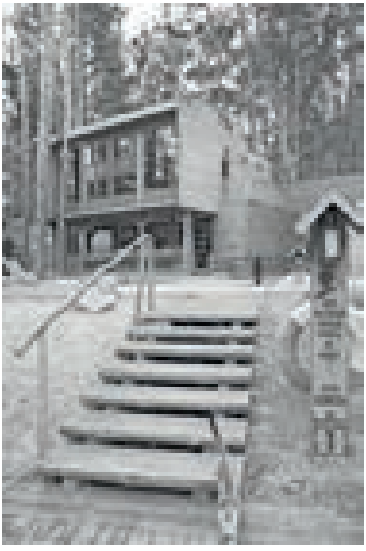
архітт. В. Заплатніков, Л. Меркулова, О. Лубенчук, Г. Судимак, О. Заброда, 2003–2006

В'їздна башта до клубу «Партизан», 2003–2006





Землянка для дозвілля і відпочинку



На долішньому поверсі знаходяться зали ресторану та приміщення кухні. Нагорі міні-готель. Увесь внутрішній периметр подвір'я зайнято критими терасами. Найбільшу з терас розташовано над озером. Додаткові літні зали ресторану займають два нижні рівні «сторожової вежі». В декоруванні активну участь брали митці з Білорусі. Окрім головної споруди «гражди» авторами було виконано проект рибальського селища (комплекс міні-бухаликів вздовж озера), дитячий розважальний центр та ін., в тому числі комплекс готельних бунгало у вигляді екологічних «землянок» з іншого боку озера (ця частина проекту змінена замовником в процесі реалізації) Варто зауважити, що дах головної споруди мусив бути засаджений травою, відповідним чином запроектовано покриття. Реалізація цієї частини проекту суттєво б змінила загальний образ комплексу, додаючи йому більше оригінальності й органічності щодо природнього оточення.

Вадим Заплатніков

А+С № 2 '2004, № 3 '2007

ДВОЄ ДОЖІВ ПІД КИЄВОМ

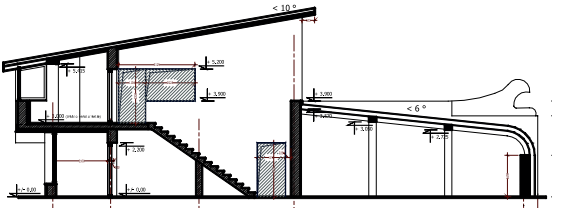
Об'єкт площею 1214 кв. м розташовано в мальовничій місцевості під Києвом, вздовж узбережжя затоки Дніпра. Комплекс складається зі сполучених між собою об'ємів різної конфігурації та різної поверховості (від одного до двох). Такими є: житловий корпус (орієнтований на річку), панорамна вітальня-клуб, комплекс басейну, зала багатофункціонального призначення (в двох рівнях). Разом ці споруди утворюють підковоподібну структуру з внутрішнім патіо, оточеним відкритими терасами.

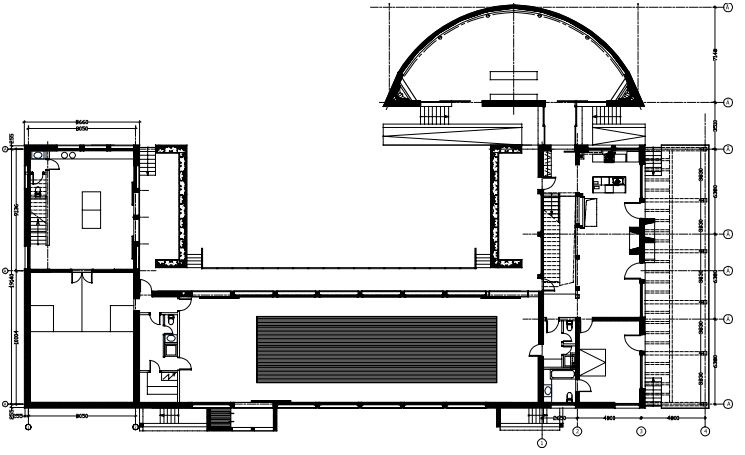
Якщо житловий корпус (також з терасою) є орієнтованим на річку (північний схід), тераси внутрішнього патіо орієнтовані як на північний схід так і на південний захід, що в залежності від часу дня надає можливості перебування як на сонці, так і в затінку. Крім того патіо послуговує природнім прихистком за вітряної погоди. Окремим елементом (поєднаним за стилем та оздобленням з рештою комплексу) є споруда блоку підсобних приміщень (гараж, технічні та складські приміщення, охорона) на в'їзді. Цю споруду відділяє від решти комплексу відкрита автостоянка. Диференціація окремих елементів комплексу на різні об'єми (поєднані між собою) дозволила функціонально масштабувати загальну структуру, запобігаючи утвореню єдиного мегаоб'єму. Такий підхід також дозволив урізноманітнити загальне візуальне сприйняття комплексу, що побудоване на композиції з різних силуетів, з домінантністю двох димарів від коминів блоку панорамної вітальні-клубу. Важливими композиційним елементом виступає також вісь, що веде до входу до головного (житлового) корпусу та панорамної вітальні. Завдяки прозорості вхідного тамбуру відбувається візуальне поєднання внутрішнього патіо з річкою. Для опалення основних приміщень використовується система заглиблених в підлогу конвекторів, що дозволяє створити великі (від стелі до підлоги) світло-прозорі отвори з розсувними дверима — виходи відповідно на тераси

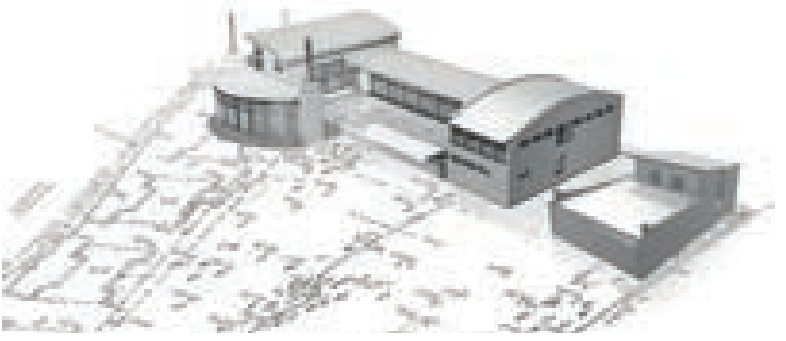
Вілла «Двоє Дожів», Козин під Києвом

архітт. Вадим Заплатніков, Лариса Меркулова, Ганна Судимак, 2004–2006

«Двоє Дожів», архітт. В. Заплатніков, Л. Меркулова, Г. Судимак, 2004–2006


< 10 °
< 6 °





«Двоє Дожів», архітт. В. Заплатніков, Л. Меркулова, Г. Судимак, 2004–2006

долішнього та верхнього поверхів. Характерним елементом архітектури комплексу є великі отвори з розсувними дверима, що завдякиїм відбувається поєднання внутрішнього простору споруд із зовнішнім природним оточенням.

Покриття дахів — мідь. Матеріали зовнішніх стін — пустотна цегла з підвищеним коефіцієнтом теплозберігання, що оздоблюється зовні дерев'яною обшивкою (канадський кедр). Перекриття — монолітний залізобетон. Матеріали підлог, в залежності від приміщень: натуральне дерево твердих порід, натуральне каміння, керамічна плитка. Для оздоблення терас застосована банкіра (тверде тропічне дерево), той же матеріал використано для зовнішніх пандусів та сходів. Дерев'яні конструкції терас головного корпусу з боку річки виконано з карпатської модрини.

Вадим Заплатніков
А+С № 3 '2007

3|11

НОВА ХВИЛЯ ВАЛЕРІЯ КНИША

НОВАЯ ВОЛНА ОТ УКРАИНСКОГО ЦЕНТРА ИММ

О ТЕРНИЯХ И ВОЛЧЦАХ
АРХИТЕКТУРНОГО ХУЛИГАНСТВА

ЕЩЕ РАЗ О ХУЛИГАНСТВЕ,
ИЛИ КАК НАМ ОБУСТРОИТЬСЯ

ПРИЧУДЫ АРХИТЕКТОРА

НОВАЯ ВОЛНА ОТ УКРАИНСКОГО ЦЕНТРА ИММ

Вначале была задача запроектировать в самом центральном и историческом центре Киева на улице Шелковичной в изнеженных и чиновных Липках жилой дом для ССУ (Селянська спілка України). Дом на участке, примыкающем к блестящему особняку доктора Ковалевского, созданному академиком архитектуры Павлом Алёшиным в 1911–1912 гг. Особняк со следами романтического византизма и в обрамлении ар-нуво, равно как и прочая вычурная и аристократическая застройка Липок — с псевдо-ампиром и сталинским классицизмом, — предполагали проект в классической манере. В кругу нынешних заказчиков это называется «в историческом стиле». Однако дело повернулось иначе.

Дом со сдвигом

Однажды в студеную зимнюю пору в Украинский центр ИММ вошел необычный человек. Необычный в том смысле, что человек этот был искушен не просто в сметах, СНиПах и прочих девелоперских премудростях, но был еще и архитектором с опытом работы главным художником Киева. В итоге Георгий Константинович Куровский, человек не простой, с винтом, принес интересную идею.

Дом получился нарочито современный: семь этажей смещены относительно друг друга по часовой стрелке — дом вращается! Архитектор Валерий Кныш сознательно принял парадигму создания «памятника архитектуры» новой эпохи, понимая, что в столь насыщенной архитектурной среде именно контрастное решение имеет шанс стать неоспоримо более уместным, чем мелкотравчатые псевдо-исторические стилизации, какими так богата практика нынешней застройки центра Киева. В итоге проект — о чудо — согласован. И согласован не благодаря, а вопреки ревнителям старины. Дело в том,

Архітектор Валерій Книш | 4.08.1958 — 27.10.2018

Оффисно-жилое здание по ул. Шелковичной 13–15/1, архитт. Валерий Кныш, Георгий Куровский, Владимир Гнатиенко, Татьяна Василенко, Валерий Товбыч, проект, 2001

Жилой дом по ул. Рейтарской, архитт. Валерий Кныш, Елена Гайворонская, проект, 2003

что проект согласовали вышестоящей организацией, Министерством культуры, так как особняк Алёшина — памятник национального значения. В министерстве к проекту отнеслись положительно, «с пониманием». В итоге проект превратился в визитную карточку УЦИММ и послужил переломным моментом к осмыслению творческого пути. Необычный фасад — намек на то, что и внутри что-то необычное, дом интригует. «В Киеве до сих пор такого в исторической зоне не делали, — комментирует Георгий Куровский. — Идет либо подыгрывание стилю рядом стоящих зданий, либо полное отрицание. Мы сделали неординарный ход». Кныш поддерживает: «Этот проект дал мастерской какой-то дивный импульс для дальнейшей работы».

Сверхзадача дома — объединение времени и пространства. Эффект динамики как образная идея получен самыми простыми инженерными средствами. В этом принципиальное отличие проекта от сверхтехнологичных «свингующих» творений Фрэнка Гери или «сдвинутых» объемов Нормана Фостера. Вполне созвучно украинской экономической ситуации. Не дорогой хай-тек, но пространственно богатый и легко реализуемый отечественный лоу-тек.

О том, как появилась идея смещенного объема здания на сложном Г-образном плане, архитектор Кныш рассказывает: «В селянской стране лучшую архитектуру должна делать “Селянська спілка”. Клянусь, если бы на месте заказчика оказался другой человек, который сказал бы: “Да что ты, да зачем оно нам надо, дайте нам простое здание!” — не знаю, получила ли бы эта тема дальнейшее развитие. Согласитесь, для того, чтобы что-то сделать, нужен человек, который скажет — да. Когда спрашивают, почему кто-то преуспевает, а кто-то наоборот, хочется ответить: преуспевают тогда, когда в нужном месте, в нужное время собирается нужная композиция людей. Не было бы этой буквы Г или К, не думаю, что удалось бы придумать что-то так быстро. Когда начали рисовать и пытаться одеть здание, искать стиль — что ни делали, нас не устраивало. Для классических форм неприемлем изгиб. Такую вещь в традиционном виде не сделаешь. И случился инсайт».

Инжиниринг, маркетинг, менеджмент

Валерий Иванович Кныш родился в Киеве. Архитектурный факультет КИСИ был закончен в 1981 году. Из учителей в первую очередь называет Якова Ароновича Штейнберга, завкафедрой Виктора Владимировича Савченко, Льва Владимировича Василенко. После окончания института попал по распределению туда, куда не хотел попасть, — в институт Гипромедпром. В институте с промышленным профилем было очень неинтересно, и архитектор поставил на карту всё что можно, чтобы выиграть ситуацию и поломать судьбу, не дожидаясь, пока истекут положенные для молодого специалиста три года, и поступил в аспирантуру.

Диссертацию защитил в 1987 году, сделав ее за два года, удивив коллег по аспирантуре. В 1989 году стал членом Союза архитекторов. Уже остепененный, возглавил сектор перспективного жилища в КиевЗНИИЭП. В бурные перестроечные годы велись активные поиски новых форм хозяйствования, большие надежды возлагались на Советы молодых ученых и специалистов. В московском ЦНИИЭПе деятельно-

стью СМУС руководил Михаил Коробов, талантливый строитель-технолог, проходивший практику на Броварском заводе железобетонных конструкций (БЗСК). Для реализации своих идей он зарегистрировал в Москве Центр инжиниринга, маркетинга и менеджмента — когда и слов-то таких не знали — и вдохновил В. Кныша на создание в Киеве украинского филиала ЦИММ. Кныш оставил сектор ЗНИИЭП и с головой окунулся в новые экономические отношения. Броварской завод (сегодня ОАО Броварской завод строительных конструкций), крупнейший в СССР производитель промжелезобетона, стал испытательным полигоном для смелых экспериментов команды УЦИММ. В годы Перестройки, когда объемы промышленного строительства значительно уменьшились, это спасло завод.

В 1989–1990 годах УЦИММ была запатентована и внедрена в производство новая система безригельного каркаса СИБЕКАР, что позволило привлечь завод к программе по отселению пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. С использованием СИБЕКАР построено несколько сотен коттеджей, начато строительство пятиэтажных домов в Кагарлыке, средней школы в Василькове. Замечателен эксперимент по адаптации и приспособлению промышленного каркаса 1.020 для строительства многоэтажного жилья. Разработаны проекты десятка таких домов, в Броварах построены два: девятиэтажный 125-квартирный и десятиэтажный 130-квартирный. В итоге получен уникальный производственный и предпринимательский опыт, концентрированно в сфере строительства жилья.

Опыт работы с БЗСК в период перевода «плановых» предприятий на капиталистический лад не прошел бесследно. Десять лет не всегда воочию результативной работы можно назвать латентным периодом развития УЦИММ. Сухой остаток очевиден: конструктивная схема с шагом колонн 7,2 х 7,2 *м* допускает свободную планировку квартир; самонесущие стены периметра создают тепловой футляр; удачный опыт размещения паркингов в цокольном этаже.

Еще одна актуальная «жилая» тема — архитектурное решение зданий, при котором невозможны непредвиденные изменения фасадов путем самостроя на балконах, в лоджиях и оконных проемах много-

«Бостон-блюз» на Срибнокильской, архитт. Валерий Кныш, Елена Збарацкая, проект, 2003

квартирных домов. Новая серия девятиэтажек Валерия Кныша совместила черты крупнопанельного и требования нового, более индивидуализированного жилища: абсолютная градостроительная маневренность; невозможность изменения внешнего вида дома после ввода в эксплуатацию; создание условий для свободной перепланировки; возможность использования первого этажа «под бизнес».

Снова о Киеве

Возвращаясь к насущным строительным проблемам Киева, заметим, что главная беда архитекторствующей публики сегодня — не технология (ясно, что не хай-тек, а свободный каркас), но стилистика, соответствующая наличной технологии, оборудованию и квалификации строителей. Вот и появляются несметные башенки и кирпичные пупырышки. Это похоже на попытки новых жюль-вернов представить себе XXI век в очках века XIX. Ну, какой он будет? Конечно, будут паровозы, но очень большие. Будут и дирижабли, еще больше. А телефоны будут еще толще. Но попытка представить будущее негодными средствами заканчиваются «Титаником», поэтому важен неординарный ход. И такой ход был найден.

В отличие от гнутых оболочек Гери и современных «фигур вращения», которые изначально рисуются на компьютере и рассчитаны под сверх-технологичные оболочки, новые решения УЦИММ сделаны на простом каркасе простыми средствами, доступными и традиционными. В расчете на то, что они будут поставлены на место тоже нашими рабочими и без какого-то японского винта.

Подходы к новому пониманию формы в эмоциональных словах Г. Куровского, соавтора крутящегося дома в Липках: «Шелковичная — музей всевозможных стилей, можно назвать десяток, которые здесь присутствуют: классика, модерн, барокко, конструктивизм. Сегодня время — это часы и календарь. А наши предки воспринимали время иначе. Спросили бы у Гоголя: сколько до Полтавы? Да три дня пути. То есть пространство и время всегда были единосущны. И Киев застраивался именно так, не в линейном понимании времени, а в объемном, субстанциальном. Может быть, среда такая в Киеве — объемная, ландшафтная, она генетически подвигает воспринимать мир объемно, а не линейно. В доме на это есть намек, каждый этаж повернут на 15 градусов: мы живем в объемной, ежесекундно меняющейся ситуации, в то же время единой с пространством, это попытка объединить время и пространство. Представьте себе, если бы вы переходили из одного состояния в другое, из одного мира в другой, вы бы видели, как всё меняется — пространство, движение энергий. Вот оно повернуто, но в то же время сбалансировано и не разрушается.»

Кныш мечтает поставить в Киеве небоскреб, этажей сорок, форма его должна быть нетривиальной и активной. Рассуждение архитектора строится градостроительно: «Пальму первенства у Днепропетровска нужно забрать, это первое. Второе, нам не чуждо желание поработать в таких точках, которые могли бы поправить силуэт города, который сегодня испорчен тем, что недостаточно взвешенно подходили к его формированию. Отрадно, что силуэт меняется и очень динамично, но не всё в этом силуэте нас устраивает».

Об органическом способе освоения города: «Огромная ответственность принять пространство для того, чтобы построить город. Те, кто начинал строить Киев, использовали интересный и в то же время

простой способ — градообразующей была духовная функция, которая подтверждена веками, храмы здесь были главными. Но храм храму рознь. Вначале колокольни были ниже храмов. Мы не говорим, что нужно поднимать колокольни, мы на этапе раздумий… Речь идет о том, чтобы вернуть изначальную потребность нашего этноса в понимании пространства и времени как целостного организма».

О методе возвращения к живым истокам: «Пилотным объектом на Шелковичной мы сделали заявку на то, что есть иные способы проектирования и вхождения в историческую среду. Есть три метода проектирования. Первый репродуктивный, создавать не объекты нового тысячелетия, а репродукции, взять каталоги XVIII–XIX веков, сканировать их и иметь полный набор всевозможных фасадов с башнями и вензелями, много чего веселенького. Второй метод — всё забыто, с чистого листа рисуем новую историю, а исторические наслоения профессионально расчищаем и создаем то, что современное общество требует от архитектора. Третий метод — возврат к источнику, создаем новую среду, входя в разумный компромисс с тем, что было до нас, не в смысле, повторить, что было в XI–XIX веках, а задаваясь вопросом, что побудило людей того времени создать то, что они создали, развивать город так, а не иначе. Ведь до сих пор феномен Киева это загадка».

Задачка не из простых. Поэтому команда Кныша хочет проектировать не просто современные здания для Киева, не просто восстанавливать утраченное, но делать новое так, как это задумал о городе Первостроитель.

А.С.С № 2 '2003

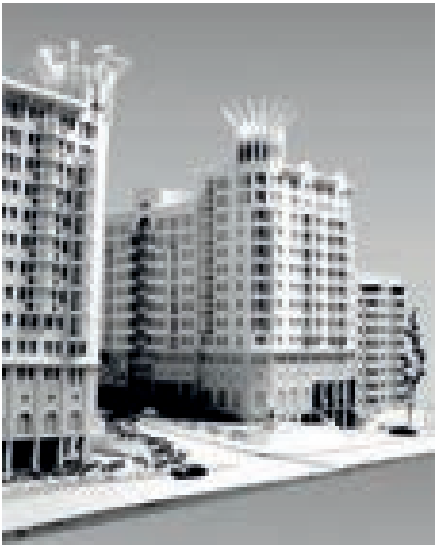
О ТЕРНИЯХ И ВОЛЧЦАХ АРХИТЕКТУРНОГО ХУЛИГАНСТВА

Впервые пришлось столкнуться со словосочетанием «архитектурное хулиганство» в декабре 2002 года на Градостроительном совете Главного архитектурного управления Киева, где рассматривался разработанный УЦИММ проект жилого дома по улице Шелковичной. Улица в «святая святых» города, в непосредственной близости от главных правительственных учреждений, застраивалась в течение двух столетий, в создании ее архитектурного облика принимали участие немало славных зодчих. Не обиженной соседством знаменитостей оказалась и площадка, отведенная под строительство нашего дома. Его ближайшее окружение составили архитектурные шедевры двух совершенно не похожих друг на друга эпох. Справа уютно разместилось столетнее здание работы П. Алёшина, а слева выдающийся образчик сталинского классицизма. Дома улицы Шелковичной не имеют общего стилистического единства, но поскольку строили люди небесталанные, рожденная их коллективными усилиями эклектика создала неповторимую гармонию. В результате появилась одна из безусловно заслуживающих внимания и уважения киевских улиц.

Но вернемся к архитектурному хулиганству, тем более что этот термин исподволь все больше и больше входит в начальственный обиход. Так, на одном из октябрьских заседаний Градсовета 2003 года на рассмотрении предложенного нами проекта по улице Паньковской 27, при положительной в целом оценке представленных материалов, в адрес авторов в очередной раз прозвучал упрек в «архитектурном хулиганстве».

Причем, что интересно и явно свидетельствует о закреплении термина, если в случае с проектом дома по Шелковичной «архитек-

ЖК «Земляничные поляны», Протасов яр, архит. Валерий Кныш, проект, 2004



Дом на Паньквоской, проект, 2003

турное хулиганство» несло явно негативную окраску (бытовой аналог «злостное хулиганство»), но при этом в протоколе заседания был отмечен «высокий уровень и оригинальность представленного проекта», то в случае с домом на Паньковской, где этим термином «заклеймили» необычность выбранной формы венчания здания, «архитектурное хулиганство» прозвучало почти как похвала, точнее, как дружеское похлопывание по плечу способного, но несколько зарвавшегося, расшалившегося младшего коллеги — в итоге было выдвинуто требование доработки (по сути, переработки) принятого архитектурного решения.

Таким образом, постепенно как бы стирается грань между «хулиганством» в хорошем и в плохом смысле слова. «Прекратить хулиганство!» — весь сказ.

Что же все-таки вызывает негативную реакцию у архитектурных оппонентов? Ведь не нарушение же канонов — иначе речь бы шла уже отнюдь не о хулиганстве, пускай даже и злостном. Значит,

архитт. Валерий Кныш, Ирина Клевак, Татьяна Василенко, Владимир Гнатиенко

отступление от стереотипов в интерпретации канонов. Чем более явно отступление, тем сильнее неприятие, тем злее рецензия. Можно ли, предлагая в этом смысле что-то свежее, смягчить такую реакцию? Поскольку каноны не нарушаются, это не так уж и трудно: достаточно стыдливо задрапировать новацию, обвесив, к примеру, фасад модными, а значит уже вполне стереотипными элементами и деталями. Такие приемы, безусловно, способны неплохо замаскировать эволюционный по сути замысел, но какова ценность подобной мимикрии? Что это, как не следование, сложившемуся у нас в условиях многолетнего безденежья, представлению о выгодности оплаты не за успешный конечный результат, а за умелое и планомерное «раскручивание» заказчика?

Но всё более заметное в последнее время оживление инвестиционных процессов начало порождать конкуренцию на рынке проектирования и строительства, тем самым обрекая нечистоплотность в ведении дел с заказчиком на полную бесперспективность. Более того,

Жилой комплекс «Кубики» на Бориспольской площади
архитт. Валерий Кныш, Татьяна Василенко, проект, 2003

с ростом инвестиционных возможностей заказчика («девелопера») растет и его умение защищать свои инвестиции во всех инстанциях и на всех этапах, в том числе и на этапе проектирования.

С другой стороны, для достижения успеха в условиях обостряющейся конкуренции архитекторы должны во что бы то ни стало, пусть даже и ценою клейма «архитектурного хулигана», искоренять из собственных представлений наработанные годами навыки бездумного упрощения принимаемых решений, далекого от творческой мысли следования стереотипам и типологическим приемам из недавнего прошлого отечественного домостроения.

Никто, конечно, не станет утверждать, что создание современного массового жилья может обойтись без использования «типологических формул», но типология вовсе не подразумевает неукоснительного следования стереотипам, тем более, когда речь идет именно об архитектурных решениях. Сегодня каждый конкретный проект тре-

буем от архитектора индивидуального подхода и значительных усилий, направленных на пересмотр и адаптацию полученных ранее навыков и опыта проектирования, каковая адаптация, при наличии у автора достаточной смелости и творческой самостоятельности, во многих случаях будет подвигать его на то, что может быть воспринято как «архитектурное хулиганство».

То, что автору, в чей адрес из эмпиреев прозвучало обвинение в «архитектурном хулиганстве», ничего хорошего ждать не приходится, не вызывает сомнений, ему гарантированы как минимум мелкие неприятности, каковые он, со своей стороны, должен принимать как подарок судьбы (спасибо, что не побили).

Но что такое хулиганство вообще? Если разобраться, то хулиганство — это своего рода изнанка демократии, изнанкой же тотального порядка в данном контексте являются погромы и резня.

Что такое «архитектурное хулиганство», как не нарушение некоторых сложившихся правил и стереотипов без их, однако, отрицания и, тем более, без их разрушения. Пока существует свобода мысли, будет существовать и «хулиганство», выражающееся не в отрицании канонов, а в их более или менее вольной интерпретации (истории известна масса тому примеров).

По сути, архитектурное хулиганство — это эволюционный путь развития архитектуры, своего рода внутривидовая мутация, а мы знаем, что в природе более 99 процентов внутривидовых мутаций оканчиваются для их вольных или невольных инициаторов весьма плачевно. Так что нет ничего несообразного в том, что градостроительные советы в ответ на произведенные в поте лица «хулиганские» проекты проращивают их авторам тернии и волчцы.

Валерий Кныш
А.С.С № 4 '2004

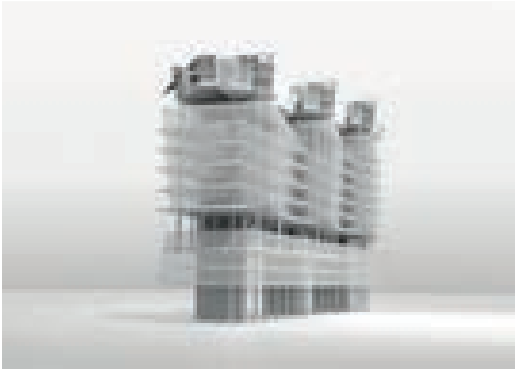
ЕЩЁ РАЗ О ХУЛИГАНСТВЕ, ИЛИ КАК НАМ ОБУСТРОИТЬСЯ

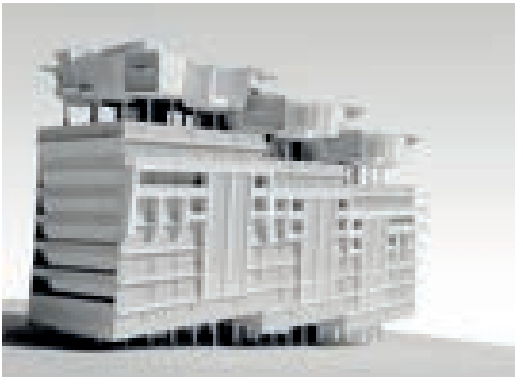
От великого до смешного один шаг. «Кощунство» с «хулиганством» отстоят друг от друга ненамного дальше. В данном случае кавычки показывают, что речь идет не о действительных кощунстве и хулиганстве, но о форме ретроградной реакции на новизну. Тогда, в будущем, «кощунство» нередко предполагает «величие» и «шедевральность», ну, а «хулиганство», разумеется, нечто более скромное. В самом деле, едва ли можно расценивать Эйфелеву башню как шедевр (разве что, в инженерном смысле), но как бы то ни было, вначале она воспринималась как «хулиганство». Со временем же французы привыкли, что это символ Парижа.

Сегодня в каждой европейской (и не только) столице есть две-три диковинки, которые иначе как хулиганством и не назовешь. Скажем, в Лондоне, на берегу Темзы, против святая святых, Британского Парламента, стоят два потрясающих воображение надувных «буратины». Кто этот враг британского народа, который сие соорудил? Сэр Пол Маккартни! А ведь ничего фигурки, что-то в них эдакое есть… Так, может, все дело лишь в имени: quod licet Jovi non licet bovi!

Давно известно: что можно в Лондоне и Париже, в Киеве — нельзя. Однако, если присмотреться, доморощенные «правильные» сооружения профессионально гораздо ничтожней даже маккартниевых «буратино», но, будучи задрапированы под местечковые каноны, «проходят» в силу одной лишь стилистической узнаваемости. «Да, где-то что-то подобное уже было разрешено строить: значит, хорошо, не накажут», или, хуже: «Молодцы, и я бы предложил что-то такое» — критерий правильности для стряпчих от искусства. Но если «что-то такое» мог бы придумать и чиновник, на какой же результат мы вправе рассчитывать?

Жилой комплекс в Киеве «Шурупы и Гвозди», архитт. Валерий Кныш, Ирина Клевак, Татьяна Василенко, Владимир Гнатиенко, проект, 2003

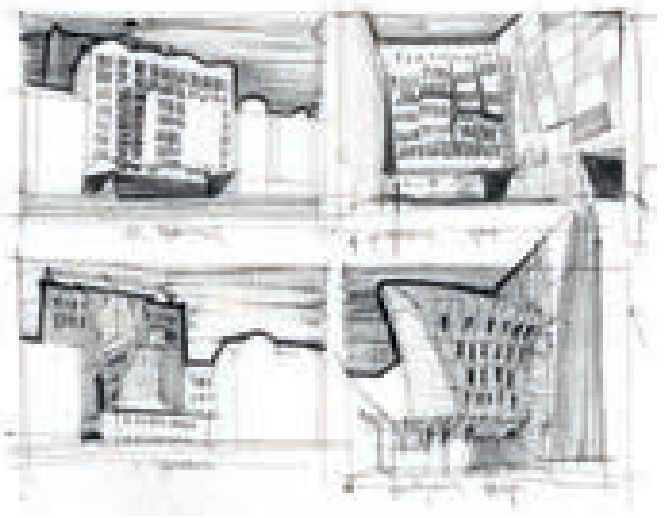




«Тихий Дон», часть многофункционального жилого комплекса «Протасов Яр»

архит. Валерий Кныш, проект, 2004

Жилой дом на ул. Обсерваторной, архитт. Валерий Кныш, Николай Журавлёв проект, 2004



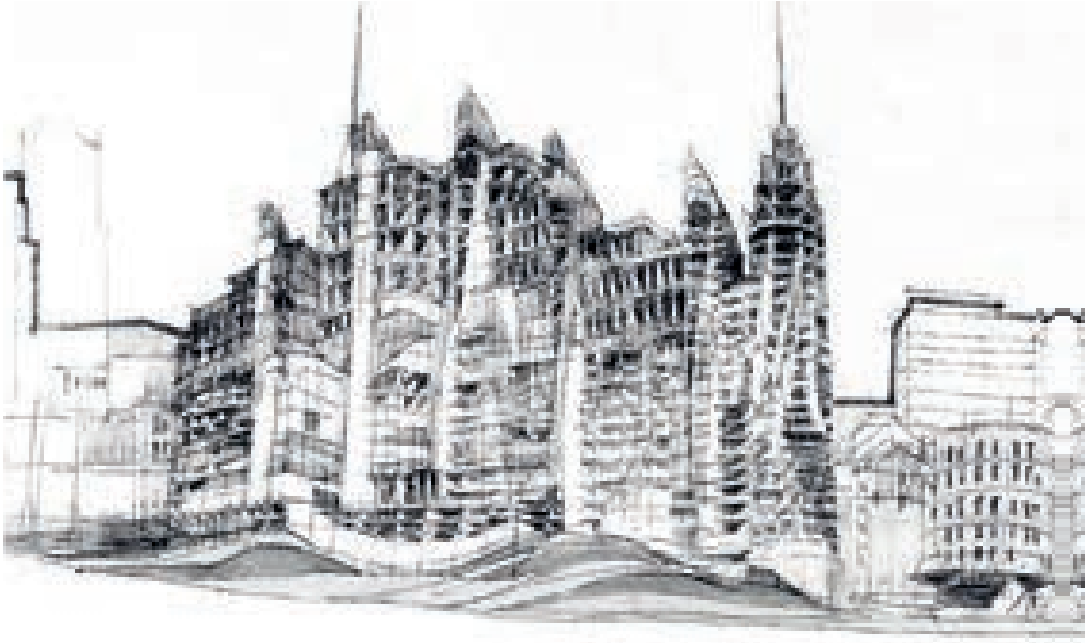
Общедоступный вкус воспитывают на «больших и малых совнаркомах» письмоводители вкупе со «всенародными» и «заслуженными» мастерами от архитектуры. Остается надеяться, что они же накормят народ своим хлебом, то есть толпы туристов со всего мира кинутся к нам — в своего рода заповедник архитектуры, — дабы, тратясь направо и налево, насладиться лицезрением допущенных к строительству нетленных «правильностей» из кирпича и бетона.

Или все же кормиться они привыкли сами, из своего столоначалия? Они ведь привыкли, что они нам «низзя», а мы им «извольте кушать». Но откуда же эти кушанья заполучить? Видно, предстоит еще долго пребывать в скучающей среде и окружающей скуке, еще и натощак.

А может, дозволите слегка похулиганить, в смысле, получить удовольствие от собственного творчества? Вольного от затхлых шор? Пора перестать беспокоиться из-за всего, что кажется непривычным и оттого пугающим — и начать жить, сиречь приступить к действительному обустройству.

Владимир Гнатиенко

А+С № 4 '2004



Эскизные проработки архитектуры будущего

архитт. Валерий Кныш, Владимир Гнатиенко, Виктор Ширяев, 2003

Многофункциональный жилищно-общественный комплекс «Княжий Затон»
по просп. Бажана 151Б, архит. Валерий Кныш, проект, 2007

Офисное здание на Кузьминском переулке №№ 1, 3, 5

архит. Валерий Кныш, проект, 2007

Сити-центр на Рыбальском острове

проект, 2004–2005

архитт. В. Кныш, М. Коробков, Г. Куровский, В. Товбыч, С. Еремеев, Б. Нечволодов, В. Гнатиенко, Д. Сараев, О. Гайворонская, Д. Данилко, О. Мельник, И. Литвинова

ПРИЧУДЫ АРХИТЕКТОРА

Архитектор Валерий Кныш статен. Архитектор Кныш основателен. Всё, за что ни возьмется Валерий, получается. Получается архитектура, предпринимательство и наука. Получается инжиниринг, маркетинг и менеджмент! Еще при Советах Валерий Кныш организовал компанию УЦИММ, которая проектировала хорошие здания, издавала книжки и разрабатывала новые технологические системы и даже новый украинский пистолет-пулемет, не хуже израильского узи. Самые удивительные проекты архитектурной мастерской Кныша относятся к началу 2000-х и сделаны в кооперации с талантливыми и амбициозными коллегами.

Соответственно и живопись Кныша исполнена концептуального размаха, размышлений о судьбах отечества и сюжетной дерзости. Занимался искусством Кныш всегда отчаянно. Но после замирания архитектурной активности с особой страстью принялся за холст. «Особенности работы маслом мне разъяснял архитектор Виктор Кернес. Техника оказалась непривычной, но проще, чем акварель. Мне очень подходит. Сюжеты берутся из головы как бы сами собою. Сначала тщательно разрабатываю эскиз-идею, затем — радость цвета. Уверен, буду востребованным художником!»

Не стремясь к классическим изыскам, архитектор ищет вдохновения в нарочитом огрублении линии, гиперболизации сюжета и персонажей. Физиономии должны быть отъявленно счастливы, избыточно милы, до безумия дороги, не взирая на шероховатость живописной кожи и ломкость вентиляторной плоскости. В результате, новый живописный наив или архитектурный пиросмани из Киева — Большой Кныш!

А+С № 1 ’2014

Валерий Кныш, Долгожданное ликование, 100 x 90 *см*, 2012

3|12

РЕТРОСПЕКТИВА ОЛЕКСАНДРА КОМАРОВСЬКОГО

ТАМ «А. КОМАРОВСКИЙ»

МАЙДАН: ДРУГОЙ ГОРОД

РЕТРОСПЕКТИВА

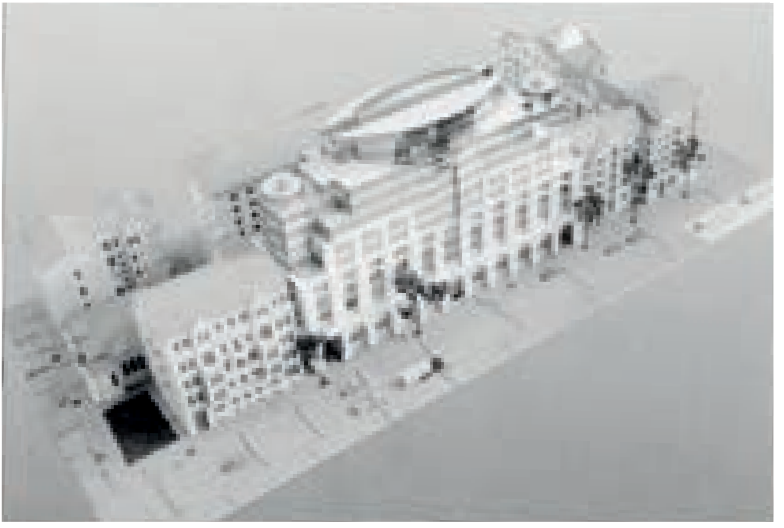
ТАМ «А. КОМАРОВСКИЙ»

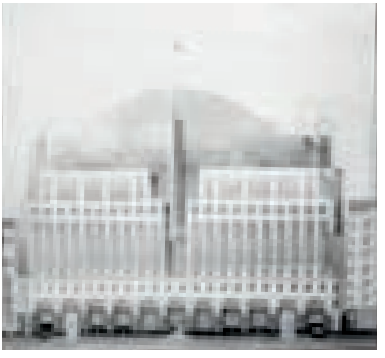
Творческая архитектурная мастерская «Александр Комаровский» учреждена среди первых в 1992 году. Тогда коллектив существовал в двух ипостасях — подразделение Киевпроекта и авторская мастерская, но уже более двух лет команда признанного мэтра работает самостоятельно. Главный профиль мастерской — крупные общественные комплексы. Основные работы в Киеве: Телевизионный аппаратно-студийный комплекс (1978); Дом Союзов (1978); площадь Октябрьской революции (1978–1984); отель «Красная звезда» (ныне «Казацкий», 1980); жилой дом на пл. Независимости (1980); гостиница «Октябрьская» («Национальная», 1982); гостинично-офисный комплекс на ул. Васильковской (проект, 1995); офисный центр Horizon Tower по ул. Шелковичной (1995–1999); гостиничный комплекс «Московский» (проект, 1998); административное здание Верховной Рады на ул. Садовой (проект, 1998).

В Киевском художественном институте признанным учителем Александра Комаровского был Евгений Иванович Катонин, профессор ленинградской школы, интеллигент, умевший создать романтический настрой, пробуждая интерес к архитектуре, граничащий с фанатизмом. После института с 1970 года работа в первой мастерской Первого управления институтаКиевпроект. Руководитель и учитель — А. И. Малиновский, автор зданий горисполкома и группы крещатицких домов с кинотеатром «Дружба»: искрометный синтез городской формы жилой функции — качество, сегодня почти утерянное при проектировании жилища.

Комаровскому посчастливилось сразу попасть на проектирование серьезных объектов, главным из которых стала нынешняя площадь Независимости. В итоге Александр Комаровский считает: «В архитектурной деятельности есть определенная прелесть — многое приходит с возрастом, понимание, возможно, мастерство. С годами я стал

Архітектор Олександр Комаровський | 6.06.1945 — 5.12.2002





Административное здание Верховной Рады по ул. Садовой

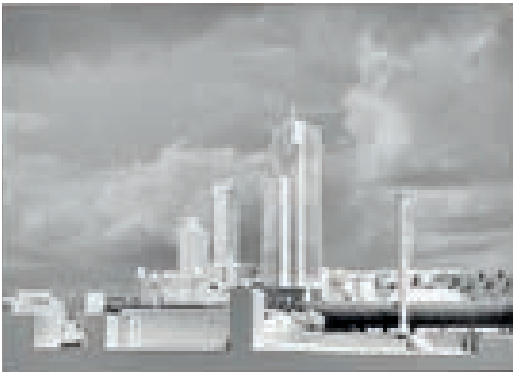
архит. А. Комаровский, проект, 1998

понимать степень мастерства своего учителя, А. И. Малиновского. И хотя проектировщики Крещатика были тогда еще молодыми людьми, когда я занимался площадью Независимости, скорее всего, был слишком молод…»

Благоустройство площади, жилые дома, Дом Союзов, гостиницы «Национальная» и «Казацкая» — основные авторские работы киевпроектовского периода. Весьма неординарно создавался совершенно выдающийся объект — аппаратно-студийный комплекс телевидения. Ценою известных авантюр совместно с тогдашним главным архитектором города И. Н. Ивановым этот объект «отобрали» у московского специализированного института, что было немыслимо по тем временам.

Александр Комаровский воплотил оригинальное решение: рабочие блоки раздвинуты, между ними сделан атриум, венчает все башня-небоскреб. Сложности объекта — сплошной монолит, огромные пролеты, безопорные пространства — в свое время поражались даже американцы. Тем не менее, до сих пор не закончены концертная студия, площадь перед зданием. Но автор надеется, что в 1999 году строительство все же завершится, сожалея, что пятнадцать лет назад не было нынешних технологических возможностей (Не завершено и до сих пор. — *Б. Е.*). Все «советские здания» могли быть классом выше. Ну а в постсоветские времена госзаказ на масштабные объекты иссяк…

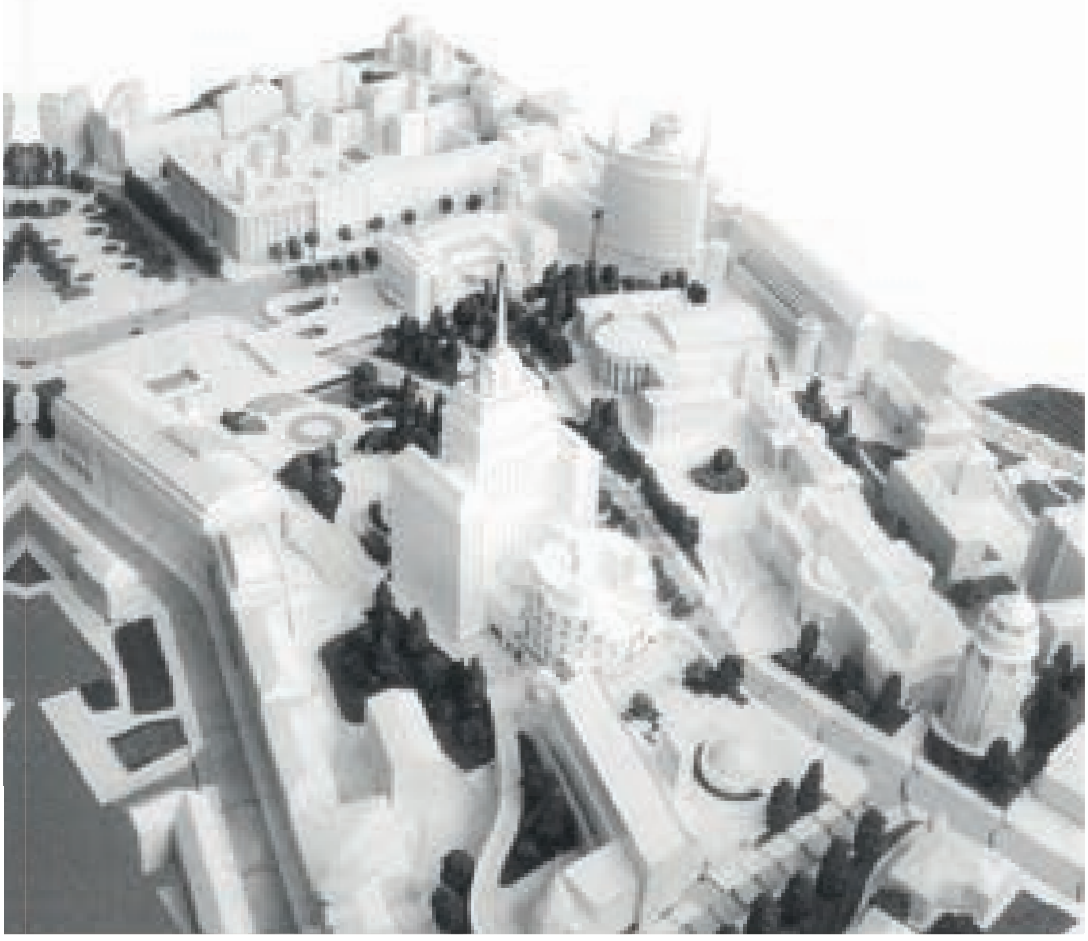
Коллектив состоит из выпускников разных поколений Киевского инженерно-строительного и Художественного институтов. Несмотря на проблему неплатежей за выполненные работы и постоянное перенапряжение из-за необходимости начинать новые работы, чтобы снять финансовые задолженности предыдущих, большой текучести кадров нет. Работа строится следующим образом. Сперва Александр Комаровский, Александр Московчук и Валерий Романов отрабатывают концепцию. Очень много анализируют и обсуждают, чему в последнее время научились отчасти у западных архитекторов. Потом рисуются первые эскизы, а дальше — дело техники и поэтапная правка. Много молодежи, которая легко осваивает новую технику: все проектирование ведется на компьютерах.



Президент-отель по ул. Госпитальной, архит. А. Комаровский, проект, 1999

За пять последних лет мастерская А. Комаровского выполнила более дюжины эскизных проектов крупных комплексов отелей и бизнес-центров под зарубежные инвестиции — на ул. Красноармейской с австрийцами, на пл. Победы с американцами, на Березняках, в составе Левобережного центра и т. п. Каждая ситуация обусловлена конкретными инвестициями и их незащищенностью в рамках нашего законодательства. Поэтому часто время тратится впустую на переговоры. Бизнес-центр на ул. Шелковичной удалось построить как раз за внутренние капвложения. Сначала он проектировался и строился как жилой дом, затем кочевал от одного архитектора к другому. В конце концов, заказчик UCA Union познакомился с командой Комаровского — и проект пошел! Сегодня первая очередь воплощена. Вторая планируется на интересном рельефе и предполагает вход на ул. Крапивницкого. Замечательным партнером мастерской и хорошим исполнителем оказалась канадская фирма Kadima Group, которая отделала фасады новой для нас большеформатной керамикой, оборудовала здание климатическим установками, сочетающими кондиционирование, отопление и вентиляцию и заканчивает отделку интерьеров. У мастерской много небольших объектов — жилые дома, представительства. Большой перспективний объект — реконструкция гостиницы «Москва» (ныне «Украина» — *Б. Е.*).

Реконструкция гостиницы «Москва», архит. А. Комаровский, проект, 1998



Гостиничный комплекс «Московский» по ул. Институтской

архит. А. Комаровский, проект, 1998

Завершение ансамбля площади Независимости предполагает не только реконструкцию гостиницы «Москва» (новое название — гостиничный комплекс «Московский») с достройкой нового корпуса, но всей окружающей среды. Это касается и ул. Ольгинской, недостроенного Выставочного павильона и Консерватории. Раскрытие фасадов здания Консерватории на верхнюю террасу площади позволит как бы выплеснуть этот центр воспитания музыкантов,, деятелей искусства в ту среду, которая сейчас несколько утратила былую интеллигентность.

Что касается самого здания гостиницы, то были проведены исследования по прочностным характеристикам, результаты которых позволяют говорить о возможности закончить здание в том виде, каким его видел предшествующий авторский коллектив — А. В. Добровольский, Б. И. Приймак, А. М. Милецкий, А. Я. Косенко, В. А. Сазанский.

Александр Комаровский, руководитель проекта и автор последней редакции главной площади страны, определяет нынешнее ее состояние как «недосказанное, недоработанное и недостроенное». Реализация проекта, по его мнению, позволит создать объем, «который будет держать площадь». Тыльная сторона дает возможность создания контрастного современного объема с внутренним атриумом. В этом объеме разместятся вестибюльная группа, фитнес-центр, бассейн, группа ресторанов, подземные стоянки для автомобилей. Перед зданием запроектирована площадь с возможностью подъезда автомобилей и автобусов. Со стороны площади — фонтан, и, конечно, благоустроенная среда.

Пока остается нерешенным вопрос об образе и месте установки Монумента Независимости вместо разобранного в начале 1990-х. Ведь, как известно, свято место пусто не бывает. У авторского коллектива по этому поводу своя, особая точка зрения, и вскоре мы увидим их творческие предложения.

А.С.С № 4 '1998

МАЙДАН: ДРУГОЙ ГОРОД

Реконструкция площади Независимости в Киеве — дело хлопотное и видное. Это главная площадь столицы независимой Украины. Но задачи, решаемые при ее реконструкции, не только идеологические. А инженерная ее начинка во многом явление уникальное. Ее часто сравнивают с московской манежной площадью (хотя Манежная — это не Красная площадь). Сходство есть. Но большой и освещенный естественным светом многоярусный атриум, транспортное и пешеходное решение площади одновременно по обе стороны Крещатика и революционное расширение функциональных возможностей делают ее действительно уникальной.

А.С.С: Александр Владимирович, реконструкция площади с самого начала приобрела политический оттенок, как это отражается на вашей работе?

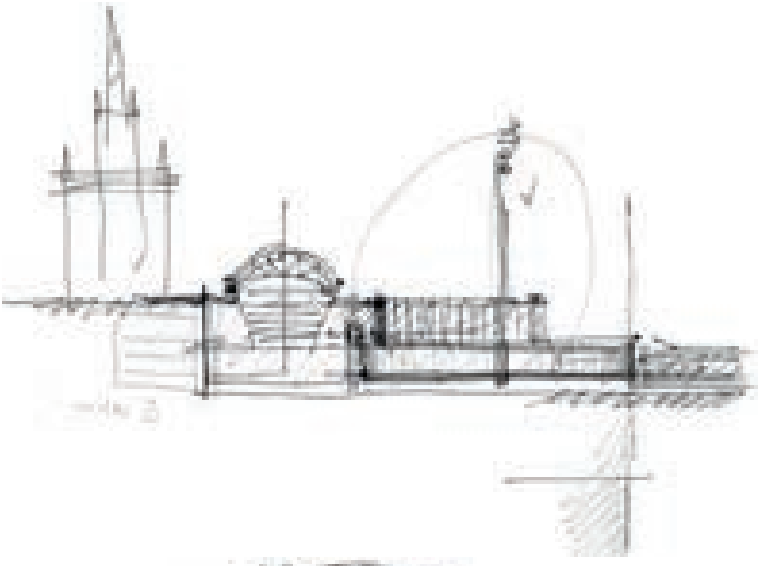
Александр Комаровский: Что поделаешь, политика есть политика, а нам надо работать. Мы же не остановимся, это не в наших правилах.

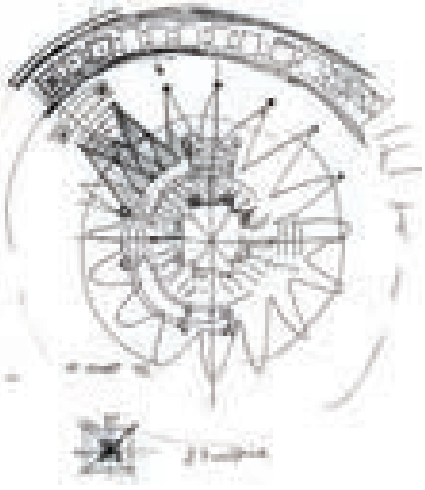
Говорят, мол, Комаровский сделал в 1970-х классицизм, а сейчас зачем-то порушил сделанное…

Они ж не видят полной картины, не понимают, что будут еще две подземные площади. Конечно, выровнять голую землю гораздо проще, чем создать под землей функцию, что связано с определенными издержками. Это инфраструктура совершенно другого уровня, которую нельзя даже сравнивать с предыдущей, вышедшей из строя после двадцатилетней эксплуатации, кроме того, морально устаревшей. Были закопаны все сети, перестали работать фонтаны. Я-то лучше всех знаю, что там на самом деле происходило.

Все оценивают ситуацию поверхностно, как-то в общем. А я не знал, что делать с большим фонтаном, потому что он попросту разваливался. Музей с экспозицией фундаментов Печерских ворот пришлось закрыть. Поэтому я с удовольствием взялся за эту реконструкцию.

Десять лет Независимости





Монумент Независимости, архит. Александр Комаровский, эскизы, 1999–2001

Я читал высказывание Е. Олейник в журнале «Архитектура и престиж» и длинную статью Ю. Худякова там же. Полная белиберда! Какие термины люди употребляют, какие аналогии проводят! Настолько непрофессионально, что в обычной живой беседе я бы элементарно опроверг все их тезисы. Неужели те, кто инкриминируют нам «мост из никуда в никуда», думают, что мы совсем идиоты и построили этот мост просто так? Строительство еще не окончено, и мост появился раньше, чем его окружение.

Действительно, в незаконченном виде многое смущает, например, торцы подпорной стены...

При вертикальной планировке с перепадом уровней высоты в 12 *м* наличие подпорной стены просто необходимо. Она и была там всегда, можно сказать, исторически, между зданием Консерватории и памятником Ленину. Но сейчас мы отодвинули гору, за счет чего стена стала в два раза короче. Пространство между зданиями несет чисто технологическую функцию. Там будут ворота, въезд на трансформаторные подстанции, которые питают целую часть города. Никакого прохода под землей на площадь Ивана Франко не будет, потому что территория кинотеатра, который является частной собственностью, выкуплена до самой подпорной стены. Это технологическое пространство облицовывается гранитом. Там специально сделаны очень красивые ракурсы. Работы по подпорным стенам ведутся и со стороны ул. Институтской. Планируется озеленение всей верхней территории, несколько тысяч деревьев и кустарников будет высажено весной только на верхней плоскости.

Как будет решаешься проблема парковки?

У гостиницы «Украина» запроектированы две автостоянки, на 700 машиномест каждая — со стороны площади и за зданием гостиницы. То есть там планируется размещать полторы тысячи автомобилей. В этом году проект паркинга вряд ли будет реализован. Возможно, при реконструкции гостиницы «Украина» все вопросы будут решаться в комплексе.

А.С.С № 4 '2002

АЛЕКСАНДР КОМАРОВСКИЙ
РЕТРОСПЕКТИВА

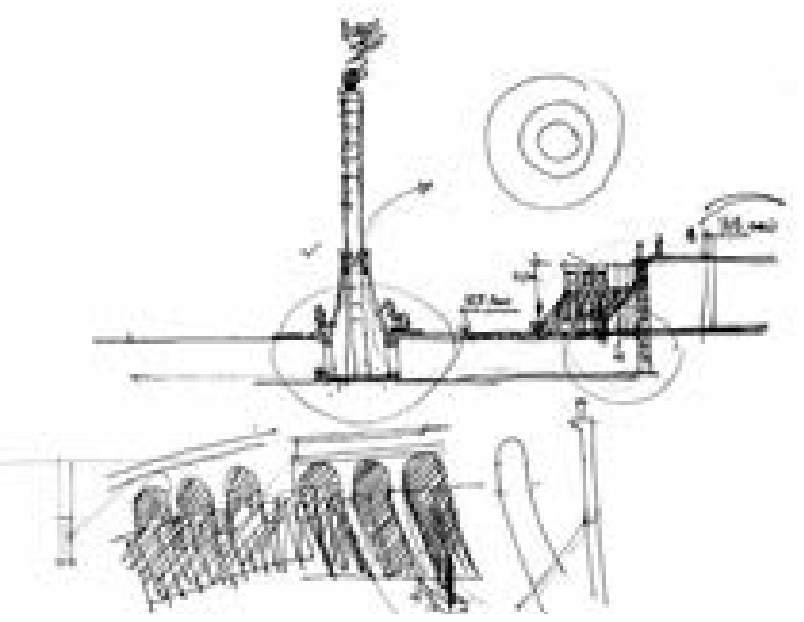
Архитектор Александр Комаровский дважды автор главной площади Украины, строитель небоскребов и новатор в точном смысле этого слова. Комаровскому свезло попасть сразу на проектирование выдающихся объектов, одним из которых стала тогдашняя площадь Октябрьской революции, ныне Майдан Незалежности. Благоустройство площади, жилые дома, Дом союзов, гостиницы «Национальная» и «Казацкая» — основные работы киевпроектовского периода.

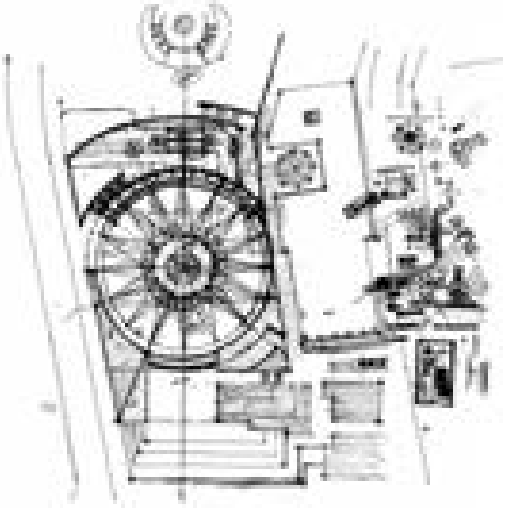
Творческая архитектурная мастерская «Александр Комаровский» была учреждена среди первых в 1992 году, ее главным профилем стали общественные комплексы. За несколько последующих лет появилось более дюжины эскизных проектов крупных комплексов, отелей и бизнес-центров под зарубежные инвестиции.

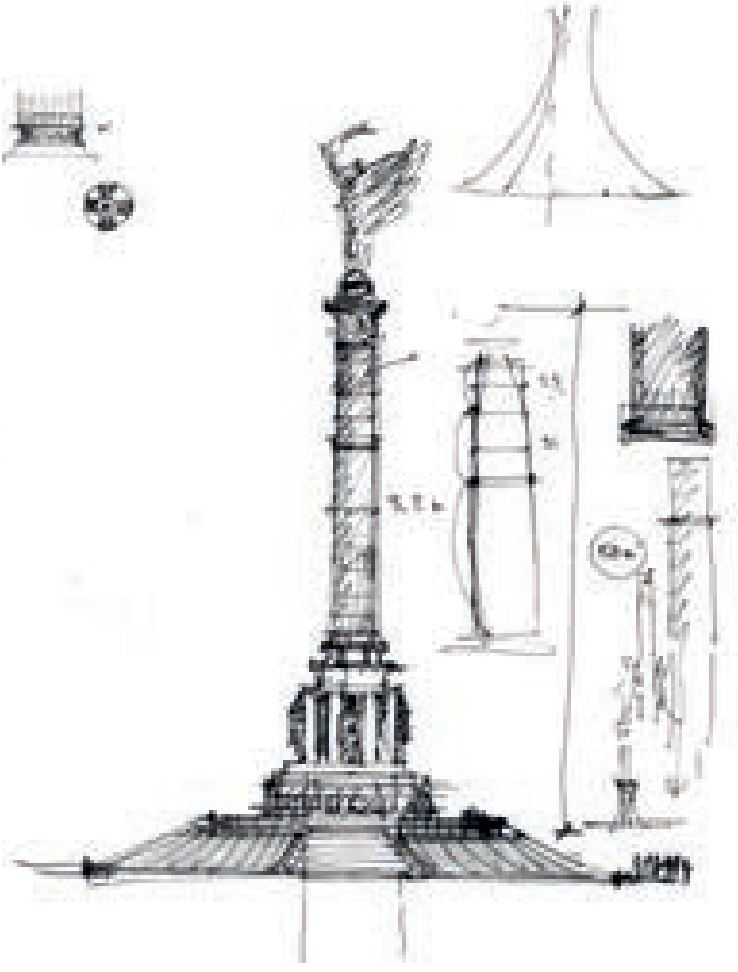
Высотки Комаровского стали частью панорамы Киева. Он автор таких знаковых для Киева сооружений, как комплекс Национального телевидения, деловой центр на Шелковичной, здание украинского парламента на Садовой, 34-этажки на Троещине…

A+C № 6 '2005

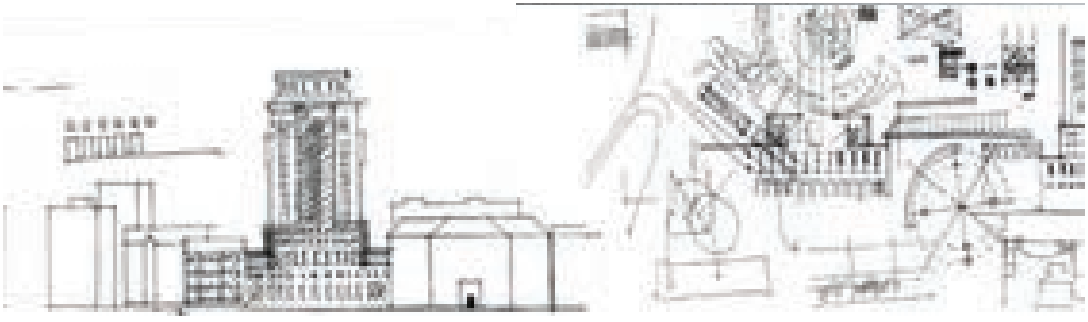
Horizon Tower, архит. Александр Комаровский, 1995–1999







Монумент Независимости, архит. Александр Комаровский, эскизы, 1999–2001

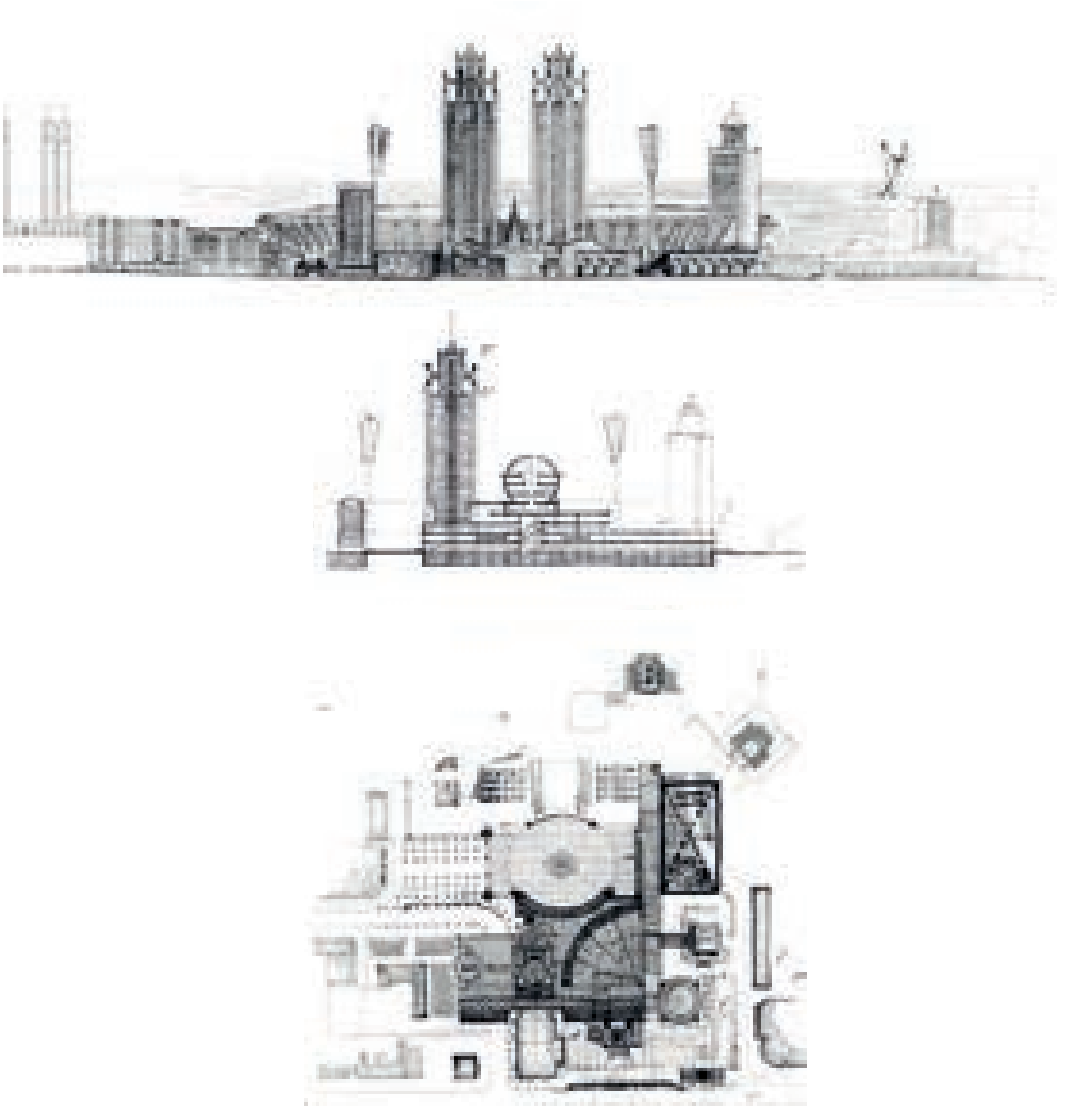


Жилой дом по ул. Артёма 12, эскизы, архит. Александр Комаровский, проект, 2000–2002

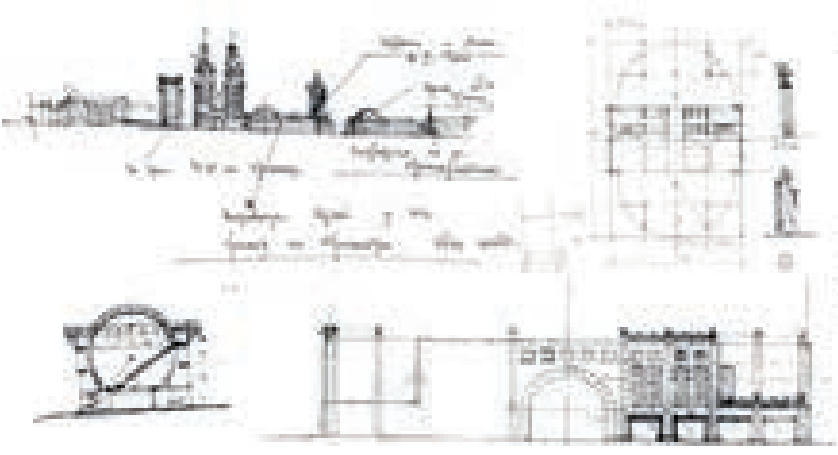
Жилой массив Троещина, архит. Александр Комаровский, концепция, 2001–2002

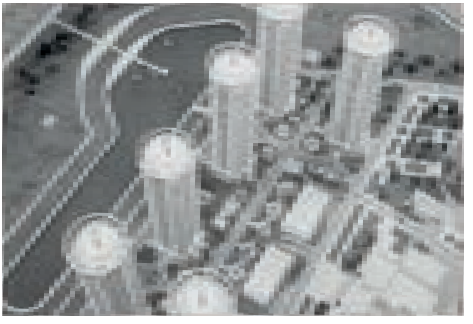
Жилой комплекс «Днепровская пристань», архит. Александр Комаровский, проект, 2000

Общественный комплекс «Золотые ворота», архит. Александр Комаровский, проект, 2000



Торгово-деловой комплекс на Троицкой пл., архит. Александр Комаровский, эскизы, 2001–2002





Комплекс жилых зданий для МВД на Троещине, архит. Александр Комаровский, проект, 2000

Жилой комплекс по ул. Б. Хмельницкого 58, архит. Александр Комаровский, проект, 2002

3|13

АРХІТЕКТУРА ТА ГРАФІКА ВІКТОРА КУДІНА

ТАМ «КУДІН»

МОЛЧАНИЕ ВСЛУХ

ДОМ ФРЭНК

КИЇВСЬКИЙ КЛУБ КАРИКАТУРИСТІВ АРХІГУМ: 1917–2017

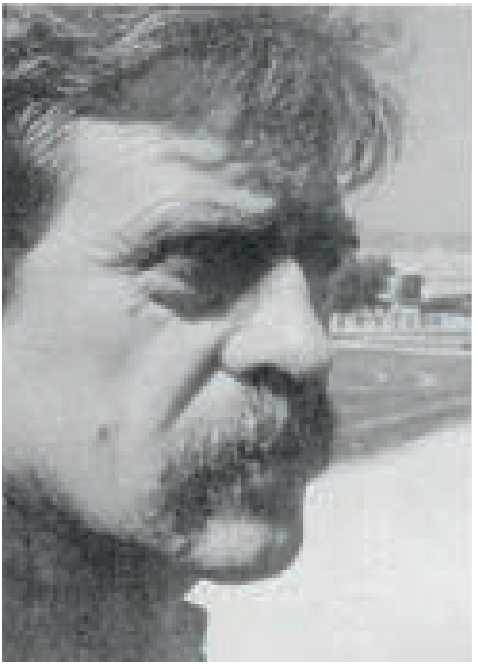
РАЗГОВОР ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА С МАСТЕРОМ

ТАМ «КУДІН»

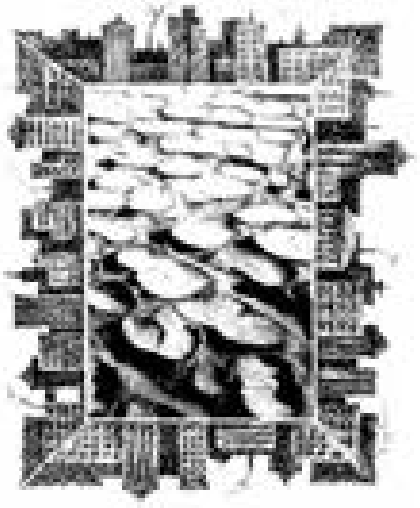
Виктор Кудин родился 9 сентября 1950 года в Здвижевке Бородянского района Киевской области. Архитектурный факультет КИСИ (1974). Член-корреспондент УАА, член НСАУ. Работал в г. Котбус (Германия, 1992–1993). Руководитель ТАМ «Кудін». Участник и лауреат международных выставок и конкурсов по архитектуре, рисунку, живописи и фотографии более чем в тридцати странах мира. Отец-основатель знаменитого движения архитекторов-карикатуристов «Архигум». Блестящий рисовальщик. Проекты сопровождаются глубоким вживанием в тему и смелой графической проработкой. Входит в первую десятку архитекторов Украины.

Проектом нового комплекса пивзавода «Оболонь» — администдания и цеха для розлива пива — занимались три проектных организации, но безрезультатно. Когда, наконец, на общем собрании администперсонала АО «Оболонь» выставили проект Кудина, никто не понял, всем не понравилось: ни «дома з дахом», ни привычного цеха-коробки… Но проект прошел градсовет, а главный архитектор города сразу сказал: Вот это да! именно это и будем строить! «Когда я размышлял над проектом, то понял: пиво “Оболонь” — национальная идея, супер-идея Киева! Символ радостного и оптимистического, не менее жизнеутверждающий, чем сам праздник употребления лучшей украинской марки пива с желтой этикеткой “Оболонь-Премиум!”» — вспоминает автор проекта.

После окончания института по распределению Виктор попал в мастерскую №4 проектного монстра, института Гипрогражданпромстрой. Мастерская занималась проектированием промышленных зданий и сооружений. «“Промысло” — самое страшное из того, что я мог себе вообразить, — комментирует зигзаги провидения зодчий. — В студентах мне единожды попался промышленный объект, который я с успехом и завалил. И все же я благодарен судьбе, потому что сразу попал в боевые условия и получил большие объекты».



Архітектор Віктор Кудін

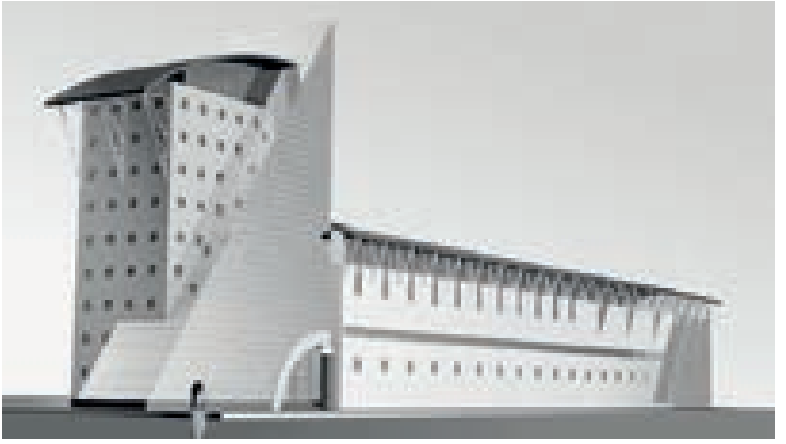


В. Кудин, карикатура из цикла «Город», 1988

Но основные уроки мастерства архитектора Кудина складываются, как мозаика, из самых разных фрагментов: ремесла, наблюдений, живописи, фотографии. Безоговорочно признаваемый учитель духа — художник Рене Магритт.

Настоящий творец всегда испытывает необходимость работать самостоятельно. Поэтому как только появилась возможность, в начале 1990-х, была оформлена мастерская Кудина. Небольшой коллектив в пять человек успешно справляется с самыми сложными и разнообразными заказами: от привычных сегодня для многих зодчих интерьеров и жилой архитектуры до внушительных промышленных объектов, церквей и ночных клубов, реставрации и нового строительства.

Виктор Кудин уже много лет является председателем и одним из вдохновителей знаменитого киевского клуба карикатуристов «Архигум». Это одно из наиболее удачливых творческих объединений по количеству побед и призов на всевозможных отечественных и международных конкурсах.



Цех розлива пива завода «Оболонь», архит. Виктор Кудин, проект, 1998

Крытая спортивная арена и Ледовый стадион, архит. Виктор Кудин, проекты, 1985, 2004

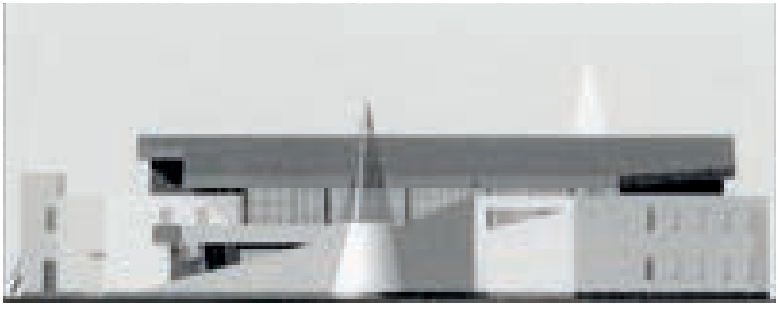
Карикатура это не просто сатира и юмор, доброе расположение духа или злободневная критика. Карикатура, с его точки зрения, ближе всего даже не к искусству, а к мышлению. Это форма конструктивного мироощущения и постоянная попытка выйти за пределы тривиального. Вместе с тем это и первое, и второе, и третье. Архитекторское ремесло предполагает совершенное владение техникой композиции. По мнению Кудина, свое наивысшее воплощение, в чистом виде, искусство сочетания, гармонизации и упорядочения находит в живописи.

Тем не менее, глядя на графитную вязь и полотна архитектора, скорее угадывается интуитивный поиск Божественной подсказки; неожиданной графической идеи и плодотворного Случая, чем то, что принято понимать под живописью буквально, некое свето-цветовое законченное целое или высказывание. Это, скорее, путь к гармонии.

Крытая спортивная арена стала настоящей вехой в становлении зодчего. Самое большое и вместительное в Киеве общественное сооружение проектировалось в середине 1980-х в Гипрогражданпромстрое. Коллизий, которые пришлось пережить и преодолеть еще в советских условиях, было немало. И все-таки Арена получилась, строительство подходит к завершению. А стиль, в отличие от многих сооружений пятнадцатилетней давности, выглядит свежим и уместным. Что, безусловно, свидетельствует о высоком качестве архитектуры.

Рисуя общую крышу, Кудин ставит под ней три точки: карикатура как мысль и идея, живопись как средство гармонизации, архитектура как чистая артистическая функция и синтез. Архитектура — материализация художественного мировоззрения, конечная часть творчества. Фрагмент мира.

Персональная творческая концепция Виктора КУДИНА носит им же и придуманное имя Арьер-Арт или «Взгляд Сзади». Почему именно «сзади», а не «назад» или «изнутри», изнутри искусства, например? Можно ответить по-своему: потому что Кудин ни мгновения не ощущает себя за пределами художнического ремесла, своеобразной внутренней постоянно действующей, чувствующей и синтезирующей мастерской, то есть находится за пределами изобразительного



Клуб «Голливуд», архитт. Виктор Кудин, Александр Швыденко, 1999

экрана, художественного полотна или большой архитектурной сцены. Он мастер заэкранного пространства, и таковым себя осознает. Однако маэстро предлагает сделать шаг дальше: не просто фиксировать и отображать устройство профессионального цеха имидж-, шоу-, спектакль- и даже архитектурмейкеров, но попытаться осмыслить работу этой удивительной образоделательной конструкции как самостоятельного артистического сюжета, как наиболее изощренной и сложной механики, организующей знаковые миражи общества.

Сам Кудин так говорит о концепции Арьер-Арта: «Представьте себе сцену рабочего или сельского клуба, но только сзади. На сцене происходит действо — самолеты летят, трактора едут, на заднем плане ГЭС — а зал полон людей. Но всё это видится из-за задника сцены, сквозь щель в декорации. Пятилетний мальчик разглядывает и спектакль, и закулисную работу тех, кто его делает. А вместе с тем и отдельную, захватывающую жизнь зрительного зала, одновременно управляемую и непостижимую. Люди лузгают семечки, кричат… Картина, предстающая сзади, гораздо сложнее, интереснее и многоплановее той, что видит зритель. И картину эту можно строить по собственным художественным законам… К тому же у мальчика оторвалась пуговица на одной из маминых лямок, заботливо поддерживающих штаны».

Спортивный комплекс «Совки-Спорт», архитт. Виктор Кудин, Тарас Побидаш, 2004

Еще одна эффектная метафора Арьер-Арта — унитаз, наблюдаемый сзади, из трубы. Чтобы избежать технологических следов арьер-артного перфоманса на зрительском монокуляре, действительно требуется особое искусство…

У архитектора уже много единомышленников. Написан манифест. Следующий шаг — выставка.

Кудин о том, что такое настоящая архитектура или просто классная вещь: «Всегда можно сказать, чем она не является, но всегда сложно сказать, что это. Когда непонятно… но здорово. Как на супер-концерте — мурашки по коже. Но чтобы материально и можно было пощупать. Мне давно хочется сделать юморное здание. Чтобы было интересно. Пол под углом. Какие-то запахи… Вроде ничего нет, но интересно. Здание как воплощение “архи-гума”. Карикатура это философский рисунок, на тему Человека. Архитектура — это философское парадоксальное восприятие. Плюс какая-то ма-а-аленькая шалость».

А.С.С № 1 ‘1999

МОЛЧАНИЕ ВСЛУХ

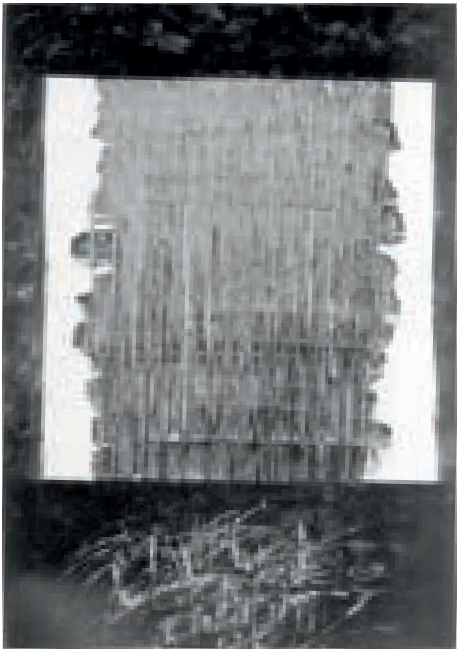
Художественное творчество архитекторов имеет в основном прикладное значение. Да и то всё меньше. То, что делает в живописи Виктор Кудин, ценно само по себе. Более десяти лет он творит и активно участвует в художественных проектах по всему миру (только в 1993 году принял участие в семи выставках!). Архитектурная деятельность Кудина не могла не сказаться на его живописных опытах. Чувствительность к форме, линии, ритму и их жизни в пространстве весьма ощутима в его картинах. Собственно эта чувствительность и делает архитектора художником.

А.С.С: Киевский просвещенный люд знает вас как архитектора. Как вдруг случилось, что вы взяли в руки кисть?

Виктор Кудин: Вдруг не случается ничего. Для меня и архитектура, и живопись, и другие мои увлечения вписываются в определенный отрезок жизни слитно и органично. Нормальное состояние творческого человека — постоянно сочинять, писать, рисовать — это естественный процесс. Другое дело, что наступает критический момент, когда опыт, переживания, мысли, связанные с работой, творчеством, личной жизнью, физиологией накапливаются до такой степени, что ищут выход. Я совершенно сознательно и с энтузиазмом стал экспериментировать с живописью. У меня было огромное напряжение, которое не давало мне сидеть на месте, заставляло двигаться. Эту энергию я перенес и зафиксировал в картинах, иначе бы она меня разорвала.

Ваши работы очень лаконичны. Графических сюжетов не много: крест, решетка, пятно. Это те «первокамни», на которых вы строите образ?

Те камни, о которых вы говорите, они не первоначальны для меня. Наоборот, это мои итоги, символы. Вот, в серии крестов очень много моих размышлений о душе, вере, тайне. Но я пытаюсь быть максимально осторожным в подобных темах.



Несколько слов о выставке «Мовчання вголос», прошедшей в ноябре 2001 года в галерее Дім Миколи?

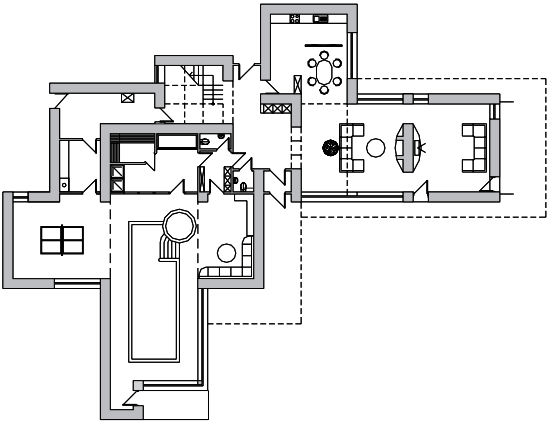
Мне было очень интересно присутствовать на собственной выставке. На свои работы я смотрел совершенно другим взглядом, как зритель. И наблюдал за реакцией гостей. Я видел, что людей трогало. Контакт был, это главное.

Вы известны и как карикатурист со стажем.

Карикатура интересна тем, что разрушает границы привычных взглядов, форм. Также как и архитектура. Кстати, самые известные в мире карикатуристы — архитекторы. Мой критерий качества корикатуры такой: если карикатуру можно пересказать словами, значит, она плохая.

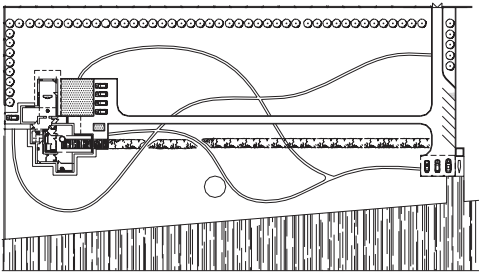
А.С.С № 8 '2002

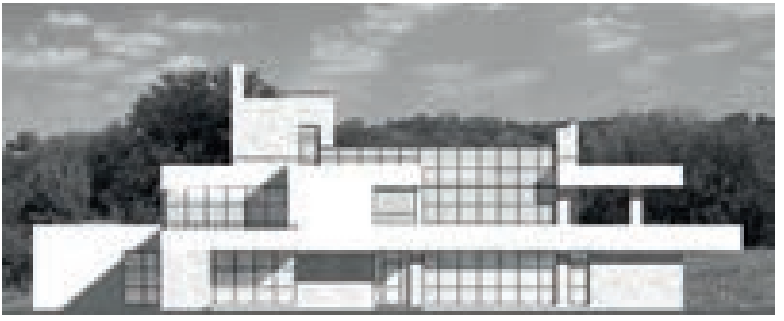
ДОМ ФРЭНК



Спецификация строительных материалов, лапидарная до беспамятства (кир-пич, штукатурка, природный камень, алюминиевый витраж), отсылает сознание к простоте архитектурных форм голландской группы De Stijl 1920-х, к времени становления функционализма, который был отличен от советского конструктивизма не только качеством исполнения, но и аудиторией, на которую рассчитан. Европейский функционализм был прерогативой элитной прослойки, советский конструктивизм — прерогативой рабочего класса. Эффект тоже разнился. В данном объекте, который изысканностью и чистотой форм манифестирует стремление авторов к планировочной ясности и архитектурной честности объема, можно обнаружить тенденцию, характерную для современного строительства загородного дома средствами современности, а не пресный экивок в сторону загадочного «исторического стиля». Чистой форме — чистый воздух и ландшафтный простор!

А.С.С № 2 '2004





Особняк под Киевом, архитт. Виктор Кудин, Оксана Агапова, проект, 2004

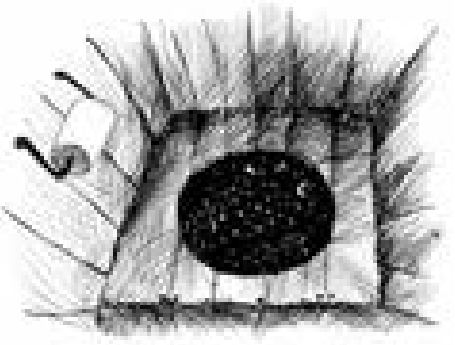
КИЇВСЬКИЙ КЛУБ КАРИКАТУРИСТІВ АРХІГУМ: 1917–2017

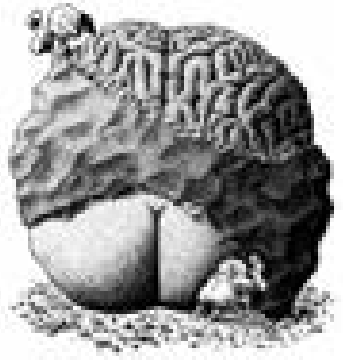
Ми не могли пройти повз цієї апокаліптичної дати, сторічної дати Жовтневого перевороту шайки «більшовиків» 1917-го та її диктатури, вже як комуністичної партії Радянського Союзу, протягом сімдесяти років. Що це було? Мабуть, це можна зрозуміти тільки зараз, через сто років. Це була жорстока влада партії, правда, вони називали її «демократичним централізмом», але до чого тут демократія, нікому невідомо. Примітивна диктатура партійних вождів, яка своїми стрктурами (Ради, комсомольці, піонери, профсоюзи, творчі спілки і т. д. і т. п.) просякали всю народну громаду і, здавалося, цей монополіт партії і народу ніколи не рухне.

Ця країна була Країною Великої Брехні (такої, що тільки зараз розумієш якої), чого тільки коштує її один з перших і головних лозунгів «Земля — селянам» і ці селяни тільки через 57 років стали повноправними громадянами країни, коли їм дозволили мати паспорти! І досі були просто кріпаками. «Фабрики робітникам», а…

Режим не боявся фізичного виступу проти нього. Ні, головний його страх це був виступ проти цього ідеологічний, духовний — словом. У тому ми мали маленькі відділки НКВС — у формі творчих спілок — художників, письменників, композиторів тощо. Якщо з'являвся якийсь клуб або кружок «за інтересами», ними зразу ж цікавились «органи».

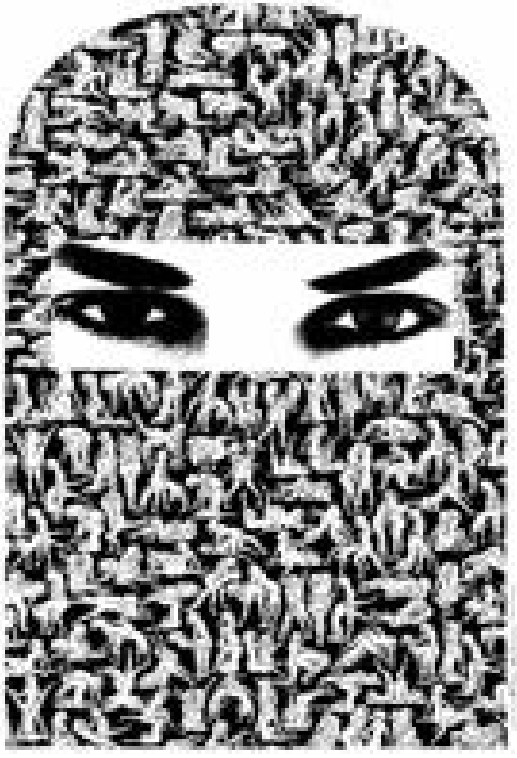
Я перервусь і надам слово члену нашого клубу «Архігум» Володі Казаневському: «Все духовне життя радянського народу, якщо можна так сказати про радянський народ, була одна із вотчин НКВС. Ну а карикатура… це просто без слів. За всю історію радянської держави я не знаю ждного малюнка та жодного прізвища художника, які виступали б проти влади. Тільки художники часу перевороту розповіли, хто



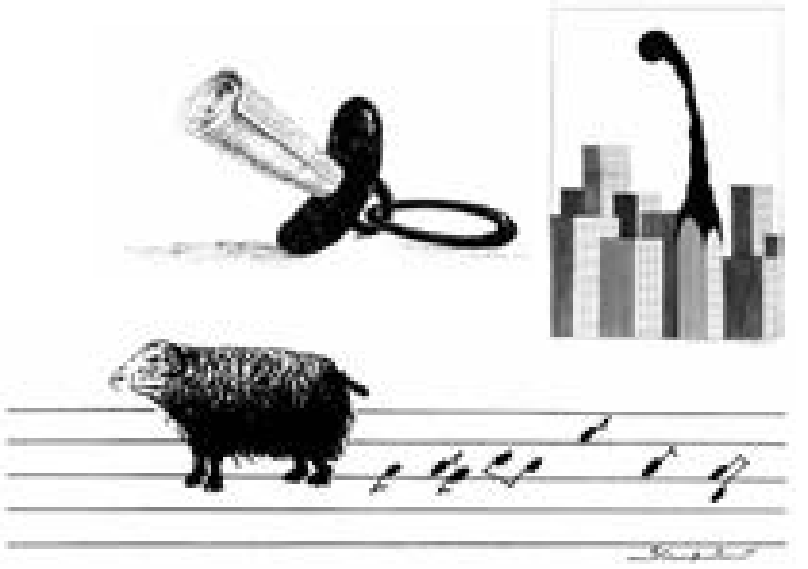


архітум

Карікатури І. Лук'янченка (1), О. Євтушенка (2 і 5), Ю. Кособукіна (3), А. Казанського (4)



Карікатури Віктора Кудіна



такі “більшовики”, але з ними швидко розібралися. До речі, ці художники беруть участь у нашій виставці — колекція журналів і плакатів початку XX ст. Віктора Кудіна. Десь у 1970-х наші художники почали шукати можливості брати участь у міжнародних конкурсах карикатури, почали з’являтися неоднозначні роботи по відношенню до радянської влади. Всі ми були у захваті, та головним антисовєтчиком у цей період був Михайло Златковський. До речі, ми його запросили до цієї виставки і дуже горді, що знаходимося поруч з таким художником».

Наш клуб «Архігум» також не пас задніх. Перші місця на міжнародних конкурсах отримували Кособукін, Казаневський, Кудін, Казанчев. І дійсно, ці роботи не мали можливості бути надрукованими у Союзі. Карикатурист завжди на барикаді до будь-якої влади. Він так зроблений. Так було і так буде.

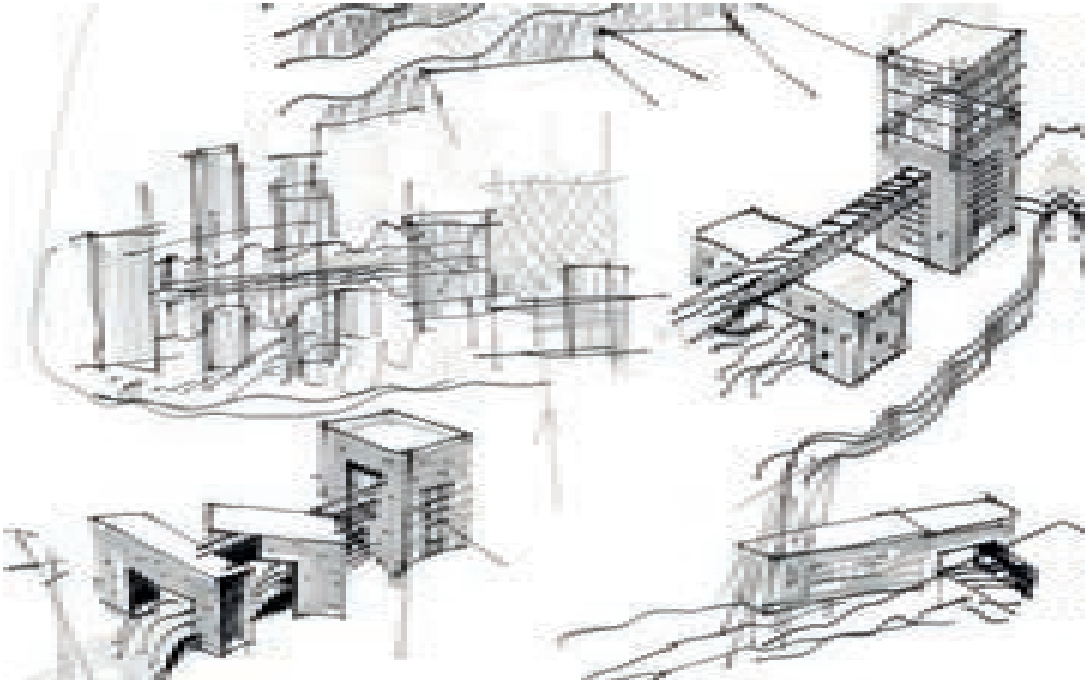
Віктор Кудін
А+С № 2 ‘2017

РАЗГОВОРС МАСТЕРОМ

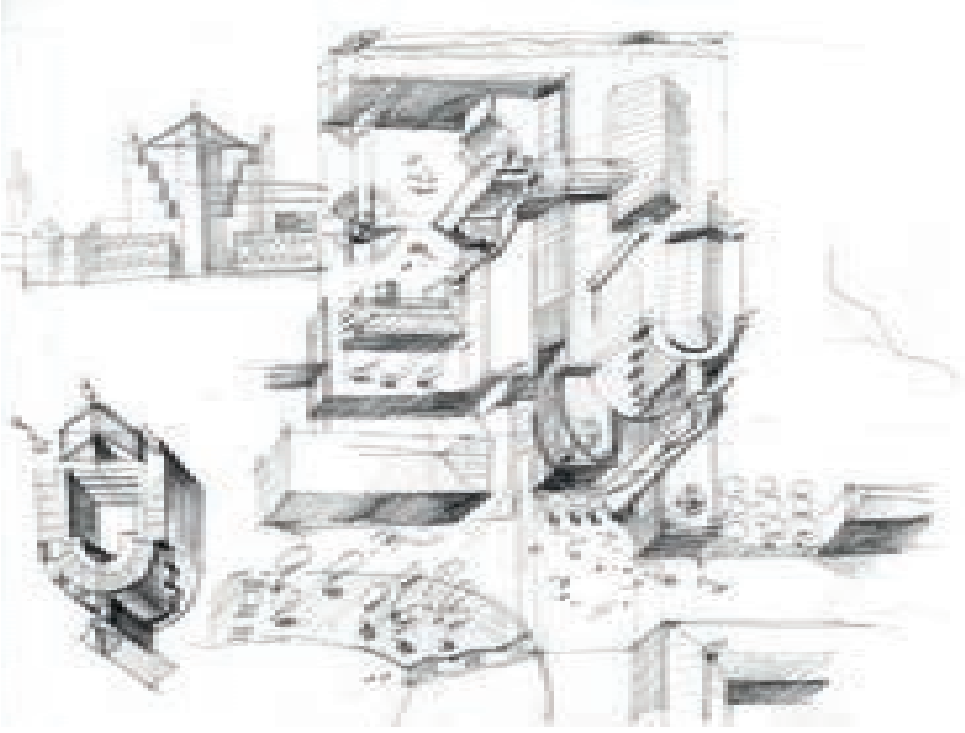
Виктор Кудин: Родился я в середине прошлого века в красивом месте, в селе Здвиженка под Киевом. В 1968 году поступил в КИСИ на архитектурный факультет, закончил в 1974-м. Учился в самой прогрессивной четвертой группе, интерьера. Эта кафедра только открылась, именно на ней преподавали Яков Аронович Штейнберг, Виктор Владимирович Савченко, Лев Владимирович Василенко. Попасть в эту группу хотели все. Савченко ездил в Японию, поэтому была с нами и Япония. Замечательная творческая аура. Все с завистью ходили на наши защиты курсовых. Мы смотрели японские вещи, впитывали новое, хотя еще не могли «туда» добраться. Но нам «это» показывали, и мы хотели «это» делать. Свобода подачи была главным. Зачастую студенты раскрывались в своей подаче, что было важно.

А+С: Диплом тоже был интерьерным?

Интерьеру отводилась только часть. Диплом был реальным — кемпинг возле Белгород-Днестровской крепости. Я выезжал на место, рисовал несколько дней, и диплом решен под сильным впечатлением от крепости. После КИСИ начался Гипрогражданпромстрой. Было разочарование от того, что сразу определили в промышленную мастерскую. А для нас тогда «промысло» было самое дикое, тупое, нечто невозможное, никакого отношения к архитектуре не имеющее. Мы протестовали, не выходили на работу, ходили в гражданскую мастерскую. Но нас жестко убедили в том, что мы должны работать в промышленной мастерской. Потом осознали, что такие бешенные объемы, гигантские пространства никем не освоены, бесконечные возможности для архитекторов. В этих объемах можно делать всё, что захочешь. И когда я начал придумывать что-то невероятное, ожидал сопротивления и отказов. Но оказалось, конструкторы пришли в восторг. Они всю жизнь делали стандарт 6 х 6, 6 х 12 , 6 х 18 *м*, а тут, оказывается, можно и как-то иначе. Через полгода я сделал реальный проект, Завод измерительной радиоаппаратуры в Бортничах (сейчас его передела-



Дом в Лесниках, архит. Виктор Кудин, эскиз, 2000



Отельный комплекс по ул. Владимирская 47–49, архит. Виктор Кудин, эскиз, 1994

Красный дом на горе, архит. Виктор Кудин, эскиз, 1999

ли под завод голограмм). Это был мой первый объект, построенный через два года. У меня был шок от того, что всё построено и стоит. Потом был большой комплекс, Завод газовой аппаратуры в Фастове, Крытая спортивная арена на просп. Глушкова в Киеве и много промышленных объектов.

То есть школа номер два?

Да, я благодарен гапу Владимиру Александровичу Кравченко. Это была школа реального проектирования, понимания жизни и делания проектов таким образом, чтобы объекты строились.

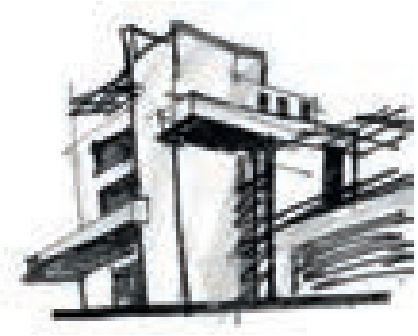
1980-е были не самыми «способствующими творчеству»?

Промышленную архитектуру не считали архитектурой, не надо было особенно и согласовывать. Что такое завод, что с него возьмешь! И это давало много возможностей: что придумывали, то и делалось.

И этим воспользовались молодые архитекторы как возможностью оторваться по полной.

Тогда была хорошая практика, жаль, что сейчас утеряна: каждый год проводился конкурс на лучший проект года. Выставлялось много объектов, и мы всегда за свои объекты получали премии, потому что в «промысло» никогда и ничего подобного не делалось. Мы старались осмыслить всё это по другому, осмыслить как архитектуру. Именно тогда пришло понимание, что гадить землю нельзя в принципе.

Зная пристрастие мастера к рисунку и станковым работам, вопрос: почему архитектура?



Особняк, архит. Виктор Кудин, эскиз, 2002

Когда-то в школе я получил главный приз в конкурсе, посвященном юбилею Т. Г. Шевченко. И — как аккумулятор вставили в розетку. Меня стали воспринимать как художника, и я сам себя таковым начал осознавать. Ожидание других, что ты должен рисовать, заряжало невероятно, и я это делал с большим удовольствием. А на архитектурный факультет поступил только потому, что там можно рисовать.

Но ведь архитектура очень специфическая пространственная сфера размышления.

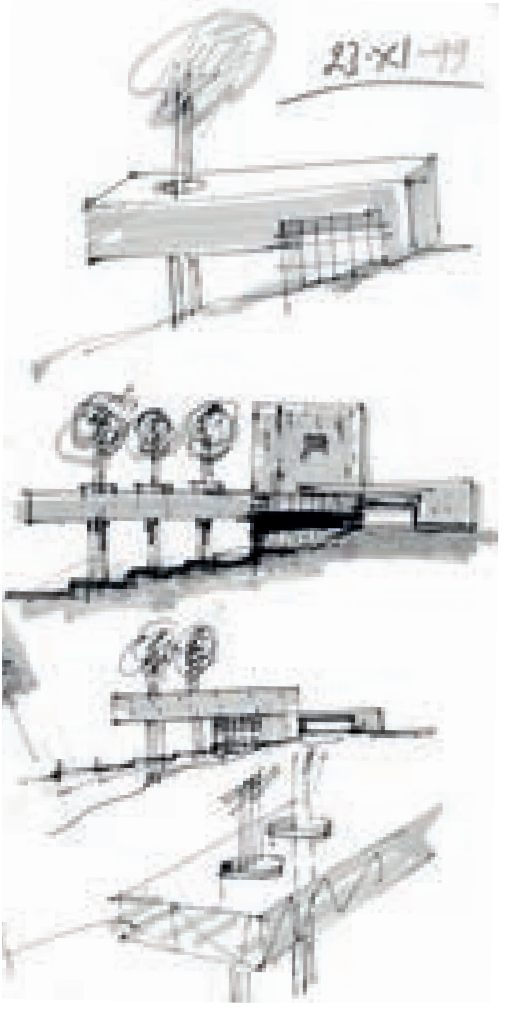
Этого я совершенно не осознавал. Понимание пришло лишь где-то на третьем курсе. Человек — многогранный, сложный механизм, в нем есть какие-то ручки, батарейки, винтики — много чего разного. Среди моих составных есть и живопись, и карикатура, и архитектура. И всё это равноценно. Но в какой-то период начинает прорастать и заявлять о себе вот эта штука, в следующий — другая.

Когда возник «Архигум»?

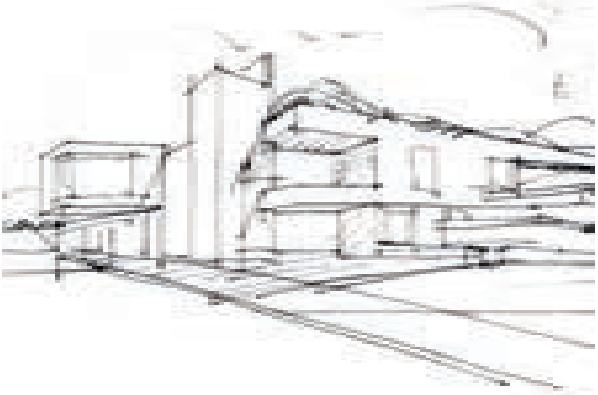
В 1983 году первой выставкой карикатур в Доме архитектора. Нас было семь человек.

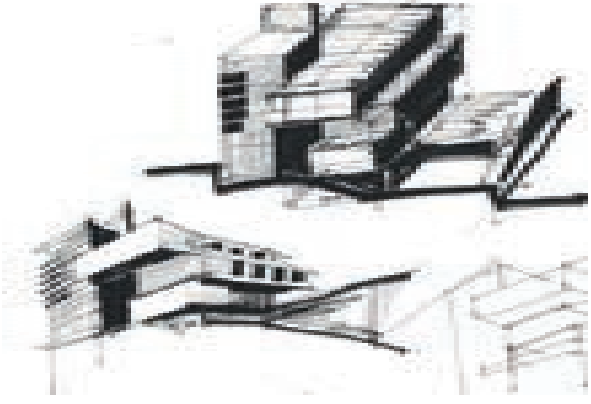
В те годы советская идеология уже расшаталась, над Брежневым много лет смеялись, а тут он как раз помер.

Да, но ситуация всё равно была жесткая. Чтобы отослать карикатуру на международный конкурс нужны были специальные разрешения с мокрыми печатями.

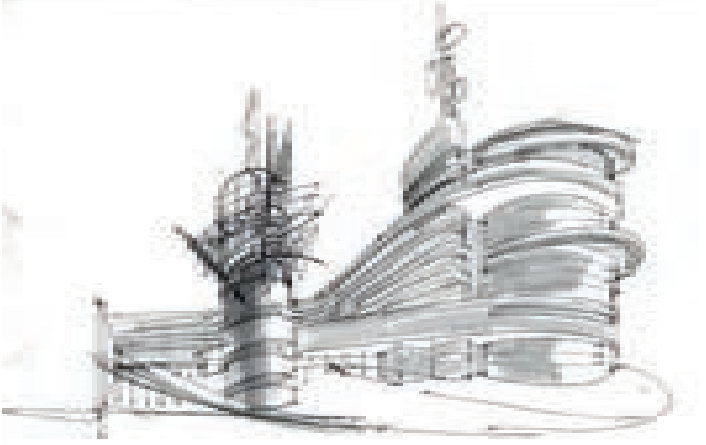


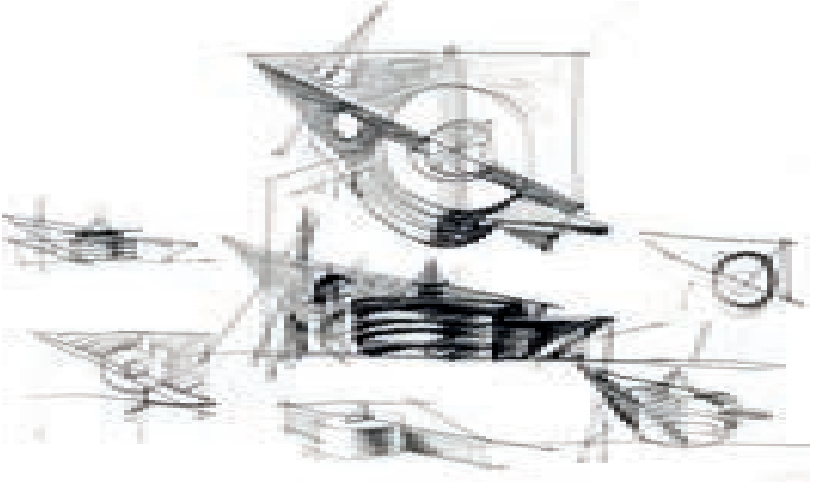
Особняк с деревьями, архит. Виктор Кудин, эскиз, 1999



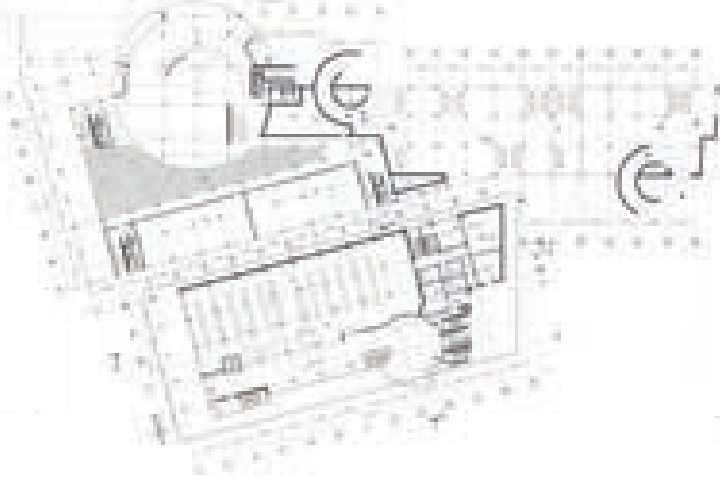


Дом на Днепре (2001), дом на леваде (2001), дом на Вильшанской (2004)





Офисный комплекс на ул. Полевой (2004), ресторан на ул. Щербакова (2002)
эскизы, архит. Виктор Кудин



Супермаркет, архит. Виктор Кудин, проект, 2005

Архигум открыл какой-то клапан?

Это был апофеоз, когда люди увидели, что «такое» вообще возможно рисовать. Ибо кроме «Перца» ничего не видели. А мы знали, что делается в мире, получали каталоги с выставок. Американская карикатура нам была чужда, потому что это, в основном, политическая карикатура со словами, которые умирают через два дня с исчезновением актуальности темы. Мы же для себя определили следующее: то, что мы делаем, это «гумор для неписьменних».

То, чем в 1960–1970-е занялось авангардное советское искусство, Тарковский и прочие: вечные темы, которые «переплевывали» проблематику т. наз. социалистического реализма, даже не касаясь.

Мы поставили себе амбициозную задачу — рисовать на философские темы. Это помогало уйти от повседневности, и, главное — от слова, от вербальных подпорок, чтобы сразу решать образ.

Сегодня у большинства в моде башенки и прочий измельчавший декорум, но ты в большей мере пользуешься строгим инструментарием. Как удалось выпестовать в себе такую манеру, не очень популярную среди отечественных архитекторов?

В то время, когда я начал заниматься промархитектурой, было нормальное понимание и восприятие интернационального стиля. Движение постмодернизма на меня произвело большое впечатление в плане переоценки ценностей. Я долго варился в котле собственного сознания, думал, что-то рисовал. Постмодернизм повлиял на работу по Крытой арене, но потом я вернулся к «честной» архитектуре. Для меня стилистика Баухауза в понимании сущности архитектуры стала основополагающей. Постмодернизм возник как протест безликому, бездуховному и возвращал к человеку. Это было важно, особенно в понимании среды, в бережном к ней отношении.

Благодаря чему формировался собственный стиль в 1990-е?

Мне повезло, что в 1992–1993 годах я попал на работу в немецкую фирму. Это был критический момент в жизни государства, общества, устоявшихся духовных ориентиров. В эти годы я получил твердую ступеньку, на которой мог постоять, видя, что делается, как проектируют и строят в Германии и других странах. Мы с Володей Шевченко

работали в городе Котбус (бывшая ГДР) как дешевая рабочая сила. Но для нас было важно работать в новых отношениях, с новыми материалами, это очень помогло себя переосознать.

Какие работы сделаны после немцев?

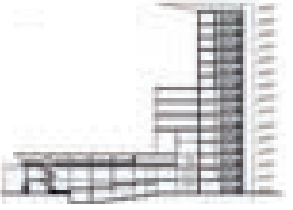
Интересный объект офисный комплекс на Владимирской 41 (1994). Прошли градсовет и даже защитили эскизный проект. Но потом произошел конфликт инвесторов с городскими властями.

1990-е годы это еще и завод «Оболонь», какой-то метафорический объект, вроде бы из прямых линий, и что-то в нем от постмодерна и от деконструкции, кудинский почерк.

Пивзавод «Оболонь» строила английская фирма. Я рисовал очередной эскиз, выдавал его — и объект строился. Когда он был завершен, я не мог собрать чертежи в единый том, поскольку у меня были только эскизы, по которым осуществлялось строительство. Потом пошла реставрация и приспособление Контрактового дома под валютную биржу. Прежде я никогда не касался памятников архитектуры, это была интересная школа общения с наследием. Функция Контрактового дома, которая была задумана в позапрошлом веке, понемногу возвращается.

В нулевые годы появилась редкая для украинской контекста работа с дистиллированной формой (которую Кудин культивирует), когда начинает работать ритм, фактура. Почему ты этим занимаешься, а остальные как будто не видят?

На неокрепшие души очень большое влияние оказывает коммерциализация. Хотя в архитектуре всегда была коммерческая тема. Архитектура делается для заказчика, на его деньги, и часто архитектор по сути теряет право называться архитектором в своих объектах. Главенствует тот, кто сумел заработать деньги, стать богатым, и, естественно, часто хочет показать, что богат, потому что это классно, но что такое быть богатым, знает по образцам «до 1917 года». А какая была архитектура до 1917 года? Коммерческая: башенки, наличники и историческая тема. Естественно, началось давление на архитектора: «Хочу в классике! или в историческом» стиле! Это покажет, что я стабильный как в запрошлом веке!»



Выставочный комплекс, архит. Виктор Кудин, проект, 2006

Глаз и горизонт

И архитектор идет на поводу.

Зачастую заказчик не знает, как живут богатые люди на современном этапе, поэтому и строят себе эти a la замки.

А как удается объяснить, что может быть как-то иначе?

Один из первых аргументов — не нужно себя ассоциировать с прошлым, с тем, что ты знаешь о прошлом. Человек живет на земле в современном отсчете времени. Существует современное понимание жизни, архитектуры, искусства, и это должно оставлять свой след на земле. Так развивается искусство. И каждое время оставляет свой след. Der Zeit ihre Kunst. Der Kunst ihre Freiheit. Мы не можем оставлять псевдо-следы времен, которые уже давно прошли. Иначе это неправда.

Западные архитекторы преклоняются перед советским конструктивизмом, делают ссылки на Баухауз, но они не повторяют конструктивизм и функционализм буквально. Появляется экспрессивная форма, гнутые линии, что-то ироническое. Как бы ты отмаркировал свой стиль?

В первую очередь важна тема, объект художественного творчества. Даже до появления первой линии. И восприятие объекта как художественной темы возникает в процессе проектирования. Возникла

в начале, исчезла, занялись функцией, потом опять появляется. Но никогда нельзя терять тему и понимание того, что это художественный объект.

Если говорить о стилистике, конечно, происходит вибрация в каждом объекте. Вибрация в пространстве, в котором он находится и давит, трансформирует твои придумки. Как это всё назвать — не знаю. Когда Ренуар начал писать, у него было двадцать семь красок. К концу жизни пришел к тому, что в его палитре осталось шесть. Но если сравнить его начальную и зрелую живопись, то более живописный результат — из шести красок. Что-то отходит, появляется простая экспрессия, художественная тема. Пример Ренуара мне близок.

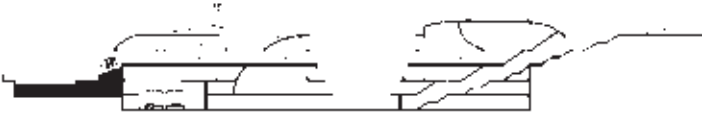
В ситуации глобальной что ближе всего по мироощущению?

Вдохновляет испанская архитектура. Близки немцы и голландцы. Но существуют вещи, которые подпитывают твою тему. Два года назад на биеннале, казалось бы, совершенно невероятные вещи, которые к тебе никак не относятся, заряжают энергией творчества. Я не хочу кого-то выделять. Да, конечно, есть личности, есть объекты, от которых мурашки по коже. Важно ощущение творческой атмосферы архитектуры, которая происходит в мире, и — получать от нее заряд.

А если не держишь руку на пульсе, начинаешь «пролетать», впадать в прелесть XIX века?

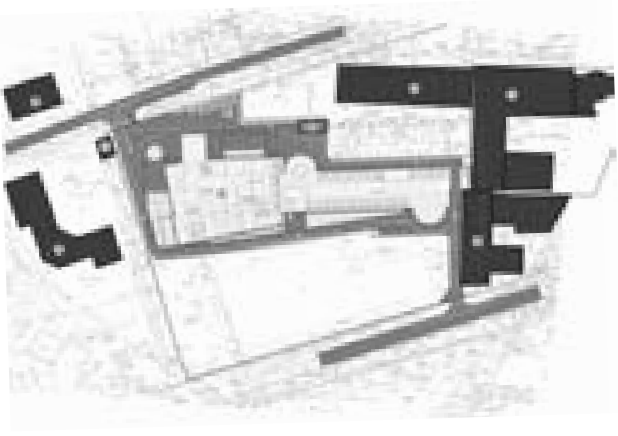
Да, так часто и происходит в Киеве. Потому что когда находишься «там», то соизмеряешь себя с этими людьми, с этими объектами. И это настолько захватывает — как ты себя осознаешь, где ты находишься, что ты делаешь. Это очень важно.

A+C № 3 '2006



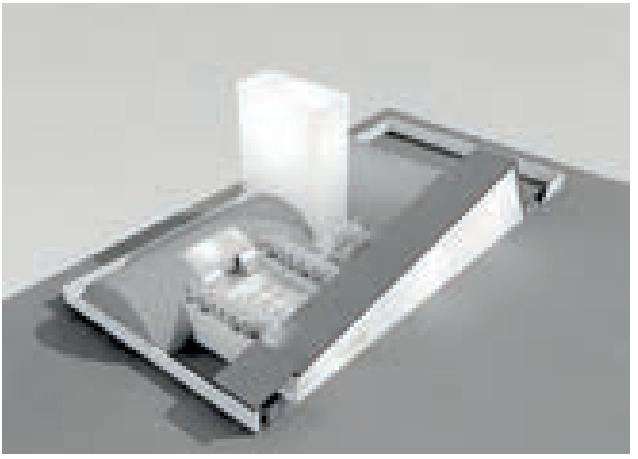
Мост и парковый комплекс возле филармонии, Владимирский спуск

архитт. Виктор Кудин, Тарас Побидаш, проект, 2006



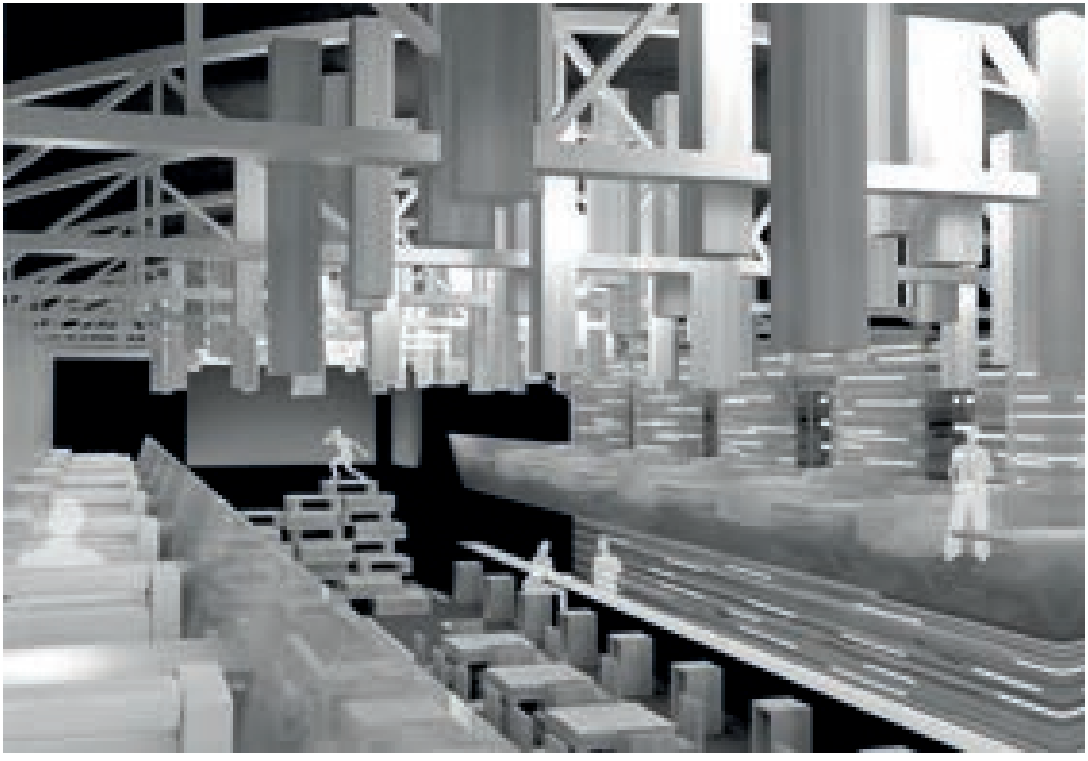
Офисный комплекс «Калашников» по ул. Полевой 24

архитт. Виктор Кудин, Александр Михайленко, Ольга Агапова, проект, 2008



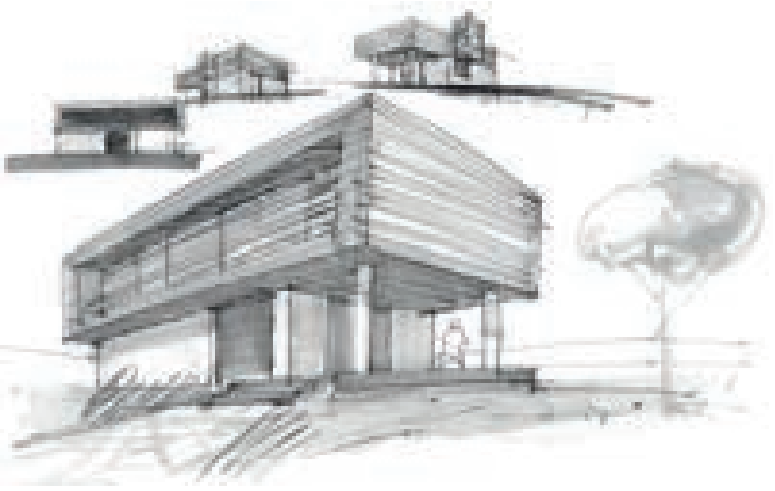
Развлекательный центр «Яма» на ул. Ямской

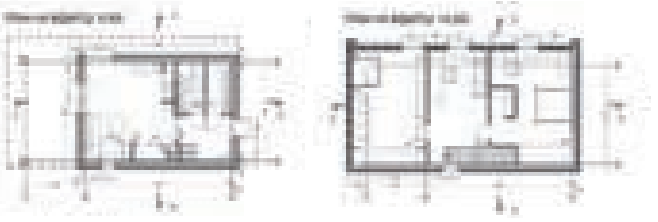
архитт. Виктор Кудин, Ольга Рябова, Ольга Агапова, Людмила Косик, проект, 2009



Развлекательный центр «Тара» по ул. Константиновской

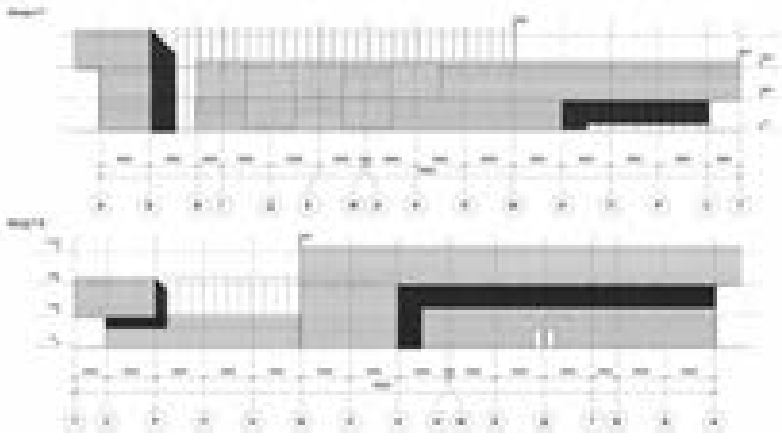
архитт. Виктор Кудин, Ольга Рябова, Михаил Карнаухов, проект, 2009





Летний дом архитектора в Крыхаеве Черниговской области

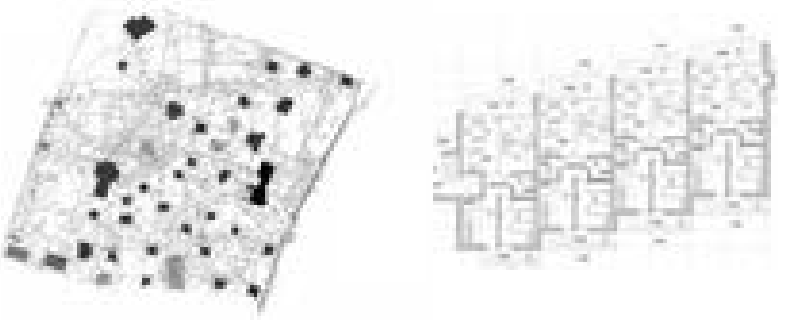
архитт. Виктор Кудин, Ольга Рябова, 2008–2009



Спа-комплекс по ул. Юнкерова в Пуща-Водице,
архитт. Виктор Кудин, Михаил Карнаухов, Надежда Бесараб, проект, 2012

Садиба під Києвом

архітт. Віктор Кудін, Ольга Рябова, Михайло Карнаухов, Надія Бесараб, 2016



Дачний готель «Глібівка»

архітт. Віктор Кудін, Ольга Рябова, Михайло Карнаухов, Надія Бесараб, 2017

3|14

ЛОСИЦЬКИЙ І РЕСТАВРАЦІЯ

АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ «Ю. ЛОСИЦКИЙ»

НИКОЛА-НА-ВОДЕ

ВЛАДИМИРСКАЯ ГОРКА

ПАНОРАМА «ГОЛГОФА»

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НА ПОЧТОВОЙ

БУДИНОК НА ДЕСЯТИННІЙ

СХОДИ ДО «НИЖНЬОГО ВОЛОДИМИРА»

О ЗОДЧЕСТВЕ, ЛИШЬ ЗОДЧЕМУ ПОНЯТНОМ

АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ «Ю. ЛОСИЦКИЙ»

Если мы возьмем историю и уберем из нее места, где описываются явления искусства, не относящиеся к архитектуре, будьте покойны, из каждой сотни страниц мы уничтожим по меньшей мере добрых восемьдесят.

Бруно Дзеви, Saper vedere l'architettura, 1953

Продолжая знакомство с ведущими проектировщиками Киева, представляем фирму, работающую в редком жанре реконструкции и реставрации, чем, впрочем, далеко не исчерпывается перечень услуг мастерской. Руководитель мастерской Юрий Лосицкий родился 8 февраля 1953 года в Киеве, закончил КИСИ (1977), в 1977–1991 главный архитектор проектов в Укрпроектреставрации. Мастерская создана летом 1991 года, ее творческий коллектив составляют специалисты из Укрпроектреставрации: Ирина Болгарова, Евгений Захарченко, Елена Мирошниченко, Наталья Дыховичная и др. Мастерская коллективный член Украинской академии архитектуры, имеет государственную лицензию на выполнение специальных видов работ в проектировании и строительстве.

А.С.С: Какова была ориентация при создании мастерской? И почему рынок реставрационных работ?

Юрий Лосицкий: Потому что мы из Укрпроектреставрации. Ориентация — реставрация и реконструкция зданий, имеющих определенную историческую ценность, застройка свободных участков внутри города, предъявляющих большие требования к окружению. Был опыт, был круг заказчиков и возможности, которые можно было реализовать и вне института.

Что вы думаете о современном храмостроении, особенно на фоне исторического церковного зодчества Киева?

Архітектор Юрій Лосицький та церква-на-воді, 2004

В этом вопросе мне кажутся важными два момента. Во-первых, те, кто строил церкви, никогда не стремились копировать своих предшественников. Мы можем с точностью до пятидесяти лет определить время постройки церкви. Это касается и древней архитектуры, и архитектуры самого последнего времени. Во-вторых, что касается культового зодчества в нашей стране, то семьдесят лет оно отсутствовало. И если в Польше костел в конструктивистском стиле или в каких-то других совершенно новых формах не вызывает никаких возражений у верующих, то у нас возникают нарекания: образ церкви нарушен — это не церковь! А заказчиком, кто бы ни платил, как правило, выступает церковь, и у нее право вето, не устраивает — и всё. Поэтому копировать то, что было, я не вижу никакого смысла. Но если мы делаем что-то новое, не стоит повторять, ведь церковные сооружения строятся не часто, как правило, это художественные произведения и безусловно, акцент в застройке.

То, что сегодня строится, можно диагностировать как рецидивы стилизаторства XIX века, но исходящее теперь не от людей культуры, а от предвзятого заказчика.

Да, можно делать в любом стиле, используя любой элемент и любое их сочетание, лишь бы это было сделано грамотно. Но мы с первого взгляда легко отличаем Владимирский собор от Софии, и видим, что это совсем не тот византийский стиль, а новый, конца XIX века. Изготовление точной подделки, чтобы нельзя было отличить одно от другого, — вот в чём порок.

Как сочетается стремление к подлинности с реставраторской специализацией?

Я не рассматриваю реставрацию как отдельную и, как модно говорить в Киевпроекте, малоархитектурную работу. В городе, который создается витально, а не в одночасье, есть материализованные следы истории. Есть и люди, которые эти следы сохраняют. Я бы не стал их противопоставлять тем, кто делает что-то новое. Если мы решили делать реставрацию Михайловского монастыря на момент 1740 года, когда к нему пристроили контрфорсы, мы и будем это делать как можно точнее. Произведение архитектуры — это произведение главным

Проект Георгиевской церкви в Вишнёвом, архит. Юрий Лосицкий, 1994

образом духовное. Если мы перепишем от руки стих, он от этого хуже не станет. Спрашивается, почему мы не можем сделать копию утраченного сооружения, которое представляет духовную ценность? В копии она и сохранится, как греко-античная скульптура в римской копии или как «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, дошедшая до нас в копиях. А если мы создаем что-то новое, мы и действуем как создатели нового, с теми убеждениями, что у нас есть.

Какие преимущества дает самостоятельность?

Проектировщик должен быть независим. А Укрпроектреставрация всегда выполняла обслуживающую функцию на всех этапах своего становления. Проектировщик не должен подчиняться напрямую прорабу,

Воссоздание Михайловского Златоверхого собора, архитт. Юрий Лосицкий,
Елена Мирошниченко, Геннадий Донец, 1992–2000

зависеть от финансовых интересов строителей. Он должен опираться на заказчика и на собственную культуру. Поскольку объем проектных и подрядных денег это «две большие разницы», то при слиянии проектировщика и строителя, строитель его потопляет. Часто говорят так, мы вам сделаем проект бесплатно, если мы это будем строить. Но частник, который умеет считать деньги и стремится их грамотно и эффективно вкладывать, вкладывает их не в кучу кирпичей, а в профессиональную работу, в грамотный проект.

Чего сегодня в вашей работе не хватает из того, что было в Укрпроектреставрации?

Раньше в институте был плановый отдел, куда можно было прийти и выбрать бюджетные объекты, сверстать план работ. Теперь нет стабильности, и — надо думать. Правда, уже прошло пять лет, и мы не разорились. И еще, работая гапом в институте, я не боялся, что сделаю что-то непрофессионально, что где-то не выдержу нормы, что меня могут лишить лицензии. Теперь я беспокоюсь. И то, что фирма носит имя пана Ю. Лосицкого (это в свое время было требованием Союза архитекторов), налагает дополнительную ответственность.

Как работается с территориями, имеющими особый статус?

Наличие регулирующих органов в историческом городе необходимо. Но есть некоторая несогласованность между памятникоохранительными органами и теми, кто представляет архитектуру новую. Позиции и тех и других излишне ортодоксальны.

А наши подрядные организации...

И дешевле, и качество у них высокое. Например, мы делали фасад на Контрактовой 10 с киевской фирмой «Партнер энд Компани». Заказчик был очень доволен, сделали хорошо. На Андреевском спуске 28 тоже работают наши строители.

Ваше слово потенциальным заказчикам.

Заказывайте проекты у нас! Расценки у нас государственные и даже ниже оных! А сроки самые короткие, насколько это возможно.

А.С.С № 1 '1996

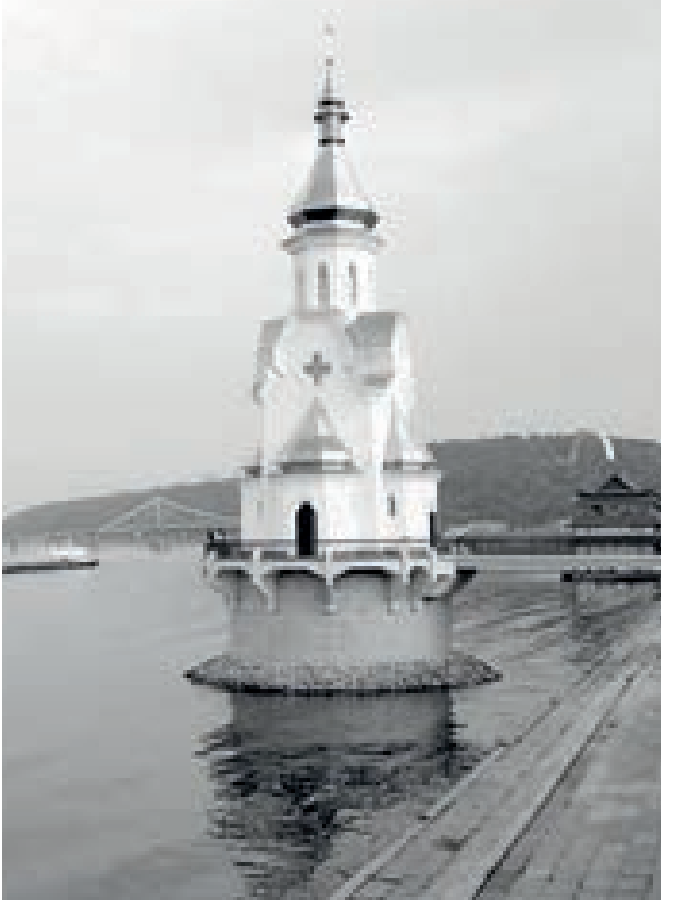
НИКОЛА-НА-ВОДЕ

Киев специальный город, его судьба — излом в излучине Днепра, где гавань в устье Почайны давала приют ладьям, товарам и путешественникам «из варяг в греки». Особое очарование Киева в его угрюмых горах и оврагах, нависающих над Борисфеном, Днепром-Славутой. Деловая жизнь города всегда была сосредоточена у дола горы, на Подоле, на пристани, у торжища. Там, где кипела жизнь, созидались первые христианские символы веры — церкви Николая Доброго, Николы Притиска, Богородицы Пирогощей, Воскресенская и Борисоглебская, монастыри Греческий и Фроловский, церкви Братского монастыря и другие, разрушенные и лишь упоминаемые в летописях. Новая церковь-часовня на берегу Днепра посвящена Св. Николаю, покровителю мореплавателей, и продолжает прерванную на столетие традицию храмостроения.

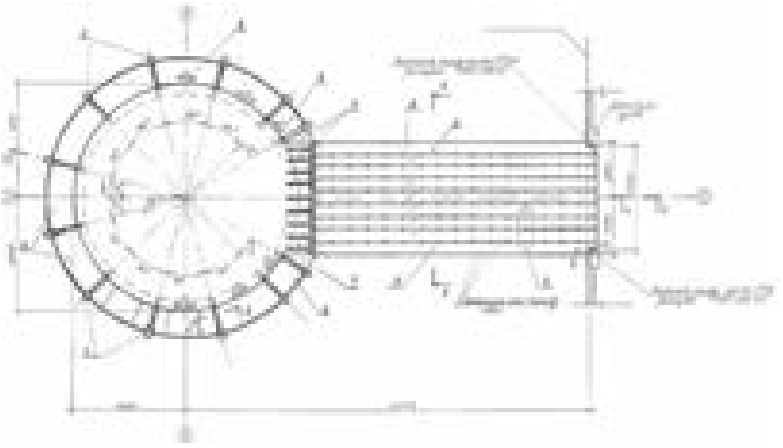
При реализации идеи архитекторам и конструкторам пришлось решить ряд нетривиальных задач. Первая градостроительная — церковь поставлена в створе ул. Борисоглебской (восстановление храма Бориса и Глеба ждет своего часа), и, замыкая перспективу улицы, расположилась не просто на набережной, но вынесена на речную гладь, и в связи с этим успела получить имя нарицательное «церковь-на-воде».

Отсюда проистекла задача конструктивная, с которой успешно справился коллектив киевского института Речтранспроект. Храм отстоит от набережной на 16 *м*. Расчеты свайного основания, ж/б цоколя, гранитной отсыпки на илисто-песчаном грунте и воздушного перехода, соединяющего набережную и круговой обход церкви, рассчитаны безукоризненно. На зыбкой почве сооружение простоит века.

Третья задача, стилистическая, решена мастерски и не без изящества. Облик храма — из эпохи гетманского барокко, но решение необычно и сочетает в себе современные конструктивные возможности и объемно-пространственный опыт православного зодчества.



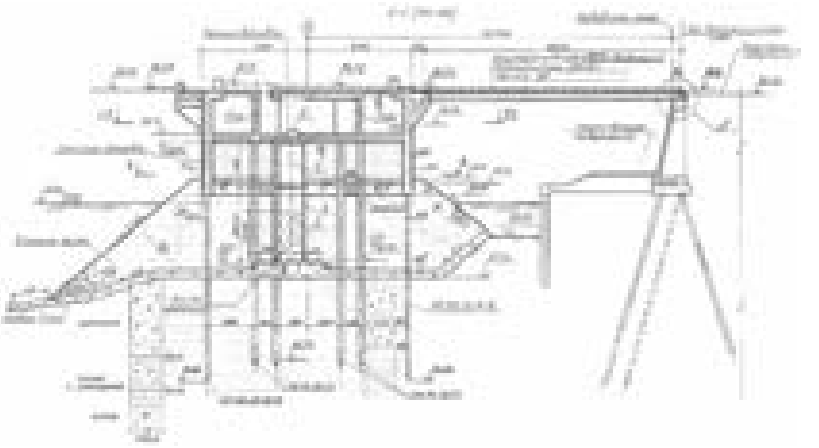
Церковь Николая Чудотворца, ул. Набережно-Крещатицкая
архитт. Юрий Лосицкий, Елена Мирошниченко, 2003–2004



Церковь на воде, архитт. Юрий Лосицкий, Елена Мирошниченко, план, 2003

О творческих исканиях и аналогах автор проекта Юрий Лосицкий рассказывает: «Близкое по пропорциям построение можно найти в архитектуре армянской, в ее стройных храмах XII–XIV веков: наши церкви более разлапистые, а здесь надо было сделать свечечку. Ну а такие элементы, как карниз, свойственны всем временам и народам, иначе на стенку будет капать. Нельзя сказать, что в качестве образчика церкви-на-воде было выбрано какое-то стилистическое направление. Ни одна церковь не похожа на ее объем. А интерьер вообще такой, какого не было нигде, потому что там нависают углы и собственно крест, на котором стоит купол, как бы висит на скошенных внутрь углах».

При использовании современных технологий традиционные элементы церкви, как например конхи, выполнены из «ветхозаветного» кирпича. Снаружи и внутри храм оснащен высококачественной штукатуркой, готовой принять настенную живопись. Каноническая структура интерьера, в отличие от либеральных вольностей, предполагает сосредоточенность на молитве, созерцание икон, евангелических заповедей и житий святых. Вопрос о непрозрачности стен православного храма стал одним из животрепещущих для авторского коллектива: «Это замкнутый объем, не имеющий в куполе прорех, через которые



Основание церкви на воде, архитт. Юрий Лосицкий, Елена Мирошниченко, раз, 2003

виден грязный сайдинг. Замкнутый объем церкви изображает определенный мир, в том числе посредством системы росписей, и обеспечивает отсутствие визуальной связи с наружными жизнерадостными элементами, такими как дерево, на котором сидит ворона и каркает. Этого не должен видеть молящийся человек. То есть храм это интерьер, изолированный от земной реальности».

Строительству необычной церкви предшествовали долгие размышления о сущности храмостроительного канона, о духе места, кромки, горы и дола, тверди земной и водной хляби: «Чем православный канон отличается от католического? Центричность и всефасадность. Ни один элемент украинского барокко не отличается от барокко общеевропейского. Но форма составляется таким образом потому, что следует православной традиции. Шеделя из Германии пригласили сначала в Киев, а потом в Москву не затем, чтобы он строил как здесь, а затем чтобы он строил, как там. И Растрелли приглашали не за тем, чтобы он строил как "здесь", а затем чтобы он строил, как "там". Но Андреевская церковь — это четкий признак Киева».

А+С № 5 '2004

ВЛАДИМИРСКАЯ ГОРКА

Приезжаешь в Чернигов. Дорога прорезает Вал. На Валу стоят пушки, и каждому понятно: Детинец. Владимирская горка — третья часть Киева X века — тоже Детинец. Не хуже черниговского. А Вал даже лучше черниговского. Он выше. Откос ровнее. И почему не поставить здесь пушки? Около Военно-Никольского собора стояли. Украшали.

Мы предлагаем восстановить «Голгофу», водонапорную башню (ресторан) и два фонтана — один между башней и «Голгофой», второй недалеко от памятника св. Владимиру. К популярной беседке на нижней террасе добавить две беседки, на соседних отрогах. Плюс перебросить два металлических моста, через Владимирский спуск и над фуникулерным подъемом. Поскольку территория возле фуникулера будет застроена, мост позволит выйти на Боричев ток. Дорогу, которая идет к Андреевской церкви, следует облагородить, тогда горка становится местом нетупиковым, местом, через которое можно выйти и пойти себе дальше гулять по красотам.

Площадь парка 9,2 *га*, насаждений 9,05 *га*, мощение 20 *тыс. кв. м*, мост над Владимирским спуском около 40 *м*, над фуникулером — около 20 *м*.

Юрий Лосицкий

А+С № 5 '2004

Реконструкция и благоутройство парка «Владимирская горка»
архитт. Юрий Лосицкий, Алексей Макаренко и др., проект, 2004

ПАНОРАМА «ГОЛГОФА»

В начале XX века панорама «Голгофа» да и вся Владимирская горка играли роль культурного центра города. На Владимирской горке тридцать лет простоял круглый павильон с надписью «Голгофа». Эта панорама изображала распятие. В 1901 году был построен павильон для выставки картин. Но ценность ее заключалась не столько в мастерстве художников и инженеров (И. Кригер, К. Фрош, В. Римский-Корсаков, С. Фабианский), сколько в редкости выбранного для этой цели сюжета. Панорама «Голгофа» рассказывала о последних мгновениях земной жизни Сына Божьего. Сюжет прекрасно связывается с памятником Владимиру Святителю, с Михайловским Золотоверхим монастырем, с памятником «Голодомору» и вообще со всей историей Украины.

В 1902 году здание представляло собой двенадцатигранник, диаметром около 31,95 *м*, остовом которого служат угловые фермы высотой 15,975 *м*. Посередине расположена площадка для зрителей, на которую снаружи ведет бетонная лестница. Для развески картин была применена особая подвижная тележка, двигающаяся по круговым рельсам. Над площадкой для зрителей был устроен зонт, окрашенный снизу в черный цвет. Освещение днем — через верхние окна, вечером — газовыми горелками. В 1930-е это уникальное здание, как и множество других памятников нашей культуры, разобрали. Для полной и наиболее точной реконструкции панорамы сохранились фрагменты оригинального холста и достаточное количество фотоматериалов.

Объем здания 12 600 *куб. м*, площадь застройки 810 *кв. м*. Площадь живописного полотна 110 *кв. м*, высота 10 *м*.

А+С № 2 '2008

Реконструкция панорамы «Голгофа» на Владимирской горки
архитт. Юрий Лосицкий, Алексей Макаренко, 2004

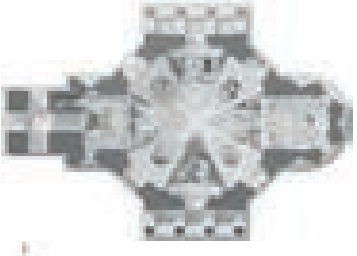
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НА ПОЧТОВОЙ

В 2004 году, вопреки противникам идеи воссоздания архитектурных памятников, Почтовая площадь на Подоле вновь обрела утраченную в 1935 году достопримечательность — церковь Рождества Христова. Воскресший из небытия храм стал убедительным аргументом в пользу того, что воспроизведение стоящей архитектурной формы при высоком уровне исполнительского мастерства — настоящее искусство. Кроме того, возрожденное классицистическое здание идеально заполнило отсутствующее звено в градостроительном каркасе Подола и обозначило важный пункт туристического маршрута «по шевченківських місцях», поскольку тут отпевали Кобзаря на пути его следования из Петербурга в Канев, к месту вечного упокоения.

Построенная по проекту первого «городового архитектора» Киева Андрея Меленского эта церковь была одной из визиток города и сюжетом почтовых открыток. Ее строительство началось в 1808 году и под руководством автора продолжалось до 1825 года. При перепланировке Подола после большого пожара 1811 года в процессе строительства главный (северный) фасад церкви и южный поменялись местами, потому что новая главная улица прошла не перед храмом, а позади него, именно поэтому портик южного фасад оказывался заглубленным в землю ниже уровня пола.

Первый иконостас церковь Рождества унаследовала от сгоревшей во время пожара Спасо-Преображенской церкви. В 1845 году иконостас был обновлен, тогда же частично расписан интерьер храма. В 1911 году в храме было установлено калориферное отопление — уровень пола поднят на 1,05 *м* и выложен гранитными плитами. Тогда же началась реконструкция интерьера, завершенная к столетнему юбилею храма в 1914 году. В соответствии с планом реконструкции Почтовой площади (привязка площади к Правительственному центру

Воссоздание церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Почтовой площади
архитт. Юрий Лосицкий, Елена Мирошниченко, Геннадий Донец, Евгений Захарченко, 1994–2005



Воссоздание Рождественской церкви на Почтовой площади
южный фасад, план росписи сводов, разрез, 1994–2005

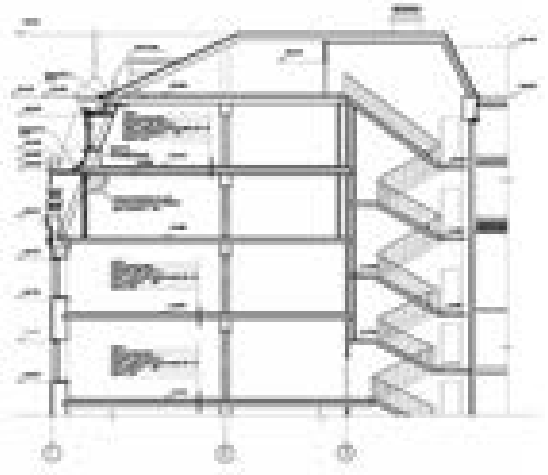
и строительство Речного вокзала) в 1935 году церковь была снесена. В отличие от более древних памятников — без исследований, обмеров и специальной фотосъемки. В 1970-х при прокладке метро работы сопровождала археологическая экспедиция, но никаких остатков зафиксировано не было. После того, как в 1992 году заповедник «Древний Киев» заказал разработку эскизного проекта воссоздания церкви Рождества, проектировщикам для выяснения местоположения церкви на момент начала ее строительства в 1808 году пришлось накладывать план 1803 года на современную подоснову.

Сохранившийся авторский проект А. Меленского и фотографии дали возможность установить точные размеры сооружения для тщательного воссоздания внешнего вида. Здание на фотодокументах соответствует проекту. Исключение — изменение ордера портиков с ионического на дорический и упрощение некоторых элементов декора: на куполе отсутствовала люкарны (но они есть в проекте Меленского), были пропущены фальшбалюстрады на завершениях купола и колокольни. Главными вопросами при разработке проекта воссоздания стали целесообразность пристроек и уровень пола. Из соображений сугубо архитектурно-композиционных решено возводить храм в первоначальном варианте, то есть по проекту Андрея Меленского (из-за пристроек XIX в. церковь утрачивала свойственные классицизму симметрию и лаконичность). Уровень же пола подняли настолько, насколько это было необходимо, дабы сбалансировать его с тротуаром Владимирского спуска. В свою очередь расширение проезда заставило сдвинуть обновленное здание в сторону Днепра на 2,5 *м*.

Основанием церкви, которая оказалась стоящей над метрополитеном, стала монолитная железобетонная плита в виде двухпрогонного моста, опирающегося на сваи. Материал стен полнотелый глиняный кирпич. Чтобы противостоять вибрациям со стороны метро, купол выполнен в виде железобетонной оболочки. Интерьер воспроизведен в классицистической манере, в том виде, в котором он существовал до реконструкции 1911 года.

Ирина Ковальчук
А+С № 2 '2008

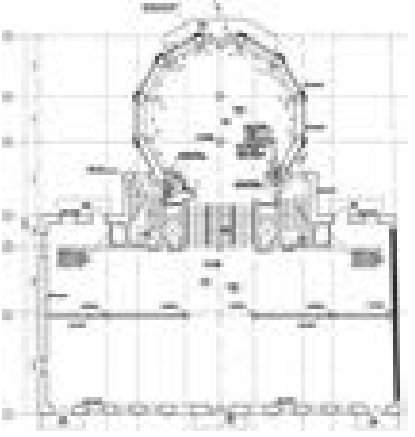
БУДИНОК НА ДЕСЯТИННІЙ



Ділянка знаходиться у Шевченківському районі. У 2002–2004 роках будинок відновлювався за матеріалами історико-архівних вишукувань чотириповерховим з півдвалом. Проектом реконструкції передбачено надбудову ще двох поверхів та мансарди, та прибудова підземного експозиційного залу на території, що належить міському музею. Весь простір, що надбудовується та прибудовується буде зайнятий експозиційними залами.

Олена Мирошниченко

А+С № 2 '2008



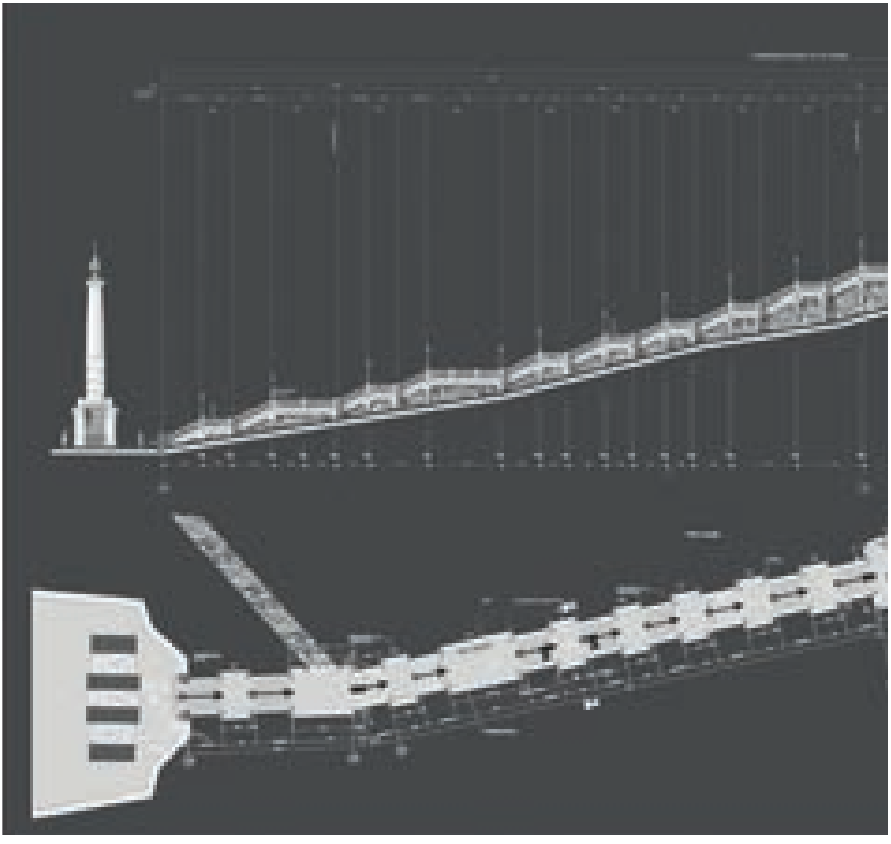
Реконструкція будинку на вул. Десятинній 12

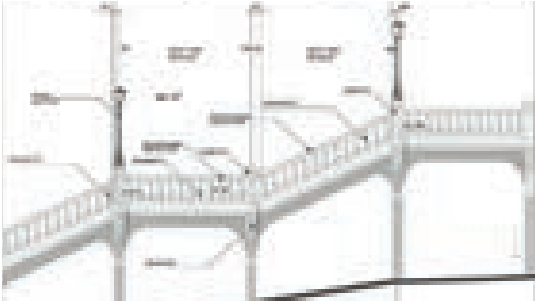
архітт. Юрій Лосицький, Олена Мирошниченко, 2004–2008

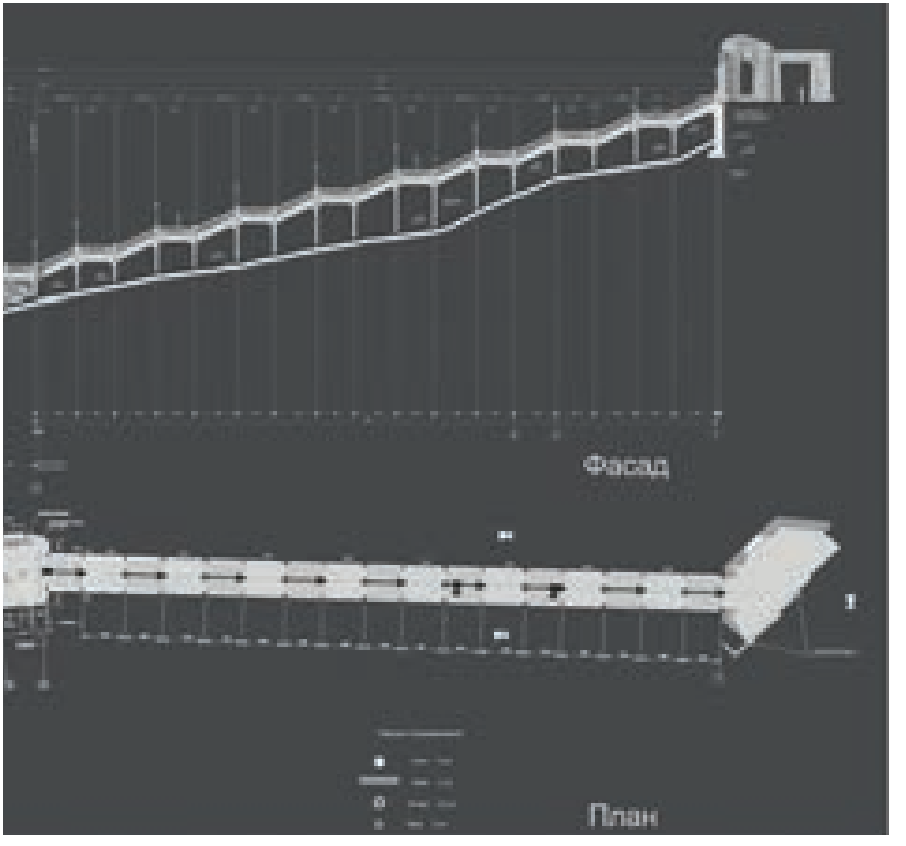
СХОДИ ДО «НИЖНЬОГО ВОЛОДИМИРА»

Сходи архітектора М. П. Бобрусова збудовані у 1915 році, вони вели з Хрещатика до колони Магдебурзького права. На початку двохтисячних частина сходів обвалилась, і декілька років сходи було зачинено для відвідування. У 2004–2013 років майстерня попрацювала — і ось маємо!

A+C № 1–2 '2015







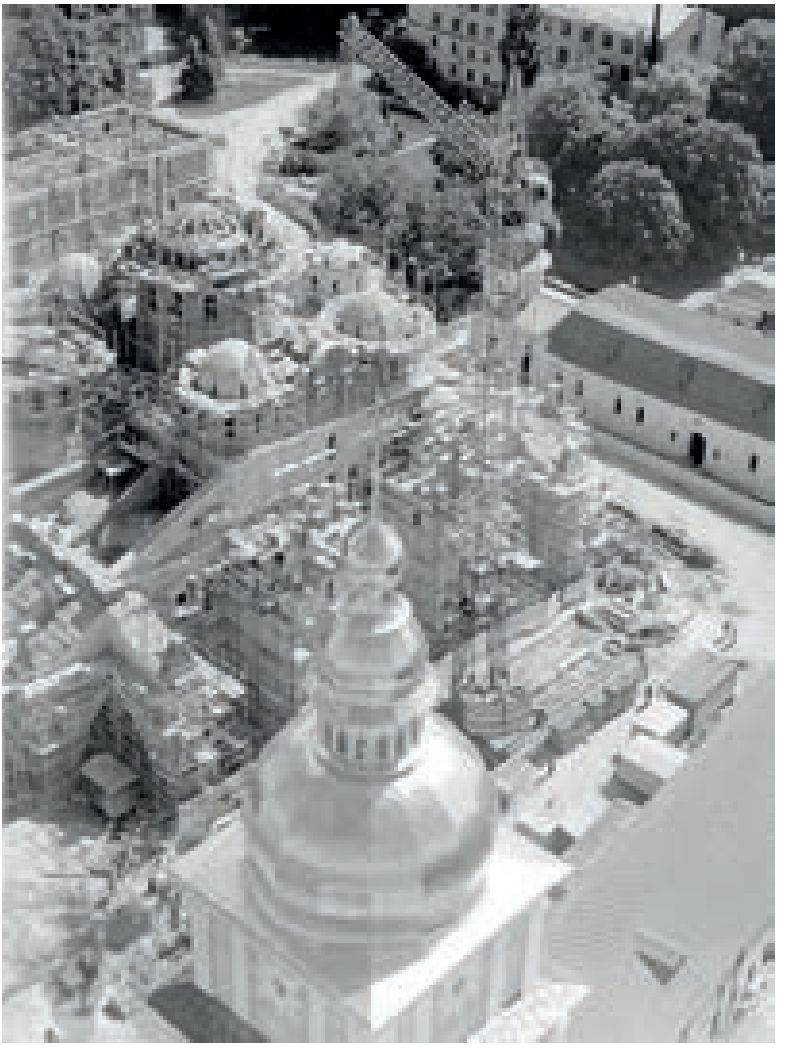
Реставрація сходів до колони Магдебурзького права, архітт. Ю. Лосицький, О. Макаренко, 2006

О ЗОДЧЕСТВЕ, ЛИШЬ ЗОДЧЕМУ ПОНЯТНОМ

Год назад в А+С 1'2016 опубликовано абсолютно оригинальное обоснование научной реконструкции старейшей киевской церкви — Десятинной. Ю. Г. Лосицкий предлагает отказаться от поиска аналогов среди более ранних византийских построек, в объемно-планировочной структуре которых недостаточно общих черт с Десятинной, и, напротив, находит сходство ее архитектурных и конструктивных параметров с более поздними княжескими храмами Киева. Расширенные вопросы на эту тему предполагают приближение к творческому процессу мастера-архитектора и реставратора. Это разговор о городе и о профессии, которая ярче проявляет свои истинные свойства на фоне других видов сопредельных практик, например, археологии…

А+С: Юрий Георгиевич, в связи с Десятинной церковью, национальным символом, от которой остались лишь фундаменты, интересно порассуждать о том, чем является архитектура для архитектора, а чем для археолога. Чем отличаются их взгляды? Есть ли общее? Когда-то общий предметный интерес привел к объединению методики исследований: метод назван архитектурно-археологическим еще Б. Н. Засыпкиным в 1928 году. Мне, однако, представляется, что общие взгляды найти здесь сложно. Для археолога памятник архитектуры является все-таки памятником археологии.

Юрий Лосицкий: Как говорил пан Вотруба, жизнь не так проста как кажется, она еще проще. Архитектура является видом искусства, который создается одним, а исполняется другим. Говорят, что архитектура это застывшая музыка. Так это таки да, застывшая музыка. И всё, мне кажется, очень просто. Архитектор — композитор, он придумывает, оркестр играет, прорабы портят, ну и вот такое вот.

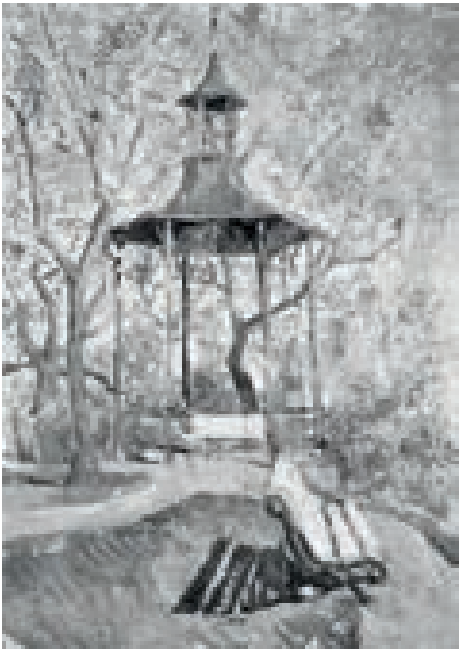


Восстановление Михайловского Златоверхого собора
аэрофото 6 августа 1998 года

Ю. Лосицкий, Кирилловская церковь, темпера

Что касается археологов, они в этом ничего не понимают вообще. Архитектуры не понимают! Слово «археология» означает изучение древностей. Как археолог может изучать архитектуру? Сопромат не учил, в художественной школе не занимался. Чистейший воды гуманитарий! Когда объясняешь, для чего сделана модульная разбивка, археолог не понимает. Он не понимает, что от размера свода зависит толщина стен, и это знание в эпоху Киевской Руси было не распространенным, наверно даже секретным, передавалось от одного зодчего другому. Иначе каждый сможет построить сводчатое сооружение, а так — не каждый. И не столь важно было, красива ли София со стороны площади, а было важно, чтобы своды не завалились. Древние зодчие понимали в этом деле.

Тайное знание принесли греки?



Ю. Лосицкий, Кокоревская беседка на Владимирской горке, темпера

Все то, что было до 1132 года, — наверно греки. Я думаю, что и потом греки. Ведь сильно жирно, так сказать, без чертежей строить! Живешь на попечении князя, и всё хорошо. Отдашь чертежи — дадут под зад коленом, как теперь, и всё.

В 1132 году строилась церковь Богородицы Пирогощей. Вы имеете в виду переход на порядовую кирпичную кладку opus isodos?

Да, слом технологии. Сначала употребляли камень, откуда только его не возили — в Киеве же нет камней. Пособирали все валуны. Кончились валуны, начали таскать шифер из Овруча. Мраморные детали привозили из Херсонеса. Ну, а как? Камни нужно было доставить на плотах, загнать в Почайну, потом еще на горку метров сто. А есть лес, есть глина, навалом, хорошая! В Византии, кстати говоря, кирпичная кладка использовалась параллельно со смешанной, opus mixtum, и чисто

бутовой — и во время строительства Десятинной, и раньше. В материковой Греции, например, выбор строительной технологии был обусловлен природными ресурсами региона. Если оценивать Киев с этой точки зрения, конечно же, приоритетным должно было бы стать строительство из кирпича. Но первые кирпичные здания — Богородица Пирогоща и Спас на Берестове — появились почти полтора столетия спустя. После этого уже никаких камней в церквах. Все стало чисто кирпичным. Изменились соотношения, толщина стены к пролету. Изменилась вся модульная система, основанная на греческом футе (его длина, по Е. Шильбаху, 30,3–31,6 *см*). Модуль, использованный при разбивке плана Десятинной церкви, равнялся четырем греческим футам (123 *см* ± 3 *см*). Этому модулю кратны и размеры подкупольного квадрата (6 модулей), и ширина боковых нефов (2,5–3 модуля), и боковых галерей (5–5,5 модулей), и толщина стен (1 модуль). Тот же самый греческий фут — в плане Софии Киевской. И в других храмах Киева второй половины XI — начала XII века. А вот третий храм Киевской Руси, Спасо-Преображенский собор в Чернигове, не такой как киевские сооружения: толщина стен и лопаток у него — 1,4 *м* — не кратна греческому футу. Тем не менее, он вписан в модульную сетку, с ячейкой 1,4 *м*. Это совершенно очевидно: толщина стены и пролет связаны определенным соотношением, которое если не знать, своды могут упасть. Смотрите, насколько похожи все древнерусские храмы, хотя их и мало сохранилось. Это же в сущности типовое строительство!

О храмах архитектурного типа Богородицы Пирогощей И. В. Моргилевский говорил: «все они как за 5 копеек бублик».

Планово-пространственная типология остается в этот период без изменений, но модульная система, основанная на греческом футе, меняется вместе с техникой кладки.

До вас модуль древнерусских храмов никто не обсуждал. Известна только теория И. Ш. Шевелева и Б. А. Рыбакова о древнерусских мерах длины и летописные сведения о золотом поясе Шимона. Найденный вами модуль и есть тот самый секрет древних зодчих?

Мне кажется, так они и рассчитывали. Если бы мне поручили построить Софийский собор, без ничего, — выйди на место и построй! — я бы

построил. С точностью, наверно, такой же, как и есть, насколько отклоняется сама София от идеальной геометрии, потому что разница между размером нефов и, скажем, диагоналей квадрата, это строительные погрешности. Замыслено это всё как правильная геометрическая модель. То есть окна должны быть одинаковые, нефы тоже, правый и левый, одинаковые. Она симметричная, ну, и так далее.

А археолог… Его ведь не интересует то, что не является материальными остатками. И это очень плохо, потому что то, что является в археологии искусством архитектуры, в общем-то как раз остаток нематериальный.

Я о том, что в археологии все-таки обращали внимание на такую составляющую, как духовное содержание. Вот как раз оно и могло бы объединять архитекторов и археологов, потому что мы сейчас говорим о том, чем различаются их взгляды на архитектуру. А в чем же они могут совпадать?

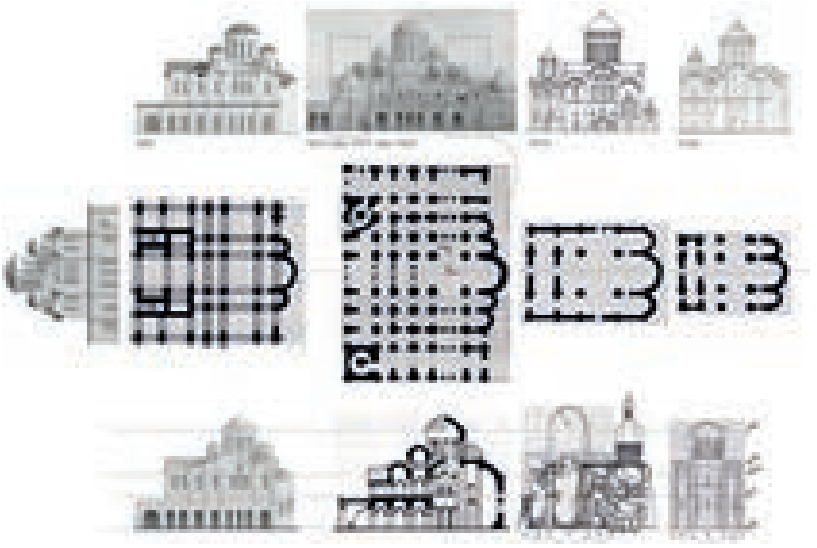
Такие есть, это очень редкие археологи. В Крыму таким был Олег Иванович Домбровский, он понимал все эти вещи. Я участвовал в его экспедиции. Но он и не совсем археолог — окончил петербургскую Академию художеств и смотрел на всё шире. А вот этой узости типично археологического взгляда — венчики, типы посуды, откуда импорт, что и как — в этом он разбирался достаточно слабо.

Как можно по типу венчика или, скажем, по типу донышка ялтинской посуды образца 1945 года отличить сталинскую культуру от Гитлера или Рузвельта?

А сталинская архитектура от гитлеровской ничем не отличается. Сталинская даже лучше. А у Муссолини еще лучше. Но это же одно время, так вот и венчики одинаковые. И усы эти не Гитлер придумал — такие усы были модными, все носили. Поэтому нет никакой разницы между мордой Котовского и мордой фюрера.

Говоря о нематериальных остатках, вы наверно имели в виду некое качество архитектуры, отличное от вещественных аутентичных фрагментов. Какое?

Когда мы восстанавливали Михайловский Златоверхий, Ю. С. Асеев гениально описал методы, заложенные в концепции воссоздания. Там



Общий модуль для киевских церквей X — начала XII века

были такие слова: поскольку только эстетические потенции сооружения имеют ценность в восстановленном здании, точно копировать всякие материалы и строительные приемы нет никакого смысла. Совершенно верно! Красиво изложил.

Глава фонда восстановления Городского дворца в Берлине (Berliner Stadtschloss) Вильгельм фон Боддиен приводит в пример Михайловский Златоверхий собор как удачное воссоздание исторически важного сооружения, наряду с такими хрестоматийными примерами как дрезденская Фрауэнкирхе, Королевский замок в Варшаве, кампанила собора св. Марка в Венеции…

Все нации, утратившие важные для самоидентификации архитектурные произведения, их воссоздали как можно точнее. В Мюнхене в 2010 году состоялась выставка «Geschichte der Rekonstruktion — Konstruktion der Geschichte» (История реконструкции — конструкция истории). Название как нельзя более точно выражает суть воссоздания утраченных произведений архитектурного искусства. Михайловский

Десятинная церковь, реконструкция Ю. Лосицкого, 2016

Златоверхий собор занимает четыре страницы 500-страничного выставочного каталога, в котором порядка 150 репрезентативных примеров — от греческой античности до наших дней. Кстати, в каталоге есть объект Всемирного наследия ЮНЕСКО — пешеходный арочный мост в городе Мостаре (Босния и Герцеговина), разрушенный хорватскими боевиками в 1993 году, воссозданный и снова взятый ЮНЕСКО под охрану как памятник. Так вот, ни фонтан «Самсон», ни Михайловский собор от Мостарского моста ничем принципиально не отличаются.

Согласно новым археологическим открытиям, Десятинная церковь была базиликой. Но археологи апеллируют к фактам из раскопок. Что говорит Г. Ю. Ивакин — пришлось по каким-то причинам менять первоначальный замысел. То есть «первоначально планировали крестово-купольное ядро церкви, но в ходе строительства от этого отказались и сделали его в виде купольной базилики».

Но план же не изменился, опоры — на том же самом месте! Какая базилика? Если у плана Софийского собора, пятинефного, с двумя

галереями, убрать последний неф и галерею, а гульбище приставить к трехнефной части, получится план Десятинной церкви. Один к одному! Просто выбросить по два элемента с каждой стороны, которые развивают композицию. Так почему тогда Десятинная церковь базилика? Ведь София не базилика.

Чем вообще купольная базилика с трансептом отличается от вытянутого, базиликального по сути, крестовокупольного храма?

Ничем. В любом крестовокупольном храме немножечко длиннее западная часть, там же притвор. А если притвор еще вытянуть, получится купольная базилика. Вот собор во Флоренции вытянутый. Ах, какой там купол, боже! А какие росписи! Его облицевали только в середине XIX века. В Италии много необлицованных церквей. Изначально у флорентийского собора была облицована только крещальня, и его облицевали так же, зеленым и белым мрамором. Не понимаю, почему он не отпадает…

Мороза нет.

А в крещальне обалденная золотая мозаика на всем куполе! Поднимаешь голову и так: А-аааа!.. — Приезжаешь в Киев и тебе начинают рассказывать, что София это центропупие культуры. Да, София раньше, чем крещальня во Флоренции.

В 1930-е были убеждены, что Десятинная церковь через Болгарию и Крым связана с большими купольными базиликами Кавказа.

Никакого опосредованного влияния! За что Владимир брал Херсонес и почему так? Зачем он крестился? Император тогда был круче, чем теперь Трамп. Но случилось восстание Варды Фоки. Чтобы это восстание подавить, у императора сил не хватало. Он пригласил самого жестокого и аморального варвара — Владимира. Святослав, при котором Русь была сильна, может быть, на это и не согласился бы. Святослав боролся с христианами. А Владимир Святославович… семьсот жен, кошмар! Но решил жениться на византийской царевне Анне, в качестве оплаты за военную помощь. Ему необходимо было родство с Византией, это открывало прямой путь к византийской культуре. Спрашивается, о каком опосредованном влиянии может идти речь?

А вот теперь перейдем к другому вопросу. Были ли вы, девушка, в Астане?

Проект реставрации Пантелеймоновского собора в Феофании, архит. Ю. Лосицкий, 1994

Нет, не была. Азия. Советская и чингисхановская?

Из которой течет нефть. За эту нефть Назарбаев заказал проекты Астаны. И среди авторов этих проектов не было ни одного казаха и ни одного русского. Но — известные в мире архитекторы, японские, английские… И вот что важно, на родине этих архитекторов не найти аналогов тех сооружений, которые они построили в Астане! Были решены новые задачи на новом месте. Это натолкнуло меня на мысль, что Десятинная церковь очевидно аналогичный прорыв. Зодчие приехали и получили свободу творчества. В Константинополе ничего нового не построишь — всё застроено, церквушки одна на другую налезают.

То есть цивилизационная ситуация в Киеве времен Владимира была такая же, как в современной Астане? Вы переносите деятельностный принцип, а не какие-то конкретные образцы и формы. Но все же, что в Киеве X в. было такого оригинального, что нужно было не готовое перенести, а совершать «прорыв»?

Абсолютно голое место.

Это же «типовое проектирование», вы сами говорите. На голом месте ставятся те же «девятиэтажки».

Мне сложно это объяснить. А почему Астана ни на что не похожа? Совсем не похожа на то, что те же архитекторы построили у себя в Японии и Европе.

Что же тогда делать с этим рвом, который выкопали, а фундамент не заложили, в Десятинной?

А в Софии кто-то исследовал, есть фундаментные рвы или нет? Земля, на которой стоит Десятинка, это просадочный грунт известкового типа — лёс, толщина его метров двенадцать. Лёс подвижный при замокании. Сухим он выдерживает 7–8 *кг / кв. см*. Для сравнения — прочность кладки в стене дома 13 *кг / кв. см*. Получается, что основа этого фундамента прочнейшая. Почему воссозданные Михайловский и Успенский стоят на сваях, а средневековая София как стояла на своем фундаменте, так и стоит?

В Советском Союзе каждое ведомство придумывало свои нормы. Однажды я услышал, как хвастался бывший чиновник Госстроя: он задался вопросом, почему нагрузка на 1 *кв. м* жилья 150 *кг*, а офиса — 200, и решил, пусть будет 200 и для жилья тоже. Чем он хвастался, я так и не понял. Если он увеличил нормативную нагрузку для всех сооружений в СССР, значит нанес урон экономике больший, чем война в Афганистане и чернобыльская авария вместе взятые. По всей территории Союза, включая Прибалтику, Молдову, Украину и т. д., по новому расчету фундамент стал шире, перекрытия мощней и строительство — дороже. По нашим нормам строительство на просадочном грунте надо считать по первому просадочному давлению. Когда восстанавливали Михайловский, возник спор между директором Киевпроекта И. Гордеевым и директором ЗНИИЭПа, который говорил, что можно строить на своих фундаментах, вес собора в общем-то небольшой, при расчете его нагрузки на фундамент, а Гордеев: нет, только сваи! Понимаешь, сколько стоит плита под Михайловский собор и та же плита на 320 огромных сваях, которые забурила Основа-Солсиф!

Зачем так много свай?

Николаевский собор Покровского монастыря в Киеве
проект реставрации Ю. Лосицкого, 1996

Покровская церковь Покровского монастыря, проект реставрации Ю. Лосицкого, 1995

Расчет на замоченное состояние грунта. В таком состоянии грунт несет 800–900 *г / кв. см*, а в сухом — 7–8 *кг*. Разница в 12 раз. А сваи проходят до непросадочного слоя. Сначала «Киевпроект» предлагал глубину свай 48 *м*. Я тогда придумал вот что. Обычно сваи изображают так: плита, под ней начало свай, отметка, разрыв, окончание свай, опять отметка. И я к цветному планшету с разрезом Михайловского присобачил снизу другой планшет, на котором изобразил сваи в масштабе: Михайловский высотой 37 *м* и сваи глубиной 48 *м*. Гордеев: Это что такое? — Сваи, — говорю, — в масштабе. — Нет, так быть не может, сваи будут 12 *м*! — Это реальная история.

И они теперь не достают до непросадочного слоя?

Да, они не упираются концом в материк, а просто забиты как гвозди в лёс. Плита фундамента — толщиной 60 *см*, на которой собор мог бы стоять и так, без свай. Вот колокольня тоже стоит на плите без

свай. Правда, поспешили и перестраховались: сделали плиту огромную, намного больше, чем пятно колокольни. И София стоит на этом грунте. Она старше Михайловского и Успенского. Если бы их не взорвали, они бы тоже стояли. Без всяких свай. А весь верхний Киев XIX века, с его пяти- и шестиэтажными домами с лифтами, он на чем стоит? На сваях? Нет. Там ленточные фундаменты в ширину стены, потому что шире не надо. Если специально не мочить. Сколько воды надо вылить, чтобы этот грунт подсел! Почему некоторые исследователи этого не понимают? Потому что в жизни своей не построили ни одного сооружения, не рисовали с образцов и т. д. Я, например, понял то, что Десятинная может быть «совершенно чем-то другим», не следуя никаким прототипам, только когда посетил Астану.

Юрий Георгиевич, задумывались ли вы о «формуле города»?

Нет.

Какой он, ваш Киев? Его лицо, характер, образ, вкус, цвет, запах? Что делает его уникальным, отличает от других?

Киев это три разных города. Каждый из них оригинален. Они слились, и получилось нечто триединое. Был Киево-Подол с Магдебургским правом, был Верхний город с замком, которого теперь нет, и Киево-Печерская лавра была совершенно отдельно. Три таких разных города с разным уставом и разными правилами. Из них, конечно, Подол был самым европейским, там существовал Магистрат. Подобным образом слились многие города: и Берлин, и Будапешт из трех городов слился. Тем не менее, Киев ни на что не похож. Потому что стоит на горах, потому что свой рельеф, своя архитектура, своя история отражает его многообразие. Каждое архитектурное сооружение свидетельство о каких-то человеческих чертах. В шутку я бы сказал: песня о жадности. Особенно современный Киев это стопроцентная песня о жадности.

Мне нравится дом ар-нуво № 6А по ул. Спасской, который виден из вашего окна. О каких человеческих чертах он?

Красивый дом, о чем говорить! Мне он тоже нравится. Каждый рисунок фасада как портрет человека, но изображает-то архитектура самое себя. И дома, из которых состоит улица Большая Житомирская,

и весь центр Парижа всё это коробки по сути дела. Если отбить от них лепнину — коробки. Только этот рисунок и отличает их. Да, все картины это маслом покрашенный холст, только изображение их отличает. Собака этого не видит, компьютер не распознает. А архитектор может оценить.

О каком киевском доме вы можете сказать: вот было бы хорошо жить в нем?

О любом старом доме. В нем должны быть высокие потолки (вот у нас 3 *м*, а в доме на Спасской 6А — 4,5 *м*), хорошая планировка, просторные комнаты, большие светлые окна. Чем больше окно и выше потолок, тем дальше светит внутрь.

Философ А. М. Пятигорский, сравнивая Москву и Лондон, города, в которых жил, говорил о горизонтальности Лондона, в то время как в Москве его не покидало ощущение вертикали, социально-культурной иерархии, будто находишься в многоэтажном доме на определенном этаже, поднимаешься вверх или опускаешься вниз. В Лондоне — шаг в сторону, по горизонтали, и ты можешь уйти «и от победы, и от поражения». Что в этом контексте о Киеве?

Сугубо субъективное мнение.

Как и любое мнение, тем и интересно.

Нет, дважды два четыре, это объективно. Лондон сравнивать с Москвой? Не знаю… Насколько Лондон лучше Москвы, правда? Москва, во-первых, город не свободный. Это в Лондоне был Парламент, а на Киево-Подоле — Магдебургское право. А, извините меня, в Москве даже трудно себе представить Магистрат. Какой Магистрат может быть в улусе, у вассала татарского ханства? И какая вертикаль? Деспотическая?

А Киев? Ю. А. Паскевич говорил о пирамидальности Киева, по-моему, исходя из пирамидальной композиции Софийского собора…

И вся его Оболонь построена на базе шестиугольника, если из космоса посмотреть. Не удобно ни для чего. На основании квадратной сетки строить можно, а на основании шестиугольника…

Не отвечает на вопрос Юрий Лосицкий, никак.

Киев это яма с говном, вот так.

Почему?

Фасады Киева, реставрации мастерской Ю. Лосицкого, коллаж Татьяны Суровцевой, 2003

Я не знаю. То, что Софийский собор построен при помощи модуля, который позволяет вывести соотношение толщины стен и высоты сводов, это объективно, это доказывается. То, что Оболонь построена на основе шестиугольника, это хорошо видно на карте города, на съемке из космоса, а насколько это неудобно, знают те, кто там живет. А всё остальное…

Ваши любимые киевские архитекторы?

П. Ф. Алёшин хороший архитектор, В. Н. Николаев… А вот хороший И. Ю. Каракис — это начало конца. Я не вижу в этом ничего великого и могучего, но Каракис хотя бы что-то построил. Построил дом с мордами красноармейцев в буденовках, который загородил ось Золотоворотской улицы. Раньше была насквозь видна эта ось: София — Золотые ворота. Взял, перегородил каким-то домом, с какими-то красноармейцами. Ну, хорошо, построил художественную школу за Десятинной церковью. Спасибо, что не прямо на том самом месте. Там теперь Исторический музей.

В. И. Заболотный наверно был очень хороший архитектор. Мне тоже нравится. И у него помощница еще была классная, Н. Б. Чмутина. Придумали, что есть фотография, на которой втроем стоят Чмутина, Заболотный и А. Шпеер. И Шпеер мне тоже очень нравится. Теоретически — могло быть, запросто. Ведь был совместный парад национал-социалистов и большевиков после захвата Польши. Они дружили! Академия та, Академия эта. Я в это верю, вообще-то говоря. Потом были уничтожены все свидетельства о связях…

Для архитектора и градостроителя Киев обязывающий город?

Нет, никто никому ничего не обязан. Берем самую простую вещь — Контрактовая площадь. Древнейшее сооружение — церковь Богородицы Пирогощей. Кто ее построил, мы не знаем. Следующее это нижний корпус Киево-Могилянской академии, 1707 год. Второй-третий этаж академии, с церковью, достроил И. Г. Шедель, немец. Гостиный двор построил архитектор Л. Руска, итальянец, Контрактовый дом — В. Гесте, шотландец. Новая квадратная планировка Подола — тоже Гесте. Так что значит «киевские архитекторы»? Что тут построили киевляне? Ну, фонтан Самсон сделал И. Г. Григорович-Барский… К чему

Киев обязал товарища Гесте? От старой планировки Киева осталась одна улица. От Никольско-Притисской церкви и до дома Балабухи. Всё остальное перепланировано. Вот небольшой переулок Хорива, похоже, тоже остался от старой планировки, и улица, которая вдоль корпуса Могилянской академии, Григория Сковороды. Она косо проведена, ведь Академию не снесешь. В общем, киевляне любят свой город намного меньше, чем жители других городов, поэтому к нему так и относятся. Относятся плохо. Что такое «исторический центр на Контрактовой площади», они вообще не понимают, проводят не от большого ума всякие конкурсы на организацию общественного пространства. То есть Киев остается без исторического центра, уродуется максимально. Это тоже какое-то своеобразие. В Праге же такого нет! Если бы в Праге главный архитектор города объявил конкурс на освоение общественного пространства Вацлавской площади, что бы с ним сделали? Такое у нас своеобразие. Своеобразный главный архитектор, своеобразный Вавриш, своеобразные все остальные. Теоретически, да, любой город, который является сложившимся, обязывает. Уже и Астана теперь обязывает — следующего, кто приедет туда проектировать, уже сложилась местная традиция. Правда, не скажу, что это хорошо, потому что Астана пустая.

Лично вас к чему-то обязывает сложившийся так или иначе город Киев, когда проектируете вы?

Ни к чему.

А ваша церковь на воде? Подол, украинское барокко… Цветок каштана напоминает, ведь это символ Киева…

Не знаю, это киевское сооружение? А если бы она была из гранита и стояла на стрелке острова Ситэ? Так было бы красиво!

Елена Ненашева

A+C № 1-2 '2017

3|15

ПЕТРО МАРКМАН АБО ПРОСТО КЛУБЕНЬ

AD HOC CREATIVE GROUPS

ПЁТР МАРКМАН: ЧЕЛОВЕК-КЛУБ, ИЛИ ПРОСТО КЛУБЕНЬ

ТАЙМ-ШЕР КЛАССА ЛЮКС

ВЕРБЛЮДЫ НА ЦСД «ДИВОСВІТ»

AD HOC CREATIVE GROUPS

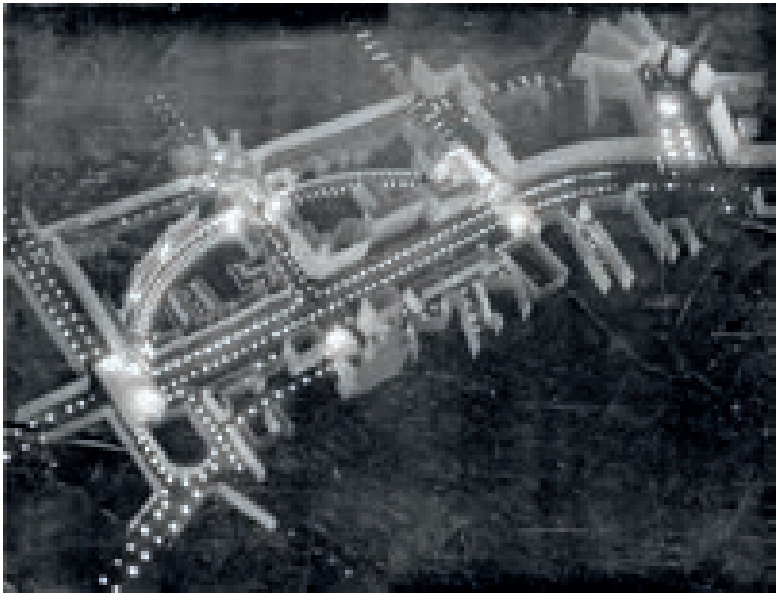
Архитектурная жизнь на грани цеха присуща многим великим. Но не так просто придерживаться культурно насыщенного, яркого и не-угнетенного образа жизни в отечестве. Петру Маркману это, похоже, удалось. Пётр родился в Киеве 21 сентября 1946 года. Идейный вдохновитель творческого коллектива AD HOC Creative Groups, человек всесторонне одаренный. Его программное франтовство на грани эпатажа сочетается с органическим чувством места и по-бендеровски смачным словцом. Пётр сторонник индивидуального подхода к синтетическому ремеслу архитектора (когда главным становится Имя). Подход этот выражается в триединой формуле: полифония + фирменный стиль + уместность. Ну а проекты, графические листы и прочие прикладные работы Маркмана говорят сами за себя. Неравнодушные вопросы А.С.С архитектору не остались без ответов, фрагменты коих мы и приводим ниже.

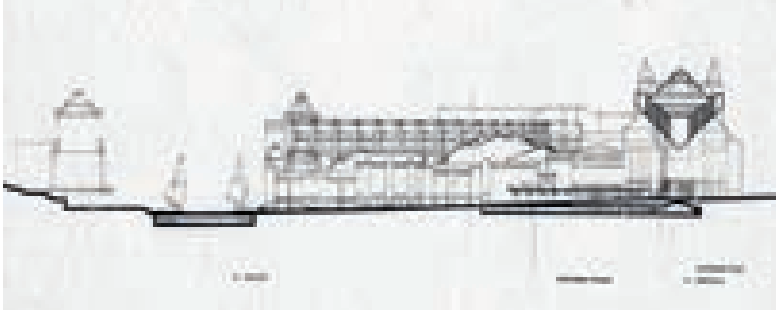
То, что архитектура — это профессия привлекательных людей, подтверждалось окружением моих родителей. Там были разносторонне талантливые люди, отнюдь не чуждые элегантности и светскости. Музицировали, танцевали, сочиняли эпиграммы, умели «продать» анекдот. У архитекторов, как я потом понял, был некий «цеховой» стиль, особая манера одеваться. Вероятно, тон задавали дома творчества в Суханово и Гаграх. Экранное воплощение — Меркурьев в роли архитектора 1950-х.

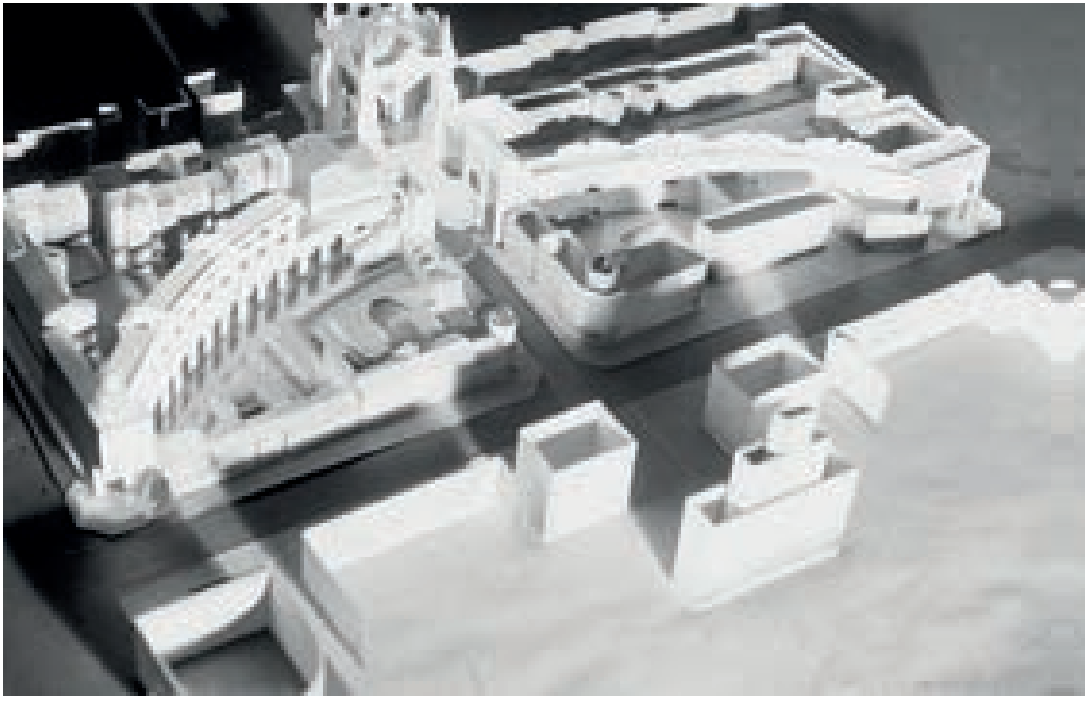
1960-е. Раннее смутное предчувствие, что жизнь — больше чем профессия, вовремя нашло свое подтверждение в свердловском БОКСе — надпрофессиональном сообществе индивидуальностей на антресолях старого здания УПИ.

1970-е. Оказалось возможным и нужным смешивать виды и жанры, постоянно искать подтверждений архитектурным идеям в смежных

Архитектор Пётр Маркман







Реконструкция Старого квартала Крещатика (ул. Б. Хмельницкого — бул. Т. Шевченко)
архитт. Пётр Красильников, Пётр Маркман, Владимир Смирнов и др., конкурс, 1986

Конкурсная концепция мемориала Бабий Яр: стеклянный лабиринт
архит. Пётр Маркман, 1991

творческих потоках и находить их взаимные интерпретации, будь то дизайн или карикатура, теоретизирование или рекламный слоган.

1980-е. Методологические игры с их проблематизацией и рефлексией. Конкурсные команды и опыт коллективного мышления. Taller de Arquitectura: архитекторы, дизайнеры, философы, поэты, и Луис Кан — всё в одном.

Рискну утверждать, что между юмористическим рисунком (далее — карикатурой) и архитектурным изображением есть много общего. И то и другое Текст, где в лаконичной форме изложено некое содержание, а зачастую целый рассказ. Примеры: Борн, Бютнер, Стейнберг, Числевич. Главные ценности карикатуры — парадокс или умение соединять несоединимое, информативность, собственный почерк и графическая корректность (каждая линия служит раскрытию замысла автора) — годятся и для архитектурного проекта.

Конкурсы — самая благородная и романтическая традиция архитектурной жизни, привлекавшая бодрящим духом соревнования, зрелищностью и гипотетической, но всё же реальной возможностью победить благодаря силе и выразительности идеи. Я старался участвовать во всех доступных конкурсах разного ранга: региональных, всесоюзных, международных, открытых и заказных, архитектурных, градостроительных, дизайнерских и юмористического рисунка. Середина 70-х ознаменовалась расцветом концептуальной «бумажной» архитектуры под эгидой журнала Japan Architect. Эти же годы — увлечение Сенежскими семинарами, текстами В. Л. Глазычева, О. И. Генисаретского, А. Г. Раппапорта, Ю. М. Лотмана. Те, кто пережил этот период, навсегда усвоили: прежде всего в проекте должна присутствовать глубокая идея или концепция — философская, гуманитарная, религиозная. Проект в первую очередь повод для размышления.

Почему *ad hoc*? В данном случае это организационный принцип. Мне показался очень продуктивным и правильным принцип коллективов, которые могут собираться для обсуждения каких-то проблем, а после распадаться. Кроме того, опыт проектных организаций, тягостная необходимость работать вместе, когда уже нет ни любви, ни общих интересов, также заставили меня задуматься. Было бы органично, показалось мне, чтобы люди объединялись взаимным интересом и имели возможность расстаться, как только работа закончится.

Сегодня особенно хотелось бы узнать имена собратьев по профессии, произведения которых покупали бы со всеми присущими им особенностями и странностями только потому, что это неотъемлемая часть индивидуальной манеры автора. Ведь только в том случае покупатель платит деньги с удовольствием, когда он сам сделал выбор, и тут имя играет решающую роль. Берегите репутацию!

Я говорю заказчику: «Если вы хотите получить что-то очень индивидуальное и необычное, или то, чего вы не нашли у других, идите к нам. Здесь не торгуют со склада. AD HOC Creative Groups производит только свежий продукт».

А.С.С № 5 '1999

ПЁТР МАРКМАН: ЧЕЛОВЕК-КЛУБ ИЛИ ПРОСТО КЛУБЕНЬ

Пётр Маркман вобрал лучшее из старых национальных привычек: для Хайфы он русский, для Московии — хохол; он делает скорее американскую по свободе полагания архитектуру и итальянский по оригинальности и отточенности линии дизайн; у него английский жест и точность в работе с гардеробом и одесское чувство юмора и звука; при всем прочем он — квинтэссенция киевлянина, носитель андеграундных традиций и неколебимый патриот Киева. Маркман фигура артистическая и синтетическая, принцип жизни и творчества — полифония. В конце концов, Пётр Маркман один из немногих ныне здравствующих и действующих архитекторов, который обзавелся настоящим фан-клубом молодых людей, преданных почитателей «манеры Маркмана».

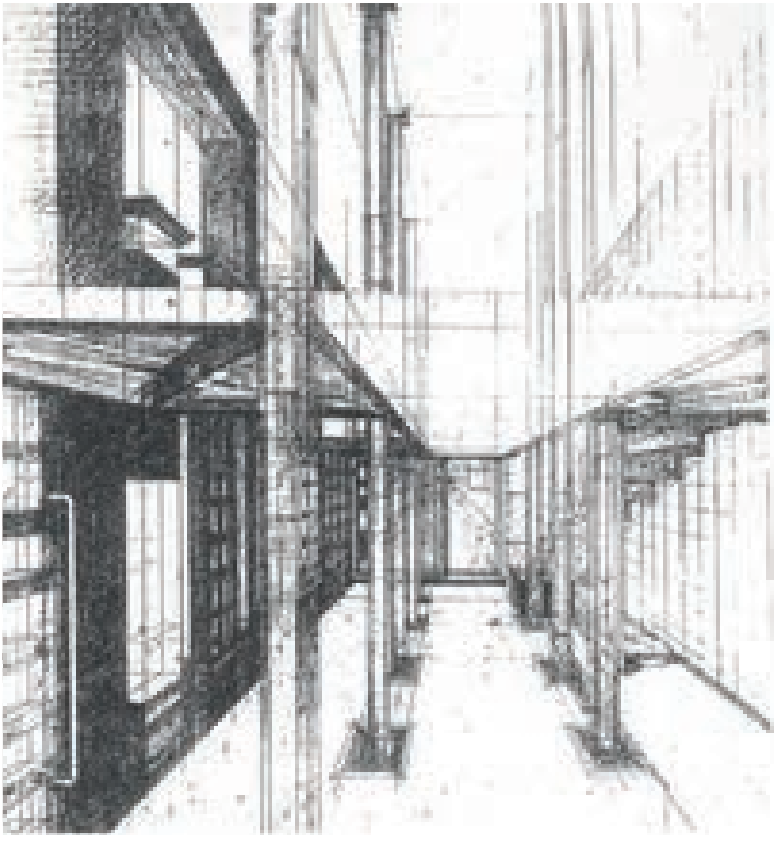
А.С.С: Пётр Федорович, в чем заключается ваш персональный подход к творческому процессу?

Пётр Маркман: Подход, как мне кажется, во многом определяется мечтами и представлениями о гармонической личности, которыми я и те, кто меня окружает, в большей или меньшей степени мучаемся всю жизнь. Мне всегда претил профессионализм, который угадывается по внешности: физик должен быть в очках, лирик — неряшливо одетый, профессор — забывчивый, а архитектор — с рулоном бумаги под мышкой. Хотя с архитекторами было сложнее. Мне казалось, что эти люди, порисовав и почертив чего-то там, могут себе позволить и на гитаре поиграть, и выпить даже.

Поскольку в них — и от физика, и от лирика, и сопромат учат, и рисуют?

Окружение моих родителей — поколение архитекторов, расцвет которого пришелся на 50-е годы, — это подтверждало. Это были

Архітектор Петро Маркман



Ювелирное агентство Парангон, эскиз интерьера, архит. Пётр Маркман, 1995

образованные разносторонние люди с эстетическими идеалами. На них было приятно смотреть. Они могли и на фортепианах сыграть, и шараду сочинить и т. д.

Серьезный толчок к дальнейшей моей убежденности, что архитектор должен быть именно таким, дали те два года, которые я провел на архитектурном факультете Уральского политехнического института. Кстати, там учился Борис Ельцин, а позднее Сергей Бабушкин. Я туда поступил в 1964 году.

Б.О.К.С.

В институте в то время существовало внепрофессиональное или надпрофессиональное объединение студентов и преподавателей Б.О.К.С. (Боевой Орган Комсомольской Сатиры). Оно выпускало стенгазеты, организовывало вечера. Занимал БОКС элитное место на антресолях старого здания и члены его имели много разных льгот и прав. Например, раздеваться наверху, а не в раздевалке, задерживаться до одиннадцати вечера. Там было много студентов-архитекторов, там были самые красивые девушки, поэты, музыканты, писатели — все, кто могли что-то креативно делать.

И вот в этом котле среди очень талантливых людей мне и довелось повариться. Меня привели туда отчасти потому, что я был иногородний и не нужно было идти домой. Именно там, как мне кажется, получило подтверждение стремление к полифонии. Надо было делать хорошие проекты, но в то же время надо было отличаться и на этом поприще. Там, в стенгазете, развилась моя тяга к юмористическому рисунку, там отточился вкус, поскольку была планка, был уровень людей, которые делали разное и делали это хорошо.

Слава Богу, что всё это имело хорошую почву и могло случиться. В те годы это было всеобщее увлечение. Существовал «Кох-и-Нур» в московском Союзе архитекторов. Это было модно — чтобы архитектор был не просто так, а «фигура».

Долгие годы я самостоятельно продолжал заниматься юмористическим рисунком. Хотя я бы назвал это по-другому: это был в какой-то степени дизайн. Поскольку и тема, и манера, которую я выбрал,

были сродни скорее архитектурной графике и дизайнерскому подходу — в чем-то изобретательскому и парадоксальному.

Когда нужно работать с «вещью», что для вас важнее: она должна быть хваткой, должна иметь линию или что-то еще?

Карикатура должна выражать в какой-то минимальной форме глубокое содержание и, что самое интересное, она подразумевает парадоксальность, т. е. соединение несоединимого и получение какого-то нового качества. Я предвижу, что мне могут сказать: «Вся твоя архитектура — карикатура». Думаю, в этом ничего страшного нет. Потому что иронический подход имеет место быть. Только шутить можно по-разному. У кого-то грубый юмор, у кого-то тонкий. У кого-то сарказм.

Мне в какой-то момент показалось, что тебе близко, то и должно становиться содержанием твоих сочинений, архитектурных

Ювелирное агентство Парангон (в другом городе)

архитт. Пётр Красильников, Олег Литвин, Пётр Маркман, 1994–1996

в том числе. Поэтому впоследствии мне было сложно отказаться от своих увлечений, я не мог бросить попытки делать какие-то эмблемы, архитектуру, юмористический рисунок и просто общаться с людьми.

Забегая вперед, скажу, обсуждая внутри самого себя проблемы стиля, неожиданно понял, что цельное архитектурное произведение — это и есть фирменный стиль автора. И самое основное в нем — это общность подхода. Это может быть в отдельном произведении или может распространяться на всё творчество. Я спокойно мог заменить названия. «Проект» или «архитектурная постройка» или понятие архитектурного творчества — это просто паллиатив фирменного стиля. Если есть единство, если есть какая-то композиция, если есть какое-то произведение — оратория, драма…

Мы нащупали несколько базовых категорий, на которые опирается Пётр Маркман: полифоничность, парадоксальность, фирменный стиль. А когда есть три фокуса, из них можно и конструкцию составить.

Коза на Крещатике

Вы говорили «иногородний», на самом деле для широкого круга почитателей Пётр Маркман — киевский парубок.

В Киеве я жил на улице Горького. Это был район стыка интересов Бессарабки, Деловой и Протасова Яра. Мы были далеко от Подола, но у нас были свои босяки. А для Свердловска я был иногородний.

Что занесло в Свердловск?

Я поступал сначала в Киевский художественный институт на архитектурный факультет, но неудачно. А в Свердловске после войны и репрессий осела моя родная тетя, у нее я и жил.

Кто был вашими учителями?

На этот вопрос мне легко ответить, поскольку ни одна дружеская посиделка не обходится без воспоминаний об «этапах большого пути». Когда я поступал в институт, у меня не было никаких определенных представлений об архитектуре. Учителями стали коллеги по БОКСу, и не обязательн они были архитекторами. Они были просто

«фигурами». И в знак уважения мне хочется назвать эти имена: Боря Демидов, Сережа Хвостенков, Боря Пархачёв, который прекрасно играл на гитаре. Он организовал четверку музыкантов по примеру «Битлз», они исполняли все эти партии. Тогда в Союзе мало кто знал, как это правильно пишется и что значит. В архитектуре он был полный «неудист», его постоянно выгоняли.

Когда благодаря добрым людям я перевелся на архфак КИСИ, здесь учителем была среда.

То есть киевская среда все-таки более густая?

Я безумно тосковал по Киеву. Тогда я еще не понимал, что в Свердловске существует особая конструктивистская архитектура — для меня тогда это было слишком сухо, что ли. Все-таки я киевский человек, меня тянуло в Киев, я летал сюда на каникулах. Мне казалось, что творчество может расцвести только тут, на родине — только в «вождении козы» бесконечное количество раз туда-сюда по Крещатику, где есть Труханов остров, пляж и т. д.

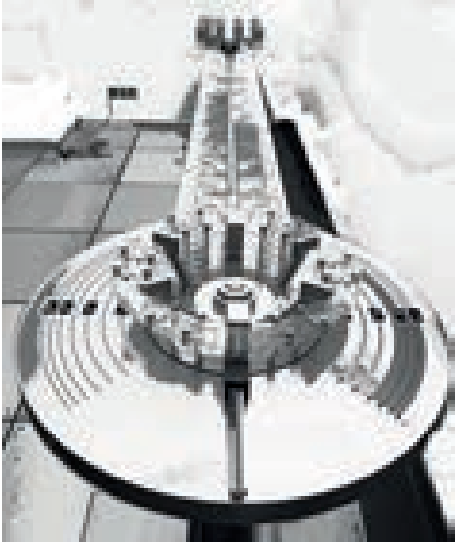
Что значит «водить козу» по Крещатику?

Это останавливаться через каждые пять метров, встречая киевских друзей, обсуждая с ними бесконечные новости, отличие «Levi's» от «Lee» и что такое size, и должны ли быть пуговицы «четырехударные» или уже опять в моде «двухударные», и как сделать эти «четыре удара».

Одёжа

Это еще одна вещь, мимо которой нельзя пройти, рассказывая о Маркмане. Ладно полифонический подход, ладно архитектурные навороты и прибамбасы, но есть еще особый взгляд на стиль жизни и на такую синкретичную с персоной вещь, как гардероб…

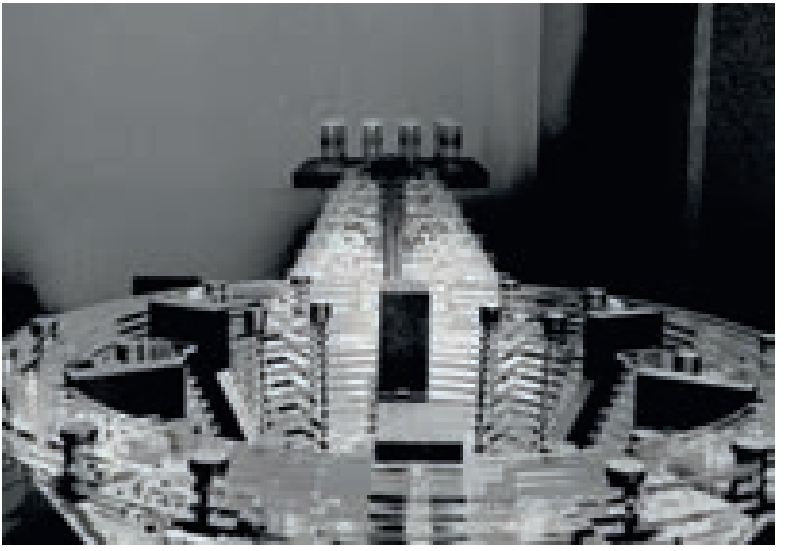
Мой папа был не последним человеком в этом деле. Его отрезы, его костюмы я перешивал очень долго. Мама в детстве водила меня к портнихе. Тогда купить хорошие вещи было трудно, а стремление было. Ее так в детстве приучили. Есть фотографии: в гостиной у дедушки мужчины в тяжелых шерстяных костюмах, дамы в шелках застыли в красивых позах. Когда к моим родителям приходили



гости — дядя Боря (Борис Самойлович Левенберг), старейший киевский архитектор из плеяды Добровольского, Малиновского, Милецкого, и другие — они были одеты безукоризненно: береты, макинтоши, идеальные без пылинки костюмы, под ним шерстяной пуловер, белоснежная рубаха, подобранный со вкусом галстук, начищенные до блеска туфли, ухоженные руки. Подсаживались к фортепиано… Это было здорово. Я не знал, чем они занимались, но понимал, что тональность компании для них — закон. Любили выпить добре. Это уже потом я увидел, как они стали прикрывать рюмочку рукой — стоп, больше не надо, потом и вовсе переставали пить. Но такие люди, как Авраам Милецкий — великолепная осанка, черный гольф, стремительная походка — это…

Работа с жестом тоже особого рода дизайн, особого рода видение: сделать полифонической саму жизнь?

Естественно, какое-то внимание (многие считали его преувеличенным, может быть, в чьих-то глазах это было недостойным) к тому,



Кластер для жилья и досуга на 10 000 человек, концепция, архит. П. Маркман, 1998

чтобы это как-то выглядело, оставалось. Отдельная тема — как это повлияло на мой выбор. К тому же попала мне тогда в руки книга Стоуна «Камни его родины», которая подтвердила еще раз наши догадки о том, что мы идем по правильному пути, пытаясь правильно завязывать галстук. Там герой — архитектор Раферти Блу — ходил с кульком винограда. Насколько нас это тогда поддержало! Потому что не так много книг, в которых содержится не сухая информация об архитекторах — вот он построил дом, — а о том, как время проводил, как смотрел на дом, на старые стены, увитые плющом, о каких-то обсуждениях. На самом деле там речь шла о проектировании церкви, которая была в форме буквы А. Но это лишний раз подтверждало, что есть такая общность — архитекторы, они существуют в мире. Остальное же мы добирали в бесконечном общении, в разговорах между собой, которые происходили каждый вечер за бутылкой-двумя-тремя-десятью сухого вина по 77 копеек. И за изучением тех журналов иностранных и неиностранных, от Весниных

до Кана. То, что попадало к нам в этих адаптированных журналах, было с обведенными синими и коричневыми какими-то рисунками, едва узнаваемыми, полуправильно переведенными текстами. Но уже тогда мы с этими людьми себя идентифицировали. В разговорах Мис ван дер Роэ и Пол Рудольф были такими же полноправными участниками нашей жизни, как и Мирончик с Балочки.

Что есть «Балочка»?

Дух места или у-местность

«Балочка» — это толкучка в Ново-Беличах, которая функционировала по субботам и воскресеньям. Там было всё — от гвоздей и книг до дисков и расклешенных джинсов. От нее можно было выйти к кинотеатру на Брест-Литовском проспекте. В страшной пыли, на жаре, кусая твердое моченое яблоко, неся что-нибудь приобретенное — то ли книжку, то ли батничек.

Мы говорили об этих людях — что бы сказал тот, что бы сказал этот — на основании скудных своих представлений. Это была наша среда, попытки найти свой стиль, потому что надо было делать проекты. Например, индивидуальный жилой дом — какой он должен быть? Это сейчас всем студентам понятно, что он должен быть с башней, обязательно в трех уровнях, должна быть винтовая лестница, камин. Тогда всё было гораздо сложнее. Надо было выбрать направление, в котором ты будешь работать. Не сегодняшнюю конъюнктуру. Сегодня студенты говорят: «Мы делаем дом, который понравится нашим новым заказчикам». А тем нужно, чтобы проемы были арочными. Очень трудно сбить молодых с этой мысли, потому что они должны готовиться к этой жизни новой, заказчик же всегда прав. А тогда у нас были идеалы.

Здесь хочется помянуть популярнейшее в 80-х словосочетание «гениус лоци».

Не могу удержаться, чтобы не скаламбурить: прошу не путать гений места с местным гением. А если серьезно, то гениус лоци, Кристиан Норберг-Шульц и всё, что с этим связано — это то, что распростерло крылья надо мной, над теми, кто был вместе с нами в

начале 80-х, когда на нас это накатилось. Это то, что не оставляло нас ни на секунду и что мы вспоминали кстати и некстати, находясь на работе, спрашивая друга: а соответствует ли, а есть ли тут, а что это такое, а как мы это применим? Повальное увлечение.

Совершенно некстати на нашу голову свалился Вентури с его объяснениями по поводу того, что в архитектуре могут быть какие-то другие взгляды — и орнаментированный сарай, и всякие другие вещи, вошедшие как заноза в наши рассуждения. Он сумел поколебать некоторые профессиональные представления, к сожалению. Расшатал основы, и эта растерянность остается до сих пор.

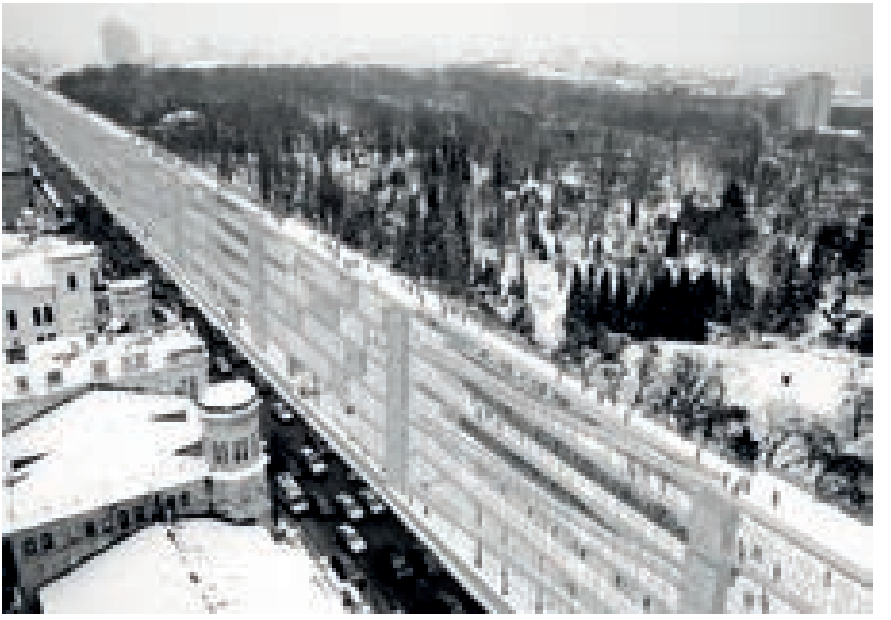
Я бы понятия «гениус лоци», «дух места», «гений места» и другие упростил и перевел на русский язык, может быть с огрублением, как «уместность».

Стиль неожид или моя прет-а-порте

Пётр, что такое современная архитектура в смысле «уместности»?

Меня всегда занимал вопрос смены стилей. А какой наступил? А что наступит? И понятно, что стили получают имена постфактум. Разве что постмодернизм получил название во время своего господства. Правда, с ним было просто, название было на языке, поскольку был прецедент: импрессионизм/постимпрессионизм. Тому, что происходит сейчас, названия пока не дали. Идет какая-то неразбериха. У меня есть своя точка зрения, хотя я не претендую на всеобъемлемость: явственно прослеживается наступление эпохи индивидуальностей, личностей.

Любопытно посмотреть, что получится в этой ситуации: вседозволенности — раз, всеобщего образования — пусть и сумбурного, из обрывков, как в коллаже, культурных представлений — два, собственного жизненного опыта и того, что ты есть на самом деле — три (у тебя есть привычки, манера поведения, стиль выраже ния, лицо какое-то). Всё это вместе, будучи контролируемо пониманием духа места или у-местности и манерой как себя вести,



«Мосты вдоль», концепция, архит. Пётр Маркман, 1991–2011

бул. Т. Шевченко, бул. Леси Украинки, ул. Коминтерна (С. Петлюры), ул. Горького, бул. И. Лепсе

воспитания какого-то, у каждого отдельного архитектора (не стиль Киевпроекта или, как раньше говорили: видно, что сделали в ЗНИИЭПе). Сейчас уже не так: у каждого отдельного автора, творца, группы какой-то, если она имеет направление, — это и будет иметь какой-то законченный вид. Для себя я в шутку придумал название стиля, который делаю — неожид.

В смысле неожиданное что-то?

И неожиданное, и во всех других смыслах… А оформить в какую-то идею, идеологию, систему, принцип творчества — не успел и не смог. Нет времени. Делаю, как Бог на душу положит. В этом стиле я и встретил Миллениум.

Давайте поговорим про ад-хок. Студия Петра Маркмана называется AD HOC creative groups, то есть — группы, которые сотрудничают в жанре ad hoc?

Именно так и есть. Кстати, я здесь впервые более или менее связно описал свою траекторию. Стремление к полифонии и желание разного. Начинал я в детстве танцевать в балете, а профессионалами и лауреатами Государственной премии стали другие, отдыхают на пенсии и давно встретили свой Миллениум. Стремление к разным творческим проявлениям и нежелание что-либо из этого терять. И поэтому, когда были какие-то успехи в графическом дизайне, в карикатуре, в архитектуре, рекламе, я старался их удерживать. Большое влияние на меня, в смысле того, что такое вообще возможно, оказала практика семинаров, где собирались люди для решения какой-то конкретной задачи. Затем «Тальер де Архитектура», где сделана попытка соединить поэтов, архитекторов, дизайнеров. Принцип коллективов, которые могут собираться для обсуждения каких-то проблем, а после распадаться, мне показался продуктивным и правильным. Кроме того, опыт работы в проектных организациях с тягостной необходимостью работать вместе, когда уже нет ни любви, ни общих интересов, также заставил меня задуматься. Было бы здорово, подумал я однажды, чтобы люди были объединены интересом к конкретной работе и возможностью расстаться, как только работа закончится.

Что получит заказчик

Зачем нужно прийти к Петру Маркману и с невероятным удовольствием отдать ему деньги, что он мне сделает на высшем уровне профессионализма?

Я говорю заказчику, если вы хотите получить что-то очень индивидуальное и необычное, то, что для вас не сделает никто другой, идите к нам. Конечно, у вас будут проблемы с нами: может быть, не вовремя и не тогда, с мучениями, мы будем отказываться от того, что вам уже один раз понравилось. Вы будете нам кричать: «Мы же это утвердили! Ведь уже было хорошо!» А мы ответим: «Считаем, что можно лучше!» — «Так значит, в прошлый раз была лажа?!» — «Это было хорошо на тот момент, но проект живет».

В конце концов, я в одном уверен: те, кто работают вместе со мной, кровно заинтересованы в том, чтобы вышедшая из-под их рук продукция, за которую они отвечают, была наивысшего качества, которое они могут обеспечить в данный момент. И заказчик вправе рассчитывать на то, что он его получит.

A.C.C (C&C) № 1 '2003

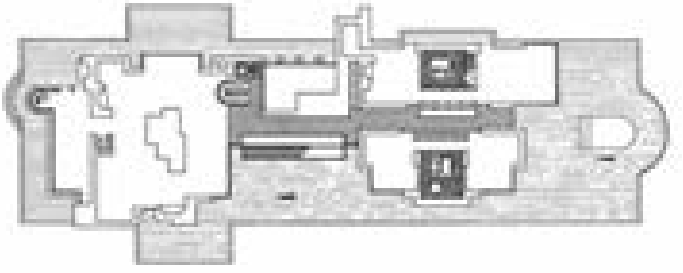
ТАЙМ-ШЕР КЛАССА ЛЮКС

Концепция данного инвестиционного проекта — попытка ввести новый пункт в типологию индивидуального жилья и курортного строительства. Объект — комфортабельный малоэтажный жилой дом — предназначен для периодической сдачи в аренду. По классификации жилых домов это — вилла. По принципу функционирования — пансионат. По принадлежности — для состоятельных людей. По духу — памятник архитектуры.

Как известно, сегодня отдых состоятельных граждан определяется стремлением получить максимум комфорта и возможность быть в своей тарелке, что предполагает «раскрученность» места и обеспеченность досуга. Перспектива вложить огромные деньги в строительство собственной «дачи» в курортной зоне и приобрести постоянную головную боль по поводу ее полноценного использования в течение года уже не прельщает. Фешенебельные гостиницы и санатории чреваты густонаселенностью, непредсказуемостью контингента и неизбежной функциональной «уравниловкой».

В то же время, особым спросом пользуются места отдыха, связанные с именами известных людей, и поэтому имеющие историю и особую ауру. Такие объекты, как правило, имеют уникальное природное окружение и выполнены по проектам известных архитекторов, но несут на себе отпечаток образа «знаменитости», отделаны и благоустроены в соответствии с ее вкусом и предпочтениями. К такого рода жилищу принято относиться с пиететом: эх, жили люди! Пример — дача Волошина в Коктебеле. Объединить индивидуальность шикарного дома (от кутюр) с достоинствами общепринятых «нормативных» требований (прет-а-порте) — есть сверхзадача данного проекта. История пишется сегодня!

Пётр Маркман
А.С.С № 2 '2004



Проект частного дома, архитт. Пётр Маркман, Пётр Красильников, Олег Литвин, 2004

ВЕРБЛЮДЫ НА ЦСД «ДИВОСВІТ»

Прилично ли громоздить что-то на здание — разумеется, если это «что-то» не башенка и не купол? Не мовэ ли это будет тон ли? Позволительно ли нам тут ссылаться на «Рабочего и колхозницу», SWAN and DOLFIN, квадригу Большого?

В небе над проспектом Маршала Малиновского — пять (почему пять?) разноцветных (почему?) компьютерных моделей верблюдов (а не слонов, что ближе к истине), подпирающих не шар, как принято, а — почему-то — многогранник.

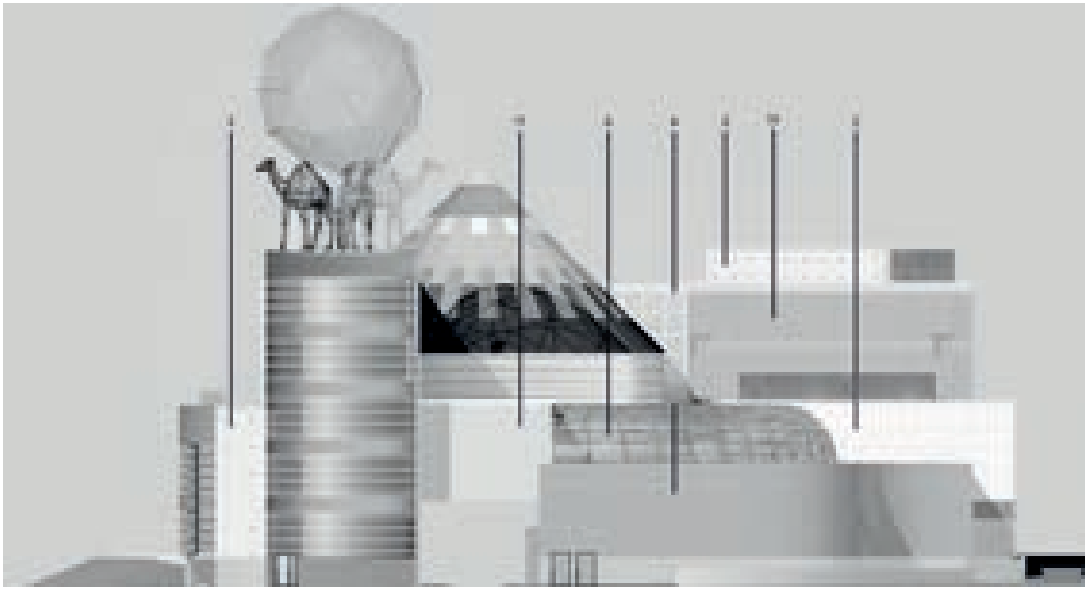
Если вникнуть, то конная статуя бывшего министра обороны СССР хоть как-то оправдывала бы название проспекта!

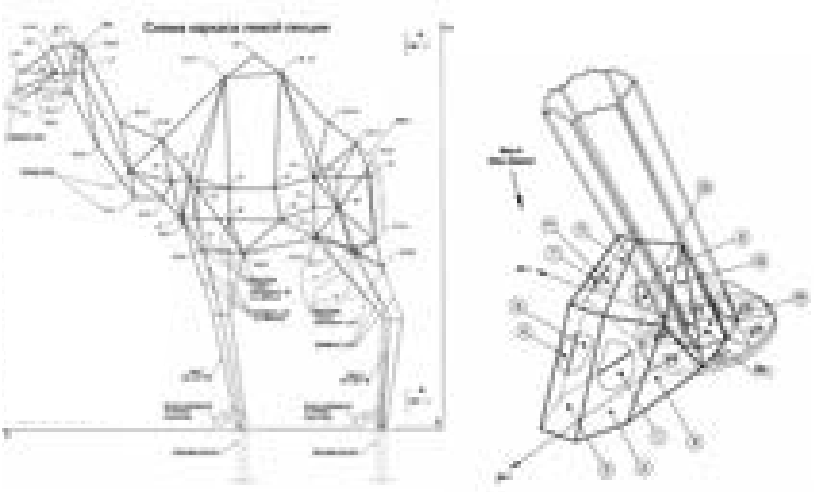
Бог с ними, с правилами. Немного юмора Оболони не повредит.

Голос гида: «Это историческое здание венчает композиция «Мираж», символизирующая виртуальную, так сказать, реальность. Согласно легенде, безымянные дизайнеры хотели отобразить дерзкую идею преодоления оков пространства-времени. Верблюды (их пять по числу открытых в те времена континентов) как известно, могут преодолевать бескрайние раскаленные пески пустыни, олицетворяя извечную тягу к странствиям, к экстриму. "Корабли пустыни" также воплощают мечту человечества об альтернативных источниках энергии, аккумулируя ее из соленой воды, солнца и колючек. Многогранник же — дань ныне подтвердившейся гипотезе о структуре нашей планеты, согласно которой вершинам многогранника соответствуют ключевые места на Земле…»

Пётр Маркман

А+С № 6 '2005, № 3 '2006





Центр семейного досуга «Дивосвіт» на просп. Малиновского, проект скульптурной группы архитт. М. Гершензон, С. Добровинский, П. Маркман; констрр. И. Лебедич, 2005

3|16

МІСЬКИЙ КОНТЕКСТ АНДРІЯ ПАШЕНЬКА

АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ ПАШЕНЬКО

ОТЕЛЬ «РЭДИССОН»

ГОЛЬФ-ЦЕНТР НА НАТАЛКЕ

ЖК RIVERA RIVERSIDE

НОВОПЕЧЕРСКИЕ ЛИПКИ

АЛЬТА-ЦЕНТР

ГОСТИНИЦА HOLIDAY INN

СЕННОЙ РЫНОК

IQ BUSINESS CENTER

CRYSTAL PARK

ВЫДУБИЦКОЕ ОЗЕРО

ОКЕАН-ПЛАЗА

АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ ПАШЕНЬКО

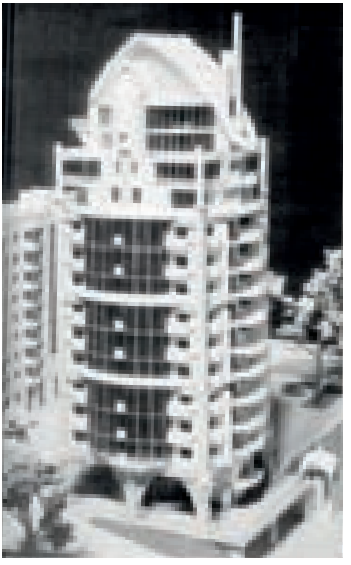
Андрей Пашенько натура музыкальная, в той степени, в которой архитектуру можно признать видом мелодически-композиционных упражнений. Он главный строитель, в смысле, в котором всякий древний греческой архитектор должен был вообразить, организовать и создать некий телесно-пространственный объект. В конце концов, он искони киевлянин, то есть человек, здесь родившийся и с младых ногтей чувствующий дух древнего города, его самобытный архитектурный и ландшафтный строй. И потому архитектурная мастерская Андрея Пашенько — представитель нового киевского поколения.

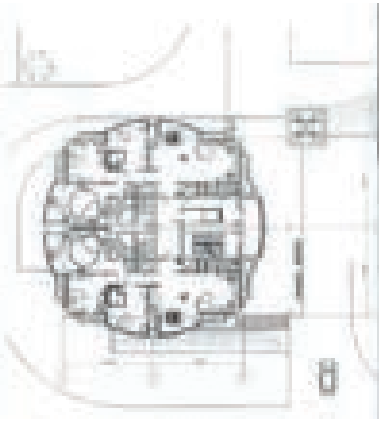
Ситуация выбора в далеком 1974-м между музыкальным училищем и архитектурным отделением КСТ склонила чашу весов в сторону последнего, что, впрочем, не поубавило у соискателя музыкальности. Андрей закончил архитектурный факультет Киевского инженерно-строительного института в 1984 году, его жена и соратник Светлана Здоренко — в 1985-м. Десять лет реальной работы на острие архитектурной жизни в мастерской Яноша Вига в Киевпроекте.

В 1995-м Андрей основал свою архитектурную мастерскую. Технология работы мастерской — творческие мини-конкурсы между пятью бригадами на всякий разрабатываемый объект. По показателям деловой успешности мастерская твердо входит в первый украинский «архитектурный эшелон».

Первый реализованный проект — посольство Туркменистана в Киеве на ул. Пушкинской. Затем последовали японский ресторан «Бенихана», особняки в Конче-Заспе, брэндовые гостиницы, реконструкция «Зеленого театра», гольф-центр на Оболони, офисно-жилой комплекс «Сенной рынок» на Бульварно-Кудрявской и т. д.

Архітектори Андрій Пашенько та Світлана Здоренко





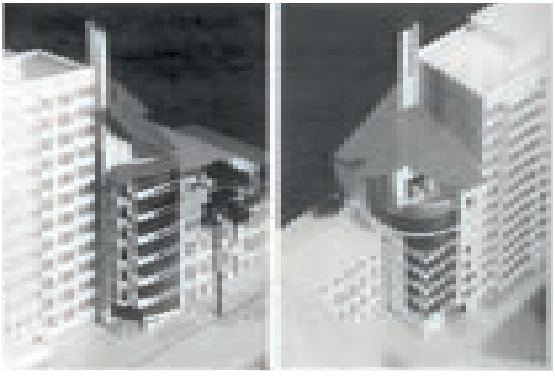
Жилой дом на Кловском спуске 22

архитт. Андрей Пашенько, Светлана Здоренко, Леонид Лищенко, эскиз, 1997–1998

Творческий почерк дуэта Андрея Пашенько и Светланы Здоренко отличает подчеркнутая современная стилистика с умением тактично вписаться в историческую среду древнего города. Работы мастерской характеризуются заведомо солидным масштабом и завидной реализуемостью. При самых разнообразных обстоятельствах архитектор Пашенько убежден в уникальности каждого места, тем более в пределах исторического центра города. Ряд интересных жилых зданий, отдельно стоящих и домов-вставок, раннего периода мастерской, то есть 1990-х, свидетельствует о филигранной работе с местом и постмодернистском артистизме архитекторов команды и самого мастера Пашенько.

Номенклатура и масштаб проектов мастерской впечатляют. Это общественные и торговые здания, среди которых молл Ocean Plaza, аквапарк на Днепровской набережной, ТЦ «Магеллан» на Одесской площади, реконструкция ресторана «Ривьера» и Речного вокзала, гостиницы «Лейпциг» на Прорезной и Radisson в Старом городе. Не менее знаковые офисные центры: IQ Business Center по ул. Струтинского, гостинично-офисный комплекс «Торонто» на Большой Васильковской, банк «Диамант» на Контрактовой.

А.С.С № 10 '2002, А+С №3– 4 '2012



Жилой дом-вставка на ул. Панаса Мирного

архитт. Андрей Пашенько, Светлана Здоренко, Алиса Товт, проект, 1997–1998

Жилой дом по ул. Гоголевская 32

архитт. Андрей Пашенько, Светлана Здоренко, Леонид Лищенко, эскиз, 1998

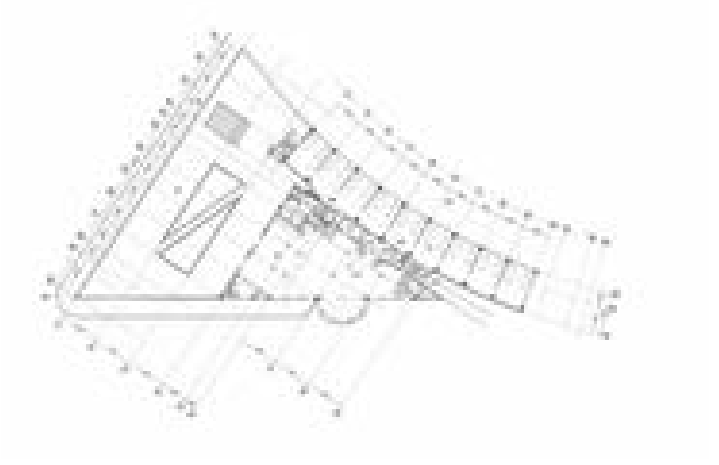
ОТЕЛЬ «РЭДИССОН»

Общая стилистика гостиницы Radisson SAS возникла из тщательного изучения прилегающего архитектурного ландшафта Старого города: от гостиницы «Лейпциг» возле Золотых ворот до Львовской площади. В итоге получен выдержанный «рубеж XIX–XX веков» с включением аутентичных стен здания начала XX в. на углу Ярославова вцала и Стрелецкой. Гостиница долго «раскачивалась», как многое в Киеве, будучи уже спроектированной. Согласование прошло быстро и «на ура» с обоих фронтов: Градостроительного совета и Управления охраны памятников. Однако начало реализации итальянским подрядчиком Codest, построившим уже около полусотни сооружений на постсоветском пространстве, позволяет надеяться, что объект будет сдан качественно и в срок, в августе следующего года.

А.С.С № 10 '2002, № 6 '2003

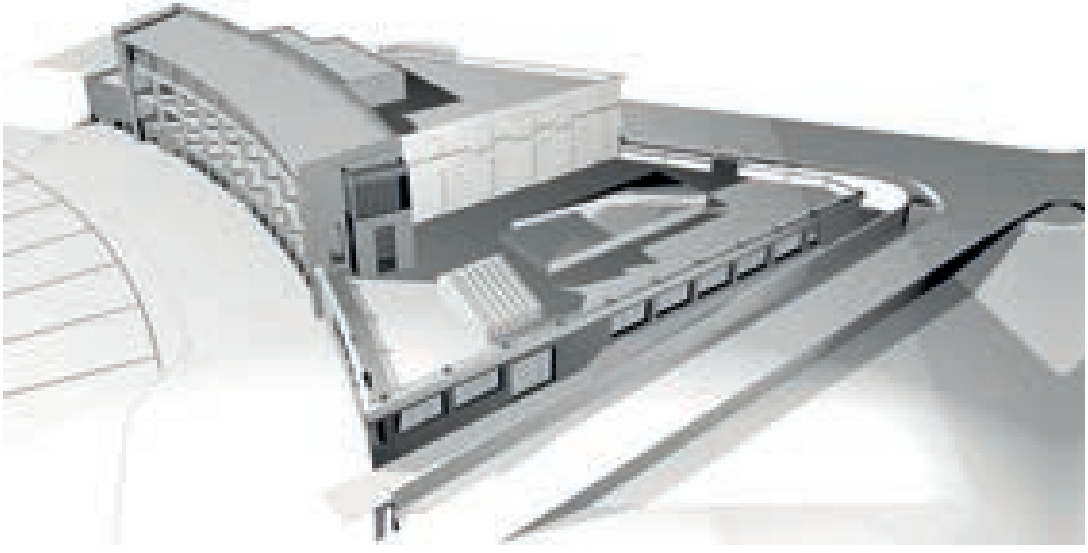
Radisson SAS Hotel Kyiv, ул. Ярославов Вал 22–26, ТАМ А. Пашенько, проект, 1999–2000

ГОЛЬФ-ЦЕНТР НА НАТАЛКЕ



Первоначальная функция тренировочного гольф-центра, расположенного на берегу Днепра, в процессе работы над проектом была расширена до семейного досуга. Более развитой стала детская зона, появились подземные уровни, помещения для отдыха игроков, увеличились площади ресторана. Планировочное решение обусловлено формой рельефа участка и мировым опытом строительства объектов для игры в гольф. Четырехэтажное здание состоит из двух объемов. Первый, дугообразный в плане игровой блок, фасадом обращенный в сторону поля. Все поле разбито на сектора. На нескольких уровнях — открытые ячейки-улицы, которые подогреваются зимой. В нижней части находятся помещения машин, собирающих мячики, и подъемники, доставляющие их игрокам. Второй объем — треугольный в плане административно-общественный блок с детским развлекательным центром.

A+C, № 6 '2004 – 1 '2005



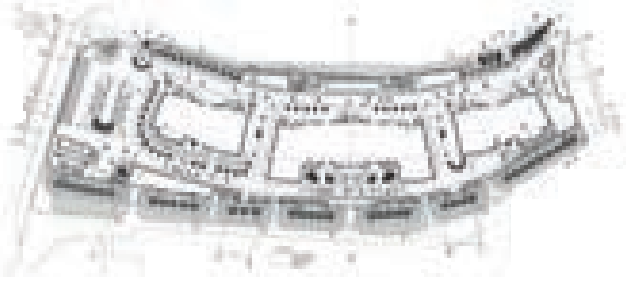
Гольф-центр на Оболони в ПКиО «Наталка»

архитт. А. Пашенько, С. Здоренко, А. Бородкина, Ю. Коваленко, Т. Бойко, Е. Зубарева, 2004–2005

ЖК RIVERA RIVERSIDE

Семисекционный жилой комплекс премиум класса Riviera Riverside расположен на Левом берегу, на мысе между мостом Метро и Русановским каналом. Проект предусматривает благоустроенный пляж и собственный яхт-клуб. Каждая квартира (от 61 до 245 *кв. м*) имеет панорамное остекление высотой 3 *м* и террасу с видом на Днепр и Киево-Печерскую лавру. На типовом этаже помещаются пять однокомнатных, десять двухкомнатных и по четыре трехкомнатных и четырехкомнатных квартиры. На верхних этажах — пятикомнатные и шестикомнатные пентхаусы с большими смотровыми террасами.

А+С № 3–4 '2012



ЖК Rivera Riverside, ул. Раисы Окипной 18

архитт. Андрей Пашенько, Светлана Здоренко, Максим Дубик, Эдуард Михайлик, 2004–2009

НОВОПЕЧЕРСКИЕ ЛИПКИ

Новая градостроительная единица «Новопечерские Липки» завершает планировочную работу, начатую в первой половине XIX века, по включению территорий, очерченных рекой Лыбедь, в активный состав центра города. Планировочное решение предполагает освоение юго-западного склона Печерского плато каскадной застройкой, позволяющей сохранить прекрасные панорамные характеристики места. Первые реализованные здания подтверждают высокий архитектурный уровень мастерской Андрея Пашенько.

А+С № 1–2 '2010, № 3–4 '2012

ЖК «Новопечерские Липки», Чёрная гора, ул. Киквидзе (М. Бойчука)

архитт. А Пашенько, С. Здоренко, Л. Иваскив, Д. Олексюк, Ю. Петренко, Р. Саленко, 2004–2011

АЛЬТА-ЦЕНТР

Торговый комплекс Альта-Центр, Московский просп. 13А–15 (Степана Бандеры)

архитт. Андрей Пашенько, Ирина Новак, проект, 2006

Концепция включает выставочные пространства, торговые секции непродовольственных товаров, супермаркет и равномерно рассредоточенные по всему объему предприятия общественного питания. Четкость функции выражена в композиции, подчиненной идее равнозначности трех входов и информативности наружной рекламы на глухих фасадных плоскостях.

А+С № 2 '2006

ЦИЛИНДР НА ШОЛУДЕНКО

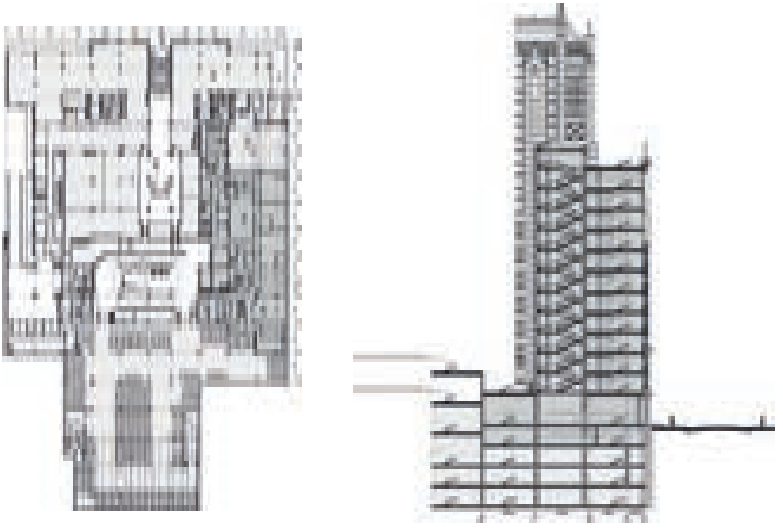
Офисно-гостиничный центр на ул. Шолуденко

архитт. Андрей Пашенько, Светлана Здоренко, Елена Микульчик, проект, 2005

Чистота классических форм цилиндра и параллелепипеда, положенных в основу композиционно-планировочного решения, обусловила появление выразительного объекта с полным набором офисно-гостиничных функций. Трехчастный цилиндр-высотка, будучи построен, безусловно станет одним из знаковых ориентиров динамичного Брест-Литовского проспекта.

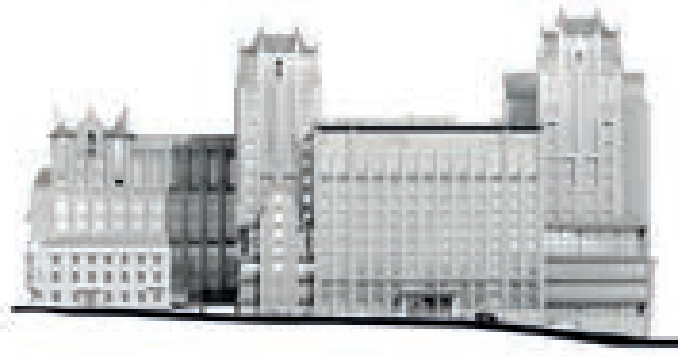
А+С № 6 '2005

ГОСТИНИЦА HOLIDAY INN



Гостиничный комплекс расположен в непосредственной близости от неоготического костела Св. Николая, что предопределило его «нордическую» стилистику. В стилобатной части традиционно размещены рестораны, торговля и обслуживание. В основном горизонтальном объеме — гостиница, номера которой сгруппированы вокруг патио. На верхнем этаже отеля фитнес-центр и скай-бар, в вертикальных блоках — офисы. Со стороны переулка Горького — въезд в паркинг и техническое обслуживание.

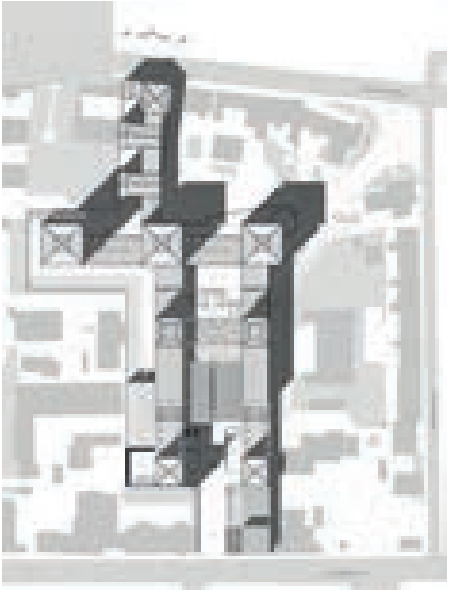
A+C № 3 '2008, № 3–4 '2012



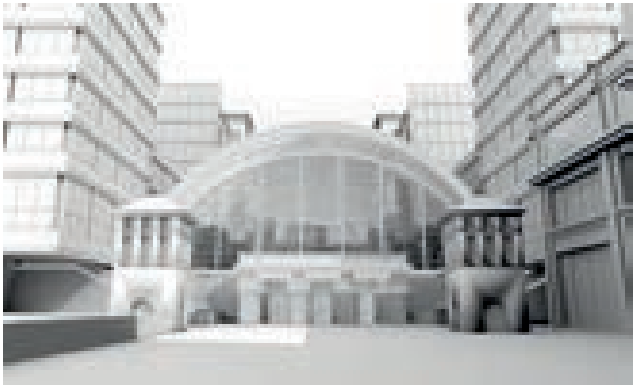
Гостинично-офисный комплекс «Торонто-Киев» (Holiday Inn), ул. Б. Васильковская 100

архитт. А Пашенько, С. Здоренко, Д. Аршинов, Р. Саленко и др., проект, 2005–2011

СЕННОЙ РЫНОК



Любимый горожанами Сенной рынок, оконченный строительством в 1958-м (проект 1948 года, архит. С. Фридлин, инж. Г. Минц) в стиле «сталинского ампира», был перенесен сюда со Львовской площади. Киев получил замечательное здание: уникальное освещение торгового зала посредством стеклянных линз, вставленных в арочную систему перекрытия, чугунное литье и отделка натуральным гранитом. Крытый рынок так и не был должным образом освоен и усвоен бестолковым городским менеджментом. Проект ТАМ Пашенько в некоторой степени (и в известных обстоятельствах) эту ошибку правил.

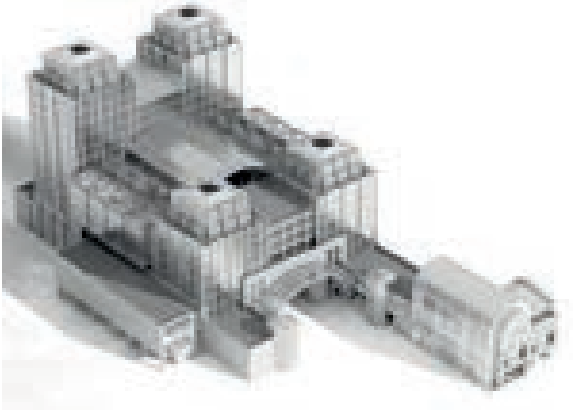


Торгово-офисный и жилой комплекс «Сенной рынок», ул. Бульварно-Кудрявская 17

архитт. Андрей Пашенько, Светлана Здоренко, проект, 2006–2008

Комплекс «Сенной рынок», атриум

ТАМ А. Пашенько, проект, 2008



В данном проекте замысел полувековой давности получил качественно иное звучание, вобрав в себя новые функции, соответствующие центру европейской столицы. Объемно-пространственная композиция построена на объединении нескольких архитектурных объемов вдоль композиционной оси, роль которой играет возрождаемый в новых материалах и конструкциях крытый рынок. Обновленный, он предстанет в виде протяженной торговой галереи с центральным входом с ул. Бульварно-Кудрявской и выходом на ул. Олеся Гончара.

А+С № 2 '2006, № 1 '2008, № 4 '2008

IQ BUSINESS CENTER

Офисный центр находится в живописной части Печерска: между Новым ботсадом, музеем ВОВ и Печерским мостом. Композиционно объем собран из двух пересекающихся цилиндров темного стекла. Пятнадцать офисных этажей расположены над стилобатом. Входное лобби связывает с третьим этажом стилобата открытая лестница: здесь на открытой террасе устроен ресторан. Каждый «цилиндр» имеет свои террасы-лоджии, равномерно расставленные по фасаду с шагом в четыре этажа. На кровле предусмотрена вертолетная площадка, подчеркивающая футуристический облик здания.

А+С № 3–4 '2012

IQ Business Center, ул. С. Струтинского 13–15

архитт. А. Пащенько, С. Здоренко, Р. Саленко, А. Трегубов и др., 2005–2013

CRYSTAL PARK

Изящная дуга «экологического» комплекса премиум-класса Crystal Park этажностью 8–10 этажей состоит из семи секций. Комплекс расположен рядом с легендарной Киностудией им. А. П. Довженко, главным фасадом обращен в сторону столетнего Пушкинского парка. Фасад комплекса — цельное витражное остекление, открывающее живописный панорамный вид на парк. Типовой этаж секции состоит из 3 однокомнатных, 2 двухкомнатных и 2 трехкомнатных квартир, на верхнем этаже — два пятикомнатных пентхауса. Конструкция здания — монолитный ж/б каркас, кирпичные стены, вентилируемый фасад. Проектом предусмотрены детские и мультифункциональные спортивные площадки и прогулочные зоны с местами для отдыха.

А+С № 3–4 '2012

ЖК Crystal Park, проспект Победы 42, Пушкинский парк

архитт. Андрей Пашенько, Светлана Здоренко, Юлия Петренко, Лариса Френч и др., 2006–2013

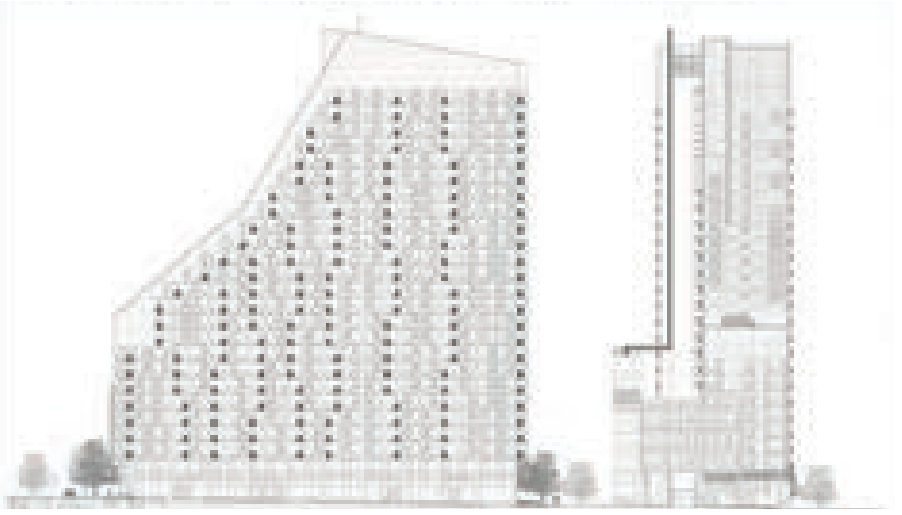
ОКЕАН-ПЛАЗА

Самый модный киевский ТРЦ построен в рекордные сроки на Лыбедской площади в ближайшей доступности метро и прочих городских коммуникаций. Кристаллический фасад с применением новейших медиа-технологий, ультрасовременный интерьер, насыщенный развлекательный компонент и широкий набор лучших мировых брэндов позволили создать в центре города удобное место для шопинга и отдыха. Яркое открытие состоялось 7 декабря. Теперь 24 часа в сутки и 7 дней в неделю молл будет перемалывать киевлян и гостей столицы. Хорошо!

A+C № 3–4 '2012

Торговый молл Ocean Plaza, ул. Антоновича 176

архитт. А. Пащенько, С. Здоренко, А. Савченко, И. Халус, М. Татаренко, Д. Гончаров и др. 2009–2012



Офисно-жилищный комплекс Hoffmann Haus, ул. Златоустовская 34
архитт. А Пашенько, С. Здоренко, Д. Городчанин, С. Деркач, М. Гредунова и др., 2015–2017

3|17

СПОРТИВНИЙ АРХІТЕКТОР

ЮРИЙ СЕРЁГИН: СПОРТИВНЫЙ АРХИТЕКТОР

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «МЫТЭЦЬКИЙ»

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ КНУКиМ

ЖК НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ

МАНДАРИН-ПЛАЗА

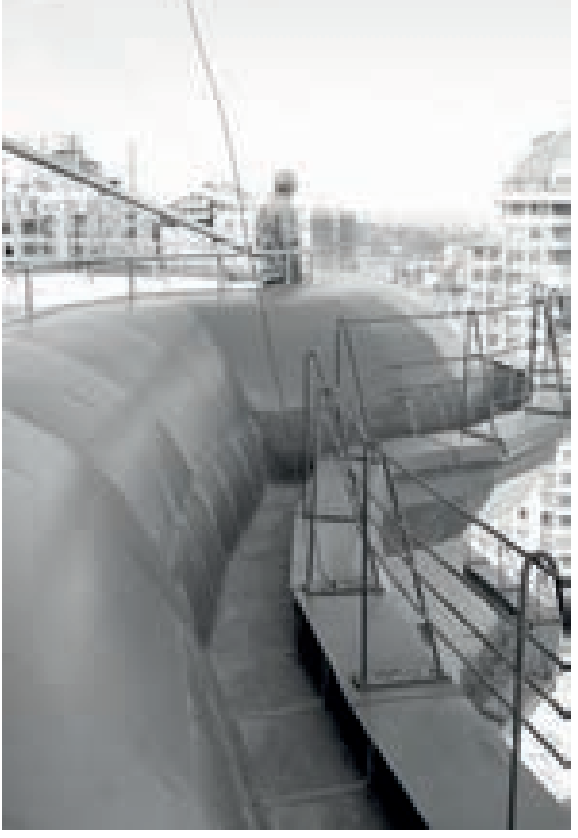
НСК ОЛИМПИЙСКИЙ

ЮРИЙ СЕРЁГИН
СПОРТИВНЫЙ АРХИТЕКТОР

Две совершенно разные сферы деятельности счастливым образом сошлись на Юрии Серёгине. Из спорта в архитектурную профессию он принес устойчивость к перегрузкам, волю к победе и азарт. Поскольку первыми его проектами — и отнюдь не случайно — стали спортивные объекты, важным оказалось знание специфики и технологии, почерпнутое из опыта соревнований и тренировок. А затем, уже в 2000-е, счастливый поворот судьбы позволил перенести в спортивную архитектуру пластические и стилистические находки, наработанные в период, когда спортивное строительство в нашей стране было на нуле.

Рассказывая об архитектуре, спорте и своей творческой карьере, архитектор Серёгин искренне сетует, что дедушек-бабушек не помнит, ибо видел только фотографию деда со стороны отца — усатый донской казак. Отец Иван Михайлович Серёгин — военнослужащий, после окончания Великой отечественной остался во Львове, где в апреле 1946-го и явился свету младший, Юрий. Матушка Мария Леонтьевна Сергиенко, опекая большую семью, занималась домашним хозяйством и любила вышивать: «Ее вышивки помню до сих пор, даже сохранилась подушечка на память». Познакомились ли родители из-за сходства фамилий, мастер не знает, говорит, вовремя не поинтересовался. Однако ведомо, нет случайностей у Провидения Божия.

Об этнических корнях Юрия Ивановича известно, что мать украинка, отец же из Донецкого края. Большое влияние на мировоззрение оказали старшие сестры. Валентина — архитектор, и Лидия — художник по тканям, вышитые работы которой и сейчас можно увидеть в архитектурном бюро на стенах.



Архітектор Юрій Серьогін на крайці будинку «Юний Орел», 2010

Команда чемпионов УССР, 15 июля 1961 года, Одесса (Ю. Серёгин первый справа)

«Умею плавать» — хочу прыгать

На самом же деле, Серёгин был заядлый спортсмен и даже фанат спортивного дела. Во Львове первоклашку отдали в бассейн — научиться плавать. И плавать он научился, но смотрел с восхищением, как рядом под руководством тренера детишки фигурно прыгают в воду, и так своим любопытством этого тренера впечатлил, что тот сказал: «Пойдём! — будешь учиться».

Прыжки в воду — один из самых элегантных видов спорта, однако опасный и сложный, требует хорошей координации и пространственного воображения. Эти навыки впоследствии Серёгину очень пригодились. В результате молодой Юра так полюбил этот спорт, что прыгал до окончания института и выполнил норматив Мастера спорта СССР. Рост у него был 1.74 *м*, «одна девочка в прыжке», выдающийся в этом деле. Но Юрий Иванович не соглашается, мол, «были и более рослые прыгуны в воду на моей памяти, до 1.90, и работали очень красиво!» И далее со знанием дела комментирует особенность прыжка в воду — сделать акробатику в воздухе, а потом войти в воду с минимумом брызг. Однако, пузыри поощряются: «когда тело входит в воду, сначала только буруны, пузыри пошли — это идеальный прыжок! ты организовал свое тело так, что оно вошло в воду с минимальным сопротивлением, а когда у человека длинные стройные ноги, стройная фигура, это открывает широчайшие возможности!»

Тренер, Михаил Максимович Авраменко в буквальном смысле слова держал команду в теле, заставляя, например, даже брить ноги. Тренер стал учителем по жизни, поскольку учил не только спорту, но и организовывал досуг, когда команда ездила на соревнования в разные города Союза, в Ленинград, Москву. Спортсмены-школьники из команды Михаила Авраменко обязательно посещали музеи и выставки, пользуясь каждой подходящей возможностью. Цель была гуманно социалистическая — дать возможность каждому развиваться полноценно.

Не случайно вид спорта — прыжки в воду — оказался «эстетическим». В сухом зале ребята занимались акробатикой, батутом, гимнастикой, балетом. Наблюдая пластические успехи Юры Серёгина,

балетмейстер команды пригласил его в балетную труппу Львовского оперного театра. Но юный спортсмен был фанатом прыжков в воду, и балетная карьера не задалась. Занятия в бассейне были настолько интенсивными, что в 11 классе Серёгин переел спорта и на самом пике спортивной подготовки обломался: «У меня случилось несварение, осмысленность тренировок и высокие нагрузки уже не воспринимали мозги». Он перестал ходить на тренировки, стал бродить по городу, почему-то начал рисовать. Матушка отправила его рисунки сестре Вале, которая тогда уже работала в Новосибирске архитектором. В ответ сестра написала большое письмо.

«Она писала, что предстоит выбор, куда пойти и как себя вести, что делать, потому что есть "внешняя угроза" — армия (тогда служили три года, это выбивало из колеи и всегда чувствовалось по тем ребятам, которые пришли в вуз после армии, их интеллектуальное развитие как бы затормаживалось). Сестричка советовала — если сомневаешься в выборе, поступай на архитектурный, это та отправная точка, из которой можно пойти и в науку, и в технику, и в искусство. И приводила примеры того, как архитекторы становились политическими и военными деятелями, искусствоведами, художниками, техниками. Самый показательный пример Леонардо да Винчи, синтетический человек, который всё умел и творил не только в технике, но и в искусстве. Меня это убедило».

Письмо повлияло на окончательный выбор профессии. И, невзирая на то, что к рисованию никогда не тянуло, Юрий стал готовиться к архитектуре и в 1965-м поступил. Вспоминая события тех лет, Серёгин замечает: «Меня как-то снесло… Божье провиденье, наверно. Я потом часто это чувствовал и чувствую, когда по каким-то причинам случайности, обстоятельства меня двигают в определенном направлении». И сестра оказалась права, среди сокурсников Серёгина есть и художники, и скульпторы, и бизнесмены, и политики…

Нельзя не вспомнить не менее важное художническое влияние второй сестры Лиды, которая пошла по стопам мамы, создавая сюжетные вышивки-картины, учитывающие форму длинного стежка и специфический рельеф нити в этом столь редком сегодня искусстве.

Alma mater

Группа на архитектурном факультете во Львовской политехнике была интернациональной, но конфликтов никогда не было. Сама городская среда Львова активно влияла на мировосприятие студентов-архитекторов. Вдохновляло то, как искусно «на семи холмах» устроен город. Львовские сооружения всегда учитывали рельеф, что сыграло свою роль в становлении Серёгина как приверженца плавной линии в архитектуре. Эту традиционную живописную особенность Львова он комментирует с воодушевлением: «Часто, если с улицы зайти в дом на одной отметке, то во двор попадешь намного ниже, или наоборот. В Киеве же, при всем ландшафтном сходстве, традиционно делали подпорную стенку, подрезая гору, и на ровном месте ставили дом. Во Львове подходили к рельефу намного толерантней». Ощущение Львова как малой родины не покидает архитектора и по сей день: «очень красивый город и красивый язык».

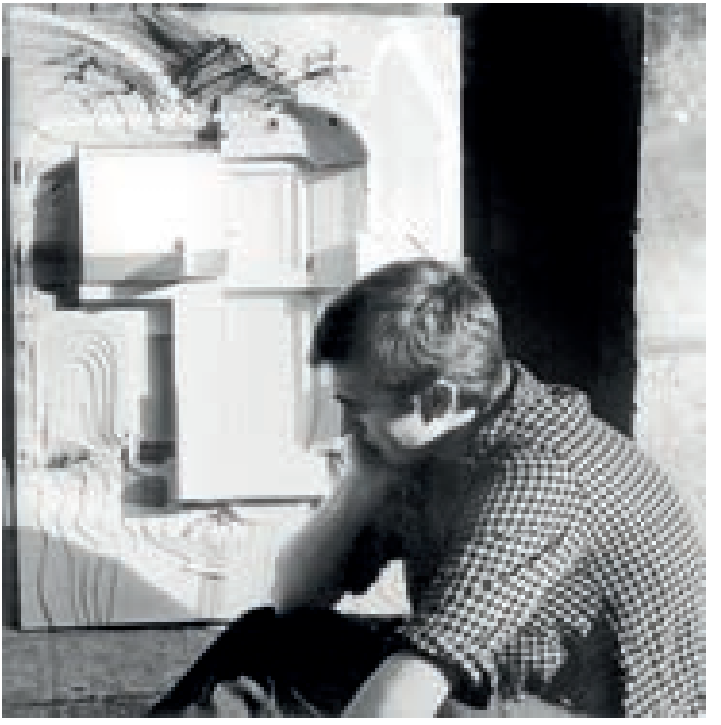
Учеба в институте была сложной, поскольку сопрягалась с занятиями спортом, художеством и экстремальным архитектурным проектированием. К тому же спортивный пик атлета Серёгина пришелся на одиннадцатый класс и первый курс института. Обычно соревнования начинались в разгар студенческих сессий, график самый напряженный. Проектные курсовые делались заблаговременно, экзамены сдавались экстерном: «Помню, утром сдаю экзамен, днем отсыпаюсь, ночью готовлюсь, на следующее утро сдаю другой и так далее. И улетаю куда-то на соревнования…» Возможность ездить по большой стране и видеть самые разные градостроительные традициioживляли опыт. Однако, архитектура, как и спорт, вещь всепоглощающая, поэтому с годами студенчества начался уход из большого спорта. Но, как человек последовательный и наделенный недюжинной энергией, со спортом Серёгин так и не расстался по жизни.

С подачи друзей-спортсменов темой диплома Серёгин выбрал реальный спортивный объект — бассейн на Республиканском стадионе в Киеве, впоследствии по заказу Спорткомитета здесь же он спроек-

тировал водноспортивный комплекс с покрытием из стальной мембраны в виде «растянутого рушника». В дипломе Серёгин пытался совместить открытое пространство с закрытым: вышки для прыжков смотрели в обе стороны, и таким образом их можно было использовать в любой сезон. Переходной отсек — остекленная обходная дорожка. Эта идея оказалась плодотворной и была использована в открытом бассейне на ул. Бастионной в Киеве. Молодой специалист участвовал в разработке этого проекта в составе мастерской по проектированию спортивных сооружений Гипрограда, куда его в итоге и распределили по ходатайству Госкомспорта УССР. Гипрограду отдано пятнадцать лет.

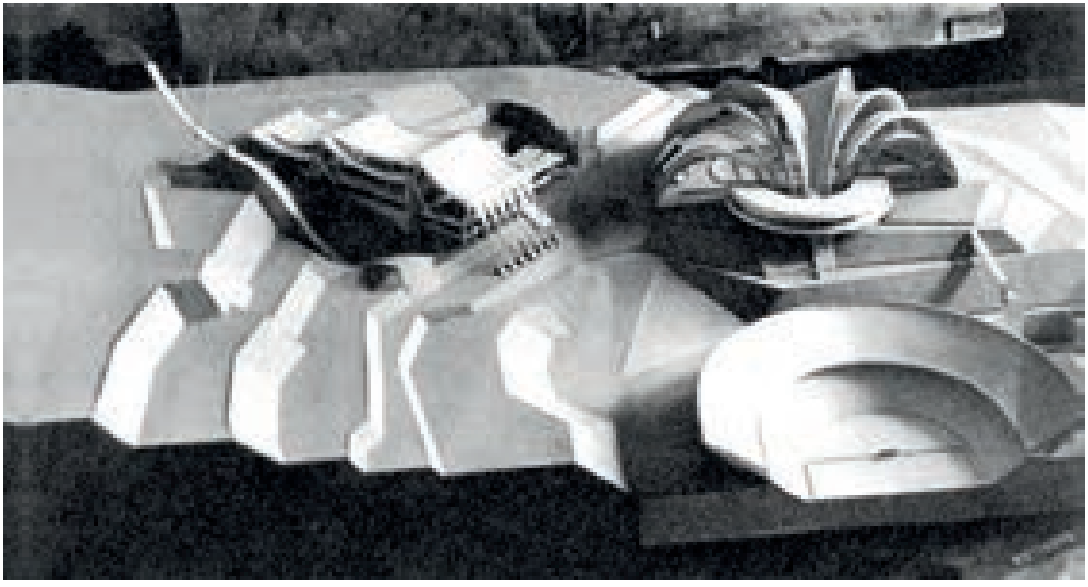
Гипроград

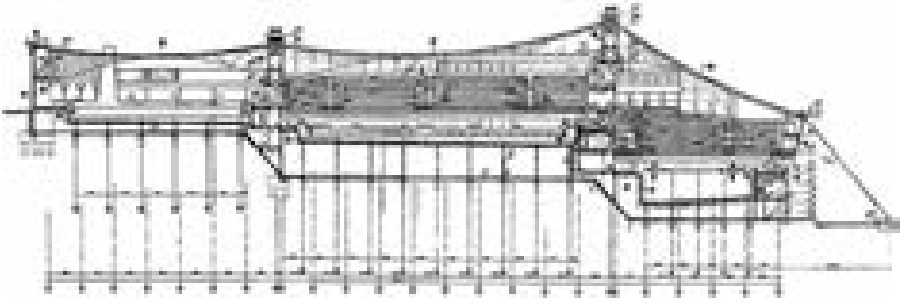
В Киев Серёгин приехал, чтобы проектировать и строить спортивные сооружения, такая была цель — лобовая. Чтобы проектировать комплексы для спортивных состязаний, по мнению Серёгина, недостаточно формального планирования, следует быть Архитектором с большой буквы. Как артист в роль, архитектор должен вжиться в сооружение — в технологию, рельеф, ландшафтные и функциональные особенности: «В спорте очень много технологии, в каждом виде свои нюансы… И это только изнутри спорта доходит. Например, когда спортсмены бьются лбом о вышку, это очень убедительно. На моей памяти был случай. Мы проводили соревнования в Баку, а там очень сильные ветры. И вот прыгает спортсмен с 10 метров, спиной к воде, и порыв ветра заносит его на нижний ярус — все на трибунах встали. Но спортсмен увидел опасность, сделал резкое движение и увернулся от неминуемой гибели, как истребитель от ракеты на крутом вираже. В одно мгновение он упал в воду рядом с бортиком. Всё это — понимание спорта изнутри, и любой вид спорта имеет свои особенности. Даже простые вещи, как раздеться, пройти — всё это очень важно. Длинная функциональная цепочка тем более удачно увязывается, когда ты весь этот путь своими ножками прошел. Тогда понимаешь арену и подходы к ней совсем иначе, чем проектировщик, который никогда в жизни этим не занимался».



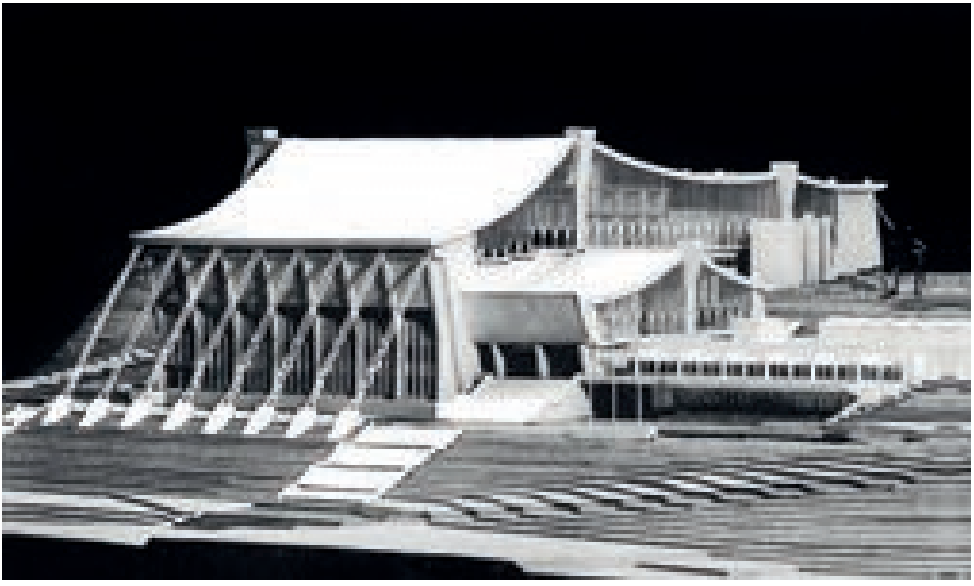
Дипломный проект Ю. Срёгина во Львовской Политехнике, 1969

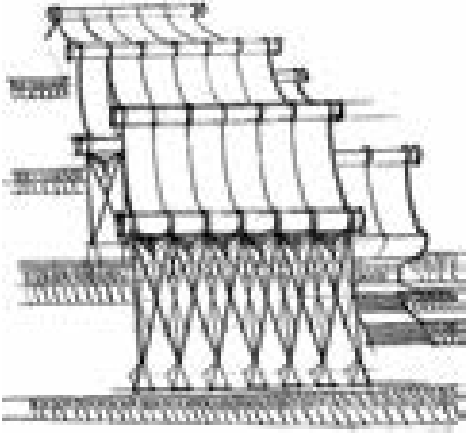
Комплекс бассейнов на Республиканском стадионе в Киеве по ул. Красноармейской 55



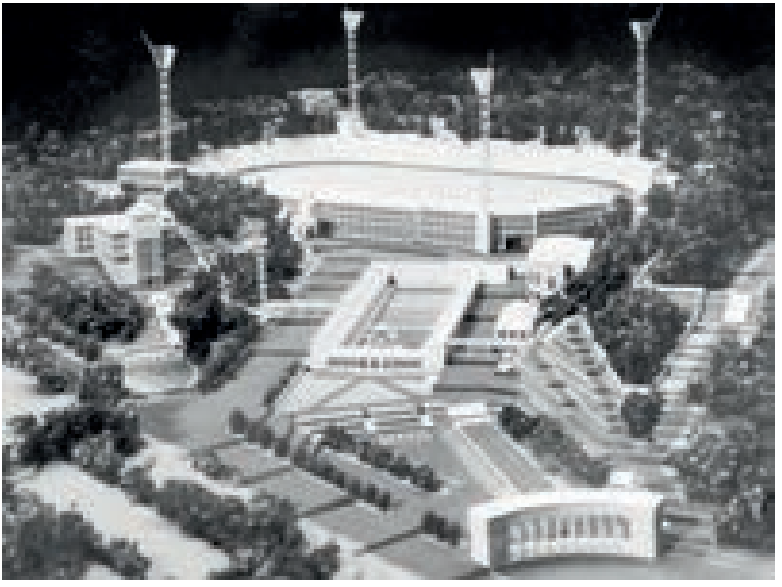


Проект комплекса бассейнов «Рушники» на Центральном стадионе в Киеве





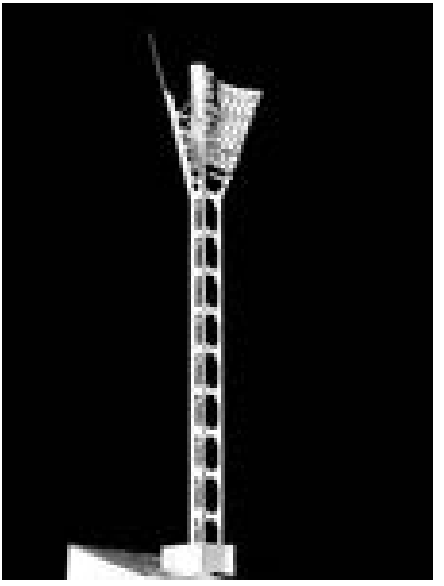
архитт. Юрий Серёгин, Евгений Кириченко, 1979



Проект реконструкции стадиона «Динамо» в Киеве
архитт. Ю. Серёгин, Е. Кириченко, В. Слуцкий, Э. Бегишева и др., 1977–1979

В киевский Гипроград архитектор попал волею всё тех же случайностей. Спортсмены-коллеги настоятельно его протежировали. В Гипрограде к тому времени уже была создана мастерская № 7, спортивных сооружений. И в сентябре 1969 года он «рванул в Киев». Жилья архитекторам никто не предоставлял, приходилось снимать комнату, выкладывая ползарплаты. Это были романтические годы, когда в день оставался рубль на обед. Завтрак — чай с печеньем и вареньем, которое передавали из дому. Ужинать приходилось у друзей.

Более всего в те годы запомнился Георгий Александрович Урусов, уникальный архитектор, занимавшийся курортами. Еще две выразительные фигуры — руководитель Седьмой мастерской Георгий Николаевич Кислый и возглавлявший Мастерскую театральных сооружений Борис Петрович Жежерин. С теплом мастер вспоминает Ивана Антипенко и Валентину Маевскую, учивших его основам са-



Осветительные опоры для стадиона «Динамо»
архитт. Юрий Серёгин, Евгений Кириченко, макет, 1979

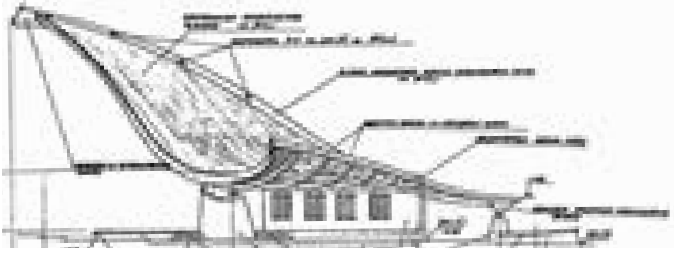
дово-паркового искусства. Здесь Серёгин участвовал в проектировании гребного канала в Запорожье (1970), туристской базы «Говерла» в Карпатах (1971), Ледового стадиона в Киеве (1972), комплекса бассейнов на Республиканском стадионе (1979). Не всё из этого было реализовано, но некоторые интересные идеи удалось защитить авторскими свидетельствами. Мастерской № 7 уже давно нет. Зато есть Серёгин. В результате, можно говорить об украинской школе спортивной архитектуры.

В Киеве по проектам Серёгина построены и реконструированы многие спортивные объекты. Один из самых красивых — уютный стадион «Динамо» в центре города, практически сделанный заново к Олимпиаде 1980 года. Стадион вмещает всего 28 тысяч зрителей, но во время популярных матчей и возле него образуется небольшая эвакуационная толчея. В советские годы это был универсальный спор-

тивный центр, в котором воспитывались чемпионы мира по многим видам спорта: лаун-теннис, борьба, бокс, плавание, прыжки в воду. Мастер Серёгин сетует: «Были традиции, выдающийся коллектив тренеров, спортсмены! К сожалению, всё это не сберегли. Сейчас там вотчина футбольного клуба, а всё остальное, включая большой бассейн с трибунами и вышки для прыжков в воду, уничтожено».

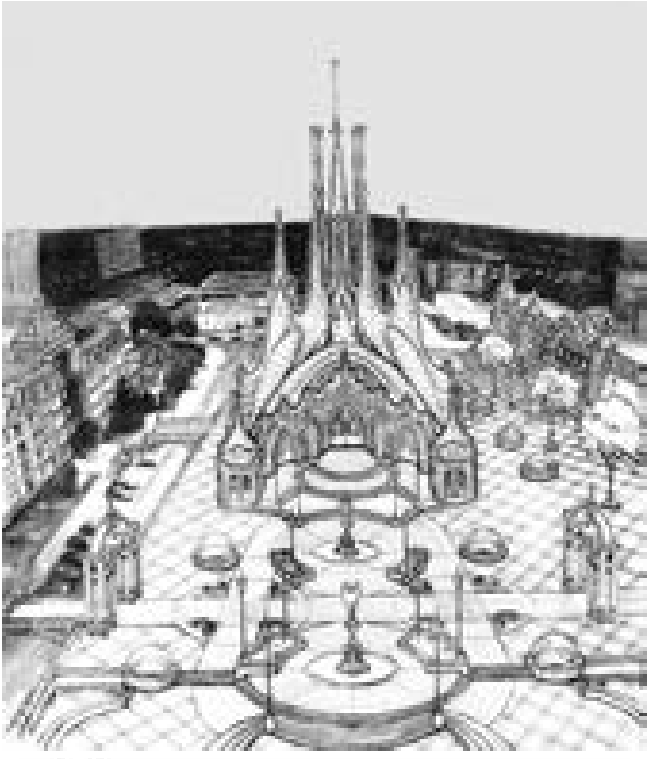
Еще один спортивный объект, в котором Серёгин принял активное участие — Ледовый стадион. Здесь им проектировались осветительные опоры: все рефлекторы повернуты по направлению движения, чтобы не ослеплять конькобежцев. Проект был настолько удачным, что по распоряжению Кабмина проектировщиков заставили его тиражировать, такие же мачты поставили на Центральном стадионе (во время реконструкции НСК к ЕВРО-2012 они еще выполняли функцию строительного освещения). Сам Ледовый стадион так и не был достроен, а сегодня предпринимаются неспортивные попытки застроить его территорию.

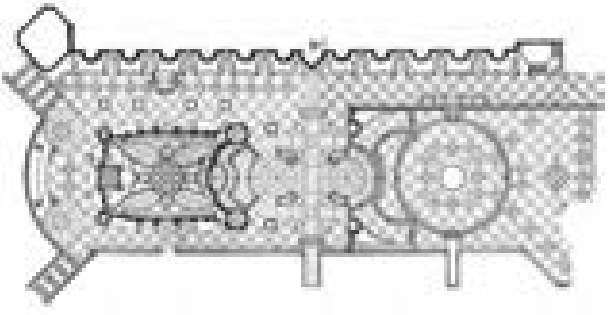
С таким же отношением к спортивным объектам Киева архитектор столкнулся на стадионе «Старт»: некий заказчик предложил застроить его жилым комплексом: «Я отказался, это уникальный стадион-памятник, на котором они пожелали устроить поле для выгула собак. То же происходит и с детскими площадками: пять построили, сто пять уничтожили. "Отжимают" территорию спорткомплекса КВО. Двадцать лет стоит разрушенным бассейн "Чайка". По-моему, государство, если и не нацелено на намеренное разорение страны, то по недальновидности своей способствует уничтожению генофонда нации. Детей негде воспитывать, составляющая физического и морального развития игнорируется. При советской власти было изобилие спортивных школ, ДЮСШ: только пожелай, и тебя "с руками оторвут"! Спорт удерживал от улицы. Часто тренеры имели большее влияние на молодежь, чем средняя школа. К детям они вынуждены были относиться с любовью, потому что из детворы нужно было воспитать спортсменов, а это их собственный профессиональный рост. Поэтому они собирали лучших и относились к ним соответственно. Из детишек делали людей».



Летняя концертная эстрада в Мариинском парке

архитт. Ю. Серёгин, А. Самоделкин, Л. Калуева, Н. Бондаренко, 1981–1982





Реконструкция жилого квартала в Хойерсверде, ФРГ

архитт. Ю. Серёгин, А. Дощенко, А. Гудыменко, Г. Главко и др., конкурсный проект, 1993

Стилистические пристрастия архитектора Юрия Серёгина проистекают из имен, кои он числит учителями — Танге, Гауди, Калатрава. На первом курсе его поразил Олимпийский центр Кендзо Танге, структурно-экспрессионистские формы перекрытия-оболочки. Помимо изощренного чувства пластической формы у Танге, без лишнего многословия, есть масштабное соответствие современной арене и по-японски точное ухватывание конструкции. Именно его Серёгин считает прародителем современной спортивной архитектуры. Каталонец Антонио Гауди стал для Серёгина эталоном — мастер, который вручную создавал модели, на столетие предвосхитившие компьютерное «параметрирование»! За ним в Серёгинской иерархии следует испанец Сантьяго Калатрава, построивший Олимпийский стадион в Афинах (2008). Примечательна родственная близость Валенсии Калатравы и Барселоны Гауди, которая сродни пониманию архитектурной формы обоими архитекторами — это своего рода выращивание архитектурного организма.

Из архитекторов близких украинской архитектурной традиции Серёгин выделяет Имре Маковца, создателя венгерского национального неопластицизма, большинство сооружений которого — из дерева, крыши наследуют абрисы венгерской и украинской стрихи. Именно после него в Европе модными стали камышовые кровли, которые бельгийцы и голландцы поставили почти на промышленный поток.

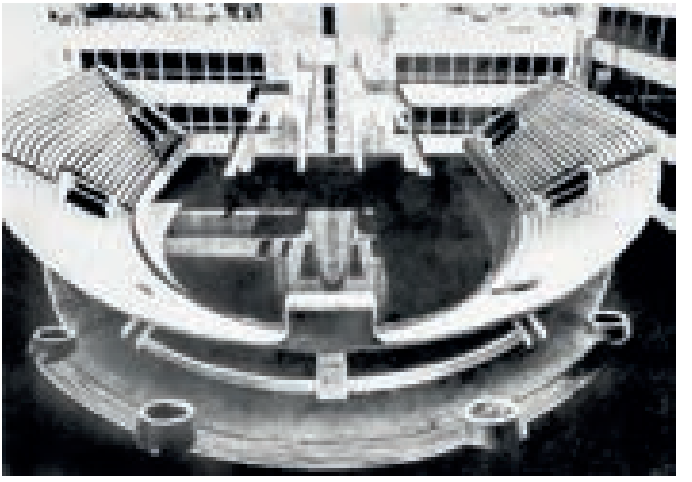
Когда в 2006 году A+C впервые составил top-100 архитекторов Украины, Серёгин вошел в первую десятку. Тогда мы спросили Юрия Ивановича, какой объект с его точки зрения лучше всего выражает стиль Серёгина? Наверное, музыкальная эстрада в Мариинском парке, ответил он. Эстрада задумывалась как деревянная и проектировалась под деревоклееные конструкции. Импортный завод чиновники УССР купили и — складировали оборудование в Коростышеве. К сожалению украинских архитекторов горе-хозяйственники не смогли его освоить. Железо пролежало все сроки, до и после Олимпиады-80, в итоге его отдали белорусам, которые наладили производство и сделали несколько спортивных сооружений в Минске. В Украине же Аалтовские деревоклеенные конструкции так и остались уделом мечтаний про-

грессивных архитекторов. Так вместо деревянного Имре Маковца в далеком 1980-м Украина получила стального Юрия Серёгина.

Горные лыжи как компенсация политики партии

Естественным продолжением спортивных увлечений Серёгина стали горные лыжи, в один из самых сложных периодов его архитектурной карьеры, во время расставания с Гипроградом. «Я очень сложно уходил из института. Много раз мне предлагали уйти на новое место работы. Но я считал, что повышение зарплаты “на десятку” того не стоит, лучше углубить опыт в одном месте — и меня ничего не сбивало. Однако наступил момент, когда я понял, что дальше развиваться здесь не смогу, мне просто не дадут свободно работать: в то время в Гипрограде на всю катушку действовала и разлагалась система коммунистической партии… И тут пришли на выручку старые друзья: давай мы тебя в горы повезем — забудешь всё. И я действительно забыл! Дело было во Львовской области. Один дал мне свои лыжи, другой научил технике, и снарядили на горку где-то под 2000 *м*. Для меня по тем временам это было очень много. Я день спускался с горы. В конце дня еле добрался до ночлега. Решил, больше никаких лыж. А потом спортивная злость взяла — и получилось. С тех пор я каждый год на лыжах, с 1 по 19 января в горах, где по-настоящему отдыхаю». То есть на лыжи Серёгин встал почти в сорок и уверяет, что этот спорт захватывает как никакой другой. «Кажется, занятие для лентяев: наверх везет подъемник, вниз — поставил лыжи, едешь. На самом деле очень техничный спорт». В итоге он изучил десятки горнолыжных курортов: карпатские, кавказские, альпийские, пиренейские.

Но и здесь мастер оказался последовательным, соединив увлечение с архитектурным ремеслом. В 1995–2005 годах он выполнил серию перспективных планировочно-изыскательских и проектных разработок для развития горнолыжного спорта в Карпатах. Друзья помогли раздобыть аэрофотосъемку, на основе которой составили генеральную схему. Увы, Национальный спорткомитет оставил проект на бумаге. Но схема оказалась настолько удачной, что была многократно



Проект дайвинг-арены в Ботаническом саду им. А. В. Фомина
архит. Юрий Серёгин, 1983

скопирована, и на ее основе начали раздавать участки… Архитектор гордится: «Нигде не участвовали, а схема работает! Конечно, участки измельчили, землю раздерибанили». Позже в бюро Серёгина проект неоднократно усовершенствовали, но до комплексной реализации дело так и не дошло.

Развитие горнолыжного курорта Буковель, что под Яремчей, Серёгин комментирует критически: «К сожалению мы в нем не участвовали. На мой взгляд, вложены колоссальные деньги, но не очень разумно. Все начиналось с маленькой туристской базы, потом она стала большой, а принцип маленькой остался. Кстати, очень опасный регион для лыжников — нет общей культуры катания. В любой стране считается, что горнолыжник, который находится сверху, отвечает за всех, кто впереди, то есть внизу. Он видит всех и должен принять все меры безопасности, чтобы не снести кого-то, не зацепить. У нас этот принцип не выполняется. Если сверху несется полупьяный негодяй и намеренно подрезает людей, это может весьма печально кончиться: ведь кромка лыжи, как меч, страшное оружие».

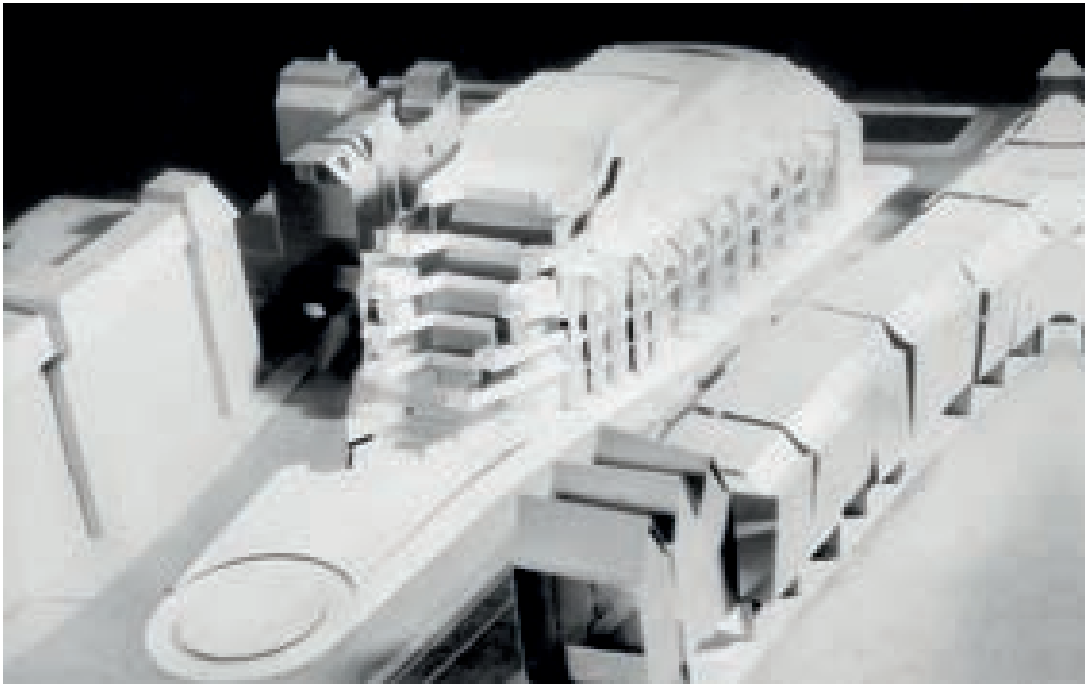
Образцом горнолыжных трасс для Украины Серёгин считает австрийские курорты, которые организованы массово и одни из самых демократичных в Европе. В Австрии всё — внизу: жилье, связь, транспорт. С утра очередь на подъемник до 45 минут, при том что вагончик на сто человек. Альтернатива австрийскому горнолыжному курорту — французский. Во Франции, наоборот, все живут наверху. Мастер живописует один из таких специализированных курортов на 25 *тыс*. горнолыжников: «Местного населения нет, только персонал. Высота 2600 *м*, высокогорье, но ощущение нормальное. Местные села намного ниже. Вечером ярмарка, крестьяне привозят вино, сыры. Выбираешь, какой понравится — месье Жак только нож воткнет, сыр сразу разваливается на части, и аромат…»

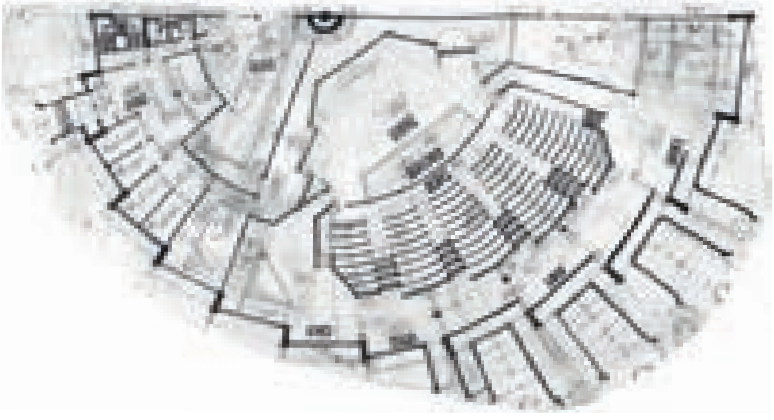
Увлекательные подробности об устройстве горнолыжных курортов архитектор может вспоминать до бесконечности. Последний опыт в Швейцарии, тоже вполне обустроенной, характерен для заядлого горнолыжника — очередная «привычная травма».

С–Студио

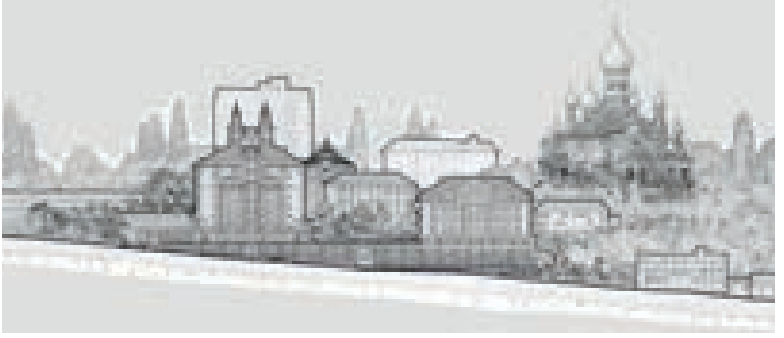
От злых партийцев в Гипрограде Серёгин перебрался в Курортпроект. Главным архитектором института был весьма прогрессивный Алексей Загниборода, у которого отношения с руководством не сложились, как не сложились они впоследствии и у Серёгина. Поэтому в Курортпроекте архитектор так и не реализовал ни одного значимого проекта, при том, что было несколько попыток сделать интересные вещи в Крыму. «В 1996-м меня из института просто выдавили, потому что со своим мнением я в этот коллектив чиновников не вписывался. Тем не менее, я благодарен судьбе за то, что оказался на улице и начал думать, что делать. С этого времени и началась самостоятельная работа в архитектурном бюро С–СТУДИО».

В Советском Союзе спортивной и общественно-гражданской архитектуры было много, потом ее почти не стало. Проектировщики переключились на жилье, и период с середины 1990-х по 2008 год по праву можно назвать эпохой новой жилой архитектуры в Киеве. В 1991 году Серёгин запроектировал жилой дом на слонах Черепано-





Театр в Амстердаме, архитт. Ю. Серёгин, Т. Беляева, конкурсный проект, 1987



Жилой комплекс с администрацией и паркингом на Кудрявском спуске (Бехтеревский пер. 14)

архитт. Ю. Серёгин, Р. Геркен, Г. Главко, 1995–1998

вой горы. Однако серьезная работа в бюро началась с жилого комплекса в Бехтеревском переулке 14. Объект сдан в 1998, а в 2000 году удостоен Госпремии. Серёгин считает его одним из любимых. Конечно, у инвестора присутствовало желание выжать из площадки максимум, но дом не поднялся выше Николаевского собора Покровского монастыря, что можно считать безусловным средовым достоинством проекта (в отличие, например, от зеленого дома, с противоположной стороны монастыря, возникшего десятилетием позже).

Дом на Бехтеревском, не взирая на адрес, имеет точечное касание с переулком, главный же его уличный фасад выходит на Кудрявский спуск. В этом проекте решено несколько принципиальных для 1990-х архитектурных вопросов. Во-первых, в ситуации сложного пересеченного рельефа и необходимости так или иначе получить рациональную и вразумительную планировочную структуру был выбран террасно-блочный принцип размещения комплекса, весьма уместный в киевском пейзаже. Во-вторых, дом чутко реагирует на средовой исторический контекст: тактичное соседство с главными

Жилой дом по ул. Павловской 18

архитт. Ю. Серёгин, Р. Геркен, Г. Главко и др., 1998–2001

Жилой комплекс «Альпийский» в Протасовом яру, ул. Докучаевская 23

архитт. Ю. Серёгин, Р. Геркен, П. Коробка, 2005–2008

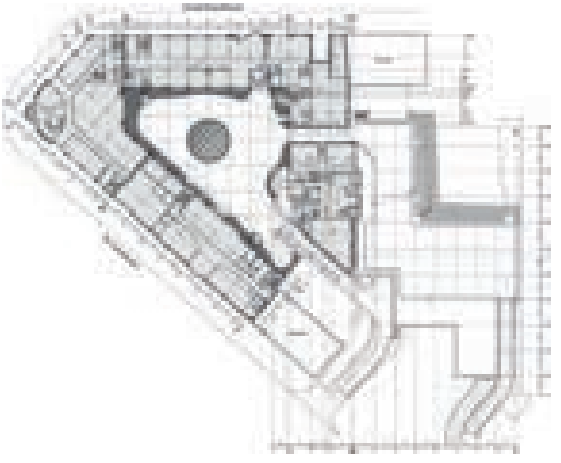
воротами Покровского монастыря архитектора, щадящая высота и стилистическая перекличка с монастырскими зданиями и застройкой Бехтеревского переулка конца XIX — начала XX века. В-третьих, именно в этом комплексе Серёгиным впервые сделана вполне удачная попытка, используя новые технологии, выйти на традиционный киевский кирпичный стиль. Здесь есть отсылки и к «стилю киевских подрядчиков», и к ярким образчикам времен послевоенной реконструкции Крещатика, и к традиции элитного индивидуального строительства. Фасонные элементы фасадов изготовлены в печах завода «Керам-Перлит», в которых был «испечен» и весь Крещатик (городская администрация не уберегла знаменитый подольский завод, и совсем недавно под рейдерскими атаками он исчез с карты города). И в-четвертых, планировочно-технологические находки отработаны в жилом комплексе в полной мере: удобные внутренние лестницы, просторные планировки квартир, кухни-гостиные, остекленные лоджии, крышная котельная, подземный паркинг — словом, всё то, что сегодня вошло в обиход качественного жилья.

Еще один объект, построенный с тем же заказчиком в Протасовом Яру, комплекс «Альпийский», по мнению зодчего, одна из самых удачных его работ. Дом на Бехтеревском, «Альпийский», а также дом на Павловской 18 так или иначе эксплуатируют историческую стилистику — с башенками и скатными кровлями и элементами ордера.

Заказчик, тогда еще прислушивавшийся к мнению проектировщика, сейчас, по мнению Серёгина, стал окончательно неуправляемым в стремлении выжать максимум площади и высоты. Здесь следует помянуть о сильной позиции архитектора. Как-то его спросили о творческом кредо, и Серёгин ответствовал: «Нет такого заказа, от которого нельзя было бы отказаться». Когда архитектору предлагали заняться какой-то работой, а он чувствовал, что заказчик, мягко говоря, не тот или объект принципиально не вписывается в городскую ситуацию, то намеренно предлагал завышенную цену, «чтобы не надоедали». Принципиальное поведение в капиталистически беспринципном контексте без преувеличений следует назвать мужеством.

Торгово-офисный центр «Европа-Плаза», эскиз

архит. Ю. Серёгин 2007



Проект ТОЦ «Европа-Плаза»,

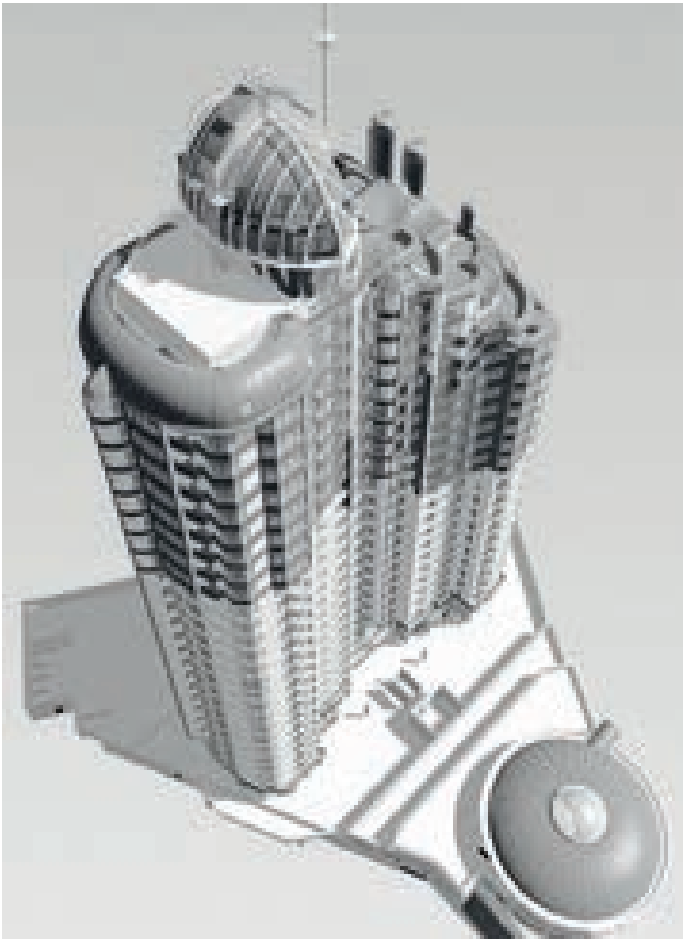
архитт. Ю. Серёгин, А. Дощенко, А. Гудыменко, И. Никитина, А. Жубинский и др., 2007–2011

В поисках саморазвивающейся формы

Рассуждая о современном стиле, Серёгин подчеркивает, что за исключением памятников и всевозможных «реликтовых» сооружений всё должно быть в первую очередь функциональным и обеспечивать то, что нужно человеку. Сооружение нерядовое должно быть безусловно уникальным и запоминающимся. Но и здесь не должно быть перебора в средствах выразительности. В качестве отрицательного примера мастер приводит новое здание на площади перед Михайловским Златоверхим собором «в стиле ретро». В качестве положительного — скромное здание Посольства Голландии на Подоле: «Нет никаких кривых линий, вроде всё прямоугольное, но сделано со вкусом. Функциональное и запоминающееся, наверное, это главное».

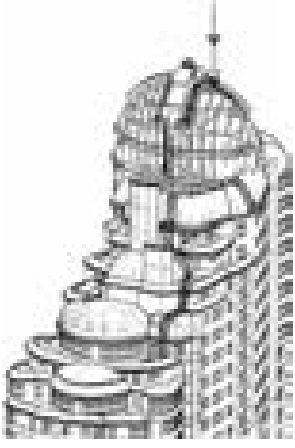
С точки зрения средовых киевских работ, архитектор сожалеет о судьбе большого комплекса на площади Победы (т. наз. Европа-Плаза), в котором заказчик довел дело до состояния полной эклектики. Исходная идея была такова: основной объем в глубине квартала повернут фронтально к площади, периметральная структура комплекса перекликается с существующими зданиями, угловой купол — с куполочком столетней давности на въезде в устье ул. Саксаганского. Однако когда в процессе строительства несколько раз поменялся инвестор, количество новшеств переросло в сомнительное качество.

Следующим этапом в развитии стилистики жилых комплексов стало все большее использование командой Серёгина мягкой линии. Самыми удачными в этом ряду архитектор считает не построенный 36-этажный дом-комплекс на ул. Зверинецкой и реализованный — тридцатиэтажный дом «Гнездо Юного Орла» (в эпицентре коррупционного детища поющего ректора М. Поплавского КНУКиМ) — оригинальный профиль с ниспадающими медными террасами, напоминающий силуэт рыцаря, удачно работает в панорамах Киева, особенно эффектно с Демиевской площади и на железнодорожном подъезде к главному вокзалу. Мерцающие медные шлемы делают его одной из самых оригинальных высоток Печерска.



Проект жилого дома «Юный Орёл» по ул. Щорса 36Б

архитт. Ю. Серёгин, Г. Главко, А. Демьяненко, Р. Геркен и др., 1999–2003



Жилой дом «Юный Орёл» по ул. Щорса 36Б

архитт. Ю. Серёгин, Г. Главко, А. Демьяненко, Р. Геркен и др., 1999–2003

Днепр и Южный

Занимаясь жильем, Серёгин не оставил спортивную тему. В 2000 году Одесский припортовый завод, имеющий собственную баскетбольную команду супер-лиги «Химик», решил построить новый спорткомплекс, и руководитель местной строительной фирмы «Санта» Александр Зелинский обратился к доброму знакомому, председателю Лейпцигского союза менеджеров по связям Восток–Запад, Михаилу Толпаларю, с просьбой подыскать в Германии подходящего архитектора. Тот парировал, мол, в Киеве есть свой архитектор-спортсмен, который сам у немцев конкурсы выигрывал (речь шла о проекте реконструкции города Хоесверда).

Юрий Иванович комментирует Южный с воодушевлением: «Я не верил своему счастью, но, приехав в Одессу, увидел целеустремленных людей и загорелся идеей. Удалось увлечь своих ребят. Мы быстро сделали макет со съемной крышей, чтобы и внутри можно было посмотреть. Директор завода увидел и сказал: вот так и будем строить. У конкурентов по тендеру не осталось ни одного шанса». Физкультурно-спортивный комплекс «Олимп» построили быстро, с использованием новейших технологий, и летом 2004 здесь уже проходили соревнования международного класса.

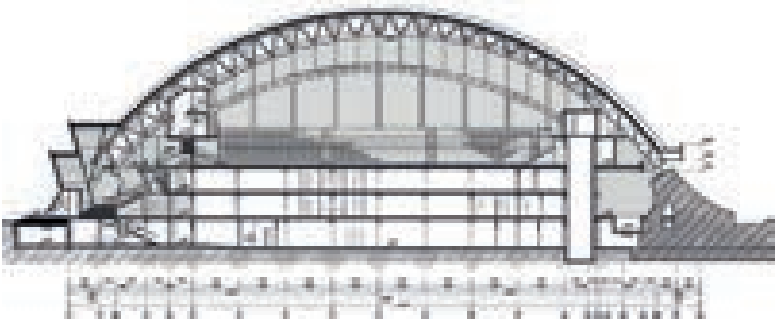
Вид комплекса на фоне морского горизонта рождает ассоциации с космодромом, а здание универсального спортивного зала напоминает межпланетный корабль. Гостиница с модулями солнечных батарей как центр управления полетами. Трубы котельной, поддерживаемые динамичной пространственной конструкцией, напоминают пусковую установку. Мощный образ спортивной арены сформирован системой перекрытия из трех сопрягающихся цилиндрических оболочек — центральной клинообразной и двух боковых наклонных. Первую образуют диагональные арки пролетом по 82 *м*, опирающиеся на монолитные железобетонные пилоны, напоминающие ступню великана. С точки зрения архитектора, восхищения достойна работа конструкторов — Игоря Лебедича и Николая Комиссарова, — безупречно реализовавших пластическую идею в металле. Украшение фасада —

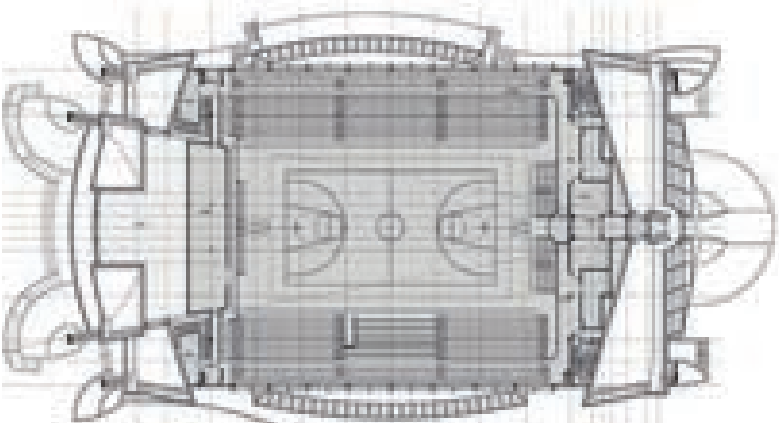
Физкультурно-спортивный комплекс «Олимп» в городе Южный

Эскиз опорной пяты (гуашь) и строительство, архитт. Ю. Серёгин, А. Дощенко, 2002

ФСК «Южный», опорная пята во время строительства

конструкторы И. Лебедич, Н. Комиссаров, Г. Головская, В. Холькин, 2001–2004





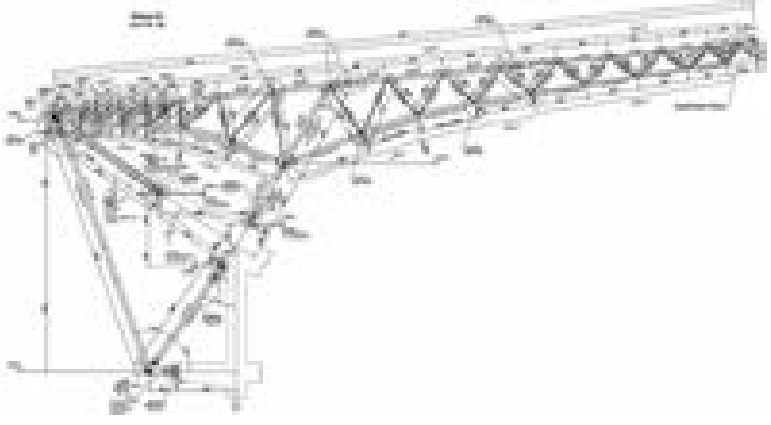
Проект физкультурно-спортивного комплекса «Олимп» в городе Южный

архитт. Ю. Серёгин, А. Дощенко, А. Гудыменко, И. Никитина, Т. Малёванная и др., 2001–2004

скульптурные водостоки — ваялись по месту в поддержку линиям главного объема, после чего были распластаны на бумаге и воплощены в нержавейке немецким мастером Böhme.

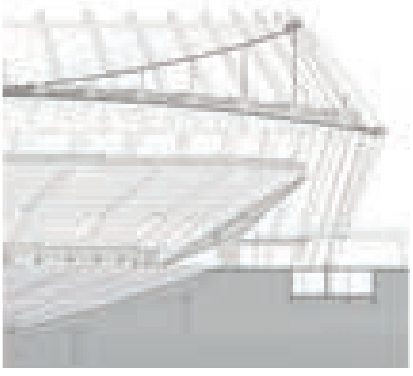
На вопрос, когда приятнее было быть архитектором, в советские времена или сейчас, Серёгин не дает однозначного ответа: «Сейчас легче себя утвердить, выразить, особенно если встретишься с нормальным заказчиком. В моей жизни случился стопроцентно нормальный триумвират — заказчик, проектировщик и подрядчик. Это Южный. Проект рождался в гармонии, а не под диктовкой. Дирекция завода умные люди, они нашли рациональный путь, чтобы и производство поддерживать, и для людей что-то доброе сделать. К сожалению, из-за кризиса этот градостроительный комплекс не доведен до конца, но то, что построено, содержится в идеальном состоянии».

Еще один выдающийся спортивный проект Серёгина — первый большой современный стадион Украины — в Днепропетровске. Почему днепропетровский «Металлург» попал в руки именно к немцам, вопрос риторический. В середине 1990-х немецкая строительная компания Hochtief организовала дочернее предприятие Хохтиф-Украина. В те годы Hochtief двигался во многих направлениях: торговые центры, общественные здания, в том числе спортивные арены. Концепцию стадиона разработал ведущий днепропетровский архитектор Александр Дольник. Однако взаимодействие Дольника с Hochtief не сложилось, и с его подачи немецкие девелоперы вышли на Юрия Серёгина. В результате Украина получила один из своих лучших футбольных стадионов — Днипро-Арена. Стадион наследует поле старого, еще довоенного «Металлурга». Его чаша рассчитана на 32 *тыс.* болельщиков. Консольный вылет козырькового навеса над трибунами составляет 30 *м.* Для максимального обзора принят разреженный шаг опирания металлического покрытия на железобетонные конструкции трибун: на каждую вторую или третью рамы, с шагом 20–30 *м.* Конечно, стадион по-спартански лаконичен, в духе постмодернистских уважей Дольника, но, будучи вписан в лимитированный бюджет, вполне соответствует современным высокотехнологическим и эстетическим представлениям об архитектуре.



Футбольный стадион «Днипро-Арена» в Днепропетровске

архитт. Ю. Серёгин, Т. Малышева, П. Вурбс, А. Дихтиевский и др., 2005–2007



Стадион НСК Олимпийский, ул. Б. Васильковская 55

архитт. Фольквен Марг, Кристиан Гофман, Марек Новак, адаптор Юрий Серёгин и К°, 2009–2012

«Олимпийский» в Киеве

Имея амбиции поучаствовать в подготовке главной киевской арены к Евро-2012, компания Hochtief привлекла известное архитектурное бюро GMP (Architecten von Gercan, Marg und Partner), ведущую фирму, специализирующуюся на проектировании футбольных стадионов. В Берлине им принадлежит реконструкция Центрального олимпийского стадиона, построенного в 1930-х. GMP построили большое количество стадионов по всему миру: Бразилия, Китай, Хорватия, Румыния, Польша, ЮАР. У команды всегда была специализированная спортивная тематика, и они более прочих вникли в суть киевского стадиона. Базовой идеей реконструкции было стремление максимально сохранить уникальное киевское сооружение на изящных бетонных опорах-консолях (1967) и, вместе с тем, привести спорткомплекс в соответствие с новыми требованиями UEFA и FIFA. Например, болельщики должны иметь возможность покинуть чашу стадиона за восемь минут, а территорию всего комплекса — за 25.

Бюро Ю. Серёгина стало архитектурным адаптером победившего проекта. Архитектор оценил проект как вполне технологичный: «Наверно, из того, что предлагали, он самый подходящий. Учитывались киевские особенности, рельеф, желание сохранить второй ярус трибун. Хотя, если бы определять локацию олимпийского стадиона сейчас — Центральный мы бы с удовольствием снесли, из-за этого второго яруса». Тем не менее киевские проектировщики не только детально проработали архитектурные узлы, но и с нуля разрабатали градостроительные части комплекса. Авторы основного проекта — Кристиан Гоффман, Мартин Блэкман, Андреас Витегер, а также русскоязычный архитектор Роман Гепп, на должном уровне знающий и русскую, и немецкую профессиональную терминологию. Это основной зарубежный состав, с которым общались и работали наши архитекторы.

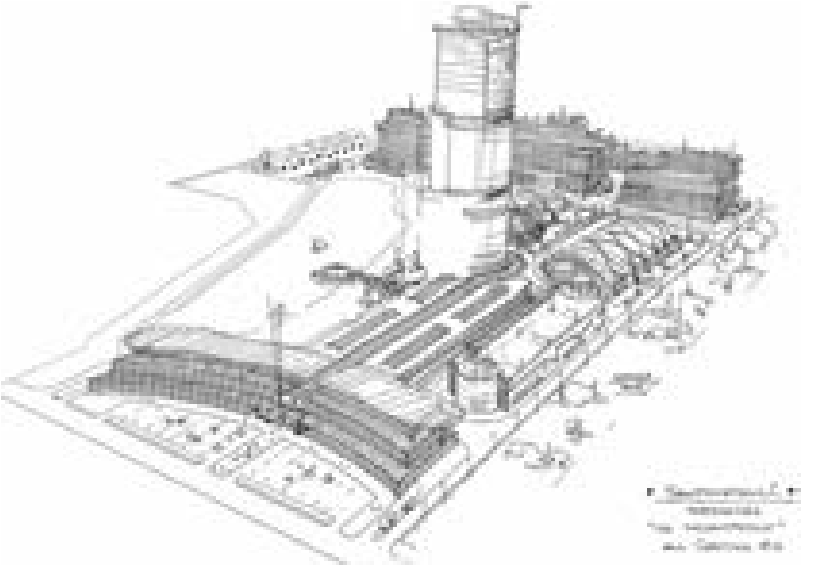
При всем прочем Серёгин считает, что «психологически» территорию стадиона им. Н. С. Хрущёва (он же Центральный, Республиканский и Олимпийский) следовало сохранять обязательно. Для футбольного

чемпионата, конечно, лучше бы было построить новый стадион с хорошими подъездами где-нибудь в Святошине или на «Чайке», а Олимпийский сохранить как учебно-тренировочный, как памятник былой славы украинского спорта, и проводить там легкоатлетические соревнования, чтобы не собирать стотысячные толпы, парализующие жизнь города. У знаменитого киевского стадиона были совершенные, красивые пропорции. Эту точку зрения в полной мере разделяет и Серёгин, ценитель гибкой линии в духе Кензо Танге.

Однако сохранение добротно сделанной вещи оказалось настолько дорогостоящим, что, по его мнению, этот зуб легче было вырвать. «Сделать всё по-новому было бы и качественней, сохранив оригинальную архитектуру. В начале проектирования мы так и предлагали: всё снести и восстановить бетонные формы — будет быстрее и надежней. Но руководители нас не поддержали. В результате мы потребовали полного обследования, чтобы сооружению поставили диагноз. Конструкции обследовал НИИСК. Институт теплофизики просчитал степень огнестойкости пилонов. Институт геофизики разработал схему сейсмических воздействий по всей территории».

За пятьдесят лет эксплуатации фундаменты ажурных бетонных стоек были подмыты, и всё стояло на честном слове. Пришлось в экстренном порядке бурить сваи вокруг всех опор, делать новые ростверки — передавать нагрузку. Железобетонные складки трибун были настолько прогнившие, что бетон просто вываливался. Старую арматуру реанимировали и бетонировали заново. Все фундаменты в итоге тоже новые. Всё, что в лихорадке подготовки к Евро 2012 было снесено, планировали восстановить — литую чугунную ограду на гранитном цоколе, итальянский дворик, колоннаду главного входа.

Главная идея проекта — обрамить сохраненный и восстановленный стадион стальными опорами каркаса, поддерживающего вантово-мембранное покрытие над зрительскими трибунами. Кровля — из особой светопрозрачной ткани, пропускающей всё, кроме воды. Каждый сектор получил собственные фастфуды, санузлы, посты милиции и медпункты. Периметр стадиона окружен железобетонной эвакуационной галереей, позволяющей болельщикам из



Концепция торгово-спортивно-развлекательного комплекса по ул. Здолбуновской 2
архитт. Юрий Серёгин, Роман Геркен, Андрей Миколайчук, 2006

верхних секторов покидать стадион, независимо от зрителей первого яруса. Один из самых нетривиальных для стадиона вопросов — эвакуация. По периметру чаши устраивлены мостики-проходы, что позволяет одновременно выходить не только на Троицкую площадь и ко Дворцу спорта, но и на бульвар Леси Украинки в сторону ул. Димитрова, Фёдорова и музея «Киевская крепость».

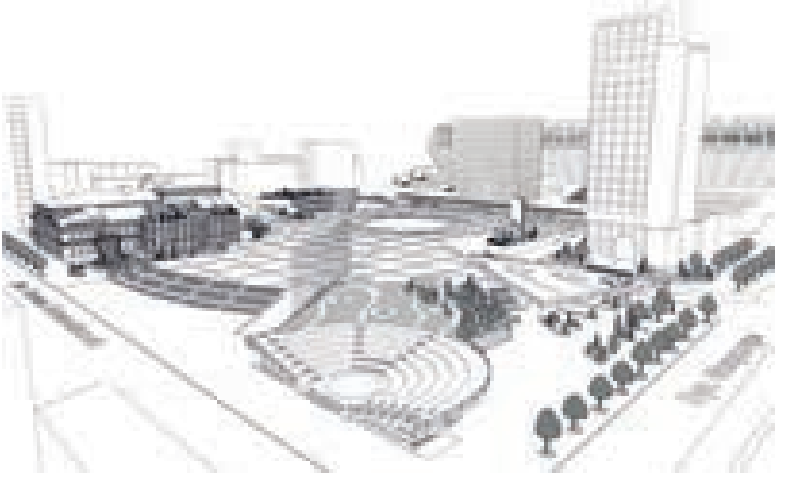
В итоге снаружи современный фасад, под стадионом новая инфраструктура, в интерьере уникальная историческая киевская арена.

О бесчинствах и позитивах

Серёгин считает, что особого внимания заслуживают территории, прилегающие непосредственно к Олимпийскому стадиону. «Стадион это территория НСК, и мы его проектируем под руководством GMP. Но есть примыкающие территории, не входящие в

Руины торгового комплекса «Юджин» на Троицкой площади, 2008

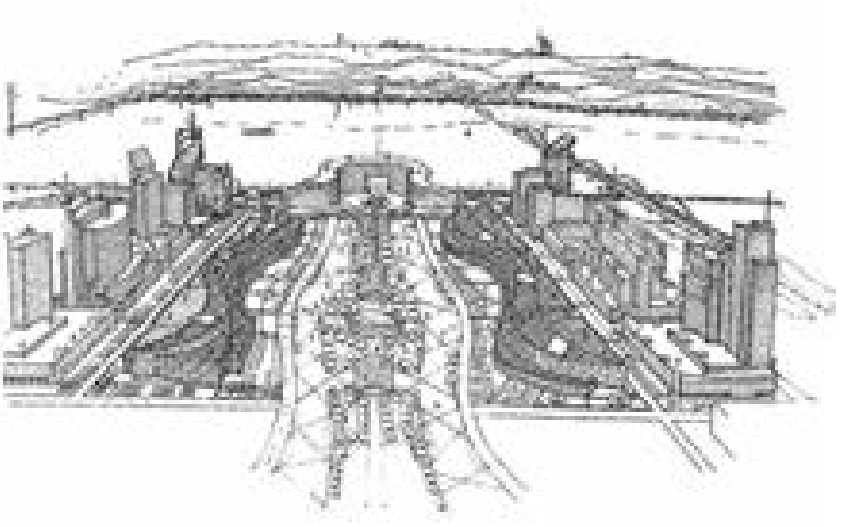
нашу юрисдикцию. На протяжении последних двух лет наше бюро на общественных началах положило много времени и творческих усилий на проработку концепции их благоустройства с максимальной эффективностью для города и горожан. Но нас отодвинули, мол, проектная бригада Серёгина перегружена, и отдали проектирование функциональных и гостевых зон в другие руки. Троицкую площадь тоже мы начали проектировать в рамках развития основной зоны подхода к стадиону. Задача была создать не просто эвакуационную, но полноценную площадь для киевлян и гостей в центре города, именно площадь, а не транспортно-пешеходную развязку! Таких площадей в Киеве практически не осталось. Но и здесь наше бюро потеснили — территорию Троицкой площади передали компании "Юджин", которая готова и проект, и благоустройство выполнить за свои средства, но с условием масштабного коммерческого строительства, которое изуродует площадь. Сделать работу планируют в два этапа: подготовить площадь к Евро-2012, а после проведения чемпионата возвести на площади солидный билдинг. Это совершен-



Поект Троицкой площади перед НСК «Олимпийский», архит. Юрий Серёгин, 2010

но антисоциально и даже антинационально. Ведь совсем недавно, с большим сопротивлением, разобрали на площади бетонный каркас неуместного здесь торгового центра… Сегодня деньги потрачены на современное спортивное сооружение, но когда торгово-офисную пробку поставят в пределах площади в очередной раз, стадион могут просто лишить права на проведение соревнований международного класса. Весной 2010 года были подведены итоги архитектурного конкурса на Троицкую площадь, полностью поддержавшего и подтвердившего нашу идею: оставить в городе Киеве хотя бы одну пешеходную площадь — для человека. К сожалению, этот интересный конкурс прошел слишком поздно, и билдинги за черной ширмой все равно просматриваются».

О коллегах Серёгин неизменно отзывается с теплотой и пиететом: «Людей, с которыми я работал, которые здравствуют и которых уже нет на этом свете, и с которыми разошлись творческие пути, долго перечислять. Это и мой первый коллега по Гипрограду, наставник, Евгений Кириченко, человек неординарный и неоднозначный, его уже



Концепция градостроительного комплекса «Славутич», Днепровская наб. / Здолбуновская архитт. Ю. Серёгин, А. Миколайчук, А. Петелько, Н. Масленникова, А. Жубинский и др., 2012

нет. С ним работали два талантливых архитектора — Царевский и Фогель. В Курортпроекте было много талантов, всех не перечесть, со многими из них работаю и сейчас, например, с Романом Геркеном».

На вопрос о подготовке архитектурной смены Серёгин отвечает спокойно: «Нет, я никого не учу, не навязываю своих вкусов, нигде не преподаю. В архитектуре, как и в любом другом деле, никого нельзя ничему научить, можно только научиться. Можно, будучи студентом, прийти в мастерскую Серёгина, научиться сначала бегать в магазин, потом упаковывать рабочую документацию, потом грамотно писать пояснительную записку. Глядишь, через несколько лет станешь проектировать, как Серёгин, а еще через несколько — лучше, и откроешь собственное архитектурное бюро. Многие молодые архитекторы, работавшие у меня, уже творят самостоятельно, и я с удовольствием сотрудничаю с их мастерскими».

За годы проектной практики Серёгину неоднократно приходилось создавать ситуативные творческие бригады, но в конце концов всё получилось: «Во-первых, у нас появилось хорошее помещение, где можно работать, а во-вторых, мы друг друга просто любим. Мы приходим в мастерскую не только зарабатывать деньги, но и чтобы получить удовольствие от общения. Были периоды, когда мы трудились ночами, сейчас этого практически не бывает — техника стала мощнее, мы стали опытнее. Но если нужно, всегда готовы мобилизоваться, и я в своих коллегах уверен».

Юрий Иванович по природе человек деятельный и не мыслит себя без захватывающей идеи и вне работы. И если после преодоления очередной, казалось, неподъемной вершины наступает знакомое художнику чувство опустошения и пресной снеди ежедневной рутины, то это лишь до поры, ибо веселая и доброжелательная натура всё побеждает. Архитектурные баталии сменяет спорт, и спорт не имеет смысла без всепоглощающего пластического мира архитектуры: «Я благодарен судьбе, что сохранился как архитектор, хотя труд этот тяжелый и часто неблагодарный. Многие считают, что архитектура не искусство. Даже на фасаде Дома Художника в Киеве музу архитектуры выставили за угол. Этот разрыв предстоит преодолеть молодому поколению. Мы в основном работали “на каркасе”, а из него сделать что-то индивидуальное и пластическое сложно, к счастью, в спортивных сооружениях каркас встречается не часто. Сложности порой уводят нас от самого важного, а в архитектуре главное — создавать такое пространство, которое вдохновляет и радует людей».

Из книги А+С
«Архитеткурное бюро Ю. Серёгин», 2011

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «МЫТЭЦЬКИЙ»

За шесть лет до строительства на Печерске жилого комплекса «Мытэць», сданного в эксплуатацию в 2005 году, была разработана концепция застройки бывшей промышленной территории в пределах улиц Щорса и ул. Кутузова, переулков Новопечерского и Тверского.

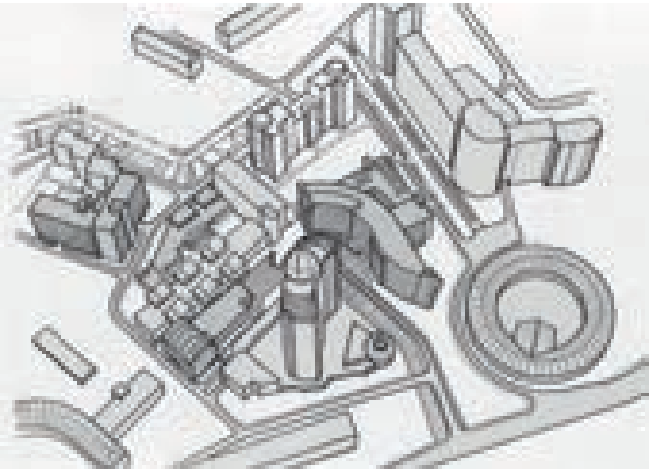
Основная идея — создать пешеходный променад от «Прозоровской» башни Киевской крепости и комплекса КНУКиИ до Новопечерского переулка — градостроительную ось новых жилых комплексов. Круглый бастион «Прозоровский» предлагалось превратить в культурный центр (библиотека, музей, интернет-кафе). Внутренний двор, накрытый светопрозрачным куполом, превращался в общественное пространство для общения, проведения концертов, корпоративных мероприятий. В конце пешеходного бульвара протяженностью 350 *м*, на участке с перепадом рельефа порядка 20 *м*, предлагалось устроить торговый центр, на эксплуатируемой кровле которого — разместить жилой комплекс. Эскалаторы и лифты торгового центра с сопровождающими предприятиями торговли и общепита круглосуточного режима работы обеспечивают удобные пешеходные связи площади Леси Украинки с ул. Красноармейской (Б. Васильковская). Одновременно строительство жилых кварталов между этим пешеходным бульваром и ул. Щорса завершило бы реновацию и благоустройство этой территории.

Из книги А+С
«Серёгин. Проекты, концепци, замыслы», 2018

Концепция градостроительного комплекса «Мытэцький» по ул. Щорса (Е. Коновальца)

архитт. Юрий Серёгин, Роман Геркен, Герман Главко, 1999

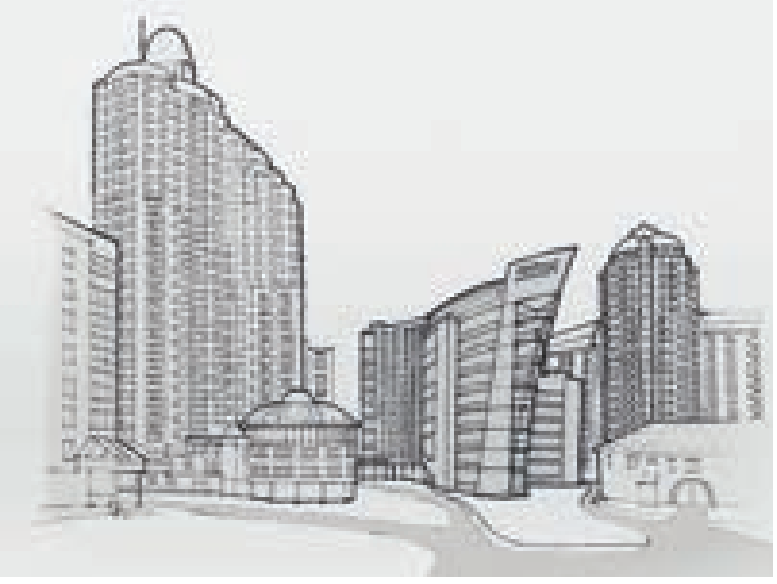
КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ КНУКиМ



На этой площадке бюро начало работать с 1999 года. Началось всё с того, что заказчик в лице «поющего» ректора Поплавского пытался найти инвесторов, чтобы построить дом для преподавательско-профессорского состава. Однако со временем к нему пришло осознание, естественно, не без влияния архитекторов, что площадку университета надо осваивать комплексно.

Город тоже настаивал предоставить комплексный подход к развитию территории. По настоянию ректора была предложена высокая плотность застройки кампуса: три учебных корпуса и пять секций общежития для студентов и аспирантов, жилой дом для профессорско-преподавательского состава. Концепцию согласовали, и началось рабочее проектирование. В одном из корпусов были запланированы аудитории-амфитеатры и внутренний двор, который в дальней-

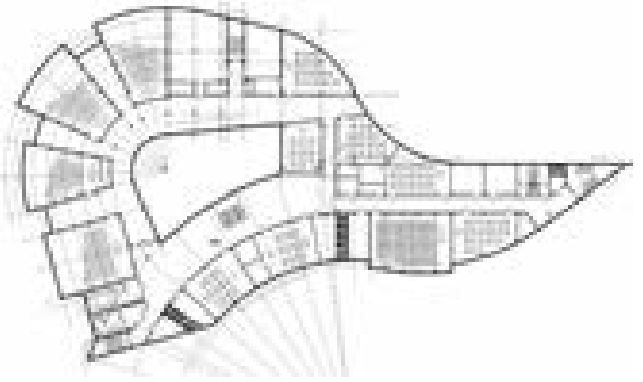
Концепция развития Киевского университета культуры и искусств по ул. Щорса 36В, генплан архитт. Ю. Серёгин, Р. Геркен, Г. Михайленко, А. Захарченко, Я. Чех, 2005



шем проектировщики хотели превратить в атриум — всепогодное место общения молодежи. Предусмотрено новое и в планировочных ячейках общежития, со своими мини-кухнями и санузлами. Не были забыты исторические валы Киевской крепости — их предполагалось укрепить, восстановить в разрушенных местах, озеленить и благоустроить. «Но, — как комментирует Серёгин, — со временем стало понятным, что заказчик с инвестором задумали что-то не совсем-то, а может и вообще не то. Наступали времена, когда "денежная мошна" стала давить всех инакомыслящих, время самовольных изменений и модернизаций проектов при строительстве во имя увеличения "квадратных метров", наплевательское отношение к нормативной строительной базе, авторскому праву!»

Из книги А+С

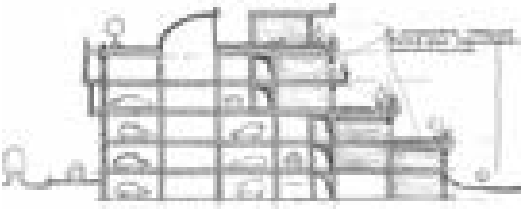
«Серёгин. Проекты, концепци, замыслы», 2018

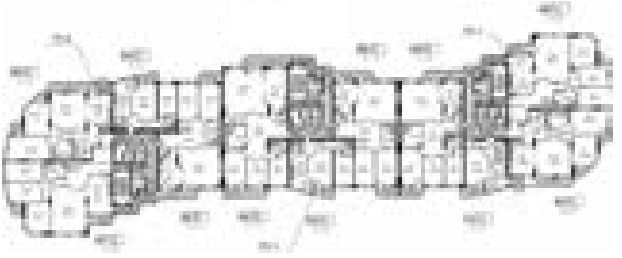


Учебный корпус КНУКиМ по ул. Щорса 36Б

архитт. Ю. Серёгин, Т. Малышева, Г. Главко, А. Жубинский и др., 2005–2008

ЖК НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ

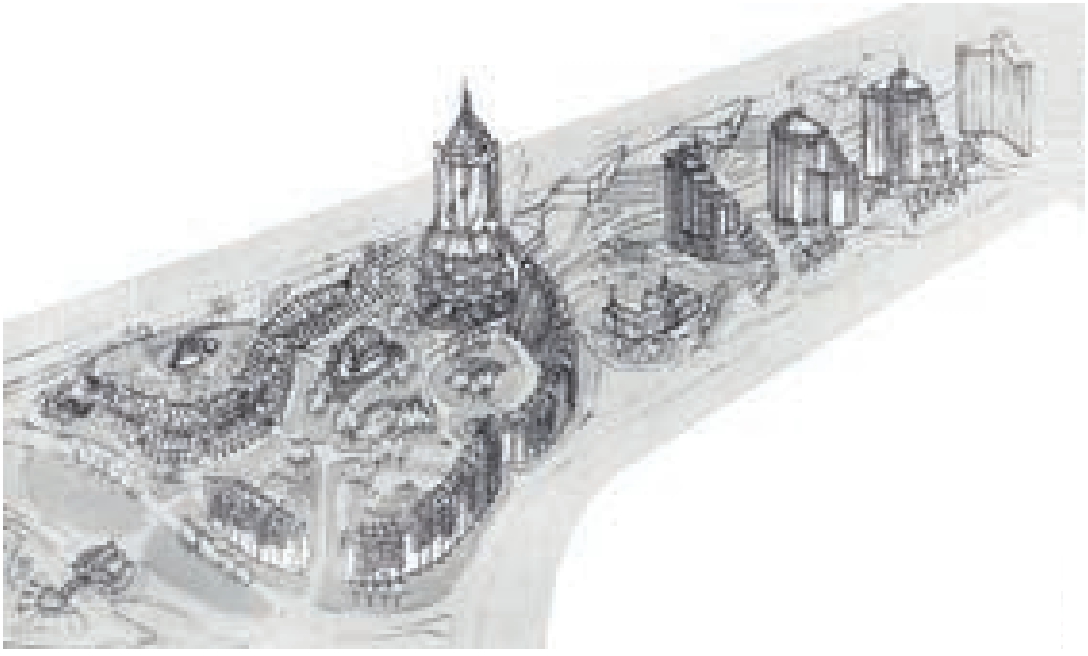


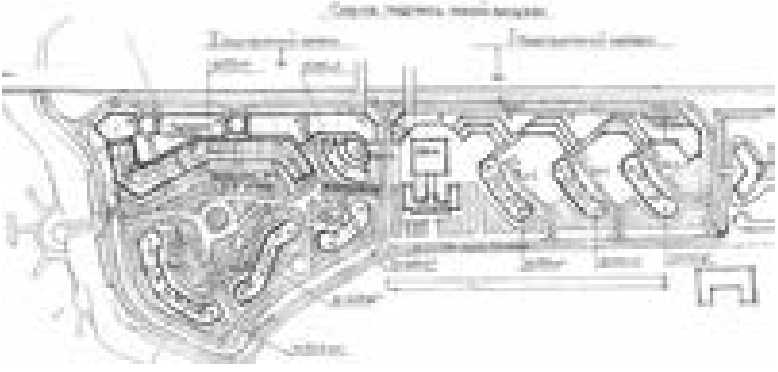


Серёгин комментирует предложение 2003 года: «Градостроительная значимость участка велика, как со стороны восточного въезда в город, так и в панораме Левого берега, открывающейся со склонов приднепровского зеленого ожерелья. Важное преимущество участка — 750 *м* набережной вдоль Днепровской протоки. Негативное влияние транспортной магистрали и линии метро устраняется размещением по всей длине примыкания чеырех–пятиэтажных паркингов с шумозащитными экранами. Квартал разделен на два блока территорией реконструированной школы с ФОК. Проектным предложением квартал обеспечивется полным набором предприятий обслуживания». Сегодня здесь другое.

Из книги А+С

«Серёгин. Проекты, концепци, замыслы», 2018

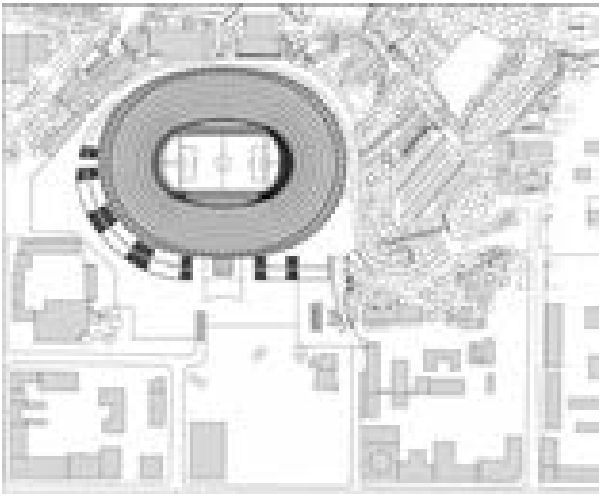




Концепция жилого комплекса по ул. Раисы Окипной 4–10

архитт. Ю. Серёгин, Р. Геркен, А. Дощенко, А. Гудыменко, Г. Главко, В. Климов, 2003

НСК ОЛИМПИЙСКИЙ



Поводом реконструкции самого большого стадиона в Украине стала задача провести финал чемпионата по футболу ЕВРО 2012 в соответствии с обновленными требованиями UEFA: ускоренная эвакуация, перекрытие зрительских трибун, индивидуальные сиденья и т. п. Команда проектировщиков GMP во что бы то ни стало решила сохранить изящные Т-образные стойки-консоли трибун второго яруса архит. М. Гречины, выполненные в 1968 году (тогда объем стадиона достиг 100 000 зрителей). Уже существующую архитектуру упаковали в новые одежды. Похожий прием использован Ф. Маргом при подготовке стадиона в Бразилиа к чемпионату мира по футболу 2014 года. Однако киевское решение — пионерное и более изощренное: железобетонные трибуны огибают новые металлические стойки-бумеранги, на которых держится гигантский прозрачный тент с зонтиками.

А+С № 1–2 '2012

Стадион НСК Олимпийский, ул. Б. Васильковская 55

архитт. Фольквин Марг, Кристиан Гофман, Марек Новак, Юрий Серёгин и др., 2009–2012

3|18

ОЛЕГ СЛЄПЦОВ
І
СТО ЦЕРКОВ

АРХИТЕКТОР, ХУДОЖНИК, МУЗЫКАНТ

СЛЕПЦОВ
И
УКРАИНСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

АРХИТЕКТОР, ХУДОЖНИК, МУЗЫКАНТ

Олег Слепцов родился 18 января 1958 года в Харькове. Архитектурный факультет КИСИ (1980). Учредитель Научно-проектного архитектурного бюро ЛИЦЕНЗиАРХ (1992). Действительный член Украинской академии архитектуры, народній архитектор Украины, лауреат Государственной премии Украины в области архитектуры, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой основ архитектуры и архитектурного проектирования КНУСА.

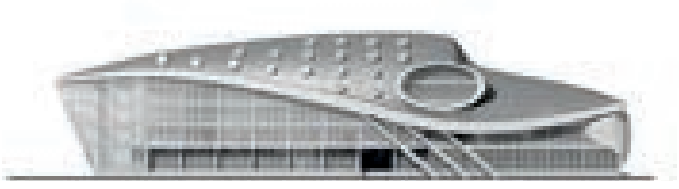
Автор более ста церквей и сотен проектов, среди которых: архитектурно-конструктивные системы жилых и общественных зданий, экспериментальные детские комплексы в Тернополе и Кременчуке, многофункциональные комплексы в Киеве, Донецке, Запорожье, Кировограде, Крыму, Славутиче, Тальном, Чернигове, Черкассах.

Особо следует выделить следующие проекты: городок Академии народного хозяйства, центральный рынок в Запопожье, торгово-коммерческий комплекс в Тернополе, коттеджный городок в пгт Орджоникидзе под Феодосией, комплекс Kempinski Palm Jumeirah в Дубай (ОАЭ); а также гимназия восточных языков по ул. Львовской, ресторан по ул. Льва Толстого 25, «Водные ворота», офисный центр с автосалоном «Крейсерова соната», «Дом Труда» по ул. Глубочицкой 52 — все в Киеве.

Однако более всего Олег Семёнович — композитор, художник по гобеленам и вольно определяющаяся личность. В его музыкальной карьере есть, например, сольный концерт в Национальном дворце Украина (2006) — был собран полный зал. Максимально исчерпывающе творческий путь мастера отражен в изданном A+C альбоме-монографии «Олег Слепцов: архитектор, художник, музыкант» (2008).

A+C № 4 '2008

Архітектор Слєпцов і муза

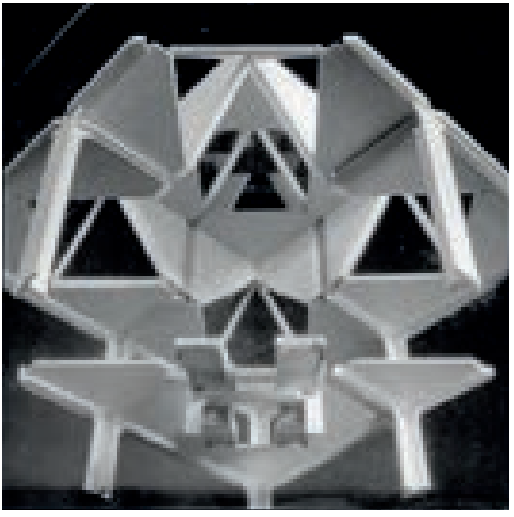


Проект офисного центра с автосалоном «Крейсерова соната» в Киеве (2005)
с обложки книги Олега Слепцова, выпущенной А+С в 2008 году

СЛЕПЦОВ И УКРАИНСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

С Олегом Слепцовым я познакомился в 1995 году, подготавливая первый пионерный выпуск архитектурного журнала А.С.С. Олег принес в редакцию статью «Жилье повышенной комфортности», написанную в соавторстве с Юрием Дубинским и Игорем Подгорным и посвященную новой открытой конструктивной системе «Каскад». Предлагалось компромиссное использование сборного железобетонного каркаса для строительства жилья в новых условиях: плановой экономики уже нет, а производственные мощности ЖБК еще есть, при остающемся горячем спросе на жилые квадратные метры.

Статья предварялась насущным для эпохи перемен эпиграфом из Ле Корбюзье: «Проблема дома — проблема эпохи. От нее зависит равновесие общества. Во времена обновления первый долг архитектуры — провести переоценку ценностей, пересмотреть составляющие элементы дома. Вот почему проблема жилья так беспокоит общество». Изобретенная архитекторами открытая сборно-конструктивная система «Каскад» предоставляла преимущества современного способа возведения каркасных зданий: свободная планировка, облегченная несущая конструкция, навесные фасады. Работа была выполнена в архитектурном бюро ЛИЦЕНЗиАРХ и даже внедрена в Тернополе. Симпатичные четырех-пятиэтажные домики живописными каскадами ниспадали по холмами файного міста или образовывали аккуратные живописные кварталы равнинных микрорайонов. Признаться, тогда я не разглядел явление. Начиная А.С.С, мы были озабочены какими-то глобальными вопросами муниципального самоуправления (в 1995-м еще оставались надежды), брали интервью у В. Л. Глазычева, создавшего Школу муниципальной политики, у мэра и главного архитектора города…



Открытая сборная конструктивная система ОСКС «Каскад»
архит. Олег Слепцов, 1987

И на фоне всеобщего архитектурно-строительного затишья кипучая деятельность молодого Олега Семёновича казалась продолжением сугубо советских научно-исследовательских экспериментов. На самом деле мы столкнулись с невероятным энтузиазмом и целеустремленностью, ибо Слепцов настоящий энерджайзер.

Das Produkt

Вскоре разноплановые проекты и увлечения архитектора Слепцова были явлены нашей местной цивилизации. Оказалось, что Олег, помимо архитектурной работы, дружит с краской, с гитарой и с песней, с литературным письмом, ткацким станком и мозаикой, с горными лыжами, сауной и татами. Но разные увлечения свойственны многим, мне же в истории Олега Слепцова особенно симптоматичной представляется методическая последовательность, с которой он осуществляет движение, оформляя свои творческие шаги. По-видимому, это одна

«Дом Труда», ул. Глубочицкая 52
архит. Олег Слепцов, проект реконструкции, 2010

из особенностей архитектурного подхода к жизни. Как говорит мой ужгородский друг архитектор Игорь Броди, архитектора от большинства прочих людей отличает «продуктовая ориентация», стремление во всякой творческой ситуации получить, как это говорится по-немецки, das Produkt. Один из таких синтетических — книжных — продуктов был составлен маэстро Слепцовым в 2007–2008 году в нашей редакции (к тому времени «А+С»), и назывался — альбом-монография «Олег Слепцов: Архитектор. Художник. Музыкант». Книга вместе с соответствующим авторским концертом во Дворце Украина стала украшением пятидесятилетнего юбилея архитектора.

Стремление завершить всякое производственное и содержательное действие неким текстом, своего рода рефлексией, тем более статьей или книгой, мне как архитектурному редактору и сочинителю особенно близко и понятно. Поэтому с Олегом у нас установились длинные редакционно-издательские отношения. За минувшие

годы с его подачи в издательстве А+С увидели свет следующие книги: «Архітектура цивільних будівель» (2010), «Архітектура сучасної школи» (2011), «Архитектура православного храма» (2012), «Олег Слєпцов. Архітектор» (2013), «Архітектурне проектування і реконструкція православних храмів» (2014), «My Oxford Travel-Learning Diary» (2015), «Клара Демура: архитектор-педагог» (2016), «Реконструкція громадських будівель» (2017), «The Orthodox Church Architecture» (2018). Подготовлена к печати «Віктор Чепелик: архітектор, вчений, педагог».

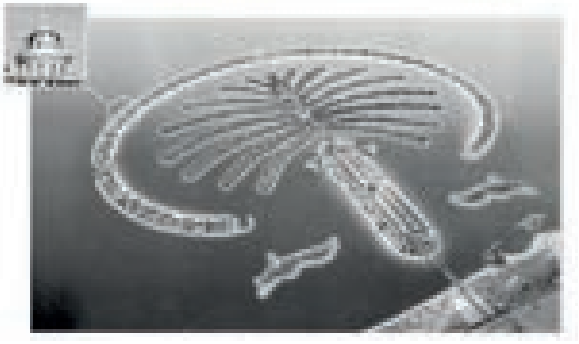
Донецк – Дубай

Как-то Олег Семёнович поделился, мол, никогда не думал, что буду проектировать дворцы и церкви. Путь ко дворцам начался в 1998 году с приглашения (по рекомендации И. Д. Родичкина) на закрытый конкурс по созданию особняка самого богатого человека Украины на участке в Донецком ботаническом саду. После многочисленных перипетий конкурс был выигран в борьбе с пятью зарубежными и двумя отечественными фирмами. Работа над дворцом Ахметова, как признавался мастер, много чему научила, «но именно тогда я заметил, что поседел».

Продолжением дворцовой истории стали заказы на вельможные резиденции в Кайлове и в Конча-Заспе. В 2004-м хозяин девелоперской компании Познякижилстрой Нвер Мхитарян пригласил Олега с Яношем Вигом поработать над идеей комплекса Kempinski Palm Jumeirah Residences на Острове-Пальме диаметром 11 *км* в ОАЭ. Работа Слепцова оказалась выигрышной за счет внимательного и гибкого отношения к пожеланиям заказчика. Да, это не модерн, здесь много балюстрад и куполов, но таковы предпочтения в том числе и гостиничного оператора. Функционально-планировочное решение безупречно — в результате объект стоит и радует шейхов и гостей Пальмы.

Слепцов испробовал разные архитектурные жанры: от жилья, многоквартирных зданий и частных особняков, от образовательных учреждений (тема, в том числе, и кандидатской диссертации) до градостроительных комплексов, производственных, транспортных, торговых и сакральных сооружений.

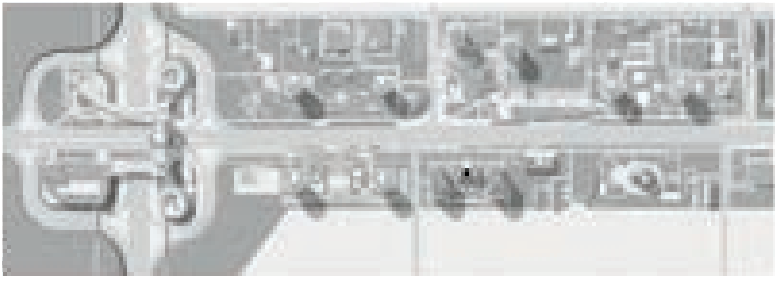
Как удается быть продуктивным сразу на нескольких

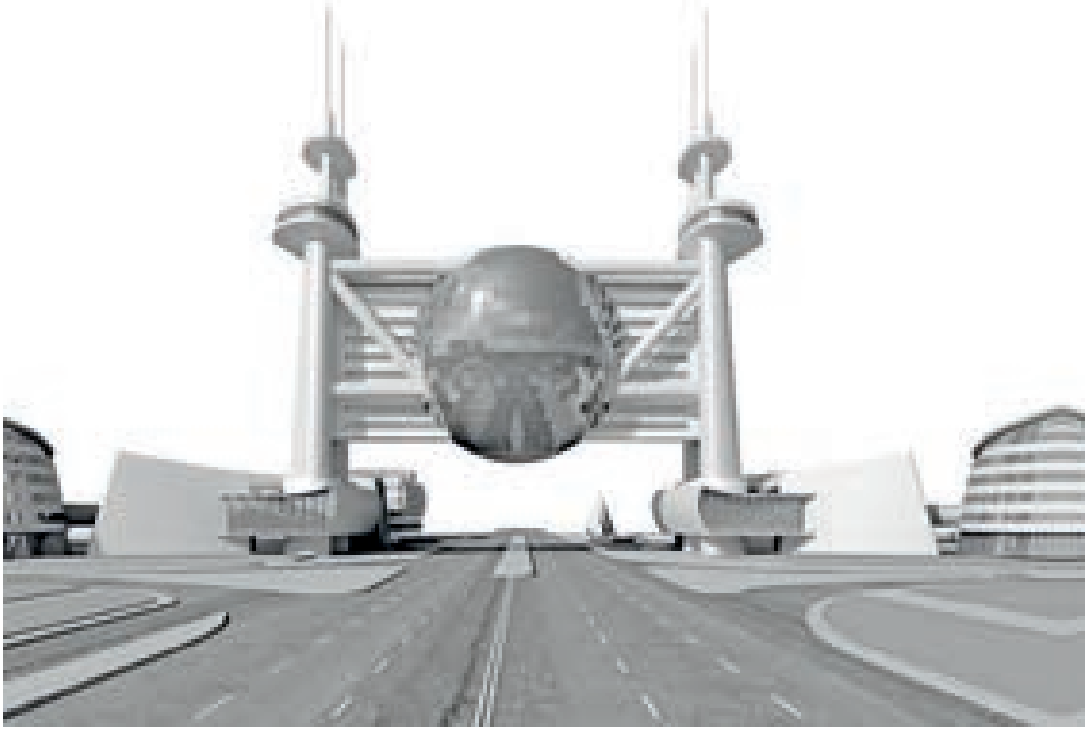


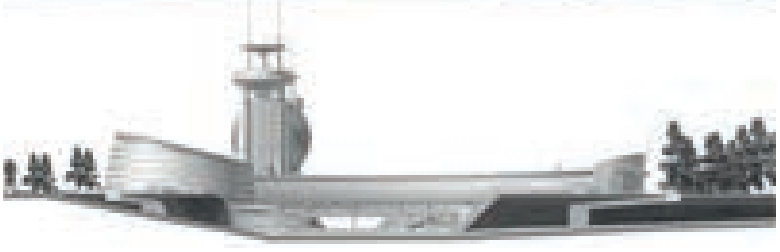
Резиденция Kempinsky Palm Jumeirah, Дубай / ОАЭ, архит. Олег Слепцов, 2004–2017

Международный университет развития человека «Украина», архит. О. Слепцов, 2001–2003

Жилой косплекс по ул. Копыленко 4, архит. Олег Слепцов, 2001–2007





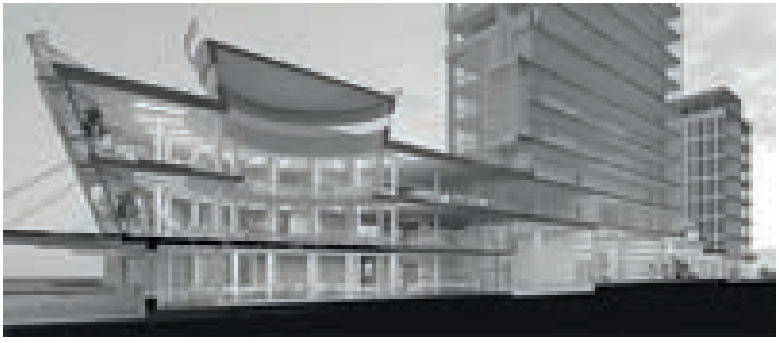


Проект общественного центра «Европейские ворота»
на пересечении Житомирского шоссе и Окружной дороги, архит. Олег Слепцов, 2004

Дом-Пиранья, ул. Нагорная 25Б

архитт. Олег Слепцов, Валерия Багданова, Андрей Панкратов, 2004–2008

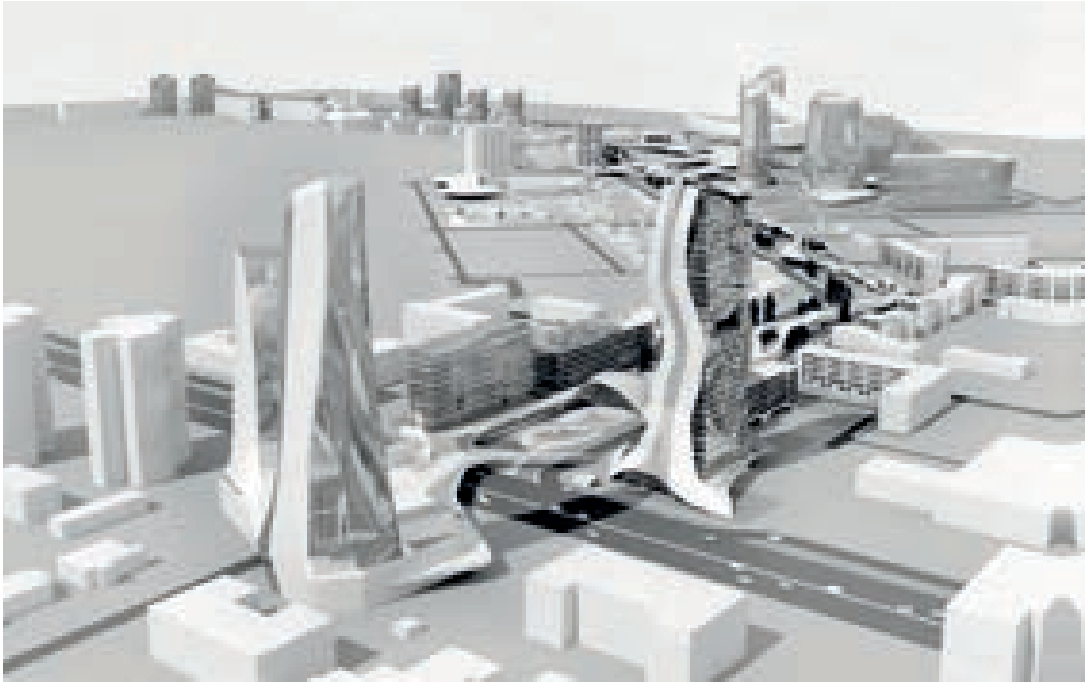
Гимназия современных биотехнологий, ул. Курская 12, архит. Олег Слепцов, 2004–2006

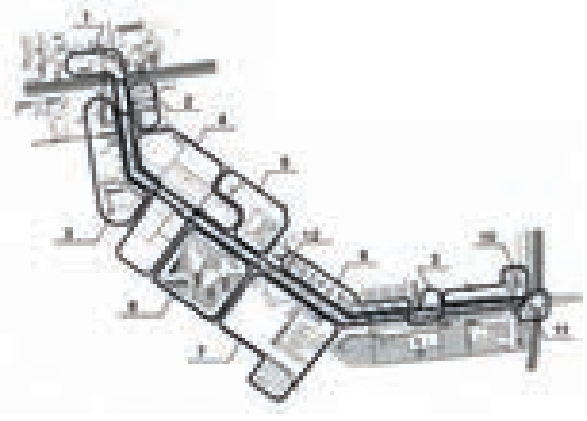


Концепция реконструкции КНУСА, Воздухофлотский просп. 31
архит. Олег Слепцов, концепция, 2012

производственных фронтах? В этом месте подчеркнем выдающиеся организаторские способности архитектора. К ним, в частности, отнесем такие как: видение общего контура, распределение на функционально самодостаточные и ухватываемые части, сбрасывание с себя даже не второстепенных, но отчуждаемых кусков при удерживании целого — «разделяй и властвуй». Речь не идет об имманентном «владении» каким-то готовым замыслом, но о возможности завершить и сбросить с себя «проект» для того, чтобы иметь возможность двигаться дальше, возможность выбора и свободы.

Еще один организационный прием — жизненное и творческое движение в режиме «на расстоянии вытянутой руки». (Я и сам люблю им пользоваться, разница, может быть, в том, что у Слепцова таких захваток больше?) Здесь легкость выступает как условие «неубиваемости». Если быть тяжелым, то есть относиться к делам со звериной серьезностью, то быстро погрузишься в пену, а затем вязкую воду будней. Легкость позволяет держаться на плаву, над бездонной с водоворотами водой. Ведь и водомерка быстро скользит, в нее не погружаясь, — легкая физика!





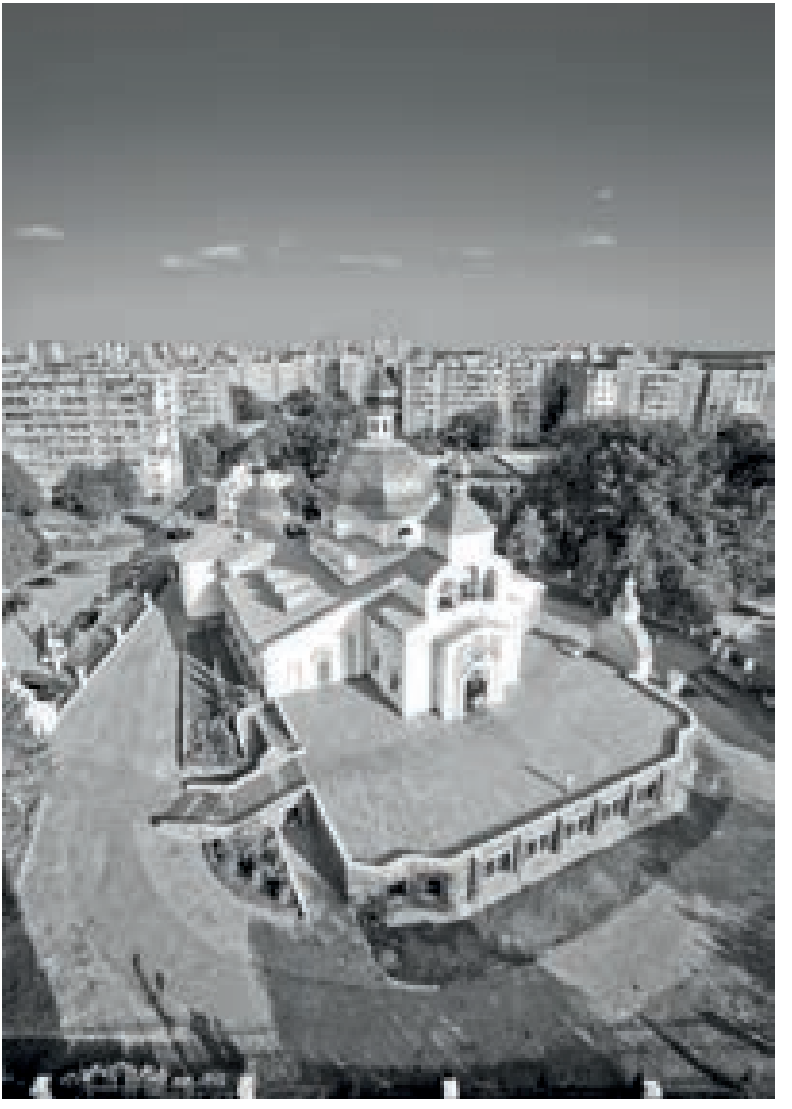
Парк Ноосферы, реконструкция бульвара Академика В. Вернадского
архит. Олег Слепцов, 2014

Храмовый комплекс на Борщаговке, начало реконструкции, 1995 год

Сто церквей

О храмостроении как особом архитектурном жанре, которому Олег Слепцов отдает большую часть творческих усилий, следует сказать отдельно. По-видимому, эта деятельность зодчего, устремленная к горнему, служит своеобразной формой «заземления» в зыбком архитектурном поле.

Будучи архитектором современным Слепцов отдал должное сочинению формы экспериментальной, устремленной в будущее и зачастую теряющей связь с землей. Такого рода «военно-космические» проекты стали появляться в мастерской ЛИЦЕНЗиАРХ с известной долей регулярности примерно с Миллениума, во всех отношениях круглого 2000 года. К ним следует отнести, например: проект мультицентра «Космос» в Тернополе (1995–1997), университет «Украина» (2001–2003), проекты коммерческо-офисного центра в Шевченковском районе Киева (2001), общественного центра «Европейские ворота» (2004), офисно-производственного комплекса «Стелс» в Вишнёвом (2005), офисного центра



Храмовый комплекс Иконы Божией Матери «Живоносный Источник» на Борщаговке
архит. Олег Слепцов, 1996–2011

с автосалоном «Крейсерова соната» (2005), комплекса «Терещенковская волна» (2005), отеля «Мост» на Южной окружной дороге (2007), Дом соседа архитектора на ул. Нагорной (2007) и проект «Парк Ноосферы» на бульваре Академика Вернадского (2014) — все в Киеве.

Церковное проектирование в отличие от вышеперечисленных объектов как бы исподволь возвращает творческие порывы и отрывы в круг традиционной стилистики. На самом деле, сквозь церковное зодчество просвечивает неизбывная тяга реальной архитектуры быть причастной земному кругу, то есть тектонике, выраженной помимо технологических признаков — защита и кров — в специальном азбучном наборе, в архитектурно-художественном словаре под названием «ордер».

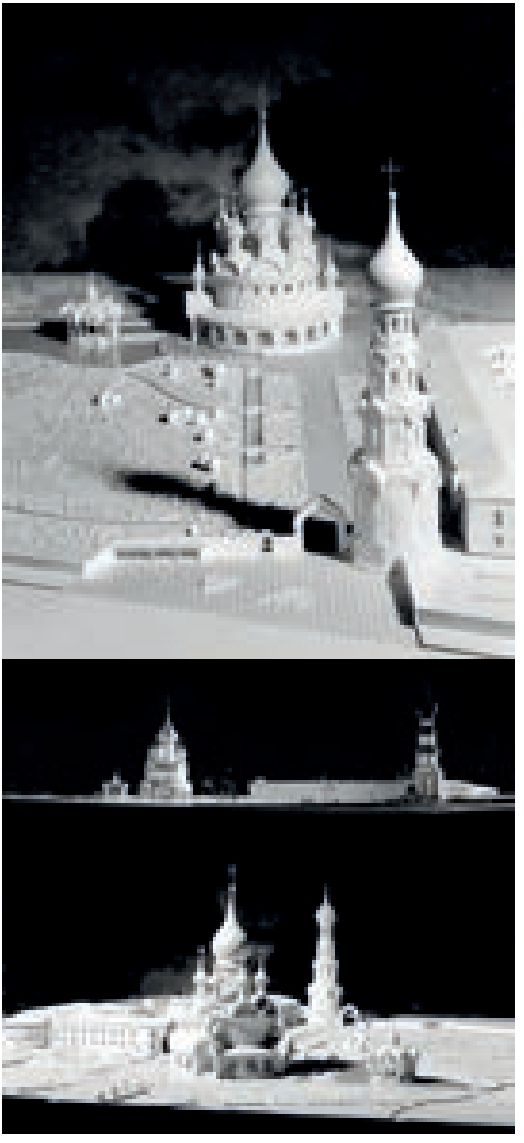
Слепцовский путь в сакральное зодчество был предопределен некоторыми неслучайными обстоятельствами. Во-первых, прадед по матери Сергей Якубович был священником, следовательно: «поповичи мы». Во-вторых, большинство родственников были архитектурны и музыкальны, умели играть на фортепьяно и писать маслом, то есть весь набор колоратурных умений всегда наличествовал перед глазами. В-третьих, следовало быть аборигеном киевской Борщаговки, заброшенной в джунгли брежневского панелестроя, чтобы с энтузиазмом встретить задачу возрождения местного храма Иконы Божьей Матери «Живоносный источник», за годы коммунизма превращенного в спорткомплекс «Олимп», а затем — в руинированные останки церкви. С этой задачей Олег не просто справился, она во многом откорректировала его архитектурный путь.

Настоятель храма протоиерей Валерий (Семанцо) так описывает чудесное преображение советского архитектора, допрежь рисовавшего модерный железобетон: «Встреча наша с Олегом Слепцовым произошла случайно, хотя ничего случайного в нашей жизни не бывает, возле дома, в котором мы раньше жили в одном подъезде. Он спросил меня, где я работаю, и услышал, что — в храме, в который он ходил рисовать во время учебы, и вопрос разработки проекта воссоздания храма решился мгновенно. В то время об оплате не могло идти и речи, средств не было никаких, и тогда Олег Семёнович предложил разработать проект

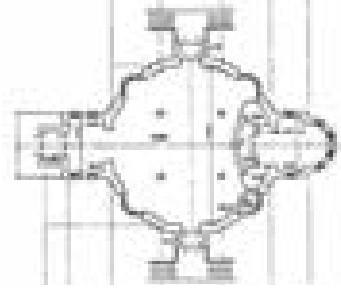
благотворительно, в архитектурном бюро ЛИЦЕНЗиАРХ. Сложно было представить, что из руин восстанет величественный Храм, украшение района. Ведь уже существовал план, предусматривавший снос всех пристроек для т. наз. фехтовального зала. Тем не менее, новый проект был выполнен блестяще, максимально используя существующие помещения, так что мы почти ничего не разбирали. В результате получился прекрасный комплекс, в котором бывший храм был увеличен втрое, сооружен нижний храм, жилье для семей священников, воскресная школа, просвирня, благотворительная столовая, швейная мастерская и вспомогательные помещения. Уверен, что творческий взлет Олега Слепцова и коллектива ЛИЦЕНЗиАРХ начался с нашего храма. Пусть и дальше Господь Наш Иисус Христос благославляет все Ваши добрые свершения, дела и намерения».

Всего Слепцовым спроектировано более сотни сакральных сооружений: храмов, каплиц, небольших церквей и монастырских комплексов, воскресных школ, духовных центров и соборов, — почти во всех областях Украины. Юбилейное число 100 достигнуто в июне этого года. Более половины проектов построены или строятся. Количество позволяет сделать некоторые архитектурно-статистические выводы. Прежде всего формологический поиск. В портфолио мастерской можно встретить геометрические наивы, повторяющие незамысловатые фигуры: эллипс (проект Православного Храма света), конус (проект Семёновского собора в Николаеве), многоярусная пирамида (проект церкви университета «Украина» и госпитальной церкви в Черкассах), упрощенный украинский храм с заломами (комплекс Св. Вмч. Дмитрия Солунского в Бузовой). Имеются попытки строить модернистскую форму с ретроспективными элементами: Ильинская церковь в Славутиче, проект Церкви Воскресения Словущего на Байковом и т. п.

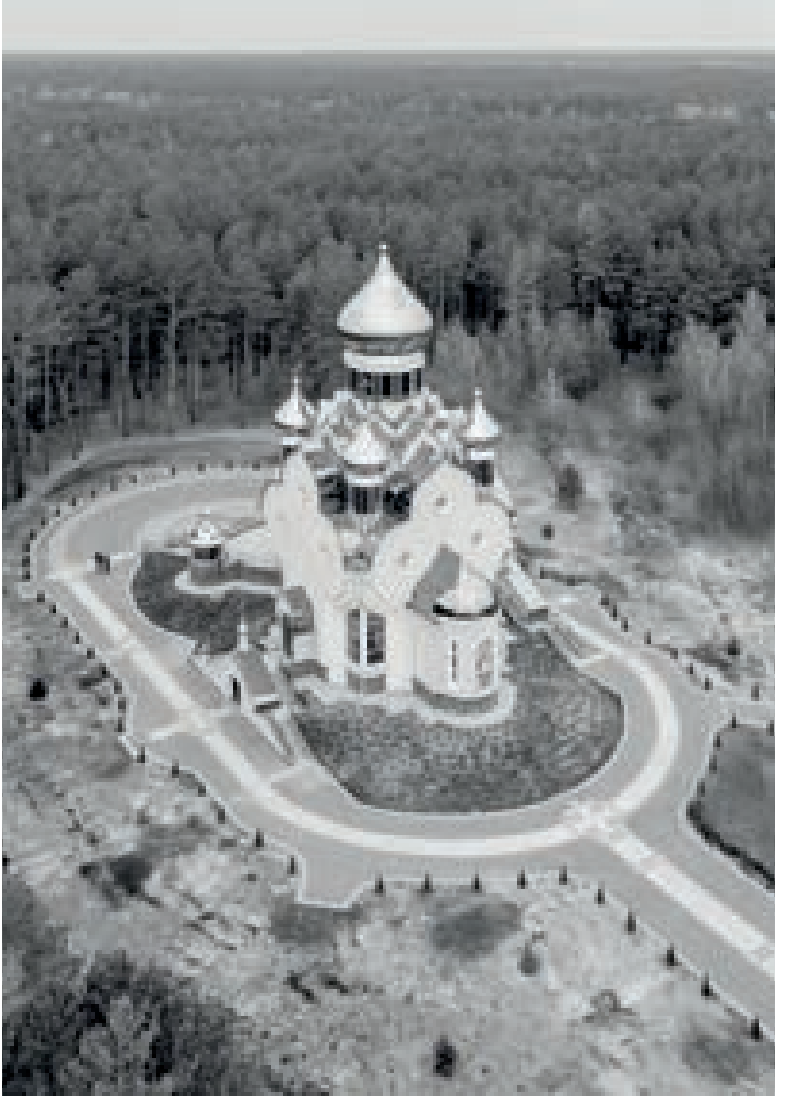
Однако неслучайной представляется тенденция всё чаще использовать традиционную форму для возрождающегося отечественного храмостроения. Здесь можно указать на многочисленные церкви архитектора Слепцова в стиле украинского казацкого барокко и почти столь же часто встречающиеся вариации на тему т. наз. епархиального



Свято-Ильинский храмовый комплекс в г. Славутич, архит. Олег Слепцов, концепция, 1996

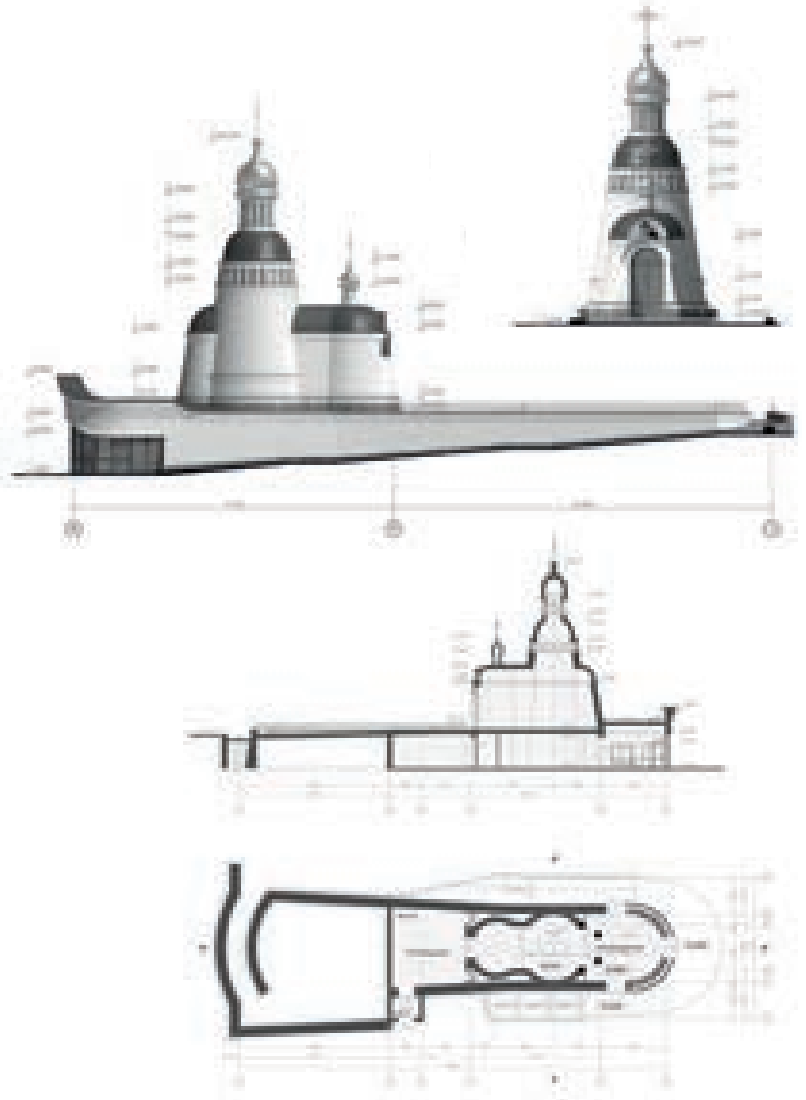


Храм Св. Ильи в Славутиче Киевской обл., архит. Олег Слепцов, 1996



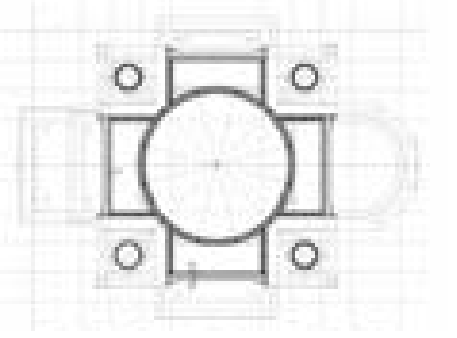
Свято-Ильинский храмовый комплекс, Славутич Киевской обл.

архит. Олег Слепцов, 1998–2018

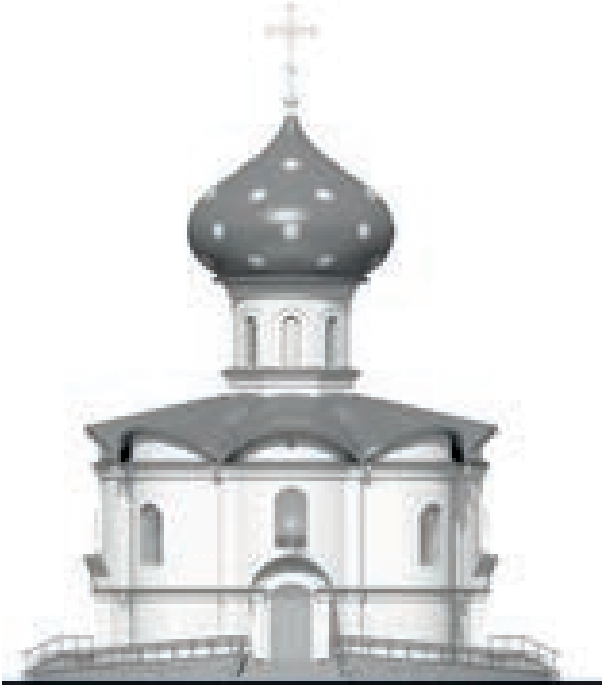


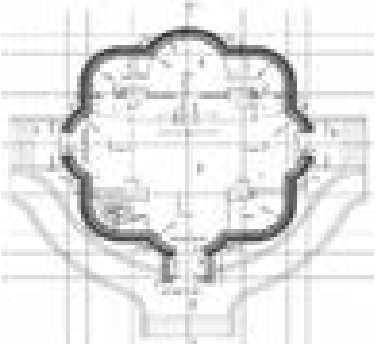
Проект церкви Воскресения Словущего на Байковом кладбище

архит. Олег Слепцов, 2010



Церковь Иконы Божией Матери «Введение во Храм», ул. Ромена Роллана 10А
архит. Олег Слепцов, 2010–2017



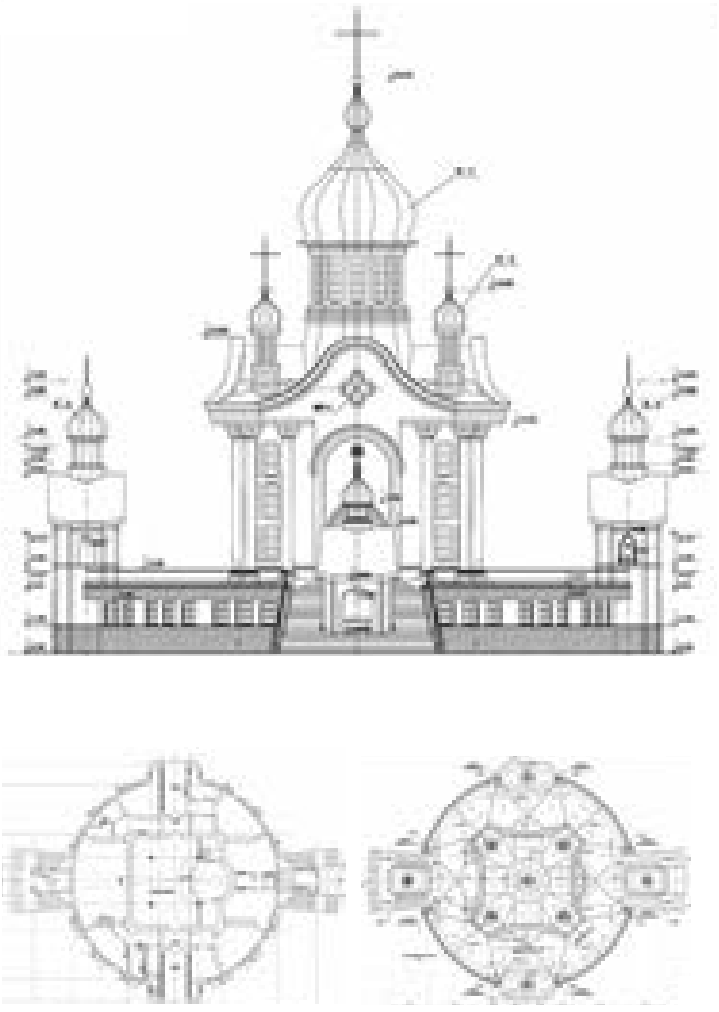


Крестовоздвиженская церковь в Витачеве, Обуховский р-н Киевской обл.

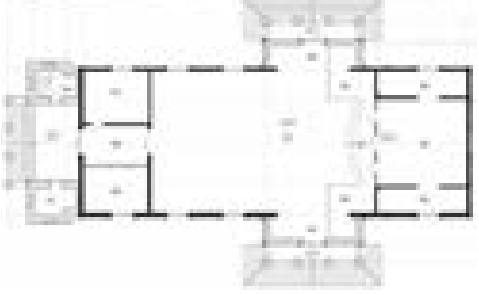
архит. Олег Слепцов, проект, 2008

Храмовый комплекс Димитрия Солунского, Бузовая Киевской обл.

архит. Олег Слепцов, 2005–2009



Храмовый комплекс Сорока Святых Мучеников, ул. Академика Булаховского
архит. Олег Слепцов, проект, 2010



Храм Покров Пресвятой Богородицы в Рогозне, Сквирский р-н Киевской обл.
архит. Олег Слепцов, проект, 2012

Проект церкви Св. Архангела Михаила в Чернигове, архит. Олег Слепцов, 2001

зодчества XIX века с цитированием луковок и кокошников, бочёнков и прочего былинно-билибинского декорума. Есть в арсенале мастерской и проекты в стилях более устоявшихся: византийский, классицизм, европейское «католическое» барокко.

К особым удачам на ниве церковного зодчества я бы отнес три проекта архитектора. Во-первых, это церковь Св. Архангела Михаила в Чернигове в том самом былинно-русском стиле, столь удачно применявшимся А. Щусевым в начале XX века или В. Николаевым в трапезной церкви Антония и Феодосия Киево-Печерской лавры — реплика на Софию Константинопольскую: широкий свод купола с невысоким барабаном, прорезанным рядом арочных окон по периметру, с золотыми луковичными куполами. Проект хорош, но скорое исполнение в 2002 году, из дешевых материалов и с многочисленными нарушениями пропорций, заставило архитектора задуматься об отказе от авторства строения, «реализованного в натуре».

Храм Св. апостолов Петра и Павла на Берковцах, ул. Стеценко 18

архит. Олег Слепцов, 2000–2009

Проект храма Преображения Господня, Почаевская лавра, архит. Олег Слепцов, 2010

Второй проект, достойный отдельного комментария, — храмовый комплекс Преображения Господня Свято-Успенской Почаевской лавры, 2010 года. Это блестящая конкурсная работа в византийском стиле, в которой реализованы профессиональные приемы и умения, добытые автором за годы многочисленных предварительных опытов и упражнений. Собор впечатляет масштабом, точно найденными пропорциями и каким-то мистическим сиянием, присущим лучшим нео-византийским храмам конца XIX — начала XX века. Почему проект не оказался в числе победителей, закономерный вопрос, который, по-видимому, долго будет пребывать в истории и на совести членов конкурсного жюри.

Третий проект из ряда особых архитектурных удач — храм Свв. апп. Петра и Павла перед входом на Берковецкое кладбище — имеет более счастливую судьбу, построен качественно. Задуман в стилистике украинского барокко в 2000-м и до 2009 года дорабатывались части и детали. Подкупает лаконичность решения главного объема. Эллипсовидный купол перекрывает единый зал-ротонду. Чувство, испытанное ценителем архитектуры не единожды: здание во время возведения выглядело убедительнее. Благодаря монолитному объему и куполу оно получает ирреальный масштаб — впечатление мощи и бесконечности. Снаружи, сразу по окончании строительства столь же убедительным был белый цвет и медное покрытие куполов… Итоговая отделка следует традиции: золоченый иконостас, малеванные кессоны купола в интерьере, наружная побелка сменилась желтым колером. Но, невзирая на декор, дробящий исходный объем, церковь «получилась».

При всем многообразии формологических приемов, используемых архитектором Слепцовым, следует отметить, что очевидные удачи как бы нащупываются в зыбком поле разностилья и затянувшегося переходного периода. Ведь никто не может заставить заказчика востребовать и заранее полюбить незнакомый ему и будущему потребителю архитектурный язык — отсюда непрерывный поиск и бурный натиск по-шахматному живописных форм.

Но весь путь к благу и расцвету искусств еще не пройден быстро меняющейся Украиной, терзаемой борениями. Ведь и Моисей водил свой народ сорок лет по пустыне, дабы забыли рабство. Ситуация очевидным образом меняется, наши граждане поездили по странам и изрядно эмансипировались. Эмансипируются и архитекторы. Интуитивное нащупывание главного сменяется более уверенной манерой и узнаваемым авторским стилем. Поэтому успешное творчество Олега Слепцова подтверждает неслучайность мятущегося разнообразия архитектурной формы — характерной черты украинского архитектурного процесса.

А+С № 1–2 ’2021

3|19

ВОЛОДИМИР СМІРНОВ ТА АРХІТЕКТУРА В СТИЛЯХ

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ВЛАДИМИРУ СМИРНОВУ

КРАСИВЫЕ ВЕЩИ
И
НИКАКОГО АВАНГАРДА!

РЕКОНСТРУКЦИЯ VS РЕСТАВРАЦИЯ

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ВЛАДИМИРУ СМИРНОВУ

1. Специализация вашей мастерской?

Возможности мастерской предопределены потребностями города. Новая стилистика — одна из сторон и частей этой потребности — возникла как ответ на запрос. Слово «услуги» наиболее приемлемо к тому, что делает мастерская, в отличие от какого-нибудь мэтра, усилия которого направлены на реализацию классической для советского архитектора функции — создания «памятника себе», то есть всяческого самоутверждения. Сдерживая амбиции, архитектурный зуд, «бешеный талант», мы строим работу на потребностях города. Иначе говоря, своими руками, из кирпича, железобетона, дерева и металла делаем то, о чем говорят как об интеграции в европейскую цивилизацию. Пятнадцать лет со дня основания мастерская занимается регенерацией. Но я боюсь этого слова, оно затаскано чиновниками всех уровней. Я бы сказал иначе — оживлением городской среды, по большому счету.

2. Состав творческого коллектива?

Происходит перманентное омоложение мастерской. Но традиции остаются — нацеленность на сверхзадачи, которые нельзя быстро решить проверенным способом. Каждый имеет право и даже обязан высказаться по поводу директивно навязанного решения, вплоть до того, что может сказать: это неправильно, и я намерен эту задачу решать так- то и так-то, но — до того, как принимается окончательное решение. Из тех, кто работает или работал в мастерской назову Владимира Хромченкова, Петра Красильникова, Петра Маркмана, Евгения Портянко, Евгения Рубцова, Алису Шульгач… Хотя следовало бы отметить и многих других.

3. Особенности вашего метода?

Регенерация — это не то, о чем пишут в рекомендациях и выводах к историко-архитектурным опорным планам: 1) не сносить, 2) красить

Архітектор Володимир Смірнов | 1.10.1946 — 18.07.2013

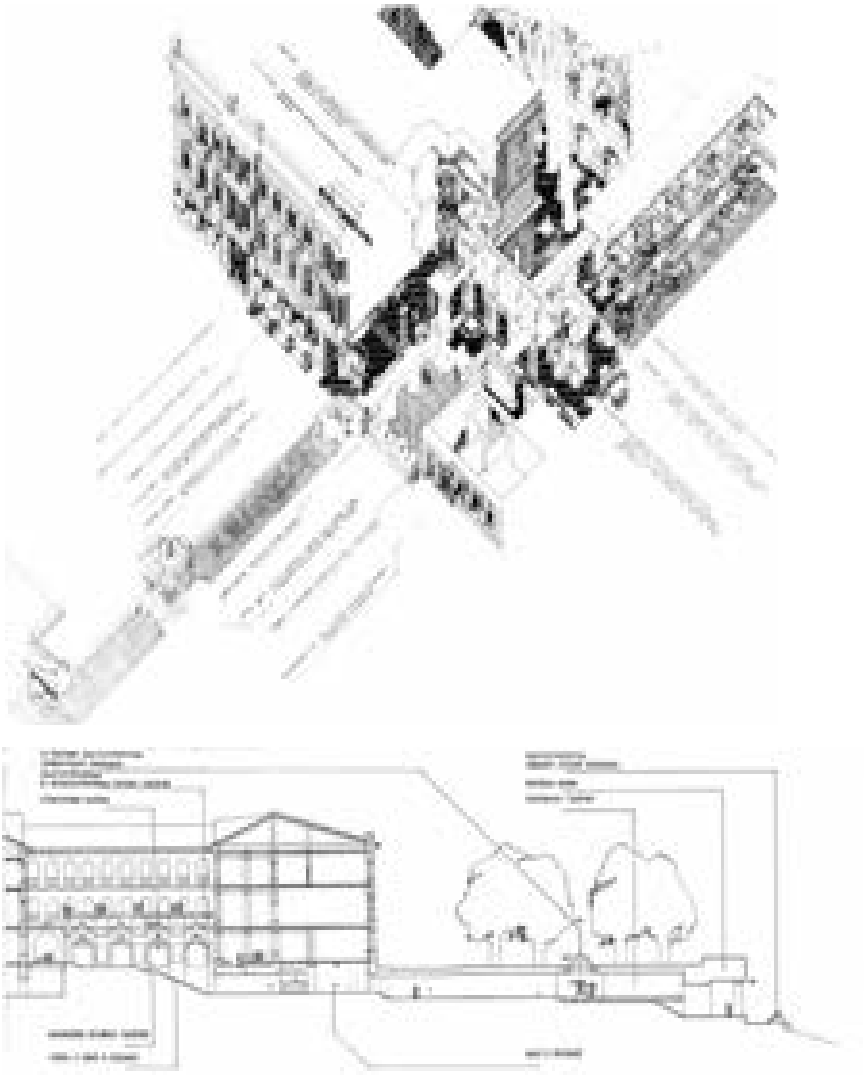
в такой-то цвет. Мы ушли от такого понимания и стараемся представлять свои выводы уже в предпроектном ключе, с указанием стратегических направлений. Пытаемся работать в ответ на запрос городской среды, особенно тех мест, которые вопиют об утраченной способности к саморазвитию. Например, здания нет, оно осталось только на бумаге — и начинается игра в воссоздание, игра в город, которого не стало. Конечно, хочется, чтобы правила игры были хотя бы похожи на правила, по которым город складывался. При этом речь идет не о Софии и Лавре, а о массовой застройке, которая составляет ткань города и привлекательна именно своей непрерывностью, протяженностью. Стратегия такого проектирования сводится к тому, чтобы встать в один ряд с теми, кто эту застройку в свое время создал, и попытаться рассказать современным языком то, что хотели сказать они. При этом можно применить железобетонные перекрытия, которых тогда в помине не было, или изменить функцию здания, делая из доходного дома гостиницу.

4. Кто еще в Киеве работает в таком жанре?

Институты вряд ли. Укржилремпроект занимается преобразованием «внутренностей», и поэтому отношение к старому зданию там чисто практическое, без учета его духа, ауры. Мэтров Киевпроекта тоже часто заносит. Во-первых, они не очень глубоко знают механизмы, по которым этот город складывался. Во-вторых, у них темп — это марка школы, поэтому многое теряют по дороге. И в-третьих, большевистские ухватки: «щас сделаем исторический город в два счета». Гостиный двор, в котором мы находимся, сложен из таких же большевистских принципов. Здание неплохое, но каким оно могло быть, если бы его делали цивилизованно: эти ступени, чердаки, двор могли стать событием, но не стали… Надеюсь на сотрудничество с Яношем Вигом по Бессарабскому квадрату, если там всё будет благополучно. Мы нашли с ним общий язык в оценке Киева как столицы, а у него столичный масштаб.

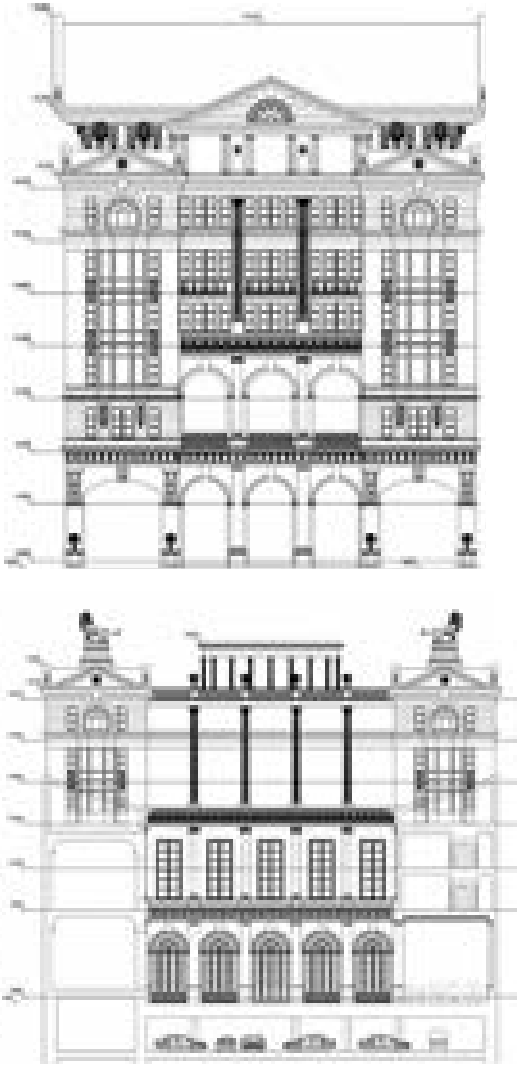
5. Ваше любимое место в Киеве?

Одноименная улица (шутка) Смирнова-Ласточкина и ее окрестности, Львовская площадь, улица Рейтарская, то есть моя малая родина. На месте снесенного «моего дома» построено здание Укринбанка, архитектором Александром Колесниковым, и очень неплохо.



Реконстркуция гостинцы «Лондонская» в Одессе

архитт. Владимир Смирнов, Пётр Маркман, Пётр Красильников, проект, 1980–1983



Реконструкция гостиницы «Лондонская» в Одессе, южный фасад, разрез

архитт. Владимир Смирнов, Пётр Маркман, Пётр Красильников, проект , 1980–1983

6. В чём заключается профессионализм работы зодчего в городе?

Глубочайшее заблуждение в том, что феномен европейских городов считают делом рук исключительно архитекторов. Ведь архитекторы выполняют ремесленные задачи, и это очень благородно. Сегодняшнее студенчество неожиданно упорно сопротивляется переведению задач в разряд ремесленных. По алгоритму: конкретный вопрос — однозначный ответ. Но ведь это и удерживает результат в культуре! Если вопрос поставлен корректно, то и ответ на него должен быть корректным. Профессиональное всегда является однозначным.

7. Основная характеристика переживаемого момента?

Время требует ухода от отрешенности. Надо работать так, как везде в мире — брать на себя подряды.

8. Каковы перспективы вашего института, Укрпроектреставрация, входящего в структуру корпорации Укрреставрация?

Его судьба будет такой же, как и у других крупных искусственных структур — Киевпроекта, КиевЗНИИЭПа. Отдельные творческие мастерские будут содержать некоторую надстройку, обеспечивающую информационную, методическую и представительскую функции.

9. Коротко о предоставляемых услугах?

Проектирование «в стилях». Сегодня изобрести «равное» невозможно. Наша задача, я думаю, состоит в закреплении традиций.

10. Кто является выразителем «крика среды»?

Это тот новый хозяин, который хочет ковать свое благополучие в той части города, которая сложилась исторически.

А.С.С № 1 '1997

КРАСИВЫЕ ВЕЩИ И НИКАКОГО АВАНГАРДА!

В последнее время архитектор Смирнов обсуждает всё больше мастерство, чем стиль, и больше контекстуальное, нежели современное. «Мы же долгое время были авангардом, — констатирует мастер, — строили города и огромные комплексы. Иностранцы с интересом наблюдали: "А как вы на этот раз выкрутитесь?" Сейчас у меня понимание совершенно другое — никакого авангарда! Архитектура движется абсолютно независимо от потуг отдельных личностей. Это поток профессионального сознания. Раньше критиковали, мол, в угоду нуворишу строится дворец как у дожа. Но если это грамотная вещь, профессионально сделанная, она безусловно украсит любую среду, скажем, киевскую городскую среду. Я здесь не вижу противоречия. И не вижу в этом никакого торможения мировых процессов — процессы сами по себе неизбежны».

A+C: Владимир Павлович, зачем нужно обращение к архитектурной традиции?

Владимир Смирнов: Обстоятельства истории прервали связь времен и разрушили традицию, прежде всего, в понимании самого образа городской жизни. У нас есть слободки — спальные районы, а есть районы «аристократические». Это два полюса. В спальне «крот» ночует, утром прыгает в «шестерку» и мчится, чтобы застрять в пробке на мосту Патона, и добравшись-таки на работу, получить от начальника.

То есть Левый берег не город?

Нет, Левый берег прекрасен, там можно было строить город, а построили спальню. Кровати, кровати, кровати… И каждый свою кровать ставит так, как ему удобно, кто-то по фэн-шуй, а кто-то по другим традициям. Это место применения профессиональных сил

Жилой дом на Лабораторном переулке

архитт. Владимир Смирнов, Алла Шульгач, Николай Ткачук, проект, 2004

Офисно-торговое здание по ул. Владимирской 95

архитт. Владимир Смирнов, Евгений Бабийчук, эскизное предложение, 2004

наших ведущих архитекторов! «Водные глади» в жутком состоянии, источник инфекции, до них руки не доходят. Строятся и «аристократические» районы. Печерские жилые шедевры.

Кого мы хотим туда поселить, какова конфигурация новой знати?

Социальную задачу возрождения городских традиций архитектор пытается решить теми средствами, которыми владеет, то есть архитектурными, скажем — красивое здание! Но существует ли сегодня в профессии такое понятие? Нет. Это, скажут, обывательщина. У нас, профессионалов, теперь другие критерии — XXI век или XXII-й! Всё это смешно… Если вещь хороша в кругу профессионалов, это не означает, что она будет так же хороша и для обывателей, простых горожан. А потребителями архитектуры в гораздо большей степени являются именно они.

Эклектика, с точки зрения XIX века, это архитектура разумного выбора, предполагающая некоторую эрудицию зодчего…

Мы живем не в условиях выбора, квалифицированного, культурного. А в самом брутальном смысле — «невыбора» как смешения в кашу всего чего ни попадя. Пилястры, башенки, черт знает что наворочено без царя в голове! Вдруг архитектор переел на ночь или насмотрелся фильма. Ведь профессиональный уровень тоже весьма неоднороден. И боже меня избавь кого-то упрекать в чем-то! Но всяко бывает. То ли это с пищеварением связано, то ли с вновь обрушившейся свежей информацией. Книжку открыл, глянул: ух ты! готика! и давай ее туда! в проект… И город терпит.

Значит, в каком-то смысле, это правда жизни?

На фоне не очень квалифицированного употребления палладианских приемов (как правило, только в убранстве фасадов — дальше не идут) есть примеры организации застройки территории иные, чем просто от границы до границы. Это удел тех, кто в состоянии подняться над проектно-строительной рутиной. Первый путь проверенный — использовать всё, что построено и запроектировано, просто как некоторые матрицы, копировать буквально. Считаю это вполне благородным и профессиональным способом. Вопрос только в градостроительной уместности того или иного решения.

А есть другое отношение, осмысленное?

Например, встать на место человека начала XX века и предложить заказчику применить соответствующие стилистические приемы. Не только в убранстве фасадов, но и во внутренней организации. Ведь просто перерисовать колонну с капителью — сегодня не задача, есть прикладные программы. И даже употребить ее в правильных пропорциях, тоже не задача. А вот передать некий романтизм времени в целом убранстве, это ход.

И таким образом возродить традиции городской застройки?

Они что здесь, что в Китае — одни. Это плотная среда, структурированная по вертикали, по горизонтали, в плане.

Исходя из этого, мало просто заниматься украшательством.

Во времена моей профессиональной молодости еще были слышны отголоски установок начала XX века: фасад как отдельная тема. Рассматривали главный фасад — предмет особых усилий и напряжений, и дворовый фасад. Эта позиция была очень критикуема, потому что говорили: свободная планировка — корбюзианские настроения!

И минимальные средства времен хрущевской оттепели?

Дом среди пустыря — со всех сторон его видно, со всех сторон он отвратителен в одинаковой степени. Сегодня возвращаемся к исходным позициям. Есть улица — «у лица». У домов лица есть! А улица — набор лиц, и это один набор качеств. Дворовые же фасады — другой набор качеств. Не хуже и не лучше. Дворовой фасад может быть решен иначе, исходя из местных условий двора. Так было в конце той прерванной традиции (может быть, не самой выдающейся ее части): планировка доходного дома, согласованная с заказчиком, где фигурировали исключительно коммерческие характеристики, плюс убранство, исходя из возможностей инвесторов.

А как сегодня?

За последние десять лет мы лишили себя возможности проектировать и строить шедевральные вещи в лучших частях города, запаскудив их всякой ширпотребовской дрянью, короткоживущей. Общественные здания строят с пренебрежением, достойным американского десанта — вслед за ним заходит пехота с коммунальными службами, возводящими

по-быстрому склады, бани, столовые и прочее из легковозводимых и быстроразбираемых конструкций. По этому образцу возводится ТРЦ «Аладдин» на Позняках, из сэндвич-панелей, а китайцы это делают из мрамора, гранита, стали, титана. «Аладдин» — богатейший интерьер с атриумом, но из копеечных материалов. В основе — торговая технология, и ничего архитектурного. Каким пренебрежением к публике нужно обладать, чтобы делать так некачественно! Случайные планировки и композиции, безотносительные к улицам и друг к другу, просто заполняют место. Такие себе макдональдсы, котлета как культ.

Город с автомобилем, торговля быстровозводима и быстроразбираема. Может быть, мрамор и не нужен?

Быстрое проектирование и возводимость достигаются не использованием гипсокартона, а применением мощного программного обеспечения и современных технологий. Гигантское количество торговых учреждений Китая последних десяти лет тысячекратно превышает всё, что мы наделали за те же десять лет. У китайцев в миллион раз дороже и, простите, красивее. Не вижу в этом ничего другого, кроме уважения к самим себе.

То есть быстровозводимость из дешевого — характеристика нашей ситуации?

Скажу иначе, мы копаемся слишком долго. А быстрая возводимость позволяет отмывать грязную денежку. Быстрая же разбираемость — химера: придет время — разберем. Какое время? я живу сейчас! В «Аладдин» приезжают люди из других районов, гуляют с детьми, кормят их, пространство это им показывают. Стиральные машины, которые там продают, им и не нужны: привлекательно пространство! И в новую «Биллу» на Позняках народ валит со всех концов города. Там что, дешевые продукты? или они лучше? Нет. Там есть некое таинство западного образа жизни. Вот они из повседневной рутины за этим таинством и идут.

Об «аристократических районах», как бы вы охарактеризовали застройку урочища Гончары-Кожемяки?

Господь миловал от участия в этом деле… Не хочу затронуть людей, к нему причастных. Задача сложная — «городской коттедж». Это очень индивидуально, тонко. Но с советскими установками — живите так!

Офисный центр у Никольских ворот, архитт. Владимир Смирнов,
Евгений Бабийчук, Николай Ткачук, проектное предложение, 2005

птицы, летайте так! — задача усложняется еще более. Архитекторы вынуждены работать в контексте затрапезнейшего ремесленного района и создавать «дворцы» из стиля киевских подрядчиков.

Но рекламные слоганы повествуют о новом элитном районе — «Возрождение аристократии на Воздвиженке»!

О, кожемяцкие аристократы, как это мило! Вот прямое объяснение той архитектурной, так сказать, палитре, которая навязывается проектировщикам для убранства этих дворцов новой знати.

Вы считаете, что застройку урочища можно было решить в более современной эстетике?

Думаю, что да, если коротко. А если размыслить, коль скоро это игра, а это, безусловно, игра, и ведет ее мощная строительная корпорация, следовало бы прописать правила.

А в чем игра?

Игра в том, что строят в историческом стиле. Старые здания снесли — стройте новые! Но поскольку безвременье, вполне уместен выбор пути. При наличии правил можно разнообразить решения, нашлось бы место и для конструктивизма, и для модерна.

То есть возможно всё?

Было бы ужасно интересно, если всё возможное сделать классно, профессионально с точки зрения проектирования и качественно с точки зрения строительства. И тогда бы мы имели Явление.

Если посмотреть из безвременья вперед, как будет выглядеть финиш этой ситуации, когда «ящик с яблоками утрясется»?

У города есть власть, и она определяет правила игры.

И она должна быть последовательной.

Конечно. Например, город экономит на ремонте крыш, реализуя проект «Мансарда», заставляя инвесторов согласовывать решения с каждой бабушкой, мотивируя: это ж наш избирательный округ! Если уж вы проводите эту политику, значит, проводите! Потому что «жаба», которая живет в каждом доме, конечно протестует: «Тут у меня на голове будет буржуйская жизнь?! Да лучше я сгину в потоках дождя, но крышу вам не дам, совесть большевицкая не позволяет».

А не воссоздать ли строительную полицию, как в XIX веке?

Полицию? Не пущать, запрещать, лишать, отбирать? Любимое занятие! А делать что-нибудь путное, с этим у нас напряженность… Власть надо употреблять разумно. Если мы хотим жить в городе красивом и разном, будьте любезны, относитесь с пониманием к тому, что предлагают архитекторы, главное терпимость. Обычная ситуация на Градсовете, и это одна из характеристик безвременья: «Зачем вы тащите сюда это старье?» А на другом: «Что это за новье, никому ненужное и никого не греющее в этой зоне?» С другой стороны, если нужно, скажите архитекторам: «Ребята, почистите кадры, что-то у вас мусора много». Может быть, обратиться к высшей школе, там отрабатывают эти вещи?

И рассказывают, как надо…

Нет, потому что со второго курса, научившись водить разные линии на компьютере, этот ребенок уже работает на дядю. И постигает, так сказать, таинство архитектурного проектирования через реальные заказы этого доцента. А доценту, одному везет, другому нет, у одного квартиры в Киеве, а у другого коттеджи в Винницкой области. Вот на таком уровне и растет специалист, а к диплому он уже $ 500 получает. «Мне учиться? у вас?» — это он мне говорит.

Девелоперская и околоархитектурная публика смотрит на территории в городах-миллионниках, которые надлежит освоить в ближайшие годы и ужасается: «у нас кадров не хватает!» Наверно, придут немцы и помогут?

Может быть, к нам всегда приходят помогать, плохоговорящий Рюрик какой-нибудь. Но неизбежно появятся красивые вещи, появятся образцы, это не худший вариант для города.

А+С № 5 '2004

РЕКОНСТРУКЦИЯ VS РЕСТАВРАЦИЯ

Архитектор Смирнов симпатичен стойкой последовательностью, делает архитектуру в стилях и не ищет этому боковых оправданий, мол, делаю так потому, что рядом что-то стояло или заказчик захотел. Он заявляет — будем делать американский ар-деко или качественную архитектуру вроде неоклассицизма начала XX века. Прошло десятилетие с момента первых громогласных деклараций, и в городе материализовались некоторые его объекты: «Ривьера» на Почтовой площади, дом на Гоголевской 4, дом на Владимирской 36. Впечатление, что эти объекты «всегда были», будто сто лет простояли и как новенькие. Известна точка зрения на этот счет самого Владимира Павловича, который говорит: работать надо «в стилях», и это не стыдно, а наоборот, почетно и благородно.

Владимир Смирнов: Мне, в развитие декларации, может быть, еще не вполне зрелой, а чисто эмоциональной, в былые времена казалось, что Киеву не хватает того, контрастом к чему могла послужить «современная архитектура». У нее нет фона, его уничтожили наши же доблестные архитекторы в условиях так называемой тотальной реконструкции, когда домостроительные мерки Левобережья применялись в работе с историческим Правым берегом.

A+C: В этом отношении Киев не самый обездоленный город, есть две дюжины очень крепких работ, например, здание Кабмин Ивана Фомина или Педмузей Павла Алёшина — абсолютные шедевры?

Безусловно, но согласись, все-таки что-то не сложилось, не судьба была Киеву приобрести какую-то тональность…

Везу по Киеву Барта Голдхоорна, издателя Project Russia, базирующегося в Москве: что у вас тут в современной архитектуре происходит? Я ему площадь Славы показываю, скейтинг-ринк бабушкинский, серёгинское «Гнездо орла», «Волны» виговские…

Б. Ерофалов и В. Смирнов в офисе на Львовской пл., 2008

И в результате Барт произносит: Да, Борис, понимаю, как тебе тяжело журнал делать! Что-то отсутствует изначально?

Очень правильное слово «отсутствует», просто нет. Они не лыком шиты, скажу тебе. У москвичей есть красивые вещи, элегантные, я имею в виду центр, например, Михаил Белов в помпеянском стиле дом сделал — очень хорошо.

Из биографии

Владимир Павлович, почему выбор пал на архитектуру и как всё начиналось?

Попробую сжато. Родился в Киеве сразу после войны. Маячит почти тотемическая фигура деда по матери — Владимир Александрович Шандор. Я его никогда не видел, кроме как на фотографии (и то их очень много изъяли после ареста, «шахтинское дело»). Он горный инженер, учился в Швейцарии, работал в Руре, в Москве командовал донбасским угольным экспортом. Был сослан на Соловки и до реабилитации не дожил. У него была коллекция минералов, гравюр, всё это распотрошили и забрали, ну да бог с ними. Отец тоже строитель, инженер-сантехник. Вся родня каким-то образом к строительству причастна: мать строительный инженер; старший брат закончил строительный институт, но занимается биохимией, воспроизводимыми природными ресурсами; тетка архитектор, восстанавливала Крещатик.

С Власовым, Добровольским, Малиновским?

Она больше по ремесленной части, было много людей, которые просто чертили.

Так их и сейчас много, за компьютерами.

Подмена понятий, это и привело к дискредитации профессии.

А школа какая?

Сначала 24-я средняя, на ул. Воровского.

Вроде и я в ней учился, но не на Воровского.

Здрасьте, не имел права. Она была на углу Воровского и Обсерваторной, там и сейчас стоит это великолепное двухэтажное здание.

Дореволюционная торговая школа, архит. П. Голландского.

Сейчас в ней институт повышения квалификации учителей, а во время войны она функционировала, и в 1943-м решением оккупационных властей там был организован отряд Гитлерюгенда (сегодня в этом здании ректорат Университета им. Б. Гринченко. — *Б. Е.*).

А в 60-х ее перевели на Сырец в новое здание (архит. Ю. Каракис) и сделали имени Героев Космоса, это за кинотеатром Ю. Гагарина.

Потом был строительный институт, КИСИ. Учителя — Виктор Васильевич Чепелик, Яков Аронович Штейнберг.

Штейнберга сильно прижали в 50-е и в итоге выдавили в вуз.

Он там как-то нашел себя в силу интеллигентности. Он был человек мягкий, терпимый ко всяким глупостям и достаточно колоритный, образованный. Дальше была армия, во время института, которая, безусловно, тоже свою роль сыграла.

Это в какие годы?

Когда в Чехословакии заваруха была, в 1968-м. Для вечернего застолья у меня в запасе много историй из институтских времен и из армейских. Демобилизовался из Киева. Последние несколько месяцев служил в Круглой башне, которая держала взвод в Военпроекте, где я работал. Я командовал этим взводом, и вот в один момент новобранцы, осенний призыв. Старшина говорит, иди, встреть. В Круглой башне такая красивая лестница, а внизу чугунные плиты, которые вечно керосином чистили. Смотрю, стоят новобранцы, смешные, с фибровыми чемоданами, гимнастерки юбками, сапоги черные негнущиеся, штанищи, и среди них Вадик Жежерин. Всякое было в армии… но больше человеческого.

Особо светлого об армии не могу сказать, у тех, кто ее прошел, все-таки другое отношение к жизни.

Это одна из форм защиты, потому что среда была довольно агрессивна. Профессия оказалась прекрасным строительным материалом, я обстроен полностью, и сверху, и снизу, света белого не вижу. Оказалось, в это сооружение удалось втащить абсолютно характерную для архитекторов всех времен и народов вещь — любознательность и поездки за границу, по всяким там шедеврам. Но мы отвлеклись. В общем, завершил я образование и был купцами выкуплен в институт Гипрошахт, на улице Ленина.

Конкурсный проект здания по ул. Крещатик 5

архитт. Владимир Смирнов, Виктор Лихно, Евгений Бабийчук, Николай Ткачук, 2005

И тут наконец-то…

Ничего не происходит. В Гипрошахте я просто работал работу, чертил линии, карандаши точил. Помню какой-то гигантский жилой дом для Экибастуза, нужно было нарисовать в сотом масштабе безумное количество окон с переплетами. Оттуда я ушел в Киевпроект, а в 1980-м поступил в Укрпроектреставрацию.

Укрпроектреставрация

Меня пригласили на создаваемый тогда под влиянием, очевидно, литовцев и поляков отдел, который назывался очень странно «Приспособление памятников архитектуры». Хотя в Польше уже существовали методические разработки по ревалоризации и регенерации. Здесь этих слов боялись, и вообще всего боялись. Меня все время одергивали, говорили, что реставратор должен быть анонимным. Хотя я видел работы Виолле ле Дюка, он делал, что понимал, до чего мог дотянуться мозгами, поэтому Каркассон это явление. Работать было интересно, но трудно. Тогда и случилась знаменитая история с приспособлением Троицкого собора в Сумах под органный зал. Храм был построен перед первой мировой войной, но его так и не успели освятить, не было даже алтаря: иконостас везли из Италии и он утонул во время войны. Это потрясающее здание, учебник по архитектуре. И у нас возникла фантастическая придумка, мы хотели сделать орган в виде макета самого собора, под куполом, то есть конгруэнтно, но из металлических органных труб.

Копия как матрешка?

Да, и акустики подтвердили, что это возможно, и оказалось, что такие случаи были, когда органы под куполом стояли. Сегодня я бы и не взялся за такую работу. Но с точки зрения теоретической очень интересно, работа чисто архитектурная. По замыслу, в центральной части нужно было разобрать перекрытие, потому что был мощный подвал, и на фундаментах разобранной части построить в четыре раза уменьшенную копию. Благоустройство территории понижалось, и вход в храм организовывался не напрямую.

Не в нулевой уровень, а как бы на уровень ниже?

Реконструкция Троицкого собора в Сумах

архитт. Владимир Смирнов, «москвичка», Пётр Красильников, 1982

В подвал, и уже из-под органа зрители выходили в амфитеатр, а солея оставалась незастроенной, и тремя языками места для слушателей. Не очень много, потому что представить себе обилие любителей органной музыки было трудно и в те времена.

Окончилось чем?

Поставили орган-таки, но в алтаре. Заказали чехам, и они привезли что-то готовое, второсортное, большой шкаф с трубами.

К тому же времени относится реконструкция Николаевского костела в Киеве, орган тоже в алтарной части.

Своеобразное атеистическое отношение — к физическим, но не к духовным, свойствам сооружения.

А почему история скандальная?

Кто-то на нас наехал, дошло это всё до Москвы. Саша Зинченко сделал статью, в которой описал ситуацию, какой она и была на самом деле, но очень умными словами. И они не сразу себя узнали, но потом, когда узнали, им стало страшно… Прислали из Москвы какого-то эксперта, эксперт поддержал нас во всех отношениях, и дело замяли. В институте был совет, на котором нам вынесли страшные порицания, но окончилось это как бы ничем. После этот же проект мы отправили на Софийскую биеннале.

Что сейчас с этим собором в Сумах?

Вернули попам, а орган в 2007 году перенесли в филармонию. Но наивен тот, кто думает, что времена зазеркалья прошли, и позволяет себе иронично заглядывать в прошлое. Напрасно, никто никуда не ушел, все на месте. Мы в этом идиотизме еще долго будем жить, я так думаю.

Екклесиаст и Щедрин описывали приблизительно ту же историю. Хотя мы привыкли сетовать, что до 1917-го как-то иначе было.

Нам суждено пройти более длинный путь, отдельно от цивилизации, как в армии: рота действует по расписанию, а ты — отжимайся.

Даже в рамках Укрпроектреставрации у Смирнова был вполне отдельный опыт, похоже, вмешалась какая-то умственная испорченность — В. А. Никитин, П. Ф. Маркман, А. П. Зинченко?

Наверное именно от них какая-то инфлюэнца туда проникла. Все перекошены были на реставрацию, где нет места архитектору, чтобы добавить к старому какое-то свое сегодняшнее отношение. Если что-то отвалилось и нет основания для буквального восстановления, то добавить свое видение нельзя, потому что классическая реставрация не терпит домыслов.

То есть лучше пристроить нейтральную стекляху-павильон, чтобы отличить новое от старого, чем свои выдумки?

Грубо говоря, да.

Итак, с 1980-го началась Укрпроектреставрация, которая примерно тогда же и переехала в Гостиный двор?

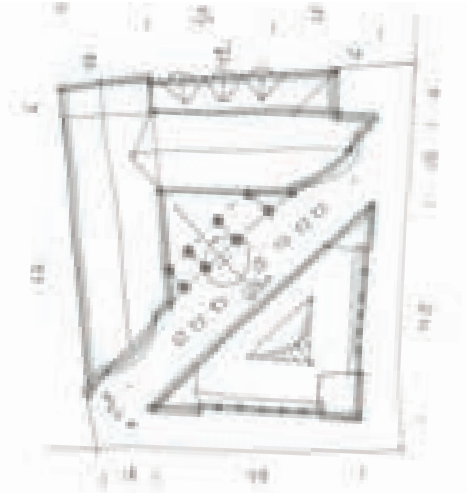
Нет-нет, мы его сами строили, постепенно снося. Это, кстати, тоже такая себе фантастическая вещь. Вот действительно, захотел город, захотела власть вместо такого убогого провинциального гостиного двора (хотя он был вполне функциональный: магазин и контора наверху, внизу подвал — всё было четко) получить эдакую помпезность, капитальность. Но почему для проектного института? Странно, ведь это культурный и общественный центр Подола.

Конечно, с такими гранитными ступенями — явно не Гостиный двор и не торжище.

Про ступени это отдельная тема. Образец был взят из имперских документов, якобы такое замышлялось, и я считаю, это правильный, сильный ход. Но какой смысл был восстанавливать внутреннюю структуру буквально? Ведь старые чертежи не предполагали ничего такого: образцовые проекты касаются только фасадов — малопролетные конструкции, крыша пустая.

А получилась коридорная система.

Общественный масштаб, пусть бы всё это там было. Но свободная планировка возможна без этих подозрительных массивов кирпича, с максимальным использованием пространства, и лучше не два этажа, но три. И с двором надо было что-то делать — перекрыть его как-то, например, как гастроном на Контрактовой сделали, очень остроумно.



От реконструкции к среде

В 90-е мы уже имели некоторый опыт программных работ по регенерации исторических центров: Кировоград, Одесса…

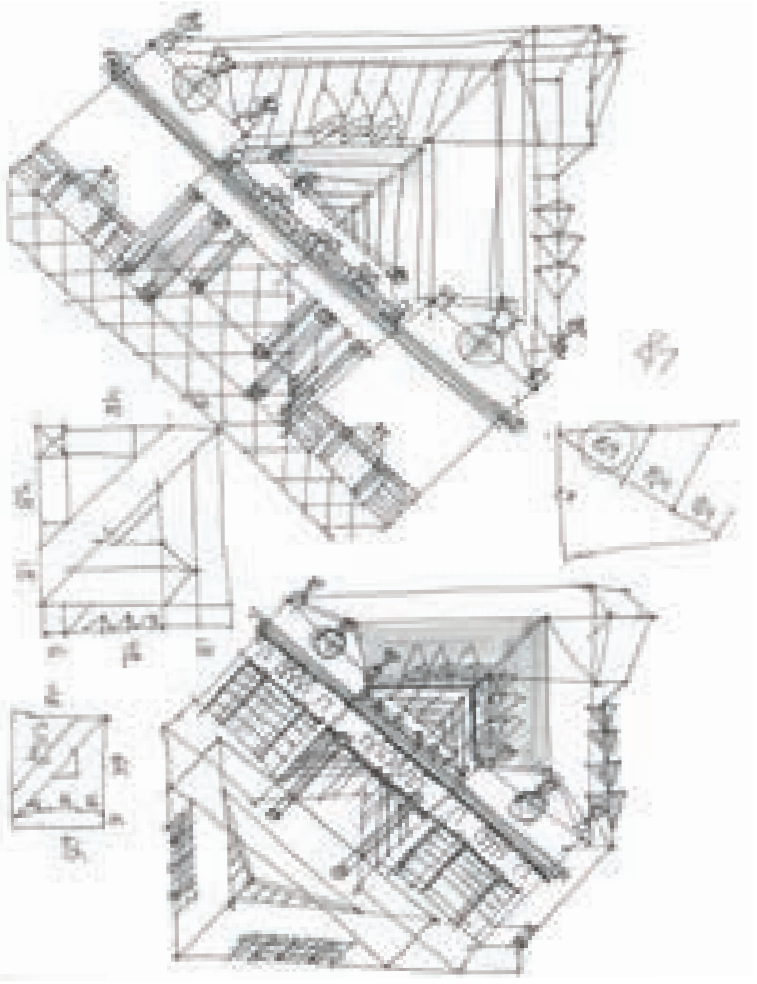
В конце Перестройки это было поветрие: реконструкция Дерибасовской в пешеходную зону, всесоюзные конкурсы, волна освоения того, на что семьдесят лет не обращали внимания.

Толку в этом не было никакого, и ни во что оно не вылилось. Один из первых объектов на Дерибасовской построен, торговый центр «Европа» — в целом абракадабра. Внутренне он организован разумно, правильно и стандартно, какие-то мраморные штуковины, к архитектуре это даже не относится, некий дизайн. Сейчас многие подменяют понятие архитектуры понятием дизайн.

В чем принципиальное различие понятий?

Дизайн, на мой взгляд, это способ организации технологии, довольно свободный. А архитектура это абсолютно каноническая вещь.

То есть, которая имеет отношение к тектонике, к чему-то фундаментальному?



Варианты реконструкции ТК «Фуршет» по ул. Ярославской 57

архит. Владимир Смирнов, эскизы, 2006

Конечно, это ее выражение. Есть пропорции, фактура, масштаб.

Стойки, балки, арки — традиционный архитектурный язык.

Но если включаются в действие какие-то другие способы организации пространства, то там своя эстетика, за этим идет маркетолог торгового центра, ему не нужны фасады, ему вообще ничего не нужно.

Красивый пример — наущения девелопера Парцхаладзе при устройстве ТЦ «Квадрат» на Лукьяновке: покупателя следует прогнать вдоль прилавков таким образом, чтобы он не смог выскользнуть из предложенной траектории!

Торговый молл должен находиться за городом. То, о чем мы говорим, это часть городской среды. У города и у маркетолога (девелопера, заказчика и продавца некого имущества, за красной линией) совершенно другие оценки. Город и горожане заинтересованы в том, чтобы это пространство было организовано под конкретные функции достойными средствами, с именами: улица, площадь, переулок, перекресток. А дело маркетолога — чтобы ты всякий раз натыкался на какую-то лавку с какой-то дрянью. Но мы говорим о городской среде, это абсолютно непересекающиеся вещи.

Каким образом такого рода вольные рассуждения появились у архитектора, который 27 лет служил в Укрпроектреставрации?

Всё дело в том, что реставрация как конкретная и программируемая, с точки зрения результатов, деятельность, нас не касалась. У нас была задача другая, поначалу — приспособление к современным потребностям и нуждам города: модернизация инженерных систем, перекрытия, сантехника. Это функция иная.

То есть Владимир Павлович был чужаком в коллективе, который с послевоенных времен восстанавливал памятники, а «украшательство» было частью архитектуры?

В профессиональном смысле наверное.

Не совсем наш — такое отношение присутствовало, пока Смирнов не стал заниматься обслуживанием вольного заказа?

Поначалу мы занимались регенерацией исторических центров городов. На уровне самых скетчевых предложений мы продумывали какие-то вещи, которые могли органически войти в сложившуюся среду.

Жилой дом по ул. Ивана Франко 4Б

архитт. Владимир Смирнов, Евгений Бабийчук, 2007

Помню, была такая разновысокая «решетка» для Кировограда — варианты построения «культурной модели»?

Пространственной модели каких-то всевозможных характеристик. Очень забавная работа, конечно, как вся наука в архитектуре, она была чистым надувательством, но завораживающей и очень интересной.

Тем не менее, это работа с гуманной средой под идеологией «исторического города», чего сегодня в Киеве никто не делает.

Это никому не нужно, невыгодно, вредно и опасно сегодняшним функционерам, потому что может нарушить их непрозрачные планы. Потом была Одесса. В 1990-е в Одессе разворачивались коллизии вокруг Черноморского пароходства, все были заняты дележом и никого не интересовало пока еще такое имущество, как здания или земля. Мы могли использовать это время и территорию как полигон. Видимость интереса к этому предмету была не только в Одессе и Кировограде, но и в Сумах, Киеве. В Киеве это улица Владимирская, Сагайдачного, Большая Житомирская… Вся застройка была проинвентаризирована, подняты архивные материалы. Финалом этой исследовательской работы были предложения по определению бизнесовой привлекательности: мансарды, надстройки, санация с последующим современным внедрением.

С попыткой подражания «стилю киевских подрядчиков».

Вот тогда, собственно говоря, и появилась еще не окрепшая, но уже довольно ясная точка зрения касательно того, что через какое-то время эта пломба должна производить впечатление, мол, она давно здесь стоит. Вот есть она и есть, и анонимность воспринималась с этой позиции: вещь должна быть достаточно хороша — так же хороша, как и соседи, если они хороши. Или, если они не хороши, то она должна показать, куда им вообще надо тянуться. Причем оказалось — практика показала — что средствами реконструкции старое здание, скажем, 1900-х годов, конца XIX — начала XX века, можно перевести просто в другую категорию. Потому что у него есть основа, оно правильно структурировано и очень гуманно на усадьбе организовано, потому что усадьба вполне человечного размера: двор, второй

двор, третий двор, флигели — это традиционная система, которая пришла из очень далеких времен и, в общем-то, никто против нее не смог и возражать особо.

То еесть эти структуры жизнеспособны и в современных нормах?

Кстати говоря, несмотря на проблемы плотности старого центра, он привлекателен не менее, если не более, чем раньше — с его масштабом, с его пылью, грязью, плохим обслуживанием, пробками. Сюда все прутся — оттого и пробки. И вот появилась тема: сначала это были просто надстройки всевозможные — мансарды, башни и аттики к существующему зданию. А потом появилась идея, как ветвь, в случае свободного участка, этими же средствами построить нечто. Мы делали это на основе обмерянных киевских фасадов и не только. Одесса очень помогла, там просто букварь.

Потому что в Одессе строили итальянцы и французы, которые воспитаны на классических образцах?

Совершенно верно, таким образом на это начал возникать спрос. Приходили какие-то люди: вот у нас дом пошел на отселение, что можно из него сделать, чтобы увеличить его привлекательность как недвижимости, чтобы хотя бы удвоить этот интерес? Стали появляться какие-то технические и архитектурные приемы. Будучи востребованной, эта тема стала сама собой развиваться. Первый выход на большую арену это Владимирская 20–22.

Два дома на Софийской площади пошли на реконструкцию?

Бывшие страннноприимные дома, мой первый выход с мансардой, такой еще непростой. С. Бабушкин тоже занимался этим объектом, я с большим удовольствием с ним посотрудничал. Потому что с ним можно было находить общий язык, он говорил: вот до сих пор — я, а от сих пор — ты. И никаких противоречий.

О дискредитации жанра

Как совершился переход из «стиля киевских подрядчиков», когда достройка или пломба была заведомо анонимной?

Скажем лучше, органичной.

Административное здание по Рыльскому переулку 4

архитт. Владимир Смирнов, Евгений Бабийчук, 2003–2007

Когда появилась не то чтобы возможность, а даже задача — делать новое как старое принципиально, чтобы было не отличить, и даже лучше?

Как раз вслед за Владимирской 20–22 появился заказ, Рыльский переулок 4, это рядом.

Это площадка КиевНИИТИ, которую выделили институту еще при В. И. Ежове и потом при Н. М. Дёмине продолжили?

Дёмин привлекал меня в 90-е к тому, чтобы сделать фасад в семиэтажной версии, потом параллельно шла работа по реконструкции и надстройке углового дома. И получился такой комплекс: Софийская 18, это угол Рыльского и Владимирской.

С кариатидами?

Ну, да, есть проект, который прошел Совет, но заказчик там спекся. История дома такова, в XIX веке он был двух-, трех- и, в конце концов, четырехэтажным. Мы его снабдили двухярусной мансардой с башней шикарной.

Выдержат стены или нет, но ведьмы в ар-нуво на нем чертовски хороши.

Оказалось, что это была такая неоренессансная надстройка. У него хорошая профессиональная основа: пропорции, которые подсказывали венский модерн конца XIX — начала XX века. Посмотрели какие-то образцы, потом начали его тянуть вверх — но это уже не наши проблемы, как всегда, были жадные чиновники, которые это согласовывали. Но изначально идея родилась одним духом и действительно стала тем самым, не то что переломным, но во всяком случае краеугольным моментом, с которого началось осмысление себя уже в другом жанре.

Что это за жанр?

Обеспечить фон коллегам, работающим в так называемой «современной архитектуре» (без кавычек, в их понимании). Нет большой беды, если бы кто-то поддерживал исторический фон, а кто-то работал в другом ключе, получился бы замечательный симбиоз. Оценивать деятельность традиционалистов с точки зрения прогрессистов — не нужно, это вечный конфликт, потому что он внутри этого предмета.

Позиция хороша тем, что не конфликтна стерильной архитектуре, вырастающей из других тектонических принципов.

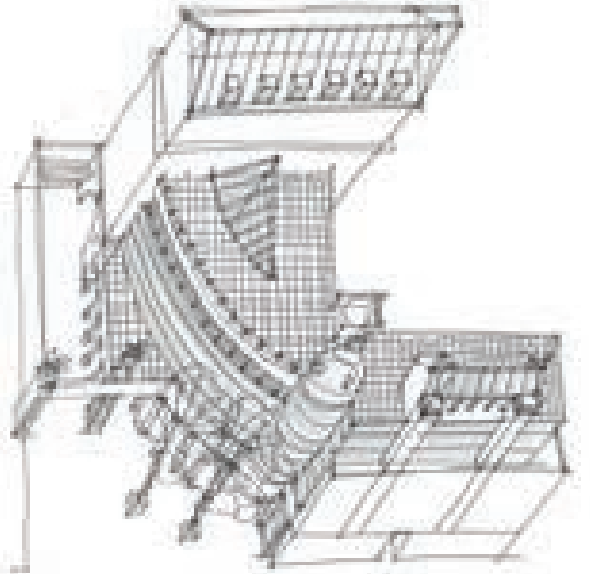
И других функциональных задач.

Из других дизайнерских посылов. Фрэнк Гери мнет жесть, и его не волнует какая-то традиционная «тектоника».

Крайние позиции вполне могут сосуществовать как декларация своей точки стояния и, соответственно, чистого стиля.

Но ведь есть псевдоисторизмы просто безобразные, когда используются любые элементы — башенки, арочные окна, пилястры — и всё это нарисовано вообще никак. Например, место же святое — под Замковой горой на Верхнем валу свеженькие чемоданы…

Это дискредитация профессии. Есть люди и их немало, кто успешно пользуется этим жанром. Но у них другая цель. Это советская школа (а советская школа это школа творчества, безусловно), и всякий раз задача сводится к тому, чтобы дать новую яркую окраску тому или иному месту, зданию, тому или иному элементу этой городской среды… Могу сказать о людях, которые работают параллельно, например, Юрий Бородкин — делает потрясающие вещи, которые



ЖК на площади И. Франко, архит. Владимир Смирнов, эскиз, 2006

невозможны были бы при его другом отношении к наследию. Его банк на Ольгинской, считаю, в Киеве ему нет равных. Вот о нем только самые теплые слова. Мы вместе работали в КИСИ. И даже одну штуковину построили вместе. Это дом, в котором у него мастерская — на Ленина 80–82. Это два дома современные, но они декорированы девятиэтажными фасадами «в стиле киевских подрядчиков».

Да, это 90-е, не самый блеск.

Но не забывай, что там строитель вообще подвиг совершил. Он не знал, что с кирпичом делать, куда его вообще совать. А тут как бы приспособили: арку выложили, перемычку клинчатую — тогда еще и слов таких не знали. Ну а больше я ни с кем не пересекаюсь. Я уважаю творчество других, мне очень нравится Виктор Кудин, который чудеса творит, но совершенно в другом смысле.

Проект-птица и дура-реализация

Попробую сформулировать творческое кредо модерниста от реставрации Владимира Смирнова. В традиционной и даже «таксидермической» области (вот у птицы были перья — делай перья, не надо ничего другого) он говорит: да, можно свою птицу нарисовать, создать новый организм как бы из той же среды, но жизнеспособный. Не обязательно делать чучело.

Я с тобой соглашусь. Существуют наследие и наследие. Существует Лавра, София, но существуют и рядовые здания. Они, конечно, носители памяти, но очень короткой, она неинтересна, она проста, эта память. Если к ней еще строчку дописать, от этого результат только выиграет.

На десяток мастеров тысяча ремесленников, почему ширпотреб через сто лет должен стать в один уровень с шедевром?

Сегодня оценку «прошлому» следует давать не с точки зрения, например, заказчика, который говорит: да какой это памятник — он еле дышит, он завтра развалится. Это не показатель. Показатель другое: памятник это не камни, но нечто большее…

В крайнем случае мой друг Пучков говорит, что предметом архитектуры являются вообще не камни, а размышления об этих камнях. А сами «камни» удел строителей — воплотить то, что архитектор помыслил.

Насколько им это удается — большой вопрос, воплотить то, что задумал архитектор. Очень часто случается, что после воплощения архитектор желает остаться анонимным. Не хочет иметь ничего общего, так сказать, с детищем. При том, что замысел был достоин своего времени.

Например, реконструкция ЦУМа в Днепропетровске, Дольник отказался от авторства, хотя сделано в среднем съедобно, но архитектор думал другое.

Для нас переломный момент — это Бессарабка, в моем, во всяком случае, опыте.

Помню предложение Смирнова, такая развесистая Вена fine de siecle… Это было дерзко.

Ругали все, почему-то Лионским вокзалом в Париже обзывали.

Кстати, Вадим Жежерин нарисовал вполне годное модернистское решение. А когда поженили, получилось ни два, ни полтора.

Это ужасно, когда творческим переосмысливанием или домысливанием традиционных (слово классика не употребляем) вещей на поверку оказывается незнание и непонимание. Непонимание того, как это сделано и почему так.

Кто, с вашей точки зрения, сыграл в этой истории роковую роль?

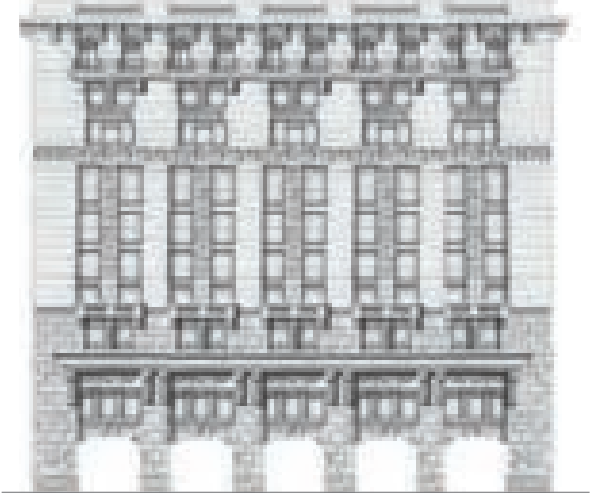
Заказчик, он обладал очень мощным поршнем.

Ни общественное мнение, ни Градсовет, ни Руслан Иванович?

Нет, все были очень спокойны. Дело в том, что Руслану Ивановичу важно было совсем другое, ему нужно было «движение электронов», ему нужны были эти конфликты. Бабушкину тоже нужен был конфликт — он просто ничего не понимал в том, что было нарисовано, и предлагал перекрыть весь двор и структурировать всё иначе. Мы предлагали сделать всё по-другому: снести все старые внутренние стены, воспроизвести какие-то вещи в современных конструкциях и двор — феноменальная вещь — решать в виде цирка, в виде аркатуры и колоннады цилиндрической формы, безотносительной к наружному периметру. Но на острие конфликта оказались фасады.

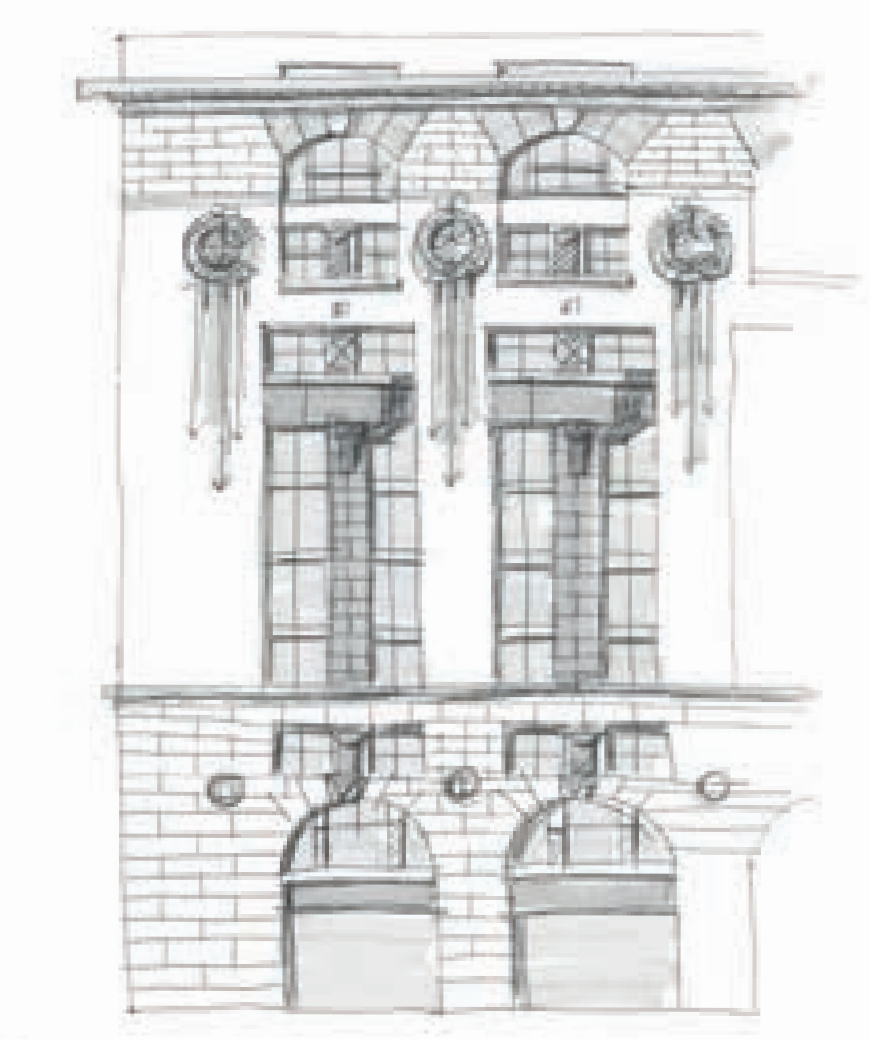
Сначала Maculan хотел небоскреб ставить, потом Daewoo— и всё это превратилось в дымовую вышку, которая функции вообще никакой не имеет, по большому счету.

Очень интересно было слушать Градсоветы, высшее проявление вот этого однобокого узкоспециального флюса. Вдруг оказалось, что градостроительный аспект «дыма» это то, что он «держит» Крещатик. Парадоксально, у нас бывают обсуждения на уровне придумок, на уровне проектов, но нет традиции обсуждения реализованного. «Оно» всегда хорошо, всегда спасибо. У нас так принято: строители подарили киевлянам. Вот они подарили — ну и ешьте. Чисто, тряпки какие-то продают, паркинг. Как бы всё есть, но в то же время, на мой взгляд, скучно.



Варианты реконструкции гостиницы «Крещатик»

архит. Владимир Смирнов, эскизы, 2011



Вариант реконструкции гостиницы «Крещатик» и метопы с бюстами украинских героев

архит. Владимир Смирнов, эскизы, 2011

Город и слобода

В ваших домах на Гоголевской 4 и на Владимирской 38 есть вставки из майолики, которые продолжают опыты начала XX века, например, Алёшинский Майолик-хаус на Маловладимирской 74 или дом Вербицкого на Лютеранской 15. Керамика близка настроению «исторического» городского дома: если в керамику положен цвет, то убить его сложно. Вот сделал некто березки на Бульваре в 1905 году, и ничего с этим диким зеленым цветом не происходит…

Огромное упущение — нереализованная идея привлечения параллельных прикладных ремесел в процесс организации убранства фасадов. Ведь эта майолика, она же — из магазина. Это валенсийская майолика, которая выпускается на красных глинах… Когда-то в КиевЗНИИЭПе была база на Левом берегу, там были керамисты и они делали всякие чудеса, вазы, панно.

Кстати, завод «Керамик» на Подоле, мощностями которого сделан послевоенный Крещатик, на днях разобрали…

Спасибо Бородкину, у него есть вот эти носороги на банке «Аркада», они конечно не керамические, но он использует прикладные искусства.

Дисциплина под названием «Синтез искусств» была популярна в 30-е и 50-е и осталась только в названии кафедры в НАОМА.

Конечно, у керамики самые большие возможности. Ни стекло, ни ткань, ни дерево. Мы говорили с разными частниками, которые имеют домашние муфельные печи, чтобы что-то подобное делать.

Кооператив «Гончары» сработать может всё что угодно, даже плафоны на Михайловском Златоверхом.

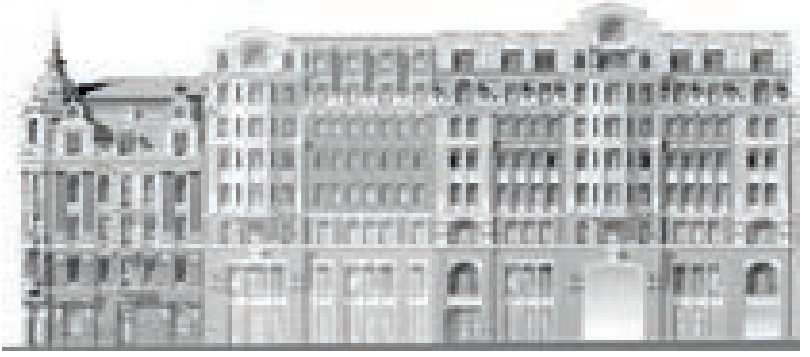
Это всё так, но выйди или в окно посмотри — не увидишь.

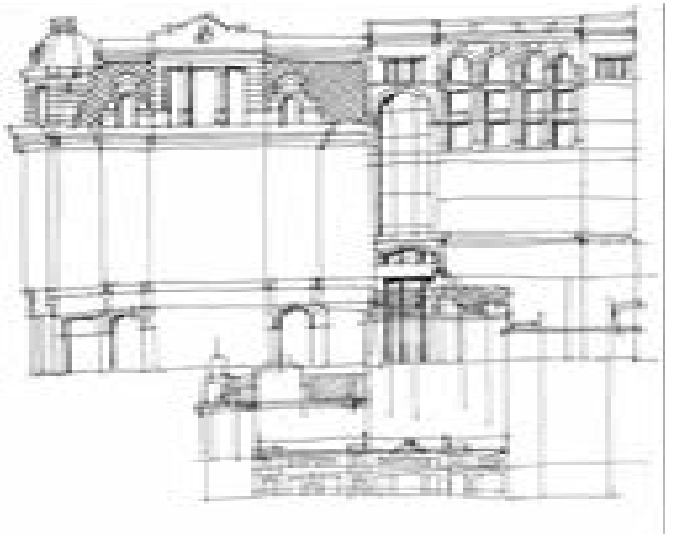
Вот я и увидел дом на Гоголевской 4, напоминает архитектуру последних лет империи.

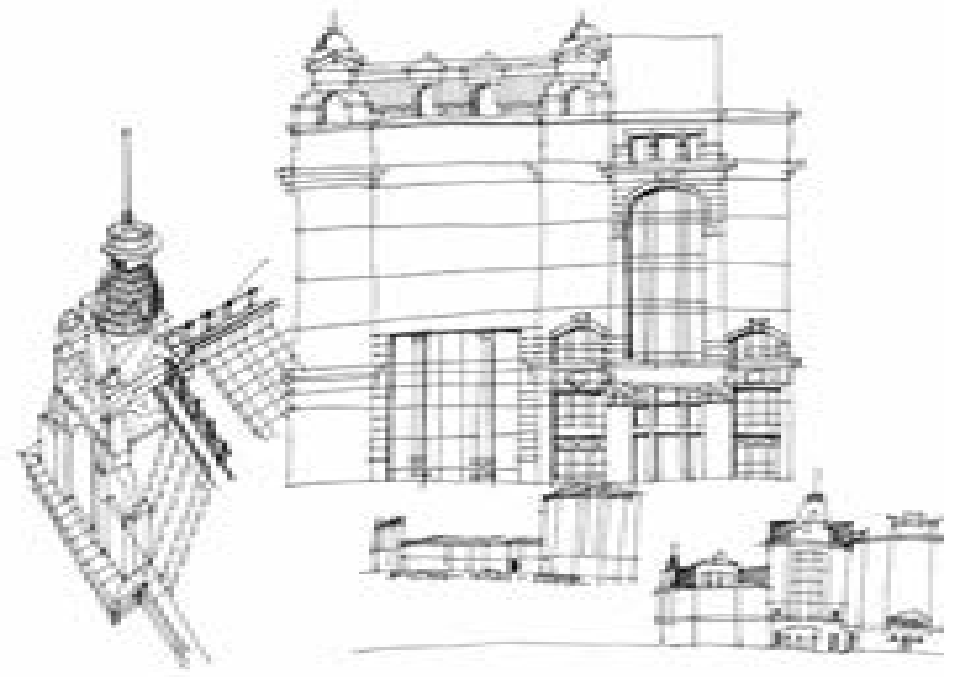
Интересно, что организован он не по нашему стандарту, въезд как бы из автомобиля в подворотню, и из нее входишь в парадное, а не с улицы. Имеется ввиду экипаж, дождь — венский форс — ворота должны закрыться. Не наш стандарт, у нас парадное на улицу.

Жилой дом по ул. Гоголевской 4

архитт. Владимир Смирнов, Виктор Лихно, Сергей Шевцов, проект, 2005







Дом по ул. Владимирской 36–38, архитт. Владимир Смирнов, Виктор Лихно, 2004–2005

Увы, общество расслаивается, «на районах» строятся новые гетто.

Но это не об архитектуре.

Совсем недавно Киев походил на джентльмена, застегнутого на все пуговицы, эта странная коробчатая девятиэтажная архитектура порой выглядит более интеллигентно, чем новая.

Было градостроительство и средства выражения этой профессиональной мысли — 96-я серия, которая была как счастье. Когда в 134-ю серию вставили треугольную вставку — это был вообще подарок судьбы, можно было делать шестигранники, трилистники.

Прорыв космического масштаба?

На самом деле город живет другими законами, другими принципами, оказывая колоссальное влияние на обывателя, который постепенно становится слободским человеком, для Киева это абсолютно характерно. Где киевляне? Они «розпорошені» по массивам. Я знал людей, которые свои улицы, оболонские и какие-то еще, называли в кухонном обиходе подольскими названиями, на которых они когда-то жили. Но патриотизм не обладает такой живучестью, как жлобизм.

Есть киевляне, которые улицу Хмельницкого/Ленина до сих пор называют Фундуклеевской.

Есть тут некое таинство небесное. Дело в том, что новаторство и новации — это закат социализма. Любовь к переименованиям, к переносу, к замене одной функции другой… Смотри, что творится со старыми привычными глазу гастрономами, хлебными, молочными, цветочными магазинами, это произошло медленно, но неуклонно. Один из главных районов — поесть негде. Нарушен привычный биоритм города.

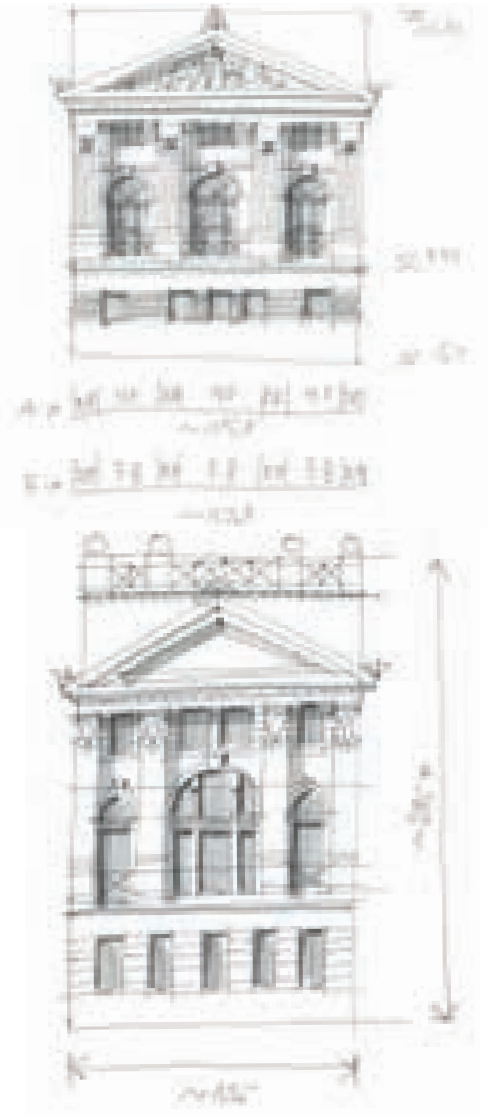
В чем причина?

Здесь живут другие люди. У них городские «хвосты» коротенькие, ничего там нет — ни шерсти, ни кисточки, один голый копчик.

То есть произошла сбивка, жлобы делают из города слободу с самопальными балконами-клунями?

Это правда. Они пьют квас и выливают остатки на асфальт, как бы на землю, это традиция не городская. Когда в селе пьют воду из колодца, то остатки выливают на землю, это слобожанщина.

Квартал «Юность» по Боричеву току, архит. В. Смирнов, эскизы, 2009



Реконструкция квартала «Юность», ул. Фроловская, Боричев ток

архит. Владимир Смирнов, эскизы, 2009

Подол и связь времен

Есть ли перспектива у исторического города?

Сегодня меня беспокоит такое словосочетание, как синтез старого и нового. Например, маркетологи говорят, что им не нужны стеклянные фасады, поэтому должны быть глухие стены. Китайцы строят огромные шестиэтажные торговые центры, в которых нет окон, очень красивые. Те же маркетологи говорят, что для офисов надо от пола до потолка витраж. На самом деле это веление времени — соединить традиции и новации, обеспечить связь времен, как говорил Гамлет, и заштопать разрыв.

Чтобы не было разговоров, современно или несовременно?

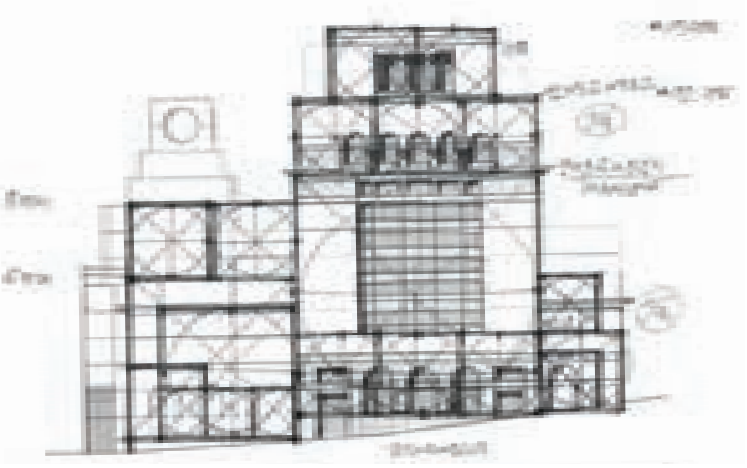
У нас есть работа, которая, скоро появится на Совете, в ней уже есть некое соединение традиционной классической структуры, пропорций, масштабов, принципов вертикальной организации и плана при наличии больших стеклянных плоскостей, что многие считают символом современной архитектуры, общественного здания. Это угол Смирнова-Ласточкина и Кожемяцкой, куда упирается Верхний–Нижний вал. Сделана попытка что-то умышленно упустить, не по незнанию, но в скорописи, в погоне за главным.

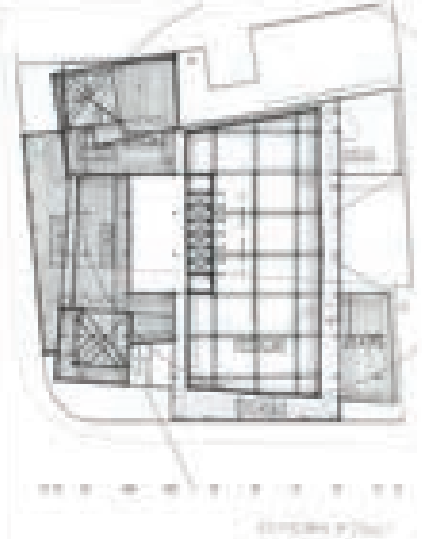
Подол на два века приобрел депрессивный модус, и изменить эту ситуацию непросто. Например, В. Штолько поставил здесь красивый модернистский объект, Житний рынок, сегодня загаженный со всех сторон. Маргиналия воспроизводится! И вот Смирнов выходит сюда фронтом нового здания…

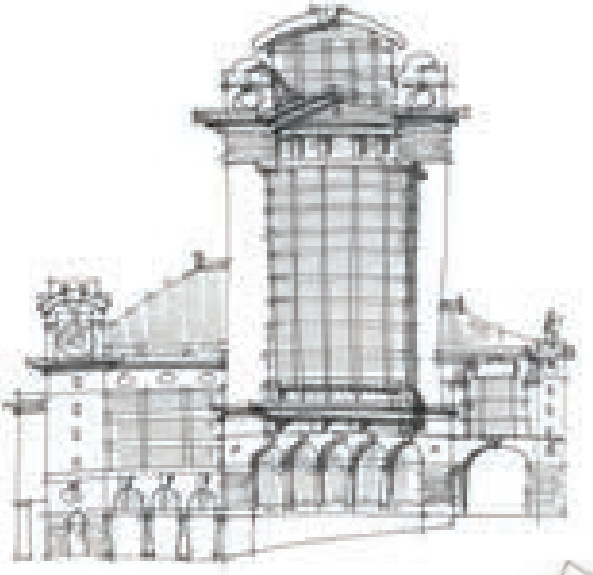
Никто не ставил никаких иных задач, кроме сиюминутных и короткоживущих: сегодня, для этого места, на эти деньги, от этого заказчика. Никто не думал о Подоле как таковом. А это Подол, значит нужно там мансарду, башню и еще что-то в таком духе.

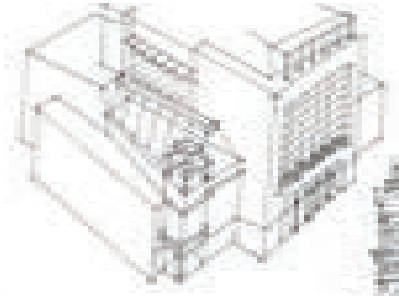
Идея заповедника «Древний Киев» провалилась?

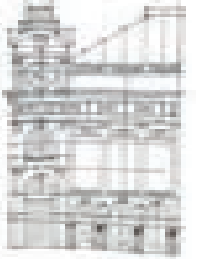
Так она была дохлая и продолжает не быть живой, потому что все попытки воспроизвести на Подоле местечковость и отстойность при помощи двухэтажных сарайчиков с мансардами обречена на неуспех. Сегодня для спасения Подола осталось одно место — Набережная.

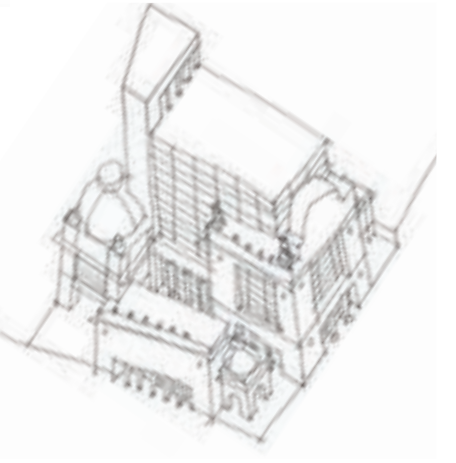




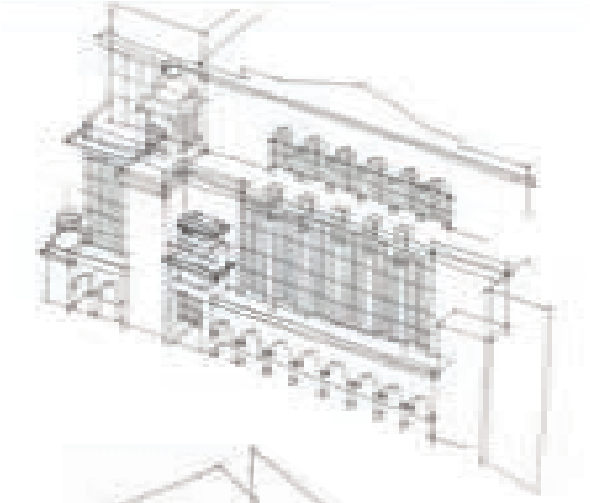


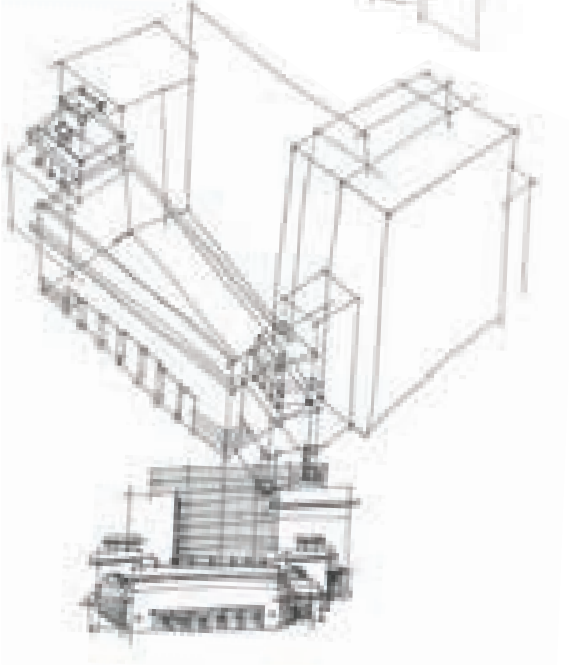


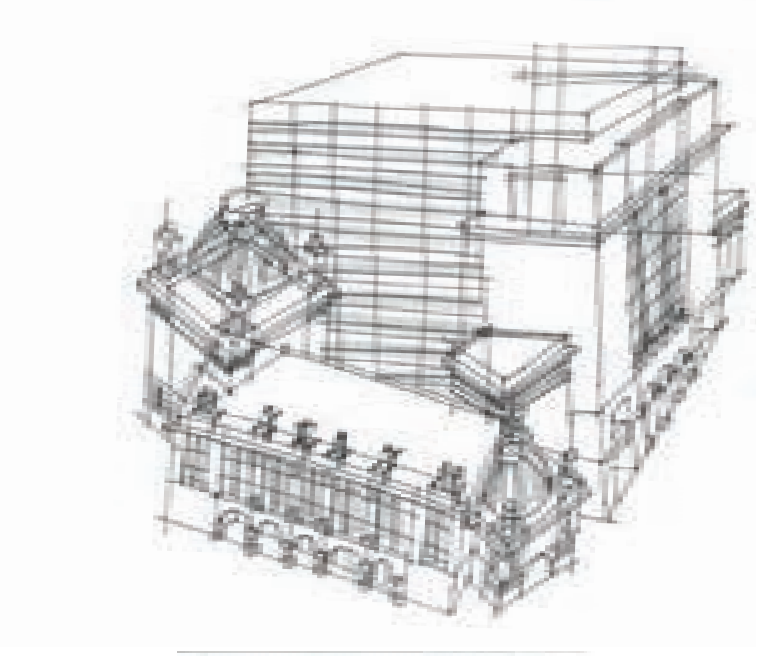


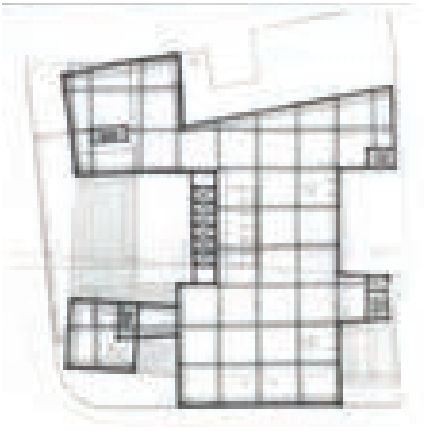


Бизнес-центр на Вознесенском спуске 2, угол ул. Кожемяцкой
архит. Владимир Смирнов, поисковые эскизы, 2006–2008

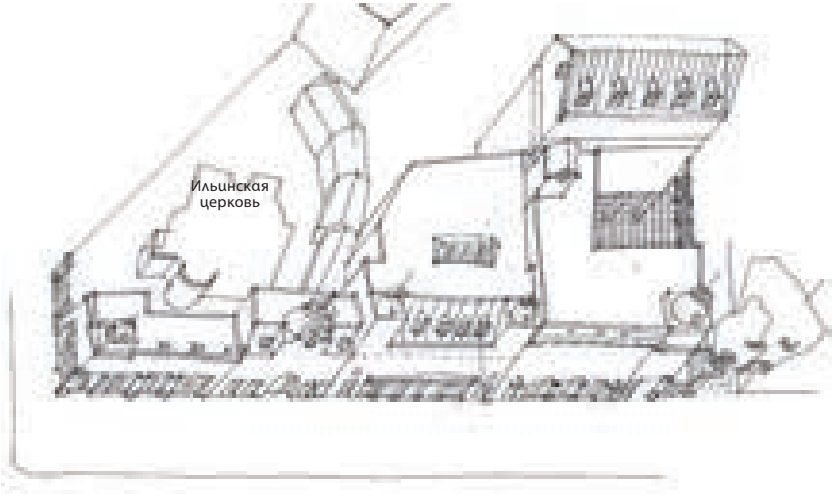








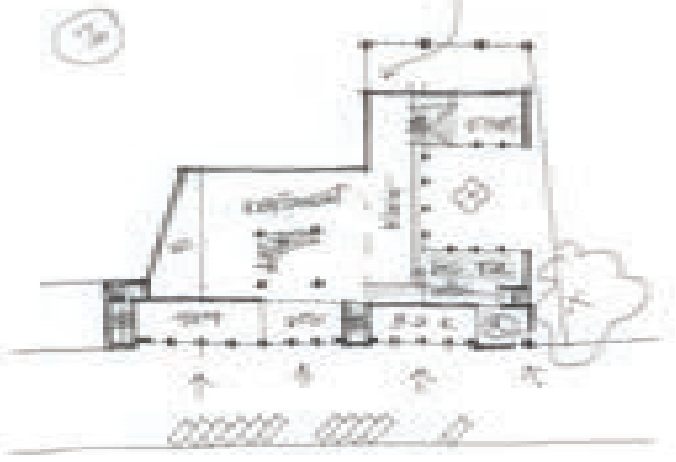
Бизнес-центр на Вознесенском спуске 2, эскизы, архит. Владимир Смирнов, 2006–2008



Это последний шанс, колоссальная тема. Не та, которая заросшая, а которая цивилизованная. От Пешеходного моста до Рыбальского полуострова. Если сегодня Набережная получит европейское звучание — не средствами современной архитектуры, как ты понимаешь, а средствами той самой архитектуры, которой корни видны, что она архитектура, а не «дизайн среды», что она пришла оттуда, от шумеров, что веревки за ними волочатся. Мне даже страшно, потому что влез туда Бабушкин с этим двенадцатиэтажным…

Там рядом есть еще брежневская девятиэтажка, и что, надо отселять?

Да полно места, где можно работать. Ты увидишь, я может и нет. Набережная это последнее, это оплот, это обложка. Можно было бы за хороший глянец спрятать свинушники. Верхний и Нижний вал, историческая часть, нижняя — бог с ней. Она застроена всяким разным, уж какие есть. Но там, наверху — Житнеторжская и дальше — это



Гостиница и бизнес-центр по ул. Набережно-Крещатицкой 25

архит. Владимир Смирнов, поисковый вариант, 2008–2009

же просто кошмар. И вот сейчас потихоньку взятками они осваивают… Стоят эти красавцы у подножья Замковой. А рядом убогие двухэтажки— ничего в них нет, ни истории, ни памяти — полнейшая беспомощность. Ну а Кухаренко сохраняет всё, до чего дотянулся.

Такая его функция.

Когда четвертый этаж «Ривьеры» построили, поднялся страшный скандал. Дальше не строить! больше нельзя! эти склоны! эти кручи днепровские! этот фуникулер! — святыни киевские! руки прочь! и прочее, и прочее. Остановили стройку, скандал был, президент вмешался, мама дорогая, представляешь?

Нет чтобы замантулить там еще четыре фуникулера!

А ведь исторически было совсем по-другому. Ведь сначала была застройка, а потом фуникулер, и фуникулер выводил людей из обыкновенной подворотни, он не представлял собой инженерного чуда. Хотя тот вагон и этот — день и ночь. Тот вагон был в дизайне начала XX века, а этот как будто в доме пионеров склепали из отходов.

И все-таки «низкоэнергетический» Подол побеждает жалкие попытки что-то с ним сделать.

И наполнили его этим низкоэнергетичным содержанием современные архитекторы, которые, как С. В. Бабушкин, его презирают и считают, что Подол должен умереть в том виде, в котором он есть.

Но есть другой образец совсем рядом, Гончары-Кожемяки.

Я там был один раз, одесситы попросили показать. Мы заехали, я вышел и сказал: вы вот так объедете и меня заберете. Это как будто в человеческие внутренности с заднего хода проникли.

Хотя оттуда идет сильнейшая волна.

Меня начинает волновать другое — супертребовательность к тому, что я делаю и что делают другие. У нас прокуратура была заказчиком, площадка на Старонаводницкой. Мы с Женей Бабийчуком сварганили такую штукенцию — предпроект, кстати говоря.

То есть что-то вроде эскизного предложения?

Мы делали абсолютно конкретный офисный комплекс. Два боковых ризалита, в которых находились лифты и прочие вещи, потом огромный ящик с центральным ризалитом, с золотым куполом овальным.

Красивая штука со львами по углам, с колоннадой фронтальной трехэтажной — метров сто фронт — за которой был сплошной стеклянный витраж. Градсовет сказал: это слишком красиво… Просто кошмар! Мол, зачем это здесь такое, никому это не нужно, занюханый офис. Потом Ю. Бородкин сделал концепцию на всю улицу такими графическими схемами.

Ценители подсказали, как надо.

Моя штуковина идеально вписалась в схему. Кстати говоря, равные по величине проблемы для киевской архитектуры — профессиональный цех и Градсовет. Или это одно и то же?

А+С № 2 '2008

3|20

ОРГАНІЧНА КОНЦЕПЦІЯ ВІКТОРА ШИРЯЄВА

АРХИТЕКТОР ШИРЯЕВ

ГОРОД КАК ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ

«ИЛЬИНСКИЙ» НА ПОДОЛЕ

АРХИТЕКТОР ШИРЯЕВ

Родился в Запорожье, закончил архитектурный факультет Киевского государственного художественного института (мастерская проф. П. Ф. Костырко). Считает, что ему в жизни невероятно свезло: работал в самых разных архитектурных жанрах и с самыми разными архитектурными типологиями, начиная каждый проект с планировочной проработки, включая научно-исследовательскую часть и заканчивая стадией проект, строительной реализацией и интерьером.

До 2003 года работал в КиевНИПИградостроительства, сейчас трудится в Институте современного проектирования. Некоторые, особо дорогие сердцу и памяти проектировщика, объекты: застройка левобережной части Днепродзержинска и 34 микрорайона городка Бровары (1976), гостиница в Каменец-Подольском (1980), Музей истории Днепродзержинска (1983), санаторий «Шаян» в Закарпатской области (1988), реконструкция и застройка центральной части, квартал № 2, в Дубно (1980–1990), курортный комплекс на две тысячи человек и пансионат на пятьсот мест в поселке Санаторное в Крыму (1985–1990), посольство Российской Федерации (1995) и Республики Узбекистан в Киеве (1998). Выигранные конкурсы: Музей стахановского движения в городе Стаханове (1988), Музей А. С. Макаренко в городе Кременчуге (1989). Работы последних лет: отель «Опера» в Киеве (2005), офисно-торговый комплекс «Ильинский» (2007), офиснобанковское здание по ул. Дмитриевской 94 (2007), жилые дома по ул. Багговутовской (2008). Необычно цепкий ум, не желающий метать бисер где не надо. Совершенно не по-нашему придерживается творческого принципа: моя хата — не с краю.

А+С № 4 '2008

Архітектор Віктор Ширяєв

ГОРОД КАК ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ

Я считаю, в Киеве есть три основные зоны, которые делают его историческим явлением: это Киево-Печерская лавра, Подол и Андреевский спуск. Эти объекты практически равноценны по значению, но несут разную градостроительную нагрузку. Андреевский спуск связывает древний и современный Киев, и, если потерять эту связь, Киев вновь станет ничем не примечательным уездным городишком, каким он был в начале XIX века.

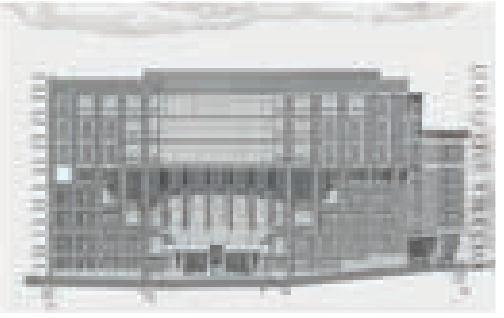
Виктор Ширяев: В последние годы мы испортили многие киевские улицы тем, что увлеклись подделками под старое и тем самым ликвидировали подлинную старину. Не дай Бог, это повторится на Андреевском спуске! И такой прецедент уже есть: вновь построенное в старом стиле здание театра разрушает структуру улицы так же, как разрушило бы ее грубое современное здание. Лишившись контрастов, улица станет серой, а если рядом уживаются старые и новые здания — это интересно.

А+С: В целом застройка Киева не совпадает с канонами классицизма. Как отмечал еще Ю. С. Асеев, для Киева характерна «разновысокость», и в этом особый вкус его улиц.

Совершенно с этим согласен. Город как живой организм, постоянно меняется и растет. Архитекторы точно уловили стиль и дух улицы, и хотя здания выросли, это не уничтожило общий ансамбль.

В такой логике, выходит, нет ничего страшного, если на Андреевском спуске появятся высотки?

Андреевский спуск — не Крещатик. Это внутренняя улица, и здесь не может быть помпезности. Мне в целом представляется неправильным наше отношение к историческим частям города. Мы стараемся сохранить их, музеефицируя объекты, но это приводит к обратному результату. Запад идет другим путем, там памятники



Офис Таврика по ул. Дмитриевской 94/2

архитт. Виктор Ширяев, Н. Башинская, Н. Ландышева, Е. Юрченко, 2005–2012

древности это абсолютно живые структуры, которые сегодня выполняют свою функцию. Возьмите, к примеру, Авиньон. Бок о бок живут по крайней мере три города: XIV–XV века, рубежа XIX и XX веков, а рядом — послевоенный город. И все прекрасно функционирует, современным образом. Я убежденный противник создания заповедников в границах Киева. Андреевский спуск нельзя превращать в музей, иначе мы его потеряем. Городская власть, имея общую концепцию, должна жестко контролировать любые действия на этой территории, но с тканью улицы работать можно и нужно. Но при этом не пародировать то, что было в этих формах сто пятьдесят лет назад, а создавая нечто новое, современное.

Уместна ли артистическая функция Спуска?

То, что на спуске в 1980-е появились художники, мелкая торговля, отели — очень правильно. Улица является туристическим маршрутом, и всё, что обслуживает туристов, здесь весьма кстати. Но не каждому туристу нравятся только «этнические» точки, оформленные лозой с казаками в шароварах и т. п. Современному человеку нужен современный сервис, а его создать в старых зданиях невозможно. Вероятно, здесь необходима не псевдоревалоризация, а модернизация с сохранением всех существующих качеств среды.

Место в этом ряду урочища Гончары-Кожемяки?

Пример псевдоэтнического строительства, в нынешнем виде среда не очень пригодная для жизни. Прилегающий к спуску квартал было бы разумно отдать под гостиничную территорию. Аналогичные примеры есть на побережье Нормандии и Британии, где целые города предназначены для отдыха прибывающих сюда паромом. Они состоят из небольших отелей и коттеджей для приема отдыхающих. Урочище в стиле «Диснейленд», вполне бы подошло для туристов. Похожая ситуация в Шанхае, почти ничего аутентичного не осталось, лишь пара кварталов колониальной застройки вдоль набережной. Рядом на территории восьми кварталов возвели колоссальный торговый центр, где в металле и дереве сымитировали дворцовую архитектуру XVIII века. Потрясающий китч! Туристы толпой несутся в квартал, думая, что они побывали

в старом Шанхае, и мало кто догадывается, что рядом, через забор, стоит подлинный дворец.

В ряду самых выразительных мест исторического Киева вы упомянули Подол. Именно здесь по вашему проекту построен комплекс «Ильинский», одно из удачных решений в плотной исторической застройке. Как пришло такое решение?

Это уникальный случай в моей жизни, когда заказ появился в десять часов утра, а решение созрело уже в одиннадцать. В двенадцать заказчик с ним ознакомился и попросил неделю на размышление, поскольку на тот момент у него уже был утвержденный Управлением охраны памятников проект девятиэтажного помпезного сооружения. А наш проект почти на треть увеличивал коммерческие площади. Подсказка к новому решению была простой: у нас был дореволюционный генплан этой части Подола с квартальной структурой 20 х 20 *м* по осям, которую мы и использовали в качестве модульной сетки. Комплекс включает три части: одна — реконструкция периметральной застройки с памятниками местного значения, в том числе прекрасный дом в ар-нуво по ул. Братской. Далее производственные корпуса, конструктивные части которых также были использованы. И третья часть — выход на улицу Борисоглебскую с ветхой застройкой 1930-х, которую снесли. Замысел был в том, чтобы на уровне первого этажа сделать открытые пространства с внутренними дворами, чтобы пешеходы «сквозняком» могли проникать через квартал на соседние улицы. Через три дня после ознакомления с новым проектом заказчик пригласил нас на всемирную инвестиционную выставку в Мюнхен. Там в исторической части города он увидел застройку, аналогичную нашему варианту — с освобожденными первыми этажами — и был настолько этим впечатлен, что тут же дал согласие на изготовление рабочего проекта. К сожалению, реализовать в полном объеме замысел не удалось: вместо открытых кафе и магазинов на первом уровне появились банки.

А+С № 2–3 '2011

«ИЛЬИНСКИЙ» НА ПОДОЛЕ

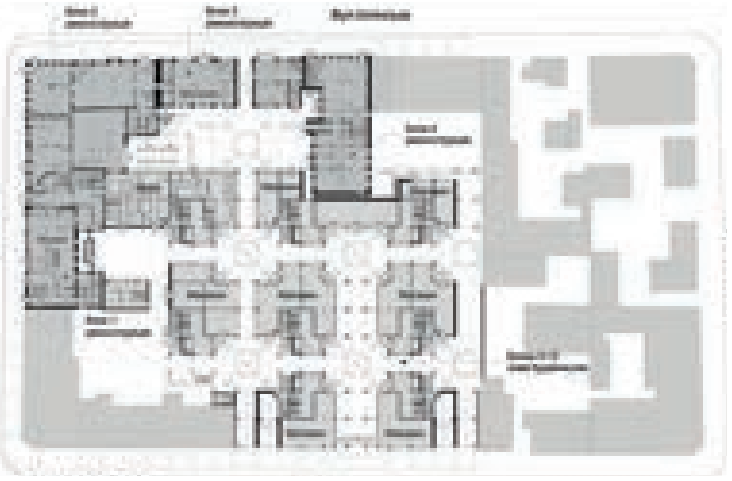
Торгово-деловой центр «Ласточка» на Подоле стал одним из лучших проектов квартальной реконструкции, в котором удалось объединить в целостный архитектурный ансамбль территорию на пересечении улиц Ильинской, Борисоглебской и Братской. Изюминкой объекта стало объединение отреставрированных исторических зданий, стоящих по периметру квартала, новыми блоками в современном стиле в цельный комплекс, особенностью которого является не линейная, а «перекрестная» застройка. Внешние корпуса, выходящие фасадами на три улицы, соединяются пересекающимися между собой зданиями современной постройки, разделяющими внутриквартальную территорию на уютные дворики со сквозными стилизованными арочными переходами по первому этажу. Шестиэтажный архитектурный комплекс, в фасадной части которого предусмотрено размещение заведений торговли и общественного питания, а во внутренней — офисных помещений класса В, гармонично вписывается в облик исторической части Подола, прежде всего благодаря продуманному соединению стилей и материалов. При остеклении объекта применялись алюминиевые системы марки ALUPROF — фасадные системы MB-SR50 и MB-SR50 EFEKT, а таже оконно-дверные системы SPECTRAL 45 и SPECTRAL 60.

Сегодня, всего четыре года после открытия, офисный комплекс «Ильинский» воспринимается почти хрестоматийным образцом генетической реконструкции (или расширения возможностей) регулярного «классицистического» квартала близ древней Контрактовой площади. Этот подольский квартал ограничен улицами Ильинской, Борисоглебской, Братской и Волошской. Городская застройка, прилегающая к архитектурному ансамблю Контрактовой площади, отображает специфические черты, присущие многовековой истории Подола. Плотная и сплошная застройка улиц

Офисно-торговый комплекс «Ильинский», ул. Ильинская 8

архитт. Виктор Ширяев, Олег Суходубовский, Евгений Каримов, Владимир Гусаков, 2006–2007

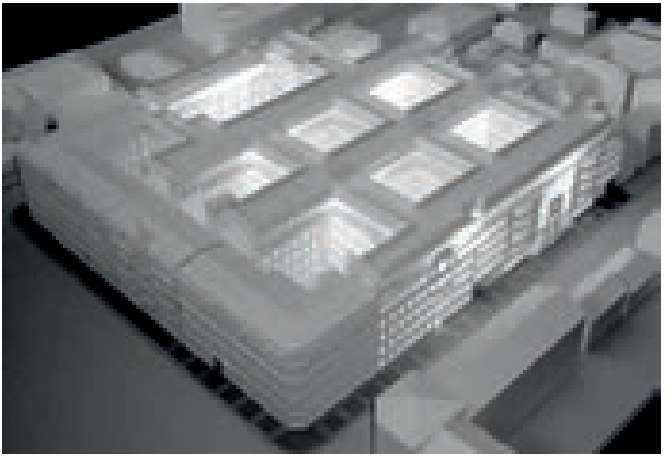
Комплекс «Ильинский» на Подоле, панорама, вид с востока



Комплекс «Ильинский», план первого этажа

дополняется и нарушается неожиданными лакунами и включениями внутри кварталов. Подавляющее большинство зданий на исходной строительной площадке, принадлежащей бывшему швейному объединению «Ласточка» (неказистые жилые и технологические строения спорадически возникали внутри квартала на протяжении всего XX века), нуждалось если не в реконструкции и реставрации, то, как минимум, в капитальном ремонте. Однако, именно этот квартал, благодаря экстенсивному использованию на протяжении многих десятилетий, предоставил авторам возможность исследовать хорошо сохранившуюся регулярную парцелляцию начала XIX века (архитт. В. Гесте, А. Меленский) и возродить ее в новых формах современного архитектурного каркаса.

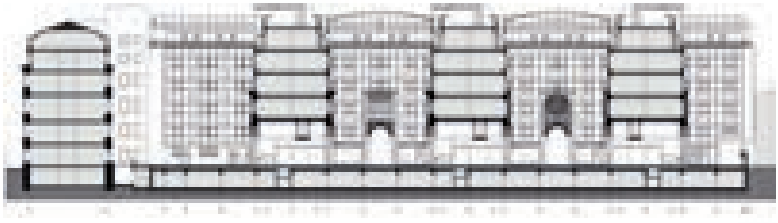
Несомненной удачей принятого объемно-пространственного решения комплекса следует признать то, что архитекторы не последовали широко практикуемой сегодня новоукраинской традиции заполнения очевидных пустот и выжимания из них максимального строительного объема (или советских «квадратных метров»), но



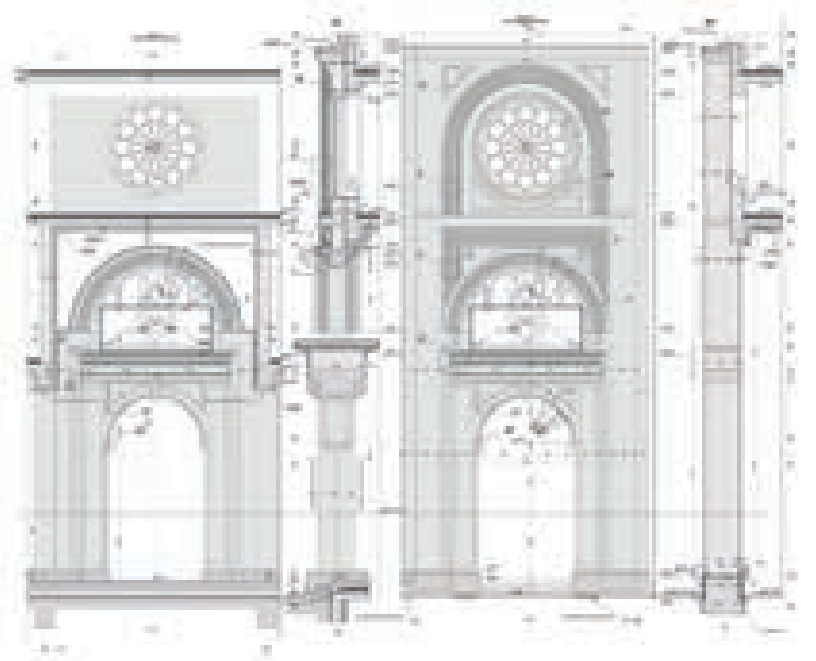
Комплекс «Ильинский», макет

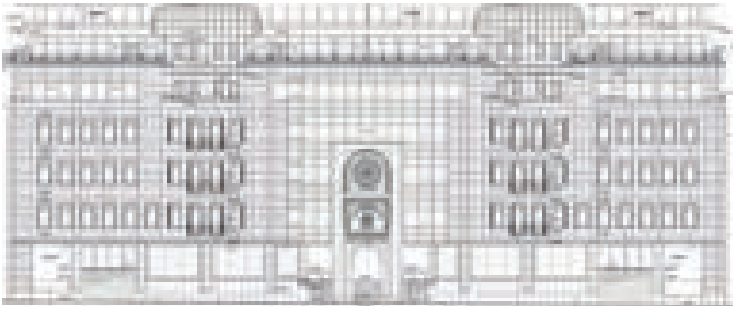
внимательно прислушались к уже существующей, казалось бы малоинтересной и ничего не обещающей структуре равномерно «нарезанного» квартала. Сквозь парцеляционную решетку «устаревших усадеб», сохранившуюся здесь лучше, чем в прилегающих кварталах, и зафиксированную ветхими флигелями, заборами и сараями, авторы будущего комплекса увидели современную высокоплотную решетчатую структуру. Это «простое озарение» стало безусловной удачей в решении всей будущей структуры комплекса.

Более тщательное исследование показало, что основным модулем плотной застройки, сложившейся здесь на протяжении двух столетий, стали дворы, в зависимости от этажности имеющие площадь от 10 х 15 и 15 х 18 до 18 х 18 *м*. Существующая высота застройки в квартале составляла от трех до шести этажей. Размер квартала — 110 х 180 *м*. Офисно-торговый комплекс занял чуть более половины — 53 % территории. В итоге в основу его планировки была принята схема пешеходных проходов-пассажей с устройством внутридворовых площадей размером 18 х 15 *м*. По периметру площади

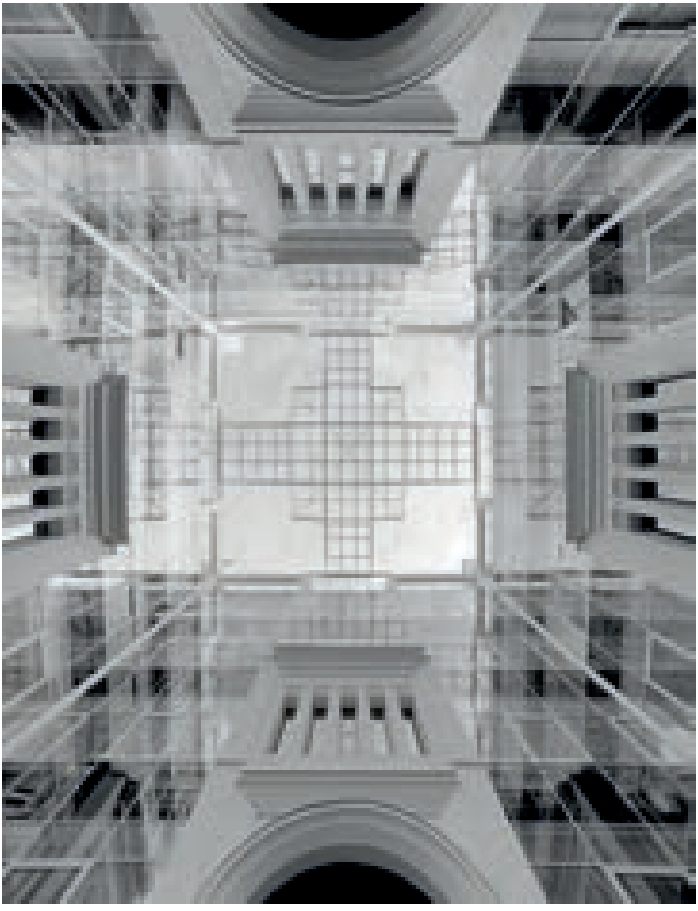


Комплекс «Ильинский», система внутриквартальных патио





Порталы и фасад по ул. Борисоглебской



Комплекс «Ильинский», внутриквартальный атриум

получили частичное покрытие, для защиты пешеходов от осадков, на уровне шестого этажа.

В уровне тротуара обустроены вестибюльные группы делового центра, магазины и предприятия общепита. Пешеходные и транспортные потоки разделены, причем по территории комплекса предусмотрено движение только пожарных машин. Служебные подъезды к ресторану и магазинам устроены без пересечения с пешеходными маршрутами. В подземной части размещена столь необходимая в историческом центре стоянка на 180 машиномест. Итоговая плотность застройки превзошла все ожидания, как заказчиков, так и памятникоохранного ведомства, позволив разместить вдвое большие объемы строительства, нежели это практиковалось при ситуативной высокоэтажной застройке всех имеющихся «пустот».

При этом небольшая этажность комплекса — до шести этажей — сохраняет цельность исторической застройки Подола и ее традиционное восприятие с основных обзорных точек: Замковой горы и Уздыхальницы, террасы Андреевской церкви, территории Михайловского Златоверхого монастыря.

Особого внимания заслуживает оформление портальных групп комплекса, которые выполняют основную семантическую нагрузку в структуре, принципиально построенной на проходах-пассажах во внутренние дворы. Стилистически разнообразные, в постмодернистском духе, варианты порталов — от готики до нейтральной классики — сделали узнаваемыми отдельные участки комплекса, невзирая на вполне жесткую и «гомогенную» решетку плана. В итоге, внушительный офисно-торговый центр в чрезвычайно насыщенном историческом средоточии города стал органическим и необходимым дополнением самого древнего даун-тауна Киева.

A+C № 1 '2008, № 2–3 '2011

3|21

ВОКЗАЛИ ТА ХМАРОЧОСИ СЕРГІЯ ЮНАКОВА

ЮНАКОВ И ДИНАСТИЯ

С ВОКЗАЛОМ ПО ЖИЗНИ

ЮЖНЫЙ ВОКЗАЛ

ЗАЧЕМ ВВЕРХ

ВЫСОТКА В ДОМЕ ПРОЕКТОВ

БЕСТ-ОЛВИС, ИЛИ CHICAGO

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ НЕБОСКРЕБ

НОВАЯ ПРИВОКЗАЛЬНАЯ

НА ДНЕПРОВСКИХ СКЛОНАХ

YUNAKOV | ARCHITECTURE | CONSTRUCTION

ЮНАКОВ И ДИНАСТИЯ

Патриарх династии Сергей Юнаков родился в Бориславе Львовской области. Окончил архитектурный факультет КИСИ в 1976 году. Его сыновья Фёдор (1978) и Иван (1983) в буквальном смысле пошли по стопам отца, закончив тот же факультет того же института.

Yunakov | Architecture | Construction — группа проектных компаний, учрежденных и возглавляемых архитектором Сергеем Юнаковым, членом-корреспондентом УАА, лауреатом Госпремии Украины в области архитектуры (2003), преподавателем и архитектором с более чем тридцатилетним стажем. Собственная мастерская основана в 1991 году. Мастер придерживается правила: не работать по принципу «чего изволите». Уверенно входит в первую десятку архитекторов Украины.

Среди работ в Киеве: реконструкция комплекса станций Киев-Пассажирский, церкви Св. Георгия Победоносца на Новой Привокзальной площади возле Южного терминала, реконструкция универмага «Украина», административного здания Соломенской районной государственной администрации, реконструкция Севастопольской площади, застройка территории «Ленинской Кузни», реконструкция Харьковской площади, станция метро «Дорогожичи», корпус Юридического факультета МАУП, Подольское отделение Проминвестбанка по ул. Братской, Школа искусств на Троещине, офисный центр «Оптима» на бульваре Леси Украинки и многое другое.

A+C № 4 '2006, № 4 '2007

Архітектор Сергій Юнаков

С ВОКЗАЛОМ ПО ЖИЗНИ

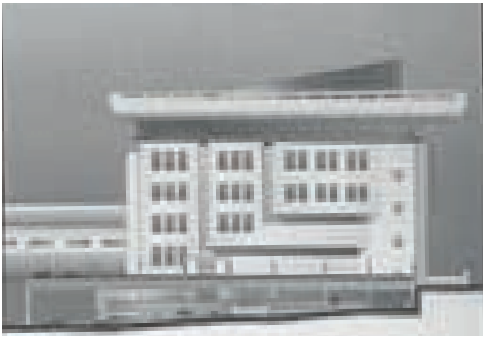
Проснуться знаменитым — не только из жизни кинозвезд. С архитекторами тоже случается. Когда завершением ударных строек «десятилетки» столица отмечала юбилей Независимости, киевляне знали, что среди прочего в списке числится обновленный вокзал, и тихо радовались, видя, как преображаются знакомые здания привокзальной площади. Но не догадывались, что главные события станции Киев-Пассажирский происходят за мостами, путями и заборами. И когда во всем великолепии предстал Южный терминал и новая площадь с церковью, реакция публики была восторженной. Тогда и прозвучало во весь голос имя Сергея Юнакова.

Архитектором Сергей постановил быть лишь в десятом классе — «просто очень нравилась профессия». Студентом КИСИ стал со второго захода, после напряженных дополнительных занятий. Сергей Фёдорович тепло отзывается об институтских учителях: М. Ф. Евстифееве, Ю. Ф. Ларкине, В. М. Свидерском и Е. Н. Бавыкине. Настоящими наставниками считает коллег по Киевпроекту, куда пришел после окончания института. Сперва это был Эдуард Бильский, под руководством которого Сергей Юнаков занимался благоустройством массива Виноградарь, а затем Вадим Жежерин, с которым он работал над застройкой улицы Косиора, Южной Борщаговки, среди которых примечательный объект кафе «Львівське» на Полтавской. Работу с мэтрами Юнаков считает одной из главных удач жизни.

Став к 1987 году гапом, разработал проекты строительного техникума на ул. Стадионной и гостиницы на просп. Корнейчука (не реализованы). Настоящая удача — Народный банк по ул. Артёма 17, был заморожен в 1993-м, в нынешнем 2003-м, похоже, будет достроен (достроен лишь в 2016. — *Б. Е.*). А еще была насосная станция на Кургановской 4, отделение Проминвестбанка по ул. Братской, жилой дом для санатория Кабмина в Конча-Заспе и Школы искусств на Троещине.

Южный терминал Киев-Пассажирский, ул. Ползунова

архитт. Сергей Юнаков, Ирина Чёрная, Николай Хряпа, Тамара Малевич, 2001



Южный вокзал, боковой фасад

Западный павильон

Плох тот солдат, который… Вот и Юнаков постоянно искал дело жизни, принимая участие во всевозможных архитектурных конкурсах. Так в творческую биографию архитектора вошла вокзальная тема. Судьба давно подавала знаки — и место службы родителей, и начало трудовой биографии архитектора и даже подготовительные курсы так или иначе имели отношение к железнодорожному ведомству. Конкурс на проект «Западного павильона киевского железнодорожного вокзала для обслуживания интуристов» был объявлен после того, как главный архитектор Киева Н. Л. Жариков решительно забраковал проект, разработанный по заказу МПС СССР институтом Киевгипротранс. По итогам состязания проект команды Юнакова был признан лучшим.

Строительство «павильона» предполагалось развернуть именно там, где позднее вырос Южный терминал. С подачи Н. Жарикова удалось убедить заказчика увеличить пропускную способность павильона с одной до 2,5 *тыс*. пассажиров и расширить функции, частично решив актуальную для Киева вокзальную проблему. Тема творчески стала более привлекательной. Концепция предусматривала реконструкцию привокзальной площади со сносом ветхих сооружений в районе т. наз. Железнодорожной колонии, строительство новых зданий, формирующих площадь, и транспортную развязку, объединившую Воздухофлотский проспект с улицей Урицкого.

В 1989 году было начато строительство: сваи, ростверк, стены, переход, соединяющий старое здание вокзала с новым… Но тут случился кризис начала 1990-х. Мерзость запустения царила здесь целое десятилетие. Весной 2000 года Госадминистрацию ж/д транспорта Украины не возглавил Георгий Николаевич Кирпа, до этого командовавший Львовской железной дорогой. Новый гендиректор «Укрзалізниці» начал свои знаменитые реформы с реконструкции вокзала Киев-Пассажирский. Следовало привести главный вокзал города к международным нормам и сформировать новую привокзальную площадь с южной стороны станционных путей. Здание Южного терминала призвано было отвечать статусу европейской столицы. Кирпа предложил Юнакову, тогда руководителю мастерской № 19 ОАО Киевпроект, сделать эскизы: потянет ли его команда столь ответственную работу? В ответ прозвучало решительное «да».

Образ Южного вокзала родился из любви к фантастике. Автор комментирует: «Я поклонник стиля хай- тек, и мне хотелось подчеркнуть новизну здания, преподнести его как космический сюжет. Отсюда «оторванная» от основного объема крыша, как летающая тарелка на взлете. В первоначальном варианте эта аналогия была очевиднее, но два года назад такой ход было трудно осуществить технически, решение пришлось упростить. Зато великолепно сработал М.І.К Шорр: вечернее освещение подчеркивает изначальный замысел, здание выглядит парящим над площадью». Как бы там ни было, начальнику «Укрзалізниці», мечтавшему, чтобы новый вокзал отвечал реалиям XXI века, идея понравилась. Архитекторы попали в яблочко и стали с нетерпением ждать «отмашку».

Штурм

В марте 2001 года было принято решение о начале строительства. Юнакову и трем его верным соратницам пришлось покинуть родной Киевпроект и перебраться поближе к вокзалу — на улицу Коминтерна, в Киевгипротранс. Институт-генпроектировщик принял коллег с распростертыми объятиями, создав необходимые условия для работы. Срок ввода нового вокзала в эксплуатацию был

обозначен августом 2001 года (десятая годовщина Независимости). Напряженную работу архитектор вспоминает как счастливый период жизни, несмотря на жесткий график и вполне объяснимые трудности: «Поначалу шел на оперативки, как на Голгофу. Управляющий Трестом № 6 Киевгорстроя Иван Ефимович Даниленко выводил меня на площадку, показывал на сотни томящихся от безделья рабочих и говорил: где чертежи? Отдам должное холдингу, они прекрасно организовали строительный процесс. Сетевой график во всю стену. Абсолютно были уверены, что всё успеют. Работа заладилась как песня, такое бывает раз в жизни. Хотя пахали день и ночь без выходных, но это не стало каторгой».

Главная трудность заключалась в необходимости оторваться от преследовавших по пятам смежников и рвущихся в бой строителей, требующих чертежи. Строительство велось с листа. Ежедневные оперативки в семь утра и ночные совещания задали совершенно иной ритм жизни, которому архитектор невольно подчиняется и сегодня. Юнаков не устает повторять добрые слова в адрес всех соучастников: «Это была ударная стройка, как Днепрогэс. Все рады были подставить плечо и протянуть руку помощи, начиная от заказчика и Главкиевархитектуры, заканчивая пожинспекцией. Все понимали, этой стройкой Украина демонстрирует свой потенциал. Лучшие специалисты готовы были дать исчерпывающие консультации по любым техническим вопросам прямо на стройплощадке».

Особенно тепло Юнаков отзывается о коллегах. К началу строительства в проектной группе было всего три человека: Ирина Чёрная, Галина Тимощук, Тамара Малевич. Ситуация обострилась, когда подошел черед проектирования паркинга. Настоящей находкой стали студентки-практикантки, между делом защитившие диплом и оставшиеся работать в коллективе: Оксана Сергейчук и Ольга Музыченко. В ходе работ женский коллектив дополнили Виталий Долинный и Николай Хряпа. В числе тех, кто ковал победу, Юнаков обязательно упоминает киевпроектовцев Александра Петровского, Надежду Зуб, Алину Осипову, Людмилу Машеренкову и особенно Владимира Воробьева, главного разработчика транспортной организации площади.

Южный вокзал, вид с паперти новой вокзальной церкви Св. Георгия

В разгар боев за вокзал из «ставки» просочилась информация, мол, главнокомандующий мечтает о капличке при вокзале, дабы православные могли помолиться накануне путешествия. На совещании с городским головой, отвечая на вопрос о том, где можно было бы поставить церковь, архитектор уверенно указал место на возвышении рядом с площадью. Но Кирпа молча положил свою руку на указку и плавно переместил ее вниз, пока она не уперлась в центр площади. Церковники тоже проголосовали за центральное расположение.

17 апреля 2001 года состоялся молебен и закладка камня в основание храма. И снова Кирпа задал Юнакову сакраментальный вопрос: осилите? И снова в ответ уверенное «да», хотя опыта проектирования сакральных сооружений не было: «В свое время я неоднократно отказывался от подобных предложений, по простой причине: наша православная церковь больна традиционализмом, — комментирует Юнаков. — Хоть я и не специалист в этой сфере, мне кажется, что храм, как и любое здание, должен соответствовать эпохе. Конечно, и сегодня строят церкви с наворотами XVII века. Но это смешно. Посмотрят наши потомки на фото через двести лет и не смогут

Южный вокзал, интерьер

архитт. С. Юнаков, И. Чёрная, Н. Хряпа, Т. Малевич, Г. Тимощук, 2001

определить, когда же храм был построен. Греко-католическая церковь строит соборы по всему миру в современных формах, римско-католическая — вообще "отвязанные". И верующим нравится. А у нас воспроизводятся исторические образцы. Я видел задачу в том, чтобы создать прецедент, чтобы те, кто будет строить после нас, могли смело следовать современным тенденциям».

В основу проекта храма Георгия Победоносца легла идея львовского архитектора Романа Сивенького, давнего знакомого Георгия Кирпы. Дополненная и переработанная в соответствии с революционным замыслом Юнакова, она была воплощена новаторски: кирпич как отделка и открытый металл, что позволило сократить сроки и вести монтаж с колес. Архитектор волновался, как поведет себя металл акустически. Но 13 декабря 2001 года во время освящения престола храма Митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром сводный церковный хор звучал божественно. В этом году к Пасхе купол

Южный вокзал

Проект и реализация светодизайна М.І.К Шорр, 2001

Реконструкция уивермага «Украина»

архитт. Сергей Юнаков, Ирина Чёрная, Николай Хряпа, Галина Тимощук и др., 2002–2003

позолотили, а интерьер расписали и украсили витражами львовские мастера. Рядом выросла модерновая колокольня, сработанная Юнаковым по заказу Кирпы в один присест, несмотря на то, что в самом разгаре были работы по универмагу «Украина».

Show Must Go On

Не успев отойти от вокзальной эпопеи, мастерская получила предложение от недавнего партнера, холдинга Киевгорстрой, принять участие в международном тендере на реконструкцию универмага «Украина». В свое время владелец контрольного пакета акций АО Универмаг «Украина», американская компания NCH, заказала А. Комаровскому разработку концепции нового торгового предприятия с вместительным паркингом, позднее переработанную неким американским Лейбманом. Эта концепция и была представлена на тендер, в которой победили Киевгорстрой и С. Юнаков. Сегодня здание построено и ждет арендаторов. Но подоспела интерьерная коллизия: «Мы вытащили на своих плечах самый ответственный объем работ, а на разработку интерьеров заказчик начал нанимать кого ни попадя. В итоге нарушено единство внутреннего пространства, иллюстрация — входная группа с фонтаном», — сокрушается архитектор.

Стараниями архитектурной студии «С. Юнаков» и возглавляемого им Управления Киевпроект-6 окрестности вокзала продолжат чудесное преображение. На территории завода «Ленинская кузница», рядом с ул. Толстого и над Северными платформами у здания почтамта возникнет ряд масштабных ТРЦ, все объекты активно проектируются. Сегодня Юнаков намерен реконструировать и еще одни городские ворота — аэропорт «Жуляны». Гендиректор аэропорта Василий Момот всячески поддерживает стиль работы и современный подход Юнакова к делу.

Ирина Ковальчук
А.С.С № 4 '2003

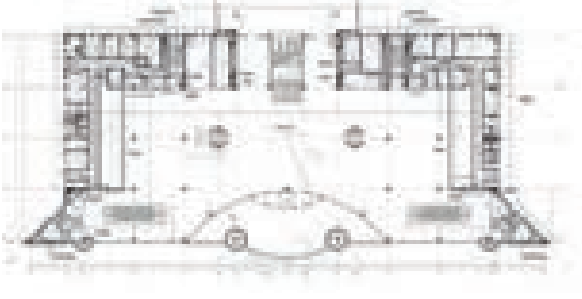
ЮЖНЫЙ ВОКЗАЛ

В 1990-е Укрзализныця пришла в полный упадок. И лишь к X юбилею Независимости, благодаря организаторским умениям тогда еще не «застрелившегося» министра транспорта Георгия Кирпы, ее движимый и недвижимый состав стал ударными темпами обновляться. Строительство нового терминала киевского вокзала с начала проектирования до сдачи в эксплуатацию заняло всего 175 дней — Книга рекордов Гиннеса. Мощный козырек, почти Роншан, симпатичный атриум и нарочито машинный облик — как и положено паровозу!

Здание «Южного вокзала» — киевский хай-тек: металлический каркас, навесные алюминиевые витражи, высокотехнологичное материалы и конструкции, высокие технологии строительства. Заказчик нас ни в чем не ограничивал, поэтому появилось самое современное техническое обеспечение. Да, здесь нет отечественных поставщиков, пока, но вспомните, так же было с мебелью. Это сооружение — необходимая ступень, живой пример для будущего проектирования, на этом можно учиться, это можно обсуждать. Я доволен тем, что получилось, такой случай выпадает, может быть, раз в жизни: работа в состоянии сжатого времени, чтобы с листа и сразу на стройку. Здание получилось на одном дыхании, невымученным, хотя мы пахали день и ночь, почти без выходных. Заказчик на нас не дышал и условия создавал. Это была эмоциональная творческая работа!

Сергей Юнаков

А.С.С № 7 '2001, № 6 '2003, А+С № 3–4 '2012



Южный терминал Киев-Пассажирский, ул. Ползунова

архитт. Сергей Юнаков, Ирина Чёрная, Николай Хряпа, Тамара Малевич, 2001

ЗАЧЕМ ВВЕРХ

Любой город развивается в своем времени. И Киев будет расти вверх, эта судьба его не минует. Но высотки не должны вступать в противоречие с рельефом и существующей застройкой. Градостроительный аспект не менее важен, чем силуэт и композиция.

Мне очень нравится дом Комаровского на Мечникова, он мог бы украсить Киев, но то, как он посажен, вызывает сомнения: он вылез на тротуар, перед ним нет площади, курдонера, который позволял бы к нему подойти и сделать удобнее его эксплуатацию. Это лишний раз подчеркивает, что решающим фактором, стимулирующим рост города в высоту, является стоимость земли. Некоторые исторические города категорически отказались от строительства высоток. Но пример Франкфурта-на-Майне, возродившегося после Второй мировой, свидетельствует в пользу высоток. Они выстроились там в такой интересный букет, что без них город потерял бы свою прелесть.

Высотки хороши как композиционные визуальные точки, которые служат координации человека в пространстве. Но высотное жилье вряд ли оправдано. Хотя жить в элитном доме, допустим, в Одессе и не видеть из окна моря — обидно, поэтому высотки будут всегда.

Усилия инвестора должны быть направлены в первую очередь на обеспечение безопасности. Мы тесно работаем с пожарной инспекцией, чтобы для каждого конкретного случая отработать полный комплекс необходимых мероприятий. Сюда входит и такое требование, как наличие пожарного депо в радиусе двух километров от объекта, что соблюдается далеко не всегда, но это зависит, увы, не от архитектора. Глубоко убежден, что все пожарные нормы написаны кровью, поэтому соблюдать их нужно безоговорочно.

Сергей Юнаков
A+C № 6 '2005

Многофункциональный «Грин-хауз» на ул. Киквидзе
архитт. Сергей, Фёдор и Иван Юнаковы, проект, 2007

ВЫСОТКА В ДОМЕ ПРОЕКТОВ

Высотка цилиндрической формы со стеклянным куполом запроектирована на месте недостроенного ФОКа внутри квартала, известного как Дом Проектов (штабквартира Гипрограда и Киев ЗНИИЭПа). На первом этаже вестибюльные группы, на втором — конференц-зал, на третьем — ресторан и фитнес-центр, с 4-го по 15-й — офисы, с 17-го по 22-й — гостиница, на верхних этажах — зимние сады, плюс подземный паркинг. Здание по вертикали разделено на противопожарные отсеки через каждые восемь этажей и обеспечено незадымляемыми лестницами и лифтами, часть которых ориентирована на подъем пожарных.

A+C № 6 '2005

Офисно-гостиничный комплекс бул. Леси Украинки 26

архитт. С. Юнаков, И. Юнаков, В. Овсянников, Н. Хряпа, Н. Семироз, проект, 2004–2005

БЕСТ-ОЛВИС, ИЛИ CHICAGO

Композиция из трех объемов. Высотный — из полированного стекла с тонированными вставками — служит доминантой, важным силуэтным акцентом, восполняя провал в застройке Большой Васильковской. Два меньших объема с эксплуатируемой кровлей и видовыми площадками облицованы жестким голландским кирпичем. На первых восьми этажах предусматрен офисно-деловой центр с рестораном и фитнес-центром, выше расположены жилые апартаменты с отдельным входом и лестнично-лифтовым узлом. Предусмотрен двухуровневый подземный паркинг.

А+С № 6 '2005

Офисно-жилой комплекс, ул. Б. Васильковская 44

архитт. Сергей Юнаков, Иван Юнаков, Юлия Жолкевская, проект, 2005

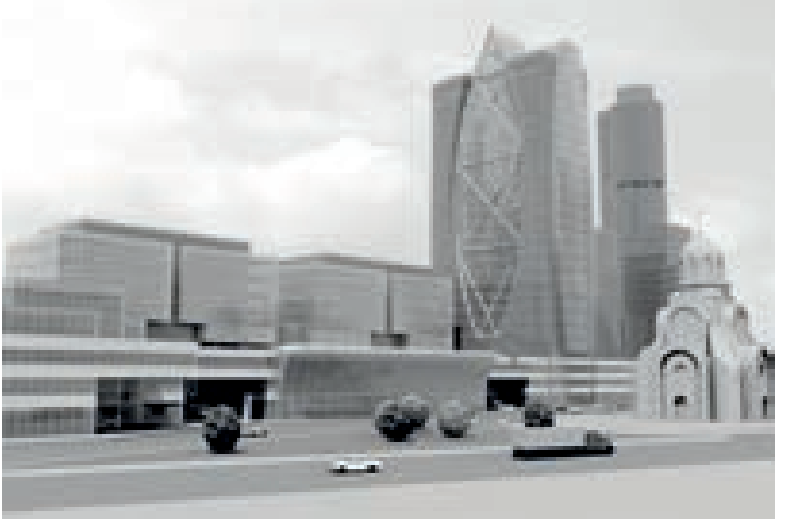
ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ НЕБОСКРЕБ

Проект реконструкции Харьковской площади предусматривает превращение ее в общественный центр межрегионального значения. Здесь предполагается строительство высотного многофункционального комплекса, включающего офисный центр, отель, банки, рестораны, магазины и прочие объекты городской инфраструктуры, а также сооружение транспортной развязки с ванто-вым мостом-путепроводом в интеграции с существующей станцией метро и новым автовокзалом дальнего сообщения. В центре развязки расположена пешеходная зона, связанная подземными переходами с окружающей городской застройкой и обрамленная объектами торговли и досуга, создающими шумозащитный экран и придающими комплексу визуальную выразительность.

A+C № 4 '2007, № 4 '2008

Бизнес-центр, Харьковская площадь, архитт. Сергей Юнаков, Иван Юнаков, проект, 2007

НОВАЯ ПРИВОКЗАЛЬНАЯ



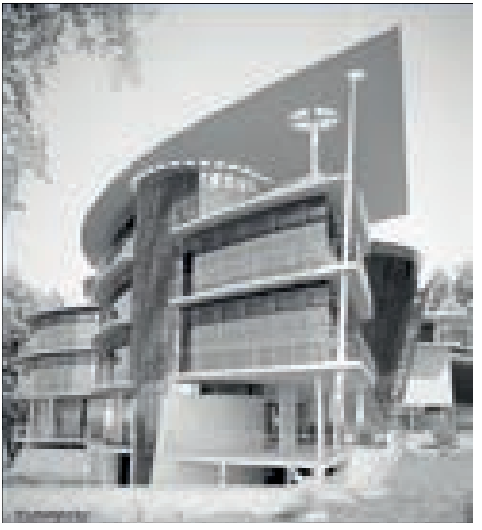
Гостинично-офисный комплекс по ул. Ползунова

архитт. С. Юнаков, И. Юнаков, М. Факас, И. Кошечкин, проект, 2005

Часть общей концепции реконструкции Привокзальной площади, комплекс включает офисные блоки, банк, автосалон, фитнесс-центр, ресторан, торговые залы. Оригинальная внутренняя пешеходная улица со светопрозрачным перекрытием проходит на отметке 4,2 *м* сквозь всё сооружение. Под проходом два уровня паркинга. Монолитный каркас высотки предусматривает витражное заполнение по принципу двойного фасада. В составе проекта содержится предложение по транспортной реконструкции Привокзальной площади

А+С № 6 '2005, № 4 '2007

НА ДНЕПРОВСКИХ СКЛОНАХ



Ресторанно-развлекательный комплекс на Парковой дороге

архитт. Сергей Юнаков, Юлия Жолкевская, Фёдор Юнаков, проект, 2006

Источником вдохновения проектировщиков послужил легендарный клубный ресторан «Динамо» архитектора Иосифа Каракиса. Четырехэтажный комплекс с открытой террасой на эксплуатируемой кровле рассчитан на состоятельную публику и включает несколько разноплановых ресторанов и набор увеселительных заведений. Архитектурно-пространственная композиция акцентирована элементом в форме перевернутого конуса. Стеклянный фасад отражает окружающую пастораль, объединяя комплекс с природой.

А+С № 4 '2007

YUNAKOV | ARCHITECTURE | CONSTRUCTION

Yunakov | Architecture | Construction — группа проектных компаний, учрежденных и возглавляемых архитектором Сергеем Юнаковым, заслуженным архитектором Украины, лауреатом Госпремии Украины в области архитектуры, членкором УАА, преподавателем и архитектором с более чем тридцатилетним стажем. Архитектурное бюро создано в 1991 году. Компания предоставляет полный цикл проектирования: предварительная экспертиза участка под строительство, последующая разработка всех стадий проектирования, согласование, разработка интерьеров и ведение авторского надзора. По примеру крупных проектных институтов компания создает и ведет архив научно-технической информации. При разработке проектной документации используются самые современные достижения и разработки не только в области проектирования и инженерии, но и в сфере IT-технологий.

Имея стратегический план развития и используя в работе технологии проектного управления, компания имеет четкую структуру бизнес-процессов, что обеспечивает требуемый срок и качество выполнения проекта. К своей работе компания привлекает на аутсорсинг только высокопрофессиональные лицензированные компании, такие как MEP-Ingeneering. Архитекторы мастерской постоянно изучают и осваивают опыт ведущих проектных фирм, повышают свой профессиональный уровень и внедряют последние достижения в разрабатываемые компанией проекты.

В сферу деятельности компании входит проектирование жилищных, офисных, торговых, гостиничных комплексов, административных и промышленных сооружений, коттеджей в Киеве и других городах Украины. Многолетний опыт сотрудничества компании с австрийскими, израильскими и американскими коллегами позволяет быстро и качественно осуществлять проектные работы, в том числе адаптивные проекты.

Офисный центр, ул. Военный проезд

группа проектных компаний Yunakov | Architecture | Construction, проект, 2012

Народный банк / банк «Надра» / Фонд гарантирования вкладов физлиц, ул. Артёма 15
архит. Сергей Юнаков, проект, 1992

A+C: Сергей Фёдорович, каковы, с вашей точки зрения, особенности проектирования в Киеве?

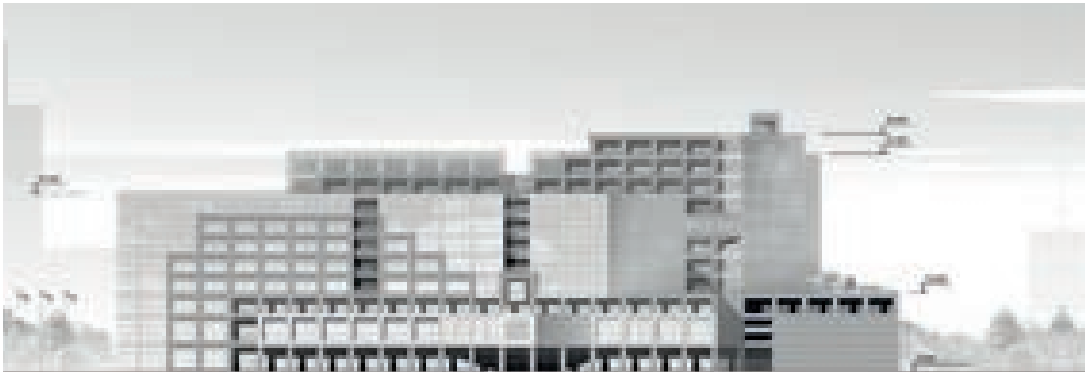
Сергей Юнаков: Когда я пришел молодым специалистом в Киевпроект, старшие товарищи употребляли выражение «это не киевская архитектура». В Киевпроекте нас учили двигаться от большого к малому, от градостроительной ситуации. Сначала решается градостроительный узел, от него переходишь к объекту. В зависимости от этой ситуации появляется и «одежка». Надо смотреть правде в глаза: есть современные материалы и современные требования, современная функция, и одежка должна соответствовать, как единое целое. Хотя в исторической среде или сложной в плане площадке обязательно надо брать во внимание то, что находится рядом.

То есть возможны реплики и качественные материалы?

Да, на Жилянской мы попробовали кирпич на большом здании.

Что вы можете сказать о достаточно новом доме, в котором находится ваша мастерская?

Когда его рассматривали на Градсовете, он был решен комплексно и, в общем-то, хорошо смотрелся. Была определена очередность строительства, но в процессе вносились изменения, каждый субпроектировщик добавлял что-то от себя, и получился не единый ком-



Офисный комплекс на бульваре Леси Украинки

группа проектных компаний Yunakov | Architecture | Construction, проект, 2002

плекс, а каскад доминант. Поэтому тут нет единой композиции квартала, сплошная какофония.

Этого в Киеве, увы, много…

Почему появляется безвкусица? Рабочие чертежи выполняются тремя-пятью архитекторами, которые, так сказать, не достаточно опытны. И каждый пытается выдавить из себя то, что он понимает. Поэтому когда вы поднимаетесь по лестнице, упираетесь в ужасную дешевую облицовку «под камень». Конечно, это экономия материалов, замена одних на другие. Где-то силикатный кирпич, где-то красный. А потом вообще забыли о кирпиче, перешли на штукатурку. В результате, «маємо, шо маємо».

Сколько объектов сейчас в работе мастерской? Я насчитал более двадцати.

Практически все заморожены. Сейчас будет начато строительство на бульваре Леси Украинки, офисное здание.

Реанимируется ли стройка, по вашему проекту, очень интересного конторского здания (сейчас оно называется банк "Надра") на углу ул. Артёма и Обсерваторной?

В 2007 году его должжны были завершить, потом здание готовили к сдаче в 2008-м, собирались финишировать в сентябре. Но в июне

Офисный комплекс «Корвет»

группа проектных компаний Yunakov | Architecture | Construction, проект, 2012

Ленинградская площадь

группа проектных компаний Yunakov | Architecture | Construction, проект, 2008

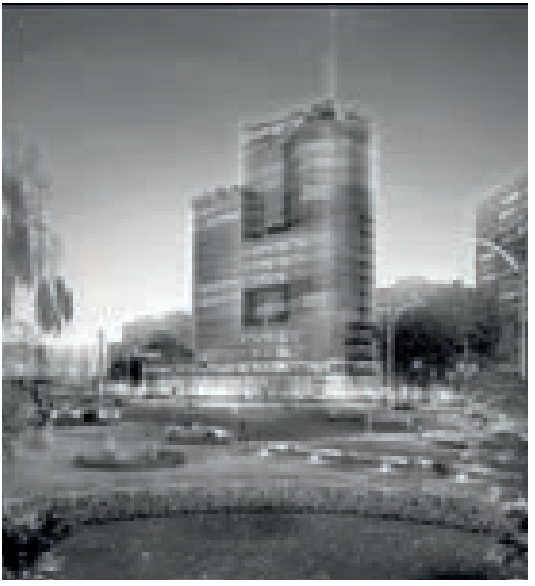
товарищи всё бросили. Полностью было установлено инженерное оборудование, но охрану не поставили, и за несколько лет всё раскурочили, провода сорвали. На миллионы долларов!

Вот уж точно, как на вулкане.

Только последний инвестор, который купил квадратные метры, поставил охрану. Тем не менее, мне этот объект очень нравится. В свое время я был почитателем Гауди, это пластика.

Однако по масштабу банк из прошлого времени, сейчас бы его вытянуть в полтора раза в высоту…

Конечно. Ну, вписывались в окружающую застройку. Вход можно было бы сделать выше. И высота этажа там все-таки 3,30. А 3,60 не разрешалось. В те времена многое не разрешалось… Он начал проектироваться в 1988 году, двадцать четыре года тому назад. Тогда действовали советские нормы, поэтому все, о чем вы говорите, было жестко. Было черным по белому написано: если площадь помещения до 100 *м*, то высота от пола до потолка должна быть такая-то. Не говоря о том, что надо было пройти технический отдел: расход цемента, металла, дерева ограничивался. А Министерство среднего



Торгово-офисный центр «Ленинград», Ленинградская площадь

архитт. Сергей Юнаков, Фёдор Юнаков, Иван Юнаков, проект, 2009

машиностроения! Надо же было проплатить все их услуги, сделать бомбы и ракеты. А тут какие-то архитекторы!

Что еще следует упомянуть за минувшие двадцать лет? Помню, был ресторан на Парковой аллее…

Опять же 2008 год. Будет ли реанимация, трудно сказать, поскольку рядом построена т. наз. «вертолетная площадка Януковича». Мой заказчик по Петровской аллее, когда я ему сказал, что там что-то роют, говорит: не может быть! Именно на этом пятне ресторанчик должен был быть. Сейчас там механизмы.

Как вы относитесь к новому высотному дому, построенному рядом с Дворцом пионеров?

Считаю, что это преступление. На верхней кромке, прямо к обрыву поставлена гигантская бесформенная масса… Вспомните «Салют» А. Милецкого. Да, ему не дали построить высотный объем, урезали. Представьте, если бы дом Милецкого был построен в проектном варианте! Это была изящная вещь. И теперь эту изящную вещь наложите на этот объект на кромке…

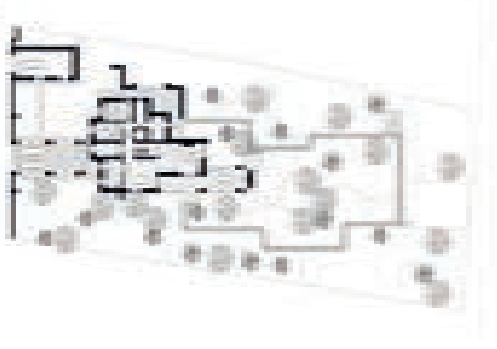
Какие ваши работы наряду с Южным вокзалом можно назвать наиболее удачными?

Петровская аллея, мне этот объект тоже очень нравится. На одном дыхании был запроектирован, и если б мы его построили… Еще бы я отметил комплекс на ул. Ольшанской на Печерске, градостроительно правильный, рядом ботсад. Интересный объект «Аэропорт-сити», первую очередь начинаем строить. Это австрийские деньги, заказчик доктор Макулан. Комплекс был очень мощный, он вначале был на 350 *тыс. кв. м.* После начала кризиса вдвое сократили. Дарницкий вокзал, это был тендер между восемью компаниями, победили мы. Я хорошо помню момент, когда Кирпа пожал мне руку и сказал: «Проектировать будешь ты». Это было перед майскими праздниками, а на праздники мы всей мастерской уехали отдыхать. Возвращаемся, и мне вдруг сообщают в Гипротрансе: «Вместо того, чтобы работать, Юнаков поехал отдыхать, поэтому объект отдан Бабушкину».

Если сравнить ситуацию проектирования в небольшом городе и в Киеве, то…

Жилой комплекс «Гринвиль», ул. Глубочицкая 28/21

архитт. Фёдор и Сергей Юнаковы, проект, 2016–2017



Коттедж «Олл'Райт» в Буче под Киевом

архитт. Иван Юнаков, Андрей Карпов, Ярослав Катрич, 2014–2016

До чего хорошо было проектировать в Киеве раньше, в советское время, и до чего сложно проектировать в нынешнее. Небо и земля. В основном из-за согласований. Раньше была ответственность. Каждый архитектор отвечал за то, что делал. Ты понимал, что работаешь в большом городе и отвечал за этот город. Кто сейчас более-менее серьезно работает? Те, кто вышел из советского времени. Несчастье Киева заключается в том, что им управляют некиевляне. То львовский клан, то днепропетровский, то донецкий… Киевского же клана нет.

Зато есть архитекторы.

Инвесторов и заказчиков нет. В советское время архитектора учили: ты генератор идей. В то время кто был заказчиком? Совмин, ЦК, ГлавУКС, министерства и ведомства. Во всех этих конторах были профессионалы высочайшего уровня. Но они в творчество архитектора не вмешивались. Могли себе позволить лишь ЦК и Совмин… Но когда с обеих сторон профи, то получался профессиональный продукт. В итоге в рыночную экономику мы пришли с убеждениями, что мы носители гениальных идей. Но во всем мире носитель идеи тот, кто заказывает. Поэтому наши тонкости по поводу Киева их совершенно не интересуют. Их интересует только максимальное количество квадратных метров. И получается, что местного патриотизма, как в Днепропетровске или во Львове, нет. А есть интернациональный караван-сарай.

Даже трудно вспомнить мэра-киевлянина, необязательно чтобы здесь родился, хотя бы образовывался?

И лет тридцать-сорок поработал… Но всё равно появляются и оседают люди, которые вникают в ситуацию, потом влюбляются в город и натурализуются. Во втором поколении они уже патриоты.

А+С № 3–4 '2012

ПІСЛЯМОВА

«Тому що Париж був порченим містом. Це вже почалося століття тому, коли прийшла "чорна смерть" і вбила майже половину його жителів. Тепер процес розпаду зайшов ще далі. А найстрашніше те, що не зважаючи на проказу, голод та війни, Париж виріс наче будяк». Це цитата з роману Е. Резерфорда «Париж», про стан міста в 1462 році. Запитаєте, до чого тут Париж? Справа в тім, що в кожного пречудового двохтисячорічного міста бувають періоди занепаду, кризи і водночас бурхливого зростання. Зараз щось подібне діється із Києвом.

Загальним місцем в міркуваннях наших містобудівників лунає сентенція про те, що і архітектори, і держава втратили регулятивну функцію на загальному рівні. Найбільший спротив викликає Закон про містобудування, ось коментар з цього приводу гендиректора інституту Міськцивільпроект Євгена Ліщанського: «Про звершення на тлі загального зубожіння і занепаду промовчимо. Порівнюючи з ситуацією на початку Незалежності, ми йдемо сходами, що ведуть вниз. За ці роки втрачено контроль за містобудівною діяльністю. Відомо, що дорога до пекла вимощена добрими намірами. Це в значній мірі стосується Закону "Про регулювання містобудівельної діяльності". В просторіччі "Закон 3038", прийняли його з найкращими намірами 2011 року. Втім аби він працював, потрібні засоби реалізації, яких, на жаль, практично немає».

Те ж саме можна сказати про «Схему розпланування території України», що була розроблена в Діпромісті на початку 2000-х (Ю. М. Білоконь, В. І. Нудельман та ін.). Схема не працює, тому що містобудівельно-розпланувальну діяльність понизили до рівня місцевих рад, де накопичуються жахливі рішення. Так сільради на території прилеглої до Києва масово переводять сільськогосподарські землі під селитьбу.

Сільгосп-ділянки, переведені в категорію міської забудови, практично дорівнюють площі всієї забудованої частини Києва. З точки зору містобудівника, навіть неможливо уявити, що станеться, якщо вся ця земля буде освоєна під забудову: «Ми вже відкрили клапан або скриньку Пандори. Вже видані дозволи на безліч мікрорайонів і кварталів — більш ніж півтори сотні котеджних містечок навколо Києва! Як правило, вони запроектовані без повноцінної соціальної інфраструктури і не прив'язані до існуючих населених пунктів. Де відірвали шмат землі, там і будують!»

Аби подолати кризу архітектурного цеху, необхідно форсувати самоврядування професії — такою є позиція Національної спілки архітекторів України. Багато питань, що регулюються зверху, мають вирішуватись професійно. Наприклад, українські розцінки на проектування складаються в Мінрегіоні, там же їх і стверджують. Спілку архітекторів не залучають навіть для експертизи. В результаті у Великій Британії вартість проектування в десять-дванадцять разів дорожча, ніж в Україні, в Німеччині — вшестеро. Звідси і якість архітектури, і стан архітектора в суспільстві.

На думку президента НСАУ Володимира Гусакова, таке ставлення до архітектора стає можливим, коли втрачається необхідність у використанні професіоналів: «Першу скрипку починає грати клановість і речі значно брудніші. Маса людей займається не своєю справою. Адже в архітектурній сфері дуже важливим є принцип професійного відбору. Суджу по собі, я ніколи не став би головою Держбуду, якби шість років не керував проектним інститутом. Директором не став би, якби до того не керував майстернею, відділом тощо. Ціла категорія людей, які повчились менеджменту, з якимись теоретичними уявленнями і без будь-якої професії, довгий час користувались у нас попитом. Коли 2003 року я пішов працювати до однієї київської корпорації, там таких було за двадцять. Їх ставлять топ-менеджерами проекту над архітекторами. В проекті вони нічого не розуміють. Але якщо людина не знає предмету, "досвід менеджменту" не допоможе. Поступово більша частина з них відпала, але деякі пішли вище. Врешті такий міністр боїться навіть розмовляти з підлеглими. Непрофесіоналізм стає нормою на державному рівні».

І наприкінці спеціальна тема — столичний статус Києва. З цього приводу характерною є думка харківського методолога, архітектора та педагога Олександра Буряка: «Куди привабливіша перспектива — мати якщо не сім столиць (окрім Києва ще Харків, Донецьк, Дніпро, Запоріжжя, Одесу та Львів), то хоча б сім міцних і динамічних метрополій, а може й дюжину — плюс Луганськ, Маріуполь, Ужгород, Чернівці та Сімферополь. Є історичний приклад Німеччини, є мудрий голландський досвід міської політики, потрібні політична воля і спеціальні знання». Все вірно, зважаючи на те, що текст був писаний 2013 року.

Чи потрібна Києву столиця? В цьому відношенні мені близька позиція відомого киянина і вщент творчої людини, Івана Семесюка: «Тільки паскудять своїми державотворчими міазмами. Пропоную ввести таку форму правління — безстоличну. В кіровоградському лісостепу, подалі від селищ, будується бетонований куб з кімнатами. Без балконів і вікон. Туди проводяться всі комунікації, всілякі там дроти, шланги, пневмо-пошта, труба з рідкими харчами і труба на кал. Заганяється туди вся парламентсько-міністерська пиздота, і хай роблять. Раз на тиждень вологе прибирання. Раз на рік — зарплатня. Одяг видавати так. Пиво тільки по святах. Рогань».

Радикальне рішення. І пан Зеленський був майже в кроці від нього, та не зміг. Але оскільки програми регіонального розвитку можуть народжуватись і реалізовуватись тільки на місцях, продвинути їх в стані лише сильна і незалежна муніципальна влада.

А Київ дійсно був би значно кращим, без міазмів.

Борис Єрофалов-Пилипчак

22.08.2020, Олегова гора

Літературно-художнє видання

Борис Леонідович ЄРОФАЛОВ-ПИЛИПЧАК

АРХІТЕКТУРА НЕЗАЛЕЖНОГО КИЄВА
СТОРІНКАМИ АРХІТЕКТУРНОГО ЧАСОПИСУ А.С.С | А+С
Том ІІ. Майстри бетону та гіпсокартону

Українською та російською мовами

Графічна концепція: Андрій Шалигін
Дизайнер: Владислав Каленський
Випускаючий редактор: Олена Ненашева
Системний редактор: Олександр Червінський
Коректор: Андрій Пучков

Формат 140 x 210 *мм*, умовних друкованих аркушів 64. Вид. № 63.
Видавничий дім А+С, свідоцтво ДК № 2270 від 25.08.2005.
01001 Київ, вул. Бориса Грінченка 7, тел. (+38044) 2781311, www.nsau.org
Друк: СПД О. О. Лопатіна, свідоцтво ДК № 5317 від 03.04.2017.
тел. (+38044) 5013670, www.publishpro.com.ua

Printed in Ukraine